

NEW YORK TIMES BESTSELLER

Удивительная книга, одна из лучших для понимания
человеческой культуры и жизни на Земле.

New Scientist

ЗА ГРАНЬЮ СЛОВ

О ЧЕМ ДУМАЮТ
И ЧТО ЧУВСТВУЮТ
ЖИВОТНЫЕ

КАРЛ САФИНА

Annotation

Традиционно люди отказывались признавать, что у животных есть сознание, что они умеют любить и горевать, что они способны к эмпатии. Человек приписывает эти качества только себе. Склонный к самолюбованию, он считает остальных представителей живого мира лишь материалом для удовлетворения своих потребностей.

Знаковая книга Карла Сафины основана на десятилетиях полевых наблюдений и захватывающих открытиях в области нейробиологии. Это внимательный взгляд неравнодушного ученого на поведение животных, вызов устаревшим представлениям об их эмоциях и жизненном укладе. Пункты большого путешествия – Национальный парк Амбосели (Кения), Йеллоустонский национальный парк, холодные воды северо-западной части Тихого океана. Слоны, волки, дельфины и косатки – герои увлекательного и поучительного рассказа о нравах и чувствах обитателей саванны, лесов и морей. Их поведение заставляет задуматься о месте человека в мире, о том, имеет ли право он считать себя мериллом всех вещей и самым совершенным творением природы.

-
- [Карл Сафина](#)
 -
 -
 -
 - [В разрезе разума](#)
 - [Часть первая](#)
 -
 - [Вопрос вопросов](#)
 - [Наш общий мозг](#)
 - [Чисто по-человечески](#)
 - [В глубинах подсознания](#)
 - [Наша дружная семья](#)
 - [Ой, мамочки!](#)
 - [Родительские права слонов](#)
 - [Эмпатия по-слоновьи](#)

- [Горе горькое](#)
- [Хотел бы в единое слово...](#)
- [Слова, слова, слова](#)
- [Удержать или отпустить](#)
- [Буйные головы](#)
- [Ebony and ivory: черное дерево и слоновая кость](#)
- [Откуда берутся слонята?](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Назад, в плейстоцен\[46\]](#)
 - [Идеальный волк](#)
 - [Стайное чувство](#)
 - [Ее звали Ноль-Шестая](#)
 - [Нарушители конвенции](#)
 - [Время перемирия](#)
 - [Прекрасные отверженные](#)
 - [Ворон к ворону летит](#)
 - [Волчья песнь](#)
 - [Одинокое сердце охотника](#)
 - [Воля к жизни](#)
 - [Домашняя прислуга](#)
 - [Два конца одного поводка](#)
- [Часть третья](#)
 - [Неразумная теория](#)
 - [Секс, ложь и ревнивые птицы](#)
 - [Самодовольство и обман](#)
 - [Конфузы и странные идеи](#)
 - [Свет мой, зеркальце](#)
 - [Кстати, о нейронах](#)
 - [Древний народ](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Владыка морей](#)
 - [Убийца – сложное создание](#)
 - [Сексуальные гиганты](#)
 - [Другое зрение](#)
 - [Разные разумы](#)
 - [Интеллект, но какой?](#)
 - [Социальный мозг](#)

- [Чудеса!](#)
- [Желание помочь](#)
- [Не беспокоить](#)
- [Любить и беречь](#)
- [Яркая индивидуальность](#)
- [История могучего видения](#)
- [Эпилог. Последний штрих](#)
- [Библиография](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
-

Карл Сафина

За гранью слов: О чем думают и что чувствуют животные

Carl Safina

Beyond Words. What Animals Think and Feel

© 2015 by Carl Safina

© Новицкая О., перевод на русский язык, 2017

© Гольдберг Ю., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

КоЛибри®

Превосходно, убедительно... «За гранью слов» – мудрый, страстный рассказ о животных как уникальных личностях, об их жизни и взаимоотношениях, а в конечном счете – о месте человека в этом мире. Книга доктора Сафины – подлинное сокровище, по-явившееся весьма своевременно.

Psychology Today

Карл Сафина показывает, что мир вокруг нас полон разумной жизни. Шаг за шагом увлекаая за собой и изумляя, автор заставляет каждого из нас пересмотреть свое отношение к другим живым существам и к самому себе.

Элизабет Колберт, лауреат Пулитцеровской премии

Крайне редко выходят в свет книги, в которых удачно сочетаются яркий стиль и обезоруживающие факты, освещаются важнейшие и в то же время необычайно увлекательные темы. «За гранью слов» Карла Сафины, ученого, отмеченного стипендией Макартура и литературной премией Лэннана, – одна из таких достойных книг.

Сьюзан Шухан, Washington Post

Превосходно написанный, вызывающий глубокие эмоции рассказ человека, своими глазами наблюдавшего за жизнью животных в природе.

Discover Magazine

Завораживающая история и в то же время глубокое, научно обоснованное доказательство родства всех живых существ на Земле.

Kirkus Reviews

Эта книга богата наблюдениями и удивительными впечатлениями от путешествий, она полна любви и уважения к животным. Потрясающий и очень поучительный рассказ о том, как мы относимся к ним и как они относятся друг к другу.

Франс де Вааль, эколог

Посвящается людям, которые живут на этих страницах. Тем, кто умеет смотреть и слушать, кто слышит голоса тех, кто лишь для всех остальных молча дышит.

Я думаю о долгих годах прошлого: поколения за поколениями этих красавцев сменяли друг друга <...>, без присутствия разумного наблюдателя, способного лицезреть их красоту, и это, как ни крути, чудовищная расточительность и упущение. <...> Эта мысль призвана подтвердить, что отнюдь не все сущее было создано во имя и на благо человека. <...> Их радость и наслаждение, их любовь и ненависть, их борьба за существование, их бурная жизнь и ранняя смерть имеют отношение не только к их собственной судьбе, но к памяти их в веках.

*Альфред Рассел Уоллес. Малайский архипелаг.
Страна орангутана и райской птицы, 1869*

Мы относимся к животным снисходительно благодаря их кажущейся незаконченности. Их судьба нам кажется трагической, предопределившей для них более низкую ступень развития по сравнению с человеком. Мы ошибаемся, и ошибаемся невероятно. О животных нельзя судить по людским меркам. В мире более древнем и совершенном, чем наш мир, они существуют как вполне совершенные и законченные создания, одаренные диапазоном ощущений, давно утерянных человеком, либо чувствами, ему недоступными: они живут в мире слов, которых мы никогда не услышим. Животные не являются ни нашими братьями, ни подчиненными, это другие народы, подобно нам пойманные в сети жизни и времени, товарищи в свершении земных трудов^[1].

Генри Бестон. Домик на краю земли, 1928

В разрезе разума

И подлинно: спроси у скота, и научит тебя, у птицы небесной, и возвестит тебе; или побеседуй с землею, и наставит тебя, и скажут тебе рыбы морские.

Иов 12: 7-8

С нашим судном поравнялась еще одна крупная стая дельфинов, – вздымая тучи брызг, они выпрыгивали из воды, разноголосно перекликались-пересвистывались непостижимым для нас образом. Детеныши льнули к матерям. Будучи допущенным лишь к надводной части этой глубинной и столь прекрасной жизни, я почувствовал снедающую меня неудовлетворенность. Мне хотелось знать, что они переживают, почему так притягивают нас и кажутся такими... *близкими*. И я наконец решился задать им вопрос, который, как запретный плод, вечно влечет натуралиста: *кто* вы? Естественные науки отрещиваются от тем, связанных с внутренним миром животных. Все знают, что он существует. Но как ребенку постоянно внушают, что есть вещи, о которых спрашивать не полагается, так и начинающему биологу вдабливают в голову, что разум животных – даже если он есть – то, о чем лучше не знать. К животным нельзя относиться как к человеку. Вы можете сколь угодно обсуждать темы, связанные с физиологической стороной их жизни: чем они питаются, как ведут себя в угрожающих обстоятельствах, как размножаются. Но есть вопрос, задаваться которым нельзя – *категорически!* – потому что, задумавшись над тем, *кто* они, можно ненароком приоткрыть дверь в их внутренний мир. А это, что называется, чревато, ибо за дверью нас могут подстергать вещи щекотливые и неоднозначные.

На самом же деле преграда, отделяющая человека от животного, – надуманная: люди *суть* животные. Мы родственники. Я наблюдал за дельфинами, и мне хотелось сломать эту искусственную преграду. Хотелось, чтобы во время нашей встречи мы успели стать ближе. Время неотвратно утекало и для меня, и для них, и я боялся, что вот-вот придется расстаться, так и не успев толком познакомиться. В ходе

нашего путешествия я читал только о слонах, и мое сознание было поглощено сознанием слонов, даже когда я думал о дельфинах, наблюдая, как свободно и плавно рассекают они гладь своих океанических владений.

Когда браконьер убивает слониху, он лишает жизни не просто отдельную особь. У целой семьи оказывается уничтоженной основополагающая память, хранительницей которой являлась верховная, или старшая, самка. Ей, матриарху, было ведомо, куда надо откочевывать в тяжелейшие засушливые годы, чтобы найти еду и воду и выжить. Единственный выстрел браконьера будет отдаваться эхом еще долгие годы и повлечет за собой множество смертей. Наблюдая за дельфинами и продолжая размышлять о слонах, я понял: когда от кого-то одного зависят остальные, признающие его авторитет, когда смерть одного критически меняет существование оставшихся в живых, когда личность становится тем, кто она есть, под влиянием отношений и связей с другими, можно говорить о пересечении некоей зыбкой границы в истории жизни на земле, можно говорить о разуме.

Обладающие разумом животные знают, кто они такие, кто им друзья, кто враги. Они способны заключать стратегические союзы и существовать в условиях постоянного соперничества. Им ведомо стремление к власти, и они не упустят свой шанс изменить сложившийся порядок вещей. Их статус отражается на будущем их потомства. Их жизнь идет по иерархической параболе: сперва вверх, потом вниз. Короля или королеву у них играет двор. Вам это ничего не напоминает? Все сказанное можно отнести и к людям. Но эта понятная знакомая жизнь не принадлежит исключительно царству людей.

Конечно, у человека есть собственный взгляд на мир, но это взгляд изнутри, поэтому внешний мир мы видим тоже как будто вывернутым наизнанку. Эта книга – попытка взглянуть на мир извне, тот мир, где человек не становится ни венцом творения, ни царем природы, ни мерой всех вещей, а предстает равным среди равных. Чтобы что-то действительно понять, надо смотреть вглубь, в корень. В своей отстраненности от природы мы утратили чувство общности с остальными ее созданиями, оторвались от их жизненного опыта. Поэтому я погрузился в материалы последних исследований, касающихся наличия у братьев наших меньших мышления, эмоций, сознания, и отправился на поиски разумных животных. А поскольку

все в мире взаимосвязано, разумное животное под названием «человек» станет понятнее, если смотреть на него как на одну из нитей, вплетенных рядом с другими в общую ткань мироздания.

Есть ключевое отличие этой книги от остальных, тоже описывающих мышление животных. Я хотел на какое-то время отойти от вопросов охраны дикой природы, которым посвящены другие мои работы, и вернуться к истокам, вспомнить о том, что мне с самого начала нравилось больше всего на свете: просто наблюдать за тем, что делают животные, и пытаться понять, почему они это делают. Мои путешествия привели меня к трем самым охраняемым видам: слонам, содержащимся в кенийском Национальном парке Амбосели, волкам, живущим на территории Йеллоустонского национального парка, и косаткам, обитателям прибрежных вод Тихоокеанского северо-запада США. В каждом из этих регионов я столкнулся с тем, что животные, находящиеся под охраной, испытывают постоянное давление со стороны человека. Это влияет на их поведение, миграцию, продолжительность жизни, приплод и развитие потомства. Другими словами, в этой книге нам придется столкнуться с разумом животных и услышать то, что они хотят нам сказать. Эта история не *о том, что* стоит на карте, а *о тех, кто на ней стоит*.

Важнее всего понять, что жизнь – одна на всех. Мне было семь лет, когда мы с отцом склотили во дворе нашего бруклинского дома небольшую голубятню и завели несколько пар птиц. Наблюдая, как они обустривают себе уютные местечки под гнезда, как женихаются, ссорятся, высидивают и выкармливают птенцов, как улетают прочь и неизменно возвращаются к своим, как нуждаются в пище, воде, крове и друг друге, я понял: в своем голубином доме эти птицы живут совсем как мы в своем.

Совсем как мы, хотя и по-другому. С годами, работая с другими животными, изучая их, живя с ними бок о бок в их и нашем мире, я шире и глубже ощутил нашу общность бытия, и это ощущение только растет и крепнет. Именно им мне и хочется поделиться с читателями.

Часть первая

Трубный глас слона

*Каждый день
я вижу и слышу вещи,
от которых
можно
просто умереть
от восторга.*

*Школяр прилежный, —
твержу я себе, —
коли тебе
открыты
все эти знания:
и неизбывный
свет мира,
и сиянье
океана,
и молитва,
свитая из трав, —
Ты поневоле помудреешь.*

Мэри Оливер. Напоминание

И наконец сама земля будто вздыбилась. Выжженная солнцем, она вдруг стала просторной и широкой, ожила и зашевелилась. Это двигались множества живых существ, самая поступь которых — порождение земли, взметывающейся под ними тучами пыли. Эти тучи, казалось, вот-вот поглотят нас. Пыль проникала в каждую пору, скрипела на зубах, забивала голову в прямом и переносном смысле. Боже, какие они огромные!

Их головы подобны шлемам древних воинов. Фонтаны могучего дыхания эхом отдаются под сводами гигантских легких. Кожа

сморщилась от времени, на ней проступает рисунок веков, словно их облепили складчатые путеводные карты прожитых жизней. Этот путь лежит через пространство и время. Кожа вздымается с пливовым шелестом, неровная, грубая, но чувствительная к малейшему прикосновению. Булыжные жернова зубов перетирают мир, охапку за охапкой, кусок за куском. И блаженное урчание сопровождает каждый шаг этих курганов памяти.

Это урчание доносится до нас подобно отдаленному раскату грома, в такт ему вибрируют холмы, оно отдается в корнях деревьев. Оно собирает воедино родных и друзей, рассеявшихся вдоль прибрежных склонов и в заводях, когда они шлют друг другу приветы, признания и новости о том, где были. С ним в наши души вселяется ощущение чего-то надвигающегося. Мы ждем.

Эти горы мускулов и костей движет разум. Блеск карих глаз освещает все вокруг, и вот слониха трубит. Взгляните на ее широкое чело, изборозженное змеящимися венами и артериями. Она трубит своим хоботом под овации собственных хлопающих ушей и кажется нам вечной, чуть надменной, всеведущей, всезнающей, мирной, готовой вскормить и взрастить – и вместе с тем таящей в себе смертельную опасность, если ее задеть. Ее мудрость ограничена ее возможностями. Но разве у нас иначе? И она уязвима. Совсем как мы.

«Нежные и могучие, чарующие и зачарованные, – писал о них Питер Маттиссен в своей книге „Древо, где был рожден человек“. – Повелевающие молчанием, которое сокрыто в вершинах гор, пожарищах и морских глубинах». Молчание? Посмотрите на них. Точнее, вслушайтесь. Нам они ничего не скажут. Но друг другу поведают о многом. Что-то из этого нам дано услышать, остальное – за гранью слов.

И все же я хочу хотя бы попытаться.

Гигантские уши хлопают на ветру. Пыль превращается в непроницаемый панцирь. Между торчащих вперед умопомрачительных бивней, каждый размером с человеческую ногу, свисает нос, самый фаллический из всех фаллических символов. Эта, казалось бы, гротескная монструозность должна отталкивать своим уродством. Но к нам, наоборот, пробивается их безмерная непостижимая прелесть, и мы начинаем смотреть шире и глубже. Мы

понимаем: они прекрасно знают, куда идут. Они движутся осмысленно, и у них что-то на уме. Что именно? Попробуем понять.

Вопрос вопросов

– Это был самый страшный год в моей жизни, – услышал я от Синтии Мосс за завтраком. – Все слоники старше пятидесяти лет погибли, в живых остались только Барбара и Дебра. И почти все старше сорока тоже умерли. Все никак не привыкну, что Алисон, Агата и Амелия уцелели.

Алисон пятьдесят один год – вот она, тут, в пальмовых зарослях. Сорок лет назад Синтия Мосс приехала в Кению с единственным желанием: изучать жизнь слонов. Члены первой слоновьей семьи, с которой она познакомилась, получили имена на букву «А» – первую букву алфавита: «ашки». Алисон из их числа. И вот она жива-здоровая, пылесосит хоботом подлесок в поисках фиников. Уму непостижимо!

Если повезет и дождей будет вдоволь, у Алисон впереди еще добрых десять лет. Агата помладше, ей сорок четыре. Амелия, которая как раз направляется к нам, ее ровесница.

Амелия подходит все ближе и вдруг горой вырастает у нас на пути, так что я инстинктивно сгибаюсь от испуга. Синтия протягивает руку через окно и что-то успокоительно говорит слонихе. Амелия, возвышаясь над нами как башня, моргает, пожевывает пальмовые побеги и довольно урчит.

Рассветное солнце, похожее на яичный желток, заливает светом безбрежное море травы, которое катит свои волны к подножию Килиманджаро. Голубое чело самой высокой африканской горы покрыто снегом и увенчано облаками. Она действует как гигантский природный кулер, резервуар для охлаждения воды. По склонам бегут ледниковые потоки, питая два топких болотистых рукава, протянувшиеся на много километров. Эти болота как магнит влекут к себе диких животных и буколических пастухов с их стадами. Кенийский Национальный парк Амбосели обязан своим названием слову из языка масаи, которое означает «соленая пыль». Эта влажно посверкивающая пыль после сезона дождей покрывает собой ложе древнего высохшего озера, занимающего добрую половину территории заповедника. В зависимости от уровня осадков площадь болот то сокращается, то расширяется. Если дождей мало, от водяного зеркала

остаются лишь подернутые соленой пылью лужи. И это катастрофа. Всего четыре года назад чудовищная засуха коренным образом изменила жизнь этого региона.

И в тучные времена, и в тощие все эти сорок лет Синтия и три слоники из первой встреченной ею слоновьей семьи удерживали рубежи и оставались на этой земле. Синтия Мосс стала первопроходцем в таком обманчиво простом, казалось бы, деле, как наблюдение за слонами, занятыми своими слоновьими делами. Ни одному человеку не удавалось пока наблюдать одних и тех же особей так долго.

Мне казалось, что после четырех десятков лет даже самый увлеченный натуралист начинает испытывать скуку и пресыщение. Но Синтия Мосс – а ей пошел восьмой десяток – в душе остается девчонкой, синеглазой и радостной. Такая вот фея Динь-Динь, с которой надо держать ухо востро. В 60-е она работала корреспондентом американского журнала Time и после первой командировки в Африку послала к черту Нью-Йорк с его знакомой уютной жизнью, потому что влюбилась в Амбосели, что, кстати, неудивительно.

Амбосели – это почтовая открытка, которую Африка когда-то отправила себе самой и теперь хранит в специальной коробке с надписью «Парки и ресурсы: запасы на черный день». Гора Килиманджаро лежит на территории совсем другого государства, не Кении, а Танзании. Но и горе, и слонам государственные границы нипочем, они-то знают, что это на самом деле одна страна. Национальный парк – главная водная артерия на всю территорию общей площадью семь тысяч восемьсот квадратных километров. Ареал обитания здешних слонов превосходит площадь Амбосели приблизительно в двадцать раз. То же самое можно сказать о пастбищных угодьях, на которых масаи пасут своих коров и коз. Амбосели – единственный источник воды, доступный круглый год. Близлежащие земли слишком засушливы, чтобы напоить всех желающих. И территория национального парка слишком мала, чтобы всех прокормить.

– Чтобы выжить во время засухи, – рассказывает Синтия, – разные слоновьи семьи прибегают к разным способам. Некоторые жмутся поближе к болоту. Но если оно пересыхает, им конец.

Некоторые уходят далеко на север, иногда впервые в жизни. Этим везет больше. Из сорока восьми семей только одной удалось обойтись без потерь.

В одной семье падеж составил двадцать голов: семь взрослых слоних и тринадцать детенышей.

– Обычно, если кто-то из слонов падает, вся семья сбивается вокруг и пытается поднять его. Но в засуху силы у всех на исходе, если кто-то валится с ног, ему никто не поможет. И ты смотришь, как животное корчится на земле в агонии...

Поголовье слонов в Амбосели сократилось на четверть, из тысячи шестисот особей погибли четыреста. Умерли практически все молочные детеныши. Пали 80 % зебр и хищников, среди скота, принадлежащего племени масаи, падеж достиг 90 %. Засуха убивала даже людей.

С началом дождей у всех лишившихся детенышей самок одновременно началась течка, и как результат – величайший за сорокалетнюю историю наблюдений Синтии слоновий беби-бум. За последние два года на свет появились двести пятьдесят слонят. Природа стремительно восстанавливает равновесие. После всех невзгод Амбосели из бывшей скорбной юдоли превращается в слоновий рай, где животным повезло родиться. Густые леса, море травы и практически полное отсутствие врагов и соперников. Роскошь, да и только. Вода – источник слоновьей жизни. И залог слоновьего счастья.

Несколько слонят весело хлюпают, переходя вброд изумрудный проток под раскидистой пальмовой сенью. Этим малюткам с подвижными гибкими хоботами, судя по всему, пришла пора перейти на внешнюю орбиту возраста невинности.

Я не могу удержаться от смеха:

– Гляньте-ка, каков пончик!

Упитанному слоненку полтора года. Он и правда похож на пончик. Четверо взрослых слоних и трое детенышей барахтаются в жидкой грязи, щедро плещут ею хоботами себе на спины, а потом лениво разваливаются на берегу. Малыш тает в блаженной истоме, я вижу, как расслабляются мышцы возле его хобота и дремотно закрываются глаза. Молодая слониха по имени Альфри укладывается отдохнуть. Слонята спотыкаются о ее ухо и падают друг на друга. Ай да куча-мала! Возня

перетекает в дремоту. Детеныши спят, лежа на боку, взрослые заботливо стоят над ними, сонно прижимаясь друг к другу. Им спокойно, потому что все рядом, все в безопасности. И от одного взгляда на них на душе становится тепло.

Кто из нас не предавался мечтам о том, как выиграл бы в лотерею, бросил работу и зажил бы в свое удовольствие: покой, игры, семья, детки и время от времени упоительный секс? Проголодался – ешь, захотелось вздремнуть – спишь. Получается, выиграй человек в лотерею и разбогатеет в одночасье, он захотел бы жить как слон. Не зря же говорят: довольный как слон.

Слоны кажутся воплощением довольства. Точнее, такими мы их видим. А что они на самом деле чувствуют? Мой внутренний натуралист требует фактов.

– Слоны испытывают радость, – говорит Синтия. – Возможно, она отличается от нашей. Но это радость.

Как же человеку догадаться, что слон радуется? Поди пойми, когда другой рад, даже если это человек. А тут слон. На самом деле нас с ними радуют одни и те же вещи: встречи с друзьями и знакомыми, обильная еда и питье. Так что можно допустить, что и чувствуем мы одно и то же. Но подобные допущения могут завести очень далеко. Веками, стоило только начать строить какие-то предположения о животных, как человечество швыряло из крайности в крайность: от веры в то, что они наделены магической силой, до полного отрицания в них способности мыслить и элементарно чувствовать боль. Труды Конрада Лоренца и Николаса (Нико) Тинбергена сделали индивидуальное и групповое поведение животных частью науки, так что в 30-е и 60-е годы ученые попытались вырваться из тенет вековых заблуждений. Они утверждали, что поведение животного – вещь объективная, видимая глазу, а вот его мыслительные процессы мы наблюдать не можем, поэтому любые рассуждения на эту тему лишь сотрясение воздуха, на которое жаль тратить время.

Основная тема этой книги – как раз рассуждения о мыслительных процессах у животных. Задача нам предстоит непростая: объективно и непредвзято рассмотреть доказательства наличия у животных мыслительных процессов или отсутствия таковых, соблюдая при этом истинность, логику и научный подход. Нам придется многое изучить и, что самое сложное, понять.

Синтия работает со слонами, то есть они в некотором роде ее коллеги. Коллеги эти кажутся молодыми и игривыми. А еще мощными и величавыми. Не ведающими греха. Безобидными. И все это справедливо, они действительно такие. Но из всех животных слон единственный, кто способен оказывать посягательствам человека жесточайшее сопротивление и биться с ним, безо всяких преувеличений, насмерть. Подобно нам, слоны готовы бороться за выживание, они рвутся выжить любой ценой и не остановятся ни перед чем, когда речь идет о жизни потомства. Думаю, я приехал в Кению, потому что хочу узнать, чем слоны похожи на нас. Что благодаря им мы можем разглядеть в себе?

Об одном я пока не догадываюсь: мой вопрос сформулирован с точностью до наоборот.

Синтия Мосс постоянно живет в столице Кении, Найроби, но сердце ее каждую минуту рвется в полевой лагерь в Амбосели. Лагерь уютно расположился на расчищенной среди пальмового леса вырубке: хибарка повара окружена полудюжиной вместительных палаток, в каждой из которых есть настоящая кровать и кое-что из мебели. Недавно утренний чай несколько запоздал. Госпожа натуралист расстегнула «молнию» на выходе из своей палатки, чтобы узнать, как обстоят дела с чаем, и обнаружила на крыльце хибарки повара мирно спящего льва. Сам повар маячил в окошке, и сна у него, разумеется, не было ни в одном глазу.

Сегодня чай подоспел вовремя. Уписывая тосты, я наконец смог задать Синтии свой, как мне виделось, вопрос вопросов:

– Всю жизнь вы наблюдаете за слонами. Что благодаря этому вы узнали о человеке?

Убедившись, что диктофон включен, я откидываюсь на спинку стула. Сорок лет постижения истины, сорок лет всматривания внутрь себя. Мне определенно будет что послушать!

Но Синтия Мосс изящно направляет разговор в другое русло:

– Я наблюдаю за слонами и считаю их слонами. Они интересуют меня в первую очередь как слоны. Не думаю, что нужно сравнивать их с людьми. Куда интереснее рассматривать животное именно как животное. Например, я размышляю, каким образом ворона с ее крохотным мозгом способна принимать такие ошеломляющие по

сложности решения. И при этом мне совсем не интересно сравнивать ее с трехлетним ребенком.

Вежливый отказ Синтии обсуждать волнующую меня тему звучит неожиданно, и сначала я не до конца понимаю, что, собственно, происходит. А потом теряю дар речи.

Всю жизнь я посвятил этологии^[2] и давным-давно уяснил, что большинство животных, ведущих общественный образ жизни, – в первую очередь пернатые и млекопитающие, – по сути своей неотличимы от нас. Я задумал книгу о том, что «животные как люди». Я и в Кению ехал затем, чтобы убедиться, что слоны «как люди». У меня в голове не укладывалось, что интерес к животным возможен без стремления провести параллель между ними и нами. А теперь оказывается, что мой основной курс нуждается в существенной корректировке! Мне, словно больному, чтобы пойти на поправку, понадобилось некоторое время – точнее, несколько дней, – пока горькое лекарство не усвоилось.

В свете вскользь брошенного Синтией замечания, которое на самом деле имело колоссальное значение, надо было перестать видеть в человеке меру всех вещей. Я всю жизнь полагал, что иду верной дорогой, потому что для меня существуют животные и рядом с ними – беззаветно преданные своему делу наблюдающие за ними люди. Я хотел их сопоставить. Но путь, избранный Синтией, куда вернее. Для нее ценность животных не в том, что они как мы, а в том, что они сами по себе. Надо спрашивать не «Какие животные похожи на нас?», а «Какие они, животные?» или даже «Кто они?». Вот как должен звучать вопрос вопросов.

Одной фразой Синтия заставила меня поменять не только мой вопрос, но и всю концепцию. Разумеется, я ехал в Кению, полагая в животных разумное начало. Но отправной точкой поисков мне виделась возможность дать зверям продемонстрировать, до какой степени они подобны нам. Теперь же моя задача стала куда сложнее и глубже: попытаться увидеть, какие они, животные, на самом деле – не важно, такие, как мы, или нет.

Хоботы слонов перед нашими глазами проворно рвут траву и ветки. Пучки и охапки ритмично отправляются в рот, массивные зубы мощно перетирают их в кашу. Шипы, способные пропороть автопокрышку, гроздь пальмовых плодов, жесткие стебли травы – все

сгодится. Мне разок довелось потрогать язык слона – мягкий-премягкий. Ума не приложу, как их языки и желудки выдерживают все эти шипы и колючки.

Итак, что же я вижу? Слонов, которые едят. Но эти слова, подобно любым другим словам, набрасывают на действительность абсолютно безразмерную петлю лассо, затянуть которое не получится. Вроде все правильно, перед нами действительно слоны, но я со стыдом понимаю, что об их жизни мне не известно ничего. Самый смысл словосочетания «наблюдение за слонами» доходит до меня с трудом.

До меня, но не до Синтии.

– Когда смотришь на группу животных – любых, это могут быть львы, зебры, слоны, – сначала видишь плоскую двухмерную картинку, – говорит она. – Но стоит узнать их ближе – характеры, какие-то особенности, кто чья мать, кто чей детеныш, – появляется еще одно измерение. И тогда в одном слоне вдруг открывается царственное достоинство и благородство, а в другом робость. Кто-то из них наглец и в голодное время беззастенчиво отбирает у остальных еду, кто-то всегда настороже, кто-то озорничает так, что чертям тошно. Мне понадобилось лет двадцать, чтобы понять, какие они разные. Когда мы следовали за семьей слонихи Эхо – ей в то время было около сорока пяти, – я увидела, что Энид ей предана как собака, Элиот без конца дурачится, Эодора с большим приветом, Эдвину никто не любит, и так далее и тому подобное. Мало-помалу я, глядя на Эхо, начала угадывать, что будет дальше. Я понимала, как она ими руководит, так же, как ее понимали остальные члены стада.

Я смотрел на слонов, а Синтия продолжала:

– Оказывается, они полностью, на сто процентов, в курсе того, что делаем мы.

На сто процентов в курсе? А по-моему, они и ухом не ведут.

– Это только кажется, что слоны игнорируют детали. Они сразу реагируют, если что-то в привычном окружении меняется, – поясняет Синтия.

Она рассказывает, как работавший с ней оператор решил в поисках новых ракурсов снимать из-под автомобиля. Это мгновенно привлекло внимание слонов. Раньше они спокойно шли мимо, но теперь, на подходе к авто, замерли и стали всматриваться. Зачем, дескать, этот человек улегся под машиной? Самец, которого прозвали

Ником, запустил под днище свой гибкий любопытный хобот и принялся. Он не проявлял агрессии, не пытался выволочь оттуда оператора, ему просто было интересно. На следующий день у машины наблюдателей появилась специальная дверь, оборудованная для съемки. Слоны тут же подошли и обследовали ее своими хоботами.

Хобот – штука до странности узнаваемая. Или узнаваемо странная. Обладает одновременно невероятной чувствительностью и немислимой силой. Слон может хоботом поднять яйцо, не разбив его, а может одним ударом убить человека. Хобот заканчивается двумя пальцеобразными отростками, что делает его похожим на руку в варежке. Узнаваемость проступает в том, как слон им орудует: чудовищный носяра у всех на виду весьма трогательно превращается в... руку, которой он уверенно действует, словно однорукий инвалид. Сегментированный, словно ствол пальмы, под сенью которой слоны не прочь отдохнуть, хобот универсален и многофункционален, как складной швейцарский нож. Это уму непостижимое чудо феноменальной красоты. Червеобразный подвижный вырост в носовой области, выпуклый по внешней поверхности, плоский по внутренней, представляет собой идеальное приспособление для обнаружения угрозы и препятствий, окатывания водой, швыряния грязью, взметывания пыли, анализа воздуха, сбора пищи, приветствия друзей, спасения детенышей, утешения и поддержки малышей – и все это, извините за выражение, в одно рыло. Ну, просто не нос, а универсальный комбайн. «Внутри хобота находятся два носовых прохода, похожие на шланги, которыми слон может на вдохе втягивать либо на выдохе разбрызгивать воду или пыль, – читаем мы в книге Ории Дуглас-Гамильтон. – Он способен быть нежным и бережным, как ласковые руки, и тогда он гладит, щекочет, чешет и трет», и он же «... вмиг оборачивается идеальным орудием убийства: почуяв запах человека, хобот взметывается над головой, словно изготовившаяся к броску гигантская змея». Журналистка Катрин Николь пишет, что хобот легко справляется с функциями «носа, глаз, рук и орудий труда». А вот что думает об этом Йошимото Нимура из Токийского университета: «Представьте себе, что нос у вас прямо на ладони, и, прежде чем прикоснуться к какой-то вещи, вы ее обнюхиваете».

Сейчас этими чудо-носами слоны цепко оплетают пучки травы, а когда почва не поддается и не позволяет вырвать траву с корнем,

пинками стараются разбить земляные комья. Наконец пищу удается высвободить. Хоботы поднимают ее вверх, обтрясают землю с корней. Едят слоны медленно, с ленцой. Перед тем как отправить в треугольное отверстие рта следующую охапку, хобот легонько покачивается вправо-влево, набирая размах. Иногда слоны замирают на несколько минут и словно бы погружаются в задумчивость. Вероятно, после столь шумной активности по сбору своего трудноперевариваемого букета гарни им нужна передышка, чтобы прислушаться, провести своеобразный мониторинг данных о состоянии здоровья детенышей, безопасности семьи и наличии потенциальной угрозы.

Дорого бы я дал, чтобы понять, до какой степени мои ощущения совпадают с ощущениями ближайшего ко мне слона. Сенсорные каналы у нас одни и те же: зрение, обоняние, слух, осязание и вкус; информация, поступающая по этим каналам в мозг, не должна разительно отличаться. И слоны, и мы видим одних и тех же гиен или слышим одних и тех же львов, наше ощущение материального мира должно быть похоже. Но у нас, как у большинства приматов, доминирует визуальная информация, а слоны, как типичные млекопитающие, в первую очередь полагаются на отменное обоняние и острейший слух.

Конечно же слоны чувствуют больше, чем я сейчас, они у себя дома, они здесь выросли. По этой же причине Синтия видит вещи, которых я не замечаю. Подобно самим слонам, она знает их семьи, знает их уголья, понимает, что в данный момент происходит. Мне пока неясно, что творится у них в головах. Точно так же неясно, о чем думает Синтия, когда она без единого слова пристально наблюдает за слонами.

Наш общий мозг

Четыре кругленьких слоненка идут в кильватере своих внушительных мамаш через просторную душистую луговину. Взрослые шагают деловито, словно боятся опоздать. Они держат путь к большому топкому болоту, где уже толкуются около сотни сородичей. Очевидно, это место обладает притягательным для них запахом, густым и влажным, напоминающим о спокойных тучных временах. Ежедневно семьи идут от мест ночевки на покрытых зарослями холмах до болота и назад, туда-сюда получается километров пятнадцать. Путь неблизкий, и от рассвета до заката случиться может всякое.

У нас своя задача: мы должны рано утром покататься по округе, заметить слонов, которые идут к болоту, посмотреть, кто где и что происходит. Вроде бы ничего хитрого, но, когда вокруг тебя десятки семей, то есть несколько сотен особей, все куда сложнее.

– Надо знать каждого, *каж-до-го*, – говорит Катито Сайялел. Ее напевный выговор чист и ясен, как это африканское утро. Она высокая, как все масаи, и очень толковая. С Синтией Мосс Катито работает уже двадцать лет, помогает ей в наблюдениях за слонами.

– Каждого? А сколько всего?

Катито морщит лоб:

– Ну, я могу опознать всех взрослых особей, значит, где-то девятьсот слонов. Или тысячу.

На глаз распознавать сотни и сотни животных? Каким образом? Как она это делает? У некоторых могут быть какие-то отличительные признаки, например рваное ухо, но она знает их всех, словно они старые знакомые.

Если объектом изучения становится социальное взаимодействие, в котором животные активно участвуют, наблюдатель не имеет права сказать: «Одну минуточку, а кто там у нас бегал?» Требуется помнить каждого в отдельности, даже если их сотни, потому что сами слоны прекрасно запоминают сотни своих сородичей. В природе они существуют в контексте сложнейших социальных сетей, в которых

переплелись семьи, дружба и прочие отношения. Памяти слонов можно позавидовать. Катито они действительно узнают.

– Когда я впервые здесь появилась, – вспоминает она, – они услышали мой голос и поняли, что я новенькая. Подошли поближе, обнюхали. В общем, познакомились.

С нами еще Вики Фишлок. До того как приехать сюда, эта тридцатилетняя голубоглазая англичанка уже успела поизучать горилл и слонов в Республике Конго и получить докторскую степень. С Синтией она работает больше двух лет и, судя по всему, намерена оставаться тут и дальше.

Как правило, Катито отмечает слонов по списку и отправляется дальше, а Вики садится наблюдать за их поведением. Но сегодня они проводят для меня что-то типа обзорной экскурсии, чтобы помочь сориентироваться.

Вот, минуя заросли высокой слоновой травы, пять взрослых самок и четыре слоненка выбирают себе местечко, где трава пониже и растет не так густо. Они не зря тратят силы на поиски, потому что ищут то, что вкуснее. Чтобы понять это, им не требуются трактаты о пищевой ценности травяных культур. Делая выбор в пользу более питательной пищи, они до известной степени руководствуются подсознанием, которое подсказывает, что делать. С нами происходит то же самое, ведь жирное и сладкое – это прежде всего вкусно (нашим далеким предкам не нужно было себя в этом ограничивать).

За пасущимися слонами тянется череда белых цапель, а воздух над ними прочерчен орбитами стремительно кружащихся ласточек. Птицы знают: когда слоны, эти могучие серые корабли, рассекают травяные волны, вокруг них, словно брызги, вздымаются тучи насекомых. Блики света играют на покатых спинах, как солнце на океанических валах. Слышно, как они вырывают из земли траву и жуют ее. Как хлопают уши. Как шмякается оземь навоз. Как жужжат мухи, как со свистом рассекают воздух хлещущие наотмашь хвосты. Как тихим звуком тамтамов отдается их поступь. И это безмолвие исполинов, проступающее во всех их повадках, – без единого слова повествуют они о поре, когда человек не сделал еще ни единого вдоха. Они шествуют своей дорогой, полностью игнорируя нас.

– Вовсе нет, – поправляет меня Вики. – Они нас не игнорируют. Это жест вежливости с их стороны: как мы к ним, так и они к нам. Мы

к ним не лезем, и они нас не замечают. Но так было не всегда, по крайней мере по отношению ко мне. До моего появления их взаимодействие с людьми сводилось к тому, что подъезжал джип с туристами, те делали несколько снимков и исчезали. А я сидела, часами смотрела на них и никуда не уезжала. Не могу сказать, что им это сразу безумно понравилось. Они ждут от нас определенного поведения. Если что-то идет не так, тут же реагируют. Не угрожают, нет, просто дают понять, что заметили. Это может быть поворот головы или такое выражение в глазах, типа: «Тебе что надо?»

Приматолог Патриция Райт рассказывала мне, что макаки и лемуры, которых она изучает, «всегда знают, кто мы такие, но, когда мы за ними наблюдаем, они нас словно не видят. Однако стоит чему-то измениться, они тут же реагируют, показывают нам, что все это время были в курсе».

Через холмы и заросли кустарника мы неспешно следуем за слонами по саванне. Одна из слоних по имени Текла, шагающая в нескольких метрах справа и чуть впереди от нас, неожиданно разворачивается и начинает негодующе трубить. Ей явно что-то не нравится. Слева от нас крутится и верещит слоненок.

– Ой, прости, прости, виноваты, – примирительно говорит Текле Катито, нажимает на тормоз и поворачивает ключ в замке зажигания.

До меня доходит: мы вклинились между матерью и детенышем. Но мать этого слоненка – не Текла. Нам наперерез мчится еще одна самка с раздвоенным выменем, полным молока. Это и есть настоящая мать, которую Текла подняла по тревоге. Получается, она сообщила своей товарке: «Машина с людьми находится между тобой и малышом. Быстро сюда, надо что-то делать!»

– Наверное, слоны как люди, – задумчиво произносит Катито. – Они очень умные. Мне нравится, какие разные у них характеры. Нравится, как они себя ведут, как держатся за семью, как защищают ее. Очень нравится.

Они как люди? Сравнение с человеком напрашивается само собой, вероятно, потому, что в основе своей мы схожи. Или нам очень этого хочется. Перед моим мысленным взором тут же возникает Синтия, предостерегающе воздевающая перст: ни-ни! Мы не слоны, слоны не мы. Они – сами по себе.

Мамаша воссоединилась с младенцем, порядок восстановлен. Мы медленно продолжаем двигаться вперед. Когда одна особь понимает связь другой особи с кем-то еще – как Текла понимает, чей это слоненок, что у них с матерью за отношения, – это значит, что она находится на особой ступени социального поведения. Этим пониманием социального статуса третьей стороны обладают приматы, волки, гиены, дельфины, птицы семейства врановых и некоторые виды попугаев. Известны случаи, когда попугай начинал ревновать владельца или служителя к его дражайшей половине. Собака может не реагировать на команды со стороны ребенка и тем не менее защищать его как младшего в семье. Когда верветки – карликовые зеленые мартышки, которые все время крутятся вокруг любого человеческого поселения в Африке, – слышат детский вопль, они тут же поворачивают голову в сторону матери вскрикнувшего ребенка. Им отлично ведомо, кто они такие и кто такие люди. Они знают всех в лицо, понимают, кто тут главный, кто для кого важен и кто кем кому приходится. Если живущие в дикой природе самки дельфинов хотят, чтобы их малыши прекратили играть с людьми, они могут шлепнуть по воде хвостом в сторону человека, который в этот момент возится с дельфиненком, подавая ему таким образом сигнал: «Все, хватит, наигрались. Теперь малыш должен обратить внимание на меня». В исследовательской группе под руководством профессора Дениз Херцинг с «отстающими» дельфинятами занималась не сама Дениз, а ассистирующие ей аспиранты. Мамаши-дельфинихи со своими – как это назвать? жалобами? – требованиями «отпустить ребенка» порой обращались непосредственно к ней, то есть они понимали, что среди всех людей, находящихся в этот момент в воде, профессор Херцинг – самая главная. Когда я рассказал об этом приматологу Патриции Райт, она ничуть не удивилась: «Обезьяны и лемуры частенько „выговаривают“ мне за ошибки моих студентов. Иногда это может быть окрик или взгляд, с помощью которого они требуют: „Вмешайся и прекрати это немедленно“. Другими словами, они винят меня в том, что я не смогла выучить студентов как надо».

И это не ручные животные, а самые что ни на есть дикие, но тем не менее иерархические связи среди людей им понятны.

Вики вмешивается в наш разговор:

– Больше всего поражает наша обоюдная способность понимать друг друга. Мы начинаем ощущать невидимые границы, начинаем понимать, где та черта, которую нельзя переходить, чтобы не давить на них своим присутствием. Такие слова, как «раздражение», «радость», «грусть», «нервное напряжение», действительно описывают ощущения, которые испытывает слон. Нам понятно, что он испытывает, мы можем экстраполировать это на себя, потому что, – тут Вики лукаво мне подмигивает, – мозг у нас один. Один на всех.

Я смотрю на слонов. Они настолько спокойны, что невозмутимо проходят в паре метров от нашей машины.

Вики перехватывает мой взгляд:

– Это огромная удача – наблюдать слонов, двигаясь с ними бок о бок и не вызывая своим присутствием никакой реакции. Нам страшно повезло. Остальные едут в Танзанию, но там сафари, браконьеры. А у нас благодать...

В пору, когда все живое вопиет о защите, мы подобны мифическим пастухам, пастырям, оберегающим покой этого слоновьего стада. Они шествуют мимо нас на расстоянии вытянутой руки, и Вики ласково приговаривает:

– Здравствуй, солнышко... ты моя золотая девочка...

Она вспоминает, как после кончины Эхо семью возглавила ее дочь Энид и на три месяца слоны ушли отсюда, а потом вернулись.

– Когда мы снова встретились, я сказала что-то вроде: «Как же я по вам скучала!», и вдруг Энид вскидывает голову, и раздается громкое такое урчание. И уши хлопают. Потом они обступают автомобиль, подходят совсем близко, так что я, если бы захотела, могла бы до них дотронуться. И я вижу, что у них слезные железы текут от эмоций. Так что я для них стала своей, – улыбается Вики. – Они как будто меня обнимали-целовали.

Однажды мне довелось столкнуться с зоологом, наблюдавшим за слонами в другом африканском заповеднике. Несколько взрослых слоних с детенышами прятались от жары в тени пальмы, обмахиваясь ушами. Зоолог со всей ответственностью заявил, что у особей, которых мы наблюдаем, «отмечается произвольная двигательная активность в связи с температурными колебаниями и при этом они ничего не испытывают». Он сказал, что по вопросу наличия у

животных сознания стоит на позициях «воинствующего агностицизма», и добавил:

– У нас нет объективной возможности убедиться в том, что слон более сознательное существо, чем дерево, под которым он стоит.

Нет объективной возможности убедиться?

Для начала, поведение пальмы отличается от поведения слона. Это раз. У нее нет ни глаз, ни ушей. Она не проявляет никаких реакций, связанных с умственной деятельностью, эмоциями, выбором или принятием решений, защитой потомства, наконец. У слона и человека, напротив, нервная, эндокринная и сенсорная системы практически идентичны. Они вскармливают своих детенышей сходным по составу молоком, одинаково проявляют страх или агрессию. И поведение слона с равной степенью вероятности можно истолковывать как наличием у него сознания на уровне пальмы, под которой он стоит, так и тем, что он абсолютно все понимает. Встреченный мною зоолог искренне полагал себя беспристрастным и объективным ученым, хотя на самом деле с пристрастием игнорировал очевидное, а это антинаучно. Наука по определению есть область человеческой деятельности, направленная на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности. Это написано в любом учебнике.

Суть спора в другом: какие типы сознания существуют в природе и кто из них нам ближе?

Тут мы вступаем на весьма опасную дорогу, но, если идти по ней с оглядкой, оно того стоит. «С оглядкой» означает: мы с самого начала не собираемся делать предположения о том, что одни животные разумны, а другие нет, что мы похожи или непохожи. Можно изначально предположить что-то не то, а потом веками стучаться не в ту дверь. Чтобы этого избежать, надо оперировать объективными знаниями и идти за ними.

В V веке до нашей эры греческий философ-софист Протагор изрек свой знаменитый тезис о том, что «человек есть мера всех вещей». Другими словами, дал нам право спрашивать у всего остального мира: «А вы, собственно, кто такие и зачем?» Мы полагаем, что весь мир скроен под нас, по нашей мерке, а все остальное либо укладывается в нее, либо нет. Такая предпосылка заставляет не обращать внимания на множество вещей. Черты,

которые «превращают человека в человека» – способность к эмпатии и общению, способность переживать и чувствовать горе, способность изготавливать орудия труда и прочее, – можно в той или иной степени обнаружить в окружающем мире у организмов с совершенно отличными от нашего типами сознания. Все позвоночные (рыбы, земноводные, рептилии, птицы и млекопитающие) обладают сходным по строению скелетом, основными внутренними органами, нервной и эндокринной системами и инстинктами. Если воспользоваться аналогией с автомобилями, у каждой машины независимо от марки и модели должен быть двигатель, мост с подвеской, четыре колеса, дверцы, сиденья, а вот по части конфигурации кузова, габаритов и каких-то внутренних особенностей возможны варианты. Так и у нас с животными: есть базовое сходство и внешние отличия, которые большинству из нас почему-то бросаются в глаза в первую очередь. Но ведь неопытного покупателя автомобиля в первую очередь интересует экстерьер его первого «стального коня»: цвет, размер, форма кузова.

Мы говорим «человек и животные», словно в жизни присутствует только такая дихотомия: мы и не мы, мы и все остальные. А потом сами учим слонов таскать бревна из джунглей или ходить на задних лапах по манежу; гоняем лабораторных крыс по лабиринтам, чтобы выяснить кое-что о своих когнитивных способностях; заставляем голубей тыкать клювами в мишени, постигая таким образом основы психологии; изучаем мух-дрозофил, чтобы понять, как устроена наша ДНК; прививаем подопытным мартышкам смертельные болезни, чтобы найти с их помощью лекарства для себя. В построенных нами городах и жилищах собаки превратились в защитников и поводырей для тех, кто может видеть свет только глазами четвероногого друга. Но, несмотря на всю нашу близость, мы продолжаем неуверенно талдычить, что «они же не люди, а животные, они не такие, как мы», хотя мы и есть животные. Что это, как не результат исходного недопонимания? Сейчас у нас есть шанс вернуться к истоку. Этим мы и займемся. Итак, в путь!

Стоит затронуть такие темы, как «сознание», «понимание», «разум», «умственные способности», «эмоции», как с ужасом приходится признать отсутствие общепринятых формулировок и определений. Среди ученых, работающих в этой области, разгораются ожесточенные споры не из-за разных точек зрения на один и тот же

предмет, а из-за того, что под одним и тем же словом они понимают совершенно разные вещи. Возникает глубинное недопонимание. Как герои известной притчи о слепцах и слоне, философы, психологи, натуралисты-экологи и нейробиологи вслепую ощупывают и в меру своего понимания описывают разные части одного и того же огромного совокупного явления. И никак не могут договориться между собой. Но в этой невеселой ситуации у нас есть выход: мы можем вынырнуть из-под темных академических сводов, где нам ничего не светит, на вольный воздух и на просторе подумать обо всем самостоятельно.

Для начала уточним формулировки.

Начнем с определения сознания. За отправную точку стоит принять концепцию Кристофа Коха, директора Сизтлского института Аллена по изучению мозга. Будучи нейробиологом, под *сознанием* он понимает способность что-либо ощущать. Допустим, порез на ноге. Это физическое воздействие на организм. Если порез причиняет боль, перед нами сознательное существо. Проще некуда. Та часть организма, которая знает, что порез болит, то есть отвечает за способность знать и чувствовать, – это мозг. Способность чувственного восприятия, соответственно, называется *чувствительностью*. Человек, птица, насекомое, двусторчатый моллюск, медуза и растение обладают чувствительностью, но степень ее в этом ряду идет по регрессирующей шкале: от чрезвычайно сложной у человека до практически нулевой у растения. Под когнитивными способностями понимают способность воспринимать и усваивать знания, а также способность к пониманию. *Мышление* – это процесс оценки или учета того, что было воспринято. Как всегда, когда речь идет о живых организмах, мышление следует рассматривать в виде широкой по разбросу шкалы. Выражение «оценивать и учитывать то, что было воспринято» вполне применимо для описания процесса в мозгу ягуара, когда он прикидывает, как лучше сзади подобраться к осторожной свинке-пекари, или того, что творится в голове у лучника, целящегося в центр мишени, или раздумий девицы, которой только что сделали предложение руки и сердца.

Понятия «чувствительность», «когнитивные способности» и «мышление» тем самым накладываются друг на друга и

переплетаются, усиливая и обогащая способности и активность мозга, обладающего сознанием.

Что до сознания, то его роль несколько переоценивают. Сердцебиение, дыхание, пищеварение, обмен веществ, иммунные реакции, регенерация, заживление ран и переломов, биологические часы, половые циклы и репродукция, беременность, рост – для всего этого сознание не требуется. Поэтому под общим наркозом наш находящийся в бессознательном состоянии мозг напряженно и активно работает, управляя процессами очищения, сортировки, обновления и так далее. Наш организм находится в ведении высококвалифицированного персонала, отсчет стажа которого начался задолго до того, как было решено расширить штат и пополнить его сознанием. И не уделять этому персоналу должного внимания было бы большой ошибкой.

Сознание можно представить себе в виде большого интерактивного компьютерного экрана. Мы его видим, мы с ним взаимодействуем, но к программному обеспечению, которое им управляет, у нас нет ни ключа, ни пароля. Если за сознание принять разум, с позиции которого мы смотрим или мыслим, то основная часть нашего мозга работает, что называется, «втихую», без нашего о том ведения. Как сказал Тим Феррис, бывший редактор журнала Rolling Stone, а теперь автор научно-популярных книг: «Большая часть того, что происходит в головном мозге, сознанию неподконтрольна и непонятна».

Зачем вообще нужно сознание? Деревья и медузы обладают практически нулевой чувствительностью и тем не менее прекрасно себя чувствуют. Сознание действительно необходимо, если надо что-то оценить или спланировать, принять решение.

Каким образом из органического клеточного месива, из хитросплетений химического и электромагнитного взаимодействия между клетками возникает сознание? Каким образом мозг порождает разум? Никому не известно, как из нервных клеток, еще называемых нейронами, получается сознание. Мы просто знаем, что повреждение головного мозга может пагубно отразиться на сознании. Отсюда вывод: сознание действительно обитает в мозге. Крупнейший американский нейробиолог и нобелевский лауреат Эрик Ричард Кандел^[3] в 2013 году писал: «Разум и мозг неразделимы». Мозг

обеспечивает опыт чувственного, то есть сенсорного, восприятия, формирует наши мысли и эмоции, управляет нашими действиями. Следовательно, «разум есть набор действий, которые выполняет мозг». Если опять воспользоваться метафорой, то сознание возникает из клеток подобно свету лампы накаливания, который появляется благодаря электрическому току и физическим свойствам лампы. Свет зажжется только в том случае, если все детали, все составные части, все участки цепи подключены и определенным образом взаимодействуют друг с другом. Сознание, судя по всему, напрямую связано с взаимодействием нейронных цепей, собственно, оно и есть результат их взаимодействия.

Сколько таких нейронов должно быть в цепи? Никто точно не подсчитывал, на каком минимальном их количестве теплится рудиментарное сознание. Наверное, у медуз мы его не найдем, и у червей тоже. А вот если мы начнем обсуждать насекомых и паукообразных, то выяснится столько всего интересного, что уже придется говорить о наличии сознания. Миллион нейронов позволяет пчеле распознавать формы, запахи и цвета растений, запоминать их местоположение, потом переводить эти сведения на язык танца и сообщать остальным обитателям улья информацию о направлении движения и расстоянии до источника питания, а также о количестве там пыльцы и нектара.

По словам знаменитого американского нейропсихолога Оливера Сакса, пчела демонстрирует выдающиеся способности технического эксперта. Имеем ли мы право считать это автоматическими действиями? Поразительно, что танец пчел – не жестко заданный код. Остальные рабочие пчелы могут прервать свою товарку по улью, танцующую перед ними, если раньше кто-то из них испытал на «рекламируемом» ею источнике цветочного нектара какие-то неприятности – например, столкнулся с хищником вроде паука или агрессивными представителями «конкурирующей фирмы». Исследователи в процессе эксперимента моделировали ситуацию нападения и показывали ее пчелам. После этого у них отмечались изменения в настроении «со всеми признаками проявления отрицательных эмоций, которые можно наблюдать у человека». Обитателей улья «охватывал пессимизм», «травмирующий опыт» приводил к «негативному восприятию жизни».

Что еще поразительнее, нейросекреторными клетками мозга рабочей пчелы вырабатываются стимулирующие нейрогормоны, аналогичные тем, что заставляют неспящих постоянно рваться на поиски новых приключений. Если при выбросе такого гормона пчела действительно испытывает удовольствие или прилив энергии, мы можем отнести ее к сознательным существам.

Некоторые виды ос, ведущих не одиночный, а общественный образ жизни, обладают способностью запоминать и узнавать человека по лицу, что доселе считалось исключительной привилегией лишь некоторых высших млекопитающих. «С каждым днем мы все больше убеждаемся в том, что насекомые владеют высокоразвитыми и подчас совершенно неожиданными способами запоминать, передавать, усваивать и оценивать информацию», – пишет Оливер Сакс.

Но может ли существо претендовать на звание разумного, не имея при этом большой, изборозженной извилинами коры головного мозга, где происходят мыслительные процессы у человека? Представьте себе, может, и еще как! Такое происходит и с человеком. Тридцатилетний Роджер лишился 95 % коры головного мозга в результате тяжелого инфекционного заболевания. Он не помнит, что происходило с ним за десять лет до начала болезни, он утратил обоняние и вкусовые ощущения, с колоссальным трудом запоминает новую информацию. Тем не менее Роджер знает, кто он такой, узнает себя в зеркале, способен нормально вести себя в обществе – и это притом что его мозг мало похож на человеческий.

Убеждение, что человек – единственное существо, наделенное сознанием, давно устарело. В ходе эволюции наше сенсорное восприятие значительно притупилось. Многие животные обладают куда большей внимательностью, их «детекторы со сверхтонкой настройкой» отмечают малейший шорох, сигнализирующий об опасности, еле заметный запах, сулящий добычу. В 2012 году группа ученых, подготовивших «Кембриджскую декларацию о сознании», постановила, что «...все млекопитающие и птицы, а также многие представители других видов, включая некоторых насекомых и головоногих моллюсков, например осьминогов и кальмаров, обладают неврологическими механизмами, генерирующими сознание» (осьминоги и кальмары по части владения орудиями труда не уступают человекообразным обезьянам и при этом остаются моллюсками).

Существуют объективные научные доказательства того, что с помощью глаз, ушей и носа животные видят, слышат и чувствуют запахи. Они испытывают страх или радость, если их что-то пугает или, напротив, доставляет удовольствие.

Никто и никогда не пытался представить научные доказательства сугубо человеческой природы сознания. Как пишет Кристоф Кох, «... куда объективнее» в качестве отправного пункта выглядит предположение о том, что «животным доступны ощущения боли и удовольствия». И далее: «Каким бы ни было сознание, каким бы способом оно ни было связано с головным мозгом, собаки, кошки и прочие, имя которым легион, им обладают. <...> Им тоже доступно ощущение жизни».

А сны? Ведь во сне нам доступны нереальные ощущения. Мой пес Джуд спал дома на подстилке и во сне явно за кем-то гнался: перебирал лапами, потом, не просыпаясь, протяжно, глухо и жутко завыл. Чуля, моя вторая собака, лежащая в другом углу, мигом взвилась и бросилась к Джуду. Джуд рывком проснулся, вскочил на ноги и залился лаем, словно тащил сон за собой в явь, – ни дать ни взять человек, который видел ночной кошмар, пробудился от собственного крика и, сидя в кровати, трясет головой, не понимая, где он и что с ним.

Получается, что, сколь четко мы ни пытаемся очертить границы сознания, природа тут же затирает и размывает их, апеллируя к глубинным причинам. А что, если посмотреть на живые организмы, лишённые нервной системы? Может быть, это окажется надёжной демаркационной линией? Попробуем?

У растений нервная система отсутствует, но в них образуются те же химические соединения – допамин, серотонин и глутаминовая кислота, то есть нейромедиаторы, посредством которых осуществляется передача электрического импульса от нервной клетки через синаптическое пространство между нейронами, а также, например, от нейронов к мышечной ткани. Сигнальная система растений действует как сигнальная система животных, правда, медленнее. Как же они используют этот потенциал? Майкл Поллан^[4] отвечает на этот вопрос несколько метафорически, утверждая, что «... растения говорят на языке химии, который нам недоступен и непонятен». Я далек от мысли, что растения способны чувствовать, но

они умеют делать поразительные вещи. Например, человек воспринимает химические соединения на вкус и запах. Растения чувствуют химический состав почвы, воды, попавших на себя химикатов и реагируют на это. Их листья поворачиваются вслед за солнцем. Когда их усики или листья соприкасаются с какими-то объектами, они начинают иначе себя вести. Растущие корни, встретив на своем пути препятствие или источник заражения, могут изменить направление роста. В ходе множества экспериментов рядом с растением включали запись чавканья, которое производит гусеница. В ответ сразу же отмечался резкий выброс защитных химических соединений. Реагируя на нападение со стороны насекомых или травоядных, растение продуцирует «SOS-вещества», своеобразный сигнал бедствия, – и растущие рядом собратья усиливают собственную химическую и текстурно-тканевую защиту. Этот сигнал воспринимают и насекомоядные осы, чье своевременное вмешательство может подавить нападение врага и помочь растению выжить. Цветки – это сигнал для пчел и прочих опылителей, указывающий, что нектар и пыльца готовы, – те тут же спешат на зов. Что это, если не коммуникация (хотя, повторяюсь, растения лишены сознания)?

Мы можем говорить и о поведении растений – хотя у всех, кроме насекомоядных и растений типа мимозы, с листьями, реагирующими на прикосновение, оно, как правило, протекает слишком медленно для человеческого глаза. Полынь, например, выделяет в воздух десятки сложнейших химических соединений. Поллан пишет о «невидимом глазу, но окружающем нас со всех сторон химическом гомоне, куда вплетаются и отчаянные вопли боли. Нам сложно это себе представить, как сложно говорить о наличии какого-либо поведения у неподвижных, казалось бы, растений».

В клетках представителей флоры и фауны отмечается электрическая активность, но у животных клеточные сигналы идут по разным ионным каналам, поэтому передача импульса происходит много быстрее. Чарльз Дарвин в заключительных строках своего труда «Способность к движению у растений» пишет: «Едва ли будет преувеличением сказать, что кончик зародышевого корня <...> действует подобно мозгу <...> низших животных <...> воспринимающему впечатления от органов чувств и дающему направления различным движениям». Споры нет, тут мы вступаем на

весьма опасную территорию, где ошибку при неточном истолковании совершить легко, и она, как ошибка минера, может стать последней. Ныне покойный этноботаник Тимоти Плауман по этому вопросу занимал ту же точку зрения, что и Синтия Мосс, не желающая сравнивать слонов с людьми. В растениях он видел растения, а потому писал: «Они питаются светом. Вам этого мало?»

Зачем был нужен этот ботанический экскурс? Его задача – подчеркнуть, что, учитывая особенности растений и отличия их от животных, слониха, кормящая детеныша, настолько похожа на нас с вами, что я чувствую себя ее братом.

Чисто по-человечески

На залитой солнцем лесной поляне, поросшей сочной травой, слонята тычутся игрушечными хоботами матерям под брюхо в поисках того самого надежного соска. Я не могу отвести от них глаз.

– У этих двух семей сегодня день великой дружбы, – улыбается Вики. – Элин решила перейти поближе к воде. Элоиза согласилась, потом подождала, пока подтянутся остальные члены группы.

Теперь обе семьи движутся бок о бок.

– Очевидно, они решили весь день провести вместе.

Очевидно.

На чем зиждется слоновья дружба? Некоторым слонятам нравятся одни и те же игры, и они с удовольствием играют вместе.

– А некоторые взрослые особи «совпадают» в том, когда им есть, когда спать, куда идти. Они любят одну и ту же пищу.

Совпадают. Занятно. Жаль, что у людей не так. Можно только позавидовать.

«Есть ли у слона сознание?» – ответить на этот вопрос легко: *все* признаки развитого сознания налицо. И теперь этот вопрос корректнее было бы переформулировать, а именно: «Какие формы сознания присущи животным?»

«Тоже мне бином Ньютона», – скажет любой человек, у которого есть собака или кошка. Для него вопрос об их сознании давно решен. Но я предвижу возражения скептиков, призывающих не торопиться с выводами. Многие ученые и авторы научно-публицистической литературы утверждают, что проникнуть в умственную деятельность животных мы не в состоянии. Я понимаю, на чем основано это убеждение, но категорически заявляю: они ошибаются. На самом деле сегодня нам открыто куда больше, чем раньше.

Этология – наука, изучающая поведение животных, – еще очень молода. Ее основные принципы получили официальное признание около ста лет назад. Тот факт, что иерархия на птичьем дворе начинается с порядка проклевывания цыплятами скорлупы яиц, до 20-х годов прошлого века не желали признавать. И только в 20-е годы американский орнитолог Маргарет Морзе Найс выяснила, что птицы –

территориальные животные, тщательно оберегающие свою территорию от посягательств, и именно этим определяется их жизнь и их пение.

Становление этологии связывают главным образом с появившимися в середине XX века работами Конрада Лоренца, Николаса Тинбергена и Карла фон Фриша, которым пришлось вступить в неравный бой с многовековыми предрассудками, укоренившимися в легендах и народных верованиях (например, сова знаменует смерть, волк связан с нечистой силой), а также с устойчивыми басенными стереотипами, где животные выступают носителями шаржированных человеческих качеств (стрекоза – легкомысленная попрыгунья, лиса – хитрая обманщица, черепаха – воплощение упорства и настойчивости).

Провозвестники новой науки были пристальными и беспристрастными наблюдателями, которым удалось сорвать с образов животных толстый слой метафорических проекций, покрывавший их словно патина. Смотри внимательно и описывай только то, что видишь, – таков был лозунг ученых. Пришлось потрудиться, чтобы доказать, что результаты наблюдения могут быть объективными. За свою работу по изучению пчелиных танцев и феромонов, явления импринтинга^[5] у птенцов серых гусей и поведения колюшки в период размножения фон Фриш, Лоренц и Тинберген были удостоены в 1973 году Нобелевской премии в категории «Физиология и медицина». Тот факт, что премию присудили трем зоологам-бихевиористам, доказывает, какой степенью важности обладала в глазах мировой ученой общественности практически новорожденная наука. Трои наблюдательных естествоиспытателей, ставших лауреатами, имело полное право ликовать и пожинать лавры.

Но пока этология только обретала очертания, невозможно было с научной точки зрения подойти к вопросу о том, что чувствует слониха, когда кормит детеныша. Опираясь в своих выводах было не на что. Никто и никогда не наблюдал за поведением животных в естественной среде обитания. Нейронаука находилась в зачаточном состоянии. Любые умопостроения на тему того, что чувствуют животные, неизменно приводили исследователей к проекциям на чувства, присущие человеку. Чтобы вырваться из этого замкнутого круга, новой науке нужны были не умопостроения, а объективные наблюдения.

Умопостроения – это смутные догадки, которые вполне могут закончиться попаданием пальцем в небо. Лучше просто посмотреть, что и как делает слониха. Мы не знаем точно, как работает ее сенсорное восприятие. Зато мы можем подсчитать, сколько минут длится кормление. Даже такой крупнейший в мире авторитет по коммуникации хоботных, как Джойс Пул, не боится признаться: «Меня учили смотреть на всех животных, кроме человека, как на существа, поведение которых не всегда определяется наличием сознания».

Мое профессиональное обучение строилось на том, что от малейших попыток экстраполяции на животное любых результатов деятельности человеческого разума, как то: нравственных ценностей, мыслей, эмоций, – следует бежать как черт от ладана. Мне с самого начала прививали классическое неприятие антропоморфизма, за что я очень благодарен своим педагогам.

Нельзя считать, что в каких-то своих проявлениях (любовных, супружеских, детско-родительских) животные наверняка думают и чувствуют то же, что думали и чувствовали бы оказавшиеся на их месте люди. Они – не мы. И отказ от подобного отождествления позволяет нам получить куда более достоверную картину того, что происходит на самом деле.

Но дело не в том, что вопрос о мыслях или эмоциях животных просто следовало отложить до лучших времен. Отнюдь. Весь предмет исследований оказался под запретом. Вполне себе симпатичный, гибкий и объективный наблюдательный подход заостенел и превратился в жесточайшую ментальную смирительную рубашку. На любые размышления над тем, какие чувства или мысли могли стать стимулами для того или иного поведенческого акта, было наложено табу. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Профессиональный бихевиорист описывает только то, что видит. И точка. Под истинной этологией стали понимать описание и еще раз описание. Можно было написать: «Лев преследует зебру», а вот сказать, что он хочет поймать зебру, – уже антинаучно, потому что это «проекция человеческих эмоций». И вообще, может, лев – это лишенный сознания механизм? Надо еще доказать, что это не так. Можно было сказать: «Слониха встала между слоненком и гиеной». Между ним и антилопой она вставать не станет, а в гиене она видит опасность. Но боже упаси написать что-то вроде «мать пытается

защитить малыша от гиены». Это же антропоморфизм, это за пределами добра и зла! Намерения матери нам неизвестны! И гайки закручивались все туже.

На этапе становления этологии как науки было нелишним сделать из антропоморфизма эдакий сигнал опасности, что-то вроде выброшенного на мачте красного сигнального флага, чтобы все знали: «на борту опасный груз». Но, по мере того как вслед за нобелевским трио первопроходцев в эту область полевой зоологии повалили умы калибром поменьше, антропоморфизм превратился из сигнального флага в пиратский «Веселый Роджер». Появление слова «антропоморфизм» становилось сигналом к абордажной атаке, после которой было костей не собрать. Работу автора, заподозренного в антропоморфизме, не печатали, а в академическом сообществе, где тебя либо публикуют, либо хоронят заживо, это ставило на карту карьеру.

Даже самые аргументированные, пронизательные, логически безукоризненные умозаключения о возможных мотивах поведения животных, их эмоциях и умственной деятельности могли лишиться ученого профессиональных перспектив. Не надо было ничего утверждать – хватало и просто поставленного вопроса. Вышедшая в 1976 году книга со скромным названием «Вопрос осознанности животных» наделала такого шума, что многие бихевиористы поторопились разжаловать ее автора, Дональда Гриффина, в нижние чины и заклеить как «профнепригодного». Хотя Гриффин был не мальчик с улицы, а признанный авторитет, светило, автор теории эхолокации – именно ему удалось разгадать тайну навигации летучих мышей. И вот человека, которого десятилетиями почитали гением, теперь мешают с грязью зашоренные коллеги-ортодоксы за то, что он просто осмелился поднять вопрос о сознании животных!

Рассуждение о том, что кто-то кроме человека способен на чувства, было не просто запретной темой, а профессиональным самоубийством. В 1992 году один из авторов престижного журнала Science предостерег читателей «с бессрочными контрактами в высших учебных заведениях» от включения «работ по изучению сознания у животных» в план научных исследований, причем сделано это было на полном серьезе. Какие уж тут шутки.

Клеймя любые проявления антропоморфизма, ортодоксальные бихевиористы впадали в другую крайность, поскольку всячески способствовали укреплению досужего мнения о том, что сознание и чувства присущи исключительно человеку (подобная позиция, превращающая нас в пуп земли, называется антропоцентричной). Споры нет, прямые проекции наших чувств на животных могут привести к искаженному пониманию истинных мотивов их действий. Но огульное отрицание самой возможности того, что эти мотивы присутствуют, приведет к тотальному непониманию.

Игнорируя способность животных мыслить и чувствовать, этология как новая наука успешно встала на ноги. Но упорствовать в том, что животные этих способностей лишены, значило игнорировать науку как таковую. Что характерно, многие биологи-бихевиористы умудрились забыть об основной максиме биологии: все новое есть улучшенное и дополненное издание старого. Все, что может и умеет современный человек, ему не с неба на голову упало. Чтобы собрать последнюю модель *homo sapiens*, эволюции понадобился обширный арсенал комплектующих, каждая из которых создавалась под какую-то предыдущую конструкцию. Нам же они достались по наследству.

И досталось нам немало. Рассмотрим хотя бы сочленения ноги. Вы только подумайте, какой путь пришлось прошагать этим ногам по маршруту «членистоногое – четвероногое – двуногое прямоходящее». Верхняя кость задней лапы лягушки – это та же бедренная кость, которую можно найти у цыпленка или младенца. Вот вам и иллюстрация к трансформации способов передвижения от земноводных через крылатых птиц до железных триатлонистов, которые должны бегать, плавать и гонять на велосипеде.

Все животные независимо от класса умеют спать. Можно увидеть, как они спят. Или чихают. Или зевают. Различные ветви единого древа жизни пророщены самыми разнообразными узловыми программами. Они меняются от вида к виду, но остаются едиными по сути. Человеческим разумом обладает только человек. Но на этом основании считать человека единственным разумным существом было бы так же нелепо, как утверждать, что раз только у человека есть человеческий скелет, то он единственный, у кого вообще есть скелет. Конечно, скелеты рыб, птиц и слонов можно увидеть в отличие от разума. Зато можно посмотреть на нервную систему и на результаты умственной

деятельности, определяющие логику и границы конкретных поведенческих актов. Почему же к скелету надо подходить с одной меркой, а к головному мозгу с другой? Почему не подумать о том, что разум можно рассматривать с позиции континуума, предполагающей убывание или возрастание? Тем не менее этого никто не хотел видеть.

Зоологи-бихевиористы воздвигли непроницаемую стену между нервной системой всех представителей царства животных, находящихся в родстве друг с другом, и представителями единственного вида *homo sapiens*. Такое отрицание способности думать и чувствовать у остальных животных приводит к единственному выводу, столь милому – что греха таить! – нашему сердцу: мы избранные. Мы иные. Мы лучше. Мы самые-самые. (И эти люди предостерегают нас от впадения в антропоморфизм!)

Десятки лет естествоиспытателей, осмеливавшихся свернуть с торной дороги дескриптивного бихевиоризма, собравшись по цеху безжалостно предавали остракизму. Тех бесстрашных одиночек, кто не был воспитан в традициях бихевиоризма, – первой среди них по праву должна быть названа Джейн Гудолл^[6] – ждала та же участь. Гудолл описывает реакцию, с которой столкнулась в докторантуре Кембриджского университета, где намеревалась продолжать свои исследования шимпанзе: «Я с ужасом услышала, что все делаю неправильно. Абсолютно все. Нельзя давать животным имена. Нельзя говорить об их характерах, разуме или чувствах, потому что все это есть только у человека».

Это ей заявили прямым текстом. По сию пору антропофобия довлеет над стоящими на позициях бихевиоризма естествоиспытателями и авторами научно-популярной литературы, которые, как ученые обезьяны, копируют своих учителей, перестраховывающихся бихевиористов-ортодоксов. «Позор-р-р тем, кто пр-р-риписывает остальным животным эмоции, пр-р-рисующие исключительно человеку», – твердят последние друг другу и своим ученикам. А ученики с попугайским упорством повторяют этот запрет и упиваются своим непоколебимым пр-р-рофессионализмом.

Но что такое «присущие человеку эмоции»? Утверждая, что их нельзя приписывать животным, бихевиористы сбрасывают со счетов одну деталь: человек – то же животное (как часто, уподобившись в чем-то животному, мы говорим себе: я же живой человек!). Наше

чувственное восприятие основано на пяти чувствах, свойственных животным. Мы их унаследовали, как унаследовали и связанную с ними нервную систему.

Все известные нам эмоции лишь волею случая принадлежат человеку. Разом решить, что остальные животные на них не способны, значит приписать человеку исключительное право на любые чувства и мотивацию действий. Для каждого, кто систематически наблюдает за животными или общается с ними, это абсурд. Тем не менее существует немало тех, кто продолжает верить в нашу эмоционально-мотивационную монополию. «Мы по-прежнему не знаем, как добиться точного понимания природы и эмоций (если они ему доступны) животного, не перенося на него ожиданий, связанных с чисто человеческим восприятием окружающего мира» – нашел я в одной из работ Кэйтрин Никол Кейпер^[7], когда подбирал материалы для этой книги.

Какое такое «чисто человеческое восприятие» препятствует нашему точному пониманию эмоций, доступных остальным животным? О чем идет речь? О способности испытывать удовольствие, боль, половое влечение, голод или неудовлетворенность? Об инстинкте самосохранения? О родительских или защитных инстинктах? Всем перечисленным мы обладаем, но это не мешает, а помогает нам понять, что переживают и чувствуют они. Допустим, мы хотим избежать неверной исходной посылки и поэтому перестраховываемся. Но ведь никто не отнимает у нас накопленных знаний, которые не дадут нам сделать неверные выводы. Можно ли подходить к слонам, скажем, с мерками супружеской любви, если мы знаем, что у них семьи включают в себя только самок и молодняк, самцы и самки не образуют постоянных пар, самцы вообще живут поодиночке, кочуют сами по себе и к воспитанию детенышей отношения не имеют? О какой супружеской любви тут может идти речь? Ни один исследователь слонов и заикаться о ней не будет. Так что объективные факты и логика могут служить надежными проводниками. Во всех остальных областях они признаны лучшими инструментами познания. И вообще, объективные факты + логика = наука.

Нам не приходит в голову сомневаться в том, что животное, которое ведет себя так, словно оно проголодалось, действительно

испытывает голод. Но что же мешает нам поверить, что слон, который радуется, и в самом деле испытывает радость? Отмечая у животных чувство жажды или голода, когда они пьют или едят, или усталости, когда они валятся с ног, мы остаемся в рамках научной объективности. Но почему мы боимся погрешить против нее, если видим, как они веселятся и радуются, играя с малышами или другими членами своей семьи? Тем не менее в науке о поведении животных давно наблюдается этот абсолютно антинаучный перекося. Ведь с научной точки зрения самое простое объяснение часто оказывается самым верным. Когда животное выглядит довольным в обстоятельствах, которые должны приносить ему удовольствие, проще всего предположить, что оно испытывает чувство удовольствия. Мозг животных похож на наш и вырабатывает те же гормоны, что отвечают за человеческие эмоции, – и это, кстати, тоже объективный факт. Так что никаких предположений делать не надо. Надо быть внимательным и объективным – но не зашоренным. И фактами надо пользоваться, а не манипулировать.

За неделю до того, как я поставил в этой книге точку, ко мне пришло письмо от австралийского коллеги, занимающегося исследованием кораллов, с такими вот словами: «Желаю удачи с книгой, хотя провести грань между антропоморфными факторами и тем, что происходит на самом деле, думаю, непросто». А я думаю, что самое большое препятствие – уже упоминавшийся перекося в сознании, который попросту мешает нам увидеть, что же происходит на самом деле. Боясь впасть в антропоморфизм, человек отмечает, что собака скреблет пол, и будет всячески открещиваться от того, что она *хочет* (о, это страшное слово!) гулять. Никто же не знает, что на самом деле собака думает: «Так, ребята, либо выведите меня, либо я сейчас надую на пол» (а она именно так и думает). Конечно, собака хочет гулять. И если вы от этого открещиваетесь, готовьтесь подтирать лужи.

Способность – и потребность – устанавливать глубокие социальные связи между индивидуумами уходит корнями глубоко в прошлое. Она значительно старше человека. Родительская забота, удовлетворение, дружба, сострадание, тоска – все это существовало до возникновения человека.

Наш «мозговой провенанс»^[8] неотделим от головного мозга других существ. Об этом позаботился плавильный котел бытия,

бурлящий долгие миллиарды лет. Но все сказанное выше можно отнести и к разуму. Человеческий разум возник наряду с разумом других существ на одном долгом витке бесконечной спирали Жизни.

В глубинах подсознания

Как нам представить себе мировосприятие слона или мыши? Ни слон, ни мышь не могут рассказать нам, что и как они думают. А вот их мозг может. Сканирование головного мозга доказывает, что первичные эмоции, такие как печаль, радость, ярость или страх, а также стимулы – голод и жажда – являются, по мнению светила современной нейронауки Яака Панксеппа, порождением «глубинных и самых древних участков мозга», то есть гнездятся где-то в глубинах подсознания.

Сегодня в лабораторных условиях можно спровоцировать ту или иную эмоциональную реакцию реципиента путем электростимуляции определенных мозговых структур. Выяснилось, что ярость и у человека, и у кошки возникает при раздражении током одного и того же участка мозга.

Есть и другие доказательства сходства наших с животными ощущений: например, аналогичные реакции на психотропные вещества. У крыс, так же как у людей, может развиться зависимость от психодислептических наркотиков, вызывающих эйфорию. Навязчивые состояния у собак являются результатом тех же патологий головного мозга, что и биполярное расстройство личности у человека. Это одно и то же заболевание, и для облегчения состояния пациентов используют одни и те же препараты.

Стресс приводит к выбросу в кровь животного тех же гормонов, которые можно обнаружить в крови издерганного человека. Так, в организме речных раков, получивших в ходе эксперимента слабые удары электрического тока, отмечался повышенный уровень кортизола – так называемого гормона стресса. После дозы хлордиазепоксида – транквилизатора, который раньше широко применялся при невротических расстройствах, – раки вылезли из укромных мест, где прятались, вновь начали ползать и копаться в грунте, то есть вести себя обычным образом. В отчете об эксперименте подчеркивается, что под воздействием стресса «...ракообразные демонстрируют невротические реакции, свойственные позвоночным».

Крабы и омары неоднократно по моей вине подвергались испытаниям значительно более серьезным, чем слабый разряд электрического тока, так что после такого заключения я испытываю угрызения совести. Может, перед тем как отправлять новую порцию ракообразных живьем в кипяток, стоит дать им (или себе) дозу хлордиазепоксида? Или вообще отказаться от креветок и сварить в этой воде спагетти?

Страх у многих животных «запускает» древнейшие биохимические механизмы, не претерпевшие в ходе эволюции никаких изменений, что вполне объяснимо: инстинкт самосохранения любого живого существа велит ему в условиях подстерегающей на каждом шагу опасности сидеть и не высовываться.

У полосатых аквариумных рыбок данио-рерио, которых часто используют для научных экспериментов, страх проявляется так: они начинают беспорядочно метаться по аквариуму и перестают копаться в грунте. Австралийский исследователь Кулум Браун отмечал подобное поведение как реакцию данио-рерио на большие дозы кофеина и феромонов – гормонального секрета, который рыбки выделяют как сигнал тревоги. Интересно, что их болевые рецепторы обнаруживают, как пишет профессор Браун, «...поразительное сходство с человеческими».

Ситуации, провоцирующие болевые ощущения, стимулируют «в переднем мозге рыб процессы, аналогичные тем, что отмечаются у человека». Как рыбак, я со всей ответственностью заявляю: допустить, что рыба чувствует боль, значит лишить себя удовольствия от занятия, связанного с причинением ей этой боли. Поэтому рыбаки вынуждены закрывать глаза на этот факт. По логике вещей такая важная первичная эмоция, как страх, должна зародиться на самой заре эволюции и неизменно сохраняться в ее ходе как защитный механизм, обеспечивающий выживание рядом с недремлющими хищниками. И эта логика оказывается верной. Исследователи, изучающие одного из крупнейших представителей заднежаберных моллюсков – аплизию (лат. *Aplysia*), которую также называют морским зайцем, – утверждают, что «...у беспозвоночных отмечаются реакции, функционально аналогичные страху, и это... свойственно многим представителям животного мира». «Поразительно, насколько схожи первичные эмоции у человека и животных!» – пишет Яак Панксепп, но на самом деле

куда более поразительно наше по этому поводу изумление. А чего, собственно, мы должны ожидать?

Разные формы жизни обладают схожими первичными эмоциями, потому что более высокоразвитые живые организмы, несмотря на процесс эволюции, унаследовали от предшественников древнейшие эмоциональные механизмы. Так, генам, отвечающим за выработку мозгом окситоцина и вазопрессина – гормонов гипофиза, регулирующих в том числе и настроение, – не менее семисот миллионов лет. Скорее всего, они «...возникли одновременно с появлением у животных способности двигаться и принимать решения на основе прошлого опыта», – читаем мы в докладе исследовательской группы из Лёвенского католического университета под руководством Изабель Битс. «Если на дождевого червя внезапно падает луч света, – писал Дарвин, – червь тут же уходит в землю, словно кролик в нору». Но если светить на него долго, то есть пугать продолжительное время, он перестанет прятаться. Такая очевидная способность к обучению на прошлом опыте натолкнула Дарвина на мысль о наличии у дождевых червей «начатков умственной деятельности». Наблюдая за тем, как они оценивают пригодность того или иного объекта для закупоривания норки на период спячки, восхищенный Дарвин отметил, что черви «...заслуживают называться разумными, поскольку действуют практически теми же способами, какие использовал бы в аналогичных обстоятельствах человек».

Вам смешно? Дарвин написал это в 1882 году. А вот цитата из опубликованной в 2012-м статьи профессора Скотта Эммонса под красноречивым заголовком «Настроение червя»: «У червей и у человека работают одни и те же неврологические механизмы». Речь в статье идет не о дождевых червях, а о свободноживущей нематоде *Caenorhabditis elegans*^[9] – круглом черве длиной около 1мм. И вот что интересно: этот маленький червячок с длинным латинским названием обладает набором генов, практически идентичных тем, что лежат в основе нервной системы человека, поэтому можно «...провести параллель между структурой связей в нервных системах этих двух организмов». Нервная система *C. elegans* одна из самых простых и включает в себя триста два нейрона, между которыми семь тысяч связей (для сравнения: человеческий мозг насчитывает около ста миллиардов^[10] нейронов, а связей между ними в 10 000 раз больше). В

организме *C. elegans* отмечается наличие вещества под названием нематоцин, близкого по составу к половому гормону окситоцину и выполняющего приблизительно те же функции: он стимулирует поиски полового партнера. Чем меньше из-за генетической мутации у самца нематоцина, тем менее активно он ищет самку, тем больше времени ему требуется на то, чтобы ее распознать, тем медленнее он начинает спаривание и тем «хуже результат». Бедный парень! Скотт Эммонс, профессор нью-йоркского Медицинского колледжа им. А. Эйнштейна, приходит в своей статье к замечательному выводу нам в назидание: «Подобно тому как на местах, где некогда пролегали древние звериные тропы, возникают современные дороги или шоссе, ныне существующие биологические структуры тоже могут содержать в себе какие-то глубинные первичные черты». И далее он предостерегает: «Было бы ошибкой считать беспозвоночных примитивными созданиями».

Окситоцин приводит к образованию постоянных пар у моногамных грызунов (например, желтобрюхих полевок) или пернатых (среди них зебровые амадины – певчие птицы с полностью расшифрованным геномом) и вообще определяет сексуальное или социальное поведение у разных представителей животного мира. Не будь этого гормона, они потеряли бы интерес к общению, поиску пары, гнездованию и любым контактам с себе подобными. Окситоцин и эндорфины, обладающие эффектом опиатов, вызывают ощущение удовольствия и социального комфорта, свойственное многим животным, включая человека. Ничтожная доза окситоцина немедленно заставляет мужчину-отца с большим интересом возиться с малышом, активнее искать с ним прямого глазного контакта, охотнее с ним играть. При этом повышенное отцовское внимание приводит к ответному выбросу окситоцина в младенческом мозгу, так что возникающая в паре химия – это не сказки.

Случается, человек знает: то, что он сейчас делает, до добра не доведет, – и все-таки продолжает это делать, потому что гормоны захлестывают глубинные отделы его мозга и отключают сдерживающие центры. Таким образом под влиянием гормонов могут вырваться наружу томившиеся в клетке приличий сексуальные желания, и человек, теряя контроль над собой, начинает совершать какие-то действия. Эмоции захватывают мозг, как вооруженные

террористы – самолет, а здравый смысл лежит в углу, связанный по рукам-ногам и с кляпом во рту. Секс – предприятие настолько рискованное и сложное, что мы бы на него никогда не решились, не посылай нам мозг химических сигналов с требованиями очередной гормональной «дозы». Звучит как сугубо животный акт. И не только звучит, поскольку это и есть сугубо животный акт, столь же упоительный, сколь пугающе необузданный.

В далеком 1883 году английский натуралист Джордж-Джон Роменс, современник и друг Дарвина, писал в своем труде «Эволюция ума животных»: «Будь перед нами нервная ткань медузы, устрицы, насекомого, птицы или человека, мы без труда увидим сходство ее составных элементов, потому что все они до той или иной степени одинаковы». Зигмунд Фрейд отмечал изначальное сходство нервных клеток у ракообразных и человека. Он понял, что нейрон – сигнальный блок нервной системы животного. По мнению Оливера Сакса, нейроны «...в основе своей остаются неизменными у всех представителей животного мира: от самых простых до самых сложных. Разница лишь в их количестве и организации связей между ними».

Посему слова Вики Фишлок про «один на всех» мозг против истины не грешат. Скорее даже не один, а единый, что у нас, что у безмозглых червей. Не зря же говорится: червь во прахе – и то божья тварь. А что, если каждая божья тварь способна хотя бы на некоторые из ощущений, которые применительно к человеку называются «сомнение», «тревога», «беспокойство», «горечь», «страх», «ужас», «заносчивость», «обидчивость», «надежность», «гнев», «пренебрежение», «ярость», «ненависть», «недоверие», «разочарование», «поддержка», «терпение», «настойчивость», «интерес», «привязанность», «удивление», «радость», «удовольствие», «веселье», «самозабвение», «печаль», «уныние», «раскаяние», «вина», «стыд», «скорбь», «благоговение», «изумление», «любопытство», «юмор», «добродушие», «нежность», «вожделение», «страсть», «любовь», «ревность», «верность», «сострадание», «бескорыстие», «гордость», «тщеславие», «робость», «невозмутимость», «облегчение», «негодование», «благодарность», «омерзение», «надежда», «скромность», «печаль», «безысходность», «справедливость»...

Неужели возможно, чтобы из этого длинного перечня человеку было ведомо все, а животным ничего? Вряд ли. Если бы мы точно понимали, что именно чувствуют животные, не было бы нужды проецировать на них наши чувства. Но отрицать сам факт наличия у них чувств, когда эти чувства на самом деле есть, было бы ошибкой. И эту ошибку мы продолжаем совершать. Я не берусь утверждать, что людей и животных обуревают одни и те же эмоции. Самоуничижению, например, они предаваться не умеют, это чисто человеческое свойство.

Но может быть, зря мы боимся наделить животных какими-то своими чувствами? Может, стоит забыть об этих страхах? Или лучше о страхе поговорить? Природа знает обитателей птичьих базаров и колоний тюленей, которые миллионы лет селятся на островах в открытом океане, за сотни километров от обитающих на материке хищников. Благополучно разминувшиеся с возможными врагами во времени и пространстве, эти животные не боятся хищных зверей. У них отсутствует чувство страха перед другими млекопитающими. И когда на их острове появляются приплывшие на корабле крысы, кошки, собаки и люди, спасительный страх не велит им спастись бегством. Он им неведом. И вскоре за это неведение приходится платить страшную цену. Насиживающие яйца альбатросы, не шелохнувшись, позволяют крысам в полном смысле слова жрать себя заживо. Они не срываются с места, не разлетаются, когда люди ради перьев и пуха забивают их палками, и счет жертвам идет на миллионы.

Но, с другой стороны, есть материковые виды фауны, которые бессчетное количество лет были добычей охотников. Эти животные, которым прекрасно ведомо чувство страха, преспокойно живут себе в каких-нибудь заказниках или заповедниках, где охота запрещена. Обычно отличающиеся робостью и недоверчивостью утки, дикие гуси, индюки (они бывают не только домашние), олени, койоты могут в условиях пригородной зоны безнаказанно обнаглеть. Дикие канадские гуси разгуливают по территории университетского кампуса, где я работаю, и буквально путаются у людей под ногами. Но во время сплава по реке на севере Квебека, в местах значительно более заповедных, я этих гусей видел только мельком, исключительно в полете и с тыла, потому что нашими проводниками были индейцы кри, для которых гусятина – любимое лакомство. Стоило птицам завидеть

наши лодки, выгребаящие из-за поворота, как вся стая взмывала в воздух и мчалась прочь.

В африканских национальных парках львы запоминают, что можно без тени страха развалиться в тени джипа, набитого туристами. Гепарды порой запрыгивают на капот или крышу автомобиля, чтобы с высоты обозревать свои охотничьи угодья. Слоны по отношению к человеку могут вести себя испуганно, агрессивно или совершенно равнодушно, в зависимости от того, какую реакцию они встречают по отношению к себе. К чему я веду? К тому, что, когда животное испытывает чувство страха, это легко заметить. И когда не испытывает, тоже. Ошибиться невозможно. А мы, боясь приписать им эмоции, которых у них нет, впадаем в другую крайность и отрицаем существование у них тех эмоций, которые им на самом деле свойственны.

Подведем черту. Способны ли животные на человеческие эмоции? Да, способны. Способен ли человек на животные эмоции? Безусловно, ведь они у нас во многом совпадают. Многие животные испытывают и демонстрируют проявления страха, агрессии, удовлетворения, беспокойства, удовольствия. Эти эмоции – порождение наших общих с животными мозговых структур и биохимии, нашего общего наследия, полученного от общих предков. Мы испытываем общие чувства и живем в общем мире. Слон, приближаясь к воде, предвкушает блаженство от прохлады и грязевых ванн. Моя собака переворачивается на спину и просит почесать ей пузо, потому что опять-таки предвкушает расслабляющее ласковое поглаживание. Даже когда собаки сыты, они с восторгом грызут лакомства. Они ими наслаждаются.

Так что не стоит бояться переносить на животных наши «... ожидания, связанные с нашим чисто человеческим пониманием окружающего мира». Куда опаснее было бы переносить на них наши заблуждения. Что плохого в том, чтобы чисто по-человечески принять самое глубинное, самое сокровенное знание о мире: все живое – единое целое? Их клетки – это наши клетки, их тело – наше тело, их скелет – наш скелет. Их сердце, легкие, кровь – все это наше.

Вот что для меня значит понимать мир *чисто и по-человечески*, и, если нам удастся подойти к животным с этих позиций, это станет огромным шагом в ходе гигантского постоянно продолжающегося

эксперимента под названием жизнь, в котором есть место каждому виду. Каждый вид занимает в этом пространстве свою нишу, но между ними нет четких границ, как нет ладов на скрипичном грифе. Звуки надо находить. Их надо обрести. Надо дать им слиться в единой симфонической гармонии.

Наша дружная семья

В конце 60-х годов прошлого века, за несколько лет до приезда Синтии Мосс в Кению, один из основоположников этологии британский зоолог Иэн Дуглас-Гамильтон первым установил, что ячейка слоновьего социума – это самка и ее детеныши. Сорок лет спустя по моей просьбе Иэн публично вспоминал, какое ошеломляющее впечатление произвел на него этот факт в то время, когда неоспоримое лидерство альфа-самцов во всех областях почиталось непреложной истиной:

– Когда я впервые осознал, что в слоновьих семьях главенствуют слонихи-матриархи, я увидел в них воплощение непоколебимого женского интеллекта.

(Не так давно человек по имени Друба Дас, обучающий в Индии местных крестьян искусству бесконфликтного сосуществования человека со слонем, прокомментировал эту фразу: «„Интеллект“ – неточное слово. Скорее, речь о мудрости. У них невероятная интуиция. Они знают, что надо делать. В любых обстоятельствах они всегда смогут извлечь из ситуации максимальную пользу».)

Старшая по возрасту слониха, ее сестры и их дети живут вместе и образуют семью. Это слово я использую за неимением лучшего, поэтому сразу оговорюсь: под слоновьей семьей я понимаю некую группу, которая опекает малолетнее потомство и занимается его воспитанием. Чтобы вырастить и поставить на ноги одного слоненка, требуются усилия, сопоставимые с трудом целой деревни. Как правило, матриархом, хранителем семейной истории и знаний, становится старшая самка. Матриарх принимает решения о маршруте семейного кочевья и его продолжительности. Для остальных членов группы она – надежная опора, главная защитница, консолидирующий центр. Ее характер – спокойный или неровный, твердый и отважный или, наоборот, нерешительный – задает в семье общий тон. Семья полагается на знания, которые хранит мозг верховной слонихи и ее умудренных опытом сестриц. Семьи существуют десятилетиями. Пока матриарх жива, ее взрослые дочери не станут отмежевываться даже на короткое время, а постараются держаться матери.

Жизнь слоних и молодняка протекает в общении с членами своей семьи, а также со знакомыми семьями, слонами-подростками и взрослыми самцами. Эти связи, расходящиеся лучами в разные стороны, соединяют всю популяцию слонов в единое целое. Слонихи, не состоящие в родстве, способны дружить долгие годы. Семьи, связанные прочными дружескими узами, образуют союзы, в которые входят как кровные родственники (например, члены одной семьи, разделившейся надвое, потому что она стала слишком многочисленной), так и просто друзья. Возможны самые разнообразные сочетания. Молодые самцы уходят из семей и постепенно прибиваются к другим самцам, с которыми начинают активное кочевье.

– Вон, видите, трусит за ними? – Вики показывает пальцем на небольшого слона, следующего за остальными на некотором расстоянии. Он бредет через пустошь, поросшую короткой травой. – Это Эмметт, ему уже четырнадцать.

Из-за своего возраста слону-подростку пришло время покинуть семью. Не исключено, что его просто выставили.

– Так и увязывается теперь то за одной семьей, то за другой.

Мне кажется, ему одиноко. Может, он даже чувствует себя парией. Этот переходный период действительно очень непросто. Молодой слон так и будет тенью следовать за семьями, пока не возмужает и не научится взаимодействовать с самцами. Взрослые слоны живут группами либо кочуют поодиночке от одной семьи к другой в поисках основного предмета вожделения любой особи мужского пола.

Самец растет быстрее, чем самка, вырастает в среднем в два раза крупнее и чуть не в два раза тяжелее, чем она. Слониха растет приблизительно до двадцати пяти лет, достигая высоты в холке около двух с половиной метров, и может нагулять массу тела почти до трех тонн. Слон вымахивает до трех с половиной или чуть больше в холке, самые крупные весят до пяти с половиной тонн.

Если семья слишком разрастается или матриарх погибает, среди членов медленно зреет раскол. Однако известны и противоположные примеры, когда несколько небольших семей сливались в одну. Можно сказать, что слоны, подобно людям, ведут общинный образ жизни, который нам на удивление понятен. Такие сложно организованные

общины существуют не только у слонов и человека, но и у волков, человекообразных обезьян и некоторых китообразных.

Раскол или слияние в семье, безусловно, зависит от характера конкретных особей.

– Я вам вот что скажу, – продолжает Вики. – Лозунг любой семьи – «нас не разлучить», и, поверьте, ни разу я не слышала о семье, которая бы развалилась сама по себе, без каких-то объективных факторов.

Вики занимается изучением причин, по которым саванные слоны в Центральной Африке тяготеют к строго определенным территориям.

– Сначала я очень увлекалась всеми этими элегантными логическими построениями типа поиска партнера или особенностей минерального состава почвы, но ни одно из них не подтвердилось, – смеется она.

Ответ, который она нашла, чрезвычайно прост: слоны идут на определенное место, потому что туда приходят другие слоны.

– И никаких других причин нет. Они просто делают то, что им хочется.

Основное правило слоньего социума заключается в том, что там все держится на личных контактах. Движение происходит потому, что одной слонихе хорошо рядом с другой, и они просто хотят побыть вместе.

– Бывает, что семья идет в каком-то направлении, а потом они слышат других слонов, узнают их, а дальше... ну, знаете, как это бывает: ой, мы сто лет не виделись, а давайте зайдём, а давайте погостим!

Есть самки, которые дружат по шестьдесят лет.

– Так что слонам хорошо в компании других слонов, – подводит итог Вики. – Вот вам большой слоний секрет. Конечно, для каждой из сторон в общении может быть и какой-то свой интерес, но прежде всего оно им просто в радость.

Слоны, похоже, лучше, чем человекообразные – да и сам человек, – умеют одновременно держать в фокусе внимания большое количество особей. По своей способности к распознаванию они превосходят приматов (исключая, конечно, относящихся к тому же отряду исследователей слонов, а их единицы). Каждый слон в Национальном парке Амбосели знает всех взрослых хоботных в

популяции. Когда исследователи проигрывали записанный зов отсутствующей слонихи членам ее семьи или общины, те начинали двигаться в направлении звука и трубить в ответ, а вот на запись голоса слонихи из другого клана такой реакции не было. Стоило включить голос «чужака», как вся семья сбивалась в кучу и, приготовившись к обороне, начинала втягивать задранными хоботами воздух.

«Умный, общительный, тонко чувствующий, импозантный, восприимчивый, уважающий старших, веселый, с чувством собственного достоинства, добрый и самоотверженный – обладатель такого набора качеств стал бы желанным гостем в любом самом изысканном обществе, – пишет Синтия Мосс в соавторстве с Джойс Пул и еще несколькими исследователями. – И всеми этими качествами обладают слоны». Слон «...достоин уважения в том же смысле, в каком его достойна человеческая жизнь», – читаем мы у Иэна Дугласа-Гамильтона, с которого, собственно, и начались современные исследования поведения слонов. Все это замечательно, но, если жизнь к слону безжалостна, он тоже становится беспощадным. В периоды засухи животным приходится бороться за исчезающие на глазах еду и воду. И тем не менее Дуглас-Гамильтон настаивает, что «...даже в несчастье и опасности слоны проявляют исключительное терпение к себе подобным и свято блюдут семейные узы».

В отличие от большинства приматов они редко демонстрируют желание доминировать над сородичами и не пытаются силой подняться на более высокую ступень в семейной иерархии. Вообще эти иерархические игры в слоновьем социуме не считаются по-настоящему важными. Больше всего ценится опыт, поэтому лучшим «карьерным лифтом» можно назвать возраст. Даже в самых острых ситуациях главенство проявляет себя исподволь, какими-то еле заметными звуками и жестами, оно чувствуется в повышенном уровне ожиданий со стороны остальных членов семьи, но, как правило, ими не оспаривается.

Шедевр и баловень природы слон,
Который столь же мощным сотворен,
Сколь благородным, ни пред кем колена
Не преклонял (поскольку не имел

Колен, как и врагов).

Джон Донн, 1612 г.^[11]

Но даже этому благородному баловню природы может изменить привычное миролюбие.

Бывает, засуха и вызванный ею дефицит пищи провоцируют в животных агрессивное доминантное поведение. От степени агрессивности отчасти зависит доступ к еде и воде и, как следствие, выживание. И опять-таки на этом фоне проявляются какие-то сугубо индивидуальные черты характера. Слониха-матриарх по прозвищу Рваное Ухо, блюдя интересы собственного клана, по отношению к остальным была так безжалостна, что Синтия Мосс поминает ее не иначе как «стерву, но зато с какой харизмой!».

– Большую семью всегда возглавляет старейшая могучая слониха, которой остальные с готовностью подчиняются, – говорит Вики.

Прожитые годы не случайно считаются плюсом в глазах слонов. Столь почитаемые ими старики – носители необходимых для выживания знаний. Подчас судьба клана зависит от действий одной особи, которая руководствуется информацией, принятой к сведению десятки лет назад. Старые самки, кроме того, хранят в памяти голоса и призывы слонов из других семей и кланов, такие длинные-предлинные «списки френдов». Так что дороже всего в слоновьем социуме ценится жизненный опыт, накапливаемый с возрастом. Слоны славятся памятью – прежде всего потому, что им есть что помнить на своем долгом веку.

Именно об этом и рассказывает Вики:

– Умудренная опытом слониха, возглавляющая стадо, запросто может «скомандовать» своим: идем вверх по склонам, потому что я помню, что в это время года на холмах были вода и трава, которую можно есть.

Пустынные слоны^[12] в поисках воды способны ежедневно проходить до шестидесяти пяти километров, «наматывая» таким образом за пять месяцев расстояние шестьсот пятьдесят километров. Иногда они совершают длинный поход на сотни миль по маршруту, которым не пользовались долгие годы, чтобы добраться до

полноводного источника, ожившего после обильных ливней. Откуда они знают, что идти надо именно туда? Неужели гремящие вдали грозы вызывают колебания почвы у них под ногами? Или они помнят, куда и когда надо выдвигаться? Судьба семьи зависит от точности принятого верховной слонихой решения.

– Если матриарх старше тридцати пяти лет, у семьи больше шансов выжить, – объясняет мне Вики.

И слоны это, похоже, знают. Семья во главе с молодой неопытной самкой может кочевать в кильватере другой семьи, которую ведет умудренный годами матриарх. Таким образом, старейшие слонихи руководят самыми крупными и влиятельными кланами. И успех в буквальном смысле порождает успех; самой старшей в Амбосели самке, произведшей на свет потомство, было шестьдесят пять лет. Правда, в большинстве своем после пятидесяти пяти слонихи не рожают и переходят на роли старых мудрых бабушек, помогающих молодняку выживать. В течение жизни у слонов шесть раз меняются зубы. Последняя смена происходит лет в тридцать. К шестидесяти годам зубы изнашиваются, стираются практически до десен, и старые животные, не имея возможности полноценно питаться, умирают от истощения. Но к тому моменту как матриарх отходит в мир иной, у нее вырастают взрослые дочери, накопившие достаточно знаний, чтобы возглавить семью. У людей знание, подкрепленное жизненным опытом и позволяющее преодолеть экзистенциальные кризисы, называется мудростью. Так что слон – это не только существо из плоти и крови, но и кладезь премудрости, необходимой для выживания. Только бы мир на его веку не менялся слишком сильно, и тогда содержимое этого кладезя будет оставаться актуальным десятки лет. Долгие тысячелетия слонам это удавалось.

Мощные бивни матриархов делают их желанной добычей браконьеров, так что своей смертью слонихи умирают нечасто. Преждевременная гибель главы семьи застаёт остальных врасплох, потому что происходит на несколько десятков лет раньше срока. И прежде всего она влечет за собой разрушительные психологические последствия. Некоторые семьи распадаются. Слонихи невероятно привязаны к своему потомству, поэтому раскол переживают крайне болезненно. Осиротевшие слонята младше двух лет выжить не способны, сироты младше десяти редко доживают до взрослого

возраста. Если они все еще на молочном вскармливании, их шансы выжить ничтожны. У любой лактирующей слонихи в семье есть собственный слоненок, которого надо кормить, и молока на двоих у нее просто не хватит. Случается, что осиротевший малыш встречает «молочную» слониху, недавно потерявшую малыша, которая готова стать ему приемной матерью, но это бывает редко. Иногда подростки-сироты сбиваются в стихийные группы, где нет признанного всеми лидера. Те, кому удалось выжить, навсегда сохраняют память о пережитой трагедии. Они вырастают недоверчивыми и по отношению к человеку часто ведут себя агрессивно, что хорошим отношениям между людьми и слонами не способствует.

– А вот тут у нас кое-кто валяет дурака, – смеется Вики. – Вон та красотка, видите? Какая походочка, и хоботом туда-сюда!

Вижу-вижу.

– Как-то раз, когда я только приехала, – вспоминает Вики, – мы с Норой вели наблюдение, и вдруг слоны давай бегать вокруг машины и трубить, кто во что горазд. Я опешила, дескать, что происходит, а Нора мне: ничего, они просто бесятся.

Бесятся? Валяют дурака? Как это?

Не успел я это подумать, как взрослая слониха опустилась на колени и поползла вперед, дурашливо мотая головой. Они просто радуются. Мы же тоже, бывает, прыгаем, скачем и вопим «ура!». О слонах часто говорят, что они умные. Но и подурачиться они не прочь. Если рядом нет товарищей для игр, молодой самец может в шутку пугнуть вас, вроде как атаковать, потом пристроиться в хвост машины или начать крутиться. Перед моим джипом, например, один такой шутник однажды встал на колени и давай кидать мне в стекло кости зебры, чтобы я с ним поиграл.

– Когда нет засухи, у них веселье бьет через край, – рассказывает Вики. – В сезон дождей слоны счастливы. Когда я только приехала, они еще не отошли после той страшной засухи, а теперь подавленность уходит, они потихоньку оживают, становятся более милыми, дружелюбными, легко идут на контакт или просто шалят. И конечно, колоссальную роль в этих переменах играет малышня. Самки смотрят, как их слонята встают на ножки, играют, спят, и для них это верный признак того, что все хорошо, что семья в полном порядке, ведь дети – это здорово.

Ой, мамочки!

Упитанные слонята кажутся перекормленными. Перед машиной, заслоняя собою все лобовое стекло, проходит слониха, и Вики комментирует:

– Посмотрите-ка на эту кормящую мамашу. Видите, какая грудастая и как все это хозяйство колыхается, когда она ходит. Молока там вдоволь!

«Вдоволь» значит около двадцати литров в день. Слонята находятся на грудном вскармливании до пяти лет, и, наверное, когда у них прорезываются молочные бивни, мамашам это причиняет некоторое неудобство.

Материнство, как и главенство в семье, не должно быть скороспелым.

– Самки достигают половой зрелости к тринадцати годам, но мамаше-подростку справиться с потомством куда сложнее, чем двадцатилетней слонихе.

Неопытные мамки могут зайти в холодную воду и застудить малыша. Могут завести его в такое место, где за ним не будет должного присмотра. Могут вообще не представлять себе, каково это – быть мамой. Когда семнадцатилетняя Таллула принесла первенца, она была растеряна, подавлена и просто не знала, что делать. Ей было невдомек, что надо направить новорожденного к соскам, а потом выставить вперед ногу, чтобы малыш мог дотянуться до набухшей молочной железы и стоять спокойно. Вместо этого слоненок, которому почти удавалось захватить сосок ртом, мигом получал от матери по хоботу и, потеряв равновесие, падал, а мать не знала, как вздернуть его на ножки. Только через какое-то время она сообразила, что делать.

А вот несколько раз рожавшая сорокасемилетняя Дебра с момента появления младенца на свет вела себя на диво спокойно и собранно. Она совершенно не волновалась. За первые полчаса жизни малыш терял равновесие пять раз, и после каждого падения Дебра бережно поднимала его, подставляя ему под пузико ногу и поддерживая хоботом. Через полтора часа он добрался до маминых сосков и припал

к ним, а Дебра стояла, выставив ногу и не шелохнувшись, те две с лишним минуты, пока он жадно сосал молоко.

Вики этот контраст между юными и зрелыми мамами всячески подчеркивает:

– С возрастом из них получаются феноменальные матери. Во-первых, у них непошибаемое спокойствие. А во-вторых, куча помощниц, которыми они обзаводятся за годы жизни.

Она на мгновение задумывается, потом продолжает:

– Возраст отражается на их отношении к происходящему. Двадцатилетние свою миссию несколько преувеличивают. К тридцати годам все как-то устаканивается, каждый знает свое место. А когда им уже пятьдесят-шестьдесят, они так хорошо понимают, что почем, что воспринимают все с олимпийским спокойствием.

При рождении слоненок весит чуть меньше ста двадцати килограммов, высота в холке не больше девяноста сантиметров. У большинства млекопитающих масса мозга при рождении составляет 90 % от мозга взрослой особи. У слона – 35 %, то есть мозг новорожденного слоненка весит почти в три раза меньше мозга взрослого животного. У человека (для сравнения) это 25 %, то есть мозг взрослого в четыре раза тяжелее мозга младенца, потому что у слонов и у людей его основное развитие происходит не внутриутробно, а после рождения.

– От рождения слоненок может сам сосать молоко и следовать за матерью. Больше он ничего не умеет, – поясняет Вики. – Новорожденные почти сразу могут ходить, но без матери они совершенно беспомощны. Видеть они начинают только на второй неделе жизни.

В первые месяцы слоненок жметя к матери, ищет с ней тактильного контакта, а она в свою очередь постоянно подает ему сигналы – негромкие рокочущие звуки, – словно хочет сказать: «Мама здесь. Мама с тобой».

Слоненок трусит за матерью и без конца спотыкается о корни или путается в высокой траве. Удержаться на ногах или высвободиться ему частенько помогают бдительные кузины, достигшие подросткового возраста. Стоит малышу упасть или застрять, стоит кому-то толкнуть его или просто напугать, он издает громкий вопль, похожий на скрип двери, за которым следует мгновенная реакция. Молодые самки,

опережая друг друга, бросаются на выручку, так что мать, бывает, к собственному ребенку не может пробиться. Умудренные годами мамы часто не спешат вмешиваться, предоставляя все ретивым молодухам. Вокруг упавшего слоненка собираются все самки, его тщательно осматривают и успокаивают под аккомпанемент специальных возгласов поддержки.

Маленький слоненок может обратиться за помощью к любому взрослому. Тетки и бабушки с готовностью и ловкостью нянчат его, а опытная мать, что называется, и ухом не ведет, пока ее малыш находится под опекой подходящей взрослой слонихи. В течение первых пяти лет, пока слоненок грудной, его отпускают от взрослых на расстояние не более длины корпуса. Он должен научиться у остальных слонов, которые его оберегают, всем слоновьим премудростям. Поэтому между взрослыми особями и молодняком обыкновенно царят дружба и поддержка, агрессивное поведение старших по отношению к младшим – редкость. Малышей принято баловать, и они даже могут начать манипулировать взрослыми, чтобы вокруг них попрыгали. Они так часто вопят по любому поводу, что у наблюдателей складывается ощущение, будто на самом деле это просто капризы.

Для новорожденного слоненка главным проводником информации об окружающем мире служит хобот, который всюду лезет, все обнюхивает и ощупывает. Этот же хобот становится для малыша источником постоянных сложностей. Пока слоненок не научится им управлять, длинный гуттаперчевый отросток живет своей отдельной жизнью. Детеныш частенько бесцельно мотает хоботом, поднимает-опускает, крутит-вертит туда-сюда, чтобы узнать, на что эта штука способна. Бывает, он спотыкается, наступив себе на хобот, а бывает, тянет его в рот, чтобы успокоиться, – так ребенок сосет большой палец.

С первых дней жизни слонята пытаются им что-нибудь поднимать, демонстрируя при этом чудеса сосредоточенности, потому что поднять с земли палку совсем не просто. В три месяца они пробуют есть жесткий корм. Малыш может долго водить хоботом вокруг какой-нибудь былинки, примериваясь, как бы ее захватить, потом наконец хватает ее, роняет, долго-долго поднимает с земли и в конечном итоге водружает себе на темя. Иногда, не желая связываться с хоботом, он просто опускается на колени и берет интересующий его

образчик травы ртом. С водой, как правило, та же история. Овладеть искусством хоботной ирригации слоненку удастся только месяцев через пять.

На моих глазах восьмимесячная слониха пытается выдернуть хоботом пучок травы. Ее потуги напоминают неумелые манипуляции человека, который впервые ест палочками, а еда не желает отправляться в рот. Половина травы оказывается на земле. Она оборачивается на мать, которая, словно желая преподать дочке наглядный урок, вытягивает из земли травяной пук и с аппетитом жует. Слонята частенько запускают хоботы за щеки перекусывающих родственников и тащат оттуда еду. Так они выучивают запах и вкус растительности, пригодной в пищу.

Прямо сейчас несколько семей, то есть около ста тридцати слонов, пасутся в зарослях высокой травы, запахом напоминающей шалфей. В стаде много молодняка и приبلудившихся самцов. Один из слонов засовывает хобот в рот слонихе. Это очень интимная ласка, возможная при условии полного доверия друг к другу. Над их головами парят тысячи ласточек в погоне за насекомыми, потревоженными слоновьей поступью. Но вот высокие травы на их пути сменяются густой короткой травяной порослью. Теперь слонов сопровождают белые цапли, а ласточки отстали. Наверное, в короткой траве живут другие насекомые, которые им не по вкусу.

Может ли в мире быть что-то более совершенное, чем эта картина, эти запахи, это безмятежное множество жизней, больших и малых, свитых в единое целое, эта мгновенная смена ритма и размера, это «обещание на рассвете», сулящее довольство и радость?

Вот перед нами семейство слонов, все имена которых начинаются на «З», почему их и прозвали «зэшками». Под воздействием разлитого в воздухе всеобщего блаженства Вики говорит о них с особой нежностью:

– Вся семья – малыши-коротыши.

По ее словам, члены одной семьи могут отличаться какими-то определенными признаками: например, лопаухостью (неожиданное наблюдение! а какими еще должны быть уши у слонов?) или округлостью.

К машине, потряхивая головой, приближается взрослая слониха, которой наш приезд особой радости не доставляет. Вики принимается

ласково ворковать:

– А кто тут у нас такой, от земли не видать?

Семейное сходство проступает не только в общих физических чертах, но и в поведении.

– Они ведь постоянно учатся друг у друга, вот и перенимают какие-то повадки, – поясняет Вики. – Например, в какое время суток двигаться на водопой, где лежит их любимое болото – эти вещи слоненок усваивает с младенчества. Из них и складываются семейные традиции.

Мы проезжаем мимо трех крупных самцов. Один из них, Вронский, – известный бретер. С ним стараются не связываться даже те слоны, которые старше. У Вронского сейчас муст^[13] – период сильнейшего сексуального возбуждения и агрессивности, который у главенствующих в популяции самцов периодически наступает по достижении тридцатилетнего рубежа. В таком состоянии слон находится несколько месяцев. Он постоянно задирает остальных самцов, в которых видит соперников, и ведет себя как олень во время гона. Но у оленей гон случается одновременно, по осени. У слонов же это происходит в соответствии с жизненным гормональным циклом каждой отдельной особи. Подобный индивидуальный график, которого нет у представителей других отрядов, – поразительная находка природы, сделавшей жизнь самок хоботных легче, а жизнь самцов – безопаснее. Такая система размножения много удобнее, чем у парнокопытных или ластоногих, где альфа-самцы вынуждены оборонять свои гаремы от посягательств: за краткий период владычества приходится расплачиваться постоянными битвами с соперниками, которые их выматывают, калечат, а потом и вовсе низлагают, подписывая им тем самым смертный приговор. У слонов самые могучие и старшие по возрасту самцы отправляются с началом периода дождей на донжуанские гастроли, потому что в каждой семье их ждут течные фертильные самки, готовые к соитию.

Вики поясняет:

– Обычно среди самцов отсутствует дух соперничества. Они хорошо друг к другу относятся, им весело вместе. До тех пор пока рядом нет течной самки, делить им нечего. Молодые слоны в возрасте пятнадцати-двадцати лет испытывают интерес к противоположному

полу, но как двадцатилетний юнец может тягаться с пятидесятилетним слоном, который в два раза тяжелее?

Во время муста уровень тестостерона у самца подскакивает вчетверо, он ведет себя властно и агрессивно. И поскольку слонихи безоговорочно предпочитают самцов именно в этом состоянии, молодежь даже не пытается составить им конкуренцию. У них муст случится лет в тридцать, вот тогда-то они и получают свой первый настоящий сексуальный опыт.

Присутствие «возрастных» самцов не дает разыграться гормонам у молодняка, поэтому они не выходят за рамки приличий. Известен случай, когда несколько осиротевших слонят-подростков оказались вместе в одном из южноафриканских заповедников. Поскольку взрослых самцов рядом не было, их тестостерон разбушевался, и они затоптали насмерть несколько носорогов. Случай неслыханный.

– Для слона потеря семьи – это трагедия, которая не может пройти бесследно. Думаю, у этих малолетних убийц носорогов после тяжелой психической травмы развился посттравматический синдром, то есть тяжелое стрессовое расстройство.

Как только в заповедник доставили двух взрослых самцов в возрасте около сорока лет, буйства прекратились.

Но вернемся в наш национальный парк. Тут рядом с Вронским ходит еще один слон, у которого тоже муст. И Вики, к несчастью, ничего про него не знает: кто такой, что за нрав, как относится к людям, – сплошные загадки. Незнакомец разворачивается нам навстречу, и Вики тут же тянется к ключу зажигания:

– Когда такое бродит рядом, ухо надо держать остро, чтобы чуть что – по газам. И обязательно должны быть пути отступления, если придется удирать.

В другом полевом лагере мне довелось увидеть машину, которую после «дуэли» двух слонов в мусте проигравший смял в лепешку. Вот она, смещенная агрессия. Хорошо, обошлось без жертв, обитатели авто успели улизнуть.

– Если слон по-настоящему решит напасть, прелюдий не будет. Он бросится сразу, – предостерегает Вики. – А вот если головой мотает, это может оказаться блеф, тогда паниковать не стоит. Когда я вижу незнакомого взрослого слона вроде этого, всякий раз думаю: полезет или нет?

Незнакомец подходит ближе, останавливается под кряжистым деревом и принимается тереться задом о ствол. Успокоенная Вики улыбается:

– Ну конечно, почесал задницу, и отлегло!

Слон блаженно прикрывает глаза.

– Правильно, – одобрительно шепчет Вики. – Главное – в нужном месте поскрести.

У самок первая течка, когда они достигают половой зрелости и готовы к спариванию, наступает в одиннадцать лет и длится, как правило, дня три-четыре. Течка переходит в эструс и обыкновенно заканчивается беременностью, которая продолжается два года, потом еще два года слониха кормит, и далее опять приходит течка, то есть начинается новый цикл. Через четыре года после родов она приносит следующего слоненка.

Другими словами, половозрелая самка принимает ухаживания кавалеров не чаще четырех дней раз в четыре года. Так что все происходит редко, но метко, и посему процесс сопряжен с волнениями. Самцы в мусте захаживают с визитами в разные семьи, источая особый секрет из разбухших височных желез, расположенных по обеим сторонам головы. Эти щелевидные железы есть у представителей обоего пола, и выделения из них сопровождают любой всплеск эмоционального или какого-то иного возбуждения. Наверное, мы бы чувствовали то же самое, будь у нас между ухом и глазом подмышки.

Во время муста у слона постоянно подтекает моча, едкий запах которой сообщает окружающим о его возбужденном состоянии. Пенис приобретает зеленоватую окраску. Синтия Мосс и Джойс Пул описывали муст африканских слонов еще в 70-е годы XX века. Они не сразу поняли, что к чему, и решили, что имеют дело с заболевшими самцами, даже название придумали: болезнь зеленого пениса. И все это было меньше пятидесяти лет назад. Представляете, насколько мало мы тогда знали о слонах? Самые очевидные вещи ставили ученых в тупик.

Итак, самец в мусте ищет течных самок. Он нюхает воздух, принюхивается, чем пахнет в попадающихся ему на пути семьях. Подходя к половозрелой самке, он вместо классики кадрежа – вопроса: «Кто ты по гороскопу?» – дотрагивается пальцеобразным отростком на

конце хобота до ее влагалища, нюхает его, а потом пробует на вкус, то есть тянет хобот в рот. Столь откровенная фамильярность даму ничуть не смущает. Слоники воспринимают подобные обследования в прямом смысле походя, не прекращая в это время пастись или идти, куда шли, словно ничего особенного не происходит.

Слоны схожи с людьми во многом, но не во всем. Во всяком случае, на брачные игры сходство не распространяется. Если у слонихи течка, ее и всю семью начинают осаждать разные самцы. Они следуют за ними по пятам. Но стоит среди них появиться слону в мусте, как соискатели помельче разбегаются, потому что теперь самка под его защитой. Именно такому самцу она и отдает предпочтение.

Сейчас, когда по ареалу обитания нескольких семей ходит гоголем этот незнакомый слон, я отчетливо вижу, насколько самцы крупнее самок.

– Господи, – охает Вики, – вот ведь чудище-то!

Взрослая двадцатипятилетняя слониха кажется раза в два меньше своего кавалера.

– Смотрите, смотрите, – шепчет Вики, – она идет здороваться.

Они урчат, на мгновение их хоботы переплетаются. Вряд ли у нее сейчас течка, рядом с ней слоненок, которого она наверняка еще кормит. Тем не менее Вронского этот слон к ней не подпускает. Вот незнакомец застывает и с какой-то преувеличенной небрежностью перекидывает гигантский хобот через мощный бивень.

– Это чтобы слонихи поняли, что бояться нечего. Он им словно говорит: «Видите, какой я мирный и спокойный. Я так зашел, породственному. Я нестрашный». Мы это так и называем: «зайти породственному», – улыбается Вики. – Конечно, у нас тут просто сериал про слоновью жизнь, «Санта-Барбара», на которую обязательно подсаживаешься. Интересно же, кто с кем романы крутит. Вот что теперь Вронскому делать?

Важно, чтобы не доходило до драк. Если самцы начинают биться, то это «шесть тонн живого веса с каждой стороны, и они движутся друг на друга на скорости почти пятьдесят километров в час, выставив вперед массивные острые бивни. Это битва насмерть». Синтии Мосс довелось однажды наблюдать за схваткой двух равных противников. Противостояние двух самцов в мусте длилось полных десять часов и двадцать минут, без единого перерыва. При этом напрямую слоны

сходились лишь трижды: бешено сцепившись бивнями, они старались сбить друг друга с ног и повалить наземь. Остальное же время они кружили на расстоянии, то сокращая его, то увеличивая, ревели, выворачивали с корнями деревья и кусты, пытаясь запугать противника. В какой-то момент один из них взгромоздил переднюю ногу на бревно, чтобы казаться выше. В итоге у того, кто помоложе, сдали нервы, и он отступил.

К болоту приближаются две группы слонов, каждая со своей стороны. Расстояние между ними около восьмисот метров.

– Если бы можно было хоть на пять минут ощутить себя полноправной частью их мира! – мечтательно говорит Вики.

Тем временем метрах в четырех от машины появляется Дюк, молодой слон лет четырнадцати. Вытянув хобот в моем направлении, он обнюхивает чужака, потом вроде бы решает отойти, но это маневр. Словно желая показать, кто тут главный, он резко разворачивается, вскидывает голову, бешено бьет ушами и, расправив их, вырастает перед нами, заносчиво мотая головой и угрожающе поводя хоботом. Маленькие карие глазки буравят меня, он медленно приближается. Я вижу морщины и складки его хобота, подвижную кожу ушей, вижу каждую деталь, каждую черту его облика – устрашающего, но пока не до конца убедительного.

Дюку ничего не стоит затоптать нас, но он не собирается этого делать. Его поведение – подростковая бравада, которая с возрастом пройдет. Он пыжится, чтобы показать, какой он большой и сильный, но сам в этом не до конца уверен и лишь примеряет на себя роль взрослого. Зато в нашей реакции он уверен, потому и лезет, хотя на самом деле не чувствует с нашей стороны угрозы. Он не боится, не волнуется и не собирается нам навредить. Мне понятно, что он хочет сделать. Он выражает свои намерения, и я их считываю. Он посылает мне информацию, и я ее принимаю. Другими словами, между нами происходит общение, или, говоря языком науки, коммуникативное взаимодействие.

Родительские права слонов

Приближающиеся к болоту группы – члены одной семьи, Ф/Б, или «фэшки-бэшки». Каждая детная слониха находится в постоянном физическом контакте с детенышем, потому что он держит ее за хвост. Фелисити сопровождают две дочери и еще две слонихи – Флэйм и Флосси, – они сестры, но с Фелисити кровными узами не связаны. Фанни ведет свой выводок: племянницу Феретию с дочкой Фелицией, которой Фанни доводится бабкой, хоть и двоюродной. Вики поясняет, что Фанни к потомству относится ровно, но без особой нежности, а вот у Фелисити заведено постоянно гладить друг друга.

Наконец обе группы сходятся. В слоновьих семьях статус не важен, важна личность.

– Важно, что ты не просто слониха, которой сорок восемь лет, а что ты Фелисити, что ты из семьи Ф/Б и тебе сорок восемь. Важно, кто ты есть, – объясняет Вики.

У них общая жизнь, в которой каждый важен для остальных. Они – единое целое.

Фелисити знает, что местность, по которой они идут, не таит опасности. Ее девочки чувствуют себя спокойно, потому что она замыкающая. Матриарх часто занимает в группе эту позицию, это не мешает руководить. Стоит ей встать, и все останавливаются. Они слышат ее, даже когда она сзади, и каждую минуту точно знают, где она сейчас.

Исследователь слонов Люси Бейтс провела однажды такой опыт. Наблюдая за группой слонов, взяла образец мочи слонихи, замыкавшей строй, когда та остановилась, чтобы справить нужду. Бейтс чуть обогнала группу и вылила собранную мочу под ноги впередиидущим. Когда животные почуяли впереди себя свежую мочу, принадлежащую слонихе, которая точно находится позади них, они замешкались, словно пытались уяснить для себя происходящее: дескать, минуточку, тут какая-то ошибка, она же сзади! Как ей удалось нас обогнать? Это доказывает, пишет Бейтс, что слоны способны удерживать в сознании и регулярно обновлять информацию о местонахождении каждого из членов семьи.

Если на горизонте замаячит угроза, вся семья бросится к Фелисити. Серьезная опасность – лев или буйвол – может побудить матриарха либо изменить курс, либо заставить семью сплотиться и всем вместе отогнать непрошенных гостей прочь.

– Решение остается за ней, – говорит Вики. – Сейчас все тихо-мирно, мамы спокойны, дети играют, поводов для тревоги никаких. Фелисити – исключительный матриарх. Они ведь разные. Бывают подозрительные, с высоким уровнем тревожности, и тогда остальные тоже все время начеку, все время ждут удара. В крови у них постоянно отмечается высокий уровень кортизола, гормона стресса, а для обмена веществ это не очень хорошо. Так что, – теперь она обращается к слонам, – пофигизм иногда полезен, да, девчонки?

Девчонки в знак согласия нас просто игнорируют.

Дочка Фелисити – на редкость уверенная в себе барышня – держится от матери на расстоянии сорока пяти метров и вместе с остальными уже почти поравнялась с нашей машиной. От нее ни на шаг не отходит старшая сестра. Внезапно она поворачивается и со всех ног бежит к матери.

– Это такая игра, – комментирует Вики. – Что-то вроде: где же наша девочка? Мама, ку-ку, я тут!

Малышка расшалилась. Вот она гонит цаплю: уши плещут, крохотный хобот машет туда-сюда. Приемы те же, которые использует взрослый слон, чтобы отогнать льва. Отчасти роль семьи состоит в том, чтобы дать ребенку возможность познать и изучить мир на собственном опыте. Игры мальчиков похожи на состязания борцов сумо, когда соперника надо оттеснить. Игры девочек – бесконечные «догоню и наподдам!». Дочка Фелисити вспугивает еще парочку белых цапель.

– Но их учат и обороняться, – добавляет Вики.

По ее словам, даже взрослые порой устраивают потешные бои с воображаемыми врагами, например могут припустить бегом через высокую траву, втапывая ее в землю, как они делают, когда надо посеять панику в стае львов.

– Но это все понарошку, они знают, что львов рядом нет.

Если в отсутствие львов взрослые слоны начинают вести себя так, словно львы рядом, может, они просто ошиблись? Или собственной тени боятся?

– Нет, это не ошибка и не ложная тревога, – уверенно отвечает Вики. – Они действительно бегут, как по тревоге, но на самом деле дурака валяют. Мы это так и называем: тру-ля-ля. Все понимают, что это игра.

Когда слоны реагируют на настоящую опасность, они очень собраны. А если просто балуются, то бегут вразвалочку, рысцой, поматывая головами. Уши и хоботы болтаются.

Серьезные действия в несерьезных ситуациях – буравящий взгляд поверх бивней в глаза воображаемого противника, хотя только что царило взаимопонимание, демонстрация себя во всей красе или угрожающее потряхивание головой, а потом бегство или отступление в притворном, даже карикатурном страхе – часто совершаются слонами не с какой-то целью, а смеха ради. И в этой игре участвуют все. Они просто прикалываются и в этом дуракавалянии находят максимум доступного слонам веселья. Им просто очень весело.

– Бывает, на голову ветки нахлобучат и выглядывают из-под них. Такие забавные!

Дочка Фанни водит в нашу сторону ушами и пытается смерить нас взглядом. Надо же понять, что мы за птицы. Малышка выпрямляется во весь рост, чтобы сразу поставить нас на место (по словам Вики, у наблюдателей это называется «сделать стойку»), но, решив, что мы не опасны или слишком уж большие, чтобы связываться, теряет к нам интерес и ныряет к старшей сестре под подбородок. Ее внимание поглощено похожей на куропатку птицей под названием желтогорлый турач. Вот этого-то турача она и примется гонять.

Сцена невероятно трогательная, просто сады Эдема. Но их жизнь далеко не всегда столь блаженна и безмятежна – такой жизни просто не бывает.

У Фланны из уха вырван большой кусок треугольной формы, словно его проткнули копьем. У другой слонихи нет хвоста. Иногда, пока слониха рожает, хвост ей могут отгрызть гиены. Они также не прочь при первой возможности броситься на новорожденного. Слонята становятся и добычей львов. Здесь все настоящее: и радость, и опасность. Малыши, весело снующие в траве, столь же доверчивы, сколь уязвимы. Их надо учить остерегаться львов.

Фелисити, присматривающая за своими с тылу, замедляет ход и начинает отставать, словно что-то почуяв. Внезапно она резко оборачивается. Из-за куста видна не успевшая спрятаться гиена. Фелисити не сводит с нее взгляда. Мошеницу вывели на чистую воду, и ей остается только удалиться.

– Видали?! – захлебывается от восторга Вики. – Вот это матриарх!

Бывает, что слониха рождается с задатками лидера, и есть те, кто готов бремя лидерства нести, а есть такие, кому оно не по вкусу. Например, у Эхо есть старшая сестра, Элла. Она вообще старше всех в семье, и матриархом должна была стать именно она, но ей вполне хватает дочерей и внучек и совсем не хочется взваливать на себя ответственность еще за добрых два десятка слоних и их приплод. Вики за ней пристально наблюдала, и вот что выяснилось:

– Я поняла: когда остальные ее зовут, она слышит, но не отвечает.

Есть самки, которые стремятся защищать и опекать всех вокруг. Это и есть будущие лидеры. Элла таких задатков лишена.

В небе висит солнечный шар. Экваториальная жара подгоняет слонов побыстрее окунуться в болотную жижу. Мамаши следят, чтобы малыши шли в их тени.

Мы тоже движемся, стараясь совпасть со слонами по темпу и времени. Находясь рядом с разными животными, я чувствую себя среди них как среди представителей разных культур, которые сосуществуют в нашем обществе. Я стараюсь не лезть в их жизнь, и они без спроса не должны лезть в мою. Наш разный жизненный опыт не позволяет нам перемешиваться. На почте я вижу людей, которые находятся в моем же времени и пространстве, но жизни у нас совершенно разные. Хотя кое-что мы друг про друга понимаем. Мы знаем, что в основе своей мы похожи. Для каждого его собственная жизнь важнее, чем все остальные, иначе и быть не может, но с этической точки зрения мы равны.

Я далек от мысли о том, чтобы ставить жизнь рыбы или птицы вровень по ценности с человеческой, но присутствие этих существ в мире не менее ценно, чем наше с вами. А может, и более: они пришли сюда раньше нас, и относительно нас они – базис. Они не берут больше, чем нужно. Они совместимы с другими формами жизни вокруг себя. Они следили за тем, чтобы мир вращался, они его оживляют и украшают собой. Потом пришли мы, на них непохожие.

Их жизни на виду, они ярко горят. Мы забираем себе многое из того, что им нужно, и пламя их жизни теряет яркость, становится тусклым.

Впереди происходит какая-то заварушка.

– Видите, Фелисити отпихивает того самца?

Я ничего не могу разобрать в клубах пыли и круговерти серых тел.

– Она хочет разогнать мальчишник, потому что они перекрыли дорогу ее семье.

Молодой слон покачивающейся развязной походкой приближается к Фелисити. Они знакомы. Он часто околачивается по соседству. Сейчас ему требуется доказать собственное превосходство, поэтому он пытается слегка толкнуть матриарха.

Слониха угрожающе оборачивается.

Юнец отступает, но, быстро оценив, что в свои двадцать лет уже догнал Фелисити по габаритам, переходит в наступление.

Она несколько испугана, но, хоть и решает отойти, чтобы не обострять ситуацию, чувствует себя достаточно уверенно и поворачивается к нахалу спиной.

Взрослые самки этих юнцов не любят, объясняет Вики.

– Они вечно путаются под ногами. От них сплошной шум. В своих потасовках они могут случайно придавить слонят. Самкам и детенышам все это ни к чему, им нужен покой. В общем, женскому коллективу они действуют на нервы.

Получается, молодежь развоевалась, Фелисити решила зачинщика приструнить, тогда он ей напомнил, что он хоть и молодой, да ранний, с нее ростом.

– Честно говоря, я не понимаю, как она это проглотила, – пожимает плечами Вики. – Другая бы ему этого не спустила.

Правда, другой самец тоже бы повел себя иначе. Синтия как-то заметила юного слона, которого назвала Томом. Он, похоже, учился жить с мыслью о том, что из всех членов своего клана он самый крупный. Не успел Том прилечь отдохнуть, как малютка Тао тут же попыталась на него вскарабкаться. Тому оставалось только ерзать и отбрыкиваться, и, очевидно, он взбрыкнул чуть сильнее, чем нужно. Обиженная Тао помчалась к матери, Таллуле, жаловаться. Том поплелся за ней и улегся рядом с Тао навзничь, словно приглашая ее лазить по себе сколько хочется, что она немедленно и проделала. А

еще Синтия видела, как огромный взрослый слон опустился на землю, подогнув передние ноги и вытянув задние, как будто пытался уговорить значительно более мелкого слоника подойти поближе и поиграть. Стоило гиганту прилечь, как малец потрусил к нему. Большому удалось убедить маленького, что он не причинит ему вреда при возне, что он искренне хочет поиграть. Судя по всему, он действительно этого хотел.

Фелисити, величественная, исполненная достоинства, разворачивается к нам. Прежде чем погрузиться в болотную жижу, она останавливается покормить дочурку. Кормящим слонихам требуется ежедневный водопой, но, по словам Вики, мамы предпочитают сперва выдать малышам «детское питание», чтобы потом целый день плескаться, потому что кормить ребенка, стоя по брюхо в воде, довольно сложно.

Оцените ход рассуждений. Это взвешенное, ситуационно обусловленное решение.

Возвращаясь к ранее заданному мною вопросу, давайте подумаем, что движет слонихой, когда она кормит детеныша? Инстинкт? Любовь? Может, любовь – это проявление инстинкта? Или кормление приносит ей некое физиологическое облегчение, как, скажем, почесывание?

Воспитание потомства требует напряженного родительского участия и нормирования еды. Но трудности должны окупаться какими-то добрыми чувствами. Если мать не испытывает удовольствия при выполнении ежедневных сложных обязанностей – в первую очередь она добровольно бросается кормить-поить детеныша, а собственные потребности в еде и воде удовлетворяет потом, – тогда что ею движет? Что, как не любовь, побуждает ее заботиться о малыше?

Авторы книги «Когда слоны плачут» Джеффри Мусайефф Мэйсон и Сьюзан МакКарти напоминают нам, что, задавшись вопросом, любит ли мамаша-шимпанзе свое дитя, можно с тем же успехом подойти на улице к первому встретившемуся человеку и спросить, любит ли он или она своего ребенка. «В ответ мы услышим „да“, но как проверить, что человек говорит правду? И вообще, откуда мы знаем, что именно вкладывает человек в понятие „любовь“?»

Самка шимпанзе, которая кормит, баюкает, тискает и защищает своего детеныша, или бурая медведица, которая (я сам это видел!),

взвалив троих медвежат на спину, волочет их на себе добрых полтора километра, чтобы спрятать от бродящего в округе самца, действуют сообразно своим инстинктам. Но не тот ли самый инстинкт велит новоиспеченной матери, когда ей показывают новорожденного, виться «над ребенком как орлица над орленком»? Разумеется, тот же. И ей, и всем остальным.

Любовь к произведенному на свет ребенку диктуется не рассудком, а инстинктом. Организм сообразно ситуации выбрасывает в кровь гормоны, а гормоны включают эмоции. Они включают и автоматические функции, например рефлекс молокоотделения, но женщина, прикладывая дитя к груди, безусловно, испытывает любовь. Любовь – чувство, которое стимулирует поведение: стремление накормить, защитить. И в физиологической природе этого чувства нет ничего постыдного. ореол любви не тускнеет оттого, что организм черпает ее из глубинных древних источников на клеточном уровне. Вряд ли стоит дополнительно теоретизировать по поводу способности новорожденных мгновенно внушать к себе любовь. Их надо, не задумываясь, холить и лелеять. Тем более что большинство младенцев обязаны своим существованием победе инстинкта над рацио.

Если говорить доступным языком, любовь – это название чувства, которое эволюция подбрасывает как приманку, чтобы втянуть нас в рискованные и крайне затратные действия вроде выращивания и воспитания ребенка или защиты родных и близких. Если посмотреть на ситуацию трезво, с позиций собственного благополучия, то холодный расчет подскажет: не ввязывайся. На все эти жертвы и подвиги нас толкает любовь. Способность любить заложена эволюцией, потому что эмоциональная привязанность и родительская забота обеспечивают воспроизводство. И любовь от этого не становится менее глубокой. Она не просто глубока, она и корнями уходит на самые глубинные уровни. И как известно, это порой дает себя знать.

Когда животное подходит к человеку, ложится рядом, лижет его, человеку кажется, что это любовь. И строго говоря, правильно кажется, особенно если учесть ширину диапазона эмоций, которые мы привычно описываем этим словом. Любовь романтическая, любовь к детям, любовь к родителям, любовь к людям, к стране, любовь к апельсинам (или шоколаду, бывает же любимая еда), к книгам, к

знаниям, к спорту, к прекрасному... Слово «любовь» настолько всеобъемлющее, что годится для описания любой положительной эмоции. Эмоция, которая заставляет человека преодолевать расстояния, оберегать, вкладывать душу, принимать участие, тратить время, переезжать и еще бог знает что делать, потому что он любит. Любит мороженое, любит какой-то определенный фильм, любит практичные автомобили и непрактичные туфли, любит котят, любит лето. Есть даже люди, которые любят ссориться. Если ключевое, почти сакральное понятие допускает столько неоднозначные узусы, то сам собой напрашивается вывод: животные тоже любят. Это просто общее место. Куда интереснее, какие именно животные, что они любят и как. Как они переживают любовь? На какие положительные, сближающие эмоции они способны?

Слоненок Фелисити, насосавшись, отваливается от матери и вразвалочку бродит вокруг, слизывая с подбородка струйки молока. Славно жить у мамы под боком! Но несколько малышей постарше, которых, видать, отлучают от груди, протестующе трубят, потому что оскудевшие сосцы других слоних-мамаш не выдали им привычного «детского питания» перед тем, как перейти к водным процедурам. Порой перевод на жесткий корм слонята воспринимают как оскорбление и закатывают настоящие истерики. Вики это не раз видела:

– Они поднимают такой ор, словно хотят сказать: «Как это теперь без молока? А я хочу-у-у!»

Вики рассказывает про одного такого подросткового грудничка: он снова и снова пытался присосаться к матери, которая решила положить этому конец. Всякий раз, как слоненок пытался подобраться к соску, она просто подбирала переднюю ногу под брюхо и доступ к груди оказывался перекрыт. Так она делала раз за разом.

– Слоненок был вне себя. Он и толкал ее, и пихал, и бивни пробовал пустить в ход, а под конец – вроде как «а-а-а, не люблю тебя, вот тебе, получай!» – ткнул хоботом ей в анус. Прямо внутрь засунул, поганец. Надеялся, поди, хоть этим обратить на себя ее внимание. А потом повернулся задом и лягнул мать.

Эмоции существуют в едином круге, плавно перетекая друг в друга. Их имена подобны названиям сторон света на компасе с подвижной стрелкой, которая колеблется в любом направлении,

отклоняясь на то или иное количество градусов. Радость, грусть, страх или любовь – это эмоциональные север, юг, запад и восток, задающие чувства и поступки индивида. По логике чувство прекрасного должно лежать где-то на северо-востоке, между радостью и любовью. Что представляет собой эмоциональный отклик пернатой самочки, когда она видит токующего кавалера, стремящегося покорить ее пестротой и затейливостью своего весеннего убора или брачным танцем? Конфетно-букетный период в отношениях между людьми тоже предполагает танцы. Простая игра света и тени пробуждает в нас чувство прекрасного и вызывает желание любоваться красотой.

В Национальном парке Гомбе-Стрим, расположенном на западе Танзании, исследователи наблюдали за двумя взрослыми самцами шимпанзе, которые под вечер поодиночке забрались на вершину горного гребня. Там они встретились, поприветствовали друг друга, взявшись за руки, а потом сели и вместе смотрели, как заходит солнце. В другом отчете упоминается живущий в естественных условиях шимпанзе, который пятнадцать минут подряд наблюдал за исключительно живописным закатом. Если и в том и в другом случае животные по-настоящему любовались этим зрелищем, то проще всего объяснить их поведение чувством прекрасного. Закат, с их точки зрения, – это красиво. С нашей тоже. Возможно, они испытывают изумление, некий рудимент того, что перековалось у человека в религиозное чувство, заставляющее дивясь воскликнуть: «Велики и чудны дела Твои, Господи!» Правда, упиваться этим изумлением с бокалом вина в руках и словами тоста на устах животным не дано... как не дано и большинству из нас, смертных.

Разные существа видят прекрасное в одном и том же, и это одна из величайших тайн жизни. Джаред М. Даймонд в своей книге «Третий шимпанзе» описывает найденную им в джунглях Новой Гвинеи сплетенную из прутьев «красивую круглую» островерхую хижину диаметром в два с половиной метра и приблизительно метр двадцать высотой. Входное отверстие было достаточно большим, чтобы внутри мог поместиться ребенок. Перед хижинкой кто-то расчистил устланную зеленым мхом лужайку, «...на которой лежали сотни природных объектов разных цветов, явно помещенных туда намеренно, в качестве украшения. Они были сгруппированы по цвету: например, возле красных листьев – красные плоды. Все синие

предметы были собраны внутри шалашика, красные – снаружи, а желтые, фиолетовые, черные и несколько зеленых – в других местах»^[14].

Постройка и ландшафтный дизайн принадлежали самцу шалашника^[15]. Именно его брачную беседку и обнаружил Даймонд. Обратите внимание, что свои эмоциональные впечатления от увиденного он описывает словом «красивый» и что создатель беседки при ее украшении руководствовался вполне определенными соображениями. Желая проверить на прочность эстетические пристрастия шалашника, Даймонд «передвинул некоторые украшения; впоследствии самец вернул все на первоначальные места». Когда он «оставил на лужайке фишки для игры в покер разных цветов, фишки отвергнутого белого цвета оказались выброшенными в джунгли, любимые синие – сложены внутри шалаша, а красные – выложены на лужайке возле красных листьев и плодов». Вся постройка, поскольку она не укрытие и не гнездо, сооружается с единственной целью: обольстить самку. Так что не все женщины любят ушами. Некоторые глазами.

Когда животные создают нечто, по нашим ощущениям, прекрасное, говорит ли это о наличии у них эстетического чувства? Я видел самку орангутана, которая самостоятельно сплела *себе* ожерелье из бусин, хотя ее никто этому не учил, и носила его. Разговоры об эстетическом чувстве неизбежно поднимают извечный вопрос: почему поют птицы? «Мы не можем спросить у пересмешников и соловьев, – пишет Дж. Даймонд, – получают ли они удовольствие от мелодий или красоты своих песен, но можем в этом усомниться, поскольку поют они в основном в течение брачного периода. Следовательно, они, скорее всего, поют не только ради эстетического наслаждения». Согласен, не только удовольствия ради. Но разве большинство человеческих песен не о любви? И разве львиную долю активных слушателей и исполнителей поп-музыки составляют не половозрелые молодые люди, находящиеся в активном поиске спутника или спутницы жизни (по терминологии Даймонда – «в брачном периоде»)? То есть поп-музыка не обладает сугубо эстетической ценностью, у нее есть социальные функции. Яркие цветы растений, пестрое брачное оперение птиц, окраска и узоры рифовых рыб на нересте – все очень утилитарно, но вместе с тем невероятно привлекательно, и

эффективность привлечения напрямую связана со способностью воспринимать и оценивать прекрасное, то есть с эстетическим чувством.

Распускающиеся цветы и их благоухание преследуют единственную цель – привлечь опылителей, то бишь насекомых, птиц (колибри и танагр-медососов), а также некоторые виды летучих мышей. В том, что зрелище источающих аромат цветов для человеческого глаза более привлекательно, чем вид опавших осенних листьев, тоже можно усмотреть скупые утилитарные причины. Тем не менее цветы в нашей картине мира предстают настолько прекрасными, что восприятие их красоты для нас становится аналогом восприятия жизни. Не зря Хайям советует: «Наслаждайся и ты, ибо роза мгновенна», имея в виду быстротечность жизни, не зря розы дарят в знак любви и их же кладут у надгробия. Диковинное оперение, которым самцы колибри, пеночек, трещоток, райских птиц или южной белой цапли украшают себя, чтобы привлечь самку, кажется нам прекрасным. Прекрасным настолько, что веками человек использовал перья и крылья мертвых птиц как украшения одежды, желая внести в свой наряд привлекательные цвета и узоры, которыми пернатые радуют взор друг друга. Рыбы теплых морей, живущие среди коралловых рифов, поражают нас буйством красок, переливы которых прежде всего сигналы, помогающие «своим» сбиться в косяк или найти пару. По мере того как человеческий мозг эволюционировал от радости пчелы на цветочной поляне через внутреннюю рыбу, о которой писал Нил Шубин^[16], через упоение птицы (журавля, например) от брачного танца к тому мозгу, который мы сейчас имеем, сохранились ли в нем корни рудиментарного эстетического чувства, доступного насекомому? Если эти корни уцелели, то перед насекомыми мы в неоплатном долгу и должны с почтением относиться к старшим братьям нашим меньшим, копошащимся под ногами или порхающим в саду с цветка на цветок. И вне зависимости от конкретного объекта нашей благодарности самым удивительным остается факт, что все мы – родня, и пчелы, и райские птицы. Мы все. Это уму непостижимо.

Эмпатия по-слоновьи

Куда ни бросишь взгляд – слоны, которые либо пьют, либо едят. Вики указывает мне на еще одну мамашу, она кормит слоненка. Несколько месяцев назад малыш провалился в колодец глубиной в собственный рост, и подоспевшей на выручку Вики еле удалось унять мать, которая места себе не находила.

– Пришлось отгонять ее машиной. Она отчаянно упиралась, чуть не помяла нам крыло, но другого выхода не было. Если бы вся эта возня с веревками и вытягиванием происходила у нее на глазах, она бы совсем с ума сошла. Ее надо было переупрямить, характер на характер, поэтому я заорала на нее, как последняя сволочь. Все были на нервах, это же настоящее ЧП! Слониха далеко не отходила и, как только мы вытащили малыша, тут же принялась его кормить. На нас она не обиделась, потому что понимала: мы хотели помочь.

Мне показали видеозапись этого происшествия, и вот что меня поразило: да, обезумевшую мать отгоняют автомобилем, слониха сопротивляется, пробует остановить машину, повернувшись к ней задом и пытаясь сесть на нее сверху. Но это не нападение. Она не атакует, никакой злости не проявляет, не пытается изувечить людей, которые по отношению к ней ведут себя очень грубо. Она не видит в них угрозы, не пытается защитить от Вики и остальных своего несчастного ребенка. Она просто хочет остаться с ним рядом. В конечном итоге ее почти уговаривают отойти. И когда слоненка, привязанного веревками к бамперу, вытягивают наконец из колодца, он сразу понимает, куда бежать – судя по всему, мать непрерывно его звала, – и они мчатся навстречу друг другу.

Слоны знают, что такое совместные действия. Они общими усилиями вызволяют увязшего в трясине родича, помогают вытаскивать малышей, поднимают на ноги раненого или упавшего члена семьи. Если слониха получает выстрел ампулой со снотворным, ее, бывает, поддерживают с боков, пытаясь удержать на ногах. Синтия Мосс вспоминает, как однажды увидела слоненка, провалившегося в узкую водяную скважину с почти отвесными стенами. Ни слониха-мать, ни ее сестра не могли вытащить малыша. Тогда они принялись

рыть землю с одной стороны, пока стена ямы не превратилась в подобие пандуса. Найденное решение спасло слоненку жизнь.

Еще одна история произошла в кенийском заповеднике Самбуру. Там молодая слониха по имени Шери, чтобы воссоединиться с семьей, несколько раз пробовала вброд перейти опасную бурную реку. Во время одной из отчаянных попыток течение унесло ее трехмесячного слоненка.

Шери бросилась за дочкой через буруны и камни, нагнала ее и вывела на спокойную воду у противоположного берега. К сожалению, малышка либо переохладилась, либо, когда она захлебывалась, в легкие попала вода, но на берег она еле вышла и вскоре умерла. В Бирме некий Дж. Х. Уильямс видел, как слониху со слоненком понесла вздувшаяся река. Мать «...прижала слоненка головой и хоботом к скалистому берегу, потом титаническим усилием подняла его хоботом и, практически встав на задние ноги, закинула малыша на узкий каменный выступ, на полтора метра поднимавшийся над прибывающей водой. Сделав это, мать рухнула в реку, и ее, словно щепку, унесло прочь». Но где-то через полчаса дрожащий слоненок и Уильямс слышали рев – «могучий голос материнской любви». Слониха шла по берегу и искала спасенное дитя.

Как правило, слоненку не дают ни пропасть, ни потеряться. Матери все время держат малышей в поле зрения. За ними следят, чтобы не отставали. Матриарх во время перехода задает для семьи такой темп движения, чтобы у детворы была возможность отдыхать.

В 1990 году в Национальном парке Амбосели знаменитая слониха Эхо принесла слоненка, у которого не распрямлялись передние ноги. Он мучительно медленно елозил на подогнутых запястьях, поэтому почти не мог самостоятельно сосать молоко. Зоологи были убеждены, что малыш – не жилец, поскольку такой способ передвижения приведет к потертостям, которые инфицируются, так что гуманнее было бы не продлевать страдания несчастного. Но Эхо и ее семейство, как заведено у саванных слонов, спокойно и настойчиво поднимали малыша, когда он падал. Энид, восьмилетняя дочь Эхо, тоже порой лезла, чтобы подтолкнуть упавшего братика и помочь ему встать, но Эхо медленно и осторожно оттесняла ее. Когда слонихи стояли вокруг слоненка, Энид без конца совала хобот матери в рот, словно ища у нее поддержки. В течение трех дней Эхо и Энид двигались так, чтобы

изнуренный хромоножка поспевал за ними. Они постоянно оборачивались, чтобы видеть, что с ним происходит, останавливались и ждали, пока он доковыляет. На третий день слоненок, откинувшись назад, смог поставить подошвы передних ног на землю, потом «...осторожно и медленно перенес вес на переднюю часть тела и, оттолкнувшись, выпрямил все четыре ноги одновременно». И хотя равновесие ему держать было трудно, на четвертый день он уверенно пошел, и кризис миновал. Его спасло упорство семьи, которое применительно к людям, оказавшимся в подобной ситуации, мы назвали бы верой.

– Несколько дней назад, – рассказывает Вики, пока мы неторопливо движемся, – Эклипс ни с того ни с сего принялась метаться. Бегала туда-сюда и кричала. Семья в тот момент растянулась метров на двести, вся малышня ушла вперед, и с ними было несколько взрослых слоних. Ее сын, судя по всему, заигрался с товарищами и не отзывался на зов матери, поэтому она запаниковала. Потом он нашелся, и все опять стало хорошо.

Синтия Мосс вспоминает, как годовалый слоненок настолько увлекся игрой со своими сверстниками из другой семьи, что не заметил, как его родичи двинулись в путь. И они не сразу спохватились, что он потерялся. Покинутый слоненок в ужасе завопил особым криком «потеряшки». Несколько слоних из его семьи тут же повернули на зов, а он что было сил мчался им навстречу.

Если малышей удастся возвращать в лоно семьи практически моментально, то слоны-подростки в процессе общения могут увлечься настолько, что отстают по-настоящему.

– Когда они понимают, что потерялись, страшно пугаются, – рассказывает Вики. В шуме ветра, поднимающегося к вечеру, им трудно разобрать знакомые голоса. Вики много раз видела, как слоны бросаются в одну сторону, зовут, прислушиваются, потом бросаются в другую. – Иногда прямо так бы и сказала им: идите во-о-он туда.

Несмотря на постоянные «переклички», в ветреную погоду, когда невозможно расслышать друг друга, заблудиться могут даже взрослые. И тоже начинается паника, метания из стороны в сторону, вопли.

– А воссоединение – это просто слезы, – Вики мелодраматически закатывает глаза. – Сплошное «как у меня только сердце не разорвалось!!!».

Если исходить из поведения слонов, отбившихся от семьи, то чувство, которое их при этом обуревают, иначе как беспокойством или тревогой не назовешь. Вспомним, что беспокойство испытывают и зебры, и ракообразные. И пчела может стать «безрадостной». Нет никакой возможности предположить, что мечущиеся слоны не чувствуют беспокойства. У них не очень выразительная мимика, но, по словам Вики, «на их лицах всегда что-то написано. Мы прямо так и говорим: „озабоченное лицо“, „подозрительное лицо“, „растерянное лицо“ – ну, я не знаю, как описать точнее».

Отбившееся от стаи животное более уязвимо для хищников. Беспокойство при отрыве от клана и тяга к «своим» знакомы представителям многих видов. Поведение заблудившегося слона настолько прозрачно и так похоже на наше в аналогичной ситуации, что можно без малейшей натяжки предположить: вынужденное одиночество в глуши их пугает, а близость к себе подобным успокаивает. Все как у нас.

И это неудивительно. Человек вышел из такой же глуши. Становление нашего мозга и мозга слона проходило в процессе кочевья по одним и тем же землям, населенным одними и теми же опасностями. Счет нашим дням шел под палящим зноем одного и того же солнца, мы коротали ночи под рык и уханье одних и тех же хищников. Все, что они знают, нам необходимо было усвоить. Мы во многом совпадаем, потому что где-то в глубине мы соотечественники. Когда я наблюдаю за пчелами, муравьями и прочими беспозвоночными, ведущими общественный образ жизни, вижу, что их поведение очень отличается от нашего. Оно регламентировано и обезличено. Я сомневаюсь, так ли уж необходимо сознание для обеспечения тех сложнейших функций, которые они выполняют совместно. Возможно, они действуют автоматически, но, может быть, и осознанно. У меня нет ответа.

Но вот передо мной двухлетний слоненок, потерявший мать. Его височные железы источают секрет, а это происходит только под влиянием стресса. Мать действительно где-то бродит, возможно, с самцом, если у нее недавно была течка. Бывает, что молодые мамыши обо всем забывают в компании привлекательных кавалеров. Хорошо, если так, потому что пробавляющийся браконьерством рынок слоновой кости оставил сиротой не одного слоненка.

Ричард Бирн и Люси Бейтс, наблюдавшие за слонами в Амбосели, весьма категорично заявляют: «Слоны проявляют эмпатию». Им доступно чувство сострадания. А как иначе? Они спасают больных, помогают друг другу. Катито один раз увидела слониху с воткнутым в спину копьем и помчалась за ветеринаром. Когда они вернулись, вооруженные ампулами со снотворным и болеутоляющим, то обнаружили, что рядом с раненой слонихой находится еще одна и копия в спине уже нет. Помогла ли она вынуть его из спины, неизвестно, – возможно, оно просто выпало. Но когда в раненую слониху попала ампула ветеринара, подоспевшая товарка ее мигом вытащила. Исследователи видели, как кормят слониху с сильно поврежденным хоботом: сама она рвать ветки и траву не могла, и это делала для нее другая. Рвала и засовывала больной прямо в рот.

Еще необъяснимее случаи, когда слоны приходили на помощь людям. Джордж Адамсон, который помогал выращивать львицу Эльсу из знаменитой книги «Рожденная свободной»^[17], описывает местную подслеповатую слониху по имени Туркана. Ночью она сбилась с пути и вынуждена была заночевать в джунглях под деревом. Внезапно она проснулась из-за того, что к ней тянулась хоботом другая слониха. Туркана обмерла от страха. Рядом с первой слонихой возникли еще несколько. Они принялись ломать ветки и заваливать ими Туркану. На следующее утро ее приглушенные вопли донеслись до слуха пастуха, который и помог ей выбраться из-под завала. Но зачем слоны это сделали? По ошибке приняли за мертвую и пытались похоронить? Вряд ли. Может быть, им передалась ее беспомощность и тогда, из сочувствия и даже сострадания, они укрыли ее, чтобы она не стала жертвой гиен или леопарда? Непонятно. Джойс Пул в своей книге «Взросление со слонами» рассказывает о пастухе, которому слониха-матриарх сломала ногу. Когда его обнаружили, он лежал под деревом, а разгневанная слониха находилась рядом. Пастух отчаянно старался не допустить пальбы. Потом, когда его спасли, он объяснил: после стычки ударившая его слониха поняла, что со сломанной ногой он не сможет идти. Тогда она очень бережно с помощью хобота и передней ноги перенесла его в тень дерева, росшего неподалеку, и привалила к стволу. И потом всю ночь не отходила от человека, время от времени дотрагиваясь до него хоботом, и охраняла его, несмотря на то что вся ее семья ушла далеко вперед.

Эмпатия кажется чем-то из ряда вон выходящим. Бытует точка зрения, что именно эмпатия «делает человека человеком». А вот страх, ведомый всем животным, напротив, считается самой древней и самой распространенной первичной эмоцией. Но оказывается, страх и эмпатия теснейшим образом связаны: эмпатия возникла в глубокой древности, распространена повсеместно, а страх лишь ее разновидность. Удивляться тут нечему. Эмпатия – это способность совпадать с другими по эмоциональному состоянию. Вот, например, одна птица чего-то испугалась, и вся стая срывается с места. Это называется «эмоциональная заразительность». Детский плач заставляет родителей переживать, и это тоже эмоциональная заразительность. Чтобы уловить чужое страдание или тревогу, головной мозг должен выстроить эмоциональное соответствие. В этом сопереживании и состоит эмпатия. Кто-то рядом с вами испугался, и страх передался вам – это эмпатия. Кто-то зевнул, и вы зеваете – опять эмпатия. А начало свое она берет от заразного страха.

Так что это из ряда вон выходящее свойство на проверку оказывается вполне обыкновенным.

(Но не обязательно общечеловеческим: аутисты, например, не способны «считывать» эмоции окружающих.)

Согласно последним исследованиям, годовалый ребенок, собака или кошка пытаются сопереживать «выбитому из колеи» члену семьи, который рыдает, всхлипывает, страдает. Они подходят и кладут голову ему на колени. У людей и человекообразных отмечаются схожие реакции на изображения, несущие эмоциональную нагрузку: меняется работа мозга и периферических терморцепторов кожи. Когда поток фотографий показывают настолько быстро, что человек не в состоянии осознанно и вдумчиво реагировать, у него все равно меняется выражение лица. Отсюда вывод: эмпатия возникает автоматически. Ничего обдумывать не нужно. Мозг мгновенно выстраивает эмоциональное соответствие, а затем извещает хозяина об эмоции.

Во время игры животным необходимо знать, что за ними никто по-настоящему не гонится и всерьез не нападает. Эмпатия, братцы! Требуется смекнуть, что тебя приглашают поиграть. Эмпатия! В постоянном «бей-беги» нужно оттачивать умение переключаться с позиции уязвимого понарошку на позицию беззлобно атакующего. Я это каждый день замечаю у своих собак, Чули и Джуда, которые

обожают энергичные потасовки, где есть место и оскаленным зубам, и рычанию, но «сдаются» они – показывая брюхо, припадая к земле, зализывая воображаемые раны – по очереди. Они друзья до гроба, поэтому между ними существует доверие и понимание.

Совместные песни, пляски или молитвенные бдения, походы с друзьями на концерты или на футбол – тела синхронно движутся, а мозг каждого воспроизводит то, что мы видим в других, создавая тем самым эмоциональное приближение, никогда не достигающее искреннего разделения чьих-то чувств, потому что каждый способен на чувства только внутри самого себя. Так мы добиваемся максимально возможного для себя единения. Нам не дано увидеть красный цвет глазами другого человека, послушать «Кашмир» группы «Лед Зеппелин» чужими ушами или оценить, как другому на вкус фасолевый суп. Но эмпатия постоянно побуждает нас мериться ощущениями и создавать внутри себя их реплики. Можно разыгрывать в глазах родных и близких спектакль под названием «Вот то, что я сейчас чувствую», хотя на самом деле наш мозг, захлебываясь, твердит: «Ты это чувствуешь? А я тоже!!!» И все. Больше ничего. Но больше ничего и не надо, потому что это замечательно!

Эмпатию часто путают с сочувствием или состраданием, но это не синонимы. Давайте, говоря о способности чувствовать за других, сразу определимся с диапазоном: *эмпатия* – это сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого, это разделение с ним того, что он чувствует. Ты боишься – я тоже боюсь. Тебе весело – и мне тоже. Тебе грустно – я тоже грущу. *Сочувствие* – это забота о том, кому сейчас плохо. Эмоционально мы себя с ним не идентифицируем, это все-таки состояние «над схваткой». «Светлая память», – говорим мы человеку, похоронившему прабабушку. Это не наше общее горе, мы не сопереживаем, но мы сочувствуем.

Сострадание – это сочувствие, помноженное на стимул к действию: я вижу, как ты мучаешься, и хочу помочь, думаете вы и покупаете нищему на улице сэндвич или подписываете петицию в защиту китов. Разумеется, все три слова – «эмпатия», «сочувствие» и «сострадание» – обозначают взаимосплетение чувств. Но если под состраданием понимать желание облегчить муку другого, то слонихе, защитившей заплутавшую в лесной чаще старуху, доступны эмоции и

действия по всему описанному выше диапазону: от эмпатии через сочувствие к состраданию и действительному добру.

Джейн Гудолл писала, что не умеющие от природы плавать шимпанзе и бонобо, оказавшись в вольерах, окруженных оградительными рвами с водой, порой «предпринимают героические усилия», спасая утопающих. Так, взрослый самец утонул, пытаясь вытащить из воды свалившегося туда малыша. Однажды такой ров спустили, чтобы почистить, а потом его снова надо было наполнить. Служители открыли краны, как вдруг перед окном служебного помещения появился верховный самец. Он бешено размахивал руками и громко орал, чтобы привлечь внимание. Оказывается, несколько молодых бонобо, спустившихся в ров, когда в нем не было воды, теперь рисковали захлебнуться, потому что самостоятельно выбраться не могли. самого маленького из них старый самец успел вытащить.

Крысы будут спасать угодившую в западню товарку. Даже когда в одном лабораторном ящике для них была устроена ловушка, а в смежном лежал шоколад, они сперва вызволили угодившую в ловушку пленницу, а потом все вместе принялись за лакомство. Так что эмпатия у крыс перешла в сочувствие, потом в сострадание и, наконец, в бескорыстие. Помощь ближнему впоследствии может окупиться, и мозг присуждает себе дозу окситоцина в качестве награды за хороший поступок. Вот почему творить добро приятно. Бескорыстная помощь друзьям сродни страховому полису. На всякий пожарный лучше заплатить страховой взнос, даже если суммой покрытия воспользоваться не придется, ведь чем черт не шутит. Если ты крыса, то крыса, которую ты сегодня освободил, когда-нибудь тебе отслужит. Если нападут хищники, а вас двое, то шансы, что сожрут именно тебя, сокращаются наполовину, а шансы заметить недруга и сорвать тем самым нападение возрастают вдвое.

Но польза не есть мера всех вещей. Доброта порой стирает межвидовые границы и становится трансцендентной. В одном английском зоопарке самка бонобо поймала скворца. Когда служителю удалось уговорить ее выпустить птицу, она вскарабкалась на вершину самого высокого дерева, обхватила ствол ногами, чтобы обе руки были свободны, осторожно расправила скворцу крылья и потом подбросила его высоко в воздух, чтобы он полетел. А вдруг в этот момент она

сопереживала скворцу и представляла себе, каково это – летать под облаками?

Конкретные «почему?» и «для чего?» в проявлениях слоновьей эмпатии и сострадания до сих пор остаются без ответа. Мы не можем узнать, что они чувствуют, а вот они это знают. Возможно, слоны стремятся ухватить более глубинное понимание жизни и смерти, которое от них ускользает. Но и нам его никак не ухватить. Возможно, мы не одиноки в стремлении выйти за пределы логики и здравого смысла, чтобы наш вполне зрелый мозг попытался осмыслить немислимое. Возможно, как и нам, им просто интересно. Тогда должны быть и другие, которым тоже интересно.

Мне – интересно. Любопытство свойственно большому количеству животных, и человеческое любопытство – предтеча интереса, который, в свою очередь, есть предтеча духовной жажды, а та, в свою очередь, есть предтеча знания. Знание стремится постичь бытие. И это постижение будет вечным.

Горе горькое

Их возвращение Синтия Мосс видела своими глазами. Терезия лишилась половины бивня. Может, отстрелил кто, а может, отломился, когда она поднимала ослабевшего члена семьи, которого уже не держали ноги. Тристы не стало. Венди тоже. Таня вернулась с тремя нагноившимися ранами от пуль: в левом плече, за левым ухом и в крестце. Она без конца присыпала раны пылью и дотрагивалась до них хоботом. Молока в ее сохшейся груди почти не было, но сынок, которого еще надо было кормить, держался молодцом. Он мигом научился есть твердый корм.

Синтии пора было ехать, но Таня подошла к ее лендроверу и встала перед окном, глядя на нее. Растроганная Синтия с жалостью смотрела на слониху. Она понимала, что Таня пытается поделиться с ней своей болью, но помочь ей никто не мог.

Таня поправилась сама, ее сын выжил. Внезапно отлученный от материнской груди осиротевший слоненок Венди тоже выжил под опекой своей тетки Виллы. Терезия дожила до шестидесяти двух лет.

С того момента, как Терезия появилась на свет в 1922-м, мир сильно изменился. На ее веку он наполнился людьми и новыми машинами. Она жила и понятия не имела о Великой депрессии, Второй мировой, фашистских концлагерях и Хиросиме, равно как и об ужасах, творившихся в Бирме, Корее, Камбодже, Вьетнаме; об уму непостижимой экспедиции астронавтов, долетевших на своем «Аполлоне» до той самой Луны, при свете которой она бродила по саванне; об эре свинга, джаза и рок-н-ролла; ее не коснулось движение борьбы за гражданские права и права женщин; прошелестела мимо «Безмолвная весна»^[18] с ее экологическим пафосом. Во время холодной войны она нежилась под жарким солнцем африканских тропиков и нимало не поддерживала Нельсона Манделу в его борьбе за освобождение коренного населения страны, в которой перебили практически всех слонов. По временной оси все эти события, потрясавшие мир, совпали с ее жизнью, и Терезия вступила в фазу зрелости с ее ровным устойчивым ритмом. Она была старейшей особью во всей популяции саванных слонов, когда в ее тело вонзились

три копыа масаи. Раны нагноились, началось заражение крови, и через две недели она умерла. Ей было шестьдесят два года.

Сегодня мало кто из слонов доживает до такого возраста. Чтобы уцелеть, слоны должны отбросить привычный уклад и знания – по сути, культуру, – которая всегда лежала в основе их жизни: древние маршруты кочевий, передающиеся из поколения в поколение тропы к источникам воды и пищи, стремительно оскудевающим под натиском и вмешательством человека.

Детство Терезии прошло в более просторном мире.

– Тогда было множество наполненных зеленью, залитых солнцем дней, – вспоминает Синтия, – и Терезия вместе с другими малышами гоняла по саванне через высокие травы, безудержно трубя, издавая бешеные вибрирующие звуки: голова запрокинута, уши плещут по ветру, распахнутые глаза светятся озорством.

Конечно, бывали и худые времена, бывали и засухи, и падеж, но такова жизнь, и, несмотря на тощие годы, она могла продолжаться еще миллион лет. Но сегодня для слонов вероятность принять смерть от руки человека куда выше, чем шанс погибнуть по любой другой причине.

Слоны умирают. Все мы смертны. Есть те, кто оплакивает своих усопших. Слоны из их числа, из породы «одушевленных» животных, для которых в выживании семьи ключевую роль играют память, навыки и руководство, то есть индивидуум, который все это обеспечивает. Поэтому уход одного – потеря для остальных. И они это демонстрируют.

Слонам как-то включили запись голоса умершей слоницы. Звук шел из динамика, спрятанного в зарослях. Что творилось с семьей! Они не находили себе места, искали ее, трубили. Дочь потом продолжала звать ее еще много дней. Больше исследователи таких жестоких экспериментов не проводили.

Реакция слонов на смерть признается «наиболее труднообъяснимой». Они всегда реагируют на останки слона. Отмечались случаи реакции и на человеческие останки. А вот останки или кости других животных они игнорируют.

Джойс Пул пишет: «Страшнее всего их молчание. Единственный доносящийся звук – шелест воздуха, вырывающегося из хоботов, которыми они обследуют мертвое тело своей товарки. Кажется, в эту

минуту умолкают даже птицы». Вики не раз доводилось видеть подобные сцены, от которых, по ее словам, «сердце останавливается». Слоны осторожно вытягивают хоботы и бережно дотрагиваются ими до туши словно в поисках какой-то информации. Гибкие концы хоботов гладят нижнюю челюсть, бивни, зубы – те участки головы, которые при жизни были на ощупь им больше всего знакомы и потому хорошо узнаваемы, ведь слоны касаются их, приветствуя друг друга.

Синтия рассказала мне про поразительную слониху, прозванную Большой Беззубкой. Она умерла своей смертью, и через несколько недель Синтия перевезла ее нижнюю челюсть в полевой лагерь. Так обыкновенно поступают ученые, чтобы определить возраст слона. Прошло несколько дней, и мимо лагеря проходила осиротевшая семья Большой Беззубки. На земле были разложены несколько десятков челюстей, но слоны подошли именно к ее останкам. Они стояли над ее костями. Они трогали их. Потом все двинулись дальше, кроме одного слона. Вся семья ушла вперед, а он еще долго переворачивал челюсть и все гладил ее хоботом, словно лаская. Это был Бутч, семилетний сын Большой Беззубки. О чем он думал? Вспоминал лицо матери? Представлял себе ее запах? Слышал звук ее голоса? Ощущал прикосновение?

Сегодня люди не дадут бивням мертвого слона лежать без дела. Но в 1957 году Дэвид Шелдрик описывал «странный обычай слонов перемещать бивни своих усопших». Он упоминает «множество случаев», когда слоны добрый километр тащили куда-то бивни весом чуть не пятьдесят килограммов. Иэн Дуглас-Гамильтон как-то переложил останки слона, подстреленного местным крестьянином, в другое место. Вскоре туда пришла знакомая семья слонов. Почувствовав запах, они развернулись и осторожно приблизились к костям, вытянув качающиеся вверх-вниз хоботы и выжидающе насторожив уши. Никому не хотелось дотрагиваться до останков первым. Сгрудившись, семья принялась за пристальное обследование и тщательное обнюхивание костей. Некоторые они покачивали и бережно переворачивали ногами. Какие-то перекладывали и роняли, пытаясь сложить вместе. Что-то пробовали на вкус. Несколько слонов по очереди ворочали череп. В опознании принимала участие вся семья, и многие кости они перенесли на другое место.

Джорджу Адамсону пришлось однажды застрелить слона, который вломился в сад местного чиновника. Жители деревни освеживали тушу, а скелет оттащили за километр и бросили. Той же ночью слоны вернули лопатку и бедренную кость на место смерти своего товарища.

Иногда они забрасывают мертвых землей и ветками. Насколько я знаю, это единственные животные, у которых есть примитивный ритуал погребения. Известны свидетельства таких же действий, которые слоны проделывали с человеческими останками.

Охотники во время сафари подстрелили крупного слона, и его товарищи обступили тело. Вернувшись через несколько часов, люди обнаружили, что слоны не только прикрыли его землей и листвой, но и залепили глиной зиявшее в голове пулевое отверстие.

Ведомо ли им понятие смерти? Предчувствуют ли они уход? Всего несколько лет назад в замечательном кенийском Национальном парке Самбуру давно хворавшая слониха-матриарх по имени Элинор рухнула на землю. Грейс, матриарх другой семьи, поспешила к ней на помощь. Из ее височных желез от волнения струился секрет. Она смогла поставить подругу на ноги, но через какое-то время Элинор рухнула опять. Грейс отчаянно пыталась снова поднять ее, но безрезультатно. Грейс не отходила от нее ночь напролет. Эта ночь стала для Элинор последней. На следующее утро слониха по имени Майя принялась покачивать тело Элинор. Так прошел второй день, а на третий проститься с ней пришли члены ее семьи, члены еще одной семьи, слониха Майя, с которой они всю жизнь дружили, и конечно же Грейс. Прошла неделя, и семья Элинор опять вернулась к своему матриарху. Они простояли над телом полтора часа. Рассказывая мне об этом случае, Иэн Дуглас-Гамильтон несколько раз повторил слово «горе».

Способны ли слоны горевать? И как мы можем узнать об этом? После смерти слоненка мать порой на долгое время впадает в уныние и понуро бредет на отдаленном расстоянии от семьи. Когда слониха Тони принесла мертворожденного слоненка, она не отходила от тельца. Под палящим зноем не подпускала к нему львов, пытавшихся его растерзать. Так она простояла четыре дня.

Иногда слонихи переносят захворавших или мертвых слонят на бивнях. В Амбосели они почти полкилометра тащили погибающего

недоношенного детеныша до укромной сени густой пальмовой рощи. Известны случаи, когда человекообразные обезьяны, бабуины, и дельфины не могли расстаться с умершими малютками и таскали их с собой по несколько дней. Спрашивается: испытывает ли мать при этом горе или тащит за собой мертвого детеныша, как тащила бы живого? Ответ: ни слоны, ни дельфины не переносят здоровых детенышей. Значит, мы имеем дело с чем-то совсем другим.

В сентябре 2010 года в прибрежных водах острова Сан-Хуан^[19] была замечена косатка, шесть часов поддерживавшая на плаву мертвого детеныша. Если бы самка воспринимала смерть сугубо рационально, она бы попросту бросила мертвое тело. Но ведь люди тоже просто так не бросают мертвых младенцев, потому что в нашей парадигме существует понятие «смерть» и мы знаем, что такое горе. Нас связывают прочные узы, и отпустить ближнего нам нелегко. Но их тоже связывают прочные узы. Возможно, отпустить ближнего без боли им так же трудно.

Несколько лет назад на Лонг-Айленде^[20] море выбросило на берег полуживого детеныша кита-горбача. По возрасту ему еще полагалось находиться на молочном вскармливании. Мардж Уински, смотрительница маяка в Монтоке, находящемся в двадцати четырех километрах от Ист-Хемптона, где на пляже обнаружили несчастного китенка, рассказывала мне, что всю следующую ночь слышала «трагические вопли китов», находившихся вдали от берега.

Мутные воды Атлантики и тигровая акула навсегда разлучили Луну, самку большелобого продельфина, с ее детенышем, которому было несколько дней от роду. Об этом Дениз Херцинг писала так: «Я не слышала более отчаянного материнского крика». Когда содержащийся в неволе дельфин Спок неожиданно умер, его неразлучная спутница дни напролет лежала на дне дельфинария, словно погруженная в летаргию, поднимаясь на поверхность только чтобы вздохнуть. Прошла неделя, прежде чем она снова начала есть и общаться с остальными. По словам Маддалены Беарци^[21], «самка дельфина, потерявшая детеныша, в своем горе может искать уединения, она прячется, но в этот период остальные члены стаи не забывают ее, а словно бы приходят проведать, как принято у людей приходить с соболезнованиями к тем, кто перенес утрату».

Так можем ли мы сказать о животных, что они горюют? В целях большей информативности и ясности нам потребуется посмотреть на горе с точки зрения науки. Воспользуемся определением, которое предлагает антрополог Барбара Дж. Кинг. По ее словам, горе у людей, знавших покойного, проявляется в изменении привычного поведенческого уклада. Они отказываются от еды, у них может пропасть сон, развиться апатия или лихорадочное возбуждение. Они могут приходить к телу усопшего. Это антропологическое описание оказывается чрезвычайно полезным, хотя наука привыкла оперировать конкретными данными. Увы, нельзя сказать, что грусть-тоска на полкило легче, чем горе, а траур короче веселья на два метра. У людей эмоции различаются по интенсивности и действительно носят проходящий характер. Но и животные тоже переживают их с разной интенсивностью. Человек, потерявший близкого родственника, может несколько дней не выходить на работу, иногда прощание с усопшим и бдение над гробом может длиться день, а то и два. И слоны могут несколько дней подряд приходить к телу умершего члена семьи. По прошествии времени родственники приходят к покойному на могилу. У слонов все то же самое. Траектория человеческой жизни может круто измениться со смертью главы семьи. Опять-таки у слонов, волков и человекообразных все точно так же.

В 70-е годы XIX века в филадельфийском зоопарке жила неразлучная пара шимпанзе. «После смерти самки, – вспоминает смотритель, – ее спутник много раз пытался помочь ей подняться, а когда понял, что это невозможно, его захлестнула ярость и скорбь, на которые невозможно было смотреть без боли. <...> Обычные вопли ярости <...> под конец уступили место плачу, которого ни один смотритель зоопарка никогда не слышал. Он жалобно и горестно скулил: а-а-а-а. <...> Так он проплакал до самого вечера. На следующий день он сидел, не шевелясь, и все так же скулил». Еще одна история произошла почти сто лет спустя: шимпанзе Эймос из научно-исследовательского центра Йеркиса вдруг отказался вылезать из гнезда. Остальные особи постоянно подходили, чтобы его проведать. Самка Дейзи ласково чесала его за ушками, пыталась подложить что-нибудь мягкое ему под спину, словно сиделка, поправляющая подушку пациенту. На следующий день Эймос умер. Почти неделю после его смерти обезьяны не хотели играть и очень

мало ели. Джон Монтани рассказывает, что в Уганде два самца шимпанзе долгие годы были неразлучными друзьями. Когда один умер, второй, очень общительный и занимавший в клане высокое положение, «несколько недель никого к себе не подпускал. Это было похоже на траур».

Американский приматолог Патриция Райт изучает мадагаскарских лемуров. Она утверждает, что смерть одного – «трагедия для всей семьи». Она подробно описывала мне, что произошло, когда фосса – хищная мадагаскарская виверра^[22] – загрызла хохлатого индри^[23]. Когда хищница ушла, лемуры вернулись. Самка индри все время издавала звуки, немного похожие на то, как кричат лемуры, когда отбиваются от стаи. Но обычное «ау» у лемуров звучит иначе: во-первых, с большими интервалами, а во-вторых, звук должен быть выше и напористее. Здесь же это был тихий посвист, горестный, неумолкающий, снова и снова бьющий в уши. Остальные члены семьи, сыновья и дочери убитого фоссой лемура, свесившись с веток дерева, издавали такие же свистящие звуки, глядя с высоты пятидесяти метров на лежавшего на земле мертвого отца. Пять дней подряд они возвращались к его телу – всего четырнадцать раз.

Питомец орнитолога и эколога Джоанны Бергер амазон Тико привязался к ее свекрови, которая последний год жизни провела в их доме. Весь месяц до ее смерти Тико отказывался подпускать к ней сотрудников хосписа. Просто не давал им до нее дотронуться. Даже когда медики просто хотели измерить женщине температуру, попугай бросался на них, так что во время визитов врачей его приходилось выгонять из комнаты. Последнюю неделю он просидел у изголовья умирающей, охраняя ее покой. «Он почти отказался от еды», – вспоминает Джоанна. Когда ее не стало и тело отвезли в морг, Тико «...полночи кричал у себя в комнате наверху, хотя раньше по ночам оттуда не доносилось ни звука, что бы ни происходило на первом этаже». И потом долгие месяцы попугай часами сидел на кровати, где когда-то лежала его старая подруга.

Горе – не просто реакция на смерть. Иногда люди, которых мы знали, умирают, но горя мы при этом не испытываем. Иногда те, кого мы любим, просто уходят из нашей жизни, и для нас это горе, хотя они живы. Мы по ним отчаянно тоскуем. Знакомство с кем-то меняет нашу жизнь, и утрата кого-то тоже ее меняет. Горе – не только вопросы

жизни или смерти. Чаще всего это потеря близкого человека, его отсутствие. По словам Барбары Дж. Кинг, когда у пары или нескольких особей общая жизнь, то «горе – это потеря любви».

Действительно ли речь идет о любви? Когда слониха издалека замечает сестру и подзывает ее, то есть хочет контакта, или попугай видит свою «половинку» и стремится быть с ней рядом, некое взаимное тяготение заставляет двух особей искать близости. Чувство, стоящее за желанием близости, мы называем словом «любовь». Слоны и пернатые чувствуют любовь друг к другу не так, как чувствую ее я. Но эти же слова я могу сказать про моих друзей, маму, жену, дочь жены от первого брака, соседей. Любовь у каждого своя, и человеческая любовь может сильно отличаться и в качественном, и в количественном отношении. Но я верю, что слово, обозначающее то, что чувствует каждый из нас, обозначает и то, что чувствуют они. Любовь всегда многообразна, об этом писал еще Плутарх. Так что речь тут действительно о ней, о любви.

Есть животные, которые не тоскуют ни по умершим членам семьи, ни по постоянному члену пары. Но почему мы беремся это утверждать: потому, что так оно и есть на самом деле, или потому, что мы ничего такого не видели? А может быть, видели, но не поняли, в чем дело? Кому доводилось наблюдать за поведением чайки или мангуста до гибели партнера и после, да еще и несколько недель (а в случае с альбатросом – лет, пока птица не оправится от потери и не начнет участвовать в брачных играх, чтобы создать новую пару)? Истории о проявлениях горя у диких животных редки и случайны, поскольку естественная смерть обыкновенно не на виду. Цикл жизни и смерти у большинства животных происходит вдали от человеческих глаз. Зато владельцы домашних животных расскажут вам множество историй о котах, которые орут от горя благим матом, а потом неделями валяются в апатии, о печальных кроликах, о собаках, которые ходят на могилу хозяина или продолжают год за годом ежедневно встречать знакомый поезд, в надежде, что покойный все-таки вернется. Таким историям несть числа. У моей приятельницы жила пара бородатых агам, и когда одна ящерица умерла, вторая буквально лежала пластом. Понадобилось две недели, чтобы она смогла вернуться к жизни. Неужели даже ящерица страдает, потому что лишилась друга?

Я практически ни разу не наблюдал за животным, лишившимся пары. Но у нас с женой была пара уток, не расстававшихся с того момента, как они вылупились из яиц. Бок о бок с ними жили четыре курицы. Обитатели нашего птичника частенько разгуливали по двору. Но утка и селезень всегда были неразлучны. Они вместе плескались в воде, а когда приходила пора, спаривались. Однажды обе птицы заболели. Селезень, которого мы прозвали Дак Эллингтон, умер. А уточка по имени Пейджер выкарабкалась. Но, встав на ноги, она целыми днями бродила по двору, тыкаясь в заросли плюща и заглядывая под кусты. Искала, звала. Что ею двигало? Горе? Печаль? Она явно тосковала по своему селезню. Но прошло время, и она прибилась к остальным нашим птицам, превратившись в безмозглую курицу. Я не берусь рассуждать о ее чувствах, но я видел, что она скучает по своему партнеру. Она хотела его найти, но потом жизнь, как говорится, взяла свое, как всегда и бывает. Каждая такая история по отдельности неубедительна, бездоказательна и допускает неоднозначные толкования, но в совокупности они обретают смысл.

Так же как люди, отдельные особи переживают утрату особенно тяжело. В 1990 году косатка-матриарх по имени Ева умерла в водах Тихого океана в возрасте пятидесяти пяти лет. Ее сыновья Отличник и Фостер кружили вокруг острова Хансон^[24] и звали, звали, звали... Впервые в жизни – а Отличнику было тридцать три года – мать не отвечала на их зов. Братья дельфины снова и снова возвращались в те места, где мать провела последние дни своей жизни. Преданность. Тоска. Горе. Дейм Дафни Шелдрик, кавалер Ордена Британской империи, с высоты своего полувекового опыта общения с осиротевшими слонятами спокойно заметила: «Слон от горя способен умереть». Ей не раз приходилось это видеть, так что она знает, что говорит.

По словам Дафни, пятьдесят лет работы в основанном ею в Кении питомнике для слонят-сирот научили ее, что «...понять слонов можно только „очеловечивая“ их, потому что слоны эмоционально идентичны человеку. Они горюют и скорбят об утрате любимого существа так же глубоко, как мы, и любить умеют беззаветно».

Но даже если допустить, что слоны горюют, неужели они «горюют <...> так же глубоко, как мы»? А насколько глубоко наше горе? Вспомните, как бывает на поминках: все собираются вместе –

внуки, взрослые дети, родственники, друзья, – коллеги перешучиваются или обмениваются визитными карточками; молодая дама явилась в черном платье, фасон которого явно призван рассеять у присутствующих траурное настроение; есть рана, которая затянется, и боль, которая никогда не пройдет. У жизни существуют начало и конец, этого не изменишь. Что такое «человеческое горе»? Универсальное понятие отсутствует. Как и человеческая любовь, горе многообразно. Это множество разных вещей, с разной интенсивностью происходящих в разных умах, и не всегда исключительно в человеческих. Горе не предполагает понимание смерти. Люди, естественно, горюют, но к единому мнению по поводу смерти им прийти не удастся. К их услугам широкий спектр разнообразных религиозных верований: они готовы верить в рай, ад, кармическую реинкарнацию, во что угодно, только бы избавить своих усопших от смерти. Главное, чему верит человек, когда речь заходит о смерти, – то, что смерти нет. Есть те, кто верит в естественную кончину, прекращение существования, но для большинства это непостижимо. «Верую в жизнь вечную» – эти слова из катехизиса меня, как доброго католика, научили повторять в храме. Выходит, когда самка шимпанзе или дельфина держит перед собой мертвого детеныша, она понимает смерть не хуже, чем понтифик. А когда слон ласково водит хоботом по костям милых сердцу усопших, он понимает смерть еще глубже.

Два года спустя после кончины заколотой копьями Терезии Синтия увидела, как Таллула, Теодора и их молодняк валяют дурака: бегают напролом по кустам, выписывают пируэты, закрутив хвостики колечком, врезаются с разбегу в воду и шалят, поднимая волны и тучи брызг. Оправившись от смерти матриарха, они, как позже запишет Синтия, «... снова превратились в жизнерадостных и способных на любую выходку слонов, которых я так хорошо знала и так любила».

Хотел бы в единое слово...

Мы наблюдаем, а они заходят в болото, приминая по пути высокую траву, и с хлюпаньем погружаются в живительную влагу. Как семья решает, куда идти и когда? Вики *очень* пристально за этим следит.

– Если одной из слоних вдруг захочется куда-то отправиться, она отходит в сторону и поворачивается головой в желаемом направлении.

Эту стойку этологи называют между собой «двинули!» – кто-то из слоних принимает ее приблизительно раз в минуту.

– Это выражение намерений, которое значит: «Я хочу пойти туда. Кто со мной?» – поясняет Вики, – а остальные либо соглашаются, либо никак не реагируют.

А если они не реагируют?

– Если не реагируют, то гулена может бодрым шагом вернуться в семью и развернуть активную приветственную кампанию, чтобы перетянуть на свою сторону серьезную группу поддержки. В таком случае приветствие – это стратегический ход, что-то вроде: «Всем привет! Мы же с вами верные друзья! Я хочу *туда-а-а!* Друзей бросать нельзя-я-я!»

Иногда получить согласие удастся довольно быстро. Матриарх издает долгое негромкое урчание, поднимает уши, хлопает ими себя по шее и по плечам – так обычно хлопают в ладоши, чтобы привлечь внимание, – и семья как по сигналу отправляется в путь. А иногда начинаются дебаты, которые могут длиться часами.

– Места тут кругом знакомые, – продолжает Вики. – Если место, куда вы намерились идти, уже заняла превосходящая вас по численности и влиянию семья, то лучше не лезть на рожон, а просто повернуть в другую сторону. Бывают совершенно очевидные ситуации. Но порой мне непонятно, почему они делают то, что они делают.

Чуть притормозив, Вики говорит:

– Привет, Амелия! – Потом оборачивается ко мне: – Видите ту слониху, которая идет и хлопает ушами? Это Джолин, матриарх семьи Дж/А. А там у нас... – В бинокль Вики старается рассмотреть еще

одну слоницу, подалее в зарослях высокой травы на болоте. – Понятно. Там у нас Ивонн.

Получается, что у нас здесь в окрестностях три семьи: по первым буквам имен это А/А, И/А и Дж/А. А/А дружат с Дж/А, и И/А тоже дружат с Дж/А. И они идут, чтобы поздороваться.

– Но это не просто «привет – привет», – переводит со слоновьего Вики. – Они говорят что-то вроде: «Это я, это ты, мы с тобой друзья, и мы здесь».

В приветствие вовлекаются все особи клана, чувства и отношения сливаются воедино.

Джойс Пул называет это «связующим ритуалом». Участники демонстрируют друг другу и отдаленным слушателям, что они «члены сплоченной группы и готовы выступить единым фронтом».

– Если надо узнать, кто они друг другу – верные друзья или близкие родственники, – наставляет меня Вики, – мы первым делом присматриваемся к приветствию. Чем оно ярче и эмоциональнее, тем прочнее связи между группами. Иногда в пылу особенно бурного общения слоны внезапно и довольно картинно сцепляются хоботами, прижимаются друг к другу боками. Стоит такой гвалт! Они трубят, урчат, тянутся хоботами, суют их друг другу в рот; уши хлопают, бивни клацают – одним словом, это настоящий душевный подъем, который ни с чем не перепутаешь.

Для общения в различных ситуациях у слонов в арсенале более сотни жестов, обретающих в определенном контексте нужный смысл. Если слон сомневается или выжидает, он стоит, слушает, смотрит, при этом кончик хобота вращается взад-вперед; в поисках решения он может дотрагиваться до ушей, лба, рта, хобота – как человек, который потирает подбородок или прикладывает руку к щеке. С помощью почти непрерывных голосовых сигналов слоны поддерживают связь внутри семьи, укрепляют узы, сглаживают противоречия, защищают сторонников, формируют коалиции, координируют движение и поддерживают контакты. Для некоторых сигналов они, как и все млекопитающие, используют гортань и голосовые связи, для других – хобот.

Конфликты, возникающие между особями, часто решаются с помощью посредника. «Обыкновенно шаги к примирению делает третья сторона – матриарх или кто-то тесно связанный с обиженным.

Слониха приближается к конфликтующим <...> и, стоя с ними рядом, урчит, вскидывая голову, поднимая уши и протягивая хобот по отношению к обидчику, демонстрируя дружелюбные намерения», – отмечают исследователи.

Вики несколько разочарована масштабом коллективного приветствия, ей хотелось показать мне «товар лицом».

– Если бы тут была семья Э/Б, то такой бы стоял дым коромыслом – все на подъеме, все трубят, гладят друг друга, трутся боками. Мы их называем «итальянское семейство» из-за невероятного темперамента. Эти, наоборот, все в себе.

У довольно малочисленной семьи Дж/А есть основания, чтобы замкнуться и уйти в себя.

– Их предыдущего матриарха – настоящую красавицу – закололи копьем. Матриархом стала другая слониха, но она пала во время засухи.

Уход из жизни старшего поколения приводит к эмоциональному оскудению остальных. Я уже писал, важно, не что, а кто стоит на карте. У таких «одушевленных» животных смерть влияет в первую очередь на оставшихся в живых.

Большинство слонов прячутся в зарослях. Сейчас к нам ближе всего Джамия. Чуть подалее – девятилетний Джереми, который только что нахлобучил себе на голову охапку травы. Справа от него – слониха, у которой концы бивней сходятся впереди. Это Джолин, она матриарх. Рядом с ней Джин, у нее недавно был выкидыш. Слониха с круто загнутыми вверх бивнями – Джоди. У Джолин репутация матриарха, очень чуткого к потребностям семьи. На редкость невозмутимая слониха, всегда готовая поддержать, повести за собой.

– У них чудные отношения друг с другом – добрые, теплые, очень тесные. Изумительная семья, одна из самых моих любимых! – искренне признается Вики.

И одна из самых поразительных. Генетические исследования показали, что Джолин, Джамия и Джоди – не близкие родственники.

– Это дружба, которая переросла в семейные отношения. Здесь царит настоящая эмоциональная близость. Они все время вместе, постоянно прикасаются друг к другу, трутся боками. О, смотрите, Джамия здороваётся со слоненком: «Привет, мы здесь!»

Джолин, должно быть, все это время по душам беседовала с Джеттой. Сейчас она тянет голову по направлению к Джоди, и у обеих

«текут» височные железы.

Джоди расправляет уши.

– Это значит, что она слушает, – поясняет Вики. – А теперь видите, как Джоди повела ухом? Это она отвечает. У них идет разговор.

Но почему мы его не слышим?

В голосе Вики начинают звучать зловещие нотки:

– Иногда мы ничего не слышим, просто чувствуем: слоны рядом. Или, наоборот, чувствуем, что их нет. Это ощущают все, но почему – никто не знает. Мы бессознательно улавливаем какие-то еле различимые сигналы. Думаю, это реакция организма на инфразвук.

Диапазон слоновьего голоса равен десяти октавам, от инфразвукового рокота до трубного рева, в полосе частот от восьми до десяти килогерц. Эксперименты с использованием аппаратуры, способной делать звуки сверхнизких частот доступными для слухового восприятия, доказывают: когда возбуждение слона достигает такого уровня, что височные железы начинают «течь», он дополнительно выражает эмоции голосом. Другое дело, что эти сигналы, хотя и достаточно громкие, находятся в сверхнизком диапазоне частот, то есть ниже порога слышимости.

Инфразвуковые волны распространяются не только в воздухе, но и в земной коре. Слоны в состоянии улавливать инфразвуковые колебания, недоступные человеческому уху, источник которых находится на расстоянии нескольких километров. Их повышенная восприимчивость к сверхнизким частотам обусловлена строением уха, костной проводимостью и наличием нервных окончаний, которые делают пальцы, подошву и кончик хобота особо чувствительными к колебаниям. Таким образом, часть голосового общения слонов идет по земле и воспринимается подошвенными частями ног. (Способность улавливать колебания, распространяющиеся в земной коре, может объяснить, почему слоны бегут из прибрежной зоны, предчувствуя цунами.)

Доступное человеческому слуху урчание проходит по верхней границе инфразвукового диапазона, как если бы в сложном многозвучном аккорде нам были слышны только верхние ноты. Если провести аналогию с домом, то у здания с полноценным цокольным этажом нам доступен лишь чердак под самой крышей.

Урчание слонов различается по звуковой структуре. Его амплитуда, частота и продолжительность меняются в зависимости от ситуации: при напряженном противостоянии одно, при дружелюбном общении другое. Сказать про слона, что он урчит, – все равно что сказать про человека, что тот смеется, а ведь смех при разных обстоятельствах может варьироваться от вежливого смешка до саркастического хмыканья, а если изменить громкость, получится хохот. То же самое с урчанием: возможны варианты.

– Многое из того, что они говорят, мы услышать не в состоянии, – рассказывает Вики, – но мы видим какие-то, казалось бы, незначительные вещи: как в разговоре возникает пауза, как чуточку меняются их позы. Иногда, призывая кого-то, слон морщит лоб. Если стоять перед ним в этот момент, то почувствуешь волну, которая проходит насквозь, на уровне солнечного сплетения или грудной клетки.

Но если они разговаривают, то о чем? Коммуникативный акт – это процесс передачи сообщения от коммуникатора к реципиенту, который его воспринимает и подтверждает восприятие. Что удивительно, для этого процесса сознание – не необходимое условие. Цветок – это способ растения передать зрительную или обонятельную информацию пчелам и прочим опылителям. Информацию могут нести электрические импульсы, химические вещества, зрительные образы, движения. По человеческим меркам «языком» все это называться не может; тем не менее важнейшая информация эффективно доходит до адресата. Но слон – не дерево, а животное; коммуникация у животных может быть двусторонней. Мой пес тычется мордой в клавиатуру, и на мониторе возникает бессмысленный набор букв, а потом он принимается вилять хвостом. И мы оба понимаем, что это означает: «Хватит работать, старина, лучше почеси мне спинку».

Слова лишь способ коммуникации, причем не единственный. Мир полон эмоциональных переливов, протекающих в безмолвии, и отсутствие слов осмысленным ощущениям не помеха. Ракообразные, насекомые, головоногие и миллионы прочих видов общаются посредством запахов, жестов, поз, гормонов и феромонов, прикосновений, взглядов и звуков. Абоненты постоянно на связи, все вокруг пульсирует от их сигналов и сообщений. Киты в океанских глубинах способны услышать друг друга за сотни километров.

Рыбы отнюдь не немые, у них отлично работает «голосовая почта» по доставке приглашений и подтверждений о получении. Некоторые креветки на поверку оказываются настоящими трещотками; не зря их называют «раки-щелкуны». Мы и малой доли не знаем о том, как животные обмениваются информацией с помощью голосового потока, палитры запахов или жестового словаря, который у каждого вида свой.

Однако неспособность животных пользоваться при общении словами долгое время давала право считать их пустоголовыми. Это очень удобная позиция, чтобы оправдать наши поступки по отношению к ним. Раз бессознательное существо думать неспособно, какое нам дело, что оно думает? Коммуникация, мышление и жестокость тесно переплелись, и, прежде чем рассуждать о коммуникации, придется этот колтун расчесать и разобрать на отдельные пряди.

Еще в начале XVII века один из отцов научной революции Рене Декарт свалил в одну кучу коммуникацию, сознание, мышление, господство человека над животными и религию. Он утверждал – безосновательно, – что животные не разговаривают не из-за отсутствия необходимых для этого органов, а потому, что у них нет мышления. И далее приходил к выводу – нелогичному: «...если бы они мыслили, как мы, то обладали бы, подобно нам, бессмертной душой».

Вольтер с негодованием обрушился на Декартовы алогизмы, а самого Декарта и его последователей называл варварами:

«Какая эта жалкая, убогая мысль, будто животные – автоматы, лишённые сознания и чувства <...> Разве ты считаешь, что у меня есть чувство, память, мысли только потому, что я с тобой говорю? Ну так вот, я не разговариваю с тобой; ты видишь, что я вернулся домой с огорченным лицом, с беспокойством ищу какую-то бумагу, открываю письменный стол, вспомнив, что я положил ее туда, нахожу и радостно читаю ее. Ты заключаешь, что я испытал чувства огорчения и удовольствия, что у меня есть память и сознание.

Сделай же сам вывод относительно собаки, которая потеряла своего хозяина, с жалобным воем искала его по всем дорогам, которая входит в дом встревоженная, беспокойная, спускается, поднимается по лестнице, ходит из одной комнаты в другую и наконец, найдя любимого хозяина в его кабинете, выражает ему свою радость веселым лаем, прыжками, ласками. Варвары хватают эту собаку,

которая так неизмеримо превосходит человека в дружбе; они прикрепляют ее к столу, они разрезают ее живьем, чтобы показать тебе ее мезентариальные вены. Ты обнаруживаешь в ней точно такие же органы чувств, какие есть в тебе. Отвечай, ты, полагающий, что организм – машина: неужели природа вложила в это животное органы чувств, для того чтобы оно ничего не ощущало? Неужели оно обладает нервами, для того чтобы быть бесчувственным? Не приписывай природе такое безрассудное противоречие»^[25].

Во времена, когда практиковалась вивисекция или живосечение, то есть проведение хирургических манипуляций с исследовательскими целями на живых животных без анестезии, идеи Декарта служили индульгенцией тем, кто отмахивался от криков боли, издаваемых собаками или другими подопытными животными. «Они (животные)... машины, автоматы. Они не ощущают ни удовольствия, ни боли, вообще ничего. Хотя они пронзительно кричат, когда их режут ножом, и корчатся в усилиях избежать контакта с раскаленным железом, это ничего не означает». Почему столь невыносимой была мысль о наличии у бессловесных тварей сознания и чувств? Почему для утверждения человеческого превосходства Декарту понадобились слова, оправдывающие причинение животным страдания? Я убежден, что дело именно в словах. Так думали и чувствовали не все. «Вопрос не в том, могут ли они рассуждать или могут ли они говорить, но в том, могут ли они страдать», – писал в 1789 году английский философ Джереми Бентам, который осмелился заговорить о гуманизме по отношению ко всем, «кто дышит».

«В смертельной агонии собака ластится к своему хозяину, и каждый слышал о собаке, которая лизала руки вивисектору, проводившему над ней опыт на операционном столе; этот человек, хотя операция и была оправдана необходимостью расширения наших знаний, должен был ощущать угрызения совести до конца своих дней, если у него, конечно, не каменное сердце», – писал Дарвин в «Происхождении человека». И вот еще пронзительная строчка из его же записной книжки, где он называет вещи своими именами: «Животных, которых мы сделали нашими рабами, мы не хотим принимать как равных».

Порой кажется, что люди хоть и мыслят, но на глубокие чувства не способны. Начни, например, свинья биться и кричать: «Не убивайте

меня! Мне очень страшно!» – это бы вряд ли кому-то понравилось, а ведь она сказала бы именно это, если б умела говорить. Конечно, свиньи не говорят по-английски, но во Франции полно людей, которые тоже не говорят по-английски. Все известные мне животные проявляют к жизни не меньший интерес, чем мы с вами. На самом деле наш интерес к жизни как раз меньше. Аутоагрессия – осознанная и неосознанная деятельность, нацеленная на причинение себе вреда, – характерна исключительно для человека. Среди животных не отмечается суицид на почве депрессии. Напротив, животное будет бороться за жизнь до последнего.

Давайте посмотрим на коммуникацию под другим углом. Те, кто утверждает, что нам не дано понять мыслей животных, потому что мы не можем с ними поговорить, на самом деле скорее правы, чем неправы. Мы действительно не знаем, что чувствуют животные. Мы порой не в состоянии поговорить со своими родителями, детьми или дражайшей половиной. Более того, у нас нет-нет да и сорвется с языка: «сам не знаю, что говорю», «слов не хватает», «все чувствую, а сказать не могу» – и это про самих себя!

Мы не можем попросить божью тварь поговорить, но можем понаблюдать за ее поведением. Можно ставить разумные вопросы, проводить правильные исследования и прийти в конечном итоге к большему пониманию. Эйнштейн изучал с таких позиций Вселенную и кое-чего достиг. Ньютон по такому принципу подходил к физике. Дарвин – к филогенетическому дереву жизни. Вряд ли Галилей жаловался знакомым, что планеты с ним не разговаривают. Что характерно, никакие астрономические расстояния, на которые удалены от нас светила, не заставят нас заподозрить в их поведении хотя бы намек на способность мыслить или чувствовать. У животных же, напротив, эта способность очевидна, потому что они на самом деле мыслят и чувствуют. Но из-за того, что с животными нельзя поговорить, зоологи-бихевиористы сразу вскидывают лапки кверху и заявляют: если мы не знаем точно, что животные мыслят и чувствуют, следует считать, что эти способности у них отсутствуют.

Бихевиористы-антропологи – и в первую очередь, конечно, Фрейд – счастливо избежали подобной смирительной рубашки, поскольку по их теории то, что мы думаем, мы не осознаем, а то, что чувствуем, не вербализуем. На редкость удобные двойные стандарты. С одной

стороны, есть точка зрения профессионального сообщества, согласно которой невозможно доказать, что животные мыслят, потому что они не в состоянии выразить этого словами. С другой стороны, не менее профессиональное сообщество полагает, что человек не в состоянии выразить словами то, что на самом деле чувствует. Истина, как обычно, где-то посередине.

Слова – это в лучшем случае набор ярлыков, с которым мы, словно с безразмерным бреднем, подходим к нашему неуемному и вполне себе четвероногому восприятию в надежде выловить и рассмотреть отдельные мысли и чувства. Слова – эскизы реальности, в одних эскизах сходства больше, в других меньше. Вы можете описать желание почесаться, не прибегая к словам-ярлыкам вроде «зуд» или «чешется»? Собака тоже не может, но она начинает чесаться, и мы знаем, что она чувствует. Можно ли передать словами влажность воды? Чувство любви или грусти? Запах снега? Вкус яблока? Для объективного описания этих ощущений слов не существует.

Речь – это попытка мокрыми руками удержать мысли, которые могут выскользнуть в любой момент. Люди не всегда говорят правду, поэтому порой надежнее вообще не обращать внимания на слова, а в поисках истинных чувств собеседника ориентироваться исключительно на язык тела. Иногда слов, что называется, не хватает или их нет вовсе. Необходимость учить иностранные языки говорит о случайной природе слов, о том, что сначала возникает некая мысль, она первична, а слова мы «лепим» на нее потом. Слова совершенно необходимы в качестве инструмента для сложных умозаключений или подробного долговременного планирования («юноше, обдумывающему житье», без них не обойтись). Но думаем и чувствуем мы без помощи слов. Мысль облекается в слова, но первична все же мысль.

Удивительно, что активность мозга на несколько секунд предвосхищает осознание мысли, то есть до того момента, как приходят слова, уже многое успевает произойти. Обводя глазами кухню, нет нужды перечислять про себя: «Холодильник, мойка, фото любимой». Фотография любимого человека на стене действует сильнее тысячи слов, и поэтому никаких слов не надо, снимок говорит сам за себя. Чем меньше слов, тем острее чувство. После того как собаку отругали, достаточно одного прикосновения, чтобы она поняла:

все, забыли, мы снова друзья. Для судьбоносных вещей слова вообще не обязательны. «Я тебя люблю» звучит неплохо, но молчаливое проявление этих слов куда как убедительнее. Порой достаточно одного жеста. Животным это прекрасно известно. И нам тоже. Если дела сердечные зашли в тупик и слова бессильны, на помощь придут цветы. Живопись, музыка, танцы – вот средства поддержать древний как мир разговор, когда словами всего не скажешь.

Смотришь на слонов, которые общаются, и понимаешь, какие тончайшие струны там задеты. Но перевести их разговор в слова нам не дано – получится грубо, топорно и слишком обобщенно, без нюансов. Слоны при общении используют звуки, которые исследователи – из-за невозможности подобрать точные формулировки – называют «фырканьем», «кряхтением», «ревом», «хрипом», «криком» или «визгом». Точнее выразиться мы не можем, но для получателей этих сигналов, сиречь самих слонов, эти звуки обладают коннотацией столь же понятной, как слово для человека. В конце концов, и в человеческом языке встречаются звуки, похожие на фырканье, кряхтенье, хрип, крик и визг. Посмотрите на ситуацию с другой стороны. Слон воспринимает человеческую речь, как мы – речь иностранца. Допустим, нам пришлось бы описывать вьетнамский язык исключительно с точки зрения звуковой оболочки слов. Бьюсь об заклад, до сути мы бы не добрались никогда.

Но в переводе со слоновьего на английский или на вьетнамский есть свои подводные камни. Со словами «урчание слона» не поспоришь. Они объективно описывают ситуацию. А вот последующий вывод – «он поздоровался» – может вызвать массу возражений. Но без перевода, без истолкования, пусть и произвольного, нам не понять, как они общаются. Вот уже полвека исследования коммуникации животных упираются в описание и топчутся на месте. Чтобы идти дальше, надо думать о переводе.

На сегодняшний день самое точное описание звуков, издаваемых слонами, подготовлено некоммерческой организацией «Голоса слонов», соучредитель которой профессор Джойс Пул. Оно дает некоторое представление о том, как сложно передать природу этих звуков человеческим языком. Вот что профессор Пул пишет об урчании:

«Течное урчание, приветственное/дружеское урчание, коитальное/оргастическое урчание, урчание-рев (издается при совместном нападении на хищника) в момент наивысшего возбуждения характеризуется увеличением по амплитуде, по уровню шума, по модуляции, с перераспределением интенсивности в верхние гармоники (в отличие от второй гармоники, как при стандартном урчании) и последующим затиханием, уменьшением глубины модуляции и снижением шума <...> Приветственное урчание и дружеское урчание <...> отличаются особым разнообразием по форме кривой уровня громкости – она может быть плоской, слегка изогнутой, двухвершинной, многовершинной, со скосом влево или вправо».

Джойс Пул старается быть предельно точной. А теперь представим себе приветствие двух человеческих особей, описанное таким же языком: «Во время единичного акта приветствия производится урчание с характерным изгибом кривой громкости, затем скос, потом неровный изгиб, двухвершинный изгиб, двухвершинный со скосом и в заключительной фазе многовершинный».

После урчания Пул переходит к реву: «...в звуковом отношении рев крайне разнообразен и варьируется от поросячьего визга до скрежета, рева, ора, воплей, плача и даже кукареканья наподобие петушиного».

Разнообразно до крайности, спору нет. Но, уважаемый профессор, вы же наблюдали за слонами долгие тысячи часов! Объясните наконец, о чем же они говорят с помощью всего этого звукового разнообразия!

«Разнообразие звуковых сигналов может просто диктоваться интенсивностью возбуждения, – пишет Джойс Пул. – Или, напротив, нести какую-то дополнительную информацию о том, кто издает звук, или указывать на того, кому он адресован».

Иными словами, слоны что-то говорят друг другу, возможно окликая друг друга по имени. Что именно они говорят, мы не знаем, поэтому пока все, что мы можем, – это описывать издаваемые ими звуки по их акустическим параметрам.

Исследователь-инопланетянин мог бы описать болтовню, непременно сопровождающую у жителей Земли ритуал приветствия, примерно таким образом: «Приветствия землян прямоходящих (далее ЗП) могут быть высокой и низкой интенсивности. В приветствии высокой интенсивности могут использоваться *крики и вопли* на

высоких звуковых частотах и большом уровне громкости. Возрастные особи ЗП сцепляются кистями рук и встряхивают их. Молодые половозрелые ЗП при приветствии обхватывают друг друга руками, за чем у разнополых ЗП может следовать *совокупление*». Антропологи-инопланетяне не знают, что означают действия землян прямоходящих, что именно они хотят сообщить друг другу, но нам-то это понятно, поэтому в человеческом изложении описание приветствия приобретает смысл и внутреннее наполнение: «Приветствия в зависимости от ситуации могут быть как сдержанными, так и очень эмоциональными. Друзья при виде друг друга могут кричать от радости. Взрослые люди в знак приветствия обмениваются рукопожатием. Молодые люди при встрече обнимаются, влюбленные объятиями не ограничиваются».

Межпланетный антрополог что видит, то и описывает, не понимая, что происходит вокруг. Мы, живущие на этой планете, способны объяснить, что происходит, поскольку понимаем друг друга.

Как только дело касается животных, для описания их вокабуляра в нашем лексиконе нет иных слов, кроме «урчания». Ничего совершеннее мы предложить не можем. Но почему же тогда, описывая встречу испанца и испанки, мы рассуждаем не об обмене воплями «ола!», а берем и переводим: «Они поздоровались»? Может, на описание речи слонов влияет то, как мы ее понимаем?

Мы не слоны. Нашим ушам и нашему алфавиту их язык не дается. Представьте, каково записать словами «Лунную сонату» Бетховена или студийный альбом джазового квартета под управлением Джона Колтрейна^[26] «*A Love Supreme*»?^[27] «Сперва та-ра-ра, та-ра-ра, та-ра-ра, та-ра-ра» – это про Бетховена. «Раздаются разнообразные визги, вопли и вой» – это про саксофон Колтрейна. Получается, что задача невыполнима. Как невозможно описать закат, тупо перечисляя распределенные по длинам волн составляющие цветового спектра. У нас отсутствует система условных обозначений для записи криков слонов, щебета птиц, лая собак и так далее. В случае же с человеческой речью мы просто пишем: «*Hola* по-испански значит „здравствуй“». У нас нет возможности транскрибировать слоновье урчание с помощью фонетических знаков и добавить перевод. К примеру, это значит: «Вот еда», а это: «Где ты?», вот это: «У меня течка, и я жду тебя», а вот это: «Спасите, я заблудился!». Мы не можем это урчание ни грамотно записать, ни точно перевести.

Единственное исключение – характерное урчание, которое исследователи называют «в путь!» – то есть название или ярлык одновременно становится и переводом. Однако суть вопроса, его корень, совсем в другом: действительно ли слоны в той или иной ситуации пользуются теми или иными звуками для выражения тех или иных вещей? Маркируя словами возможную речевую ситуацию – «призыв к контакту», «сдержанное приветствие», «песнь муста», – мы тем самым транспонируем ее на соответствующую речевую ситуацию в нашем дискурсе, где «призыву к контакту» соответствует «здравствуйте, как поживаете?». Это ведь не просто перевод. Когда слоны издают «приветственное урчание», что именно они говорят? «Здравствуйте» или, может быть, «прочь с дороги»? Что они *имеют в виду*?

Слова, слова, слова

У саванных слонов есть особый сигнал тревоги, который, очевидно, значит на их языке: «Пчелы!» От жужжащих в воздухе пчел они улепетывают, отчаянно крича и мотая головами. И такой же бег с мотанием на ходу головой начинается, если слону включить запись крика их соплеменников, удирающих от пчел. Пленка с криками людей никакого мотания головой не вызывает, то есть эта реакция у слонов исключительно на пчел – они пытаются увернуться от злобных тварей, норовящих забраться в нос и уши. Питомцы американских зоопарков, в жизни не сталкивавшиеся с дикими африканскими медоносными пчелами (а их не зря прозвали «пчелы-убийцы»), эти сигналы игнорируют. В Африке взрослые особи реагируют на сигнал непосредственно, а слонята и молодняк – опосредованно: наблюдают за реакцией старших и копируют ее.

– Слоненок видит, что мать воспринимает пчел как опасность, – объясняла Люси Кинг, – и запоминает это. Так происходит обучение.

Моя знакомая рассказывала, как импалы – чернопятые антилопы – разбегались, слышав вопли слонов, которыми те вспугивали стаю диких собак. Ее проводник подчеркнул, что импалы никогда не убегают, если слоны кричат из-за слонов или людей. Очевидно, в тот момент они кричали что-то определенное, и импалы это поняли.

Новорожденные слонята урчат, но для удовлетворения или негодования у них есть два совершенно разных «слова»: когда им хорошо, урчание звучит как «ааууррррр», а если слоненок обижен – потому что отпихнули, поддали ногой или бивнем или не дают добраться до материнской груди, – он сердито ворчит: «барррооо». Иногда особое урчание матери оказывает на разгулявшегося отпрыска мгновенное действие, и он как шелковый возвращается к ней под бочок. Можно предположить, что мать сказала: «А ну быстро сюда».

Взаимодействие слонов говорит о том, что они понимают речь друг друга, не важно, говорят ли они о чем-то сугубо конкретном (сигнал «в путь!») или же происходит передача эмоционального состояния, для чего обыкновенно служит тон голоса («Сколько вас можно ждать? В путь!»). Иногда значение сказанного зависит от

контекста. Поскольку слушатель в этот контекст тоже погружен, он понимает смысл.

В человеческой речи много тоже зависит от контекста и эмоционального состояния. Простое «эй!» можно произнести дружелюбно, а можно резко, и сразу будет понятно, что имеется в виду: дружеское приветствие или угроза, предупреждение. Так и слон: трубя, он, по сути дела, кричит остальным: «Эй!», а уж с какой интонацией – другой вопрос.

Значение конкретизируется намерениями трубящего и считается опытным слушателем. Этими процессами кодирования-декодирования ведает их похожий на буханку хлеба головной мозг, в котором четыре с половиной килограмма живого веса.

До 1967 года никто и не подозревал, что крики широко распространенных так называемых эфиопских мартышек-верветок обладают конкретным значением. Иначе говоря, это слова. Если поблизости замечен опасный представитель семейства кошачьих – леопард, – раздается вопль, и вся стая мигом оказывается на вершине дерева. Если в небе парит боевой орел, самый крупный пернатый хищник Африки, или не менее могучий орел венценосный, двусложный призыв бдительной мартышки заставляет остальных либо посмотреть на небо, либо спрятаться в густом подлеске – но не карабкаться вверх по деревьям.

Причем птиц в небе обезьяны различают не хуже орнитологов: черногрудый змеяд или белоспинный африканский гриф, в рацион которых верветки не входят, их совершенно не пугают. Стоит мартышке углядеть ядовитую змею, и она заходится в щелканье^[28]: заслышав его, другие верветки встают на задние лапы и внимательно высматривают притаившуюся в траве гадину. В совокупном лексиконе верветок Амбосели существуют специальные слова, которые значат: «леопард», «орел», «змея», «бабуин», «другой хищник», «незнакомый человек», «доминантная макака», «подчиненная макака», «следи за другой макакой» и «вижу стаю конкурентов». Детеныши в возрасте до шести-семи месяцев не всегда умеют правильно реагировать, например по сигналу «орел» лезут на дерево вместо того, чтобы прятаться в траве. Верветки младше двух лет могут заорать: «Орел!», приняв за него безвредную птицу, или «Леопард!», хотя рядом кошачье

размером поменьше. Правильного произношения они достигают на полпути к пубертатному периоду – совсем как люди.

У некоторых видов обезьян существуют особые сигналы тревоги, связанные с разными угрозами. Обезьяны-прыгуны, большие белоносые мартышки, колобусы и некоторые другие подают сигналы в определенном порядке, что несет дополнительную информацию. (Удивительнее всего, что та же особенность присуща некоторым птичкам-невеличкам типа золотокрылого пеночкового певуна, зарянки и еще каким-нибудь пернатым.)

Мартышки Кемпбелла обладают одной из самых сложных в животном мире систем звуков, в которой можно усмотреть зачатки синтаксического строя – то есть изменение их порядка приводит к изменению смысла. Таким образом они могут сообщить сородичам о приближении хищника: действительно ли они его видят или только слышат. Если угроза далеко, сигнал тревоги начинается со своеобразного обстоятельства места – басовитого «бу-у-ум!», что означает: «Вдалеке леопард. Всем приготовиться». Если интрады нет, тот же сигнал значит: «Леопард! Спасайтесь!» Мартышки Кемпбелла оповещают стаю о приближении леопарда тремя звуковыми последовательностями, а для венценосного орла их целых четыре. Мартышки диана не могут позволить себе роскошь языкового барьера, так что им пришлось научиться распознавать сигналы мартышек Кемпбелла – слишком уж много поставлено на карту.

Гиббоны, малые человекообразные обезьяны, обитающие в Юго-Восточной Азии, включают в свои песни как минимум семь различных сигналов. Громкие звуки песен отпугивают конкурентов, привлекают партнера и оповещают об угрозе со стороны хищников. Шимпанзе в зависимости от ситуации используют до девяноста различных звуковых комбинаций, которые дополняют тем, что барабанят по бревнам. Самочье пыхтение плюс гиканье может оповещать присутствующих о ее появлении, но при финальном подходе к альфа-самцу она заговорит по-иному: ее пыхтение плюс хрюканье будет означать: «Мое почтение, я готова». Одному шимпанзе досталось от другого – жертва будет «страдать на публику», особенно если где-то в звуковой досягаемости бродит более высокая по социальной иерархии особь, которая вмешается и отгонит обидчика.

Вспоминаю одно утро на карибском острове Тринидад, в Центре природы Аса Райт, куда мы приехали с женой. Знакомый натуралист рассказал нам про птичку под названием момот, которая подавала сигналы опасности при приближении змеи. Очень скоро мы сами обнаружили этого переполошенного момота – он заприметил в кроне дерева удава Кука. Щебечущая птица вилась вокруг змеи и время от времени покалывала ее клювом. Остальные члены стаи мигом поняли, в чем дело, и тоже подняли галдеж, так что лазутчик, лишенный преимущества внезапности, не смог застать их врасплох. Если у момотовых существует специальное слово «змея», то, может, это все-таки не исключение, а правило? Добавлю, что у зеленого амазона Тико, о котором уже шла речь, имелись разные звуковые сигналы для обозначения ястреба, человека, кошки или собаки во дворе. Его хозяйка, орнитолог Джоанна Бергер, рассказывала мне, что по его крику не глядя понимала, в чем дело.

Два слона, подходя друг к другу, издают в знак приветствия короткое негромкое урчание. Когда служители обращаются к осиротевшему слоненку по имени, то он зачастую отвечает таким же приветственным урчанием (заметьте, служитель при этом обращается к слону на английском, а тот реагирует на слоновьем). По мнению исследователей, это ориентировочно можно перевести как «Привет, хорошо, что мы снова вместе» или «Ты для меня важен».

Если взять эту фразу на английском (*You are important to me*) и поменять местами первое и второе слова, у нас получится не утверждение, а вопрос: *Are you important to me?* – то есть от изменения порядка слов меняется смысл. «Сила примера» – совсем не то же самое, что «пример силы». Меняются синтаксические связи между словами. Многие специалисты по теории коммуникации считают наличие синтаксиса характерным признаком истинного языка. Думаю, они знают, что говорят.

Луис Херман, знаменитый исследователь языка дельфинов, проводил свои эксперименты в дельфинарии на Гавайях. Он выяснил, что содержащиеся в неволе дельфины понимают разницу между вербальными командами «Возьми обруч у Джона и передай его Сьюзен» и «Возьми обруч у Сьюзен и передай его Джону». Им доступны изменения в синтаксических связях.

Чего в языке животных нет – и это мы можем утверждать со всей уверенностью, – так это сложного синтаксиса. Сложный синтаксис характерен для человеческого языка. Дельфины, обитающие в дикой природе, в общении друг с другом используют рудиментарный синтаксис. Некоторые человекообразные – например, бонобо – могут перенимать синтаксис человеческого языка.

Это означает поразительную вещь: получается, что эти создания, находясь в неволе, способны в уме оперировать некоторыми синтаксическими связями и соответственно реагировать на информацию. Инструкторы «скармливают» им ее и получают ответ в форме, доступной для человеческого восприятия. То есть животные обладают способностями настолько сходными с нашими, что мы понимаем друг друга.

Мне не очень ясно, почему при таком интеллектуальном потенциале мозг животных не пользуется синтаксисом в условиях дикой природы. И если уж совсем без обиняков: ни одно животное не смогло бы усвоить рудиментарный синтаксис при общении с человеком, если бы не использовало его при общении с себе подобными. Судя по всему, мы про них далеко не все знаем.

Очень может быть, что животные пользуются синтаксисом непривычным для нас способом, в иной, невербальной его форме. Например, они способны, не издавая ни звука, соотносить себя с противником: «Если я на тебя нападу, победа за мной» или «Если ты на меня нападешь, победа твоя» и тому подобное. Разница между «Я тебя сожру, потому что я больше» и «Ты меня сожрешь, потому что ты больше» доступна даже рыбе. В сообществах со сложной социальной структурой, когда статус особи зависит от опыта и возраста, синтаксис может присутствовать при оценке бытовых ситуаций: «Я могу доминировать над ней, но он может доминировать надо мной». Любое взаимодействие между членами подобных групп происходит исключительно на основе правильного сопоставления особи себя с другими.

Только представьте себе, какое количество рисков и выгод от той или иной социальной стратегии или расстановки сил слониха или шимпанзе оценивает за десятки лет жизни! При этом важно не просто думать, что ты делаешь. Этого мало. Надо всякий раз просчитывать вероятность выхода из ситуации победителем, а для этого мозг должен

быть способен на мысленные «рокировки» участников, на прокручивание в уме разнообразных вариантов развития и их возможных результатов. Демонстрируют ли эти оценки и расчеты некий синтаксис выживания? Можно ли считать, что по тому же принципу животное при общении с человеком видит, как «рокировки» слов в сказанных нами предложениях приводят к переменам во взаимоотношениях? Вполне вероятно, но лично у меня ответа нет.

Принято считать, что у слонов синтаксис отсутствует. А вот Джойс Пул утверждает, что чередование разнообразных трубных звуков с урчанием различного типа «можно рассматривать как рудиментарную форму синтаксиса». Эти самые трубные звуки (у слонов есть все, кроме диксиленда) призваны выразить экспрессию и важность происходящего для конкретных особей. Если под синтаксисом понимать функциональные связи слов друг с другом, то речевую ситуацию или контекст можно считать некоей формой синтаксиса; смысл будет зависеть от позиции особи по отношению к другим слонам. Когда собака царапает дверь, хозяин не ждет, чтобы она разразилась пространственным монологом о своем желании. Важно знать, куда она хочет или оттуда. Вот и весь синтаксис.

Напрашивается вывод: люди говорят предложениями, животным достаточно словосочетаний. Многословное высказывание «Я бы хотел погулять вокруг пруда. Там мы встретим других собак» можно свести к трем ключевым словам (или хэштегам): гулять, пруд, собаки. А можно вообще обойтись без слов, просто пару раз ткнуться носом в дверь и повилить хвостом. Цель коммуникации при этом все равно будет достигнута, пусть и разными способами, хоть со словами, хоть без, но результат будет один. Тысячи живых существ в жизненных ситуациях, требующих мгновенной реакции, участвуют в коммуникационных актах, не прибегая для этого ни к причастиям, ни к деепричастиям, и прекрасно себя ощущают.

Человек от природы говорун, но многое из нашей неумной болтовни можно урезать (этот глагол особенно любит мой редактор) и сказать короче. Разве нас так часто посещают мысли, которые стоило бы сохранить в памяти? Разве большинство наших разговоров не сводится к обмену такими банальностями, что ради них вообще не стоило бы рта раскрывать? Подумайте, какое количество слов мы тратим впустую! По мосткам через бурлящие водовороты пустословия

можно перебраться только с помощью профессионала. Бомбы и копья оказываются доходчивее слов. Миллионы слов бессильны заполнить пропасть, разверзшуюся между людьми из-за этнических, идеологических, религиозных разногласий и несправедливости, – вспомните об Организации Объединенных Наций, переговорах по климату или очередном «мирном урегулировании».

А теперь подумайте о любви, о том, что для самого важного достаточно улыбки, прикосновения кончиков пальцев, распахнутых объятий. Нужны не синтаксически организованные высказывания, а искреннее намерение, не нуждающееся в словах.

Язык животных мы осваивать не спешим. Нам достаточно, что собака «лает» или «скулит» – а ведь это не более информативно, чем сказать про человека, что он «говорит» или «кричит», и поставить на этом точку. Но каждый из нас слышит разницу, когда собака лает перед закрытой дверью, потому что просит, чтобы ее выпустили, или когда она лает на незнакомого человека по другую сторону двери. Даже с нашим слухом по высоте лая, его особенностям и громкости становится понятно, что собака в этих ситуациях хочет сообщить разные вещи. Собака посылает нам осознанное сообщение, и мы его принимаем. Сидя в своем кабинете, я по лаю Джуда и Чули во дворе могу сказать, облаивают ли они просто прохожего, прохожего с собакой, рассыльного, белку на дереве, друг друга в процессе игры или друг друга, но уже в процессе дружеской потасовки.

Но если собак мы хоть как-то слышим, по отношению к голосам других животных нам явно медведь на ухо наступил. Вся широта их голосового диапазона покрывается тремя универсальными словами – «лай», «урчание», «вой», – которые, как все универсальное, на практике не выдерживают никакой критики, и мы с грехом пополам разбираемся со своим пониманием их выражения собственных намерений.

Рассмотрим для примера общение между двумя слонихами или между двумя сближающимися группами. От одной из сторон поступает «призыв к контакту»; этот сигнал можно перевести как «Я тут, а где вы?». Адресат в ответ резко вдергивает голову и издает раскатистое урчание, означающее: «Это я, я тут». У инициатора общения напряженная поза меняется на более спокойную, как будто слониха-матриарх в этот момент думает: «Ах, вот ты где, голубушка».

Бывает, она снова подает голос, словно посылает собеседнице своеобразное «уведомление о вручении». Находящиеся с ней рядом члены семьи могут по пути присоединиться к переключке, которая будет продолжаться часами, пока семьи не сойдутся.

Но вот наконец этот миг настал: разговор вспыхивает, монотонный обмен сигналами сменяется громким приветственным урчанием, которое раздается со всех сторон, словно собеседники перебивают друг друга. Потом беседа переходит в новое русло, урчание становится тише, его ритм и структура меняются. Эта фаза длится продолжительное время.

Если речь слонов лишена сложного синтаксиса, то в наличии лексического запаса сомневаться не приходится. У слонов в обороте коммуникационный инструментарий, состоящий из десятков жестов и звуков в разнообразных сочетаниях. Но почему мы до сих пор так и не научились понимать их? Изучение коммуникации животных началось сравнительно недавно, это все еще лишь попытки, так что у горстки специалистов по общению слонов было совсем немного времени для работы.

Возможно ли, чтобы за свой долгий век слоны овладевали богатейшим арсеналом сложных звуков, которые при этом либо вообще лишены смысла, либо их смысл или значение носят сугубо окказиональный характер? Очень сомнительно. Значение этих звуков, даже ограниченное, особям вполне понятно. От их понимания зависят вопросы жизни и смерти. Иначе набор жестов и звуковая палитра не отличались бы такой изощренностью.

Слоны наделены мистической способностью общаться, находясь на очень больших расстояниях друг от друга, и никто пока так и не понял, как им это удается. Даже если основная часть этого общения лежит в инфразвуковом диапазоне, недоступном для человеческого уха, оно все равно обладает изрядной громкостью (сто пятнадцать децибелов, то есть громкость почти как на рок-концерте, где она сто двадцать децибелов). По идее благодаря такой громкости они могут слышать голоса друг друга на расстоянии десяти километров. Известно, что в подошвенной части ног у слонов есть специальные нервные рецепторы под названием пластинчатые тельца или тельца Пачини, с помощью которых они могут улавливать звуковые колебания, распространяющиеся в почве. Но возможно, у них есть и

другие способы передачи голосовой информации на большие расстояния? Может, существует система ретрансляции сигнала, подобная «барабанному телеграфу»?

Мы знаем массу историй, не имеющих пока логического объяснения. Например, в частном заповеднике на территории Зимбабве спокойно жили себе около восьмидесяти слонов, которых персонал знал наперечет. В основном они бродили вокруг искусственных водоемов неподалеку от гостевого домика. В это время в крупнейшем заповеднике Зимбабве, Национальном парке Хванге, находящемся за сто пятьдесят километров, администрация приняла решение о сокращении поголовья слонов путем отстрела. Животных предстояло выбраковывать сотнями. Их предполагалось вертолетами гнать на снайперов, которые бы расстреливали целые семьи. В день, когда началась эта бойня, добродушные слоны из частного заповедника, обычно прогуливавшиеся вокруг гостевого домика, внезапно исчезли. Через несколько дней их обнаружили сбившимися в кучу в самом дальнем от Хванге углу заповедника. Они прятались в лесной чаще. «Слоны способны воспринимать сигналы бедствия на огромном расстоянии от источника и всегда знают, когда кого-то из сородичей убивают», – пишет Синтия Мосс. Многие ученые подтверждают: в тот момент, когда слонов убивают, остальные члены популяции узнают об этом. Но как же это происходит?

Когда от сердечного приступа скончался знаменитый южноафриканский специалист по охране окружающей среды Энтони Лоуренс, больше двух десятков слонов, которых он спас и приветил в своем частном заповеднике, разбившись на две группы, два дня подряд стекались к его дому и еще два дня прощались с ним. Слоны пришли туда специально, до того они не появлялись в окрестностях в течение года. Мы уже говорили, что слоны оплакивают мертвых. Но тут умер не слон, а человек. И каким образом находившиеся в двенадцати часах пути животные смогли узнать, что сердце их друга и заступника перестало биться? Уму непостижимо. Все это так похоже на сказку, что присущий мне скептицизм заставляет спросить: а все ли здесь правда? Может, есть более объективные доказательства?

Сотрудники Фонда дикой природы Дэвида Шелдрика^[29] спасают осиротевших слонят, несколько лет искусственно выкармливают в питомнике при Национальном парке Найроби, а потом передают в

Национальный парк Цаво, где им предстоит жить среди других слонов, уже подросших, но когда-то спасенных сотрудниками того же фонда и того же питомника. Слоны ждут новую жизнь в африканском буше, в условиях, приближенных к естественным, среди слонов разновозрастной группы. Мне довелось сопровождать одного из служителей Цаво, Юлиуса Шивегу, во время выгула молодняка по бушу, и вот что мне рассказал этот очень компетентный сотрудник заповедника:

– Когда новичков только-только привозят в Цаво, они все время спрашивают: «Где мы? Зачем вы нас сюда привезли?» Ну, не словами, конечно, а по-своему – ни на шаг от нас не отходят. Потом потихоньку начинают общаться с остальными на своем языке, и им уже легче, они все понимают.

Дафни Шелдрик добавляет:

– Старожилы знают, откуда привозят новичков, потому что сами там выросли.

Если допустить, что это правда, что слоны постарше помнят свое детство в питомнике и понимают состояние новичков, это означает, что в их сознании существует некая история о себе самих, причем им самим об этой истории известно.

Скептики, наблюдавшие сцены слоновьего братания в Цаво, уезжают с ощущением абсолютной непостижимости происходящего. Служителям Цаво, напротив, все ясно. Опираясь на многолетний опыт, Дафни Шелдрик утверждает: слоны в Цаво всегда знают, когда транспорт с новенькими выезжает из питомника Найроби и направляется к ним. Живущие на воле взрослые слоны выходят из буша, чтобы встретить молодняка. Дафни называет это телепатией. Я после этого слова мысленно отправил рассказанную ею историю в корзину с надписью «Басни», но скоро ей там стало тесно, потому что таких «басен» о слонах я узнал немало.

Можно предположить с позиции неспециалиста, что представителям каждого вида присущ универсальный набор голосовых сигналов, то есть у них не существует иностранных языков или диалектов, которые есть у людей. Можно еще предположить, что вокализация у них врожденная, а не приобретенная, то есть ее не нужно учить, как язык. На самом же деле детеныш, воспитывающийся в неволе – зоопарке, цирке, дельфинарии, – никогда не освоит

присущие ему от природы способы коммуникации во всей их полноте, со всем многообразием звуков, жестов, коннотаций и оттенков, как никогда не научатся полноценной человеческой речи дети, выращенные, например, волками.

А вот у птиц существуют диалектные варианты. Дельфины-косатки могут в рамках определенной группы пользоваться голосовыми сигналами, которые непонятны членам другой стаи. Подобные явления происходят повсеместно и постоянно, мы фиксируем и каталогизируем эти звуки, но до анализа пока далеко.

А до перевода, возможно, и того дальше. Так что на сегодняшний день то, что говорят и думают слоны, куда сложнее и интереснее, чем наше о том представление.

Удержатъ или отпустить

– Вот, – убежденно говорит Вики, – что я называю сплоченной семьей.

Покончив с едой, слоны сходятся вместе, дети в центре, взрослые вокруг, головами наружу. Джин осторожно дотрагивается до Джолин, легонько ее поддерживая.

– Видите, они стоят все вместе, бок о бок, прикасаясь друг к другу то хвостом, то хоботом, – и это так здорово! Все в безопасности. Сейчас у них, наверное, тихий час.

Слонята развалились на земле и сопят в две дырочки под охраной слоних. Взрослые стоят тихо. По крайней мере, кажется, что тихо.

– Уши, видите, шевелятся? – показывает мне Вики. – Это они разговаривают. Просто нам не слышно.

Лайелл Уотсон описывает пронзительную сцену, которую ему довелось увидеть на побережье Южной Африки, где он наблюдал за китами:

«Стоя на вершине утеса, я, казалось, ощущал вибрацию воздуха вокруг. Китиха ушла под воду, а воздух продолжал колебаться. Неведомый ритм шел теперь откуда-то сзади, не с океана, а с берега. Я обернулся, чтобы бросить взгляд через пролив <...> и обомлел.

Там под сенью дерева стояла слониха <...> и смотрела на океан <...> Я сразу узнал ее по обломанному почти у основания бивню – я помнил цветной снимок в департаменте водопользования и лесного хозяйства, там еще надпись была: „Последняя слониха в Найсне“. Это она, слониха-матриарх.

Она вышла на берег, потому что там, в лесу, ей не с кем поговорить. Здесь, в воде, находился другой, ближайший к ней мощный источник инфразвука. Для старухи, привыкшей к низким частотам, звукам жизни ее стада, этот рокот прибое, идеально попадавший в ее диапазон, был живительным бальзамом, единственной заменой.

Мое сердце рвалось ей навстречу. Трагическая мысль о том, что эта бабка и прабабка стольких внуков вдруг впервые осталась одна,

вызывала в памяти вереницу других душ, таких же старых и одиноких. Но в тот момент, когда меня почти поглотила безнадежная тоска, произошло невероятное <...> Воздух снова наполнился пульсирующим биением, и теперь я понял почему. Самка синего кита вновь поднялась на поверхность. Развернувшись головой к берегу, так что дыхало было хорошо видно, она словно ждала чего-то. Слониха-матриарх пришла сюда ради нее. Между самым большим млекопитающим Земли и самым большим обитателем морских глубин было каких-нибудь сто метров, и я готов поклясться, что они общались. Общались на инфразвуке, в гармоничном дуэте; общались два гигантских мозга, два длинных века, понимающих, как больно отдавать всю себя многочисленному любимому потомству; общались две редкие и прекрасные гранд-дамы, познавшие важность и радость сложного социума. Они сострадали друг другу через разделявшие их прибрежные скалы, как женщина женщине, как матриарх матриарху, обе почти последние в своем роде.

Я смахнул рукой слезы и пошел прочь. Человеку меж ними места не было...»

Солнце еще высоко.

Слоны долго шли сюда, к этой высокой траве. Они наедятся досыта, а потом пойдут на водопой. Тут воды нет, значит, пойдут за белыми цаплями, потому что они там, где вода. Когда напьются, то, вероятно, сделают большой крюк и снова вернуться сюда, за новой порцией еды. Это будет коллективное семейное решение, потому что время водопоя и водных процедур определяют взрослые.

Слоны наконец готовы тронуться в путь, и все разворачиваются в одном направлении. Но семья трогается с места только по решению матриарха.

– Я много раз наблюдала, как они выстраиваются и ждут чуть не полчаса, пока матриарх не даст добро, – рассказывает Вики.

Ну, вот и сигнал. Макелеле, которому одиннадцать лет, сильно хромает. Лет пять назад он явился с переломом правой задней ноги. Судя по всему, боль была адская, и нога срослась под чудовищным углом, так что колено вывернулось назад, как бабка у лошади. Но парень выжил, потому что кругом свои.

– Он очень старается, но получается медленно, – сокрушается Вики. – И остальные всегда его ждут.

Еще один слон в Амбосели – точнее, слоненок по имени Тито – сломал ногу, когда ему был всего год. Он провалился в мусорную яму. Ходить ему было больно и трудно. Он двигался очень медленно, но мать всегда ждала его, чтобы он не отстал и не потерялся. Он протянул всего пять лет. Макелеле уже вдвое старше.

Его семья много бродит. Они уходят на тридцать-сорок километров в глубь Танзании.

– Далеко, конечно, – вздыхает Вики.

Но Макелеле держится молодцом. Он еще по-детски толстенький, но совсем скоро начнется период бурного подросткового роста, и вот тогда сможет ли искалеченная нога выдержать его вес?

В любом случае Макелеле уже смог прожить достаточно долго, чтобы стать независимым, как все слоны-самцы. Я от души надеюсь, что хромота для него будет самым страшным из зол, потому что на фоне слоньего беби-бума, человеческой экспансии и повышенного интереса к слоновой кости времена нынче для слонов и прекрасные, и ужасные.

– Смотришь на все эти замечательные стороны их жизни, – рассказывала мне Синтия Мосс за завтраком, – и видишь заботу, верность, семейные узы, помощь брошенным, сотрудничество – все то, чего нам так не хватает в нашей жизни. Видишь, как они помогают малышам и друг другу. Видишь какие-то редкие, невероятные вещи: как одна слониха кормит другую, потому что у той поврежден хобот. Как слониха пытается кормить умершую, потому что не хочет верить в ее смерть. Их поддержка и сочувствие распространяются не только на слонов. Мы много раз наблюдали, как слоны приходят на помощь попавшим в беду или искалеченным людям. Такие и десятки похожих проявлений говорят не о том, что слоны похожи на людей, отнюдь. Они говорят, что слоны не похожи на людей, но между ними существуют осознанные отношения, и, для того чтобы поддерживать, укреплять и гармонизировать свои социальные ценности, слон призывает на помощь тело, голос, запах и сознание.

В 80-е годы XX века в одном из гостевых домиков Амбосели стали намеренно привечать слонов и приманивать их лакомствами на потеху туристам. Бесхитростные слонихи зачастили в гости, но очень скоро от их визитов начали страдать садовые деревья и кухонные постройки. Люди пытались отгонять слоних, орали на них, чтобы

напугать, кидались предметами, даже били метлами и жердями. Любая слониха могла бы прихлопнуть обидчика как комара, поводов и возможностей для этого было предостаточно.

– И тем не менее, – говорит Синтия, – хотя я собственными глазами наблюдала множество стычек, ни Тупозубиха, которую так прозвали за то, что у нее не было бивней, ни другие ни разу не пытались напасть на человека. Однажды Таня вышла из себя и пошла было на туристку. Та помчалась к домику и упала. И буквально наступавшая ей на пятки Таня резко затормозила и встала над женщиной как вкопанная. Потом сдала назад, развернулась и иноходью пошла к своим. Достаточно было одного прикосновения – и она затоптала бы несчастную насмерть. Но, хотя слониха была раздражена, они прилагала такие колоссальные усилия, чтобы не прикоснуться к женщине, что от торможения на полном ходу в почве остались глубокие борозды.

Откуда такая выдержка?

Нам кажется, животные не в состоянии понять, почему человек вдруг проявляет доброту. И мы не в состоянии понять, что заставляет слона внезапно «брать себя в руки». Слоны стремятся уходить от конфликтов, у них есть специальные социальные навыки ненасильственного самоутверждения и демонстрации собственного превосходства без причинения физического вреда друг другу.

Порой такую же выдержку можно наблюдать и у других животных. Скольким из нас приходилось сталкиваться со злой собакой, которая почему-то не бросалась! Шимпанзе Ним, которого обучили языку жестов, разозлившись, не кусался и не дрался, а знаками показывал слова «кусать» и «злой», причем гнев его после подобного монолога шел на убыль. Получив возможность продемонстрировать гнев с помощью жестов, он эту свою потребность удовлетворял и успокаивался.

Слоны способны вынашивать планы мести. Возможно, они способны предвидеть, что за нанесение физического вреда человеку их ждет расплата. Затопчи Таня женщину, ее бы саму убили. Неужели она не тронула туристку только потому, что та – человек? Вряд ли бы взбешенный слон затормозил, оставляя в земле борозды, стараясь ненароком не затоптать разозлившую его гиену.

Тупозубиха (только не путать с матерью Бутча, Большой Беззубкой из семьи Б/Б), Таня и их семья регулярно навещали лагерь. Тупозубиху Синтия описывает как «умную, смелую, находчивую, отчаянную» слониху и в то же время видит в ней «одно из добрейших созданий, с которыми когда-либо сводила жизнь». Синтия пишет, что у нее никогда не хватало духу по-настоящему разозлиться на эту семью, как бы они ни безобразничали. Любви и восхищению совершенно не противоречил тот факт, что для Синтии они «продолжают оставаться дикими животными. Мы принимаем друг друга и приходим к какому-то пониманию границ дозволенного и недозволенного».

Но когда слоны пытаются очертить границы дозволенного сообразно своему пониманию, люди, как правило, в ответ впадают либо в панику, либо в бешенство. Январским днем 1997 года местные жители обратились в Службу охраны дикой природы Кении с жалобой на то, что слон (они подчеркнули, что это был взрослый самец с бивнями) затоптал их корову. Сотрудники службы приехали в деревню, нашли неподалеку семейство из нескольких самок со слонятами и устроили гонки с преследованием, которые длились битых два часа. И когда доведенная до белого каления слониха-матриарх повернулась к обидчикам, чтобы заступиться за свою семью, они ее убили. Одним выстрелом. Матриарха звали Тупозубиха, и принять ее за самца с бивнями было невозможно.

Тупозубиха при жизни была настоящей звездой, ее снимали более чем в ста кинофильмах о животном мире Кении. Ни одного другого слона в Амбосели не фотографировали так много и охотно, и, как горько вспоминает Синтия, ни один другой слон в целом мире не дарил туристам столько радости и восторга.

– Я и представить себе не могла, что будет так больно ее потерять.

Буйные головы

Сегодня утром по лагерю ходил отчет, из которого следовало, что за последние десять лет от рук браконьеров пали (только вдумайтесь!) сто тысяч африканских слонов. За последнее десятилетие только в Центральной Африке популяция слонов сократилась на 65 %, и эта тенденция сохраняется на всем континенте.

Цифры меня ошеломили. Диссонанс между чудовищной жестокостью и добрыми семейными существами, которых я успел полюбить всей душой, напрочь лишил меня способности что-либо осознавать. Это абсолютно иррациональная величина, которую я в обитель моего сознания вписать не в силах.

Катито подтверждает, что отголоски истребления ощущаются и здесь.

– В прежнее время в Амбосели было полно гигантских самцов с гигантскими, просто гигантскими бивнями. Теперь их намного меньше. Никакого сравнения.

Слоновая кость – белый материал с очень темным прошлым. Статистика убийств снова пошла вверх по всей Африке и достигла показателей начала девяностых, которые привели к введению по инициативе ООН моратория на торговлю слоновой костью. По мнению Катито, слонов, несмотря на слоновий беби-бум, ждут трудные времена.

У Национального парка Амбосели нет жестких границ, поэтому слоны свободно бродят туда-сюда по всей территории Танзании. Коренные обитательницы Амбосели откочевывают из заповедника, им на смену приходят семьи с Килиманджаро, потом, глядишь, забредут на побывку самцы из Цаво. Формально Цаво считается национальным парком, но это не рай. Браконьеры убивают слонов, егеря и полицейские убивают браконьеров, браконьеры убивают егерей и полицейских. Ружейные выстрелы могут выдать местонахождение охотника, а методы слежения становятся все совершеннее, так что браконьеры вернулись к отравленным стрелам. В 2014-м две такие атаки с интервалом в три месяца привели к гибели одного из крупнейших в Кении экземпляров, слона Сатао, которого умертвили

из-за бивней весом девяносто килограммов. Настоящее заказное убийство.

Но если обладатели бивней подвергаются такой опасности, почему не посадить их за забор? Слоны по одну сторону, люди по другую.

Вики категорически возражает:

– Тогда получится не охрана дикой природы, а ее окультуривание, и в долгосрочной перспективе такой заповедник станет подобием зоопарка. Мы уже столько потеряли, что терять еще просто не имеем права, иначе нам охранять будет нечего.

Один из самцов Амбосели отправился на север Танзании, к озеру Натрон. Это, если по прямой, добрых сто сорок километров. Но он, как все нормальные слоны, по прямой не пошел – ведь он настоящий дикий слон. Дикие слоны – часть создавшего их мира, и они сами создают этот мир. Так что на карте стоит первозданность. Первозданность, которая утекает как вода сквозь пальцы.

Большинство из этих слонов, по всей вероятности, пребывают в состоянии глубочайшего стресса. По данным последних исследований, после утраты зрелого опытного матриарха в крови уцелевших слоних повышенный уровень гормона стресса сохраняется как минимум пятнадцать лет и у них падает рождаемость. Вот еще одно доказательство того, что смерть индивидуума отражается на оставшихся в живых.

Биолог Ричард Руджеро, которого я знал по магистратуре, тридцать лет проработал со слонами в Центральной Африке. Он утверждает: «Это животное, которое непостижимым образом понимает, что в его судьбе происходит нечто страшное. Это существо с обостренной чувствительностью, осознающее, что вокруг идет геноцид».

– Они знают, что у нас им безопаснее, – говорит Вики, – поэтому, если где-то начинается беда, они со всех ног бегут назад, в Амбосели.

Бегут, правда, только уцелевшие.

Сразу же за пределами Амбосели нас встречают последствия перевыпаса. В истощении почвы и оскудении растительности виноват домашний скот – стада коз и коров, принадлежащих масаи. Каждый масаи и воин, и пастух. Все они одеты в красные покрывала шука и по традиции вооружены копьями, дубинками рунгу и широкими ножами

сими. Волосы масаи убраны в длинные мелкие косички, подхваченные головными повязками с металлическими подвесками.

У легких на ногу масаи свои игры и выкрутасы с властями. Им дозволено в определенное время и в строго отведенных местах пригонять свои стада на территорию Амбосели на водопой и в виде исключения даже пасти их там. Правила эти придумали не масаи, они их только соблюдают или нарушают. Когда их колодцы пересыхают, они поят свои стада в заповеднике, порой по закону, порой нарушая его. Они жалуются, что власти только обещают заботиться о состоянии их колодцев, но ничего не делают. Вот еще один источник раздоров и напряжения.

Для слонов Амбосели самая серьезная опасность, которую надо усвоить, исходит именно от этих людей: туземцев-скотоводов масаи. Такой вот удивительный парадокс, заключающийся отчасти в том, что животный мир Африки долгие века процветал на бескрайних просторах Черного континента вопреки экспансии масаи. Катито, которая сама из этого племени, напомнила мне, что масаи не берут в рот мяса диких животных. Для них это «божья скотина», поэтому на исконных землях народа масаи они всегда водились в изобилии. В 80-е, во время моего первого путешествия в Африку, я много времени провел с моим товарищем масаи. Мы беспрепятственно бродили по равнинам и холмам Лоита, где масаи пасут своих коров рядом с зебрами и газелями, спали в хижине из сухого навоза при свете костра и протирали глаза на рассвете, досматривая сны из самого сердца Африки.

Масаи, о свирепости которых не зря шла слава, многократно разоблачали браконьеров-чужаков и не пропускали их в Амбосели. Так что тамошняя популяция слонов была в относительной безопасности по сравнению с тем, что творилось в других местах.

Некогда земли на тысячу километров к югу от Центральной Кении и чуть ли не половина Танзании принадлежали народу масаи. В 1904 году колониальные власти Британской империи, действуя в интересах европейских переселенцев, оставили масаи всего 10 % их исконной территории, сократив ее до двух резерваций, соединенных коридором шириной восемьсот метров. Вскоре коридор упразднили, и в 1911-м масаи были загнаны в единственную оставленную им резервацию, потому что прибывавшим из Европы фермерам

требовалось все больше земли. По большому счету в племенах туземцев и слоновьих семьях белые фермеры видели прежде всего сельскохозяйственных вредителей, виновников потравы, поэтому мириться с их существованием не собирались.

Популяции диких животных начали хиреть и сокращаться после того, как европейцы принялись в них стрелять, захватывать землю и возвращать на ней гроздь гнева, масаи же искони существовали как часть живой природы. Поэтому усилия европейцев по ее сохранению сосредоточились именно на принадлежащих масаи территориях, где обитает максимальное количество видов, живущих в естественных условиях. Вот она, горькая ирония судьбы. В 40-е годы британские власти стали объявлять эти территории заказниками, изгоняя оттуда масаи и отрезая им доступ к источникам воды, служившей им залогом жизни. После того как в 1961 году народу масаи запретили пасти скот в центральной части Национального парка Амбосели, они в отместку ополчились с копьями на слонов и носорогов. В охране живой природы они видели зловещее наследие колониализма, очередную несправедливость.

Тем не менее, хотя землепашцы торжествовали над скотоводами, а на местах свободного обитания животных выросли города, масаи и их стада сегодня кажутся не угрозой существованию дикой природы, а причиной, по которой эта природа все еще существует. Только благодаря неусыпному надзору масаи за своими землями национальным паркам удастся зарабатывать такие огромные деньги.

– Вы вдумайтесь: наши слоны до восьмидесяти процентов времени проводят на территориях масаи. Их триста воинов! – Вики молитвенно воздевает руки к небу. – А у нас тут всего сорок егерей.

Слонам в заповеднике тесно, и они вынуждены уходить за его границы. Масаи приходят в заповедник поить скот, когда на их землях нет воды. За пределами парка слоны сталкиваются со скотоводами. Внутри парка они снова сталкиваются со скотоводами. Жутковатая симметричность совместного существования. Встречное напряжение идентичных потребностей.

По мнению Вики, будущее слонов в этом регионе зависит от того, получат ли масаи возможность продолжать свой патронат. Это совсем не означает, что между ними и слонами царит безоблачная идиллия. За сорок лет работы заповедника от рук масаи пали многие сотни слонов.

Слонов они и почитают, и поносят. Они верят, что душа есть только у человека да у слона. Новобрачную, когда ей предстоит покинуть родительский дом, наставляют, чтобы не смела оглядываться, ведь стоит ей посмотреть назад, как из девушки она превратится в слониху. Вот почему у слонихи женская грудь. Когда масаи находят кости слона, то покрывают их травой в знак уважения. Со скелетами простых животных они так не поступают.

Слава о свирепости масаи к чужакам веками давала обитателям этих земель возможность безбедно плодиться и размножаться. Эти территории по сию пору открыты и свободны, и это хорошо. Но даже без решеток и заборов кольцо сжимается, и это плохо.

Земли масаи по большей части поделены. На долю каждого масаи приходится примерно двадцать четыре и три десятых гектара. Среди чужаков немало желающих купить эти гектары. Тот, кто продает, получает деньги, но лишается источника существования. На вырученные за землю доллары можно купить мотоцикл, которому требуется дорогостоящее топливо и который, в отличие от скота, не приносит дохода. Уровень жизни у большинства стремительно падает. Североамериканские индейцы через это прошли. Закон о распределении земли^[30] превратил коренное население США из простых бедняков в нищих. На землях масаи эти анклавные территории, принадлежащие новым владельцам, либо распахиваются, либо застраиваются туристическими объектами. Турбазы и фермы будут и дальше разрушать ареал обитания диких животных и мешать их беспрепятственному передвижению. Так что это роскошная дорога в никуда.

Аутентичная культура масаи была никак не связана с промыслом слоновой кости. Сегодня бедственное положение и деньги, которые сулят за слоновую кость, превращаются для некоторых в непреодолимый соблазн. В языке масаи есть слово «морани», которое обычно переводится как «молодые воины». Так называют юношей, прошедших обряд инициации. Вступив в эту возрастную группу, они на несколько лет становятся для племени главными защитниками и одновременно зачинщиками конфликтов. Это солдаты. Если молодым солдатам, собравшимся вместе, нечего делать, они начинают дебоширить, например громить витрины или ломать рекламные щиты. Но в этих местах магазинов нет. Значит, бунтарские настроения можно

вымещать на слонах. Слоны оказываются жертвами морани по разным причинам: тут и месть, и подростковая бравада, и политический протест.

Вики рассказывает мне про слона по имени Эзра.

– Он за всю свою жизнь мухи не обидел. Даже во время муста запросто подходил к машине, чтобы поздороваться. Сама доброта.

Догадываетесь, чем все кончилось?

– Сорок шесть лет бродил себе по холмам, никого не трогал, в потраве замечен не был. Морани, выступая против политики властей, метнули в него семь (!) копий. Люди долго шли за ним по пятам, но раны были такими глубокими, что он истек кровью. Ему было не помочь, он умер от кровопотери. И каждый раз, как я проезжаю мимо места, где последний раз видела его...

Голос Вики прерывается. Какое-то время мы молча наблюдаем за слоновьей жизнью на болоте. Потом Вики продолжает:

– Это был ответ морани на пренебрежение со стороны властей, и они в своем праве.

Оказалось, что мальчика масаи затоптал африканский буйвол, и представитель администрации Амбосели, которому полагалось оценить размер денежной компенсации, предположил, что ребенка могли убить ради этих денег члены семьи.

– Это было настоящее оскорбление. Члены племени были вне себя. Понимаете, масаи, они же хорошие. И детей своих любят, как все нормальные люди. Человеческая жизнь для них значит очень много.

Представитель Амбосели, кстати, был не из народа масаи, так что все это спровоцировало и межплеменные разборки.

Прошлым летом на глазах у Вики триста морани пришли в парк, чтобы забивать копьями животных в знак протеста.

– Смотреть на это было тошно. И жутко, потому что, когда эти юнцы выходят из-под контроля, мы бессильны и беспомощны.

Самосознание, самоопределение, слоны. Дискриминация, дискредитация, дисгармония.

Но самое главное, слоны Амбосели боятся масаи, и тому есть причины. Стоит им учуять масаи в радиусе восьмьсот метров, у животных начинается паническое бегство.

На разных людей слоны реагируют по-разному.

Ричард Бирн и Люси Бейтс в ходе своих экспериментов демонстрировали слонам футболки, которые раньше надевали на себя либо представители народа камба^[31] (будучи земледельцами, со слонами они сталкиваются редко), либо потрясающие копьями масаи, либо сами исследователи. Реакция страха была только на футболки масаи. Вот как сильно развиты у слонов обоняние и умение распознавать запахи. И вот какой ужас внушают им масаи.

Человеческое ухо не очень точно различает слонов по голосам. А вот слоны не просто способны распознавать таким способом до сотни сородичей, но и могут отличать один человеческий язык от другого. Запах репродуктора остается неизменным, доносится ли из него английская речь или слова на языке масаи. Тем не менее, когда слонам включали записи с голосами людей камба, англичан из группы Бирна и Бейтс и масаи, они пугались только последних.

Записанное на пленку звяканье колокольцев, которые масаи вешают на шеи своих коров, ученые проигрывали чуть ли не двум десяткам разных слоновьих семей. Животные тут же застывали как вкопанные, поворачивались на звук и принимались крутить головами, стараясь поточнее определить его источник. Все это время вздернутые вверх хоботы жадно нюхали воздух. Потом они сбивались потеснее, разворачивались и начинали отступать – как правило, бегом – на расстояние не меньше трехсот метров, где занимали оборону, сгрудившись вокруг поставленных в центре слонят. Звуки антилоп гну, которые слонам тоже давали послушать, никак не отражались на их занятиях: они не останавливались и к источнику звука не поворачивались. Вот как хорошо слоны ориентируются в своем мире.

Большой объем мозга – не обязательное условие для некоторых сложных аспектов умственной деятельности (да взять хоть ворона, воспетого Эдгаром По, – мозгов чуть, а ума палата). Тем не менее мозг слона действительно очень велик, он больше, чем можно ожидать исходя из масштабных соотношений размера тела и объема головного мозга у большинства млекопитающих. У слона самый большой мозг среди всех наземных млекопитающих. Его пирамидальные нейроны^[32], отвечающие за регуляцию моторики, усвоение информации, распознавание и так далее, крупнее, чем у человека, и образуют значительно большее количество связей. Возможно, этим объясняются поразительные способности слонов к запоминанию и

обучению. Каждый слоненок выучивает и запоминает накрепко, что люди бывают разные и некоторые люди очень опасны.

На хоботе одной слонихи видна едва затянувшаяся рана от удара копьем: даже думать страшно, при каких обстоятельствах ей ее нанесли.

– Сейчас уже получше, – одобрительно кивает Вики.

Оказывается, еще несколько месяцев назад из раны текла прозрачная жидкость.

– Бывает, что слоны убивают людей, – напоминает мне Вики. – Среди них попадаются настоящие человеконенавистники, которые будут нападать при любой возможности.

Я спрашиваю почему.

– Обычно это происходит после какого-то страшного случая. Не бывает, чтобы слон возненавидел человека просто так, без причины.

Какой процент из находящихся в Амбосели слонов сталкивался с человеческой жестокостью по отношению к себе?

Вики медлит с ответом.

– В семье А/А каждая слониха старше десяти лет потеряла кого-то из близких, павших от руки человека. При этом, «ашки» не кочуют за пределами Амбосели, они все время тут. Дж/А тоже особо не разгуливают, но вон ту большую дыру в ухе Джексон получил от удара копьем. Я раньше как-то об этом не думала, но в семьях Э/Б и Э/А каждая слониха становилась жертвой нападения или жестокости со стороны человека.

Это означает, что на их веку на семью нападали и они испытывали чувство паники. Некоторые кроме этого испытывали боль и получили увечья.

И когда слонам выпадает возможность поквитаться, они ее не упускают. Несмотря на то что жизнь народа масаи меняется, они по-прежнему остаются скотоводами и основой их благополучия были и остаются коровы. Слониха по имени Фенелла убивала коров. Потом она пропала.

Но с какой стати слонихе убивать коров?

Ослов, например, слоны не трогают. Ослы – это женская собственность. Женщины масаи никогда не ходят со своими осликами в буш, мужья им этого не позволяют (подозреваю, не только из соображений женой безопасности). Так что ослик пасется сам по

себе, а потом возвращается домой. Коровы же сами по бушу не ходят, их сопровождают пастухи масаи, мужчины или мальчишки лет девяносто. И слонов на своем пути они могут просто не заметить. Страшнее всего быть застигнутым врасплох. Во время засухи масаи гонят скот к последним оставшимся источникам воды, и, когда они пытаются оттеснить слонов от водяных скважин, страсти разгораются не на шутку.

Мужчины масаи как будто сталкивают коров со слонами. Инициаторы конфликтов – именно масаи. Согласитесь, если всякий раз появление коров сопряжено с угрожающими действиями со стороны мужчин, коровы начинают вызывать ненависть. Их научили этому люди. Иногда слоны выражают протест, и в ответ в них летят копья. В отместку слоны убивают коров и людей. Месть влечет за собой карательные действия, и это повторяется снова и снова. Ненависть тлеет, как межплеменная междоусобица, и разорвать этот порочный круг не может ничто.

Ничто, кроме денег. Потому что для масаи скот – это деньги. Сегодня масаи, живущие в окрестностях Амбосели, могут получить денежную компенсацию, которая способна вывести слонов из-под удара мстителей в красных покрывалах. Цель этих «утешительных» выплат – гармонизация отношений между масаи и слонами. Так что в слонов Амбосели сегодня летит намного меньше копий. Откуда берутся деньги? Это жертвования. Вы тоже можете сделать свой взнос по интернету.

Ближе к вечеру нам встретилось большое стадо слонов, возвращающееся после водных процедур на ночевку. Они двигались через равнину, освещенную косыми лучами заходящего солнца. Их основной жизненный принцип легко можно почувствовать. Он очевиден: живи сам и давай жить другим. Жизнь их по сравнению с нашей непритязательна. Они подобны людям бедным, почти дикарям. Довольствуются малым, не то что мы. Берут у мира самую малость, не то что мы. И с окружающим миром способны попасть в резонанс. Не то что мы.

Когда сотни слонов вокруг меряют шагами пыльные просторы, устремляясь к холмам вдаль, одна семья по непонятной причине продолжает плескаться и играть в глубоком, щедро поросшем зеленью

озерце, которое подпитывается ключами. Хотя, возможно, причина понятна: им просто ужасно весело.

Они ныряют, как гиппопотамы, и взметывают вверх фонтаны воды, словно киты; они катаются с боку на бок, плещутся и чуть не пашут дно, так что на поверхности торчат одни зады. Хоботы выгибаются как перископы, втягивая воздух, и слоны скользят, будто черные подводные лодки.

Немного погодя они вереницей выбираются на противоположный берег, глянцеви́то поблескивая, словно автомобили после мойки. Но одна слониха осталась. Она еще даже в воду не зашла и стоит на берегу с малышом. Слоненок трусит. Мать хоть и трогает воду хоботом, но терпеливо ждет. Наконец она заходит в озеро, и следом за ней слоненок. Он держится к матери вплотную, уцепившись хоботом за ее бивень. Вот течение подхватывает малыша, и материнский хобот направляет его в нужную сторону.

Ebony and ivory: черное дерево и слоновая кость

– Я же не могу им сказать: «Этот человек пишет про вас книгу, так что вы уж с ним, пожалуйста, повежливее», – говорит Джулиус Шивега. – Если вы хороший человек, они это поймут. Понравится вы им или нет – от вас зависит.

Самый младший тянется крохотным хоботом Джулиусу в рот. Обычно слоненок лезет хоботом в рот к матери и так, благодаря еде, которую она пережевывает, выучивает запах съедобных безопасных растений. Этот вопрос: «А что это ты ешь?» – позднее перерастет в приветствие, с которым слоны встречают своих близких, нечто вроде нашего поцелуя при встрече. Джулиус подносит маленький хобот к губам и шутливо дует в него. Хобот моментально расслабляется и повисает. На слоновьем языке это требование ласки; так просит ее щенок, подставляя хозяину брюхо. Просьба не остается без ответа. Джулиус зажимает хобот между ладонями и яростно трет, как пекарь, который собирается превратить кусок теста в багет.

Юному любителю массажа было две недели от роду, когда его нашли рядом со смертельно раненной матерью. Есть еще один, со шрамом от мачете. И есть Кванза, единственная, кто уцелел из семьи, с которой так любили фотографироваться приезжающие в Амбосели туристы. Когда на слонов напали, Кванзе был год с небольшим, поэтому пережитые ужас и смятение навсегда запечатлелись в ее памяти.

– Она все никак не успокоится, – объясняет Джулиус суетливые приставания этой крохи. – Когда они места себе не находят, это сразу видно. Никаких игр, никакой веселой возни.

Эти жертвы слоновой кости, ставшие сиротами, еще везунчики. Их находят, подбирают и привозят в Найроби, где расположен Фонд дикой природы Дэвида Шелдрика. Они достаточно малы, чтобы простить людей за что, что те с ними сделали, – ну просто малышня. И мы им должны – должны выводить их в буш на ежедневные прогулки, чтобы бродили по горам, по долам, а там, глядишь, даст судьба еще один шанс.

В 60-е годы Иэн Дуглас-Гамильтон обнаружил в лесной чаще торную, гладко утопанную дорогу шириной три с половиной метра. Ей, наверное, больше тысячи лет. Такие слоновьи тропы от одного водного источника до другого некогда пересекали весь континент. Когда появился человек, он начал пользоваться этими тропами и исходил по ним Африку вдоль и поперек, а потом по ним же дерзнул выйти за пределы континента.

Сейчас большинство древних дорог заброшены. Там, где еще водятся слоны, их ареалы обитания напоминают острова, отрезанные от остального мира. Вот уже много веков подряд они выдерживают эту осаду. На заре возникновения Римской империи слоны населяли всю Африку, они шествовали от средиземноморского побережья до мыса Доброй Надежды, от Индийского океана до Атлантики, обходя стороной лишь удручающий косоугольник Сахары.

А теперь представьте себе гигантскую метлу с ручкой из слоновой кости. Около тысячи лет назад слонов смели с лица Северной Африки. В начале XIX века популяция южноафриканских слонов раскололась и распалась на отдельные части. С самыми обособленными из них метла расправилась буквально за пару взмахов. Та же плачевная участь ждала слонов на восточном побережье Черного континента. Кто был всем, тот стал ничем. К началу XX века сыны природы, которые ничего не забывают, оказались напрочь забыты большинством сынов человеческих, родившихся в Западной Африке. Эти дети просто не знали, что на свете когда-то водились слоны. На 70-е и 80-е годы пришелся настоящий шквал перемен: лавинообразный рост поселений, наращивание производства смертоносного оружия, взлетевшие до небес цены на слоновую кость, расширение международного рынка и катастрофическое ухудшение политического руководства.

За последние два миллиона лет более дюжины видов слонов безраздельно царили на различных участках земного шара. На Мальте обитали игрушечные слоники менее метра высотой, на островах Чаннел, расположенных в Тихом океане возле побережья Южной Калифорнии вдоль пролива Санта-Барбара, водились карликовые мамонты. Предок гигантского индонезийского варана предположительно охотился на представителей двух видов карликовых слонов, которых позднее истребили появившиеся на островах Комодо, Ринча и Флорес люди.

На континентальных массивах земной коры слоны обогнали хищников по росту и превратились в таких гигантов, что им не было нужды прятаться. Размер и тогда имел значение. Но неумение прятаться оказалось роковым, когда на них ополчился самый страшный из хищников – двуногий прямоходящий. Люди быстро освоили охоту на слонов, и некоторые достигли в ней слишком больших успехов. На юго-востоке нынешней Чехии обнаружена стоянка древних охотников на мамонтов, стратегически выгодно расположенная в седловине между двумя горными хребтами, – там сохранились останки девяти сот мамонтов. Последние мамонты вымерли в Арктике каких-нибудь четыре тысячелетия назад. Древние египтяне в это время уже всю строили пирамиды. На арктическом побережье Аляски я встретил девушку из народа инуитов, которая тащила намытый течением, потемневший от времени небольшой бивень мамонта. Современные жители Крайнего Севера с трудом представляют себе мамонта, но их по-прежнему манят драгоценные бивни.

Где бы слоны ни встречались с человеком, они обречены на поражение. Остатки поголовья слонов в Сирии были истреблены две с половиной тысячи лет назад. С большей части территории Китая слоны исчезли строго перед началом 1-го тысячелетия нашей эры, а к концу того же тысячелетия их не стало на большей части Африки. Тем временем в Индии и Юго-Восточной Азии слоны превратились в средства передвижения монарших особ, боевые машины для штурма крепостей, исполнителей казней и гигантские подушки, утыканые стрелами и копьями, удары которых приводили животных в бешенство. Кроме того, слонов использовали в качестве лесовозов и бульдозеров и наравне с рабской рабочей силой подвергали избиениям и издевательствам. Со времен Римской империи поголовье африканских слонов сократилось на 99 %. 90 % площадей, на которых обитали эти животные еще в начале XIX века, когда, несмотря на все потери, их оставалось более двадцати шести миллионов, им сегодня не принадлежат.

На сегодняшний день в Африке около четырехсот тысяч слонов (истребление азиатских или индийских слонов шло еще более чудовищными темпами). Наш земной зверинец превращается в

осколки разбитого стекла, которые, сколько ни береги, бьются и становятся все мельче и мельче.

Слоны передают нам свое «послание в бутылке», свой крик о помощи, где ключевое слово – «уязвимость». Древнеримской знати требовалось такое количество слоновой кости, что в 77 году нашей эры Плиний Старший начал бить в набат по поводу истребления слонов в Северной Африке, поскольку «жажда роскоши исчерпала их поголовье в нашей части света». На протяжении веков, вплоть до распространения огнестрельного оружия, популяция североафриканских слонов потихонечку хирела. Но прошло около тысячи лет, и у берегов Восточной Африки замаячили дау – парусные суда арабских торговцев, которые в обмен на свои товары требовали слоновую кость и пойманных живьем туземцев. К началу XV века количество слонов вдоль восточного побережья сильно сократилось. Торговые пути уходили в глубь континента на сотни и сотни километров.

Четыреста лет спустя, в начале XIX века, в Европе случился промышленный переворот, и порожденные им маховые колеса, шестерни передаточных механизмов и ременные приводы закрутились-завертелись, в промышленных масштабах вытачивая из слоновой кости гребенки, зубочистки, пуговицы, бильярдные шары, черенки для бритвенных принадлежностей, портсигары, ручки для чайников, телеграфные ключи, рамы для зеркал и миллионы фортепьянных клавиш, ради которых охотники убивали миллионы слонов. Для народившегося среднего класса примета былой роскоши стала частью обихода, слоновая кость в ту пору выполняла те же функции, что сегодня пластмасса.

«Слоновая кость» по-английски *ivory*, то есть в английском языке это существительное этимологически со слонами никак не связано и свою слоновью принадлежность всячески скрывает, в отличие от вполне откровенных в этом отношении устойчивых словосочетаний типа «акулий плавник», «носорожий рог» или «кости тигра» (это все ингредиенты для афродизиаков). Да и по-русски она не «слоновья», а «слоновая». «Слоновая кость», что по-русски, что по-английски, вызывает ассоциации совершенно особого порядка. Ни о каких снадобьях, клыках или зубах даже мысли не возникает, поэтому есть смысл поговорить об этом поподробнее.

Английское слово *ivory* означает не только поделочный материал, но и благородный оттенок цвета (так же как слова *gold* – золото/золотой и *jade* – нефрит/нефритово-зеленый). С 1879 года *Ivory* стало знаменитым брендом туалетного мыла, которое рекламируют как «на 99,44 % натуральный продукт», то есть практически беспримесное и девственно-чистое^[33].

«Впадина моей ладони еще была полна гладкого, как *слоновая кость*, ощущения вогнутой по-детски спины Лолиты, *клавишной* скользкости ее кожи под легким платьем», – читаем мы у Набокова в «Лолите». Словосочетание «слоновая кость» несет в себе чувственную метафору гладкой белой кожи и женственных округлостей, но для эбеново-черных африканок слоновая кость стала источником адских мучений. К началу XVI века европейцы превратили торговлю живым товаром в прибыльнейшую индустрию, так что, перефразируя известные строки, мы говорим «слоновая кость» – подразумеваем «рабство», и этот подлый порядок вещей сохранялся веками.

Изделия из слоновой кости, украшавшие собой будуары дам, попадали туда стараниями торговцев, промышлявших рабами и бивнями. Этот «подарочный набор» в полном смысле слова обескровил Черный континент: популяция слонов практически сошла на нет; коренное население поголовно превращали в невольников, поэтому обширные территории полностью обезлюдели из-за облав. От побережья до ближайших поселений вскоре надо было добираться не меньше трех недель. Захваченные туземцы через джунгли тащили на себе захваченную же слоновую кость до ближайшего порта, где оба товара грузили на суда, причем слоновая кость представляла собой груз куда более ценный, чем ее носильщики, поэтому о ее сохранности заботились куда лучше.

В 1844 году некий Майкл Шепард, отплывший из Занзибара, писал в Салем своему батюшке: «Тут принято покупать слоновий бивень и невольника, чтобы нести его до судна». В начале XIX века вес среднего бивня составлял не меньше 36–40 килограммов (бивни современных слонов в три раза меньше. Самые крупные из ныне известных принадлежали гигантскому слону, убитому невольником в 1898 году на склонах Килиманджаро, недалеко от Амбосели. Их совокупный вес составлял 200 килограммов, длина каждого – три метра, то есть практически два человеческих роста).

Где взять слова, чтобы описать жестокость, не поддающуюся описанию? На дворе 1882 год, в большинстве стран мира рабство отменено или ограничено. Но на территории, где сегодня расположена Танзания, английскому миссионеру Альфреду Дж. Свонну открывается жуткая картина: связанные попарно туземцы, с шеями, зажатыми между двухметровых перекрещенных жердей, несут слоновьи бивни, «...кроме бивней, женщины, которых было не меньше, чем мужчин, тащили на спинах младенцев <...> Их ступни и плечи представляли собой сплошную открытую рану, а полчища роившихся вокруг мух, привлеченных запахом свежей крови, усугубляли их страдания <...> Это было зрелище адовых мук». Не веря своим глазам, проповедник задает риторический вопрос: «Как же можно выдержать пеший переход из Верхнего Конго, ведь это больше полутора тысячи километров пути?!» – на что надсмотрщик отвечает: «Трудно выдержать, вот они и мрут как мухи». Свонн замечает ему, что многим ноша явно не по силам, на что получает циничный ответ: «А какой у них выбор? Жить хотят – пусть тащат!» Надсмотрщик поясняет, что заболевших невольников они убивают, и это вынужденный шаг: «Иначе остальные начнут притворяться больными, чтобы не нести поклажу. Так не годится. Поэтому мы не можем оставлять их в живых». Свонн спрашивает, а если женщине не хватит сил тащить и ребенка, и бивни... Надсмотрщик, которому подобная постановка вопроса представляется абсурдной, перебивает священника: «Никто не позволит ей бросить ценный груз. Не может нести и то и другое – ребенка заколют копьем, чтобы ноша стала полегче. Главное – это слоновая кость».

Слоновую кость и рабов морем везли в Занзибар и там выставляли на продажу. Выгружают невольников, по свидетельству вышеупомянутого Майкла Шепарда, «тем же манером, что и скотину <...> мертвых вышвыривают за борт, и потом, когда прибой выносит их на берег, туземцы приходят и жердями сталкивают их назад, в воду».

Постепенно невольничьи суда уходят в прошлое, и паруса больше не поднимают. Промысел слоновой кости приводит к поголовному истреблению слонов на всей территории Африки. Спрос на слоновую кость продолжает существовать, он еще острее, чем был. Тысячи и тысячи лет единственным способом обеспечить предложение было и

остается убийство. В современном понимании ситуации слоновая кость должна быть объявлена вне закона, а слоны, вытесняемые с исконных территорий, имеют право на статус беженцев. Они и есть беженцы. Вот только из-за человеческой экспансии бежать им особо некуда, а из-за рыночных цен на слоновую кость ни одно убежище не будет для них по-настоящему надежным.

Почти в пятистах километрах к северу от Амбосели, если следовать за полетом канюка-авгура, лежит скверный городишко Арчерс Пост, за которым открываются неподвластные времени первозданные просторы Национального парка Самбуру. Среди тех, кто называет себя жителями Арчерс Пост, – горстка бандитов, промышляющих торговлей слоновой костью, и замученные тяжелой неволей и нищетой туземцы-козопасы, большинство из которых ютится под навесами, сделанными из найденных на помойке кусков пластика или мешков для мусора, наброшенных на согнутые побеги деревьев. Это нищета, на которую страшно смотреть. Сразу понятно, что этим людям ни со слонами, ни с кем бы то ни было делиться просто нечем. С момента возникновения человека и почти по сию пору Африка предоставляла своим обитателям достаточно места для совместного существования, для существования бок о бок. Но численность людей все прибывает, как приливная волна, и вот слонам уже буквально ногу поставить некуда. Эти люди, казалось бы, лишены всего: возможностей, выбора, человеческого достоинства...

Наверное, не зря на любом изображении Ноева ковчега рядом с человеком среди подлежащих спасению от потопа непременно предстают слоны. Если развить метафору вод, то наше все прибывающее море человеческое захлестывает большинство созданий природы. И бедняки – такие же жертвы этого потопа. Все, кого я здесь встречаю, настроены ко мне дружелюбно; взбудораженная детвора смотрит огромными щенячьими глазами. Молодые мужчины из Самбуру, вооруженные копьями, дубинками и большими плоскими кинжалами, болтающимися на поясе, подходят, берут мою руку своими обеими и трясут ее, расплывшись в улыбке. Некоторые интересуются, водятся ли там, откуда я прибыл, львы и слоны, или вежливо осведомляются, сколько у меня голов скота (а когда говорю, что его у меня нет, вежливо «выпадают в осадок» от моей запредельной нищеты). Эти люди во всех отношениях такие же, как я, просто им

выпал несчастливый жребий, и навряд ли они способны переменить свою печальную участь. А я, глядя на них, благодарен судьбе за свою счастливую.

Самбуру, как и Амбосели, одно из немногих мест, где существование слонов не подчинено целиком и полностью единственной главенствующей эмоции – страху перед двуногим прямоходящим. Здесь в их жизни по-прежнему присутствует весь спектр эмоций. Страх, правда, тоже есть. И в изрядных количествах.

Ближе к вечеру в воздухе чувствуется привкус мелкой пыли. Она забивается всюду, так что одна из вещей, которые роднят человека со слонами, – это ощущение погруженности в эту сухую и в то же время приветную землю обетованную, в последний ее оплот.

Шифра Голденберг мигом опускает меня с небес на землю. Пока мы отряхиваемся от пыли, она объясняет, что в Самбуру принято именовать слоновьи семьи не по буквам алфавита, как в Амбосели, а по «темам». Вот, например, эта семья, которая сейчас движется вдоль высокого берега реки, названа в честь знаменитых писательниц и поэтесс.

– Им очень досталось от браконьеров. Чуть ли не все взрослые слонихи погибли.

Эмили Дикинсон, которой было сорок пять, мертва. Вирджиния Вулф, Сильвия Плат – мертвы. Элис Освальд жива. Майя Анджелоу мертва... Перед нами одиннадцать членов некогда большой семьи, но их нынешнего матриарха, Венди Коуп, и ее четырехлетнего слоненка с ними нет.

В Венди недавно стреляли. Пули попали и в двух ее детей. Ветеринару удалось усыпить их и обработать раны. Венди и один из малышей выжили. Второй две недели боролся за жизнь на глазах у слонов и исследователей, но выжить не смог.

Венди носит специальный ошейник, позволяющий определять ее местонахождение. Два дня назад она увела семью за двадцать с лишним километров в Национальный парк Шаба, который заповедником можно назвать только в кавычках, потому что для слонов это место весьма опасное. Для браконьеров, кстати, тоже. Не так давно егеря Службы охраны живой природы Кении стреляли в двоих на поражение и убили. И теперь семья Венди вернулась в Самбуру, но без Венди. Судя по всему, слоны чем-то потрясены, об эмоциональном

возбуждении говорит необычно активное выделение секрета из височных желез. Ни к месту кормежки, ни к водопою они не идут, просто вереницей движутся вдоль берега.

Шифра связывается с Гилбертом Сабингой, который находится в полевом лагере Самбуру. Он должен засечь сигнал передатчика на ошейнике Венди. Мы ждем ответа. Шифра учится в магистратуре и изучает влияние браконьерства на социальную составляющую жизни слоновьей семьи. Гилберт – сотрудник Фонда охраны слонов Иэна Дугласа-Гамильтона.

Ошейник с передатчиком позволяет отследить невидимые глазу перемещения животных. Так, один слон за четыре дня преодолел двести пятьдесят километров по пахотным землям, причем, судя по всему, знал, что идет по опасной территории, поэтому двигался только по ночам, а днем прятался.

В 80-е годы, когда мне было двадцать, мы с Ричардом Вагнером, с которым дружим всю жизнь, и его другом Мозесом оле Кипелианом из народа масаи наткнулись на Самбуру в процессе длительного и оказавшегося куда более опасным, чем мы рассчитывали, путешествия по пустыне Чалби^[34]. В Самбуру время, казалось, остановилось, это был настоящий уголок первозданной, девственной Африки. Солнце почти село, мы наскоро поставили хлипкую палатку и всю ночь не сомкнули в ней глаз под рыканье львов. Вокруг территории заповедника в изобилии бродили стада антилоп, зебр, жирафов...

Тогда это была не туристическая прогулка, а настоящая экспедиция. Сегодня все изменилось. От истоптанной козами земли на юге Самбуру через город Исиоло, на улицах которого не протолкнуться от все тех же коз, мусора, бесцельно болтающейся бедноты да изнуренных безработных, и дальше на юг, где некогда газели и антилопы куду носились наперегонки со своими золотистыми тенями, земля теперь покрыта броней кукурузы и желтыми прямоугольниками полей горчицы, аккуратно расстилающимися по распаханым холмам. Слону жить среди этого огорода возможно не более, чем в сердце Айовы, у которой шансы вернуть на свои просторы несметные стада бизонов, застилающие солнце и небо стаи странствующих голубей^[35] и полчища потрясающих копьями и томагавками кочевников столь же ничтожны, как у этой оскверненной земли – вновь стать домом для слонов и антилоп. С извечных времен

буквально до последнего мгновения на месте, где ходят сегодня волны пшеницы, существовал особый мир. Нам целого мира мало. Может, оставим что-нибудь другим? У человека и животных по этому поводу могут быть разные мнения. Я отдаю свой голос слону.

Вот наконец звонок от Гилберта. Плохие новости. В девять утра плановый сигнал от Венди получен не был. Сигналы остальных датчиков пришли.

Из близлежащих гостиничных домиков понаехало множество машин, набитых туристами, которые, отталкивая друг друга, стремятся поймать семейство Венди в кадр. Камеры клацают и клацают. Это нудное клацанье – единственная экономически сопоставимая с браконьерством альтернатива, так что дай бог здоровья туристам.

Вот приехали Дэвид Дабаллен и Люси Кинг. Уроженец здешних мест, Дэвид служит в Фонде охраны слонов региональным менеджером. Это высоченный жилистый полиглот с мягкими манерами и острым умом. Люси занимается урегулированием конфликтов между слонами и местными жителями; именно ей пришла в голову гениальная идея сыграть на панической слоновьей боязни пчел. Эту фобию Люси хочет сделать залогом добрососедских отношений между слонами и крестьянами, для которых пчеловодство сможет стать новым источником дохода. Люси запрашивает сигнал датчика с ошейника Венди. Все затаивают дыхание. Вдруг Люси стонет: «Только не это!», и я стискиваю зубы, готовясь услышать страшную правду. Оказывается, у нее снова виснет интернет. Служба поддержки клиентов извиняется, что провайдеру отказано в доступе, и Люси в отчаянии выключает телефон. Никто не произносит ни слова, пока она с образцовой английской сдержанностью в конце концов не роняет:

– Да, немного неприятно.

Дэвиду по телефону сообщают, что два браконьера открыли пальбу по группе слонов на Аттанских болотах, чтобы вспугнуть животных и выманить из воды на открытый участок, где их легко можно будет перебить. У слонов началась паника, местные женщины, работавшие в поле, при виде мечущихся животных подняли крик. Из всей этой неразберихи – Дэвид одновременно пытается слушать, что ему говорят в трубку, и пересказывать нам по-английски, что он слышит, – я понимаю только, что слоны бегут сюда, на север.

Дэвид и Люси решают отправиться дальше вдоль берега, а мы с Шифрой должны оставаться здесь. Через несколько минут у Шифры звонит телефон.

Звонок от Люси. Венди нашлась. С ней все в порядке. Она сейчас на территории Национального заповедника Буффало-Спрингс, где небольшая речка Исиоло впадает в Эвасо-Нгиро, основную водную артерию региона.

Я почти слышу, как наши тела обмякают после чудовищного напряжения. К тому моменту как мы нагоняем Дэвида и Люси, сигнал с датчика Венди уже пришел и Люси выводит на дисплей маршрут ее следования. Прошлой ночью слоны, бывшие за двадцать пять километров отсюда, вдруг группой ломанулись назад, именно ломанулись, не разбирая дороги, не давая себе ни минуты отдыха. Люси показывает нам карту:

– Вот тут они выходят за пределы заповедника. Там такая пойма с очень сочной растительностью, они ее обожают. Тут они пасутся, а вот потом, видите, между полночью и тремя утра сигнал приходит уже с окраины деревни. Это очень опасная территория.

– Конечно, ведь там поля, поселения...

– И браконьеры, – вставляет Дэвид. – Самый эпицентр!

– И они шпарят в темноте напролом и все там подчистую вытаптывают.

Теперь, стоя на берегу, мы уже два часа в режиме реального времени наблюдаем за тем, как семейство Венди дремлет, не шевеля ни единым мускулом. Очевидно, ночной марш-бросок за кормом вымотал их абсолютно. Но вот, стряхнув дремоту, они спускаются к воде, пьют, переплывают на противоположный берег, выходят и скрываются с глаз. Слоны-эфемеры. За ними поразительно трудно следовать, их сложно понять, их так просто любить и так легко убить. И навсегда потерять их тоже очень легко.

Сегодня сотрудники Фонда охраны слонов совместно с диснеевским Всемирным фондом охраны природы организуют для ребятешек из близлежащей деревни Атта – по совместительству рая для браконьеров – экскурсию в заповедник Самбуру. Им предстоит смотреть на слонов. Вот их комната для занятий: изъеденные термитами деревянные стены, земляные полы, грубо сколоченные

столы, приспособленные под парты. Вот и сами школьники – тощие, с ножками-спичками.

В детских улыбках заключен урок постижения ценностей, которым не учат учебники. И одновременно урок нам, контрольная по человечности. Основная часть этих ребятишек вырастет, так и не получив в школе навыков, пригодных для трудоустройства в мире, где отсутствуют возможности для карьеры. Молодых мужчин ждут межплеменные войны и браконьерство. Для слабых женщин остается только секс.

Несмотря на то что наши посетители живут меньше чем в восьми километрах от заповедника Буффало-Спрингс, несмотря на то что деревенская школа была и остается браконьерским штабом, несмотря на то что окрестные фермы и поля расположены в опасной зоне «коридора», через который слоны ходят из заповедника на болотистую пойму и обратно, несмотря на то что фермеры и слоны находятся в состоянии постоянного конфликта, ни дети, ни даже их учитель ни разу в жизни не видели живого слона. Сегодня их пригласили на бесплатную экскурсию в заповедник, чтобы они посмотрели, как слоны принимают грязевые ванны.

Когда детей просят написать что-нибудь про слона, они выражают либо страх перед этим животным, либо гнев за причиненные им разрушения. Есть ли в слоне что-нибудь хорошее? Конечно. Слон приносит хорошие деньги, потому что слон – это туристы и слоновая кость. Как им втолковать, что одно рано или поздно непременно исключит другое?

Прошлой ночью отдаленный львиный рык перенес меня из сладких снов в места совсем уж первобытные. Внушающие благоговейный трепет раскаты и рулады львов – УУУРРРуууфф, ООУУуууфф, оохрру, ооф, уфф – подхватили лягушки, которые, отквакав свою вечерню, умолкли было, но тут грянули с новой силой. С изумлением обнаружив себя (как ни странно, живым!) на планете, где скалы, пыль и вода обретают по ночам способность полнозвучных откровений, я упивался их высочайшим накалом и животным ужасом. Чтобы описать пережитое, требуется немало слов, но непосредственно в процессе переживания невозможно проронить ни слова.

Зыбь голосов катилась с чернеющей в ночи горной гряды к реке, захлестывая мозг, и я в полусне-полусознании внимал ей, не разбавляя обычными потоками отвлекающих мыслей и оценок. Звуки впечатывались в сознание, и разум запечатлевал картины того, что я слышал, а подключившееся подсознание пробуждало в душе сильнейший эмоциональный отклик – я обостренно ощущал эти звуки, я воспринимал их напрямую.

Сегодня утром, пока мы завтракаем, мартышки-верветки на берегу реки и в кронах деревьев вокруг лагеря заняты неотложными делами. Франтоватые самцы щеголяют нежно-голубыми тестикулами, а самки прижимают к себе детенышей, расширенными глазами дивующихся на мир, который куда опаснее, чем им кажется, и куда невероятнее, чем каждый из нас ожидает. Знакомая мне и вечно бдительная птица-носорог терпеливо ждет удобного момента, когда взгляды завтракающих людей будут прикованы к мартышкам, и, стоит этому мигу безнаказанности наступить, идет в атаку. У меня на глазах оладушек устремляется в полет. Знаете, на что похожа птица-носорог, улетающая прочь с зажатым в клюве оладушком? Мне кажется, на звездолет «Энтерпрайз NX-01», но я с детства смотрю «Звездный путь».

Минутой позже в субботнее утро врывается телефонный звонок, Дэвид Дабаллен поднимается, чтобы ответить, и, разговаривая, отходит от стола. Потом он возвращается:

– Убит еще один слон. За рекой, прямо возле дороги. Только что обнаружили.

Ужас в том, что это совсем рядом, в каких-нибудь пяти километрах.

– Плохо дело, – бормочет Дэвид. – Что-то мы не то делаем.

За последние сорок пять дней от рук браконьеров погибли двадцать семь слонов, все это в радиусе тридцати километров. На этой неделе такое происходит практически ежедневно, то есть они убивают по слону в день. Но даже в чаду браконьерского угара никто не осмеливался охотиться здесь, в самом сердце заповедника, в непосредственной близости от туристических домиков и полевого лагеря.

Мы с Дэвидом переходим реку вброд. А что же крокодилы?

– Ничего страшного, – успокаивает меня Дэвид. – На взрослых они не бросаются. Разве что на детей иногда.

На противоположном берегу, где находится заповедник Буффало-Спрингс, у Дэвида есть машина. Мы залезаем внутрь. Численность слонов в Самбуру и Буффало-Спрингс приблизительно равна тысяче минус потери за неделю. Но, как и во всей Африке, заповедники слишком малы. И здесь, и в Амбосели слоны постоянно кочуют между исконными кормовыми территориями и местами водопоя, но этот древний, веками не подводивший их жизненный цикл теперь может оказаться опасным для жизни. За пределами заповедника они сталкиваются с фермерской экспансией и браконьерами. В пределах заповедника их подстерегают браконьеры из близлежащих деревень. На фоне взлета цен на слоновую кость до беспрецедентного максимума перспективы слонов на выживание падают до беспрецедентного минимума.

Сидящий за рулем хмурый Дэвид горько бросает фразу, на которую я не знаю как реагировать:

– Эти браконьеры – просто необразованная молодежь. Они ведь не глупее нас. Просто им терять нечего, кроме собственных жизней, поэтому подонки могут ими манипулировать.

Сегодня слоновая кость – это нищета, межнациональная рознь, терроризм, гражданские войны. И дирижируют этими процессами нехорошие люди – преступники, продажные правительственные чиновники, правительства, состоящие из чиновников, – все эти спонсоры межплеменных конфликтов, наживающиеся на гибели слонов. Слоны для них – источник денег. Как и африканские «кровавые алмазы»^[36], слоновая кость тоже пахнет кровью, сначала слоновьей, но в итоге человеческой. Это она, «кровавая слоновая кость», подпитывала деньгами Господнюю армию сопротивления Джозефа Кони^[37] в Уганде, проливающий кровь мирного населения Джанджавид^[38] в Судане и, не исключено, террористов из сомалийской группировки Харакат аш-Шабаб^[39], возможно связанной с Аль-Каидой. А платит за все это мирный обыватель, которого прямо-таки разбирает на резьбу по слоновой кости, и он не желает понимать, что без этого люди в буквальном смысле слова *могут жить*. Так что слоновая кость со слонами связана лишь отчасти. Насколько все было бы проще, касайся эта история исключительно слонов.

Но слонов она все-таки касается. Разумных, чувствующих, общительных слонов, которые живут семьями и очень привязаны к мамам. Из десяти миллионов слонов, обитавших в Африке в начале XX века, на сегодня уцелели около четырехсот тысяч, и ежедневно поголовье сокращается приблизительно на сто особей. В 80-е, когда цены на мировом рынке слоновой кости взвинтили до небес, по оценкам Синтии Мосс, жертвами этой мясорубки ежегодно становились восемьдесят тысяч слонов. В Танзании эти чудовищные цифры достигли двухсот тридцати шести тысяч. Если в середине 70-х в танзанийском Национальном парке Селус насчитывалось сто десять тысяч слонов, то к концу 80-х половину из них убили. За тот же период популяция слонов в Кении со ста шестидесяти семи тысяч снизилась до шестнадцати тысяч, то есть сократилась на 90%! В Центрально-Африканской Республике от ста тысяч особей осталось меньше пятнадцати тысяч. В Уганде в Национальном парке Мурчиссон-Фоллс обитали десять тысяч слонов, из которых уцелело двадцать пять (это не опечатка, *двадцать пять*), потому что угандийское правительство с готовностью отправило 85% популяции этих животных на заклание, чтобы спонсировать политику государственного террора. Сьерра-Леоне проводила своего последнего слона в последний путь в 2009 году. В Демократической республике Конго перебили 90% слонов, в Габоне – 80%, причем только за последние десять лет. Чад, Камерун, Судан, Сомали, Мозамбик, Сенегал – все поголовье перестреляно подчистую, уцелели единицы. В первую очередь это, конечно, удар по слонам, но люди тоже остаются внакладе. В одной только Кении для трехсот тысяч человек единственный источник дохода – туризм, а туристы приезжают посмотреть на слонов. Поэтому браконьерство в промышленных размерах в итоге приводит к массовому обнищанию населения.

Сейчас телефонный собеседник Дэвида сообщает, что егеря взяли след и ждали браконьеров в засаде, но те развернулись на сто восемьдесят градусов... Один из преследуемых – брат известного браконьера. Боюсь, Дэвид получил объем информации, превышающий пределы безопасности.

Сто лет назад основными покупателями изделий из слоновой кости были европейцы и американцы. Сегодня западная культура этим рынком не интересуется, но туда пришел Китай. Китайцев много,

слонов мало, их просто не хватит, чтобы каждый китаец получил по прелестной резной безделушке из слоновой кости. Недавно сюда приезжала очаровательная дама из Китая, которая, как все разумные и гуманные люди, была уверена, что бивни просто собирают, подбирают с земли, после того как слон умирает своей смертью, например от старости.

– О китайцах рассказывают малоприятные вещи, – сказал мне Иэн Дуглас-Гамильтон во время одной из наших вечерних бесед в лагере. – Говорят, они алчны и никого не любят. Говорят, что в принципе любить не способны и что они не изменятся. Не знаю. Наши предки истребили американского бизона и странствующего голубя. И что, они были менее алчны, чем современные китайцы? Сомневаюсь. Думаю, что первый урок, который можно извлечь из истории человечества, звучит так: люди меняются. Достаточно сравнить Германию 1943 и 1953 годов или католическую Италию, где разрешены противозачаточные средства.

Согласен, люди могут измениться. Со временем. Но хватит ли нам отпущенного времени?

Международная торговля слоновой костью и прочими так называемыми «продуктами живой природы» регламентирована положениями Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой уничтожения, или Конвенции СИТЕС^[40] (от английской аббревиатуры CITES). В 1980 году СИТЕС ввела официальную систему торговых квот, но это не принесло никаких результатов. Истребление слонов продолжалось, потому что разрешенная продажа строго определенных видов слоновой кости служила удобной ширмой для продажи любой слоновой кости. Это был урок номер один.

Единственное, что давало и дает результаты, – полный запрет на торговлю слоновой костью во всем мире, который с боем ввели в 1990 году. Слоновой костью торговать нельзя. Вообще. Никакой. Рынок рухнул. поголовье слонов медленно начало расти. Мера оказалась действенной. Это урок номер два.

Но запрет продержался всего девять лет. В 1999-м СИТЕС официально разрешает Зимбабве, Ботсване и Намибии реализовать пятьдесят тонн слоновой кости из резервных запасов посредством «разовой продажи» ценного сырья Японии. Но потом Китаю тоже

понадобилось ценное сырье. И в 2008-м секретариат СИТЕС одобряет еще одну «разовую продажу» слоновой кости из резервных запасов Ботсваны, Намибии, ЮАР и Зимбабве, на этот раз Китаю.

Оказалось, что ни урок номер один, ни урок номер два так и не были усвоены. Неумение учиться на ошибках – обычная глупость, но, чтобы не суметь научиться на успехах, надо серьезно постараться.

«Купля-продажа слоновой кости официально запрещена. Покупать ее нельзя, потому что это преступление» – так выглядит однозначное, не допускающее истолкований обращение к потребителям, представителям правопорядка и правительствам. «Есть слоновая кость, которой запрещено торговать, и есть, которой не запрещено» – так выглядит неоднозначное обращение, легко превращающееся в идеальное прикрытие для убийства слонов. Разовая продажа резервной слоновой кости Китаю открыла шлюзы для отмывания замаранных кровью бивней. И тут же Африку захлестнула волна браконьерства, обрекая на смерть десятки тысяч слонов, чтобы этими деньгами оплачивать кровь человеческую. В Кении количество убитых слонов выросло в восемь раз, с пятидесяти особей в 2007 году до без малого четырехсот в 2012-м. И теперь по приблизительным оценкам жертвами браконьеров ежегодно становятся от тридцати до сорока тысяч животных, то есть каждые пятнадцать минут погибает один слон. Вроде того, к которому мы сейчас едем через заповедник.

Над огромной серой тушей кружатся стервятники, их видно издалека. Мы с Дэвидом сворачиваем с пыльной дороги и подходим ближе. Это Фило, молодой слон, которому было всего пятнадцать лет. Подросток. Ему надо было бы прожить еще столько же, чтобы иметь право претендовать на самку.

Передняя часть его головы зверски изуродована. Великолепный хобот валяется в нескольких метрах в стороне, словно старый корабельный канат, который за ненадобностью бросили на верфи. Бивни исчезли.

– Они вытащили два зуба и бросили четыре тонны мяса просто гнить. Какой бред!

Внешне Дэвид спокоен, но его сдавленная ярость подобна расплавленной лаве под жесткой запекшейся коркой.

Двигаясь в обратную сторону по следам Фило, Дэвид видит, что слона подстрелили вот тут, на подъеме, потом он, истекая кровью,

пробежал двести метров и рухнул. Уже после падения ему еще несколько раз выстрелили в голову. Прямо киллеры. Одно из пулевых отверстий до сих пор сочится алой кровью.

Всего четыре дня назад приезжавший на стажировку американец Айк Леонард запечатлел последнее прижизненное изображение Фило. На снимке он получился впечатляющим молодым самцом, позирующим с небрежной подростковой бравадой. Айк, смотритель слонов в диснеевском тематическом парке «Царство зверей», специально приехал в Буффало-Спрингс из Орlando, чтобы понять, как можно улучшить условия содержания слонов в неволе, а для этого, как он мне объяснил, ему необходимо было «посмотреть, как живут дикие слоны». И вот теперь мы смотрим, как они умирают.

На текущий момент беда слонов – слоновая кость. Вот уж настоящая кость в горле. В разрезе времени корень зла – в месте под солнцем. Бедно ли, богато ли живут люди, их всегда слишком много. А за столом, где полно едоков, найдется довольно охотников и на самые жалкие крохи.

Как может уцелеть, со смертью споря,
Краса твоя – беспомощный цветок?

В. Шекспир, Сонет 65^[41].

Особенно если смерть тебе несут люди.

Бушующее вокруг море человеческое превращает заповедники в обособленные от остального мира острова. Стремнину времени не удержать, и только за последние сорок лет население Кении выросло в четыре раза, а поголовье слонов за это же время сократилось в пять раз. С начала 80-х, когда мою грудь впервые наполнил воздух Африки, слоны лишились более половины ареала обитания на этом континенте и более половины сородичей. Нет такого слона, над которым не висела бы угроза смерти от руки человека. Но та же угроза висит над головами множества людей в самых разных странах. И куда приведет этот путь, не щадящий ни людей, ни слонов, мы можем только гадать. Может ли ценность человека или слона стать в наших глазах больше?

Или меньше? Или меньше уже некуда? Я руками и ногами за цивилизацию, но хотелось бы ознакомиться с планом развития.

«Уважаемый господин Слон,

<...> Попадаются, конечно, и те, кто считает, что проку от Вас нет, что Вы топчете посевы в странах, где косит людей голодная смерть, что у человечества и без Вас забот достаточно, и вешать себе камень на шею в виде слона незачем, они вообще говорят, что Вы предмет роскоши, который нам совсем не по карману. Именно такие аргументы используются каждым тоталитарным режимом, что при Сталине с Гитлером, что при Мао, чтобы обосновать, почему истинно „прогрессивному“ обществу не по карману такая роскошь, как свобода личности. Права человека – это тоже слоны. Право на инакомыслие, на независимость суждений, право на несогласие с властью с легкостью можно задушить и задавить во имя „необходимости“ <...> Во время последней мировой войны в немецком лагере для военнопленных <...> за забором из колючей проволоки нам все время представлялась громоподобная поступь слоновьих стад, шествующих по бескрайним равнинам Африки, и воплощение этой свободы, которую не покорить, помогло нам выжить. Если миру больше не по карману роскошь природной красоты, значит, совсем скоро его захлестнет и раздавит собственное убожество. Я всем сердцем чувствую, что на карте судьба Человека, его достоинство <...>

Нет ни малейших сомнений, что во имя торжества рационализма Вас следует уничтожить, чтобы мы могли занять освободившееся пространство на нашей перенаселенной планете. Нет также ни малейших сомнений, что Ваше исчезновение с лица Земли будет означать пришествие нового, полностью рукотворного мира. Но позвольте заметить Вам, дружище, что в полностью рукотворном мире человеку тоже не будет места <...> Человек – не дело рук человеческих и никогда таковым не станет. Нам навсегда суждено оставаться частью таинства, неподвластного ни логике, ни воображению, и Ваше среди

нас присутствие порождает резонанс, который невозможно описать в выражениях науки или здравого смысла, а лишь в выражениях трепета, изумления и благоговения. Вы – это все, что нам осталось от первозданности.

Я наперед знаю, что, встав на Вашу – или, скорее, на свою собственную? – сторону, я рискую получить клеймо консерватора, даже реакционера, „мастодонта“, принадлежащего другому, доисторическому, казалось бы, времени: времени либерализма. Я готов носить это клеймо как орден. Так что, многоуважаемый господин Слон, мы с Вами в одной лодке <...> В обществе торжествующего материализма и реализма поэты, писатели, художники, мечтатели и слоны не в чести – они всем помеха <...>

Вы, уважаемый господин Слон, последняя Личность в этом мире.

Остаюсь преданный Вам друг,

Ромен Гари^[42].»

Ближе к закату Дэвид, Шифра и я ждем на берегу реки. Словно по волшебству группа за группой слоны вереницей выходят из зарослей деревьев и через реку вброд движутся нам навстречу. Слонихи, слонята, слоны всех возрастов. Мир знает, что делать. А мы?

Вверх и вниз по течению слоны косяками форсируют реку, чуть колебля ржаво-красную поверхность медленных вод. Их число переваливает за две с половиной сотни, они пьют и общаются. Слоны, погруженные в слоновью жизнь, – вот мера того, сколько еще доброго осталось в мире.

Среди бушующего хаоса они цепляются за свой обиход – подобно людям, во время войны задуваящим свечи на именинном пироге. Это то, что они знают, чего хотят. Каждый их шаг – жест надежды, каждый глоток – жест веры. Возможно, надежда и вера – все, что у нас есть. Но это тоже немало.

Поднимаясь от реки вверх по пажитям на ночевку, медленно хватая и срывая траву, жуя, сокращая оставшееся расстояние глотком за глотком, шаг за шагом, они восходят на пологие холмы, что создали их.

Старшие помнят старые пути, теперь отрезанные, распаханые, опасные. В их детстве, когда они шли за своими мамками, эти пути были частью единой земли. Их земли. Понимают ли они? По-своему, наверное, да. Надеюсь, что нет. Боюсь, что это мы не понимаем.

Неожиданно сгустившиеся облака приглушают свет и смягчают краски, заставляя по-новому ощутить душистый запах травы и далеко разносящийся в воздухе птичий щебет. Слоны движутся, словно сотворенное из праха время. Вот Вавилониха, пятидесятилетний матриарх семьи Библейских городов, старейшая слониха в популяции. Хотел бы я знать, что она повидала на своем веку. Наверное, насмотрелась. А вот и остальные семьи: Цветы, Бури, Суахили, Горы во главе с Джомолунгмой, Турчанки и Бабочки.

Дэвид глушит мотор, чтобы шум не беспокоил прибывающих слонов, но они разворачиваются, тесно сбиваются вместе и выставляют перископы хоботов. Голоса, лишенные фона двигателя, их страшат. У туристов, которых можно не бояться, постоянно тарахтят автомобили. У браконьеров автомобилей нет. Дэвид, сообразив, в чем дело, поворачивает ключ в замке зажигания, и напряжение спадает.

Совсем близко от нас проходит детная слониха, вызывающе топя и поводя ушами. Она цепляется за ветки и, не скрывая раздражения, продирается сквозь них могучим телом. Мне не по себе, но Дэвид сразу понимает, что столь откровенная демонстрация силы – очевидный блеф. Слониха просто хочет нас напугать. Но что заставляет ее вести себя в присутствии человека так неестественно?

Здесь много молодняка из разных семей, они пытаются латать семейные бреши, оставленные страшными нападениями браконьеров. Одна семья лишилась пяти больших взрослых самок.

– Уцелевшие могут составить новую семью, – поясняет Дэвид, – их сплотит объявленная против них война. Видите Юту – вон ту крупную слониху? Кроме нее, в семье никого не осталось.

Браконьеры ради слоновой кости перебили всех: и Ацтека, и Инка, – никого не пощадили. Это случилось на самой окраине заповедника.

– А вот тоже жуткая история, – продолжает Дэвид. – Это Планеты. Очень большая семья, чуть не двадцать слонов, среди них было несколько старейших в заповеднике самок. Они ходили на самые дальние расстояния. Это их и погубило. Всю замыкающую группу

перебили. Можно сказать, в крови утопили. Это случилось год назад, километров за сто отсюда. С места стрельбы уцелевшие побежали к заповеднику, но бежать им было слишком далеко, несколько подранков погибли по пути. От бега у молодняка началось обезвоживание. Многие остались сиротами. Все пережитое, конечно, их очень надорвало. Они стали беспокойными, то придут, то не придут. В общем, спасти семью нам не удалось. Она стала разваливаться, и это было страшно. Почти все погибли. Остались только эти две девочки: Хаумея^[43] и Европа.

У меня есть небольшая коллекция статуэток из слоновой и моржовой кости – штук шесть, каждая сантиметров восемь-десять высотой. Три из них мне, двадцатилетнему, подарила когда-то одна пожилая дама, и с тех пор я храню их как память о ней. Фигурки стоят у меня на письменном столе, стоит протянуть руку – и я могу их потрогать. Одна представляет собой тонкой работы резную сферу, украшенную узором из переплетенных фигурок веселых слонов. Вот она, горькая ирония судьбы. В Канаде мне неожиданно подарили дельфина, вырезанного из моржовой кости. Так я, по идейным соображениям ни разу в жизни не купивший куска коралла, акульего зуба, простой ракушки, стал обладателем этих предметов, словно мы с ними специально искали друг друга, а потом нашлись. В мире, живущем по законам гуманизма, единственным источником слоновой кости для изготовления этих чудесных резных безделушек могут быть только бивни слонов, умерших своей смертью. И у этих могучих старцев были бы огромные, по-настоящему ценные бивни. Слоновая кость была бы просто изумительной красоты материалом – безотягчающих обстоятельств. И мешает этому только человеческая жадность, из-за которой слоновая кость становится костью в глотке.

Малышка Европа оборачивается, чтобы посмотреть на нас. Я вижу не слоненка, а нечто до боли прекрасное.

Дэвид погружен в воспоминания о погибших слонах, которые никогда не вернутся в семьи, что сейчас проходят пред нашими глазами.

– Господи, как же жалко...

– Ваша работа помогает защитить самых поразительных животных на Земле, – говорю я, но Дэвид сейчас где-то далеко и меня не слышит.

Я все равно продолжаю:

– Вот эти три слоненка. Посмотрите, какая прелесть!

Перед этой наивной силой простодушия не может устоять ни одно горе, и Дэвид словно просыпается:

– Да, смотрите, как разыгрались!

Мы смотрим, а время запечатлевает эту сцену, сворачивает ее и откладывает у меня в памяти.

– За пределами заповедника они ни на шаг не отходят друг от друга, все время бок о бок, – говорит Дэвид. – А тут, внутри, им, конечно, раздолье. Видите, как они разбрелись? Потому что бояться нечего.

Откуда берутся слонята?

Утром нового дня в Амбосели ветер сдувает облака с Килиманджаро, обнажая снежную шапку, возвышающуюся на высоте 5895 метров над синими плечами склонов.

Мы с Катито навещаем семейство Фелисити.

– Они такие чудесные, – говорит Катито. – Хорошо, что вы с ними познакомились.

Сейчас половина одиннадцатого, и они на болоте устроили себе спа-процедуры. Местом проведения служит водоем размером пятьдесят на десять метров, где в присутствии серых цапель и священных ибисов смешанная группа слонов плещется, хлещет друг дружку, трубит и швыряется грязью. Они погружаются под воду и ворочаются с боку на бок. Крупный слон по имени Уэйн раз за разом обдаёт себя грязевым душем. Слонята, стоя в воде, брыкаются, просто чтобы посмотреть на гигантские фонтаны брызг, и им до того весело, что они, клянусь вам, улыбаются. Умощенные толстым слоем грязи, они ерзают и выписывают кренделя от наслаждения, то выползая на топкий берег, то скатываясь в болото и устраивая кучу-малу. Пыль равнин у них на спинах глянцевице поблескивает от воды.

– Двадцать лет на это люблюсь, и все не надоедает, – говорит Катито.

Серая цапля хватает рыбу, которую испугнули и пригнали к берегу купальщики. Цапли свое дело знают, они тут не зря дежурят.

– А вот и Оттолайн, красавица наша, – улыбается и всплескивает руками Катито. – Я ее так и узнаю – по красоте.

Оттолайн тридцать один год, в семье О/Б она матриарх. Рядом с ней Озора и Опра.

– Опру легко узнать, она довольно кругленькая, и уши у нее большие, – объясняет мне Катито.

Хороши отличительные черты. Покажите мне тут слоницу с маленькими ушами!

Предыдущие матриархи этой семьи, Одиль, Омо и Омега, пали от копий масаи. В Одиль копыя попадали трижды, после первого и второго ударов она выжила, третий оказался смертельным. После этого

случая восемь оставшихся в живых слоних боятся любого шороха и ни на миг не разлучаются. Эту ночь они провели за пределами Амбосели, сбившись в кучу и устроив себе прогулку под луной в стиле XXI века.

Катито показывает мне еще одну слониху:

– Вот эта, Орбель, настоящая красавица. Смотрите, как она выступает, как ведет за собой слонят. Просто замечательная слониха.

Что тут скажешь? Я полностью согласен.

Катито затаивает дыхание. Вдалеке появляется еще одна группа слонов.

– А это... это семья Кумкват, те, кто уцелел после того, как на них напали и Кумкват, их матриарха, убили. Вы слышали про это? – Катито смотрит на приближающуюся группу, потом поворачивается ко мне, потом снова смотрит на слонов. – Страшная история. Видите вон тот холм? Он называется Ломомо. Их убили где-то посередине между холмом и тем местом, где мы сейчас находимся. Совсем близко отсюда...

Она умолкает, вспоминая то, что случилось всего три месяца назад.

В то утро царственно-прекрасную сорокашестилетнюю Кумкват, известную по многочисленным фотографиям, и двух ее взрослых дочерей убили ради бивней. Кванза, ее дочка-сосунок, осталась сиротой. Другого слоненка, шестилетнего Кореса, бывшего с матерью, долгое время не могли найти и тоже считали погибшим. И вдруг он объявился. Оказывается, Корес прибил к семье В/Б.

– Он был такой грустный, понурый, но, когда я увидела, что он жив, не могла сдержать слез.

А у семьи К/Б теперь новая глава, Корал, они с Кумкват были лучшими подругами.

– У меня за них так душа болит, – вздыхает Катито. – Малютку Кванзу – ее так окрестила Вики; на суахили это значит «первая», потому что, когда случился этот беби-бум после засухи, Кумкват разродилась ею первой, – нашли рядом с мертвой десятилетней сестрой. Так и стояла, ни на шаг не отходя. Ей без матери было не выжить, поэтому мы отправили ее в Найроби, в Фонд Дэвида Шелдрика. Я ее навещала в питомнике.

Мы едем дальше.

– И вот этих мне тоже очень жалко, – вздыхает Катито. – Савите всего двадцать три, а она у них матриарх.

Катито сокрушенно качает головой:

– Много слонов полегло во время засухи, поэтому тут все больше сироты.

Катито неожиданно всплескивает руками:

– Ой, да ведь это же Корес, сынок Кумкват! Господи, твоя воля, он же то к одним прибьется, то к другим, все ищет своих, а они ведь тут, совсем рядом. Может, сегодня, через столько месяцев, он наконец-то с ними встретится. Господи, дай-то бог.

Катим дальше.

У Калиопы, тридцатитрехлетней слонихи, возглавляющей семью К/Б, или «кабэшек», нет куса одного уха. Она и сестры, отличающиеся норовистым и подозрительным нравом, смотрят на нас исподлобья.

– Ей досталось от масаи, – сокрушенно качает головой Катито. – Мать убили, и у самой три раны от копий.

Мы останавливаемся и терпеливо ждем. Калиопа начинает щипать траву и ветки чуть ближе к нам, где-то метрах в тридцати. Но стоит Катито повернуть ключ в замке зажигания, слониха поворачивается, заслоняет собой слоненка, расправляет уши и трясет головой.

– Ты уж прости нас, Калиопа, – виновато бормочет Вики. – Все страшное позади. Больше тебя никто не тронет.

Если бы это было так! Но желаемое и действительное – не одно и то же.

Разные семьи сбиваются вместе, перемешиваются, сливаются воедино и образуют стадо под сто голов. Мы едем вдоль берегов широкой поймы и, словно в школе, делаем перекличку, отмечая присутствующих. Я впитываю их вид и форму, внимаю им, вдыхаю их запах.

Вот слониха без бивней. На сотню особей один рождается на всю жизнь беззубым. А вот интересно: смотрит такой беззубка по сторонам, видит своих сородичей со всеми их причиндалами и что он чувствует? Зависть? Этот риторический вопрос я задаю вслух.

– К счастью, зависть им неведома, – говорит Катито.

А на подходе вторая смена на водные процедуры – по равнине движется в сомкнутом строю фаланга общей численностью двести пятьдесят слонов. В первых рядах – семья П/С во главе с двадцатилетней Петулой, у которой под началом осталось всего семь слонов, остальные пали от засухи и пуль.

Этот длинный и горестный список смертей и падежа представляет собой описание вида, находящегося на грани истребления. Через поколение или два, когда подрастут наши внуки, девственная первозданная Африка навсегда исчезнет с лица земли, как исчезли американские прерии с их травами и цветами в человеческий рост, где кружили бизоны да дикие голуби, а вокруг стеной вставали каштановые леса, леса, а не рощи, и все это было буквально мгновение назад.

За последний час у нас перед глазами двумя волнами прошествовали четыре сотни слонов, с которыми мы сперва ехали ровень, а потом вырвались вперед, чтобы лицезреть все это могучее стадо, идущее по пыльной саванне к изумрудной зелени оазиса. Вот мы поднимаемся на небольшое возвышение, откуда можно долго любоваться панорамным видом на сотни слонов, живущих своей слоновьей жизнью. Они едят, растут, кормят малышей. Неуклюжие слонята лезут друг к дружке и затевают возню. Самцы выясняют отношения. И все под присмотром заботливых самочьих глаз, а также ушей и хоботов. В водной глади поймы отражается небесная синь над снежной шапкой Килиманджаро.

Слонам передается глубинная мудрость их вековечного места обитания. Но, обрети самая высокая и древняя гора Африки голос, что бы она сказала о старых и новых порядках? Наверное, только она, с высоты своего возраста, может знать истину. Выпытать бы все у этих скалистых утесов, но гора хранит ледяное спокойствие, несмотря на то что ледники и снега Килиманджаро год от года все тают и уменьшаются. Как доказывают неоплаканые кости, погребенные на этих вечных просторах, ход времен не может быть мерным. По челу Земли время двигалось в разных ритмах. А танцор, который не спешит, может оказаться внимательным наблюдателем. Часто именно медленный темп и плавная широкая мелодия рождают песню, которая расскажет обо всем.

Возможно, ответ горы знает ветер, скользящий вниз по ее склонам и взметывающий дьявольские вихри пыли на окружающих равнинах? Если это так, то мне куда понятнее звуки и паузы слонов, мерная дробь их поступи и резкий рифф с присвистом вырываемой из земли травы. Разными способами они стараются сказать одно: «Просто жить. Мы не просим многого. И просить мы не должны. Мы в своем праве».

Мимо пересохших балок, где раньше были русла, мимо выбеленных солнцем костей мы приближаемся к границе заповедника. Она почти рядом.

Но за пределами заповедника продолжается живая природа, и это продолжение внушает надежду. Перед нами мелькают стада зебр и жирафов, но ощущение тотальной уязвимости и незащищенности остается.

Чуть-чуть про жирафов: они настолько огромные и заметные, что, подобно слонам, которые служат перевозочным средством для белых цапель и временной опорой для парящих в высоте ласточек, их шеи представляют собой провиантские склады для насекомоядных птиц. Вот сейчас они катают на себе красноклювых буйволовых скворцов.

Мы выходим из машины, карабкаемся по склону холма – масаи без изысков называют его на своем языке «горой из красного камня» – и смотрим на расстилающуюся вдали Танзанию и лежащие вокруг земли народа масаи, а также красную глинистую балку, которая в сезон дождей наполняется водой и превращается в большое озеро Амбосели, но сейчас ветер гонит по ней лишь чертом крутящуюся ржаво-красную пыль. От палящего с безоблачного неба солнца воздух чуть дрожит. Единственные звуки – гудение насекомых да сдавленный щебет птиц, у которых от зноя в горле пересохло.

Долгие века здесь все идет своим чередом.

Идет.

Своим.

Чередом.

В полуденный зной вторгается тихий голос, почти шепот Катито:

– Я была тут, когда умерла Эхо.

Тихие слова шелестят на сухом ветру, и тишина от них становится еще глубже.

– Пятого мая 2009 года, в два тридцать пополудни. Я держала ее голову. Однажды утром я увидела ее с двумя дочками: одной девять,

другой четыре. Эхо еле тащилась, словно она им не мать, а бабка. Я только охнула. Стояла страшная засуха. А Эхо было много лет, точнее, шестьдесят четыре. Я два часа не уходила, смотрела, как она медленно поднимает одну ногу, потом другую, ей каждый шаг давался с огромным трудом. Я довела их до болота и уехала. А на следующее утро, в шесть тридцать, звонок: «Слониха со скрещенными бивнями». И я тогда подумала: «Эх, гадство!» Бросилась, куда сказали. Это было совсем недалеко от лагеря, я могу показать место. Эхо упала, ноги подкосились. Когда я примчалась, она лежала на боку, глаза открыты, и все сучила ногами, пыталась встать. Подоспели люди с грузовиком, с веревками, говорят, веревку подведем и попробуем поднять, но я видела, что она умирает. Своей смертью. От засухи. Поэтому сказала, что делать ничего не надо, можно только стоять и смотреть. Рядом с ней были две ее дочери. Они даже не пытались нас отогнать.

Егеря хотели ее добить. Я не дала. Спросила одного: «Если бы у тебя бабушка умирала, ты бы согласился, чтобы ей сделали смертельный укол?» Нет, отвечает. Тогда, говорю, что ж вы ее пристрелить-то хотите? Пусть с миром отойдет. Давайте, говорю, останемся рядом, чтобы ночью гиены ее не погрызли. Мы сидели с ней всю ночь, все утро, до полудня. Люди сходили за едой. Я поддерживала ей голову, просто чтобы ей было полегче, чтобы она не боялась. Ее дочь, Энид, стояла рядом не шелохнувшись. До последнего вздоха от нее не отходила. Все чувствовала, все понимала. Я все держала голову Эхо, и тут она вдруг очень медленно вытянула ноги. Потом веки дрогнули, и она на меня посмотрела. Мне так горько стало. Потом она глаза закрыла. И умерла. Энид была совершенно раздавлена ее смертью, честное слово. У меня слов нет, чтобы описать ее выражение. Совершенно как у человека, который плакал над гробом кого-то близкого. И она в таком состоянии находилась очень долго. Месяц, не меньше. Похудела.

– А сестра Эхо, Элла, несколько недель пропадала в Танзании, – продолжает Катито. – Они вообще-то не очень хорошо ладили. Элла подчиняться не желала. Честно говоря, она, конечно, гадина. Знаете, есть слоны, про которых можно сказать, что у них хоть голова холодная, но сердце доброе. Они хорошие, понимаете? А Элла – гадина.

Когда она вернулась, то мигом поняла, что место матриарха свободно. Она сейчас самая старшая, ей сорок один, и воображает, будто она матриарх. Но вести себя как матриарх она не умеет. Эудоре сейчас сорок, и она тоже не знает... в общем, глава семьи из нее никудышная. И у людей так бывает: вроде бы человек уже взрослый, а семью возглавить не может. Вот и Эудора не знает, что делать. Такая размазня. Никто ее слушаться не станет.

А вот дочь Эхо, Энид, – единственная, кто ведет себя как подобает матриарху. Знаете, ведь бывает так, что человек, умирая, говорит ребенку: «Я ухожу, теперь ты за всю семью в ответе». Эхо специально воспитывала ее как преемницу. И сейчас Энид возглавляет семью, хотя ей всего тридцать. Она не робкого десятка. Если что-то случается и слоники пугаются, все кидаются к ней, потому что чувствуют: она может их защитить.

Семейство Эхо под ее главенством процветало, и за тридцать пять лет с первоначальных семи членов выросло до сорока – столько их было на момент ее кончины. Единственная, кого она не уберегла, – Эрин. По любым меркам это было выдающееся правление, прежде всего благодаря исключительной способности Эхо руководить семьей, платить им сполна за их веру и верность и в бушующем житейском море, где постоянно возникают вопросы жизни и смерти, твердо вести семью безопасным курсом. Потому что безопасность – превыше всего.

Теперь решения принимает Энид. Это она увела семью за пределы заповедника, чего домоседка Эхо никогда не делала. И по временам кажется, что семья распалась на три отдельные группы: во главе одной стоит Энид, во главе другой – Элла, третьей – Эдвина. Сейчас они бродят где-то вот уже три месяца.

– Боюсь, Энид повела их в Танзанию, – вздыхает Катито. – Когда вернутся, пойдем, все ли на месте.

День клонится к вечеру. Мы заезжаем в лагерь за Вики и снова отправляемся по заповеднику.

Атмосферный фронт с дождями до Амбосели не дошел, сюда он принес только пылевые вихри, которые гуляют по пропыленной саванне.

Поражающее воображение скопище четырехсот слонов начинает волнами расходиться от болотистой низины вверх по спальным холмам. Мне ни разу не доводилось видеть такое множество слонов в

одном месте. Вроде вот они, рядом, наше слоновое изобилие не знает границ, а я уж по ним тоскую.

Я привык называть их ласковыми именами и прозвищами, потому что, раз познакомившись с ними, не мыслю теперь своей жизни без них. В моем сознании им навсегда отведено место родственников. И мое осознание себя будет неразрывно с ними связано. Сами они давно осознали и себя, и свое место в семье, и среди себе подобных. Я им не нужен. Для того чтобы быть слонами, они не нуждаются в людях. Миллионы и миллионы лет они, их семьи, их близкие вели свои ясные и понятные жизни. Задолго до того, как мы появились, они уже жили-поживали, добра наживали.

За небольшой группой слоних – их около десятка – хвостом следуют полтора десятка самцов. Значит, среди слоних наверняка есть течные.

Вики предупреждает:

– Бывает, что слониха симулирует течку.

Смысл ее слов до меня не сразу доходит.

– Она заигрывает, встает в интересные позы, но без принимающей стойки, то есть самцу на себя залезть не дает. Ей просто приятно его внимание.

Получается, слонихе ради дополнительного внимания самца хватает ума притвориться, что у нее течка, и симулировать готовность.

В лагере прошел слух, что в заповедник после трехмесячного отсутствия вновь забрел редкостный молодец-слон по имени Тим. Мы озираемся, пытаясь его высмотреть. Дело это нехитрое, и, заметив эту махину, мы решаем подъехать поближе.

Теперь я вижу, почему этот действительно выдающийся экземпляр стал живой легендой. Тиму сорок три года, у него гигантские бивни, асимметрично посаженные и немного разные по длине, поэтому, когда он ходит, тот, что длиннее, почти скребет землю. Думаю, что каждый бивень весит не меньше сорока пяти килограммов.

Он выглядит каким-то немислимым реликтом, живым мамонтом, сошедшим с рисунка на стене пещеры. У меня в голове не укладывается, как самцу, носителю такого количества слоновой кости, удалось выжить и дорасти до таких размеров.

Голос Вики меняется, ей не хватает слов:

– Всякий раз, как я его вижу... У нас у всех гора с плеч падает, когда он возвращается целым и невредимым.

На глазах у нее слезы.

– Их ведь так любишь, что страшно становится. В полном смысле слова, до смерти любишь. Просто сердце разрывается.

Я смотрю на Тима. Он пока выжидает, дает ситуации созреть.

Вики начинает его нахваливать:

– Вы только посмотрите, каков красавец! Из-за него я снова и снова влюбляюсь в свою работу. Все говорят: какая ты счастливая, и я правда очень счастливая. Но на мне такая ответственность... И я убеждена, то же чувствуют и другие исследователи, работающие с исчезающими видами... Сейчас такое тревожное время. Как только браконьеров прижмут в Центральной Африке, они все побегут сюда. Я бы очень хотела пробыть здесь еще тридцать лет, но, судя по тому, какими темпами развивается ситуация, через тридцать лет слонов тут не будет. А мир, в котором нет слонов, мне не нужен. Чем больше за ними наблюдаешь, тем отчетливее осознаешь и прочность их уз, и глубину личности, и то, как день ото дня они укрепляют свои отношения.

У Тима муст. У него все время подтекает моча, он практически не ест, не спит, весь превратившись в бдительное ожидание. У самцов во время муста подбородок уходит внутрь, а голова задирается, что придает им победоносный вид. Течная самка ходит, бойко повиливая и покручивая задом, и так поглядывает на самцов через плечо, что буквально ждешь, когда она начнет кокетливо хлопать ресницами. Это невероятно смешно, особенно если наблюдаешь такое впервые. Откровенный флирт, который кажется нам забавным, то есть мы эти вибрации улавливаем. Вот до чего мы похожи.

Тим проходит перед нами, и я чувствую его отчетливый запах.

– Во время муста секрет височных желез по запаху немного напоминает бханг^[44], – говорит Вики.

Что-что напоминает? А я-то думал, это пачули...

Тиму всего сорок три, это значит, что у него впереди еще как минимум десять лет полноценной половой активности, если его не убьют. И, поскольку муст у него совпал с окончанием периода дождей, когда большинство здешних самок в эструсе, он сможет зачать много детишек, которые унаследуют его гены и могучие бивни.

В Африке почти не осталось популяций, где сохранились самцы старше сорока. Но, вопреки всем препонам и опасностям, он здесь. Этот мир, несмотря на все свои несовершенства, еще способен обеспечивать воспроизводство слонов, поддерживать их слоновий уклад. Эти слоны в «консервации» не нуждаются, их просто надо оставить в покое. Они прекрасно умеют быть слонами. И нашим внукам хорошо бы дать шанс узнать, что нам удалось достичь некоторого понимания.

Внезапно слоны начинают возбужденно трубить, десятки животных устремляются со всех сторон к самцу, который гонится за небольшой молоденькой самкой. Слоники всегда мельче и подвижнее слонов, так что у самца есть все шансы догнать барышню по ее желанию, благому и непринужденному.

Вот слон догоняет беглянку и забрасывает ей на спину хобот. Она останавливается, он мгновенно залезает на нее и начинает садку. Через минуту все кончается.

Я недоуменно смотрю на Тима. Он стоит, накинув тяжелый хобот на один из своих гигантских бивней. Почему он не вмешался, почему отдал самку сопернику?

– Он и не собирался, – поясняет Вики. – Значит, она не полностью готова к спариванию. Зачем ему?

По ее словам, присутствие более мелких самцов Тима совершенно не тревожит.

– Он знает, что, если захочет, мигом разгонит их всех. А вот к самцам одного с собой размера он будет относиться ревниво.

Но редкий самец сможет дорасти до его размеров. Простого возвращения Тима в популяцию было достаточно для того, чтобы у еще одного самца муст прекратился сам собой. Социальная обстановка влияет на гормональный фон. И лучше воздержаться от соперничества, чем вступать в брачный поединок с товарняком, который мчится на тебя на полном ходу, выставив вперед пару жердей.

После совокупления ликующие зрители оглушительно ревут и трубят. Их переполняет возбуждение. Воздух полон упоительных запахов. Все молодые слоны рвутся понюхать землю, на которой только что топталась первая пара, и потрогать королеву бала, но королева бала отнюдь не желает, чтобы ее трогали. Она хочет к своим,

в лоно семьи, но и там ее взбудораженные сестрицы, сгрудившись вокруг счастливицы, которую покрыли, жадно трогают и нюхают ее.

Вся семья радуется. У самок текут височные железы. От их урчания вибрирует воздух, я чувствую это грудью. Чувствуется настрой веселого, заразительного одобрения.

– Кажется, что они хором поют I Feel Pretty^[45], как влюбленная Мария из «Вестсайдской истории»! – восклицаю я со смехом.

Такой вот праздник единения.

Возможно, слоны испытывают не романтическую любовь, а одно лишь сексуальное влечение. А у скольких людей сексуальное влечение не сопряжено с романтической любовью? Многие антропологи полагали, а некоторые полагают до сих пор, что представителям других культур нежные чувства неведомы. А в некоторых культурах брак призван служить утилитарным интересам семьи, и никакой любви в нем места нет. В любом случае свобода, при которой самка животного может принять или отвергнуть домогающегося ее соискателя, представителям таких культур и не снилась. Но что заставляет слоних принимать столь нежное участие в свежеконсумированной дочери семейства? Какие эмоции испытывают вычесывающие друг друга приматы или попугаи? Все эти поведенческие модели призваны обеспечить тесные эмоциональные связи между особями. А каким другим словом называется тесная эмоциональная связь?

– Слышите это урчание? – поднимает палец Катито. – Это семейный зов.

Я слышу и чувствую, как вибрирует воздух. Матриархи словно бы трубят сигнал сбора. Внутри огромного стада отчетливо проступают семейные группы – особи прибиваются к своим и готовятся двигаться с близкими вверх по склону на ночлег. Как же за этим интересно наблюдать!

Мы следим, как Тим устремляется за одной из семей с открытой пустоши в чащу колючих лесных зарослей, которые как нельзя лучше соответствуют Африке, существующей в нашем воображении.

Пара слонят играет в догонялки. Один пытается укусить другого за хвост и вскидывает передние ноги, пытаясь забросить их своему товарищу по игре на спину, а тот трусит себе вперед. И настроение у них самое развеселое.

Впереди будет много сирот, мучений и ужаса. Какие-то из этих слонов станут убивать людей. Кого-то из них убьют люди. Так обстоят дела сегодня. Что принесет им жизнь в грядущие дни или десятилетия, не знает никто.

В заповеднике Самбуру тоже водились такие красавцы, как Тим.

– Их больше нет, – внезапно говорит Вики. – Мертвы.

Но есть и признаки конструктивных перемен. По новому законодательству резко ужесточаются наказания за незаконную продажу слоновой кости. Возросло число арестов браконьеров, в Кении ширится движение протеста против браконьерства, и мировая общественность не остается в стороне.

– Здесь и сейчас, – говорит нам Вики, – все ровно так, как должно быть. Свободные слоны на воле живут в свое удовольствие. И я чувствую, что все у нас будет хорошо.

– Спокойной ночи, ребята, – машет рукой Катито, и мы едем в лагерь.

Часть вторая

По-волчьи выть

*У нас на глазах они проживают жизнь,
похожую на легенду.*

Даг Смит. Десятилетие волка

Назад, в плейстоцен ^[46]

В холодное плейстоценовое утро первозданного мира врывается тревожный визг койота из сосновой чащи. Оценивая рекогносцировку, мой взгляд скользит по заснеженному холму, через торчащие сухие стебли к стволам сосен. Вот они, волки... До них около полутора километров, но с помощью оптики стаю неплохо видно: из леса гуськом выбегают несколько крупных длинноногих пра-псовых, таких доисторических и таких узнаваемых. Они на поразительной скорости «заглатывают» расстояние, размашисто, без спешки, без напряжения. Мне тоже спешить некуда, и я наблюдаю, как с каждой минутой они становятся все ближе и ближе. Впереди серый, за ним, почти вплотную, два черных, один чуть прихрамывает, потом еще один серый, еще два потемнее, и в хвосте два серых. Восемь волков. Моих первых волков.

За волчьей стаей всегда следят вороны. А в долине реки Ламар Йеллоустонского национального парка за ними, как нигде, пристально следят человеческие глаза. Рик Макинтайр в полном смысле слова глаз с волков не сводит, и речь тут не о наблюдении с понедельника по пятницу при наличии подходящих погодных условий. Отнюдь. Каждый божий день на протяжении тринадцати лет, едва забрезжит первый луч солнца, Рик на своем наблюдательном посту в долине реки Ламар. Безотлучно, невзирая на пургу зимой или толпы туристов летом, невзирая вообще ни на что. На свете нет другого человека, а может, и вообще другого живого существа, кроме волка, который провел бы за лицезрением диких волков больше часов, чем этот поджарый шестидесятипятилетний американец. На сегодняшний день протоколы его наблюдений составляют десять тысяч страниц, напечатанных через один интервал.

– Сначала узнаешь их самих, потом их потомство, и так до бесконечности, конца-краю не видно, – говорит Рик как о чем-то само собой разумеющемся. – Это затягивает...

Ему достаточно бросить один взгляд в «глазок» смотрового телескопа на волка, стоящего на гребне холма в полутора километрах, чтобы мгновенно опознать его, назвать по имени и перечислить все

события его жизни. На своем веку он поработал егерем в лучших национальных парках США, от Долины Смерти^[47] до Денали^[48], от Невады до Аляски. И когда ему предложили наблюдать за восстановлением популяции волков в Йеллоустонском национальном парке, где они уже семьдесят лет как были истреблены, Рик увидел в этом шанс, который выпадает человеку раз в жизни, «словно ты историк, получивший в 1860 году возможность неотлучно находиться в кабинете президента Линкольна и видеть, как вершатся судьбы мира».

По мнению Рика, волк и человек часто оказываются в схожих жизненных ситуациях, «особенно когда приходит время покинуть отчий дом, чтобы найти свое место в мире». И подобных аналогий можно провести бесконечное множество. Но есть одно отличие между ним и волками, которое он подчеркивает:

– Я знавал немало волков, которые как волки были куда лучше, чем я как человек.

С залитого солнцем снега поднимаются еще два силуэта и скользят вниз по склону.

– Ага, – удовлетворенно говорит Рик, показывая на пару, скользящую по снегу наперерез стае, – вот эти две серые – волчицы. Навалились, поди, теперь бегут. Вон та, с задраным хвостом, – Восемь-Двадцать. Все точно.

Некоторые волки носят электронные ошейники, помогающие исследователям отслеживать их передвижения, поэтому их называют по номеру передатчика. Если у наблюдателя есть приемное устройство – а у Рика оно есть, – то по сигналу датчика на ошейнике можно определить конкретную особь.

Слонам дают имена, волкам – номера. В чем беспристрастности больше? Нью-Йоркская академия наук отказалась опубликовать первую исследовательскую работу приматолога Джейн Гудолл в своем журнале, потому что шимпанзе в ней шли не под номерами, а под кличками. Кроме того, по настоянию редактора нужно было, говоря о животных, употреблять местоимение *it* – «оно», как требует грамматика, а не писать о них, словно о людях, *he* (он) или *she* (она). Животное – оно и есть животное. Гудолл на это не пошла. Работу ее все равно напечатали. И все-таки мешают нам эти имена-номера или, напротив, помогают лучше ориентироваться? Да назови кто-то

розовый куст хоть Доротеей, вряд ли нашелся бы ботаник, увидевший в этом попытку одушевления или проявление любви. А Джульетта, с балкона умоляющая: «Зовись иначе как-нибудь, Ромео», имеет в виду «не мышонка, не лягушку», а человека. Животное не стоит ни одушевлять, ни овеществлять сверх меры, и то и другое уведет нас от истины и четкого видения, а исследователям важно именно последнее. Получает волк номер двадцать пять, и для наблюдателя этот номер превращается в имя конкретной особи, потому что каждый волк – не бездушный живой организм, а личность с индивидуальными особенностями, характером, родословной.

Не по годам развитая двухлетка Восемь-Двадцать действительно выделяется даже на фоне двух своих сестер, которые годом старше. В разговор вступает семидесятилетний Даг Маклафлин, управляющий кемпингом, что расположен буквально за воротами Йеллоустонского парка. Наблюдение за волками – его хобби, которому он с энтузиазмом предается чуть не каждое утро.

– Восемь-Двадцать пошла в мать. Ей всего два года, но она очень уверенная в себе и самостоятельная. У нее есть природные задатки лидера. И уже сейчас она способна охотиться. Ее мать, Ноль-Шестая, этим славилась, и дочка вся в нее.

Десять волков сходятся на снежном поле вместе. Широкогрудые матерые волки и долговязые годовики-переейки со вздыбленной на загривках шерстью. Мне их хорошо видно в «глазок» стационарного телескопа.

– Встретились, – говорит Рик в диктофон. – Ну точно митинг!

Волки радостно здороваются, поднимая хвосты и повиливая ими. Наскакивают друг на друга, лижут, как это делают собаки, прыгая вокруг вернувшегося домой хозяина.

Это лишь прелюдия к тому глубокому потрясению, которое мне предстоит пережить, постоянно проводя параллели между волком и собакой. Для молодого волка старшие в стае – такой же ориентир и авторитет, как для собаки хозяин. Но если матерый волк с возрастом превращается в капитана собственной судьбы, то собака по отношению к человеку-хозяину навсегда остается существом ведомым, зависимым и подчиненным. Такое вот примитивное замещение, блокирующее развитие. Так что любая собака – до старости волчонок, который никогда не вырастет и не научится брать

на себя ответственность за собственную жизнь и принятые решения. Взрослый волк отвечает за себя сам. Больше никому.

Рик «распутывает» для меня то, что издали кажется сплошной пушистой круговертью:

– Вот те слева, черная и серая, – девчонки, им около года. Серая – младшая сестра Восемь-Двадцать, они вместе бежали к остальным. Ей ошейник с датчиком не надевали.

Это очень общительная волчица, которую окрестили Бабочкой.

– Видите, как она пихает другую лапой? Так делают волчата, когда хотят играть.

Справа от Бабочки еще три волчицы.

– Две черных и серая, видите? Они на год старше, пестовали нашу Бабочку.

Бабочка выказывает им уважение: прижимает уши, припадает к земле – все это позы подчинения. Человек, демонстрируя покорность, тоже стремится стать ниже: кланяется, опускается на одно колено, приседает в реверансе, опускает очи долу, то есть языком тела стремится донести до собеседника уязвимость своего зависимого положения, неготовность нападать или сопротивляться.

– Но Бабочке-то бояться некого, – поясняет Рик. – Она у нас общительная, всех любит.

Подчеркнутая готовность подчиняться, разумеется, выводит слабого из-под возможной агрессии. Но не всегда.

Вот одна из волчиц внятно демонстрирует подчинение: опускает голову, прижимает уши и хвост, но это вызывает у сородичей внезапный всплеск агрессии. Волчица падает на спину под нажимом троих окруживших ее сестер. Брюхом вверх сейчас лежит наша молодая да ранняя Восемь-Двадцать.

Когда была жива их мать, Ноль-Шестая, ее первенства в стае никто не оспаривал. Она была альфа-самкой, и точка. Без вопросов. Теперь молодые волчицы бьются за лидерство. Среди трех сестер, возвышающихся над Восемь-Двадцать, одна, старшая, – истинный харизматик. Она, возможно, на сносях. Восемь-Двадцать тоже может быть на сносях. Вокруг нее выются сразу два пришлых самца – ситуация нетипичная. Два выводка внутри одной стаи становятся прямыми конкурентами, потому что еды, которую добывают остальные члены стаи, на всех не хватит. Поэтому Восемь-Двадцать

автоматически превращается в угрозу для главенства старшей сестры, и эта сестрица при поддержке двух черных волчиц из того же помета, что Восемь-Двадцать, собирается задушить угрозу в зародыше.

Прижатая к земле Восемь-Двадцать не сопротивляется, она лишь пытается распрямить лапы и сбросить с себя обидчицу. В воздухе чувствуется нарастающее напряжение.

И внезапно происходит всплеск бешеной ярости. Волчицы бросаются на Восемь-Двадцать. Это не ритуальные игры, не стремление поставить зарвавшегося члена стаи на место, тут дело серьезнее. Восемь-Двадцать извивается и скулит от боли. Одна волчица впивается ей в бедро, другая – в подбрюшье, и, наконец, старшая сестра вот-вот вцепится ей в глотку – так волк убирает с дороги волка.

Едва Восемь-Двадцать удаётся вырваться, она уносит ноги. Но игра не кончена.

Отбежав на небольшое расстояние, она поворачивает назад и почти стелется по снегу от преувеличенной покорности. Ей важно любой ценой остаться в стае. Но сестры не собираются уступать, она им мешает. Они рычат и скалятся, прямо давая понять: не подходи, хуже будет.

Волчица Восемь-Двадцать растворяется среди торчащих из-под снега сухих былок шалфея. Этот момент отторжения, когда собственные сестры превращают ее в парию, окончательно и бесповоротно меняет ее жизнь.

Но первые изменения начались четыре месяца назад, когда от неведомой руки пала ее мать, великолепная Ноль-Шестая. Хаос, ворвавшийся в судьбы ее уцелевшего потомства, – прямое следствие гибели матриарха.

Чтобы понять природу ее избранности и оценить масштаб последствий ее смерти, придется отступить на поколение назад. Родословная у этой принцессы крови славная: она приходилась внучкой самому знаменитому волку Йеллоустонского парка – № 21. Двадцать-Первому.

Идеальный волк

– Если бывают на свете идеальные волки, то Двадцать-Первый был из них, – вздыхает Рик. – Как Акела из «Маугли», только не сказочный, а настоящий.

Даже издали его можно было узнать по могучему развороту груди и передних лап. Не ведавший страха, когда речь шла о защите семьи, Двадцать-Первый обладал силой, мощью и проворством, которые обычным волкам и не снились.

– Я дважды видел, как он один бился против шестерых, – вспоминает Рик, – и оба раза обратил их в бегство. Это было фантастическое зрелище. Мне приходилось буквально щипать себя, ведь то, что он творил, волк не может сделать в принципе! Это все равно как если бы ты шел по темной улице и у тебя на глазах начал драться с бандитами Брюс Ли! Смотреть на Двадцать-Первого было, как смотреть на Майкла Джордана или на Мохаммеда Али. Перед тобой уникальный талант на пике своей формы, в апогее мастерства, сверхъестественный, за гранью нормального.

Последнее особенно важно, потому что «нормальный» волк не соответствует «среднячку» в человеческом понимании. Каждый волк – прирожденный атлет.

Двадцать-Первый прославился двумя вещами: из каждого боя он выходил победителем и не убил ни одного побежденного. Настоящий суперволк.

Волк-легенда родился в Йеллоустоне – это был первый волчий выводок за почти что семьдесят лет. Его родители – дикие волки, пойманные в Канаде и доставленные в Йеллоустонский национальный парк в рамках программы по восстановлению экологического равновесия, которое из-за бесконтрольного размножения оленей вапити оказалось под угрозой. За семьдесят лет существования без хищников олени расплодились в таких количествах, что уголья заповедника уже не могли их прокормить, так что зимой им грозила голодная смерть. А вот волкам, которых предстояло вернуть в биосферу, нарушенное равновесие сулило вольготную жизнь и добрую охоту.

Но несмотря на то что последнего волка истребили за семьдесят лет до возобновления популяции, буквально накануне рождения Двадцать-Первого его отец пал от пули браконьера.

Волчица не приспособлена для роли матери-одиночки, поэтому исследователи скрепя сердце решили изловить «серую вдову» и на несколько месяцев поселить ее с выводком в вольере площадью полгектара.

Когда егеря приходили, чтобы задать корм, волчица и малыши в панике уносили ноги и лишь один волчонок пытался подняться на лапы и встать между гостями и своей стаей, жавшейся в противоположном углу. Этому волчонку потом наденут ошейник с передатчиком и присвоят порядковый номер 21.

В два с половиной года Двадцать-Первый ушел из родительской стаи, где остались мать, братья-сестры и приемный отец-волк, и, что называется, в ритме вальса вошел в стаю, хозяйничавшую на Пике Друидов. За два дня до его появления вожак Друидов стал еще одной жертвой браконьеров. Волчицы с радостью приняли нового альфа-самца, да и волчатам могучий отчим пришелся по вкусу. Он действительно заменил им отца и помог стае их выкормить. Без сучка без задоринки Двадцать-Первый ушел из одной стаи и тут же возглавил другую, давно сложившуюся. Этот момент в его жизни стал переломным.

По рассказам Рика, к членам своей стаи он относился «невероятно бережно». Завалив оленя, не спешил набрасываться на еду, а либо ложился вздремнуть, либо отходил помочиться, позволяя остальным членам стаи, которые в охоте не участвовали, наесться досыта.

Его любимой забавой было бороться с волчатами.

– При этом он обожал делать вид, что малыш его победил, – вспоминал Рик. – Ловил от этого настоящий кайф. Представляете зрелище: мелкий волчонок насккивает на могучего взрослого волка, пытается вцепиться ему зубами в шубу, а тот вдруг падает навзничь и болтает в воздухе лапами. «Победитель» с гордым видом прижимает его к земле и стоит над ним, хвост трубой.

Рик пытается изобразить участников сцены в лицах и продолжает:

– Способность притворяться говорит об умении понимать, как твои действия воспринимают другие. Это свидетельство истинного интеллекта. Я убежден, что волчата прекрасно понимали, что на самом

деле происходит, но эта игра давала им возможность научиться одерживать победу над противником много крупнее себя. А без уверенности, которую они таким образом приобретали, повседневная жизнь волка-охотника совершенно невозможна.

В начале «карьеры» Двадцать-Первого как вожака Друидов с приплодом оказались сразу три волчицы – ситуация небывалая, потому что, как правило, внутри стаи складывается одна постоянная альфа-пара, так что волчат рождает одна-единственная волчица-матриарх. Три параллельных выводка стали результатом неслыханного кормового изобилия. В итоге и без того внушительная по размеру стая пополнилась аж двадцатью выжившими волчатами, так что общая численность достигла цифры, которая не укладывается в голове, – тридцать семь волков, самое большое количество из всех официально задокументированных. Размер стаи явился прямым следствием неестественно разросшейся кормовой базы, сложившейся из-за семидесятилетнего отсутствия в экосистеме крупных хищников, и популяция в три с лишним дюжины хищников стала крупнейшей в мире.

– Возглавить эту группу мог только Двадцать-Первый, – подытоживает Рик. – Только ему это было по силам.

А сил требовалось немало. Крайне высокая плотность обитания волков в ареале провоцировала столь же беспрецедентное количество внутренних конфликтов. Нужно было оборонять свою территорию и захватывать новые, поэтому Двадцать-Первый потерял счет битвам.

Волчьи битвы, связанные с охраной территории, по природе своей схожи с межплеменной рознью. Когда стая идет на стаю, воюют не только числом, но и умением, и неизвестно, что важнее. Взрослые волки с обеих сторон либо наступают-отступают, либо бьются с противником насмерть, а молодежь в это время пребывает в ужасе и смятении. Самых младших, прибылых, жестокая схватка зачастую почти парализует (выходит, жестокости надо специально учиться даже волку), а годовики под натиском атакующих могут не устоять, так что главной мишенью для нападающих всегда становится альфа-самец чужой стаи, потому что все прекрасно понимают: если обратить в бегство или убить опытного вожака, победа обеспечена.

Внутривидовые разборки у волков проходят куда серьезнее, чем у шимпанзе или человека, и часто оказываются фатальными. Вторая по

частоте причина гибели волков в Йеллоустонском заповеднике – убийство волка волком. (На первом месте – убийство волка человеком.) Но, напомним, Двадцать-Первый оставил по себе славную память по двум причинам: из всех своих боев он выходил победителем и не убил ни одного побежденного.

Выдержку победителя, позволяющего поверженному противнику уйти живым, невозможно объяснить логически. Что за этим стояло? Милосердие? Есть еще одно слово, описывающее отсутствие у победителя стремления окончательно разделаться с побежденным: великодушие. Великодушный волк, возможно ли такое? И если возможно, то каким образом?

Когда человек не убивает врага, а дарует ему жизнь, в глазах сторонних наблюдателей проигравший все равно выглядит униженным, а вот победителю такой шаг лишь добавляет величия. Чтобы проявить великодушие, сперва нужно добиться победы, доказав тем самым право быть великодушным. И милосердие победителя прежде всего говорит об отсутствии страха. Это демонстрация колоссальной уверенности в себе, сильной настолько, что сторонние наблюдатели мгновенно чувствуют: вот *сильный* вождь, за которым надо идти, потому что только *сильный может быть таким снисходительным*.

Наибольшим почтением в мире пользуются не беспощадные сторонники «железной руки» типа Гитлера, Сталина или Мао Цзэдуна, хотя под их властью находились сотни миллионов человек. К духовным лидерам человечество причисляет не их, а Махатму Ганди, Мартина Лютера Кинга, Нельсона Манделу. Мирный воин в наших глазах одерживает верх над воином жестоким. Самый знаменитый человек на Земле – так официально называют трехкратного чемпиона мира по боксу в тяжелом весе Мохаммеда Али – профессионально занимался самым жестким спортивным единоборством, но призывал людей к миру и отказался воевать во Вьетнаме, за что на пике карьеры его лишили всех титулов, званий и наград и более чем на три года отстранили от участия в любых соревнованиях. Из-за этого отлучения он потерял миллионы долларов, но в глазах общественности его статус вознесся на недостижимую высоту. Он стал кумиром, потому что не захотел убивать^[49].

Для человека и для животного статус в социальной иерархии значит очень много. Статус подчиняет себе все мысли, требует времени и сил, ради него тратятся средства и проливается кровь. Волки не осознают, почему главенство и статус обладают для них такой важностью, и мы в этом от них недалеко ушли. Не спросив нашего согласия, в полном смысле слова без объявления войны наш мозг начинает вырабатывать гормоны, буквально вынуждающие нас биться за статус и отстаивать в этой борьбе главенство. Главенство ощущается как самоцель. Никто не спрашивает себя зачем. А ведь на самом деле очень даже есть зачем. Затем, что более высокий статус в иерархии способствует выживанию. Это талон на предъявителя, по которому можно получить пищу и возможность спариваться. И того и другого на всех не хватает, а в конкурентной борьбе более высокий статус гарантирует своему обладателю преимущество. На кону стоит выживание и, как его квинтэссенция, продолжение рода, то есть в конечном итоге на кону – возможность оставить потомство и войти тем самым в историю. Доминантный статус позволяет особи вытеснять остальных, когда речь идет о хабитате, кормовой базе, возможности спариваться – и это ведет к тому, что данная особь плодится и размножается. При этом ей совершенно не обязательно осознавать движущие механизмы, важно просто знать, что тебе этого хочется, как собаке, которая радостно прыгает в машину, потому что это сулит поездку на новое место. И если даже человек не осознает того, что им движет, то волк и подавно.

Но вернемся к вопросу, с которого начали: великодушный волк – возможно ли такое? У человека, как мы отметили выше, даровать поверженному противнику жизнь – значит продемонстрировать свое превосходство в силе и колоссальную уверенность в себе. И то и другое у людей в почете. У диких животных демонстрация избыточности или чрезмерности иногда укладывается в так называемую концепцию гандикапа^[50]: вот, смотрите, какие у меня огромные рога, носить их тяжело, но я справляюсь. У меня всего в таком избытке, что я могу дать фору любому и, несмотря на то что мне бывает нелегко, я все равно выйду победителем. Избыток всегда поражает, если это избыток того, что в цене: избыток отваги, красоты, денег. Американский экономист и социолог Торстейн Бунде Веблен в своей книге «Теория праздного класса» ввел специальный термин

«демонстративное потребление», когда человек сорит деньгами, стремясь с помощью демонстрации их избытка поднять свой социальный статус. Хотя коллекционер старинных автомобилей отправляет социуму посыл несколько отличный от того, что желает сообщить миру певчая птичка сорокопуд, развешивающая на шипах растений убитых мышей, которых, возможно, не собирается съесть, а лишь выставляет на всеобщее обозрение и восхищение.

В природе желающие поднять свой статус часто хвастаются тем, что накопили в избытке (будь то дохлые мыши или особняки). А еще можно похвалиться избытком красоты (павлиний хвост или роскошные длинные косы), а можно подвергать себя чрезмерному риску (в спорте, войнах или бизнесе). Знаменитый израильский биолог и ниспровергатель авторитетов Амоц Захави, который в далеком 1975 году разработал и сформулировал концепцию гандикапа, занимался изучением арабских дроздовых тимелий, живущих небольшими стаями. Он заметил, что внутри стаи у этих птиц существует конкуренция за возможность участия в бое. Захави увидел в этом проявление самопожертвования, потому что самцы оспаривали друг у друга право на глазах у сородичей подвергнуть себя риску, защищая таким образом честь стаи. Будь они солдатами, то назад в гнездо победитель возвращался бы с орденом. Захави утверждал, что такое рискованное поведение, чреватое тяжелой травмой, можно рассматривать как некое обеспечение притязаний на социальный престиж и демонстрацию обоснованности этих притязаний. Получается, ты не просто хвалишься, что у тебя храбрости больше, чем надо, ты еще и делом доказываешь: да, есть, и больше, чем надо. Окружающие потрясены, что и требовалось доказать.

Дать возможность побежденному, но по-прежнему представляющему потенциальную смертельную угрозу сопернику уйти – значит взвинтить свои ставки до небес. Это демонстрация такой бесконечной уверенности в себе, что статус поднимается на недостижимую высоту. Настолько уверенная в себе особь может быть и волком, и супергероем.

– Давайте подумаем, почему Бэтмен пощадил Джокера?

На свой риторический вопрос Рик Макинтайр находит ответ сам:

– Восхищаясь героем, который способен сдержать себя, мы еще больше осознаем его силу. Поэтому истории, где положительный герой

воздаст злом за зло, не так интересны, как истории, где герой стоит перед моральным выбором. Хамфри Богарт сыграл свою лучшую роль в лучшем фильме всех времен и народов. Под конец его герой снова обретает долгожданную любовь, но все-таки жену у мужа не отбивает и поступает так, что никто не остается обиженным. Именно за это зритель и восхищается героями «Касабланки». Сочетание силы и выдержки покоряет, притягивает и чрезвычайно поднимает ее статус в глазах окружающих.

Судя по развернутости ответа, Рик – кстати, тезка героя «Касабланки», сыгранного Богартом, – думал над ним не день и не два.

Кроме всего прочего, Рик Блейн из «Касабланки» был связан этическими нормами. Но разве у волков существуют представления о морали и этике?

Рик хмыкает:

– Я понимаю, что с точки зрения науки было бы ересью сказать, что существуют, но тем не менее...

Оказывается, одновременно с Двадцать-Первым жил на свете еще один известный волк, эдакий бродяга Казанова, от которого никому прохода не было. Невероятный красавец, яркая индивидуальность, он постоянно что-нибудь себе позволял.

– Все укладывается в одно простое слово: харизма, – говорит Рик. – Ее у Казановы было хоть отбавляй. Волчицы с удовольствием с ним спаривались. Туристы были от него без ума, особенно женщины. Им достаточно было просто посмотреть на него, и потом против него уже нельзя было и слова сказать, ни про его измены, ни про его предательства, – никто слушать не хотел.

Однажды Двадцать-Первый застукал Казанову возле своих дочерей. Он подскочил, вцепился в него, начал кусать, пригибать к земле. Другие члены стаи тоже подросли.

– А Казанова хоть и здоровый был, – рассказывает Рик, – но драться не умел. Так что стая буквально рвала его на части. Все, думаю, конец ему. И тут внезапно Двадцать-Первый делает шаг назад. Стая замирает, все смотрят на Двадцать-Первого, словно спрашивают друг друга: «Почему папа вдруг остановился?» А Казанова под шумок вскочил на ноги – и деру. Правильно, чего ждать-то?

Но он продолжал чинить Двадцать-Первому препятствия. Спрашивается, если ты у нас такой Бэтмен, что ж ты Джокера не убил,

ведь самому спокойнее было бы! Бессмысленный, казалось бы, поступок. И только через много лет я понял, что смысл в нем все-таки был.

Промотаем события вперед. Сразу после смерти Двадцать-Первого Казанова быстро становится вожаком Друидов. Но вожак из него получается никудышный.

– Лидерских качеств ноль, поэтому он просто не представлял себе, что делать, – рассказывает Рик.

И тут происходит удивительная вещь: обычно так не бывает, чтобы младший брат свергал старшего, но именно это и происходит. У брата Казановы, хоть он и был годом помладше, была настоящая хватка вожака.

Низложенный Казанова не возражал, поскольку опять мог бродить где вздумается и крутить с разными волчицами.

В конце концов Казанова и несколько годовиков Друидов набрали на каких-то волчиц и сбились в стаю, которую стали называть Чернохвостые.

– И вот с ними-то наш беспутный волчара вдруг превратился в образцового, ответственного вожака и заботливого отца семейства, – смеется Рик.

А Друиды меж тем хирели. Их очень ослабила зудневая чесотка и выкосили распри с другими стаями. Последнего Друида подстрелили в 2010 году в окрестностях города Бьютт, штат Монтана. А Казанова хоть и питал неприязнь к дракам, пал в бою с вражеской стаей, но ни один из Блэктейлов при этом не пострадал, включая внуков и правнуков Двадцать-Первого.

Ни волку, ни человеку промыслить будущее и его хитросплетения не по силам. А вот эволюции подобный промысел «на дальние дистанции» по силам вполне. Поощадив Казанову, Двадцать-Первый, по сути, обеспечил выживание для большего числа своих отпрысков. А в разрезе эволюции потомство, то есть носители родительских генов, – это единственный ценный актив, который, как выясняется, можно забрать с собой на тот свет. И все, что помогает этим носителям выжить, навечно закладывается в генетическую сокровищницу, поскольку способствует эволюционному закреплению положительной динамики в поведенческом инструментарии вида.

Итак, если посмотреть строго с позиции выживания, *должен* ли волк отпускать недобитого соперника? Можно ли признать сдержанность эффективной стратегией для накопления будущих бонусов? Другими словами, окупаются ли она? Я бы ответил, что скорее окупаются, потому что сегодняшней враг может обернуться средством передачи генетического наследия помиловавшего его победителя. Так что, если победитель способен на милость, пусть милует. События, которые довелось наблюдать Рикку Макинтайру в Йеллоустоне на протяжении многих лет, возможно, объясняют, в чем корень великодушия волков и истинная причина милосердия человека.

Когда Двадцать-Первый был годовиком и все еще жил в семье матери и приемного отца-волка, у этой пары родился волчонок, который вел себя не так, как все. Остальные щенки его побаивались, играть с ним никто не хотел. Однажды Двадцать-Первый вернулся с охоты с едой для прибывших малышей^[51] и, накормив их, не спешил отойти от логова, словно ожидая чего-то, а потом вдруг начал поводить хвостом.

– Он явно дожидался этого убогого волчонка и, заметив его, решил какое-то время побыть с малышом.

Рик на минуту замолкает. Он словно заглядывает в собственную душу, пытаясь найти слова, чтобы точнее выразить переполняющие его чувства, а потом поднимает глаза и просто говорит:

– Знаете, из всех историй про Двадцать-Первого это моя самая любимая.

Сила, конечно, покоряет любого. Но в память врезается доброта.

Большинство волков умирает насильственной смертью. В жизни Двадцать-Первого было много насилия, она была бурной даже по волчьим меркам, но идеальный волк до последнего вздоха оставался безупречным: его черный мех с годами посеребрила седина и умер он своей смертью, от старости – редчайший в Йеллоустоне случай.

Июньским днем, когда Двадцать-Первому было девять лет, стая отдыхала перед ночной охотой, и тут показался олень. Волки повскакали с мест, приготовившись гнать добычу. Двадцать-Первый тоже поднялся было, но с места не тронулся, только посмотрел, что происходит, и снова лег. Позже, когда волки повернули к логову, Двадцать-Первый пошел через долину в противоположном направлении. Он явно решил отправиться куда-то один. Некоторое

время спустился турист, который, гуляя по горам, забрел в глухие дебри, сообщил о необычной находке: он обнаружил мертвого волка. Рик оседлал коня и поехал разбираться.

Судя по всему, в тот роковой день Двадцать-Первый знал, что его час пробил. Собрав остаток сил, он заставил себя подняться на вершину высокой горы. Это было излюбленное место семейной дневки волков, где среди густой травы и горных цветов он год за годом растил прибылых волчат. Добравшись туда в последний раз, Двадцать-Первый свернулся калачиком в тени высокого дерева и погрузился в вечный сон. Даже смерть он принял так, как хотел.

Рик был свидетелем длинного пути, который прошел Двадцать-Первый от волчонка-сосунка, выросшего в могучего матерого волка, до его последних шагов через долину. Перед тем как отправиться к месту трагической находки туриста, он пообещал Дагу Маклафлину рассказать, что там случилось. Позже в тот же день, заведя Рика, возвращавшегося через луговину, встревоженный Даг бросился к нему навстречу, но Рик, не говоря ни слова, пошел к своей машине, открыл дверь, чтобы сесть, но не выдержал и разрыдался. Когда Даг рассказывал мне об этом, его голос предательски дрожал, и я почему-то тоже прятал глаза.

Стайное чувство

Волчья стая – это просто семья. То, что обычно называют стаей, – это волк, волчица и волчата, которых они произвели на свет. Волководителей обычно называют альфа-самцом и альфа-самкой, хотя многие специалисты считают подобную терминологию устаревшей и предпочитают вместо «альфа-самки» использовать термин «матриарх стаи», подчеркивая тем самым, что множество судьбоносных для стаи решений принимает именно она.

По классической схеме стая образуется следующим образом: папа встретил маму, у них родились дети – и стая готова. Конечно, такие случаи бывают, но из-за индивидуальных особенностей участников и разнообразных внешних обстоятельств возможны варианты. Случается, что три брата-волка из одной стаи и три волчицы-сестрицы из другой образуют вместе новую стаю. Через год-два одна из пар может отпочковаться и зажить отдельной стаей. Реализуется та же социологическая модель «деления/синтеза», которая встречается у людей (и у слонов тоже).

Волк и волчица, образующие альфа-пару, проявляют по отношению друг к другу глубокую преданность, когда дело касается защиты или поддержки. (Собачья преданность, которую мы так ценим в лучших друзьях человека, досталась им по наследству от предков-волков.) В таких важнейших вопросах, как охота и добыча пропитания, выкармливание и опека призывных волчат, охрана территории, оборона при нападении чужой стаи, волки-родители могут полностью положиться на старших детей, годовиков-поярков.

Но правила затем и существуют, чтобы их нарушать, и волки – не исключение. Подобно большинству женатых мужчин-моногамов, волк запросто может «сходить налево». Вырвавшись за границы крепкой семейной стаи, самец может отправиться на поиски приключений. Волчицы к самцам-гулякам относятся с пониманием. Для самого же серого гуляки пребывание на территории чужой стаи может кончиться плачевно, тем не менее есть любители острых ощущений, которые решаются на свидания под покровом ночи.

Огромную роль в семейной и общественной жизни волков играет длительная забота о потомстве. Волчата остаются при родителях несколько лет. Таким образом, стая представляет собой разновозрастную группу, в которой поярки, пока не заматерели и не станут совершенно самостоятельными, помогают пестовать прибылых малышей. В такой группе одновременно сосуществуют несколько поколений. Повзрослев, поярки покидают родителей и заводят собственные семьи.

Родители-волки по очереди ходят охотиться. Пока один остается с малышами в логове или месте семейной дневки – так называется укромное место, где волки растят свой выводок, – другой идет за добычей. Они вместе играют с волчатами, стоически перенося их потешные атаки и позволяя самым неугомонным и настырным детенышам в мире таскать себя за хвосты.

– Про волков надо запомнить три вещи, – говорит, загибая пальцы, Даг Смит, глава исследовательской программы Йеллоустонского национального парка. – Они кочевники, они охотники, и они социальные животные с невероятно высоким уровнем общественной организации. Колоссальная часть жизни волка обусловлена его социальностью, если есть такое слово. И как человек, изучающий волков три десятка лет, я со всей ответственностью заявляю: сказать просто «все волки делают то-то», «все самцы ведут себя так-то», «каждая самка занимается тем-то» невозможно. Нет никаких обобщений. Каждый волк – это абсолютно отдельная и фантастически интересная индивидуальность.

– Если вы видели волков в неволе, – продолжает свой рассказ Даг, – то наверняка заметили, что они все время мечутся по вольеру. Им нужно куда-то *идти*. За день волк проходит от восьми до шестидесяти километров, а то и больше. Причем не только в поисках добычи. Границы семейной территории надо постоянно поддерживать. По части охраны владений у них всегда ухо востро.

– Ну и пункт номер четыре, – подытоживает Смит. – Волку все нипочем. Он невероятно живуч.

В ходе проекта по возвращению волков в биосферу Йеллоустонского национального парка после семидесятилетнего перерыва ученые всерьез опасались, что серые переселенцы из Канады не пожелают оставаться на новом месте и дернут домой. Поэтому в

течение нескольких недель их держали в специальных адаптационных вольерах. Большинство смирилось, но нашлись три бунтаря, которые с первого до последнего дня противились заточению. Один смог допрыгнуть и вцепиться зубами в нависающую над загоном проволочную сетку, находящуюся на высоте трех метров, протиснулся сквозь образовавшуюся брешь и вырвался на свободу. А потом снаружи прорыл в вольер подкоп, чтобы выпустить на волю товарищей. Эти три смутьяна так отчаянно грызли металлическую сетку, что почти полностью сточили себе клыки, от них практически ничего не осталось.

– Я, грешным делом, думал, что ребятам каюк, – вспоминает Смит. – Но после того, как их выпустили, они вели себя как ни в чем не бывало. Я понять не мог, как беззубый волк, у которого нет клыков, может идти на оленя!

(Сила сжатия челюстей у волка составляет пятьсот сорок четыре килограмма на квадратный дюйм – это вдвое больше, чем у немецкой овчарки. Такие челюсти способны сокрушить все что угодно.)

Четыре или пять раз Дагу Смиту пришлось столкнуться с тем, что у волка, которому он собирался заменить радиоошейник, обнаруживались следы зажившего перелома лапы, но установить это удавалось, только ощупав пойманное животное.

– Как только на волка надевают ошейник с передатчиком, нам становится известен каждый его шаг, а тут выясняется – мы и не подозревали, что он бежит со сломанной лапой!

Однажды Смит следил за передвижениями стаи с вертолета.

– Они мчались по снежному полю, то взмывая в воздух, то ныряя в снег «рыбкой». Мне надо было надеть на одного из них ошейник. Я из вертолета выстрелил в волка ампулой со снотворным и, только спустившись и подойдя к нему, увидел, что у него нет одной лапы. Сверху, с вертолета, я ничего не заметил, потому что на трех лапах он бежал с остальными наравне.

В той же самой стае была волчица, которая в конце зимы получила перелом плечевой кости. Очевидно, во время охоты ее пнул олень или бизон.

– Ей было десять лет (поразительное долголетие для волка в условиях дикой природы), но она как-то пробегала всю следующую весну и лето. Думаю, стая ей помогала.

Волчицы не стало только осенью.

– Когда ощупываешь их кости, то понимаешь, что жизнь у волков – не сахар, и живучести их можно только подивиться.

Даг Смит рассказал мне о волчице-матриархе, которая, несмотря на волочащуюся переломанную лапу, внимательно наблюдала за охотой своей стаи.

– Ей бы забиться куда-то и зализывать раны, так нет, она должна быть в самой гуще событий, должна знать, что происходит!

Волчица, кстати, поправилась, лапа зажила.

– Волк никогда не станет жалеть себя. Никаких «ой, бедный я, бедный!». Он всегда приказывает себе: «Полный вперед!», а если и спрашивает, то не «За что?!», а «Кто на новенького?!».

Внутри волчьей стаи выковывается определенный тип характера. Скажем, Друиды кочевали где вздумается, не ведая границ. Стая Молли облюбовала себе территорию высоко в горах, где летом красота, а зимой белое безмолвие – глубокий снег и сорокаградусный мороз – и ни единого оленя. Изредка попадаются бизоны (по словам Дага, бизоны – «здоровые, как бегемоты»). Через несколько лет волки из стаи Молли превратились в отменных охотников на этих громадин весом под полтонны каждый. Например, во время одной охоты четырнадцать волков настойчиво загоняли бизона в глубокий снег, чтобы лишить его основного преимущества: возможности бить с ноги. Он с легкостью пару раз буквально стряхивал их у себя со спины, но стая не сдавалась, и после девятичасового преследования они получили свою добычу. Бизон – редчайший и почетнейший охотничий трофей для волка, и охотники на бизонов из стаи Молли были самыми крупными из йеллоустонских волков. Очень может быть, что это результат естественного отбора, поскольку ходить на бизона и выживать в условиях круглогодичного холода могут лишь самые могучие экземпляры.

Хищники, как правило, охотятся на животных мельче себя, и только у волка добыча по размеру намного превосходит охотника. Она порой оказывается в пять, а то и десять раз тяжелее волка. Загнать ее в одиночку не получится, для этого требуются совместные усилия. Вот почему волки живут группами. Для волка превыше всего командный дух. Вот откуда их высочайшая степень социализации. Вот почему они так отличаются от всех остальных животных.

Немногочисленные хищники, которые охотятся на дичь крупнее себя по размеру, обычно сбиваются в группы, где существует четкая иерархия и разделение труда. В эту «охотничью элиту» входят гиеновидные собаки, львы, пятнистые гиены плюс несколько видов дельфинов, включая косаток, охотящихся на ластоногих. И еще человек. Он тоже отличается от остальных животных.

Львы нападают по центру и с флангов; задача «фланговых» – посеять панику и, сжимая клещи, гнать жертв на поджидающих их в засаде «центровых». И у львов, как у футболистов, есть те, кто играет в центре поля, есть правые, есть левые. У афалин тоже существует разделение труда: одни дельфины плавают взад-вперед, не давая окруженному косяку сельди рассыпаться и уйти, а другие в это время активно ловят рыбку, причем составы регулярно меняются местами, то есть «едоки» уступают место «загонщикам» и наоборот. Очевидно, смене состава предшествует сигнал, который афалины подают друг другу. А иногда у «загонщиков» роли подразделяются на «ныряльщиков», которые заходят под косяк снизу, и «крайних», на которых ныряльщики гонят сельдь, причем каждая из подгрупп четко выполняет свои функции. Горбачи, или горбатые киты, тоже предпочитают подплывать под косяк рыбы и плавниками взбивать вокруг него кольцо пены. Оказавшиеся в «пенной сети» рыбы от растерянности плотнее сбиваются в кучу, и тут киты подныривают под пенное кольцо и, широко раскрыв пасти, взмывают на поверхность, заглатывая «упакованную» в пену рыбу. Исследователи с изумлением обнаружили, что у горбачей внутри стаи формируется постоянная группа «взбивальщиков», то есть одни и те же особи год за годом слаженно «работают» вместе, четко занимая во время охоты одни и те же позиции. Ученые наблюдали, как стая из восьми горбатых китов за три дня произвела сто тридцать кормовых погружений. При этом у каждого члена стаи относительно остальных было конкретное место, которое он неизменно занимал. Судя по всему, горбачи, так же как и волки, отлично понимают, что кому надо делать и при какой расстановке сил у стаи оптимальные шансы для выживания.

Охота волчьей стаи может на неподготовленного зрителя произвести впечатление хаотического «броуновского движения», когда десяток волков гонит сотню оленей и может показаться, что каждый занят только своей добычей.

Но в этом кажущемся хаосе цель стаи – наметить в стаде единственного оленя, который слабее остальных. Поэтому каждый волк следит за действиями других. Это очень эффективный способ в кратчайший срок определить потенциальную добычу.

У волков существует разделение труда. Матерые самцы бегают медленнее, чем самки и поджарые поярки (вес средней волчицы – 40–50 килограммов; вес матерого волка на четвертом году жизни достигает максимума и составляет 55–59 килограммов, хотя встречаются особо крупные экземпляры весом килограммов под 80, но это редкость). Поэтому погоню за выбранным оленем возглавляют именно волчицы и годовики-поярки, и именно пояркам удается первыми поравняться с жертвой и вцепиться в задние ноги или круп. Их задача – замедлить бег оленя, но завалить его правильно им пока не под силу (причем чем дольше длится погоня, тем опаснее она для волков, которых загнанный олень может либо поддеть на рога и изувечить, либо с отчаянной меткостью пнуть так, что переломает им кости, выбьет зубы или нанесет раны, которые не заживут, загноятся и приведут к гибели от заражения крови). Загнанную жертву должен прикончить вожак, матерый волк, который прыгает из-за спин поярков и волчиц, обходит оленя спереди и в броске перегрызает ему горло.

Начинают охоту тоже матерые – молодняк часто не способен понять стратегию. Рик однажды видел, как Пушок, вожак стаи Джанкшен Бьютт^[52], пытался вывести своих волков на возвышенность, но за ним никто не хотел идти, хотя Рику сверху было видно, что именно там, высоко в горах, притаилось стадо оленей. Пушок, прозванный так за свой роскошный мех, один двинулся вверх по склону и скрылся в чаще. Вскоре оттуда вихрем вылетели переполошенные олени, а за замыкающей взрослой самкой мчался Пушок.

– Олениха в панике допустила несколько тактических просчетов, и Пушок ее почти настиг, – рассказывал Рик.

К этому моменту остальные волки сообразили, что происходит. Матерая волчица, «супруга» Пушка, бросилась через поле и повисла у оленихи на задних ногах. Той удалось ее сбросить, но бег она при этом замедлила, так что Пушок смог нагнать добычу, обойти ее, прыгнуть и вцепиться ей в глотку. Тут подоспел еще один член стаи, и совместными усилиями волкам удалось завалить олениху.

– Для воспитания поярково невероятно важно их присутствие в тот момент, когда матерые волки разбираются с этими вопросами жизни-смерти, – констатирует Рик.

Когда мы называем мужчину альфа-самцом, то имеем в виду самого непререкаемого, напористого и властного – бесцеремонного управленца, который людей ни в грош не ставит, на всех орет и каждую минуту подчеркивает, что он тут самый главный. Карикатурный образ альфа-самца – это начальник с тяжелым характером.

У волков альфа-самец ведет себя по-другому.

Он играет решающую роль в охоте, но, зарезав оленя, может отойти в сторону и спать, пока вся стая не наестся до отвала.

– Главное качество альфа-самца – непоколебимое спокойствие, – объясняет Рик. – Спокойная уверенность в себе. Он знает, что делает, знает, что нужно стае. Он не испытывает напряжения, а, напротив, излучает спокойствие. Я подчеркиваю, альфа-самцы у волков отличаются отсутствием агрессии, потому что она им просто не нужна. Это поразительно. Двадцать-Первый был классическим альфа-самцом. Он по праву слыл самым могучим волком в округе, но при этом главным его качеством была выдержка, как у невероятно уравновешенного человека или знаменитого спортсмена-тяжеловеса, которому уже незачем суетиться, потому что давно всем все доказал. Давайте представим себе две одинаковые группы: две волчьи стаи или два племени. В одной группе все делается сообща, там привыкли делиться, а не грызться между собой, а в другой все едят друг друга поедом и постоянно соперничают. У какой из двух больше шансов на выживание и воспроизводство?

По опыту Рика, альфа-самец у волков никогда не позволит себе откровенной агрессии по отношению к другим самцам стаи, потому что они приходятся ему либо сыновьями, либо пасынками, либо даже братьями; он обладает особым типом личности, который остальные самцы признают.

– Доказывать свое главенство он будет только в брачный период. Когда бета-самец попытается подойти к течной самке, вожак может зарычать и оскалиться. А иногда ему достаточно просто посмотреть.

Стоит агрессивно настроенному альфа-самцу двинуться к провинившемуся, тот тут же падает на спину лапами кверху. Вожак

для острастки может схватить его зубами за морду или за шею, чтобы знал свое место, но обычно обходится без членовредительства. Поверженный никогда не сопротивляется. Он либо падает ниц, либо отходит в сторонку на полусогнутых.

– Знаете, как собака уходит с побитым видом, когда ее отчитал хозяин? Вот, у волков бывает тот же самый побитый вид. В группе, где нет насилия, крепнет дух единства и сотрудничества. Его и должен обеспечивать альфа-самец. Он пример для стаи.

По мнению Рика, Даг Смит – именно такой альфа-самец «волчьего типа»:

– Это лучший начальник из всех, с кем мне приходилось работать. Очень простой, очень располагающий к себе, способный поставить себя на место другого. Он никогда не повысит голоса. Это прирожденный руководитель. В нем чувствуется природная уверенность. И сам того не замечая, он всех вокруг себя воодушевляет. Люди готовы работать по двенадцать часов в день без выходных, причем добровольно, и никто не жалуется. Правда, если бы он меня сейчас услышал, ему бы это вряд ли понравилось.

Так что следующую консультацию по повадкам альфа-самцов я решил взять непосредственно у первоисточника.

– Представители старой школы всегда подчеркивали, что главенство в стае принадлежит альфа-самцу. Причем, – улыбается Даг Смит, – на этом особенно настаивали биологи мужского пола. На самом деле в стае параллельно существуют иерархия самцов и иерархия самок.

– И кто главнее?

– Это вопрос тонкий, но основные решения у волков принимают самки.

Именно волчицы выбирают направление кочевья, время отдыха, маршрут, время охоты и самое основное для стаи – местоположение логова.

Бывает, что определенная волчица явно пользуется у стаи большим авторитетом, чем все остальные.

– Вот в стае Не-Персэ альфа-самку убили, и все, – Даг разводит руками, – стае конец, все поразбежались. А в другой стае, Леопольдов, альфа-самка умерла, но главенство тут же взяла на себя ее дочь. И дальше все пошло как по маслу.

Каждый исследователь волков знает, что главное у волка – характер. От индивидуально-личностных особенностей волчонка зависит его желание играть с остальными, его будущие охотничьи навыки, время, которое он проведет в родительской стае, прежде чем решит уйти и создать собственную, и, самое главное, его способность когда-нибудь стаю возглавить.

– Вот вам примеры. Седьмая для своей стаи была волчицей-матриархом. Если понаблюдать за ней несколько дней, можно было бы сказать: «Мне *кажется*, она у них главная». Но только наблюдая за ней годами, я убедился, что она *действительно* главная, потому что для стаи она служила примером. Матриарх для меня – это прежде всего волчица, личные качества которой формируют облик всей стаи.

Если Седьмая служила примером, на который остальные ровнялись, то у Сороковой были совсем другие методы управления, она просто держала всю стаю... в страхе.

– Очень... разные... индивидуальности, – с расстановкой произносит Даг Смит. – За Седьмой, чтобы распознать в ней матриарха, надо было наблюдать годами, настолько ненавязчиво она действовала. А на Сороковую достаточно было посмотреть часок, и все становилось ясно: мать-волчица и сука страшная.

Сороковая, известная своей крайней агрессивностью, заняла в стае место матриарха, сместив с него собственную мать. Низложенная старая волчица убежала из заповедника. Холодной декабрьской ночью на дворе раздался собачий лай, дверь дома распахнулась, вспыхнул свет, грянул выстрел, и мертвая волчица упала на снег.

Три года Друиды жили под деспотией Сороковой. Каждый, кто осмеливался хоть на мгновение дольше положенного смотреть ей в глаза, падал ниц от удара мощной лапы и на горле несчастного почти смыкались клыки.

– Всю жизнь она яростно утверждала свое лидерство, – вспоминает Даг. – Мы столько злобы ни разу не видели.

Больше всего от Сороковой доставалось ее сестре-одногодке, которую из-за постоянных нападок и унижений егеря окрестили Золушкой.

Однажды Золушка, отбившись от стаи, принялась за рытье логова. У волчицы это признак беременности. Едва логово было закончено, возле него как из-под земли появилась Сороковая и железной лапой

задала сестрице свою коронную трепку. Золушка не сопротивлялась и принимала порку как должное. Никто не знает, принесла ли она в тот год волчат. Их никто не видел, но Сороковая вполне могла их загрызть.

На следующий год с приплодом оказались и Золушка, и злодейка Сороковая, которой шел шестой год, и их сестра из «рядовых» волчиц, каждая в своем логове, между которыми было расстояние в несколько километров (я уже упоминал, что три выводка в стае разом – случай беспрецедентный, свидетельствующий о сохранявшемся даже после возобновления популяции волков в Йеллоустоне крайне высоком поголовье оленей).

Только что оценившаяся волчица неустанно кормит и пестует выводок, сама не охотится. Еду ей добывают члены стаи.

К логову злой королевы в тот год волки старались лишний раз не приближаться. Всю еду ей приносил отец волчат, бессменный вожак Друидов Двадцать-Первый. А о Золушке с удовольствием заботились несколько членов стаи, включая взрослых самок.

Прошло полтора месяца, и Золушка со своими помощницами решили отойти от логова, но, к несчастью, наткнулись на Сороковую, которая тут же бросилась на соперницу с неожиданной даже для себя свирепостью. Досталось и одной из младших сестер, сопровождавших Золушку. Выместив на них злобу, Сороковая решительно направилась к логову Золушки. Остальные помчались следом. Смеркалось.

Что произошло потом, знают наверняка только волки. Нам остается лишь догадываться. На сей раз Золушка не намерена была, как в прошлом году, покорно смириться со своей долей и отдать полуторамесячных детенышей на растерзание. На подступах к логову завязалась битва. Когда две волчицы дерутся, присутствующие не остаются безучастными и тут же принимают чью-то сторону. Будь это битва один на один, Золушка наверняка уступила бы сестре. Но справиться с четырьмя волчицами Сороковая не смогла, а рядом с ней никто биться не пожелал, так что для злодейки пробил час расплаты.

На рассвете Сороковой пришлось с трудом уносить ноги. Окровавленная волчица пряталась, она была едва жива. Страшные раны – включая укус на шее такой глубины, что обнажились позвонки, – позволяли представить себе, с каким чудовищным пылом дрались соперницы. Одна из ран была настолько глубокой, что в нее, по словам Дага, можно было целиком, не упираясь, погрузить

указательный палец. Вскоре Сороковая испустила дух. Сестры, над которыми она столько лет измывалась, в буквальном смысле перегрызли ей глотку. Яремная вена была перебита.

Это единственный из описанных зоологами случаев, когда стая расправилась с собственной «альфой». Сороковая обладала патологически жестоким нравом, так что честь и хвала ее сестрам, осмелившимся нарушить кодекс и восстать против тирании.

Поразительная история. А для Золушки сказка только начиналась. Она взяла под опеку выводок своей погибшей сестры, а также приветила третью из оценившихся волчиц с ее волчатами. Таким образом, поголовье прибылых Друидов в тот знаменательный год достигло рекордной цифры: в одном логове одновременно находилось двадцать волчат!

Из третьей оценившейся после падения мрачной тирании Сороковой получилась непревзойденная охотница, равной которой не было в стае. Позднее она стала мудрой и достойной волчицей-матриархом в стае Джеод-Крик. Отсюда мораль: что у волка, что у человека таланты или способности по капризу фортуны могут либо раскрыться, либо захиреть.

– А из Золушки, – вспоминает Рик – получилась изумительная альфа-самка: сговорчивая, умеющая платить добром за добро, щедрая по отношению к другим взрослым волчицам. Она приняла сестру с выводком, и они вместе вырастили волчат свергнутой Сороковой. В стае воцарился дух приязни и сплоченности, превративший Друидов в результате в самую многочисленную из ныне известных групп волков, и Золушка замечательно помогала им всем ладить между собой.

Ее звали Ноль-Шестая

В первых лучах нового утра припорошенное свежим снегом ледяное царство кажется пришедшим из ночного сна. Ни ветерка. Ни движения. Смотришь – и диву даешься.

Красиво, нет слов. Но волков пока тоже нет, так что мы про них пока только разговариваем. Точнее, не про них, а про одну волчицу.

– У нее было феноменальное чутье на малейший сбой, возникавший в стае, – вспоминает Лори Лайман, наблюдатель-энтузиаст и постоянный автор волчьих хроник на сайте Yellowstone Reports.

Конечно же она имеет в виду волчицу, чей год рождения – 2006-й – превратился в имя собственное, знаменитую Ноль-Шестую, венценосную внучку великолепного Двадцать-Первого, основательницу стаи Ламаров, члены которой сегодня от нас прячутся, наставницу и супругу волка Семь-Пятьдесят пять, а также его увальня братца, мать молодой да ранней, а теперь безвинно изгнанной из стаи волчицы Восемь-Двадцать.

– Ноль-Шестая была из тех, кто живет по собственным правилам, – вступает в разговор Даг Маклафлин, которого хлебом не корми, дай похвалить любимицу. – Все делала по-своему, но все по высшему разряду. И чем дольше я на нее смотрел, тем больше восхищался.

– Да. Это такая утрата. Невосполнимая, – вторит ему Лори.

Со дня гибели Ноль-Шестой прошло всего несколько месяцев, поэтому они никак не успокоятся и во всем винят себя.

– Сами виноваты. В полном смысле слова любили ее до смерти. В парке она постоянно была на глазах у множества людей и была уверена, что и за пределами парка ее никто не тронет.

Внучка знаменитого суперволка тоже слыла непревзойденной охотницей и гениальным тактиком.

Однажды Рик заметил, как шестнадцать волков из стаи Молли – а у этих охотников на бизонов уже было на совести немало убитых волков – направляются к логову Ламаров. При обнаружении логова волки из конкурирующей стаи могут запросто загрызть прибылых

волчат и пестующих их взрослых. И в тот день все так и должно было произойти.

Не успели шестнадцать непрошенных гостей скрыться в густой чаще, как вдруг из леса на поляну вылетели уже семнадцать волков. Первой мчалась Ноль-Шестая, уводившая преследователей прочь от логова. Ей удалось было оторваться, но они ее стремительно нагоняли. Волчица неслась вверх по открытому склону, заканчивавшемуся высоким утесом, и мчалась прямо на вершину.

– Я понял, – вспоминает Рик, – что в панике она просчиталась. Отступить с утеса ей было некуда, и я видел, что она сама понимает, какую ошибку допустила. Оставалось только развернуться и принимать бой, другого выхода не было.

Но в битве одного против шестнадцати исход предрешен.

– На наших глазах прошла вся ее жизнь, а теперь на наших же глазах должна была наступить ее смерть. Но есть одна вещь, про которую я вообще не знал, – увлеченно продолжает Рик, – а она, оказывается, знала. Внешнюю стену утеса перерезал овраг, неприметный, но достаточно большой, чтобы она могла по нему спуститься в долину, и вот в него-то она и сиганула. Когда преследователи добрались до вершины утеса, там никого не было. Они понять не могли, куда она делась.

Но основную проблему это не решало: по горячим следам волки легко могли вернуться в лес и найти логово, где остались беззащитные волчата.

В этот момент на склоне появилась взрослая волчица, дочь Ноль-Шестой, и повела себя, казалось бы, совершенно неразумно: просто стала столбом у всех на виду. Преследователи ее заметили и переключились на новую цель. Волчица помчалась на восток. Бегунья она была изрядная, так что легко от них оторвалась, уводя их все дальше и дальше от логова и выводка.

Под конец гонки волки из стаи Молли устали, запутались и откровенно не знали, что делать, поэтому спустились в долину, переплыли реку, и больше их тут никто не видел.

А уцелевшие благодаря обманчивым маневрам волчиц прибылые подросли и превратились в тех самых поярков-годовиков, которых мы сейчас поджидаем.

У Ноль-Шестой была слава лучшей охотницы в Йеллоустоне. Раньше людям было известно лишь о четырех случаях, когда волки за одну охоту смогли завалить сразу двух оленей. И разумеется, на это требовались усилия целой стаи.

– Требовались, пока не подросла Ноль-Шестая, – говорит Даг Маклафлин, и в голосе его сквозит плохо скрытая гордость.

Трижды Ноль-Шестой за одну охоту удавалось добыть двух оленей. И трижды она делала это в одиночку.

Однажды из леса вышла двухсоткилограммовая олениха с подроженным олененком, а за ними следом прогулочным шагом шла Ноль-Шестая. Важенка прибавила ходу, рассчитывая добежать до реки и зайти в воду как можно глубже, чтобы волчица, если она решит до них добраться, вынуждена была делать это вплавь. Олениха была опытная и все рассчитала верно.

Ноль-Шестая решила выждать. Однажды, перед тем как убить оленя, ей пришлось продержаться в реке трое суток, поэтому она спокойно растянулась на берегу.

У воды олени разделились: мать пошла вниз по течению, а олененок вверх, против течения. Вот он ступил на мелководе. Его положение становилось все более и более уязвимым. Напряжение достигло предела.

– И тут, – рассказывает Даг, – Ноль-Шестая бросилась на взрослую олениху.

Пока все внимание людей было приковано к олененку, превратившемуся в легкую добычу, волчица оценивала ситуацию совсем с другой стороны: если она вцепится в горло малышу, от острых копыт матери (а она размером с добрую лошадь) ей будет не увернуться.

Вот что произошло: понимая, что по воде к важенке будет не подобраться, Ноль-Шестая решила не дать ей зайти в реку и начала угрожать ей на берегу, провоцируя на ответные действия. Олениха рванулась вдоль берега, бешено взбрыкивая передними ногами. Улучив момент, Ноль-Шестая скользнула между молотящими воздух конечностями и вцепилась важенке в горло. Обе покатались по камням и рухнули в воду. Голова волчицы все глубже уходила вниз, но вдруг она ослабила хватку и всем телом навалилась на жертву, стараясь удержать голову оленихи под водой. Она ее намеренно топила.

– Она демонстрировала феноменальное знание особенностей своей добычи, – рассказывает мне Даг. – Кроме того, я впервые видел, чтобы волк прикончил оленя настолько быстро.

Обычно волку требуется на это около десяти минут. Ноль-Шестая справилась за две.

Но теперь двухсоткилограммовую оленью тушу надо было вытащить из воды, а волчице это было не под силу. Она решила действовать по-другому: столкнула ее глубже в воду, там, где течение посильнее, и сплвила вниз по реке, где ее вынесло на отмель. Там Ноль-Шестая поела, а тушу оставила лежать на камнях.

Олененок тем временем пытался решить, что делать.

– Он вышел из воды и пошел прямо туда, где стояли мы, – рассказывает Даг.

Однако Ноль-Шестая ждала, что олененок рано или поздно все равно вернется к реке. Так оно и случилось, но, увы, пошел он не на глубину, где получил бы позиционное преимущество, а на участок, где, с одной стороны, было слишком глубоко, чтобы быстро бежать, а с другой – слишком мелко, чтобы оказаться вне досягаемости. И как только он это сделал, Ноль-Шестая бросилась в атаку.

– Началась погоня с тучей брызг, с тасканием друг друга туда-сюда, туда-сюда.

Олененок весил больше ста килограммов, так что Ноль-Шестой понадобилось около десяти минут, чтобы ухватить его за глотку, а когда она это сделала, он начал кричать. Господи, как он кричал! Так отчаянно! И еще минут десять или пятнадцать бился в агонии, бедный. В общем, идеального убийства не получилось, и наблюдавшие за этой сценой туристы почли за лучшее увести детей.

Еще у Рика есть история про Ноль-Шестую и койотов. Весной в облюбованной волками долине появилась стая койотов, по структуре очень похожая на волчью, что большая редкость: логово, а вокруг него трутся полдюжины взрослых особей. Койоты обыкновенно волков побаиваются, и правильно делают. Но эти умники повадились приставать к бегающим поодиночке волкам и особенно пояркам, когда те направлялись к логову, где находилась Ноль-Шестая с добычей. А каждый волк, держащий путь к логову, идет не налегке, а с добычей, которую намерен скормить малышам. (Взрослый волк способен нести в желудке до девяти килограмм полупереваренного мяса.) Койоты

окружают волка и начинают ему угрожать, то есть занимаются чистейшим вымогательством. Затравленный волк, чтобы уйти не покусанным, срыгивает хвостатым рэкетирам мясо, и те отпускают его невредимым. А самим им надо просто дождаться следующего волка-кормильца. В общем, схема вам понятна. Просто, как все гениальное.

Койоты веселились и похвалялись друг перед другом своими подвигами. В фольклоре североамериканских индейцев койот – всегда жулик. А в реальной жизни койот – это... почти всегда жулик. Однажды четыре койота стояли над полуобглоданной тушей убитого волками оленя, а мимо, откуда ни возьмись, волчица. Для койотов появление волка – сигнал отойти в сторонку, но вместо этого один из них пошел к волчице знакомиться, помахивая хвостом, словно приглашая поиграть, и вдруг сильно цапнул ее, будто говоря: «Нас четверо, и уходить мы не собираемся. Сама проваливай!»

Ноль-Шестая решила, что шутки кончились.

– В один прекрасный день она в сопровождении всей стаи направилась к логову койотов. Когда они подошли на расстояние, с которого логово хорошо просматривалось, Ноль-Шестая – уж не знаю, каким образом, – приказала своим сесть и смотреть. Они сели, как зрители, а волчица-матриарх двинулась к вражьему логову. Койоты, естественно, стали кружить вокруг нее, действовать ей на нервы, рычать, щериться, скалить зубы. Шерсть на загривках дыбом, головы опущены, и подступают все ближе и ближе. А Ноль-Шестая на них – ноль внимания.

Она влезла в их логово. Вытащила оттуда щенков, одного за другим придушила и прямо на глазах у койотов сожрала. Всех. А потом повернулась и побежала к своей сидящей поодаль стае, словно говоря: «Ну, поняли, как с ними надо?» В первый и последний раз в жизни мы видели, чтоб волк ел койотов.

Эти создания, обитающие на исконных землях своих предков или на точных их подобиях, знают, что делают. Порой они дают нам возможность оценить их способность к анализу, к планированию будущего, к пониманию своего предназначения. Они, в отличие от нас, всегда вписываются в ситуацию. И хотя я не готов поменяться с ними местами (в ситуацию точно не впишусь), я не устаю ими восхищаться. От всего сердца. Они плоть от плоти своей земли.

Ноль-Шестая, похоже, действительно жила по своим правилам. Ее необъяснимые представления о взаимных склонностях и достаточно неожиданные сексуальные предпочтения сделали ее матриархом, вожаком стаи Ламаров.

Будучи молодой искательницей приключений, она сошлась было с матерым волком, который потом стал альфа-самцом в стае Сильвер, но пробыла с ним не больше недели, а потом опять пошла бродить в одиночку. От кавалеров у нее отбоя не было, и женихи, казалось, завидные, и по опыту, и по статусу. Однажды, когда у нее была течка, она спаривалась аж с пятью (!) различными самцами – таких рекордов никто не бил, – но ни с одним из них остаться не пожелала.

Рик смеется:

– Она так высоко задирала планку, что ни один из них до нее не дотягивал.

Но это шутка, а не объяснение, поскольку никакой задранной планкой не объяснишь, почему ее выбор пал на двух конкретных братьев.

Поярки Семь-Пятьдесят четыре и Семь-Пятьдесят пять только-только ушли из родительской стаи и прибились к четверем волчицам, оставшимся от стаи Друидов. К тому времени все четыре самки маялись зудневой чесоткой. И стоило Ноль-Шестой, молодой и здоровой, один раз появиться рядом, как оба поярка бросили своих запаршивевших подруг и пошли за ней. И с обоими она начала спариваться, то есть сделала вещь для волчицы неслыханную, причем по собственному выбору.

Зачем ей понадобились эти два недоросля, остается только гадать. Может, ей действительно нравилось главенствовать. Ей было четыре года, она слыла отменной охотницей и легко кормила себя сама. Женихи были вдвое моложе ее, а их охотничьи навыки ни в какое сравнение с ее мастерством идти не могли. За их необученность Ноль-Шестой пришлось отдуваться после первого же помета: чтобы прокормить прибывших волчат, ей пришлось охотиться куда больше, чем полагается кормящей матери. И однажды, когда оба братца обгладывали тушу заваленного ею оленя, случилась забавная история: им было велено ходить от туши до логова и таскать в желудках мясо для волчат, а потом отрыгивать его, чтобы те поели. Но когда Семь-

Пятьдесят четыре столкнулся на тропе, ведущей к логову, с Ноль-Шестой, то услужливо отпрыгнул все мясо ей под ноги.

– Видели бы вы, каким взглядом она его наградила! – хохотал Даг Маклафлин. – Что ж ты, дескать, творишь, бестолочь. Не сюда, а туда носи!

Но наука пошла им впрок.

Через какое-то время Семь-Пятьдесят пять исправился и даже получил прозвище Оленебой. Он усвоил, что хотя олень и быстрее волка, но волк выносливее.

– И до сих пор Семь-Пятьдесят пять похож на поджарого марафонца, – продолжает свой рассказ Рик. – Мы видели, как он поднял оленя черт знает где, у горы Сода-Бьютт-Коун, и гнался за ним через всю долину Ламар. Олень переплыл реку и помчался на юг, а наш красавец шел параллельно ему, вдоль холма позади Слияния (места, где пойма Сода-Бьютт-Крик превращается в реку Ламар), но преследование продолжал. Глаз с оленя не спускал! А когда олень наконец остановился на гравиевой отмели, Семь-Пятьдесят пять кубарем скатился с холма и вышел на открытое пространство уже не таясь. Олень увидел, что он подходит, но даже не шелохнулся. Сил не было, так волк его загнал.

– Может сложится ощущение, что у всех волков одна охота на уме, что, будь их воля, они бы охотились и резали оленей каждый день по десять штук, – насмешливо говорит Рик.

Но это не так.

На самом деле из всей стаи постоянно охотятся два-три волка, они добывают еду на всех. А бывают на свете волки, которые охотой вообще не интересуются.

Например, Семь-Пятьдесят четыре по габаритам был куда крупнее своего легконогого брата, но вместо охоты предпочитал нянчиться с волчатами. Он ходил за ними неотступно, как пастух за стадом; куда бы они ни пошли, он плелся следом. Если какой-то волчонок укладывался на боковую в стороне от остальных, Семь-Пятьдесят четыре подходил к нему и проверял, все ли в порядке. Так что Ноль-Шестая и Семь-Пятьдесят пять могли свободно охотиться. Кроме всего прочего, увалень Семь-Пятьдесят четыре двигался значительно медленнее их, но, когда надо было притащить на летнюю дневку по-настоящему крупного оленя, он тоже мог пригодиться и

помогал свежевать и волочь добычу. Так что и от пожилого волка стае есть прок.

А вот как Ноль-Шестая и двухлетки Семь-Пятьдесят пять и Семь-Пятьдесят четыре образовали стаю Ламаров: ей, как любой независимой бизнесвумен, долгое время было не до потомства, так что первых волчат она принесла довольно поздно, в четыре года. Для волчиц это уже возраст, им сложно растить прибылых. В течение трех лет Ноль-Шестая рожала каждый год.

Ее дочь из второго помета – молодая да ранняя Восемь-Двадцать, та самая, на которую Рик обратил мое внимание в первый же день наблюдений в долине реки Ламар. Мы вместе видели, как собственные сестры изгнали ее из стаи.

Рассказы Рика, Лори и Дага, которые пытались познакомить меня с историей Ноль-Шестой, проливают свет на то, что стоит за поведением тех самых волков, за которыми я наблюдаю, что все эти годы держало их вместе. А теперь мне предстоит понять причину раскола стаи.

Нарушители конвенции

Ноябрьские холода, наступившие за четыре месяца до моего приезда, означали, что национальному парку пора закрываться на зиму. По вермонтским меркам, зима 2012 года обещала быть очень суровой. Большинство йеллоустонских оленей в поисках корма спустились с высокогорного плато в долину за пределами заповедника.

Ноль-Шестая и ее стая рискнули выйти за границы своей территории. И не прогадали: с охотой на новом месте было легче и никакого сопротивления конкурирующих стай они почему-то не встретили.

На второй неделе ноября стая отважилась спуститься пониже. Им никто не мешал, и от природоохранной зоны они отошли почти на двадцать пять километров на восток. Это были совершенно новые для них места, куда более изобильные. Оленей здесь оказалось больше.

Откуда им было знать, что отсутствие сопротивления со стороны местных волков имело свою причину? Откуда им было знать, что за пределами заповедника они уже не находятся под защитой Закона об исчезающих видах 1973 года, а превращаются в добычу и охотничий сезон в разгаре? Стая Ламар играла по старым правилам. Нарушителями конвенции оказались люди. Они играли совсем в другую игру.

Ноль-Шестая и ее волки всю жизнь провели в Йеллоустоне, на глазах у сотен туристов, поэтому от человека таиться не привыкли.

Если въехать под свод величественной каменной арки на северном входе в Йеллоустонский национальный парк, то создается ощущение, что ты находишься на огромной по размеру территории. Но стоит посмотреть на карту, и тут же понимаешь: это не более чем открытка – все, что осталось от некогда бескрайнего Запада, который, возможно, хотели удержать, но он тут утек сквозь пальцы.

Еще совсем недавно не было вообще никаких «национальных парков» за семью заборами, возведенными для защиты открыточных видов, а был просто мир, единый и неделимый. В 1806 году экспедиция Льюиса и Кларка^[53] подошла к берегам реки Йеллоустон. И там, где ныне стоит крупнейший город штата Монтана, Биллингс, то

есть на приличном расстоянии от заповедника, Кларк не пожалел драгоценных остатков чернил, чтобы записать для нас, потомков: «Перечислить или оценить разнообразие видов местной фауны, обитающей в долине этой реки, а именно: бизонов, оленей, антилоп, волков, – не рискуя вызвать недоверия, не представляется возможным, посему в дальнейшем эту тему я намерен обходить молчанием».

На вид Йеллоустонский парк весьма велик, но на деле это не так. Прямые углы его границ возникли в угоду туристическому ажиотажу вокруг всех этих гейзеров, термальных источников и горных видов. А о том, что для представителей фауны он категорически не подходит, в 1872 году никто и не думал. Кому какое дело, что обитателям приходится каждую зиму уходить из заповедника, чтобы не умереть с голоду? Ничего, гуси вон тоже осенью на юг тянутся. Для оленей и бизонов Йеллоустон – чисто летнее пастбище, находиться здесь круглый год животные не в состоянии. Зимовка на высоте 2133,6 метра над уровнем моря – вещь суровая. Слишком суровая. С наступлением осени высокогорное плато пустеет. Из семи обитающих на территории заповедника популяций оленевых мигрируют шесть. Большинство оленей и бизонов уходят на юг. Территория, которая требуется для Большой Йеллоустонской экосистемы, предполагающей обитание крупных животных в естественных условиях, превышает размеры существующего парка в восемь раз. Может ли один волк прожить всю жизнь в пределах заповедника? Попробовали, получилось, может. А может ли в таких пределах существовать жизнеспособная популяция волков? Нет, заповедник для этого слишком мал. Значит, волки тоже уходят, а потом возвращаются. Но возвращаются, увы, далеко не все. И каждую осень представители крупной фауны тянутся с высокогорного плато в долины и окрестные равнины, где можно прокормиться, чтобы протянуть зиму. Правда, там же можно легко налететь на пулю.

13 ноября 2012 года в двадцати километрах от Национального заповедника Шошони охотники подстрелили матерого волка весом 60 килограммов, самого крупного в стае. Охотников интересовала только шкура. Шкура, обладатель которой был залогом мастерства и опыта взрослых волков стаи. Убитым волком был Семь-пятьдесят четыре.

Стая вернулась в заповедник. Но ненадолго. Братья Семь-Пятьдесят четыре и Семь-Пятьдесят пять за всю жизнь не расставались ни на день и отлично ладили. Отсутствие Семь-

Пятьдесят четыре ощущали все. Но из-за того, что охотники унесли тушу с собой, никто из волков не видел его мертвым, то есть понять причину его отсутствия они не могли. Бывает, волк отбивается от стаи и бродит где-то несколько дней, а потом возвращается. Мы не знаем, сколько раз в жизни стае долины Ламар приходилось сталкиваться с тем, что такое пальба, и приходилось ли вообще. Мы не знаем, понимали ли они причину отсутствия своего товарища.

И вот стая опять выходит за пределы заповедника. Может, они хотели найти Семь-Пятьдесят четыре, а может, ими двигало другое желание, ради которого они вообще пришли в эти места, – охота. Не важно, что они собирались делать: оплакивать погибшего, искать его следы, обследовать новую территорию, охотиться на дичь, водившуюся на этой территории в изобилии, или у них был целый набор побудительных причин, – важно, что они снова пришли практически на то самое место, где встретил свою смерть Семь-Пятьдесят четыре.

6 декабря 2012 года неизвестный застрелил Ноль-Шестую.

Ее гибель для остальных членов стаи была подобна землетрясению. Наблюдатели чувствовали то же самое. У них в голове не укладывалось, что волков, которых они так близко и хорошо знают, кто-то может взять и – пиф-паф! – застрелить.

Закон об исчезающих видах 1973 года позволяет отнести вид к категории «исчезающих», если его представители «подвержены угрозе вымирания из-за своей критически малой численности на всей или значительной части территории обитания». Волки под этот охранный статус попадают. На исконных территориях обитания они истреблены повсеместно. По оценкам исследователей, до появления в Северной Америке переселенцев из Европы поголовье волков на нынешней территории континентальных штатов^[54] насчитывало миллион особей, и на одном только Западе, включая Мексику, их бегало не менее трехсот восьмидесяти тысяч. К 1930 году на исконных ареалах обитания сохранилось не больше 5 % волков, то есть вид был истреблен на 95 %. Поэтому волки более полувека считаются вымирающим видом.

До того как на земли Северной Америки ступила нога колониста-европейца, весь континент был опутан волчьими тропами.

На самом деле за семьсот пятьдесят тысяч лет волки распространились по всему миру: на севере, от Атлантического побережья Европы и далее на восток, через необъятные просторы Азии, от Индийского до Тихого океана; и в Северной Америке от Западной Арктики до Гренландии, и южнее, через леса на Восточном побережье, через Великие равнины вглубь запада, к вершинам Скалистых гор и пологим склонам Западного побережья, и еще дальше, на юг, в Мексику. Волки как вид обладают феноменальной адаптивностью, гибкостью и невероятно успешной социальной организованностью.

Популяции, воссозданные на некоторых участках на западе США, скудны и территориально ограничены. Несмотря на это, федеральное правительство в последние годы смягчает в отношении волков природоохранные меры. Именно в этой связи было официально заявлено, что наличие тридцати способных к воспроизводству пар и популяции общей численностью триста особей «свидетельствует о восстановлении популяции волков на севере Скалистых гор» (для сравнения: триста – это приблизительно полпроцента от первоначального количества особей на исконной территории обитания, это в тысячу с лишним раз меньше, чем триста восемьдесят тысяч волков, некогда свободно живших на западе США, где теперь Йеллоустонский национальный парк. Известно, что в 1871–1872 гг. было продано более пятисот волчьих шкур). 30 сентября 2012 г. решением Службы охраны рыбных ресурсов и диких животных США из федерального списка исчезающих видов по штату Вайоминг был изъят *Canis lupus* – волк обыкновенный, и незамедлительно после этого было объявлено об официальном открытии охоты на волков. Сезон начался с 1 октября 2012 года. Вайоминг и Йеллоустонский заповедник – одна и та же земля; это понимают даже вóроны. По отдельности, каждый в своем квадратике с надписью, они существуют только на карте, но это топографический анахронизм и конфабуляция. Тем не менее власти штата Вайоминг посчитали возможным разрешить в подведомственном им квадратике круглогодичный отстрел волков. Без лицензий. Без ограничений. Видишь будущий трофей – стреляй.

Не прошло и двух месяцев, как Семь-Пятьдесят четыре, а за ним и Ноль-Шестая были мертвы.

Если рассматривать образ волка в литературе и культуре в целом, то дело придется иметь не с живым существом, а с проекциями человеческого страха перед цивилизацией. Волки, кроме всего прочего, еще и охотятся группами. Да, бывает, что они режут скот, бывает, нападают на людей, особенно в Европе. Но люди и сами режут скотину, и сами часто нападают на других людей. Тем не менее образ волка обладает такой метафорической силой, что зачастую заслоняет собой волка как социальное животное. «Иногда сигара – это просто сигара», – признавал отец психоанализа, но волк почему-то никогда не превращается просто в волка.

Волки в нашем воображении становятся воплощением всего зверского и к цивилизации не приобщенного, символом шайки, живущей за пределами условностей и норм. А может, ненависть человека к волку объясняется тем, что их преданность семье, их стремление охотиться на тех же животных, мясо которых с удовольствием приносит с охоты и потом ест человек, превращает их в своеобразных «двойников» человека? Мы до такой степени узнаем в них себя, что начинаем воспринимать их как враждебное племя, как воров и разбойников. Мы сами предлагаем волку роль злодея, а потом путаем актера с персонажем, которого он играет.

Но долгие века по чьей-то злой воле, когда дьявола, когда федерального правительства, волк оставался отражателем и усилителем любых человеческих страхов.

В средневековой Европе церковь считала волков приспешниками сатаны, его верными псами, появление которых подтверждало, что дьявол бродит неподалеку, что он где-то рядом. Волков не просто истребляли, их по-настоящему казнили: жгли заживо, как ведьм и еретиков, прилюдно вешали. Считалось, что от них исходит не просто физическая опасность, а дьявольское искушение. Сколько было судов по подозрению в том, что обвиняемый способен заклинать волков или оборачиваться волком! Спустя века в Северной Америке угодившего в капкан волка могли сжечь, могли отрубить ему нижнюю челюсть или, наоборот, замотать пасть проволокой, а потом выпустить, чтоб тот умер голодной смертью. Как пишет Даг Смит, «ни одно животное до волков не становилось жертвой человеческой мести».

Что бы волк ни делал, все превращалось в повод для ненависти. На заре XX века у фермеров пошла мода на то, чтобы в туши

зарезанных волками овец подкладывать отраву. Даг Смит рассказывает, что волки мгновенно научились не возвращаться за отравленной добавкой, после чего их стали обвинять сперва в том, что «зажрались», а потом в том, что «убивают удовольствия ради». И это вот «убийство удовольствия ради» стало трактоваться как смертный грех, заслуживающий смертной же казни, и превратилось в идеальное оправдание для убийства волка. Тоже, надо полагать, удовольствия ради.

В 2014 году, когда я работал над этой книгой, писатель Кристофер Кетчем посетил волчье дерби в Айдахо^[55], и в местном баре симпатичный старичок наставлял охотников: «Всем им, волкам поганым, надо выпустить кишки». То есть не просто убить, а чтоб еще и помучились.

Ненависть к животным-охотникам – порождение западной цивилизации, а нет на свете ничего западнее, чем американский Запад. «Запад – оплот политической реакции и авторитаризма, виновный в бесчисленных преступлениях против земли и природы, сырой в культурном отношении». Таков вердикт Уоллеса Стегнера^[56], который там вырос и жил. Он надеялся, что настанет время, когда жители Запада поймут: «общество должно быть достойно пейзажей», среди которых живет. Возможно, он начитался Хемингуэя, которого многочисленные путешествия на дальние и ближние расстояния убедили в том, что любить надо только страны, потому что «...страна всегда лучше, чем люди»^[57].

А некоторые люди испытывают к волкам ненависть настолько глубокую, что она становится практически расовой. На Западе волки становятся оружием в культурных войнах. Когда две шестидесятилетние туристки пошли гулять по лесу и не вернулись, на одном из политических сайтов американского Запада красовался следующий заголовок: «Прикормленные либералами (!) волки убили женщин-туристок». А под заголовком шла статья, начинавшаяся так: «К черту всякую политкорректность! Если бы не ополоумевшие либералы, которым волки дороже людей, эти женщины были бы сейчас живы». Другой сайт прямо заявлял: «Волки зарезали женщин-туристок, а либералы их покрывают». Через несколько недель на первом из процитированных сайтов (только на одном, второй не отреагировал никак) появилось опровержение: «Женщины были в

джинсах и футболках, а температура воздуха в тот день упала почти до нулевой отметки. Следы нападения диких животных отсутствуют. Смерть наступила по причине переохлаждения и воздействия внешних факторов».

Когда в 1872 году по решению Конгресса США был учрежден Йеллоустонский национальный парк, никаких природоохранных федеральных агентств или ведомств не существовало, так что животные в заповеднике были беззащитны. Разгул браконьерства, ориентированного на коммерческие рынки, достиг такого размаха, что в 1886-м на борьбу с ним были брошены регулярные войска. После того как на Великих равнинах охотники истребили десятки миллионов диких бизонов, в Йеллоустоне чудом уцелела популяция из двадцати трех особей, спасение которых, по официальному признанию, способствовало бы сохранению исчезающего вида.

Отношение к хищникам было не столь однозначным. В 1916 г. конгресс учредил Службу национальных парков, и ее сотрудники-егеря получили конкретную задачу: истребление плотоядных, включая пуму, рысь, рысь рыжую, койота и прочих. Хорошо, что глава ведомства питал слабость к йеллоустонским медведям, только это спасло их от уничтожения. Егеря высматривали в лесах волчьи следы, прислушивались к вою, искали логова с прибылыми волчатами. В 1926 году егерь пристрелил последнего йеллоустонского волка. От сотен тысяч волков, некогда обитавших на всей территории Америки, не осталось ни-че-го.

В течение шестидесяти девяти лет просторы Йеллоустона не оглашал по ночам волчий вой. Можно было подумать, что для оленей наступил золотой век.

– На самом деле на то и щука, чтоб карась не дремал, – говорит Даг Смит. – Если хищников нет, то и травоядным жизни не будет. Их ждут другие страдания.

В итоге они все равно гибнут, не от клыков хищника, так от голода. Смерть в пасти зверя страшна, но она происходит быстро, а вот при голодной смерти мучения тянутся долго.

Без волков в йеллоустонских популяциях оленевых начался неконтролируемый рост, и тогда их, по распоряжению администрации, стали отстреливать или вывозить куда подальше, в Альберту^[58] или Аризону, где своих оленей уже благополучно истребили. С 1930 по

1970 год в Йеллоустоне таким образом избавились от нескольких тысяч оленей, но, как только искусственное регулирование численности прекратилось, поголовье снова резко пошло вверх.

Вечно голодные олени обглодали всю кору с ивняка и осин, и в результате жизнь остальных обитателей заповедника, начиная с рыб и бобров и кончая пернатыми, совершенно изменилась. Не стало волков – расплодилось олени и сожрали всю кору на ивах и осинах; не стало коры – бобры мрут с голоду; не стало бобров – некому строить запруды; не стало запруд – падает уровень воды в водоемах, где водится рыба...

В эссе «Если думать как гора» Альдо Леопольд^[59] утверждал, что растения живут в том же смертельном страхе перед оленями, как сами олени перед волками. «Мне довелось увидеть, как штат за штатом избавлялись от волков. Я наблюдал за очищенными от волков горами и видел, как их южные склоны покрываются рубцами и морщинами новых оленьих троп <...> там не осталось ни единого необглоданного куста или деревца, они чахли и погибали <...> каждое дерево со съедобной листвой стояло с голыми ветками до высоты седельной луки <...> Избыток безопасности в конечном итоге сам превращается в угрозу <...> Не в этом ли истинный смысл волчьего воя, который горы давно знают, но люди так до сих пор и не поняли?» И там же удивительным эхом раздается фраза: «Только гора прожила столько лет, что может бесстрастно слушать волчий вой».

12 января 1995 года точно на этом самом месте остановился прибывший из Альберты пикап с грузовым прицепом, в котором находились шесть волков, пойманных в Канаде: альфа-пара и четыре волчонка. Впереди у них были два месяца в адаптационном вольере, расположенном в полутора километрах к югу, а потом жизнь на воле.

Выпущенные на волю волки облюбовали для себя долину реки Ламар. Их жизнь проходила на глазах десятков тысяч посетителей заповедника – случай беспрецедентный и для людей, и для волков.

В 1995–1996 годах в естественных условиях обитания оказался тридцать один волк. Таков был итог двадцатилетней борьбы, потребовавшей участия всего Конгресса США и бесконечных судебных разбирательств – все ради того, чтобы просто вернуть на гибнувший от нарушения экологического равновесия квадратик местности ее исконного обитателя и главного охотника.

С возвращением волка Йеллоустон полностью восстановил перечень искони обитавших там млекопитающих. Пумы по собственной инициативе пробрались в заповедник еще в конце 80-х. (Со временем это могли сделать и волки. В 90-е годы на территории Скалистых гор произошло самовосстановление популяции канадского волка.) Сейчас в заповеднике представлены все его коренные жители, все, для кого это родной дом. Волки вернули Йеллоустону былое величие. Конечно, работа хищника не всегда красива, но без этой работы нет красоты.

А для чего, по-вашему, заточен клык у волка?

Зачем быстрые ноги антилопе?

Робинсон Джефферс^[60]

Поголовье волков росло, поголовье оленей уменьшалось. Волки помогли осиннику и тополиной поросли воспрянуть от ига ненасытного аппетита многочисленных парнокопытных. С восстановлением растительного покрова по берегам рек вновь расселились бобры, так что вновь было кому слушать, что шепчет ветер в ивах. Водная гладь, возникшая благодаря возведенным бобрами запрудам, стала домом для ондатр, лягушек, саламандр, рыб и уток. Назад вернулись даже прибрежные певчие птицы. Если бы представители йеллоустонской флоры и фауны имели право голосовать, то голоса свои они отдали бы за волков. Пик расцвета популяции волков пришелся на 2005–2006 годы, а потом она начала сокращаться, поскольку экологическое равновесие было восстановлено и в игру вступили другие факторы. Разумеется, это лишь схематичное изложение куда более сложной истории, но в целом схема изложена верно. «Йеллоустон сейчас переживает самую прекрасную свою пору», – писал Даг Смит, под руководством которого начались и продолжаются исследования йеллоустонской популяции волков с первых попыток ее восстановления.

Тут бы и подвести черту.

Но некоторым любителям пострелять в оленей такой хеппи-энд не по вкусу.

«За время, которое требуется человеку, чтобы выпить чашку кофе, волк успевает загнать и зарезать нескольких оленят, – утверждает один

из апологетов охоты на оленей. – Это же настоящая кровавая бойня!»

На самом деле за подобными разглагольствованиями стоит не столько стремление защитить оленей, сколько желание получить возможность беспрепятственно их убивать. Находятся те, кто хотел бы видеть в заповеднике звероферму, где оленей подращивают, чтобы потом отправлять их по всей Америке под пули охотников.

После возвращения волков в экосистему Йеллоустона в северных Скалистых горах (к северу от 45° с. ш.) снова появились волчьи тропы. Но сторожкий волчий след мигом взяли западные конгрессмены, и йеллоустонские волки вновь оказались на мушке. Под давлением политиканов Служба охраны рыбных ресурсов и диких животных США официально признала популяцию волков «восстановленной». В 2012 году Конгресс США – на основе прецедентного вмешательства – учел этот факт в дополнении к проекту бюджета, и, как результат, *Canis lupus*, или волк обыкновенный, был изъят из списка исчезающих видов. Всего за полгода после изменения природоохранного статуса от пуль и капканов охотников в Монтане, Айдахо и Вайоминге погибли более пятисот пятидесяти волков из популяции, общая численность которой составляла тысячу семьсот животных. На западе США самая распространенная причина гибели волков – смерть от руки человека. В Йеллоустоне половина волчьих смертей на совести человека, остальные – результат волчьих драк. (Для волков это нетипично. В первые годы программы по восстановлению популяции избыточное количество крупной дичи привело к перенаселенности, поэтому стычки стай происходили чаще обыкновенного.) Но за пределами заповедника от рук охотников погибают 80 % волков. По горькой иронии судьбы, отстрел волков часто заставляет уцелевших членов стаи резать больше скота, потому что, лишившись опытного вожака, бесконтрольные оголодавшие волки начинают активнее шастать в округе.

Судя по данным передатчика на радиоошейнике Ноль-Шестой, 95 % отведенного ей времени жизни прошли в границах Йеллоустонского национального парка. В течение охотничьего сезона 2012 года охотники подстрелили семь волков, носивших ошейники с дорогостоящими радиопередатчиками, надетыми на территории заповедника. У общественности есть серьезные основания предполагать, что во время охоты были использованы данные

радиоперехвата. Это не паранойя и не теория заговора, просто зайдите на веб-сайт HuntWolves.com и найдите следующий лайфхак: «при наличии возможности запеленговать радиоошейник ищите сигнал в диапазоне 218.000–219.000 МГц с шагом в 0,005 МГц».

– Отражается ли это на наших исследованиях? Несомненно, – заявил Даг Смит в интервью газете *The New York Times*. – Это просто удар в спину.

Из всех йеллоустонских волков Ноль-Шестая была самой знаменитой, самой популярной среди туристов. Спустя несколько дней после ее смерти *The New York Times* опубликовала статью «Поминальный вой» – по сути, некролог по Ноль-Шестой. Но если об усопшем человеке полагается говорить «либо хорошо, либо ничего», в некрологе волчицы-матриарха приводились мнения тех, кто не испытывал к убитой и скорбящим по ней лютую ненависть. Кто-то клеймил любителей волков «дикарями» и «безбожниками». Президент Ассоциации стрелкового спорта штата Монтана сравнивал Ноль-Шестую с «маньяком, разгуливающим по Центральному парку» и готовым «...перерезать горло неосторожным туристам». А Натан Варлей из города Гардинер в штате Монтана, сотрудник туристической компании, предлагающей экскурсии по волчьим тропам Йеллоустона, сокрушался, что охотники убили волков, стоивших «миллионы долларов». К слову, большей частью своего заработка он обязан многочисленным любителям волков, нанимающим его в качестве проводника по заповеднику.

Миллионы долларов, говорите? По статистике, которую приводит журнал «Йеллоустон сайенс», «...специально ради того, чтобы увидеть и услышать волков, в заповедник ежегодно приезжают девяносто четыре тысячи туристов», а ежегодный доход от туризма трех прилегающих к заповеднику штатов «составляет в совокупности тридцать пять миллионов пятьсот тысяч долларов». Для сравнения: рыночная стоимость зарезанного волками скота (сумма, которую владельцы ранчо получили бы, продав его на убой) не превышает «шестидесяти пяти тысяч долларов в год». Давайте посчитаем: девяносто четыре тысячи туристов, которых интерес к волкам заставляет тратить в среднем по триста семьдесят пять долларов с человека – то есть убытки скотоводов легко покрыть, взяв от трат каждого туриста каких-нибудь семьдесят центов. «Если сопоставить

экономический эффект от развития туризма с ущербом от сокращения поголовья крупного рогатого скота и охоты на крупную дичь, то мы имеем положительный нетто-эффект программы по восстановлению популяции волков, с учетом прямых затрат ориентировочно составляющий тридцать четыре миллиона долларов».

Но случилось то, что случилось. Волчья стая из долины реки Ламар смогла переместиться на восток от Йеллоустонского заповедника, не встретив сопротивления со стороны конкурирующих стай.

Холодной зимой они перешли существующую лишь на бумаге границу национального парка, как это сделали до них олени, на которых они охотятся.

И под пулями погибла их волчица-матриарх, а еще раньше – самый крупный волк в стае.

Бои не утихают. Спустя два года после того, как штат Вайоминг объявил волкам войну, я готовил эту книгу к печати и узнал, что решением федерального судьи политика штата Вайоминг в отношении волков была признана неправомочной, а *Canis lupus* был восстановлен в своем природоохранном статусе как исчезающий вид. Но точка в этой истории еще не поставлена, и продолжение следует.

Время перемирия

У коренного населения среди охотников сохранились куда более здравые и реалистические и вместе с тем куда более возвышенные представления о волках (а также прочих хищниках, включая львов и тигров). Представители американских индейцев не раз пытались противостоять официальному возобновлению охоты на волков. Осенью 2012 года Майк Уиггинс, председатель общины Бэд Ривер индейцев оджибве^[61], выразил свою реакцию на официальное открытие первого охотничьего сезона в Висконсине одной фразой: «Неужели у людей не осталось ничего святого?» Для индейцев оджибве «майинган», то есть волк, – священное животное. «Убить волка – все равно что убить брата», – утверждает оджибве Эсси Леосо. Оджибве верят, что майинган пришел в мир вместе с первым человеком, и это недалеко от истины: санитары леса, волки, подвизались вокруг стоянок первобытного человека, не брезгуя отбросами. Их судьбы неразрывно связаны: все, что произойдет с одним, рано или поздно случится с другим. На самом деле так оно и вышло. Бледнолицые видели и в индейцах оджибве, и в майингане соперников, которых надо обуздать. Поэтому в позиции жителей белого американского Запада сквозит стремление «подчинить себе» или «извести под корень». Взгляды коренного населения Америки на животных предполагают извечное существование бок о бок, и причина тут не столько в экологическом сознании, сколько в ощущении глубинного единства, так что такими вот шаманскими бреднями вполне можно выудить истину.

Долгое время животная мощь вызывала в человеческой душе глубокое почтение и стремление не накалять ситуацию без нужды. Разрядка напряженности возникла задолго до ядерного паритета. Она берет свое начало в давние, овеянные легендами времена, когда, желая перемирия, человек прибегал к заклятиям и мольбам, прося существа сильнее и коварнее себя не держать на него зла и смириться. Но, по мере того как человек учился разным хитростям, почтение к зверю сходило на нет. Наше оружие становилось мощнее, и животная мощь не вызывала прежнего уважения. Мы убиваем волков, китов и слонов

не потому, что они ниже нас по развитию, а потому, что просто можем это сделать. А раз можем, то говорим себе, что они ниже нас по развитию. Что до отношений между людьми, то в конечном итоге все тоже решают грубая сила и границы дозволенного, которые сильный может себе отвоевать. Ни к моральному, ни к интеллектуальному превосходству это отношения не имеет.

В XVII веке Бенедикт Спиноза писал: «Так как всякое право определяется добродетелью или могуществом каждого, то люди имеют гораздо большее право над животными, чем животные над людьми. Я не отрицаю, однако, что животные чувствуют, а отрицаю только то, что будто бы вследствие этого нельзя заботиться о собственной пользе, пользоваться ими по произволу и обращаться с ними так, как нам нужно; ибо они не сходны с нами по своей природе, и их аффекты по своей природе различны от аффектов человеческих»^[62]. То есть кто прав, у того больше прав, а прав всегда тот, кто сильнее. Как легко действовать с такой позиции – она не подразумевает разницы между человеком и куском мяса.

Заметьте, решающим фактором отнюдь не становится неспособность животных вести переговоры. Люди могут вести переговоры. Но исключительно с позиции силы. Чем сложный язык с развитым синтаксисом поможет своим носителям, если они рабы или угнетенные? Да ничем. И первое, и последнее слово будет за деньгами и ружьями, которым, для того чтобы их правильно поняли, синтаксические сложности не понадобятся. Нам удобно считать, что животные не способны говорить, потому что они просто не могут дать нам сдачи. И среди людей тех, кто слабее, принято давить, их жизни обесцениваются, потому что они – недочеловеки. «Для азиата жизнь не представляет такой большой ценности, как для западного человека, – утверждал Уильям Уэстморленд, один из самых видных военачальников США в период вьетнамской войны. – На Востоке жизнь стоит дешево <...> она для них неважна». Это заблуждение позволяло главнокомандующему американскими войсками во Вьетнаме «отлично выполнять свою работу».

Беспощадность к слабым – одно из основных качеств, «делающих человека человеком». Человек способен и на высокое, и на низменное. В его отношении к братьям меньшим, к природе, к земле, к воде нет сознательной жестокости, потому что большинство действий по

отношению к ним можно считать сознательными лишь с большой натяжкой. Но, подобно беспечным любителям курить в постели, он рискует прожечь в ткани будущего немало дыр.

Поразительно: когда животные по отношению к человеку вдруг оказываются в преимущественном положении, они порой относятся к нам куда человечнее, чем мы к ним. Людям не раз приходилось сталкиваться с волками в чистом поле или глухом лесу, и Даг Смит лично может это подтвердить. Тем не менее на территории континентальных штатов не зафиксировано ни одного случая нападения волков на человека. Североамериканские волки, почуяв человека, не рассматривают его как потенциальную добычу, а немедленно обращаются в бегство. Исключений практически не бывает (в 40-е годы двое жителей Аляски получили волчьи укусы, но у животных обнаружили бешенство). В Северной Америке известны всего два случая гибели человека от зубов волка: один в 2005 году в канадской провинции Саскачеван, другой в 2010-м на Аляске, – то есть это меньше, чем по любой другой причине. Разумеется, беспечные туристы попадают в поле зрения волчьих стай, потому преднамеренная либо робость, либо выдержка, которую проявляет по отношению к слабому вполне готовая для нападения группа хищников, рационального объяснения не имеет. Одному Богу известно, что у них на уме.

Самопроизвольное отлучение и изоляция современного человека от окружающего мира привели к деградации его способности понимать, что у животных на уме, а вот животные в ряде случаев эту способность сохраняют. Джон Вейллант в своей книге «Тигр»^[63] рассказывает о подобии согласия, которое издревле существовало между амурскими тиграми и представителями коренных народов Приморья: «Удэгейские и нанайские охотники, в частности, пытались умиловить тигра, не только стараясь не попадаться ему на пути, но и предлагая ему остатки своей добычи. Иногда тигры преподносили ответные подарки. Местные жители, как русские, так и туземцы, рассказывали, что порой тигры оставляли для „дяди Вани“ мясо – иногда целые туши». Таким образом, в дебрях тайги был достигнут своеобразный паритет сил, который обе стороны соблюдали, руководствуясь соображениями о ненападении. Этот взаимный отказ от применения насильственных методов тем более примечателен, что

одна из сторон представляла собой хищный, ищущий мяса ум в хищном же, постоянно требующем мяса теле весом под двести тридцать килограммов.

«К соседству с тиграми давно уже привыкли все народы эвенкийской группы: маньчжуры, удэгейцы, нанайцы и орочи. Они знали свое место и, почитая тигра как высшее божество, старались по возможности не попадаться ему на пути. Однако в XVII веке, когда в регион начали стекаться русские колонисты, хрупкое равновесие было нарушено». Поселенцев манили золото, пушнина, строевой лес; следом за ними в Приморье пришли православные проповедники, и они общими усилиями и с неослабевающей жестокостью взялись за истребление как вдохновленной анимистическими верованиями культуры неустойчивого равновесия, так и четвероногих членов таежного сообщества.

Нарушение конвенции о ненападении, особенно если учесть, что речь идет об искреннем обоюдном понимании, чревато последствиями. Вейллант подробно останавливается на способности тигра «долго помнить обиду», приводя в качестве примера рассказ нашего современника о том, что значит «перебежать дорожку тигру. „Мы с одним охотником как-то раз забрали часть добычи тигра, – рассказывал он. – Увидели, что тигр убежал, и отрезали себе с туши немного мяса. Все братья не стали – этого делать нельзя. В тайге закон: нужно делиться. Вернувшись на то же место на следующий день, мы обнаружили, что тигр не тронул остатки туши. После этого случая наша охота пошла прахом: тигр ломал все наши ловушки, распугивал дичь, которая приходила на нашу приманку. Стоило какому-то животному оказаться в окрестностях, он прогонял его своим рыком. Вот так он нас и проучил: целый год не давал охотиться. Должен вам сказать, тигр – необыкновенный зверь: сильный, умный и очень злопамятный“». При этом, заметим, тигр не просто охотится, но и ревностно охраняет свою территорию.

В голодную пору, когда в тайге маловато дичи, один охотник решил разделаться с повадившимся на его займку тигром и установил на конкурента ловушку – спрятанную в снегу проволоку, которая, стоило тигру на нее наступить, приводила в действие спусковой механизм ружья. «В первый раз он неправильно закрепил ружье, и, хотя оно выстрелило, тигр не погиб: ему только опалило шкуру.

Охотник поставил ловушку заново и позже по следам выяснил, что тигр дотронулся до шнура, ведущего к спусковому крючку, ружье выстрелило мимо, и тигр, медленно отступив, направился по следу охотника. Он понял, кто здесь был, кто установил ловушку, и попытался его убить. Он даже не брал след – шел напрямиком к хижине, как будто по компасу».

Охотник чудом заметил зверя и успел скрыться в доме, откуда боялся высунуть нос несколько дней. Это спасло ему жизнь: как потом выяснилось, тигр неотступно караулил обидчика, пока не ушел из тех мест.

Вейллант приводит слова бывшего руководителя инспекции «Тигр», которому не раз приходилось расследовать нападения хищников: «Мне и моим подчиненным довелось по меньшей мере восемь раз заниматься подобными делами, – рассказывал тот в 2007 году, – и мы все пришли к одному выводу: если охотник стрелял в тигра, тигр его выследит, даже если для этого потребуется два или три месяца. Тигры определенно способны сидеть и ждать именно того охотника, который стрелял в них».

Все это свидетельствует о наличии у тигра либо абстрактного мышления, либо острейшей интуиции, ведь он догадался, что ружейный самострел – преднамеренная угроза его жизни. «Чтобы связать в одну сложную причинно-следственную цепочку выстрел, раздавшийся в воздухе, внезапно пронзившую тело боль и человека, который может находиться на расстоянии нескольких десятков метров, умение абстрактно мыслить необходимо по определению». Еще поразительнее, что биологи, годами работающие с тиграми, ни разу не сталкивались с «вендеттой» – хотя по долгу службы им приходится отлавливать, делать уколы снотворного, обследовать, снабжать радиоошейниками десятки животных, и некоторых не по одному разу.

Похоже, тигр может «вычислить» человека, который намеренно желает причинить ему вред. По крайней мере, главный герой книги Вейлланта был на это способен. Получив рану от охотника-браконьера Владимира Маркина, амурский тигр несколько дней караулил обидчика, дожидаясь его возвращения на заимку после долгой охоты, а потом атаковал, причем не с голоду, а из мести: он не просто съел человека, а уничтожил его «скрупулезно и беспощадно», расшвыряв в

прогалине за домом останки, «которые на первый взгляд казались кучей ветоши».

В незапамятные времена, когда бушмены (или «сан», как они сами себя называют) обитали в древних песках Калахари, они охотились на кого угодно, но львов не трогали. Царь зверей воздал им за учтивость. Между львами и бушменами сложилось долгое и прочное перемирие. Даже отбивая у львов дичь – причем у стаи львов, превосходящей охотников по численности, – бушмены вели себя с ними твердо, но почтительно. Ни с гиенами, ни с леопардами они так не церемонились: просто забирали у них добычу и все. И никто никогда не слышал, чтобы лев убил человека. Африканские леопарды – да, те могли, особенно под покровом ночи. Но лев – никогда.

Белому человеку такое перемирие было неизвестно. В 50-е годы антрополог Элизабет Маршалл Томас жила среди бушменов. Ей довелось пройти «старым путем» и наблюдать за его разрушением в прах. (Мать Элизабет, Лорна Маршалл, в свое время совершила прорыв в этнографических исследованиях коренных народов Южной Африки. Свой опыт общения с бушменами Элизабет Маршалл Томас описала в книгах «Вреда не ведающие» и «Старый путь».)

Однажды ей с семьей пришлось ночевать в пустыне. Кроме них в лагере был африканер – так называют в Южной Африке потомков голландских, французских и немецких колонистов. Внезапно из темноты на них выступили пять львов – их присутствие выдавал только блеск глаз. Людей и хищников разделяло пламя костра. К ужасу знакомой с обычаями бушменов Элизабет, белый потомок буров тут же выстрелил в темноту и ранил двух львов, но преследовать их побоялся. В результате в окрестностях лагеря оставались бродить два раненых хищника, что было крайне опасно. Элизабет, ее брат и еще один член их семьи решили, не мешкая, уходить. Ночь была звездная. «Вдруг мы услышали тихий стон», – пишет Маршалл Томас. Свет фонаря выхватил из темноты молодого взрослого льва. Он был тяжело ранен, сам подняться не мог и «...от боли <...> грыз поросшую травой землю». Добить его с первого выстрела не удалось, пришлось стрелять несколько раз. «Он лежал, отвернув голову, пока мы, стоя, целились. Сейчас мне кажется, что он специально не смотрел нам в глаза, словно хотел, чтобы нам было легче». Каждый раз, когда в него вонзалась пуля, он кричал.

Другого раненого льва они искали всю ночь и только на рассвете наткнулись на следы. Это были следы львиных лап, приготовившихся к броску. Пройдя по направлению броска, они обнаружили мертвую львицу. Туша и трава вокруг нее были в утренней росе, все, кроме сухого участка земли, где трава до сих пор была примята – всю ночь рядом с подругой находился лев, причем, судя по оставленным следам, огромный. «Этот гигант <...> не отходил от мертвой львицы. Он видел наш лагерь, слышал все наши передвижения, выстрелы и крики <...> но вылизывал мех мертвой львицы – мех был приглажен против роста».

Бушмены, непревзойденные охотники, львов никогда не трогали, а львы не трогали бушменов. Скорее всего, каждая из сторон признавала потенциальную опасность противника. Каждая из сторон могла, по идее, проверить границы дозволенного, но никогда их не переходила. «Объяснить условия перемирия невозможно, потому что их невозможно понять», – пишет Элизабет Маршалл Томас. Львы и бушмены не вредили друг другу, им это было не нужно. Они жили так сами и учили этому детей. Может, это и есть объяснение? Может, все настолько просто? Просто не вредить. Но теперь все по-другому. И они другие.

«В 50-е годы львы Калахари составляли одну неделимую популяцию, единую львиную нацию, у которой по большому счету была целая страна». А потом появились переселенцы из Европы, а за ними тяжелой поступью тянулись их многочисленные стада. Ранчо и фермы теснили прежних хозяев этих земель, и «единая львиная нация <...> стала более подозрительной». Львы держались за свои территории, где раньше безраздельно царили, но теперь большую часть площадей занимали выгоны. В прежние времена они могли находиться на расстоянии полутора-двух километров друг от друга и «переговариваться» с помощью рыка, но с распространением фермерства цари зверей превратились в «нищих изгоев». Фермеры забрали себе их земли, перестреляли антилоп и прочую дичь, на которую они охотились, – то есть разделались с экономикой и культурой львиной нации, а потом и с самой нацией. С извечными соседями львов – бушменами – белые люди поступили точно так же.

Элизабет Маршалл Томас пишет, как однажды, наблюдая за львом, зевнула, и он в ответ тут же зевнул, а потом еще раз и еще раз.

«Львы невероятно наблюдательны. Их способность к эмпатии – следствие их наблюдательности». Как вы к нам, так и мы к вам.

Прекрасные отверженные

Гибель Ноль-Шестой поставила вожака Ламаров Семь-Пятьдесят пять в отчаянное положение: он разом лишился и брата, и подруги, в паре с которой охотился. Найди он сейчас подходящую волчицу, его взрослые дочери вполне могли бы этому воспротивиться. Зиму пережили девять членов стаи: один из них – прибылой волчонок, появившийся на свет прошлой весной, остальные восемь – дочери вожака, двоим из которых почти три года. Самый возраст, чтобы интересоваться кавалерами и добиваться в стае высокого достойного положения. Старому вожаку пришлось туго.

Стая лишилась двух ключевых фигур, третий, оставшийся в живых, бродил по округе, пытаясь что-то наладить. В это время старшие дочери познакомились с двумя молодыми самцами, отколовшимися от стаи Худу. Волки этой стаи обитают за пределами Йеллоустонского заповедника, в лесах долины Санлайт, в Вайоминге. Один из кавалеров – высокий серый волк с властным характером, второй – белесый гигант с мягким нравом. Впереди маячил брачный сезон, волки предчувствовали брожение крови.

У женской части Ламаров чужаки нашли горячий прием, суливший им лакомые перспективы, но старого вожака на этом празднике жизни никто не ждал. С появлением волков из стаи Худу ему более не было места в собственной семье.

Каждый час столбик термометра опускается все ниже и ниже. Сейчас уже минус пятнадцать по Цельсию, и, хотя все говорят, что это «сухой мороз», легче не становится. Мои новые зимние ботинки рассчитаны на мороз до минус пятидесяти, они-то, может, и выдержат, но вот ноги – вряд ли. Ступни превратились в ледышки. Мне все время холодно. Исключение составляет только то время, когда в поле зрения появляются волки. Глядя на них, я забываю, что мерзну. Но сейчас волков нет. И от холода не спасают ни зимние штаны на синтепоне, ни три рубашки, ни пуховый жилет, ни парка, ни наушники, ни шарф, ни прикрывающая шею и уши от ветра зюйдвестка, ни нахлобученный поверх нее капюшон.

Температура падает, а вот дух, наоборот, на подъеме. Наверное, он передается нам от волков, которым этот леденящий душу холод нипочем.

В какой-то момент казалось, что все еще может вернуться на круги своя. Семь-Пятьдесят пять обольстил волчицу их стаи Молли, которую и раньше знал. После спаривания она понесла, и он привел беременную подругу в долину реки Ламар. Логовища для волков обладают особой притягательностью; старый вожак показал новой волчице логово, в котором в течение пятнадцати лет появлялись на свет члены его семьи.

На первый взгляд все складывалось как нельзя более удачно: взрослые дочери со своими кавалерами из стаи Худу находились за пределами Йеллоустона, и Семь-Пятьдесят пять мог сохранить за собой статус альфа-самца на своих охотничьих угодьях. Все довольны.

То, что волчице из стаи Молли суждено было принести волчат в семейном логове Ламаров, выглядело как насмешка судьбы, потому что две этих стаи были заклятыми врагами. Возможно, новая «мачеха» Ламаров участвовала в попытке волков из стаи Молли прорваться к этому логову, когда отвлекаящей их Ноль-Шестой удалось обмануть преследователей и ускользнуть через овраг, перерезавший внешнюю стену утеса.

Пролетели три бурных месяца, и старшие дочери Ламаров со своими кавалерами из Худу вернулись в Йеллоустон. Это была уже другая стая, с новой расстановкой сил. Увидав рядом с отцом незнакомую волчицу, они, возможно, вспомнили ее по запаху, если она была тогда среди атакующих из стаи Молли. Или, возможно, просто увидели в ней захватчицу семейного логова, которая, кроме всего прочего, собирается охотиться на их территории. Гибель Ноль-Шестой нарушила равновесие, и в стае началась смута, как это бывало у людей, когда убийство вождя или князя приводило к кровопролитной борьбе за власть.

Не успели сгуститься сумерки, как волчицы из стаи Ламаров чуть не разорвали новую «мачеху» в клочья. Но единства в стае не было. Наблюдатели заметили, что черный волчонок, которому был почти год, явно «хотел к папе».

– Семь-Пятьдесят пять был где-то позади нас, мы слышали, как он воеет, – рассказывал Даг Маклафлин. – Многие в стае ему отвечали, но

идти на его зов никто не решался. А этот черненький решился. Он, видать, сказал себе: «Я еще маленький, хочу к папе!» – и, бросив остальных, пошел по следу отца чуть не за три километра.

Но, когда выяснилось, что рядом с папой незнакомая волчица, волчонок «растерялся». Почуввав новый запах, он, по словам Маклафлина, «бросал след и возвращался назад, чтобы снова взять след отца. Ему вроде бы и любопытно было, что это за новенькая, но он явно побаивался, что впереди ждет засада». Так волчонок нерешительно продвигался вперед, пока наконец не увидел отца.

– Он встретился с отцом глазами, и в них явно читался немой вопрос: «Папочка! Ой, а это еще кто?»

Волчонок принял позу подчинения и пополз к отцу на брюхе, всем видом показывая обоим взрослым волкам, что угрозы он для них не представляет. Хотя порой у доминантных волков демонстрация своего господствующего статуса остальным членам семьи, которых они долго не видели, может протекать довольно агрессивно, Семь-Пятьдесят пять только повел хвостом. Может, он почувствовал облегчение. А может, соскучился по членам стаи.

Раненая волчица, которую чуть не разорвали старшие «падчерицы», при приближении волчонка угрожающе ощерилась, но потом поняла, что его можно не бояться, потому что, во-первых, он мал и слаб, а во-вторых, его знает и любит ее спутник, которому она всецело доверяет.

На этом закат опустил занавес, и заповедник погрузился во мрак.

Еще не рассвело, когда раздался вой «новенькой», но уже с другого холма, а через какое-то время по его склону спустились в долину несколько членов стаи Ламаров. Ситуация накалялась.

Первые лучи забрезжившего солнца осветили вышедшего на дорогу Семь-Пятьдесят пять. Тут же, у дороги, были четверо его детей, решивших повидаться с папой.

Новоявленные «зятья» из стаи Худу явно не собирались уступать старому «тестю», хотя сразу в драку бросаться не спешили. Они стояли на вершине холма по другую сторону дороги. Им, выросшим за пределами Йеллоустона, дороги пришлось не по вкусу. Социальное взаимодействие, за которым они наблюдали сверху, тоже таило в себе массу неясностей. Может, они не могли взять в толк, кем этот волк приходится их новым подругам, а может, и могли: по запаху или по

реакции на него остальных, которые его знали и, судя по всему, высоко чтили.

Так что «зятя» в долину не торопились, а когда все-таки пошли вниз, Семь-Пятьдесят пять сделал маленький шаг назад. Он явно не знал, как поступить. Казалось бы, это его семья. Его долина. И тем не менее с холма на него наступают два могучих волка. Двое на одного.

Он стоял как вкопанный. Семья тоже застыла на месте. Худу остановились.

– И тогда, – рассказывает Даг Маклафлин, – Семь-Пятьдесят пять трогается с места и сам идет к ним. Все трое стоят и просто смотрят друг на друга. А потом Семь-Пятьдесят пять поворачивается и бежит прочь.

– Захоти они его прикончить, – вмешивается в разговор Лори Лиман, – они могли это сделать в мгновение ока.

Семь-Пятьдесят пять был не робкого десятка, но осторожничать имел полное право, уж больно могучей статью отличались «зятя».

Понятно было, что он уносит ноги, спасая собственную жизнь. Он мчался на запад, в одиночестве, не останавливаясь, не делая попыток вернуться, чтобы найти подругу. Очевидно, он уже понял, что до утра она не дожила.

Хищники должны распознавать смерть: они знают, что в результате их действий сопротивлению добычи приходит конец и, когда добыча обмякнет, можно «переключить движок» с режима «резать» на режим «есть».

Было бы ошибкой ожидать, что у волков существует то же самое представление о смерти, что и у людей, но еще ошибочнее считать, что представление о смерти у волков отсутствует как таковое. Волк живет чужой смертью, поэтому разницу между понятиями «мертвый»/«живой» должен представлять себе на функциональном уровне. Возможно, в его сознании это выливается во что-то вроде «раз не шевелится, можно разжать зубы». Если понаблюдать за волком в процессе охоты, мы увидим искусного профессионала, вооруженного опытом и знаниями.

Я далек от того, чтобы утверждать, что волк способен постичь суть смерти или неизбежность своего ухода. Но, с другой стороны, много вы знаете людей, готовых примириться с мыслью о собственной бренности? Большинство верит в жизнь вечную: либо в рай и ад, либо

в реинкарнацию. В этом и широта, и ограниченность наших представлений: если сейчас мы существуем, то поверить, что однажды навсегда перестанем существовать, мы просто не в состоянии, потому что ничего подобного с нами раньше никогда не случилось. Концептуальные границы человеческого сознания для подавляющего большинства определяются личным опытом, и ничем другим. Так что незачем ждать от зверя больше, чем от человека.

Как волк переживает смерть своей половины?

– Мне навсегда врезался в память один случай, – вспоминает Даг Смит. – В Йеллоустоне жил волк, вожак стаи, обитавшей в окрестностях озера Харт. Он с годами начал седеть, и черный мех стал серебристо-синим, поэтому мы прозвали его Сизый. Ему шел двенадцатый год, а для волков, которые и до восьми редко доживают, это мафусаилов век.

Наблюдатели как-то заметили, что поспевать за стаей ему уже непросто. Вскоре он умер. И на следующий день его «супруга», Четырнадцатая, сделала вещь, которую ни один из специалистов по поведению волков припомнить не смог: она ушла. Бросила стаю. Бросила свою территорию. Бросила выводок волчат, которым было всего девять месяцев, – неслыханно!

– Четырнадцатая брела на запад, увязая в снегу, и зашла в такую глушь, что там вообще не было следов других животных, сплошные нетронутые снега.

Пройдя несколько километров, она остановилась на продуваемом ветрами склоне плато Пичстоун, постояла там одна и снова пошла на запад.

– Так она отмахала километров двадцать пять. Пропадала неделю, а потом вернулась к своим. Уж не знаю, что это было, траур не траур, но я эту историю никогда не забуду.

Рик рассказывает о волчице-матриархе, которую убила чужая стая. Овдовевший волк не мог успокоиться несколько дней, он все выл и выл. Так что кто-то, овдовев, ударяется в бега, кто-то воет дни напролет.

Помню, как мы с женой впервые уехали куда-то вместе. Собаки остались дома под присмотром нашего знакомого, и Чуля, образец жизнерадостности и прозорливости, два дня не притрагивалась к еде. Что, по-вашему, она чувствовала?

Когда умирает кто-то из близких, мы не можем смириться с утратой, поэтому горюем. Животные тоже не могут смириться с утратой близкого существа. Им ведомо чувство тоски. Пока оба живы, они зовут друг друга, ищут, стремятся домой, в гнездо или логово. Они ждут этого возвращения, и, если один вдруг не возвращается, второй продолжает его искать. Оставшийся в живых прекрасно знает, кого именно ищет. Потом, спустя время, он или она смиряется с утратой, и жизнь продолжается, хотя это уже совсем другая жизнь.

Семь-Пятьдесят пять бежал не останавливаясь, оставляя между собой и отринувшим его семейством километр за километром. Пробежал уже больше тридцати, миновал реку Хеллроринг-Крик, впереди маячило плато Блэктейл. За всю свою жизнь он ни разу не заходил так далеко.

Еще несколько месяцев назад он был гордым альфа-самцом всей долины реки Ламар. Его подругой и спутницей была лучшая во всем Йеллоустоне волчица, несравненная охотница на оленей. Рядом всегда находился могучий добряк-брат и три поколения потомков. И вот за четыре месяца он сначала по вине людей теряет брата и подругу, потом по вине собственных дочерей лишается новой спутницы, а затем и стаи, куда старшие дочери приводят агрессивных самцов, с которыми он не в состоянии справиться. Дома, в семье, он не чувствует себя в безопасности; на дворе самая голодная пора, а ему негде и не с кем охотиться. И волчат ему никто не принесет. Так что жизнь его по большому счету кончена.

А прошлым утром мы видели, как ревнивые старшие сестры сговорились известить младшую, молодую да раннюю Восемь-Двадцать.

– Охотники часто говорят, что даже если стая лишается вожака – это не страшно. Незаменимых, дескать, нет, – вздыхает Лори Лиман. – Есть незаменимые! Стая без вожака встает с ног на голову, как дети в классе без учителя.

Лори Лиман до того, как выйти на пенсию, много лет проработала в школе.

По злой иронии судьбы париями оказались две самые яркие особи из выживших Ламаров: альфа-самец Семь-Пятьдесят пять и его дочь Восемь-Двадцать. Стая сделала их изгоями, одиночками, лишенными будущего.

Я всегда знал, что волчья стая – это семья: отец, мать и дети; что старшие дети-поярки помогают кормить и поднимать на ноги младших. Знал, что поярки вырастают, матереют и уходят от родителей, чтобы жить своей жизнью, в собственных стаях-семьях, и так из поколения в поколение. Но я понятия не имел, что этот отлаженный процесс зависит от индивидуально-личностных особенностей участников, от их способности хранить верность или предавать, плести интриги, сколачивать коалиции, объявлять вендетту; что трагедия в семье может привести к смуте и расколу. Все это выглядит как-то уж слишком... по-человечески.

И отчасти так оно и есть. Спусковым крючком всех этих злоключений стали действия человека. По замечанию антрополога Сержа Бушара, «человек человеку волк, хотя волк такого сравнения не заслуживает».

Холмы и долины Йеллоустона замечает свежим снежком, который в лучах зари кажется розовым. Девять градусов мороза по Цельсию. Вторая половина марта.

За тысячи километров к востоку, в родных мне низовьях, лягушки встречают весну дружным кваканьем, а вернувшиеся из теплых стран скопы чинят свои огромные гнезда. Но тут, на высоте двух километров над уровнем моря, все еще царит зима. Единственный признак приближающейся весны – полдюжины гусей, пролетающих над нашими головами. Гуси знают, что свежий снег – просто бравада зимы, но солнце не спрячешь, и дни стали длиннее. Гуси верят солнцу, и правильно делают.

Общими усилиями нам удастся заметить на высоком склоне окопавшихся в снегу волков. Примаки из стаи Худу успели обжиться среди потомственных Ламаров и чувствуют себя как дома. Высокий серый свесил лапы с края сугроба и дрыхнет, уткнувшись носом в наметенную за ночь порошу. Он теперь исполняет обязанности вожака. Черный волчонок стремится засвидетельствовать свое почтение старшим по званию, и примаки благосклонно принимают это. Все дружелюбно поводят хвостами и лижутя. Судя по всему, в стае утвердилась новая расстановка сил и ситуация пришла к равновесию.

У нас заработал радиоприемник – это сигналы радиошейников. В трех-четыре километра от нас зафиксировано нахождение двух

волков, которых мы легко опознаем по передатчикам: Семь-Пятьдесят пять и Восемь-Двадцать. Мы идем к ним.

По гребню, венчающему открытый снежный склон, движутся две еле заметные даже в смотровой телескоп фигурки. Это они. Со вчерашнего дня Семь-Пятьдесят пять отмахал совершенно невероятное расстояние: до берегов Хеллроринг-Крик и обратно выйдет добрых шестьдесят пять километров. Он узнает родные места, узнает родную дочь. Среди необъятных горных далей, среди лесов и торчащих из-под снега сухих былок шалфея эти двое нашли друг друга.

На скорости почти десять километров в час они движутся по величественному ландшафту. У Восемь-Двадцать хвост на отлете – это доминантная поза. Волчица в превосходном настроении. В свои два года она уже в полном расцвете сил. мех у нее серый, с серебристым отливом по вороту и холке и светлыми пятнами на щеках. Отцу через две недели стукнет пять, его черный от рождения мех, когда он заматерел, подернулся сединой. Так они бегут по склонам, то ныряя в чащу, то выскакивая на снежное поле.

По всем волчьим законам им удалось найти друг друга. По всем человеческим законам у нас с души камень свалился, потому что они снова вместе. Но никакое безоблачное будущее их не ждет, это я знаю наверняка. Начинать жизнь с чистого листа им будет очень трудно. Лидерские задатки Восемь-Двадцать не позволят ей терпеть рядом с собой самку, которую приведет отец. Да и он не сможет вынести общество ее кавалеров. С территорией тоже большой вопрос: им же надо охотиться, а где? Сейчас они буквально в каких-нибудь полутора километрах, считай, в прямой видимости от стаи Ламаров, которые обошлись с ними так беспощадно.

А Ламары тем временем снова кемарят. Мы стучим зубами от холода, а волки дрыхнут. Вот поярок просыпается, трусит к засыпанному снегом оврагу и возвращается назад с куском оленьей ноги, очевидно припрятанной загодя. Потом волчонок ложится и принимается ее глотать – ни дать ни взять дворняга с костью.

В три часа пополудни просыпаются остальные, теперь вся стая на ногах. Волки начинают выть. Люди умолкают.

Меня поражают их голоса. Я ожидал низкого грудного рева, но волчий вой куда выше и неожиданно разнообразнее по тембру: тут

тебе и визг, и свист, и рулады, кто-то тянет отдельные длинные ноты, которые звучат, а потом угасают, – в общем, мейстерзингеры, да и только. И стоит закрыть глаза, голосов кажется больше, чем живых волков.

Вой заполняет собой долину и в моем человеческом восприятии превращается в подобие торжественного и экстатического соборного хора, который доходит до самого сердца. Мне слышится в нем скорбное утверждение, но это ли хотят выразить волки? Что слышится им? Призывный клич? Эмоциональный выплеск? Угроза? Предупреждение? Что бы они ни говорили, что бы им ни слышалось, у меня в душе просыпается древность, бессловесная, как предрассветный сон.

Если Восемь-Двадцать и Семь-Пятьдесят пять подадут голоса в ответ, это станет началом противостояния между волками, каждый из которых считает эту долину своей. Все участники драмы понимают ее развитие. Восемь-Двадцать и Семь-Пятьдесят пять расчетливо хранят молчание. Но, как бы они ни старались, в долине им не спрятаться; стоит двинуться вперед, их тут же выдаст запах. Так что рано или поздно, но расправа их настигнет. Волки что люди, пленных не берут, так что отец и дочь обречены.

Молодая волчица растворяется в лесной чаще. Отец следует за ней. Вой понемногу затихает, и вот уже морозный воздух пронизан лишь солнечными лучами.

Около шести вечера Восемь-Двадцать сама поднимает вой.

Это тактический просчет. Ламары мгновенно подхватываются, и стая приходит в боевую готовность.

Два брата-примака Худу ничего с Восемь-Двадцать не делили. Тем не менее ведомая сучьей ревностью стая в полном составе устремляется в ту сторону, откуда донесся голос их парии-сестры.

Они скрываются в лесу у подножия холма и потом выныривают из чащи высоко на склоне, где над заснеженной просекой гора образует что-то вроде плоской полки.

Там, на приличном отдалении от Ламаров, появляется Восемь-Двадцать. Очень может быть, что ее вечерний призыв был адресован отцу. Но он как сквозь землю провалился. Радиоошейник молчит. Она решила рискнуть и подала голос, но просчиталась. Единственная

родная душа, единственный старый друг не пришел на ее зов. Зато на него пришли новые враги.

Восемь-Двадцать по всем статьям превосходит своих весьма заурядных сестриц, которым, несмотря на средние данные, надобно того же, что и ей. Волчьи игры – дело тонкое. Бывает, что порой серому волку лучше бы родиться серой мышкой, с которой взятки гладки. А тот, кому много дано, за это поплатится. Именно такой конец намечается у истории, которая разворачивается сейчас перед нашими глазами. В свете заходящего солнца мы видим бегущую Восемь-Двадцать. Хвост у нее поджат, сразу ясно, что жизнь ей не мила. Мне со стороны хорошо видно и ее, и стаю. Я не знаю, видят ли они друг друга, но, судя по всему, местонахождение всех участников драмы ни для кого не секрет.

Ворон к ворону летит

Восемь-Двадцать и ее отец провели вместе меньше одного дня. Сейчас сигнал его радиоошейника засечь невозможно, сколько мы ни водим ручными антеннами на холодном ветру. В долине реки Ламар его нет. Он ушел. Осиротевшая дочь осталась, ее не видно, но сигнал проходит. Если она и вправду на сносях (и это именно та причина, по которой на нее взъелась тоже, видать, беременная старшая сестра) и в одиночестве начала голодать, беременность, скорее всего, закончится выкидышем или зародыши не разовьются.

Гибель Семь-Пятьдесят четыре и Ноль-Шестой смешала все жизненные карты стаи. Смерть прибирает к рукам не только жизни убитых волков, она вмешивается в будущее тех, что уцелели, и даже в будущее их потомков, ведь волк – не бездушный живой организм, а личность с индивидуальными особенностями и характером.

Лори шарит глазами по долине, словно ворон, всматриваясь в мельчайшие детали, в землю под деревом, на котором сидит орел, чтобы заметить хотя бы тень следа или движения – что угодно.

Я не вижу ничего.

Лори произносит: «Вот они!» – и для меня это все равно что «Крибле-крабле бумс!».

– Где?

Я поворачиваю голову и смотрю туда же, куда смотрит Лори, но она видит волков, а я не вижу ни-че-го.

Она отходит в сторону от своего смотрового телескопа и делает рукой приглашающий жест. Прикинув к «глазку», я вижу немыслимое зрелище: восемь волков с добычей на расстоянии трех с лишним километров. Когда я смотрю уже в свой телескоп, то замечаю на снегу продолговатую черную... кляксу? Нет, точки, будто перцем сыпанули. Ну конечно! Вороны.

К тому времени как волки загнали добычу и режут ее, вороны тут как тут, в великом множестве. Они испокон веков кормятся остатками волчьих трофеев, поэтому в народе ворона нередко называют «волчьей птицей». А вот если тушу оленя бросили в лесу охотники, вороны на нее не слетаются. Волку ворон доверяет. Человеку – никогда. Каждый

вороненок знает, что в такой туше может быть яд. Воронята свои уроки учат на совесть.

Но так было не всегда. В скандинавской мифологии Один хоть и почитался верховным божеством и отцом всех богов, но страдал от недостатка зрения, памяти и знаний. Есть он не ел, пил только мед и брагу, а изъяснялся исключительно стихами. Конечно, без посторонней помощи ему было не обойтись. Божественную неполноценность искупала парочка воронов, Хугин («мысль») и Мунин («память») – они летали по всему миру и приносили Одину вести о том, что где случилось. Их место было на божьих плечах, а у ног Одина всегда лежали два волка – Гери («жадный») и Фреки («прожорливый»), которые добывали мясо и пропитание^[64]. Такая вот была единая бого-человеко-вороно-волчья супергруппа, несокрушимая коалиция, чья мощь заключалась в синергетическом единстве. Биолог и автор книг Бернд Хейнрич предположил, что атрибутика Одина отражает «сильный охотничий альянс из забытого прошлого; культура охоты была погребена, когда охотники превратились в скотоводов и земледельцев». А еще в ковбоев и фермеров.

Орнитолог Дерек Крейгхед с изумлением выяснил, что едва вставшие на крыло воронята, вылупившиеся у пары, за которой наблюдали ученые, преспокойно гостят ночью в гнезде, принадлежащем совсем другой паре воронов на противоположном склоне горы. При этом хозяева гнезда дома. «Вороны традиционно считаются территориальными птицами, живущими обособленными парами, – пишет он, – но на самом деле они существуют в рамках разветвленной социальной структуры, куда более сложной, чем нам казалось».

В наличии ума у волков, человекообразных обезьян, слонов и китов сомневаться не приходится, это знает каждый. Несмотря на куда более скромный по размерам мозг, птицы в этом ряду тоже могут занять достойное место, особенно вороны обыкновенные и их ближайшие родственники из семейства врановых: сойки, сороки, галки и грачи. Это действительно умные существа с развитой наблюдательностью и способностью рассуждать, строить планы, реагировать на изменения ситуации, делать умозаключения и проявлять находчивость. Их интеллектуальной оснащенности могли

бы позавидовать некоторые хищники, слоны и дельфины: она у них на уровне человекообразных.

В Йеллоустоне вороны тысячелетиями испещряют снежные страницы своими черными восклицательными знаками. Они смогли вписать в перечень своих достижений нечто новое: способность расстегивать «молнии» на туристических рюкзаках. Большие полушария переднего мозга – отдела, отвечающего за мышление, – у воронов и врановых значительно крупнее, чем у прочих птиц за исключением некоторых попугаев. Многие ученые считают, что именно размер полушарий наделил врановых «интеллектом приматов». По отношению к массе тела мозг ворона сопоставим с мозгом шимпанзе.

В ходе одного из экспериментов ворона помещали в абсолютно новую для него ситуацию: с ветки спускалась веревочка с подвешенным на ней кусочком мяса. Чтобы достать мясо, надо было сесть на ветку и клювом несколько раз подпернуть веревочку, все время переступая лапками и прижимая образующуюся веревочную петлю к ветке, пока наконец лакомство не оказывалось у птицы в клюве. Некоторые вороны расщелкивали эту логическую задачу с первого предъявления, то есть не искали решения путем проб и ошибок, а сразу действовали правильно; они понимали причинно-следственные связи и могли представить себе (!) конечный результат. Были случаи, когда вороны ориентировались быстрее, чем двухлетние дети или пудели (для которых ситуация была не в новинку), и при этом вели себя так, словно «их действия – нечто само собой разумеющееся».

Перейдем на личности. Бетти – самка новокаледонского ворона. Эта птица демонстрирует способность находить решение на основе предыдущего опыта. Уяснив для себя, что такое крючок, она самостоятельно сгибает проволоку, чтобы получившимся крючком выуживать еду из сосуда с узким высоким горлом. Когда ей предлагают на выбор несколько отрезков проволоки, она в зависимости от задачи подбирает строго определенный по длине и диаметру. При этом способности Бетти отнюдь не исключительны, она просто пришлась по сердцу сотрудникам научно-исследовательской станции, но на ее месте мог быть любой новокаледонский ворон. Все особи данного вида демонстрируют способность использовать орудия

труда для того, чтобы раздобыть еду, причем иногда для достижения конечного результата требуется восемь последовательных операций^[65].

Очень схожие с воронами грачи без труда уяснили для себя принцип действия еще одной «кормушки»: прозрачного пластмассового контейнера с откидывающимся дном и вертикальной трубкой. Для того чтобы вытолкнуть аппетитную личинку, надо бросить в трубку подходящий по размеру камень – а камней птицам предлагали несколько. Когда широкую трубку заменили на узкую, трое из четырех участвующих в эксперименте грачей с первой же попытки хватили камни помельче, а к более крупным, которые из-за своего размера наверняка застряли бы в трубке, даже не притрагивались, хотя раньше выбирали именно их. Потом вместо камня птицам предложили прут, и все четверо мгновенно сообразили, что его надо сунуть в трубку и надавить на донышко, тогда оно откинется и личинка вывалится наружу. Задание усложнили: грачам предлагали пару инструментов: либо слишком короткий прут и с ним подходящий по размерам камень, либо слишком большой камень, а к нему прут нужной длины. Все птицы безошибочно выбрали именно тот инструмент, с помощью которого можно извлечь лакомство. Потом вместо прута им дали ветку с боковыми побегами, из-за которых она неминуемо застряла бы в трубке, – и грачи ловко отщипывали побеги клювами. Когда личинку прятали в маленькое ведерко и в таком виде ставили в контейнер с трубкой, грач брал предложенный прямой отрезок проволоки, сгибал его, просовывал получившийся крючок в трубку, подцеплял ручку ведерка, вытаскивал его и доставал оттуда личинку. Так поступали все птицы, которые участвовали в эксперименте. Они отлично понимали, чего хотят и как этого добиться, то есть демонстрировали способность к умозаключениям, состоящим из посылок и вывода. Какаду, хоть и относятся не к врановым, а к попугаеобразным, когда жизнь преподносит им сюрпризы в виде замков, задвижек или защелок, тоже проявляют находчивость не хуже Гудини.

Воробы долгие годы помнят лица исследователей, которые их ловили, окольцовывали и обмеряли. Встретив потом этих людей на территории кампуса, они осыпали их громкой птичьей бранью. Сначала возмущенно каркали только окольцованные, но благодаря им

остальные мигом запомнили этих якобы душегубов в лицо и, завидя их, поднимали тревогу. Наученные горьким опытом, орнитологи при ловле ворон стали надевать спецодежду и маски, чтобы птицы не запоминали их, иначе потом годами пришлось бы ходить по кампусу под вороний грай.

Врановые и мы, человекообразные, отличаемся по строению мозга (у нас, как и у всех млекопитающих, – гипертрофированный неокортекс, или новая кора, у них – каудолатеральный нидопаллиум). Но великие умы мыслят одинаково, и по некоторым когнитивным способностям мы совпадаем. Английские орнитологи Крис Берд и Натан Эмери (а все описанные выше эксперименты поставили именно они) утверждают, что «...по части решения элементарных физических задач новокаледонские вороны, а теперь и грачи могут составить конкуренцию шимпанзе и даже превзойти их, что, возможно, заставит нас пересмотреть эволюцию сознания в ее традиционном понимании». Ученые утверждают, что вороны, воробьи и вообще все врановые «демонстрируют разумное поведение на уровне шимпанзе или горилл». Вот почему их называют «пернатыми приматами». Кто бы сомневался!

Ну и раз уж мы заговорили об использовании птицами орудий труда, грех будет не посмотреть на эту проблему чуть шире. Как и со всеми концептуальными понятиями, имеющими отношение к поведению, единого определения того, что считать «орудием труда», не существует. Поэтому предлагаю свое: к орудиям труда можно отнести все, что не является частью тела деятеля и используется им для достижения конкретной цели.

В 60-е годы XX века приматолог Джейн Гудолл стала ниспровергательницей основ, рассказав, что шимпанзе достают термитов из термитника с помощью веток, то есть примитивных орудий труда. До этого момента ученые полагали, что изготовление орудий труда – прерогатива человека и именно она и сделала его человеком. Однако тут у нас неувязочка, поскольку еще в 1844 году находившийся с христианской миссией в Либерии Томас Сэвидж писал, что шимпанзе, живущие в дикой природе, колют орехи «камнями совершенно на человеческий манер». Но к заметкам проповедника наука более века оставалась глуха, хотя в 1887 году другой исследователь утверждал, что макаки, чтобы разбивать

раковины устриц, найденных на берегу во время отлива, пользуются камнями. Как получилось, что это письменное свидетельство тоже стерлось из памяти ученых? Дело, вероятно, в том, что до начала космической эры, пока разобщенность человека и природы не достигла своего апогея, использование орудий труда животными не казалось чем-то из ряда вон выходящим. Непонятно, каким образом, но до появления книги Гудолл о нем никто и не вспоминал, а вот после ее выхода выдающийся кенийский антрополог британского происхождения Луис Лики произнес свою знаменитую фразу: «Теперь придется либо пересмотреть понятия „человек“ и „орудие труда“, либо признать, что шимпанзе – это люди». За этим последовала переоценка монополии *homo sapiens* на мышление и культуру. Человек стал понемногу сдавать позиции «венца творения». Но на самом деле эта новость была новостью только для нас. Шимпанзе благополучно изготавливали орудия труда в течение сотен тысяч лет. А нам только сейчас стало известно, что примитивными орудиями труда пользуются приматы, слоны, каланы, дельфины, различные птицы, осьминоги и даже насекомые.

Танзанийские шимпанзе, о которых писала Гудолл, пользовались хотя бы ветками деревьев, а вот в других регионах Африки, таких как Гвинея или Берег Слоновой Кости, приматы, чтобы расколоть орехи, лихо орудовали камнями или деревянными колотушками. Из общего количества времени, которое шимпанзе тратят на поиск еды, 10–15 % приходится на колку орехов. За три-четыре месяца, на которые выпадает пик урожая орехов, отдельная особь за день потребляет до трех с половиной тысяч богатых жирами пищевых калорий. Умение колоть орехи с помощью каких-то приспособлений позволяет шимпанзе включать в рацион около шести видов орехов, которые, что называется, голыми руками не возьмешь. Такие вот благоденствующие приматы отличаются более высокой репродуктивной активностью и большей общительностью при социальном взаимодействии. Но вместе с тем на просторах Черного континента полно шимпанзе, у которых камни и бревна, из которых получились бы колотушки, валяются буквально под ногами, но на питательные орехи они только смотрят, а есть не едят, потому что, как их колоть, не знают. Где-то они ковыряют землю палками, а потом с помощью гибких прутьев начинают ворошить термитники. В других местах шимпанзе готовят орудия

труда впрок, еще где-то могут ради выполнения одной задачи воспользоваться сперва одним, потом другим подручным средством. Кто-то тычет палками в муравейник, чтобы их облепили муравьи, кто-то дробит плоды масличной пальмы, кто-то опускает в воду пористые листья, чтобы они набухли, словно губка, кто-то при охоте на большеглазых галаго, прячущихся в дуплах деревьев, пользуется прутьями словно копьями – в одних популяциях что-то делают, в других не делают. У каждой популяции шимпанзе свои культурные особенности, к которым относятся подлежащие освоению технические приемы.

А вот бонобо, хоть и не глупее своих ближайших родственников – шимпанзе, орудиями труда не пользуются. Долгое время считалось, что гориллы тоже, пока Вики Фишлок и ее коллеги своим глазами не увидели, как гориллы пробуют глубину болота палками, пользуются ими как посохами, чтобы, наклоняясь, не упасть в воду, и сооружают из бревен подобие мостов через топь. Содержавшаяся в неволе горилла самостоятельно научилась колоть орехи и довела этот процесс до совершенства, сделав себе импровизированные биток и наковальню. У капуциновых обезьян есть специальные места для колки орехов, куда они приносят тяжелые камни, ранжируя их по размеру: побольше – под «наковальни», поменьше – под «битки», причем последние, в зависимости от вида орехов, подбираются по весу.

Орангутан, обнаружив лакомство внутри узкого прозрачного цилиндра, набирает в рот воду и сплевывает ее в цилиндр, чтобы еда всплыла и ее можно было достать пальцами. Грачи и сойки в похожих ситуациях пытаются поднять уровень воды в цилиндре, бросая туда камушки. У нас дома живут два попугая – Кейн и Розочка. Оба используют воду как размягчитель. Если дать Кейну сухую хлебную корку, он тут же ковыляет к поилке и бросает хлеб в воду, потом ждет минутку, вынимает разбухший мякиш, тащит его в противоположный конец клетки, кладет в кормушку и принимается за размоченное лакомство. Розочка частенько проделывает то же самое. (Мы с женой, честно говоря, попугаями никогда не интересовались, но я увидел в зоомагазине, как Кейн специально размачивает хлебные корки в воде, меня это настолько заинтересовало, что мы забрали обоих обитателей клетки к себе. Судя по всему, первым до этого додумался кто-то один, а другой, что называется, собезьянничал. Если учесть, что они

относятся к разным видам – Кейн – попугай-монах, Розочка – зеленощекий краснохвостый попугай, то вымачивание еды в воде можно рассматривать как межвидовую культурную трансмиссию.)

Слоны пользуются по крайней мере шестью разными приспособлениями, в основном чтобы скрести кожу и удалять клещей. Все по ситуации: сегодня слон может соорудить чесалку для спины, а завтра с помощью бревна или камня снесет электроограждение. Каланы, или морские выдры, камнями разбивают панцири морских ежей, крабов и раковины моллюсков^[66]. Новокаледонские вороны и дятловые древесные вьюрки проверяют расселины коры на предмет жуков или личинок с помощью заостренных веточек или шипов растений, которые служат им вместо щупов. Другие врановые в качестве подручных средств используют автомобили на оживленных трассах: бросают орехи прямо им под колеса. Чайки, чтобы добраться до сочной мякоти морских гребешков, сердцевидок, мидий или багрянок, швыряют их с высоты на твердую поверхность. Для этого птицы сначала ныряют за добычей, хватают ее клювом, взмывают ввысь и целенаправленно парят над землей, высматривая подходящий для выполнения требуемой операции участок, а найдя его, бросают раковину вниз (причем сила тяжести придает моллюску ускорение свободного падения). Если повезет, твердая как камень раковина разбивается; если не повезет, чайка поднимает ее с земли и проделывает все снова и снова. Другого способа полакомиться засевающим в раковине-крепости обитателем у чайки нет.

Мне доводилось многократно наблюдать, как чайки разделяют моллюсков, прицельно швыряя их на прибрежные камни, шоссе, плоские крыши. (Ключевое слово – «плоские». Мои многострадальные соседи знают: раз крыша их дома подвергается массивной бомбардировке с воздуха, значит, морские гребешки в этом году уродились на славу. У нас, слава тебе господи, крыша двускатная.)

Стервятник обыкновенный, чтобы добавить в свой рацион содержимое найденного страусиного яйца, разбивает его скорлупу камнем. Американская зеленая кваква^[67] ловит рыбу «на живца» или «на блесну», используя в качестве приманки насекомых или выдернутое и специально брошенное в воду перышко, а иногда даже хлеб. В сети можно посмотреть поразительное видео с кваквой^[68], которая ловит рыбу на хлеб, но размениваться на мальков не хочет. Раз

за разом она бросает в воду кусок хлеба и тут же выхватывает его, потому что клюет всякая мелочь, но наконец ее настойчивость вознаграждается и ей удается выхватить из ручья по-настоящему крупную рыбу.

Горбатые киты, или длиннорукие полосатики, бьют плавниками по воде, чтобы загнать косяк рыбы, на которую охотятся, в «пенное кольцо» и, не давая добыче опомниться, заглатывают ее. Для этого кит подныривает под «пенное кольцо» с открытой пастью, глотает добычу вместе с водой и поднимается на поверхность, взметывая к небу фонтан из дыхала – это одно из самых впечатляющих зрелищ в мире.

А вот факт практически неизвестный: обитающие на Багамских островах дельфины афалины молотят плавниками по песку, добываясь, чтобы со дна поднялся вихревой столб, похожий на торнадо, который скользит по горизонтали и в какой-то момент зависает. Дельфины тут же бросаются разрывать дно там, где «мини-торнадо» прекратил движение, потому что он зависает над зоной пониженного давления, а оно указывает на то, что внизу есть углубление или полость, где может прятаться рыба. Получается, что дельфины специально запускают «торнадо», чтобы находить места скопления рыбы, для них это инструмент придонной разведки. «Я не могла поверить своим глазам, – пишет Дениз Херцинг, – но, как выяснилось, багамские афалины проделывают такие вещи постоянно».

У многих животных, пользующихся подручными средствами, технологический прорыв начинается с игры, когда они просто возятся с камушками или палками. Ребенок тоже, прежде чем научиться говорить, сперва лепечет, а постижение внешнего мира у него идет через игру с кубиками, когда безо всякого давления извне он исследует собственные возможности.

Мне попала интереснейшая видеоиллюстрация к научной статье, где какаду Фигаро, которому дали побег бамбука, делает и доводит до ума приспособление, похожее на импровизированные садовые грабли, чтобы захватить ими и затащить внутрь клетки разложенные снаружи лакомства. (В эксперименте участвовали еще два попугая, но никаких граблей из бамбука они делать не стали, что лишней раз доказывает, как мы похожи. Талант – товар штучный: что у нас, что у пернатых он редкость.) Меня поразила самка орангутана, воспользовавшаяся пучком соломы, чтобы замести внутрь еду,

которую специально положили так, чтобы она не могла до нее дотянуться. Но ведь голубые сойки тоже проделывают нечто похожее: когда птице надо смести в одну кучу разбросанные крошки, она делает это с помощью найденного куска бумаги, который разрывает на полоски.

Среди рыб такое тоже случается. Например, некоторым видам губанов подводные камни и кораллы служат «наковальней» для того, чтобы разбивать морских ежей, моллюсков и ракообразных. Кстати, коэффициент энцефализации^[69] у губанов довольно высок и вполне сопоставим с аналогичным показателем у птиц и приматов, которые пользуются орудиями труда. Некоторые цихлиды^[70] и сомообразные приклеивают икру к листьям водорослей или небольшим камушкам, которые в случае опасности утаскивают из гнезда. Рыба-брызгун выпускает изо рта струю воды, которой сбивает живущих в листве прибрежных растений насекомых.

Можно встретить случаи использования орудий труда и среди насекомых, причем их действия носят настолько нетривиальный, очевидно сознательный и даже остроумный характер, что просто диву даешься. Муравьи, например, обнаружив истекающий соком подгнивший фрукт, уходят и возвращаются с абсорбентами: листьями, песчинками, щепочками мягкой древесины, – которые пропитывают соком и в таком виде доставляют жидкую субстанцию в муравейник. Некоторые виды муравьев заваливают входы в муравейники конкурентов песком, то есть, по сути дела, ставят конкурирующей фирме палки в колеса, заставляя их тратить время и силы на расчистку. А есть муравьи, которые специально выманивают из нор земляных пчел. Энтомолог Джон Д. Пирс описывает их действия так: «Обнаружив пчелу-андрену, муравей несколько секунд выждал у края норки, а потом пошел бродить окрест и через какое-то время вернулся с кусочком грунта <...> Подойдя точно к краю норки, он секунду словно бы колебался, а потом сбросил туда свою ношу».

Переведя дух, муравей отправляется за новой порцией грунта. Тем временем подросли другие муравьи. Андрена уже на поверхности, она грозно вытягивает верхние челюсти-жвалы. Все это очень похоже на битву с драконом, только в миниатюре. Пчела пытается разить врагов из своего разоренного гнезда, но под натиском атакующих муравьев гибнет.

Некоторые осы прячут в подготовленную норку-камеру парализованную ядом добычу, откладывают сверху яйцо и с помощью камушков или земляного кома замуровывают норку. Личинка, вылупившись, будет питаться оставленной для нее жертвой. Опять читаем у Пирса: «Основной ком помещается глубоко внутрь и поверх засыпается всякой мелочью <...> Иногда самка осы утрамбовывает материал с помощью камушка, чтобы получилась плотная затычка».

Полужесткокрылые клопы-хищницы, когда охотятся на термитов, прибегают к камуфляжу, для начала наклеивая на себя куски термитника, чтобы по запаху сойти за «своих». Потом, поймав термита и высосав его внутренности, хищнец держит пустой хитиновый панцирь перед своей головой и «слегка покачивает им, явно стараясь привлечь внимание». Стоит привлеченному термиту вцепиться в панцирь, хищнец начинает планомерно отступать, утаскивая термита из термитника. Едва голова термита оказывается в досягаемости, хищнец бросает панцирь-приманку и впрыскивает жертве яд.

Это лишь несколько примеров использования насекомыми орудий труда. И мы еще ни словом не обмолвились об их домах – термитниках, муравейниках, пчелиных и паучьих гнездах, – об их конструкторском совершенстве, системе вентиляции, производстве корма, системе поддержания температуры. Значит ли это, что пользующиеся орудиями труда насекомые отличаются изрядным умом? Или, напротив, что для изготовления орудий труда интеллект не требуется? Или что подобная деятельность не производит особого впечатления, потому что заняты ею безмозглые букашки? И что творится у этих безмозглых букашек в головах? Мы можем считать их наделенными сознанием? Если можем, то до какой степени? Как они принимают решения, как оценивают собственные действия, как понимают, удача это или провал? Значит ли это, что человеческий мозг принимает решение без участия разума или сознания (есть и такая точка зрения), а мы потом верим, что совершили действие осмысленно?

По части изготовления орудий труда человеку нет равных, но по иронии судьбы среди животных он самый беспомощный. Ни спать, ни есть, ни даже испражняться без приспособлений и подручных средств, призванных помочь нам справиться с ситуацией и достичь намеченной цели, мы не в состоянии. Если голый человек на голой земле сможет

продержаться хотя бы одну ночь, не имея никаких дополнительных инструментов для выживания, ему придется немедленно начать каким-то образом эти инструменты делать. Но делать-то мы не приучены, человек все больше пользуется тем, что сделал для него кто-то другой. В окружающей природе мы вряд ли найдем то, из чего можно изготовить кусок веревки, нож, одежду или развести огонь. Никто из нас не умеет изобретать. Я сейчас сижу за компьютером, но знать не знаю, как он работает или как его делали. Homo sapiens, конечно, звучит гордо и производит впечатление, но отдельно взятая особь вряд ли способна сшить рубашку, даже если завалить ее рулонами любых тканей.

И тем не менее мы гордимся коллективными достижениями человечества, к которым каждый из нас лично ни малейшего отношения не имеет и которые большинство просто не в состоянии понять. А вот личной ответственности за коллективные грехи человечества мы не чувствуем. В XX веке одни представители цивилизованного человечества уничтожили более ста миллионов других представителей все того же цивилизованного человечества, и в XXI веке радикального оздоровления ситуации не намечается. Нам больше по вкусу ставить во главу угла способность человека строить самолеты или делать компьютеры, – весь этот «нас возвышающий обман» в первую очередь для тех, кто понятия не имеет, как же именно построить самолет или сделать компьютер. Собаки не знают, что машины делают люди. Они не знают, что требуется для того, чтобы сделать машину, не знают, что за этим стоит горнорудная и химическая промышленность, металлургия, работа инженеров-конструкторов, сборщиков, не знают ни производителей, ни дистрибьюторов, то есть, по сути, практически ничем не отличаются от тех из нас, кто просто садится в авто и жмет на газ.

Волчья песнь

Мы движемся на восток. На белом снегу долины уже отчетливо заметно красное пятно, над которым кружит черное воронье. Я смотрю в зрительную трубу: волки из стаи Ламаров с окровавленными мордами энергично вгрызаются в тушу только что заваленного лося, который стремительно превращается в собственный скелет. Острые лосиные рога потеряли горделивый вид, изувеченная голова мордой вверх лежит рядом на снегу, как охотничий трофей. Похоже, воронам и сорокам мало что достанется. Но, судя по их терпеливому ожиданию, им и того хватит: доедать остатки – их основной способ пропитания. Всего возле туши девять волков, семеро из них уже насытились и с довольным видом растянулись на заснеженной земле.

Время немного пофилософствовать. Лось, бьющийся за жизнь, становится плотью, костями и нервами волка, чья вечная цель – догнать и убить животное, бегущее от смерти, от судьбы, которую вершат такие же живые существа, как и он сам. Говоря на языке «Звездного пути», Хищник предопределяет участь Борга^[71]. В небе над жертвой с карканьем кружатся создания, чьи тела тоже сотканы из плоти лося. Проходит время, и Хищник гибнет. То, что когда-то было убитым лосем, а потом превратилось в волка, ворона или медведя, теперь прорастает травой, и по отношению к ней хищником становится уже сам лось. Он ест эту траву, и трава входит в его кровь и плоть: одно из многих колес Вечности совершает полный круг. И это вечное вращение колес способен прервать только человек – питающийся Боргами Супер-Борг.

Я топаю ногами, пытаюсь понять, отмерзли они окончательно или нет. Пока волки предаются сытому сну, мы, наблюдатели, ждем их пробуждения, смотрим по сторонам, болтаем, чем-то перекусываем, обсуждаем, у кого теплее ботинки и рукавицы, – в общем, делаем все что угодно, только не греемся. Рик рассказывает мне историю о годовалом слабеньком волке по имени Треугольник – так его называли из-за белого треугольника на груди. Времена у стаи тогда были тяжелые. Волки совершенно обессилели от чесотки, вдобавок соперники только что убили их матриарха.

Однажды утром годовик Треугольник и его сестра трех с половиной лет столкнулись с тремя чужими враждебно настроенными волками. Брат и сестра бросились бежать и – то ли специально, то ли поддавшись панике – разделились. Агрессоры кинулись в погоню за сестрой. Она бегала быстрее всех в стае, но один из волков все же нагнал ее и повалил наземь. Вырвавшись, волчица вскочила на ноги и со всех сил помчалась в сторону реки. И еще дважды ей удавалось выскользнуть.

В четвертый раз все три брата-волка набросились на нее одновременно. Поверженная, она отчаянно отбивалась. Двое волков, злобно тряся головами, кусали ее за живот и бедра, а третий, самый большой, готовился сомкнуть мощные челюсти на горле.

Внезапно большой волк отстранился – зубы уперлись в радиоошейник волчицы. Быстро сообразив, в чем дело, он поменял положение челюстей, но не успел нанести смертельную рану. Глядя в зрительную трубу, Рик с изумлением увидел маленькое черное пятно – кто-то вмешался в борьбу и спутал планы агрессоров. Это был слабый, болезненный Треугольник – он примчался, чтобы вырвать сестру из лап смерти.

Его появление ошарашило нападавших: от неожиданности они отпустили волчицу. Она мигом вскочила на ноги и побежала к реке. Конечно, Треугольник сумел отвлечь волков лишь ненадолго – на берегу они нагнали ее, и все четверо начали барахтаться в воде. Треугольник снова смело бросился сестре на помощь. Воспользовавшись общей неразберихой, она в несколько прыжков преодолела реку и понеслась по долине на север, стремясь в свое семейное логово.

А все три волка пустились вслед за Треугольником. И в этой, пожалуй, самой странной за всю историю заповедника гонке маленький и слабый годовалый волк сумел оторваться от преследователей. В конце концов они сдались и медленным шагом направились по долине в сторону юга.

Сестра Треугольника вернулась домой спустя полторы недели. Она выздоравливала. Треугольник продолжал охотиться и еще несколько месяцев бегал вместе со стаей. Но зудящая чесотка и раны, полученные во время борьбы, окончательно подорвали и без того слабое здоровье. Он не сумел выжить.

Рик считает его героем.

Хм. Человека можно назвать героем, это да. Но разве молодой волк, ввязываясь в борьбу, мог о чем-то думать?

– Героизм – это не мысли, а дела, – говорит Рик. – Представьте себе пожарного, который врывается в горящий дом, чтобы спасти незнакомого ребенка. Разве у него есть время для раздумий? Герой – это тот, кто рискует своей жизнью ради другого. Треугольник, молодой и слабый, не раздумывая бы умер за свою старшую сестру. Добавить здесь нечего.

Проспав пару часов, волки просыпаются и приветствуют друг друга с радостным воодушевлением. Потом отбегают совсем недалеко и начинают выть. Мы замолкаем и зачарованно слушаем. Волчья песнь завораживает, она полна глубоких чувств – и вместе с тем совершенно необъяснима. Голоса колеблются, взлетают и падают, в них звучит и радость, и скорбь. Это похоже на волшебство.

Мы слушаем, не в силах оторваться. Почему-то волчье пение очень важно для нас. И это кажется странным – ведь другие животные, похоже, вообще не прислушиваются к нашей, человеческой музыке. Так, может быть, именно музыка – и то, как она трогает нашу душу, – и «делает нас людьми»? А волчий вой – это музыка, которую волки создают только для себя?

Музыка – естественно – попадает в диапазон человеческого слуха, ее ритм соответствует ритму сердцебиения или шагов, а рисунок и интонации сравнимы с теми, что присутствуют в человеческой речи. Эти особенности звука, ритма и тона в науке называются паралингвистическими характеристиками и обозначаются общим термином «просодия». Просодия указывает на звуковые особенности речи человека. Например, именно благодаря просодии слушатели могут отличить мягкие успокаивающие звуки от крика – даже на незнакомом языке. Именно благодаря просодии соло на фортепьяно, скрипке, саксофоне или гитаре может звучать как рассказанная человеком история, несмотря на отсутствие слов.

Звук также способен передавать эмоции между представителями разных видов. Собаки понимают, когда люди ссорятся. А мы воспринимаем рычание как угрозу. Эмоциональная нагрузка звуков, издаваемых животными, отчасти имеет древние корни. Наша общая способность воспринимать их передается по наследству. Маленький

ребенок, собака или лошадь – у всех серия коротких звуков повышающейся тональности вызывает тревогу. Долгие звуки понижающейся тональности успокаивают, а один короткий резкий звук способен остановить расшалившуюся собаку или ребенка, запустившего руку в банку с печеньем.

Психологи, изучающие эти корни и общее восприятие звуков, говорят о «происхождении просодии до появления человека». У людей – и, вероятно, остальных животных – основы восприятия закладываются в утробе матери. Еще до появления на свет человек слышит биение материнского сердца, интонации ее голоса, ритм ее шагов. Новорожденный понимает тональность голоса матери. (Многие птицы, кстати, начинают петь своим птенцам, как только те проделывают крошечную дырочку в скорлупе яйца.) Во многих культурах большинство музыкальных инструментов издает звуки в диапазоне от двухсот до девятисот герц, что соответствует голосу взрослой женщины. И это не случайное совпадение.

Если требуется более открытое выражение чувств, на помощь приходит поэзия. Кто не замирал в восхищении, слушая бразильского исполнителя босановы – даже не зная португальского? Кого не трогали религиозные гимны или народная музыка с непонятными словами, опера с непонятными словами или рок-музыка – тоже с непонятными словами? Пение на незнакомом языке предлагает чистейшую просодию; мы не понимаем слов и поэтому реагируем только на звуки и ритмический рисунок. Некоторые даже считают: если вербальное значение остается по другую сторону языкового барьера, это подчеркивает музыку, передаваемую голосом. Если бы стихи были важнее мелодии, мы слушали бы чистую поэзию. Или читали либретто. Но мы так не делаем – музыка важнее.

В каком-то смысле музыка переводит в абстрактную форму тональность и ритм нашей жизни и возвращает их нам в виде акустического набора эмоциональной стимуляции. Прослушивание музыки меняет химию мозга, например повышает уровень норэпинефрина, улучшая настроение. Слово «музыкальность», похоже, указывает на то, насколько успешно музыкальные звуки отображают, передают и вызывают чувства. Но сила воздействия музыки на эмоции зависит от степени знакомства слушателя с просодией музыки, с ее тональными и ритмическими

характеристиками. У людей некоторые из них универсальны, а некоторые определяются культурой. В конкретной культуре инструменты часто отражают тональные характеристики языка. Вспомните резкие, звенящие звуки восточных инструментов, медлительность американского кантри и слайд-гитары рок-музыкантов.

Почему другие животные не воспринимают человеческую музыку? Не потому, что люди не пытались их научить. Например, исследователи сообщают, что «голуби, которых тренировали различать „Токкату и фугу ре-минор“ Баха для органа и „Весну священную“ Стравинского для оркестра, в конечном итоге научились различать эти произведения, но обучались медленно и делали это плохо»^[72].

Некоторые животные проявляют интерес к музыке. Мой друг Даррел говорит, что его черепаха «любит мексиканскую музыку» и начинает бегать, когда ее слышит. Наша зеленощекая попугайша Розочка принимается энергично отплясывать под ритмичную музыку, особенно если в ней звучат перкуссионные инструменты. В интернете можно найти массу видеороликов с танцующими попугаями, например Снежком, белым австралийским какаду.

На самом деле многие другие животные воспринимают нашу музыку как нечто среднее между интересным и раздражающим. Два вида обезьян, которым предоставили право выбора, предпочитали медленный ритм, а не быстрый, Моцарта, а не рок, но, если среди вариантов оказывалась тишина, они выбирали тишину.

Но, по всей видимости, это происходит потому, что они слушали *человеческую* музыку. Эта музыка отображает звуки и ритмы, соответствующие характеристикам человека. Когда обезьянам семейства тамаринов проигрывали успокаивающую и возбуждающую музыку, они успокаивались в обоих случаях. Ритм «быстрой» музыки, возбуждающей людей, едва достигает частоты сердцебиения у обезьян в покое. Людей он бодрит, но тамарины не нашли в нем ничего возбуждающего.

А если, проанализировав все, что делает человеческую музыку привлекательной для людей, создать обезьянью музыку? Исследователи попробовали и это.

Они изучили диапазон, ритм и изменение тональности звуковых сигналов, которыми обмениваются эдиповы тамарины, а также частоту

их сердцебиения. (Например, частоты почти всей человеческой музыки находятся в диапазоне от двухсот до девятисот герц, а частота звуковых сигналов угрозы у тамаринов составляет от тысячи шестисот до двух тысяч герц.) Затем исследователи создали музыку с такими параметрами. Они старались не имитировать крики обезьян и использовали музыкальные приемы из человеческой музыки, такие как контрапункт, разрешение аккордов, и применяли структуру типа А-В-А. Они сочиняли разные мелодии, которые должны были успокаивать или возбуждать обезьян. Музыка исполнялась на виолончели. Это были первые в мире произведения, написанные для тамаринов. Обезьяны реагировали на музыку так, как и рассчитывали композиторы. Прослушав успокаивающую музыку, тамарины меньше двигались и больше ели. После возбуждающей музыки они, как правило, сидели и наблюдали за тем, что их окружает.

По всей видимости, сочиненная для обезьян музыка вызывала ту реакцию, которой добивались ученые. (Исследователи отмечали: «Нам самим и всем остальным, кто слушал музыку тамаринов, она не казалась приятной, и можно предположить, что тамарины точно так же реагируют на человеческую музыку».) Звук может передавать эмоциональные *характеристики*, такие как гнев, страх, радость, любовь, печаль и волнение, а также разную интенсивность этих чувств. Музыка способна выражать эти чувства. Музыка – одна из лучших форм эмоциональной коммуникации, которые нам известны. Чувства, передаваемые музыкой, влияют на ваши чувства; возбуждающая музыка приводит вас в возбужденное состояние. Это еще один пример «эмоциональной заразительности». И действительно, вся музыка основана на эмоциональной заразительности, которая связана со способностью человеческого мозга перенимать эмоциональное состояние других. Способность перенимать эмоциональное состояние, как мы знаем, называется эмпатией: прочувствуйте музыку.

После того как вой стихает, волки перекусывают, а затем устраивают шумную возню. Потом снова еда и сытый сон. К обглоданной туше подходят два койота, но волки, лежащие на снегу всего метрах в двадцати от груды костей, уже так обвелись, что не обращают на них внимания. Они будут есть и спать весь следующий день и следующую ночь. Я оставляю их наедине с их волчьими снами.

Голоса приходят и уходят. Песня остается. Но и ее можно заставить умолкнуть.

На рассвете температура падает до минус двадцати градусов. Еще один холодный весенний день. Долина реки Ламар снова застывает в оцепенении, словно заколдованная. Тишина, неподвижность.

Я один, полный решимости сам обнаружить волков на этом пронизывающем холоде. Всматриваясь в дальние склоны долины, ищу не самих волков, а признаки их присутствия – цепочки следов на свежем снегу, а может, слетающихся ворон.

Приходит Даг Маклафлин.

Все еще надеясь что-нибудь обнаружить раньше его, я пристально вглядываюсь в одно из снежных полей, но тут раздается его голос:

– Есть один.

Ну что ты будешь делать!

На далекой линии горизонта по заснеженному уступу над лесом идет волк. Мой взгляд скользит по голой пологой кромке – вниз, к покрытому снегом склону. В самом низу этого склона, где он переходит в дно долины, я вижу цепочки следов, широкое пятно из меха и крови, несколько воронов. Еще дальше, за небольшим бугром, виднеется голова орла, который что-то энергично тянет. Значит, вся туша лежит там, скрытая из виду.

Прямо над этим местом, выше по склону – на это тоже указывает Даг, – в огромном гнезде из прутьев в кроне тополя высидивает птенцов самка орла. Мне никогда не приходилось бывать в месте, где так яростно сталкиваются весна и зима. Прибегает койот и начинает резко дергать за край туши, которую терзает орел.

Теперь все девять волков из стаи Ламаров, четыре черных и пять серых, выходят из леса и начинают спускаться по пологому склону, прокладывая в снегу новую тропу к туше мимо клочков меха и пятен крови – непринужденно, словно возвращаются к салат-бару. Старшая сестра бежит слева как вожак стаи. Ее сестра из того же помета, ниже рангом, Темно-Серая, держится рядом. Похоже, сейчас они настроены дружелюбно по отношению друг к другу.

Крадущиеся койоты чувствуют подавляющую уверенность волков. Волки на своей территории, сытые, не мерзнут под слоем густого меха – они здесь главные и, естественно, неприкасаемые.

Из-за маленького пригорка один волк выволакивает красную грудную клетку и позвоночник лося. Головы нет. Другой волк тянет к себе большой кусок шкуры. Остальные отрывают отдельные ребра или находят кости ног, садятся и начинают грызть. Этим волкам требуется приблизительно три лося в неделю. Примерно в полутора километрах от набивших брюхо волков я вижу трех лосей, мирно пасущихся на заросших ивняком берегах реки.

После того как волки наелись вволю, эти почти погодки начинают гоняться друг за другом, слегка покусывая за морду, совсем как наши собаки дома. Странно, что после настоящей охоты и обильной еды волкам еще нужно играть в кусающегося дракона. Но все время сохранять серьезность и не играть... наверное, волкам тоже нужен баланс в жизни.

Напрыгавшись, они отходят на несколько метров в сторону и меховыми ковриками укладываются на снегу, словно на пляже, не делая попыток свернуться в клубок и сохранить тепло. Им не холодно, и они не хотят есть. В отличие от меня.

Темно-Серая просыпается. Эта трехлетка с покладистым характером любит щенков. Причина ее низкого статуса – сестра, та самая, которая не выносит Восемь-Двадцать. Темно-Серая идет по склону холма вверх и исчезает в лесу.

– Может, ищет Восемь-Двадцать? – вслух размышляет Лори.

Пару часов спустя просыпается остальная стая. Звери потягиваются, оправляются. Потом сбиваются в кучу, виляют хвостами, лизут друг другу морды. Игруют, но не слишком активно. Затем несколько минут все воют. И снова ложатся отдохнуть.

Еще через час Рик ловит сильный сигнал от Восемь-Двадцать. С того же направления, где находятся спящие на склоне волки. Приближается к ним? Должно быть, она колеблется.

Ее мстительная сестра по-прежнему спит.

Чуть позже становится ясно: Восемь-Двадцать держится на расстоянии от остальных – но не уходит.

– А где Семь-Пятьдесят пять? – интересуется Лори. Сигнала от него нет. И не было весь вчерашний день.

– У него есть веская причина для опасения, – замечает Даг. Они разговаривают, не отрываясь от зрительных труб, ищут следы присутствия Восемь-Двадцать.

– Да, – с готовностью соглашается Лори. – Но что, если те самцы действительно хотели его убить? В последний раз они вполне могли это сделать.

Начинается метель. Мы почти не шевелимся.

Недавно кто-то видел медведя гризли, который скрылся в ивняке в районе Слияния. Не найдя лучшего занятия, чем поездка в метель, мы преодолеваем километра три до того места, где заросшая ивняком пойма Сода-Бьютт-Крик превращается в реку Ламар.

В холодной мартовской воде, под густым снегом, падающим с неба, вверх по течению плывет выдра.

Медведь приходил к старому скелету лося, торчащему из-под снега. Проснувшись от зимней спячки в холодном начале весны, он всю ночь грыз мозговые кости и, возможно, высасывал мозг из замерзшего черепа. Скелеты убитых зимой животных не теряют своей ценности на протяжении нескольких недель и служат пищей многим хищникам. Волкам, койотам, лисам... Воронам, орлам, сорокам... Что посеешь, то и пожнешь – это напрямую относится к волкам.

Черный волк из стаи Ламаров, который спал в том месте, откуда мы только пришли, уже здесь! Как ему это удалось? Теперь мы видим: вся стая каким-то образом пробралась сюда по снегу раньше нас. Направляясь сюда, мы думали, что оставили их. Но они оказались здесь. Как по волшебству.

Кажется, что волки почти плывут по крутому склону. Мы еще никогда не были так близко от них – нас разделяет около сотни метров. Я разглядываю в трубу самца из стаи Худу, Высокого Серого, который трусит вдоль зарослей ивняка, и его янтарные глаза на долю секунды фокусируются на мне. Однако волк не проявляет интереса и не задерживает взгляд.

Они обнюхивают замерзшие кости и ложатся на снег, не обращая внимания на метель; им так же комфортно, как Чуле и Джуду у нас дома на коврик. Если меня что-то и пугает в волках, так это их непринужденность, которая подчеркивает мою уязвимость.

Туман и сильная, почти горизонтальная метель обрушиваются внезапно, словно опускается белый театральный занавес, а когда пелена рассеивается, волков уже не видно.

В половине четвертого дня я покидаю долину реки Ламар. Вдалеке воют два невидимых волка. Звуки то усиливаются, то

ослабевают. Эти волки перемещаются. Кто они? Подобно дымовым сигналам, вой раздается через определенные промежутки времени. Послание, расшифровать которое мы пока не в силах.

Мы замечаем черного волка, пересекающего маленькую поляну на заросшем густым лесом склоне. Вздыбленный загревок, худоба – этому одиночке еще не исполнилось и двух лет. Больше ничего мы о нем сказать не можем. Этот волк *удаляется* от другого, который, кажется, тоже не стоит на месте.

Оторвавшись от зрительной трубы, я смотрю на движущуюся черную точку – волк исчезает за гребнем. Мы проезжаем три километра, чтобы открылся вид на противоположный склон горы, и на усиливающемся холоде ждем, не появится ли черная точка снова.

Проходит два часа, а мы все еще ждем; время от времени до нас доносится прерывистый, приглушенный вой. Волки приближаются.

Прошло четыре часа после того, как мы видели волка. Изредка слышится вой. Ничего не видно. Но мы знаем, что черный волк по-прежнему перемещается и воет.

Снова черный волк!

В воздухе разносится отчетливый звук, который идет с холма на расстоянии не меньше полутора километров от нашего черного путешественника. Станный звук, наполовину вой, наполовину плач. Протяжный, пронизанный болью и тоской. Страдальческий. Или мне это кажется?

Там, наверху... На линии горизонта над нами появляется одинокий серый волк; он смотрит в долину, туда, где только что появился черный – всего на секунду, а затем исчез.

Черный волк, не прекращая выть, но уже невидимый, по-прежнему удаляется от серого.

Я снова смотрю на серого, который топчется в нерешительности, как потерявшаяся собака, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую. Наконец серый решает *уйти*; он рысцой поднимается по склону и исчезает за гребнем, на котором неожиданно появился.

– Наверное, черный – это Уголек, – говорит Лори. – Уголек – молодая самка из стаи Джанкшен Бьютт.

– А серый, должно быть, Семь-Пятьдесят пять. – Таково мнение Маклафлина.

Волк надолго умолкает. И все же... мне кажется или я действительно его слышу? Жалобный вой как будто застрял у меня в голове, и я начинаю думать, что слабый ветер действительно доносит до меня этот звук.

Мои спутники качают головами; они не слышат того, что слышу я.

Нас окликает Рик. Появился сигнал от Семь-Пятьдесят пять. Поблизости от стаи Джанкшен Бьютт. Сигнал от Восемь-Двадцать тоже регистрируется: она у болота, недалеко от отца.

Может, именно поэтому он повернул назад?

Сумерки оставляют этот вопрос без ответа.

Одинокое сердце охотника

Рик по радио сообщает, что Семь-Пятьдесят пять обнаружен внизу, к западу от долины реки Ламар, приблизительно в одиннадцати километрах от нас. Мы направляемся туда. На пологом подъеме натываемся на свежие волчьи следы на снегу. Кому-то кажется, что он слышал одиночный вой, низкий и громкий, доносившийся с заросшего густым лесом холма к востоку от нас. Я не уверен.

Затем подает голос другой волк – из стаи Джанкшен Бьютт. Он как будто вторит собрату, но уже с наполовину скрытого туманом склона горы.

Теперь зрительные трубы позволяют нам разглядеть несколько волков из стаи Джанкшен Бьютт, бегущих по снегу на высоком, поросшем лесом гребне примерно в миле от нас. Два вожака стаи, самец Пуш и его явно хромающая самка, Лохматый Хвост, ведут за собой двух серых и трех черных волков по свежевывавшему снегу под яркими лучами солнца, прокладывая тропу вниз, через череду уступов, которые называются полками.

– Хороший вожак, – говорит Рик, не отрываясь от зрительной трубы. – Любит бежать впереди стаи.

На краю одного уступа, нависающего над широкими лугами и извилистыми берегами Криста-Крик, где бродят бизоны, волки останавливаются, словно любясь своими владениями.

Они задирают морды, и в небо уносится протяжный вой, не стихающий несколько минут, – это похоже на утро на первобытной планете. Хозяева своих жизней. Хранители места, которое хранит их. Первый народ. Больше часа они попеременно – а иногда одновременно – бегут и воют, медленно спускаются в долину, то исчезая среди деревьев, то появляясь вновь. Потом продолжают спускаться уже по открытой местности, вниз и вниз, останавливаются, воют, снова бегут по заснеженной долине, снова воют, углубляются в лабиринт из высокой полыни и... исчезают.

Конечно, мы тоже снимаемся с места. Проезжаем около километра и ждем там, где они должны появиться. Мне холодно, волков пока не видно, и я начинаю размышлять о нашей упрямой

решимости непрерывно наблюдать за ними. Почему бы не удовлетвориться тем, что мы видели и слышали волков, и не сказать, что цель достигнута? Причина нашего интереса не менее загадочна, чем место, где они появятся снова. В этом есть что-то глубокое, настоящее. Что-то не требующее доказательств, разумное и прочное. Они живут с верой в себя. Они сумели выжить. Поэтому я жду, когда они появятся вновь. Лори говорит, что мы продолжаем наблюдать, потому что действия волков имеют цель. Когда волки ничем не заняты, нам хочется знать, что они будут делать дальше.

– Когда кто-то говорит, что впереди медведь гризли, – прибавляет она, – единственное, что мне нужно знать: есть ли рядом с ним волк?

Мы *видим* бизонов и снежных баранов, но *наблюдаем* за волками. Даже бизоны и снежные бараны наблюдают за волками. А когда мы не наблюдаем за волками, то ждем, пока они появятся, чтобы за ними наблюдать.

– Когда я была школьной учительницей, – рассказывает Лори, – то любила наблюдать за детьми. Как они приспособливаются. В начальной школе одни хотели играть в песочнице, другие – гоняться друг за другом. Я наблюдала, как они развиваются. Точно так же я наблюдаю за волками. Это очень похоже. Мы не просто смотрим на *волков*. Нам интересны их *истории*.

Вой не стихает: он то прерывается, то звучит снова. Волки рассказывают свои истории.

Внезапно в прозрачном воздухе слышится новый звук – с востока, из-за наших спин, приходит ответ, более мелодичный и печальный, чем хор стаи Джанкшен Бьютт. Это Семь-Пятьдесят пять. Мы его не видим. Но как не похож его голос на остальные!

Да, волки не умеют говорить. Но у них есть многое другое: понимание, мотивация, эмоции, мысленные образы и мысленная карта местности, список своей стаи, банк с воспоминаниями и выученными навыками, каталог запахов, каждому из которых в качестве определения присвоен смысл. Как мы видим по собакам, этого более чем достаточно, чтобы понимать, кто есть кто и как устроена жизнь.

Больше часа они ведут разговор, чередуясь либо одновременно. Музыканты иногда устраивают длительные джазовые импровизации. Я сам участвовал в них. Это настоящее общение. Созывается племя. Собираются слушатели. Мы должны стараться, чтобы не тратить зря

время музыкантов, которые посылают сообщения друг другу и тем, кто остановился их послушать. Здесь рассказывается своего рода история, без слов, но полная жизни.

У Семь-Пятьдесят пять баритон, я представляю большого волка. Так отчетливо, что не сомневаюсь: я без труда узнаю его утром завтрашнего дня. Я слышу недавнюю трагедию в его песне. Но слышат ли его тоску остальные волки? Или я сейчас просто проецирую свои чувства? А может, он проецирует свои?

Семь-Пятьдесят пять остается невидимым; его вой доносится со стороны поросшего густым лесом каменистого склона, из тени искривленных деревьев. Мы берем зрительные трубы и всматриваемся в эту тень. Я ничего не вижу, но через некоторое время Лори говорит:

– Вот он.

Зоркость у Лори почти сверхъестественная, чего не скажешь о ее умении объяснять.

– У большого дерева слева от того валуна, – говорит она, но это ничего не дает, потому что вся гора поросла большими деревьями и усеяна валунами. Проще просто посмотреть в ее зрительную трубу. Я подхожу и прикиваю к окуляру.

Камень в пятне света под веткой сосны. И клубок серебристого меха. Из этой картины внезапно материализуется Семь-Пятьдесят пять, как будто моим глазам требовалась секунда, чтобы нарисовать его там, – он лежит на камне, свернувшись калачиком и положив морду на передние лапы, словно щенок на крыльце. Ждет... Мысли? Решения? Кого-то из своих?

– Как, черт возьми, ты его вообще заметила?

– Не знаю... просто увидела мех.

Семь-Пятьдесят пять устроился на большом валуне. Он сидит там в пятне солнечного света, словно лохматая собака, и смотрит в долину, в сторону воющей стаи Джанкшен.

Он родился черным, но теперь, в преддверии старости, его мех начинает серебриться, и волк стал двухцветным с обеих сторон, с характерной двухцветной мордой. Темный лоб, темные уши, темный нос и резко контрастирующий светло-серый мех нижней челюсти и широких щек; у него черная спина и черный хвост, но серые бока. Этого волка ни с кем не спутаешь. Он задирает голову. Через одну или

две секунды доносится его вой. Значит, нас разделяет приблизительно метров пятьсот.

Он смотрит прямо в мою зрительную трубу. Мне говорили, что волк смотрит сквозь тебя. Но знаете, что я понял? Так кажется, потому что волку вы неинтересны. Людям всегда трудно признать, что мы – не самое важное из того, что видят другие. Для волка я недостаточно важен, чтобы всматриваться. Он смотрит *мимо*. Его желтые глаза просто отмечают: «человек». Так рыболов выбрасывает несъедобную рыбу.

Самка из стаи Джанкшен, Уголек, спускается на поросшую полынью равнину. Не переставая выть, выходит на крутой берег речки и исчезает в ивняке. Вчера этим путем шел волк Семь-Пятьдесят пять.

Теперь вся стая Джанкшен, ведомая своими вожаками, самцом Пушком и самкой Лохматый Хвост, спускается в долину и исчезает в ивняке, откуда время от времени доносятся голоса волков.

Семь-Пятьдесят пять прислушивается к вою волков из стаи Джанкшен, слегка поворачивая голову, чтобы следить за их перемещением по долине.

Потом он снова склоняет голову и опять смотрит в мою зрительную трубу. Я гляжу на него долго – на эти глаза, эту морду, – пока мои собственные глаза не начинают слезиться от ветра. Я отвожу взгляд, а когда снова прикиваю к окуляру, камень уже пуст. Семь-Пятьдесят пять исчез.

Внезапно он появляется на том же самом низком гребне, где стоим мы, метрах в двухстах от нас. Я поворачиваюсь, ловлю его в свой телеобъектив и делаю несколько снимков – боковой свет падает на устремленный вперед двухцветный силуэт. Такой расцветки я никогда раньше не видел. Длинные ноги несут его сквозь заросли полыни прямо к ивняку, где скрывается Уголек. С нашего холма мы видим его, ее и стаю Джанкшен. Но для *него* они скрыты за крутым берегом реки.

Пушок настораживается, потом походка его становится крадущейся. У него дурацкая кличка, но он очень стойкий и, как говорит Лори, «дерзкий для своих размеров». Внезапно Пушок бросается в заросли полыни и переходит на бег. Семь-Пятьдесят пять выскакивает на открытое пространство. Но Пушок, похоже, преследует свою дочь, Уголек, как будто ругает ее. Потом останавливается.

Годовалые волки собираются вместе, машут хвостами, тыкаются друг в друга носами, трутся боками. Может, маневры взрослых встревожили их?

Меня тоже охватывает тревога.

Семь-Пятьдесят пять бежит прямо к ним. Похоже, он решительно настроен на контакт. Потом он углубляется в заросли полыни. Стая Джанкшен озирается, словно волки не знают, где он.

Пушистый хвост самки по имени Лохматый Хвост внезапно выпрямляется. Она видит Семь-Пятьдесят пять.

А он неожиданно тормозит. Он сильно рискует. А может, понимает, какие у него шансы. Скорее всего, он знаком со стаей Джанкшен. Пушок заработал репутацию волка, который избегает драк (возможно, именно поэтому он все еще жив). Тем не менее у Семь-Пятьдесят пять есть основания опасаться. Но он, похоже, настроен на сватовство. Ему нужна пара, и он пришел за самкой. И он знает, за какой именно. По всей видимости, в нем борются противоположные чувства, влечение и страх. Логично. Даже если Пушок не очень агрессивен, у Семь-Пятьдесят пять нет никаких гарантий. Он в меньшинстве, и он уязвим.

– Самец с высоким уровнем социального интеллекта способен завоевать расположение стаи, демонстрируя готовность подчиниться, – замечает Рик. – Случается, такой уводит взрослую самку. Так что между поведением волков и тем, что вы уже знаете о поведении людей, есть много общего.

Много лет назад, когда Друиды и стая Болота были злейшими врагами, самец Друидов подружился со всеми щенками стаи Болота. Затем он подружился со всеми взрослыми самками.

– На это ушло время, – рассказывает Рик. – Однако он держался подальше от вожака. Когда вожак подходил к нему, он поджимал хвост и уходил, показывая, что не представляет угрозы и уступает. Позже он уже не уходил, а опрокидывался на спину и лизал морду вожака. И это сработало. Веди он себя иначе, его могли бы убить.

Рик согласен, что у волка не может быть долговременной социальной стратегии.

– Но когда вы наблюдаете за ними, день за днем, год за годом, то невольно приходите к выводу, что у них может быть и иногда бывает долговременная стратегия и что результат зависит от того, как

отдельные особи, если можно так выразиться, играют свои роли. Никогда не знаешь, что от них ждать.

Семь-Пятьдесят пять внезапно оказывается нос к носу с матриархом, самкой по имени Лохматый Хвост, на обрывистом берегу реки. Их встречу можно охарактеризовать как дружелюбную, но прохладную. Никакой агрессии. Но почему не нападает Пушок? Он должен понимать, что Семь-Пятьдесят пять подошел к его самке.

Трудно отделаться от впечатления, что Семь-Пятьдесят пять приветствует альфа-самку, как взволнованный жених приветствует хозяйку дома перед встречей с ее дочерью. Он и Уголек, похоже, симпатизируют друг другу, но соблюдают дистанцию. Мне кажется, они уже встречались. Лори называет ее «мисс Индивидуальность», но ей меньше двух лет, и она находится на низшей ступени иерархической лестницы самок стаи Джанкшен.

Поэтому перед Угольком стоит сложный выбор. Либо она покидает родителей, братьев и сестер и пытается завести потомство с одиноким самцом, без стаи и территории, или остается, сохраняет низкий статус и живет для того, чтобы помогать родителям. Ключевое слово здесь – «живет».

К моему удивлению, Семь-Пятьдесят пять и Уголек мгновенно начинают общаться. Их контакт очень короткий – тут же подбегают два вожака, и их появление равносильно указанию Семь-Пятьдесят пять на дверь. Похоже, Пушок и Лохматый Хвост хотят сохранить подобие контроля над стаей. И не желают терять члена стаи.

Семь-Пятьдесят пять возвращается в лабиринт заснеженной полыни. Интересно, что он чувствует. Я понимаю, что это еще не конец истории.

Воля к жизни

В конце марта перемены продолжают. Однажды утром на третьей неделе марта, когда весна решила вздремнуть при температуре минус двадцать семь градусов, Даг Маклафлин видит группу волков, отгоняющих Восемь-Двадцать. Среди них самый крупный волк из стаи Худу и старшая сестра Восемь-Двадцать. И Бабочка. Но без прежней жестокости. Хотя – и это еще важнее – примирение на повестке дня не стоит. Восемь-Двадцать пытается присоединиться к ним, но ее отвергают.

На следующий день мы видим Восемь-Двадцать далеко к западу, над Тауэр Джанкшен; она грызет тушу, оставленную стаей Джанкшен. Рискованное предприятие. Восемь-Двадцать уже бывала здесь. Похоже, она идет по следу своего отца. Он ушел к реке Хеллроринг-Крик.

Ламары двинулись в противоположном направлении, на восток, за границы парка, откуда пришли Худу, в странное и незнакомое место под названием Вайоминг, где их ждут настоящие опасности.

В последнюю неделю марта сигнал от Восемь-Двадцать время от времени приходит из западной части парка. Семь-Пятьдесят пять по-прежнему тратит много времени на ухаживание за Угольком, приходя с окраин парка и уклоняясь от Пушка. Тем временем такая ситуация, похоже, устраивает Пушка. Все говорят, что он не любит драться, и он не дерется.

В начале апреля в парк начинают возвращаться сотни лосей. Довольно странно, но теперь Семь-Пятьдесят пять нашел себе новую, незнакомую самку, которая, похоже, делится с ним энергией молодости. Они играют на заснеженном склоне и соскальзывают вниз. Потом она взбирается на *него* – а сезон размножения даже не наступил.

– Кто бы она ни была, – замечает Лори, – но скромницей ее не назовешь.

Тем временем Восемь-Двадцать объединилась со своей старшей сестрой, Темно-Серой, и огромным серым самцом. Темно-Серая, раньше занимавшая подчиненное положение по отношению к своей

властной сестре из одного помета, никогда не проявляла агрессию к Восемь-Двадцать. Она увела с собой одну из черных сестер, но, когда эта сестра начинает третировать Восемь-Двадцать, Темно-Серая опрокидывает ее на землю и стоит над ней. Может, считает себя новой «альфой»? Неужели стая Ламаров снова разделяется?

Это может пойти на пользу Восемь-Двадцать. Но волки и люди в своих решениях не всегда руководствуются логикой. И возможно, черная сестра не собирается отступать. Как бы то ни было, вскоре Восемь-Двадцать уходит.

Она в одиночестве идет на запад, много километров. И возле Хеллроринг-Крик находит отца с новой самкой. Вероятно, эта новая самка видит в Восемь-Двадцать соперницу. На следующий день ее с ними уже нет.

Почему эти родственники никак не могут поладить? Ведь раньше они прекрасно уживались – до тех пор, пока охотники не расстреляли стаю.

У болота группа лосей вертится флюгерами, отбиваясь от семерых волков. Стая Ламар вернулась. Самый крупный из стаи Худу, по кличке Высокий Серый, ускоряет бег. Одна из черных сестер-двухлеток бежит в противоположном направлении. Лось, отрезанный от стада, мчится по равнине к воде. Его догоняет черный силуэт. Это долгое преследование. Черный волк хватается за колено и повисает, болтаясь как лист на ветру, когда лось пытается его сбросить. Лось заходит в реку, но тут его настигают остальные волки. Мокрые звери приканчивают добычу^[73].

Неожиданно появляется Темно-Серая, похоже, беременная, и остальные Ламары радостно ее приветствуют. Где ее новый огромный самец? Что происходит? Полгода назад Ламары были сплоченной стаей. Теперь их состав постоянно меняется.

18 апреля. Мороз минус двадцать градусов и пронизывающий ветер. Зима мертвой хваткой держит за горло Йеллоустон. Тем не менее то тут, то там попадаются медведицы гризли с новорожденными медвежатами, разбуженные внутренним будильником. В долину реки Ламар вернулись вилорогие антилопы.

Ламары замедляют бег, чтобы присмотреться к новорожденному бизону. Добыча может показаться легкой, но у бизонов свое представление о жизни и смерти, и они, как и большинство людей,

предпочитают жизнь. Небольшое стадо бизонов атакует волков и без труда прогоняет их. Даг рассказывает, что иногда у бизонов бывают «похороны», когда группа животных собирается вокруг павшего товарища, – нечто подобное наблюдается у слонов. Я никогда об этом не слышал.

Тем временем Лори решает переименовать Пушка и выбрала ему кличку Охотник. Все волки охотятся, и поэтому мне кажется, что в этой кличке нет ничего индивидуального. Но вот что говорит Лори:

– Пушок разделил стадо лосей, спасавшихся бегством, и выбрал здорового годовалого. Лось был раза в два тяжелее Пушка и мчался со скоростью ракеты. Но Пушок прибавил ходу и нагнал его. Он вцепился сначала в горло лося, потом в ногу, но на помощь пришли две взрослые лосихи; одна из них ударила Пушка копытом. Это позволило лосю рвануться вперед. Расстояние между ним и волком резко увеличилось. В этот момент у лося появились шансы на спасение. Но Пушок совершил неожиданный маневр: по широкой дуге обогнул другого лося и стал преследовать первую жертву. Он снова набрал скорость и быстро нагнал скачущего галопом лося, прыгнул и вцепился жертве в горло, но лось был силен и не собирался сдаваться. Тогда Пушок применил «силовой прием», резко вывернув шею лося, так что тот споткнулся и упал. Стая присоединилась к нему, и они наелись до отвала. Но, выжив после тяжелой формы чесотки – собственно, отсюда его кличка, – он превратился в безжалостного и умелого охотника.

В мае мы время от времени регистрируем сигналы от Семь-Пятьдесят пять и Восемь-Двадцать, которые приходят от горы Эвертс, вблизи северо-западной границы парка. Отец и дочь, похоже, воссоединились. Но держатся они по отдельности. Скорее всего, Восемь-Двадцать не может поладить с новой подругой отца. Дочь перемещается на север, за границу парка.

Тем временем у Темно-Серой из стаи Ламаров появляются щенки – в старом логове стаи Друидов. Щенков никто не видел, но волчица явно кормящая, а ее самец и черная сестра приносят в логово много еды. Остальные волки бывшей стаи Ламаров снова переместились к востоку от парка в Вайоминг, откуда родом самцы из стаи Худу.

Кто-то поделился сообщением в Фейсбуке: «Из Темно-Серой выйдет отличный коврик». Язвительные замечания показывают, что

отстрел волков – не только охота. Это способ реализовать желание некоторых людей причинить боль, причем не только волкам, но и другим людям, которые не похожи на них.

В июле Восемь-Двадцать остается практически на одном месте, в окрестностях Джардин, в штате Монтана. Для волчицы, которая всю жизнь провела поблизости от людей и привыкла пересекать дороги, Джардин – место потенциальных конфликтов.

БИЛЛИНГС ГАЗЕТТ, 26 августа.

1 ЧАС НАЗАД – В субботу в окрестностях Джардин местным жителем была застрелена молодая серая волчица с ошейником, которая в последнее время несколько раз приближалась к домам... Ее застрелили после того, как она украла курицу.

Я отрываю взгляд от текста и задумываюсь. Может, меня тоже надо убить – ведь я столько раз ужинал курицей? Статья рассказывает о других случаях, не связывая прошлые смерти с усиливающимся хаосом в сообществе волков, который мы наблюдали всю зиму и все лето и который привел к последним событиям.

Еще две особи из стаи Ламаров были застрелены прошлой осенью во время охотничьего сезона в Вайоминге, причем одна из них была альфа-самкой. Всего в прошлом году охотники из окружающих парк штатов застрелили двенадцать волков, которые часть времени проводили в Йеллоустоне. Шесть из двенадцати волков носили ошейники.

Так закончилась печальная история Восемь-Двадцать, рано повзрослевшей волчицы, которая в лучшем мире могла бы вырасти, созреть и встать во главе сплоченной стаи. Но она так и не поняла – несмотря на смерть дяди и своей знаменитой матери, – что люди могут быть убийцами.

К хорошим новостям – если вы любите волков, как люблю их я, – можно отнести то, что Семь-Пятьдесят пять наконец образовал прочную пару с Угольком. Она имела самый низкий статус в стае Джанкшен. И ей стоит посочувствовать. Приветствуя друг друга, они с Семь-Пятьдесят пять радостно виляют хвостами, и вид у них явно счастливый. Среди всех этих смертей и трагедий их ежедневный ритуал приветствия внушает оптимизм. Их преданность друг другу очевидна. Мы ее чувствуем.

Несмотря на катастрофу, которая обрушилась на него самого и всю стаю прошлой осенью и должна была погубить его, Семь-Пятьдесят пять будет жить. Через два года после того, как он лишился своей подруги, брата, стаи и территории, я закончил эту книгу. В тот же день я зашел на страницу журнала Йеллоустонского парка, который ведет Лори Лайман. И нашел его. Семь-Пятьдесят пять жив и здоров, он выжил несмотря ни на что. Мне вспомнились восхищенные слова Дага Смита.

– Волки выносливые, – сказал он тогда. – Очень выносливые.

Домашняя прислуга

В характерах, способностях и социальных отношениях волков я видел самостоятельных собак, которым выпала возможность повзрослеть и самим определять свою жизнь. У них есть семьи, социальная иерархия, политика и амбиции, они сами принимают решения и добывают себе пищу. Они хозяева своей жизни; иногда они жестоки и грубы друг с другом, а иногда дружелюбны, лояльны и готовы прийти на помощь. Они знают, кого защищать, а кого атаковать. Они самостоятельны, и их лучшие друзья – они сами. Никаких поводков. Никаких мисок с едой. У них есть свобода, а вместе со свободой приходит риск. У них в избытке и того и другого. Они всегда играют всерьез.

Глубокое сходство с собаками объясняется тем, что все собаки – это одомашненные волки. Коммуникативные позы, которые мы наблюдаем у собак – они приседают, приглашая играть, опрокидываются на спину или поджимают хвост, демонстрируя покорность, – все это характерное для волков поведение, которое сохранилось при одомашнивании.

Очень важное замечание: «одомашненные» животные генетически отличаются от своих диких предков, что является результатом селекции. Например, в зоопарках содержатся в неволе дикие животные, а на фермах – домашние. В питомниках растут дикие растения, на полях – домашние. «Одомашненный» не означает прирученный. Волк, рожденный в неволе, выкормленный из бутылочки и абсолютно ручной, все равно остается диким животным, живущим в неволе; он не одомашнен. Попугаи, которых люди держат у себя в домах, даже разведенные в неволе, – не домашние птицы.

Одомашнивание предполагает намеренное создание человеком пород животных или сортов растений, не существующих в природе. В прошлом это достигалось с помощью селекции, но сейчас применяется и генная инженерия. Фермеры, разводчики животных и исследователи выбирают нужные характеристики и воспроизводят их. Они скрещивают особей с этими характеристиками, в результате чего получаются разные породы домашних кур, коров, свиней, голубей,

лабораторных крыс, терьеров, разводимого лосося, сорта риса, пшеницы и так далее, которые генетически отличаются от своих диких предков, сформировавшихся естественным путем.

А вот одомашнивание собак – особый случай, *очень* интересный. Возможно, собаки – единственные существа, которые одомашнили сами себя. *А может быть – не единственные.*

Таким образом, все собаки произошли от одомашненного серого волка, живущего в дикой природе. Одомашнивание происходило всего лишь несколько раз – а может, и вообще один – около пятнадцати тысяч лет назад. Все собаки – это домашняя *разновидность* волка. Чрезвычайно *изменчивая* разновидность. Многие породы собак настолько не похожи на волков, что поначалу ученые считали их отдельным видом. Систематики назвали домашнюю собаку *Canis familiaris*. Серые волки получили название *Canis lupus*. Совершенно очевидно, что породы собак – грейхаунд, мастиф, такса – генетически отличаются друг от друга. Но когда ученые стали изучать ДНК собак, выяснилось, что, несмотря на огромную разницу во внешнем виде, генетические различия у них минимальны. Конечно, можно поставить под сомнение определение «видов» (многие так и делают). Но *генетически* волк почти не отличается от домашней собаки. Разница настолько мала, что ученые изменили латинское название собак, вернув им *Canis lupus* и таким образом напоминая нам, кем они были до того, как мы взяли их к себе, и кем они по-прежнему остаются. Теперь собаки – это *Canis lupus familiaris*. Волк. Но термин *familiaris* указывает, что это «наш» волк.

Когда люди впервые осознали, что собаки – прямые потомки серых волков, они представили, как первобытные люди находят щенков волка, приносят их в пещеры и делают первыми домашними любимцами. Но, насколько нам известно сегодня, все происходило иначе: сами волки держались поблизости от становищ и пещер, подбирая выброшенные кости и остатки разделанных туш. Менее пугливые подходили ближе, и им доставалось больше еды. Сытые особи могли вырастить больше щенков, и многие из них наследовали смелость от родителей. Эти щенки, немного отличавшиеся от остальных, росли поблизости от людей, что способствовало более дружелюбным отношениям.

Для людей оказалась ценной склонность волков поднимать тревогу при появлении незнакомцев или хищников. Люди поощряли таких сторожей, оставляя им больше еды. Хорошее питание помогало выжить большему числу щенков, дружелюбно настроенных к людям.

Этот процесс длился несколько веков. Ориентированные на людей, волки специализировались на использовании человека как нового ресурса. Стоянки человека стали местом их обитания. Дружелюбные особи получали больше еды. В конечном итоге они стали регулярно заходить на стоянки, начали охранять их как свою территорию, а также сопровождать людей на охоте. Гены дружелюбия распространялись.

Современные исследователи убеждены, что именно так появились собаки; первыми пойдя на сближение, волки невольно одомашнили себя.

Собаки понимают человека, например когда тот указывает направление, лучше, чем даже шимпанзе, – как это ни удивительно. (Слоны тоже следуют указаниям человека.) Волки тоже способны по подсказке людей находить спрятанную пищу, причем без всякого обучения. Иногда волки показывают лучшие результаты, чем собаки. Как бы то ни было, живущие на свободе волки должны хорошо понимать, на что направлено внимание сородичей. Собаки отлично понимают, на что направлено внимание человека, и поэтому, если вы бросите мяч и отвернетесь, ваш пес принесет мяч с той стороны, куда вы смотрите. Но что еще важнее, ученые, изучающие волков, утверждают, что «одомашнивание не является необходимым условием для человекоподобного социального познания». Человекоподобное социальное познание – запомните эти слова.

Одновременно люди стали ориентированными на собак. Неужели у людей действительно *развились* понимание этих животных? Попробуйте ответить на вопрос: какие телодвижения коровы, курицы, кролика, козы или свиньи вызывают у вас такие же чувства, как виляние собачьего хвоста? Разумеется, некоторые люди не любят собак – многим нравится мурлыканье кошки или вид свиньи, – но есть и такие, кто считает собаку членом семьи. Настроения человека и собаки часто совпадают; у большинства людей, похоже, в отношении собак эмоциональное заражение – другими словами, эмпатия – выражено сильнее, чем в отношении других животных.

Да, мне кажется, что в определенной степени люди и собаки эволюционировали вместе. Люди стали использовать собак и, возможно, даже зависеть от них. Собаки выслеживали диких зверей и помогали на охоте, они играли роль системы сигнализации и хорошо вооруженных охранников; собаки защищали детей и играли с ними. Собаки избавляли от отбросов. Собаки грели. Люди кормили собак, и собаки были для людей проводниками и службой безопасности.

Приручив собак, мы уже не могли без них обойтись. Собаки сопровождали людей в путешествиях в самые дальние уголки Земли. Скорее всего, без них охотники не смогли бы проникнуть в высокие широты. На Крайнем Севере собаки были средством передвижения и перевозчиками грузов, а в тяжелые времена – пищей. Собаки добрались до Австралии (здесь, на новом континенте, где у них не было врагов, некоторые из них одичали, превратившись в динго). Собаки пересекли Берингово море и оказались в Америке. В книге «Империя Летней Луны» С. К. Гвинн описывает нападение армии на лагерь команчей в 1860 году: «В разгар сражения белые солдаты были атакованы собаками из индейского лагеря, числом около пятнадцати, которые отважно бросились на защиту своих хозяев индейцев. Почти все были убиты»^[74]. Верность и преданность собак сделали из них бойцов. Похоже, собаки есть везде, где живут люди. Однажды я посетил государство Папуа Новая Гвинея, где изучал морских черепах. На этом диком берегу крошечные деревни с населением от двадцати до восьмидесяти человек находятся далеко друг от друга, в нескольких часах ходьбы. Тем не менее у каждой деревни живут несколько полудиких собак, питающихся объедками – точно так же, как делали их далекие предки десятки тысяч лет назад.

По прошествии тысяч лет после одомашнивания собак мы продолжаем открывать для себя их способности. По крайней мере, одна бордер-колли реагирует на незнакомое слово, выбирая незнакомый объект. Когда собаке приказывают: «Принеси дакс!», она, вероятно, рассуждает так: «Тут есть мяч, но она не просит принести мяч. Должно быть, дакс – это другая вещь, которую я раньше никогда не видела». Такую способность к рассуждениям, отмечают ученые, раньше демонстрировали только дети, которые учатся говорить.

Тем не менее и у собак есть недостатки восприятия. Человекообразные обезьяны хорошо справляются с задачей поиска

спрятанной еды, например замечая, что одна доска лежит ровно, а другая приподнята над полом. Собаки этого не могут (дело в том, что это визуальная подсказка, а собаки великолепно ориентируются по запаху). Вороны – волки в мире птиц – способны определить, какая из нескольких перекрещенных веревок связана с опасностью. Приматы тоже без труда справляются с подобными задачами. В отличие от собак (по той же причине – это чисто визуальная задача).

Но ворон, вероятно, не сможет перевести слепого через дорогу или предупредить о приближающемся приступе эпилепсии. Собаку легко этому научить.

Волк – общественное животное, а у человека это качество развито в *наивысшей* степени. Собаки могут зависеть от нас потому, что и мы, и они достаточно социальны, чтобы понимать друг друга. Разумеется, зависимость от человека имеет свою цену (мы все это знаем). Зависимость требует отказа от свободы, от самодостаточности и самостоятельности. Когда перед собаками и волками ставят запертый ящик с едой, собаки почти сразу прекращают попытки добраться до еды и переводят взгляд с ящика на человека, как бы спрашивая: «Ты мне поможешь?» Волки пытаются решить задачу до тех пор, пока не истекает время теста. С заданиями на принятие решений волки справляются не хуже, а во многих случаях лучше собак. Социальные навыки достались собакам от их предков, волков, но ориентация на человека – это результат одомашнивания.

Сложилась необычная ситуация в уникальных взаимоотношениях: собаки сами себя одомашнили. Но собаки одомашнили не *только* себя – они одомашнили людей. Став зависимыми от нас, они сделали нас зависимыми от них. Мы похожи друг на друга.

В древности во время первого одомашнивания собак изменяющиеся гены «в значительной степени совпадали» с генами, которые изменились у людей. Среди этих генов были те, которые определяли переваривание и метаболизм крахмалов – люди и их собаки превращались из охотников во всеядных животных. Среди этих генов были те, которые влияют на некоторые неврологические процессы и развитие раковых заболеваний, а также гены, определяющие перенос холестерина, который содержится в пище.

Дружелюбие собак – результат генетически обусловленного изменения химии мозга. Как и наше. И у собак, и у людей

необходимость жить рядом с другими влияла на механизм выработки серотонина в мозгу, снижая агрессию. «Людам пришлось приручить себя, – говорит Адам Бойко из Корнеллского университета. – То же самое относится к собакам – они вынуждены терпеть присутствие других»^[75]. И у собак, и у людей один и тот же ген контролирует белок, который переносит серотонин, один из главных нейротрансмиттеров. Вариации этого гена вызывают такие патологические состояния, как агрессия, депрессия, обсессивно-компульсивное расстройство, аутизм. Удивительно, но у собак и людей наблюдаются несколько одинаковых компульсивных расстройств, и они одинаково реагируют на некоторые антидепрессанты, например, ингибиторы обратного захвата серотонина. Я часто задавал себе вопрос, почему живущие в дикой природе животные, по всей видимости, никогда не страдают от психологических проблем или нарушений настроения (возможно, за исключением слонов, которых сводит с ума взаимодействие с людьми). Теперь становится ясно, что эти проблемы обусловлены близостью к людям. Исследователи, изучающие серотонин, говорят о том, что собаки могут нам много рассказать о болезнях людей. Наш лучший друг из царства животных способен снабдить нас одной из самых замечательных систем, которые помогают нам понять эволюцию человека и его болезни.

Похоже, что волки, превратившись в наших спутников, присоединились к человеческому разговору – уникальным и весьма эффективным образом. Следует отметить, что мы прекрасно понимаем друг друга.

Но почему собаки начинают меняться внешне, становясь все меньше похожими на волков? Это тоже получилось само собой. Оказывается – никто не мог этого предвидеть и не предвидел, – что животные с генами, способствующими дружелюбию, будут выглядеть иначе. Те же гены, что отвечают за желание дружеского контакта с людьми, определяют множество неожиданных физических характеристик. Обсуждая селекцию домашних животных, Чарльз Дарвин в первой главе своей книги «О происхождении видов» отмечает: «Таким образом, человек, отбирая... почти наверное неумышленно модифицирует и другие части организма на основании таинственных законов корреляции». Как это ни странно звучит, но у самых разных видов млекопитающих (не только у собак) гены,

которые отвечают за выработку гормонов, ослабляющих страх и агрессию и усиливающих дружелюбие, также создают отвислые уши, загнутые колечком хвосты, пятнистый окрас, укороченные морды и округлые головы.

Дарвин не понимал причину этого (в те времена еще не знали о генах), но тем не менее отмечал: «Среди наших домашних животных нельзя назвать ни одного, которое в какой-нибудь стране не имело бы повислых ушей». Однако *ни у одного* вида диких животных вы не встретите взрослых особей с отвислыми ушами. Но может быть, нам просто нравятся отвислые уши? Некоторые собачьи черты, которые людям кажутся привлекательными и милыми, по случайному совпадению оказываются именно теми, которые сопутствуют генетической предрасположенности к дружелюбию. Эмоциональная реакция на отвислые уши, по всей видимости, означает, что наше собственное дружелюбие по отношению к собакам действительно развивалось одновременно с их дружелюбием по отношению к нам и поэтому мы испытываем позитивные чувства к животным, которые выглядят *наиболее* дружелюбно. Они *действительно* наиболее дружелюбны. И, как я уже отмечал выше, как насчет мгновенной реакции на виляющий хвост? Похоже, люди и собаки научились любить друг друга на глубоком, генетическом уровне. По крайней мере, ощущение именно такое.

Но откуда мы знаем, что дружелюбие, отвислые уши и загнутый кверху хвост связаны генетически? Объяснить это помогут знаменитые русские лисы. В 1959 году в Сибири ученые начали эксперимент по изучению генетических основ поведения, продлившийся несколько десятилетий. Чтобы понять, обусловлено ли дружелюбие генетически, они создали две популяции содержащихся в неволе лис. Одна популяция размножалась произвольным образом. Во второй популяции иметь потомство позволялось лишь лисам, которые были менее агрессивными, меньше боялись людей и проявляли дружелюбие. Исследователей интересовала только агрессия, а не внешний вид. Но результаты превзошли их ожидания.

Через несколько поколений – на самом деле быстрее, чем предполагалось, – экспериментальные лисы стали дружелюбнее. (Причина тут не просто в жизни в неволе; по прошествии нескольких десятилетий внешний вид и поведение произвольным образом

размножавшихся лис остались такими же, как у диких.) Удивление исследователей – и всех остальных – вызвал тот факт, что от поколения к поколению *менялась внешность* дружелюбных лис. Ученые получали лис с обвислыми ушами, пятнистым окрасом, мехом разной длины и плотности, загнутыми вверх хвостами, более короткими ногами, меньшим размером головы и весом мозга, с укороченными мордами и мелкими зубами. Помимо необычного окраса у лис появились необычные идеи, внесезонное и нерепродуктивное сексуальное поведение (запомните это). Взрослые особи дружелюбных лис продолжали вести себя как подростки – демонстрировали подчиненность, скулили, лаяли высоким голосом. Другими словами, лисы становились похожими на собак.

У выведенных искусственно дружелюбных лис ученые обнаружили в крови пониженные уровни гормонов, влияющих на страх и агрессию (в том числе глюкокортикоидов, адренкортикотропного гормона, а также адреналиновой реакции на стресс). Изменения произошли и в химической активности тех областей мозга, которые управляют эмоциональными и защитными реакциями. (Эти изменения коснулись систем, использующих нейротрансмиттеры серотонин, норадреналин и дофамин). Неудивительно, что у лис, рожденных дружелюбными, химическая активность мозга отличалась от химической активности животных, которые проявляли страх и агрессию по отношению к людям. Так и должно быть, потому что поведенческие особенности определяются химическими процессами в мозгу.

Вывод: гены, которые обуславливают невидимые изменения в мозгу и способствуют дружелюбному поведению, изменяют и внешность лис. Ученым было безразлично, как выглядят животные; они отбирали только особей с дружелюбным поведением. Изменения внешности появились сами собой, но они были связаны с генами дружелюбия.

Некоторые исследователи называют всю совокупность черт, обусловленных генами дружелюбия, «синдромом одомашнивания». Среди контролируемого хаоса ДНК встречаются многозадачные действующие элементы, когда гормон – скажем, дофамин, – влияющий на настроение, может также определять и цвет шкуры.

Возможно, исследователи и фермеры *думали*, что выводят покладистых животных, тогда как в действительности они отбирали взрослых особей с подростковым поведением, вечных щенков. Коровы и свиньи, козы, кролики – у всех изменения внешности сопутствуют покладистости. Селекционер говорит: «Не кусайся», – но геном слышит: «Не становись взрослым». Поэтому «синдром одомашнивания» было бы правильнее назвать «синдромом Питера Пэна».

По всей видимости, некоторые волки одомашнили себя и превратились в собак. В процессе они, в свою очередь, «одомашнили» нас. Никто этого не планировал. Все вышло само собой. Таким образом, препятствуя размножению агрессивных животных, мы в конечном итоге можем получить популяцию взрослых особей, похожих на подростков, – у любого вида.

Два конца одного поводка

Пора поднимать ставки. Мы собираемся перейти от собак к человекообразным обезьянам.

Шимпанзе способны к совместным действиям без всякого обучения- например, они тянут за веревки, чтобы достать тяжелый ящик с едой. Но такое происходит редко. У них есть проблема – они иногда становятся злейшими врагами самим себе. Шимпанзе сотрудничают и вместе тянут за веревку, если: 1) еду можно разделить; 2) обезьяны отделены друг от друга; 3) обезьяны раньше делились пищей. Если эти условия не выполняются, шимпанзе не сотрудничают. Причины: обезьяны с низким статусом не хотят подвергнуться нападению лидеров, а лидеры, похоже, не могут сдерживать агрессивные импульсы в отношении подчиненных, которые получают еду, – даже когда при отказе от сотрудничества лидер вообще не получает еду. Они не способны к совместным действиям, даже если сотрудничество им выгодно. «Веди себя прилично, и все будут сыты» – для шимпанзе это слишком сложно.

У шимпанзе нет человеческих навыков, которыми обладают собаки, потому что у них нет собачьей склонности к сотрудничеству. Мы знаем, что собаки приобрели эту склонность еще будучи волками. Но каким образом вообще появился свойственный человеку характер?

Некоторые исследователи убеждены, что у древних людей развился неагрессивный, дружелюбный человеческий характер до того, как коммуникабельность и сотрудничество могли обеспечить такое громадное преимущество.

С другой стороны, если преимущество так велико, почему у шимпанзе не сформировался неагрессивный, дружелюбный человеческий характер? Хотя у некоторых, похоже, сформировался. Как и у людей. Более того, почему шимпанзе часто ведут себя отвратительно, а бонобо чрезвычайно дружелюбны и любвеобильны в отношении своих сородичей? Похоже, все дело в самоодомашнивании. Бонобо, подобно волкам, по всей видимости, одомашнили сами себя. Самое примечательное в случае бонобо заключается в том, что их самоодомашнивание никак не связано с человеком. Бонобо

сформировались приблизительно миллион лет назад после появления реки Конго, которая изолировала популяцию шимпанзе к югу от реки. Для бонобо многое изменилось.

Когда шимпанзе взрослеют, они становятся менее игривыми и по большей части отказываются делиться. Бонобо похожи на шимпанзе, которые так и не повзрослели. Взрослые особи играют друг с другом, как молодые шимпанзе. Бонобо известны своими сексуальными играми и нерепродуктивным сексуальным поведением. Такие игры устраняют конфликты, способствуют дележу пищи, сотрудничеству, дружелюбным отношениям между группами. В тех ситуациях, когда шимпанзе не способны преодолеть агрессию и сотрудничать – тянуть за веревки, чтобы получить наполненную лакомствами коробку, – бонобо играют, ласкают друг друга и с радостью делятся угощением с молодежью. «Взрослые бонобо нередко ведут себя как молодые шимпанзе». По сравнению со своими агрессивными, жадными, эгоистичными родственниками – шимпанзе – бонобо похожи на играющих и сотрудничающих друг с другом детей. В этом все дело.

Взаимоотношения между группами шимпанзе всегда напряженные, иногда враждебные. Для самцов, которые оказались без поддержки своей группы, такая встреча может стать роковой. Иногда самцы убивают детенышей из других групп. В отличие от них бонобо при встрече с незнакомой группой часто просто отступают на свою территорию. Но иногда группы бонобо смешиваются, флиртуют и играют, используя возможность для таких видов общения, как груминг и случка. А при соответствующем настроении могут позволить себе скромную – хотя, по стандартам шимпанзе, неприлично беспорядочную – оргию.

Шимпанзе ревнивы, честолюбивы, часто проявляют агрессию по отношению к членам своей группы. Вожаком стаи шимпанзе всегда самец. Самцы шимпанзе образуют коалиции против других самцов, а смысл лидерства заключается в основном в монополизации способных к деторождению самок (результат: у доминантных самцов непропорционально большое количество детей; это главное преимущество их агрессивной, стремящейся к повышению статуса натуры). В сообществе бонобо вожаком всегда бывает самка, а не самец. Коалиции самок играют главную роль – поддерживают мир и

обеспечивают подчиненное положение самцов. Власть самок подавляет агрессию самцов.

Самая тесная связь у самца бонобо – с матерью (как у косаток). Драки редки, а конфликты часто разрешаются с помощью разнообразного секса. Самки выбирают себе партнера и подходящий момент для спаривания, хотя следует признать, что они не очень разборчивы в связях. Самки предпочитают копуляцию лицом к лицу и часто выступают инициаторами секса – уважающая себя самка шимпанзе такого себе не позволяет. Следует отметить, что бонобо трисексуальны: они пробуют все со всеми. Делиться – значит заботиться. У многих самцов в группе одинаковое количество детей.

Может быть, предками бонобо были шимпанзе, которые оказались изолированными к югу от реки Конго – маленькая группа, состоявшая преимущественно из самок? Но и в этом случае каким образом доминирование и лидерство самок стали институализированными? Загадка.

У бонобо, как и у всех нас, характеристики личности связаны с мозгом. По сравнению с шимпанзе в мозгу бонобо больше серого вещества в тех областях, которые участвуют в восприятии чужих страданий. У бонобо более крупный нервный путь для контроля над агрессивными импульсами, что не позволяет причинять вред другим особям. Это ослабляет стресс, снимает напряжение, уменьшает тревожность до уровней, открывающих дорогу для секса и игры.

Даже у взрослых бонобо гормоны в мозгу и химический состав крови такие же, как у детей, – в том числе более высокий уровень серотонина, который подавляет агрессию и снижает уровень гормонов стресса. Типичная для молодых особей химия мозга обуславливает свойственное молодым особям поведение – игривость, дружелюбие, доверие. Генетические изменения приводят к изменению поведенческих, внутренних и внешних характеристик. Например, по сравнению с шимпанзе медленнее взрослеют – в физическом, психологическом и социальном плане – и медленнее обучаются. Более того, череп взрослого бонобо мало отличается от черепа подростка *бонобо*. У них примерно одинаковый размер и форма головы. Кроме того, клыки у бонобо меньше, чем у шимпанзе (на 20 % по сравнению с самцом шимпанзе). У бонобо менее мощные челюсти и более плоские лица. У взрослых самок шимпанзе исчезают большие половые

губы, а у бонобо остаются – как у человека. Клитор и гениталии у бонобо смещены вперед по сравнению с шимпанзе, что объясняет их предпочтение «позы миссионера». У бонобо исчезла пигментация губ; у них симпатичные розовые губы.

Точно неизвестно, почему и каким образом бонобо одомашнили себя, но выдвигается любопытное предположение о том, что они попали в своего рода райский сад с изобилием пищи. Конечно, это некоторое преувеличение, но именно изобилие пищи могло сыграть ключевую роль. Взрослые шимпанзе могут запомнить больше мест, где видели спрятанную еду, и это значит, что добыча еды у шимпанзе требует больше усилий и навыков. Действительно, бонобо тратят на поиски пищи меньше времени, питаются на меньшей территории и большими по численности группами. Там, где живут бонобо, не водятся гориллы. Рацион горилл и шимпанзе частично совпадает, и поэтому там, где нет горилл, для бонобо остается больше пищи. Драки между шимпанзе могут приводить к серьезным увечьям или смерти. Шимпанзе часто ищут пищу на некотором расстоянии друг от друга, а самки много времени проводят в одиночестве. Изобилие пищи в местах обитания бонобо способствует формированию больших по численности групп. Похоже, что бонобо сталкивались с напряжением и конфликтами, обусловленными более близкими и частыми контактами друг с другом. Возникла необходимость в более мирных межличностных отношениях. И бонобо удалось этого добиться, почти полностью освободив себя от насилия.

Исследователь приматов Ричард Рэнгем описывает бонобо как «шимпанзе, которые достигли мира тремя путями. Они снизили уровень насилия между полами, в отношениях между самцами и в отношениях между группами». Японский приматолог Такеши Фуруичи, единственный, кто изучал и шимпанзе, и бонобо, живущих в дикой природе, выражается более лаконично: «У бонобо все происходит мирно. Когда я вижу бонобо, они как будто наслаждаются жизнью».

«Развивая эту мысль, – осторожно предполагают Брайан Хэйр и Майкл Томазелло, – можно серьезно рассматривать гипотезу о том, что важным первым шагом в эволюции современного человека было своего рода самоодомашнивание»^[76].

Как это могло произойти? Хэйр и Томазелло, вспоминая русских лис, у которых размножаться позволяли лишь дружелюбным особям, предполагают, что люди «либо убивали, либо изгоняли чрезмерно агрессивных или деспотичных. Таким образом, как и в случае одомашнивания собак, подобный отбор более мирной реакции поместил наших далеких предков в новую адаптивную среду, подготовив основу для эволюции „современных человеческих форм социального взаимодействия и коммуникации“».

Конечно, убийство чрезмерно агрессивных – не слишком дружелюбный акт. Но разве не такова вся история демократии, борьбы за свободу и достоинство человека? И разве сегодня мы не даем государству право убивать или изолировать чрезмерно агрессивных, отправляя их за решетку? Разве мы – неуверенно, с остановками, сквозь тьму невыразимых человеческих страхов – не находимся в постоянном поиске более совершенных способов усмирения самих себя? Похоже, самоодомашнивание действительно встроено в нашу генетическую программу. Процесс, в результате которого мы становимся более воспитанными, называется цивилизацией.

Я всегда считал, что человечество, по всей видимости, еще молодо и что нам предстоит повзрослеть. Но если гипотеза о самоодомашнивании верна, это означает, что мы действительно молоды, но движемся не к взрослению, а к младенчеству.

Ювенильные черты у взрослых людей настолько очевидны, что еще в 1926 году один из исследователей заявлял: «Если бы я захотел выразить основной принцип своих идей в одном предложении, то сказал бы, что с точки зрения развития тела человек – это плод примата, достигший половой зрелости»^[77].

Экспериментальные лисы, домашние собаки и живущие в дикой природе бонобо – все они демонстрируют, что генетической предрасположенности к дружелюбию сопутствуют случайные признаки, не выведенные в результате селекции, а запрограммированные в тех же участках ДНК. Оказывается, у всех одомашненных животных приспособление к жизни рядом с человеком сопровождается появлением целого ряда характеристик. За многие поколения селекции большинство млекопитающих (коров, свиней, овец, коз и даже морских свинок) уменьшились в размерах и стали более стройными по сравнению с живущими на воле родственниками.

Как правило, уменьшается и череп, а вместе с ним и сам мозг. Рыло укорачивается, морда выглядит более плоской. Зубы уже не умещаются в укоротившихся челюстях и становятся меньше. Стираются различия в размерах самцов и самок. Более разнообразными становятся окрас и текстура шкуры. Увеличивается способность запасать жир под кожей и в мышцах. Уменьшается активность, животные становятся послушнее. Период размножения удлиняется, интенсифицируется ухаживание, сексуальная стимуляция, нерепродуктивное сексуальное поведение, растет количество близнецов и выработка молока. Ювенильное поведение, в том числе игра и низкий уровень агрессии самцов, распространяется и на взрослые особи.

В процессе одомашнивания размер мозга у собак относительно веса тела уменьшился на 30 %, если сравнивать их с волками. У свиней и хорьков – тоже на 30 %, у норок – приблизительно на 20 %, у лошадей – на 15 %. У одичавших домашних животных размер мозга не увеличивается, и это значит, что дело действительно в генетике. По сравнению с дикими предками домашние морские свинки менее агрессивны, их больше интересует секс, и они обращают меньше внимания на окружающую обстановку. Причиной таких перемен в поведении стали генетические изменения, повлиявшие на эндорфиновую систему.

В позднем плейстоцене многочисленные изменения такого рода произошли в некоторых популяциях человека. Давайте обратимся к ископаемым останкам человека. Мы склонны считать, что цивилизация сделала человека больше, в действительности наши современники ниже древних людей. Примерно восемнадцать тысяч лет назад в Европе рост уменьшился на десять сантиметров. Эта тенденция продолжилась и при переходе к сельскому хозяйству. Вероятно, потепление климата можно исключить из причин уменьшения размеров. Обычно люди – за некоторыми существенными исключениями – реагируют на длительное по эволюционным меркам потепление климата увеличением роста, потому что более длинные кости способствуют эффективному охлаждению. Это значит, что уменьшение роста людей, по всей видимости, было вызвано другими изменениями. (Улучшение здоровья и питания европейцев за

последние двести лет снова сделали их такими же высокими, как их предки из эпохи палеолита.)

Другие изменения происходили по мере того, как люди приобретали современную внешность. По сравнению с неандертальцами, первыми современными людьми, появившимися сто тридцать тысяч лет назад, «у нас лицо гораздо меньше», как считает американский антрополог Осборн Пирсон. В конце плейстоцена у некоторых групп людей и живших рядом с ними животных начали все больше проявляться *параллельные* признаки, такие как уменьшение размеров и роста, укорочение лица и челюстей, уменьшение размера зубов и более плотное их расположение. Пирсон говорит, что уменьшение размеров нашего лица и зубов началось во время длительного процесса перехода к оседлой жизни.

Специалисты спорят, уменьшился ли размер человеческого мозга по отношению к массе тела. Но в абсолютных величинах наш мозг меньше, чем у неандертальцев. Например, у мужчин из австралийских племен, как оседлых, так и кочевых, с эпохи плейстоцена до наших времен, голоцена, объем черепа уменьшился на 9 %. Приблизительно за двенадцать тысяч лет такие изменения произошли со всеми людьми. Мозг современного человека с объемом 1350 см³ уменьшился на 10 %, с 1500 см³ у неандертальца.

Животные, которых одомашнивали, получали кров, пищу, измененную в процессе перехода к сельскому хозяйству, и защиту от хищников в обмен на относительную потерю свободы. Это уменьшало их сенсорные потребности, что способствовало дальнейшему одомашниванию. Одомашненные животные привыкали к жизни при пониженной активности и стимуляции, но то же самое происходило с людьми. Человек обеспечивал более безопасную и пассивную жизнь не только для своего скота, но и для самого себя. Лишение свободы было взаимным. Уходя из мира дикой природы и основывая сельскохозяйственные поселения, мы тоже становились сельскохозяйственными животными. Джон Олмен, исследователь мозга из Калифорнийского технологического института, говорит, что посредством сельского хозяйства и других способов уменьшения каждодневного риска люди одомашнили себя. В обеспечении себя кровом и пищей мы теперь зависим от других. В этом отношении мы очень похожи на пуделей.

Домашним животным не нужно жить своим умом. Им надлежит смириться со своей долей, отказаться от высокомерия. Коровы и козы как будто не обращают внимания на окружающую обстановку – им это не нужно. Как и людям, которые их содержат. Археолог Колин Гровс пишет: «Люди стали слабее реагировать на окружающую среду одновременно с домашними животными в точности по той же причине». Он объясняет, что одомашнивание представляет собой нечто вроде партнерства, в котором «каждый партнер в определенной степени защищен сотрудничеством с другим». Гровс говорит, что безопасность стоила нам некоторого притупления чувств, объясняя, что изменения в человеческом мозге вызывали «снижение способности оценивать окружающую среду».

Это утверждение мне кажется достойным внимания. Гровс имеет в виду все, что нас непосредственно окружает, но мне кажется, что речь идет о восприятии природы вообще. «Честно говоря, – заметил Эмерсон еще много лет назад, – немногие взрослые способны видеть природу. Большинство людей не видят солнца».

Мне всегда казалось, что отчуждение человека от природы – это привычка. Ведь совсем недавно охотники и собиратели жили в тесной связи с дикой природой. Но что, если проблема отчуждения от природы – идея изгнания из рая – действительно является неотъемлемой частью человека? Может, самоодомашнивание нас изменило? Может, нас одомашнили домашние животные? Что, если «синдром одомашнивания» – это и есть человеческая натура?

И поэт Робинсон Джефферс прав?

...появилась раса людей
В страданиях и муках...
...они научились умерщвлять зверей, и убивать людей,
И ненавидеть весь мир.

Итак, действительно ли изменения, произошедшие с нами в процессе цивилизационного «одомашнивания», повлияли на накопление жира, сексуальность, частоту рождения близнецов, снижение сенсорных способностей, уплощение лиц, более тесное

расположение зубов и агрессивность точно так же, как у домашних животных?

Несомненно одно: наши представления о себе как о постэволюционных сформировавшихся исключительно под влиянием культуры и не подвергавшихся селекции существах неверны. Мы склонны считать, что люди эволюционировали, затем эволюция прекратилась и началась культура. Ничего подобного. Появление сельского хозяйства и расцвет цивилизации сами по себе в значительной степени изменили окружающую человека среду, сильно скорректировав селективные тенденции. Уменьшилось давление, способствовавшее поддержанию размеров, физической силы и восприимчивости, необходимых для охоты, но одновременно усилилось давление, побуждающее к сотрудничеству, к расширению социальных навыков, к подавлению агрессии. Маленькие худые люди с тонкими костями, возможно, не очень полезны при охоте на мамонта. Но у тех, кому требуется меньше калорий, больше шансов выжить в неурожайный год. Дарвин придумал термин «естественный отбор», сравнивая механизм, существующий в природе, с искусственным отбором при выращивании домашнего скота. Но природа не отбирает, а фильтрует. Окружающая среда работает как фильтр, и когда она меняется, то начинает фильтровать по-другому. Суть в том, что действующие силы меняются и вместе с ними меняемся и мы.

Посмотрите в зеркало на эволюционирующее существо. Осознайте, что нам предстоит пройти долгий путь, прежде чем мы начнем так хорошо относиться друг к другу и получать такое же удовольствие от общения друг с другом, как бонобо.

Говорят, в природе не существует двух таких похожих видов, как волки и люди. Если принимать во внимание не только красоту и приспособляемость волков, но и их жестокость, такой вывод кажется очевидным.

Мы живем семьями, мы отбиваемся от волков в человеческом обличье, живущих среди нас, мы сражаемся с волком внутри себя, мы без труда способны узнавать социальные дилеммы и борьбу за статус среди настоящих волков. Неудивительно, что коренные жители Северной Америки видели в волках родственные души.

Взгляните на сходство между волками и людьми. Просто поразительно. Лишь у небольшого числа видов самцы круглый год

непосредственно обеспечивают выживание самок и детенышей. Например, большинство самцов птиц приносят пищу самкам только в период высиживания птенцов. У некоторых видов рыб и обезьян самцы заботятся о потомстве, но только когда детеныши еще совсем маленькие. У совинолицей мартышки самцы носят и защищают детенышей, но не кормят их. Самцы лемуру вступают в бой с хищниками, давая возможность самке спастись бегством, но не приносят пищу.

Круглогодичная помощь в добыче пищи, снабжение пищей детенышей, помощь в воспитании молодняка на протяжении нескольких лет до полного созревания *и* защита самок и детенышей от врагов, угрожающих их безопасности, – такое сочетание встречается редко. Мужчины у людей и самцы у волков относятся именно к этой категории. Причем в верности мы проигрываем волкам. Самцы волков более надежны и последовательны в своем поведении, помогая растить потомство *и* помогая выживать самкам.

На первый взгляд шимпанзе гораздо больше похожи на людей, но самцы у них не добывают пищу детям и не приносят ее домой. Волки и люди способны лучше понять друг друга. Это одна из причин, почему мы пригласили в свою жизнь волков, а не шимпанзе. Волки, собаки и мы – неудивительно, что мы нашли друг друга. Мы достойны друг друга. Мы созданы друг для друга.

На нашей кухне, на полу и на диване, на наших коленях и в наших кроватях, скрытые на самом виду среди людей, которые забыли о древних корнях своих домашних питомцев, – волки в собачьей шкуре оккупировали наши дома, они меняют наши семьи и сердца, виляя хвостами; они наши помощники и лучшие друзья. Нет никакой иронии в том, что такое жестокое существо, как волк, смог одомашнить себя и стать любимым спутником человека. То же самое они могут сказать о нас. Приняв обличье собак, волки приспособились к людям, поскольку остро чувствовали и понимали законы социальной жизни. Волк знает, кого защищать и на кого нападать, как стоять насмерть. Эта настоятельная потребность отделить друга от врага – наша общая черта. Вот почему мы, с одной стороны, понимаем друг друга, а с другой – боимся друг друга. Вот почему со времен глубокой древности мы представляли волков в самых разных ипостасях – от стражей до богов.

Наблюдая за волками, мы видим родственное существо, которое может вызывать интерес, страх или восхищение. Мы также видим, что многие склонности и таланты наших собак полностью сформировались в дикой природе и сохранились неизменными в наших домах.

Пород собак существует великое множество, и они очень разные, от датских догов до чихуахуа. Тем не менее собака даже на большом расстоянии отличает другую собаку от кошки. Как и дети.

Рик Макинтайр любит повторять, что, поскольку во многих домах живут собаки, мы уже знаем «и тех и других».

– Вы имеете в виду волков и собак? Или волков и людей? – спрашиваю я.

– Точно, – уклончиво отвечает он.

«Моя собака меня любит или просто просит угощения?» Этот вопрос недавно задал мне профессор, изучающий изменение климата (а не собак). Тот же вопрос я часто задавал сам себе. Краткий ответ: собака действительно вас любит. Одна из причин – ваша доброта. Будь вы жестоким, ваша собака бы вас боялась. Тем не менее она могла бы все равно вас любить, из чувства долга или по необходимости – точно так же поступают многие люди, подвергающиеся жестокому обращению в семье. Полный ответ звучит так: судя по тому, что мы знаем о мозге собак, о химии их мозга и изменениях, вызванных одомашниванием, ваша собака вас любит. Мы вывели собак такими, какими хотели бы видеть людей: верными, работающими, внимательными, готовыми защитить, обладающими интуицией, чуткими, любящими, помогающими тем, кто попал в беду. Чувства, которые они испытывают, для них реальны – независимо от происхождения. Ваша собака искренне вас любит, а у вас, тоже одомашненного, активируется древняя, глубинная часть мозга – и вы тоже любите свою собаку.

В окрестностях города Бозмен, штат Монтана, Крис Бан и его жена Мэри-Марта – хозяйева небольшой гостиницы под названием «Хоулерс Инн». На полутора огороженных гектарах рядом с домом они держат несколько рожденных в неволе волков, которые нуждаются в защите. Крис и Мэри-Марта вырастили этих животных, с трехнедельного возраста кормили их из бутылочки. Волки не знают

другой жизни. Это настоящие волки, а не помесь волка с собакой. При моем появлении они подбежали к ограде, любопытные как собаки.

Я читал о русских дружелюбных лисах с хвостами колечком, а также о теориях, что дружелюбные волки одомашнили сами себя – что выглядит вполне логично, – но тем не менее очень удивился, увидев, как человек общается с прирученными, но не одомашненными волками.

Перед тем как войти в вольер, Крис надел брезентовый комбинезон, чтобы защититься от удивительно длинных и острых когтей обрадованных волков. Но больше всего меня удивило их дружелюбие. Они виляли хвостами и весело прыгали вокруг человека. Мне самому пришлось остаться снаружи.

– Волки очень эмоциональны, – объяснил мне Крис, стоя на коленях в гуще ласкающихся к нему волков. – Наверное, они даже эмоциональнее собак. Всегда можно понять, о чем думает волк, счастлив ли он, спокоен или чем-то встревожен.

Шестилетний альфа-самец подошел к Крису, потерся о его ноги и опрокинулся на спину. Крис склонился над ним и начал чесать волку живот, а остальные лизали человеку лицо – точно так же, как делает Джуд, когда дома я чешу живот Чулы. Я спросил Криса, какое место он занимает в иерархии стаи. Он ответил, что не принадлежит стае. Его роль другая, он – опекун.

Наблюдая за этими волками, я думал о правдоподобности теории, что волки, привыкшие жить рядом с людьми, приобрели «двойное гражданство», а потом, по прошествии многих столетий, встроились в человеческое общество, отдалившись от своих корней. Похоже, это был удачный карьерный ход.

Часть третья

Острые вопросы

Занимающий нас сейчас вопрос очень темен, но вследствие его важности он подлежит подробному рассмотрению; всегда бывает полезно уяснить себе, в чем недостаточность наших знаний.

Чарльз Дарвин. Выражение эмоций у человека и животных

Проблема в том, что правила просты, а животные – нет.

Бернд Генрих. Гуси с бобрового болота

Неразумная теория

Первые эксперименты показали, что волки не понимают, когда рука человека указывает на спрятанную пищу. Собаки часто понимают это. Но от человека, указывающего в нужном направлении, волки были отделены забором. Разумеется, собак никто не отделял, и люди, которые проводили тестирование, были им хорошо знакомы. Когда условия экспериментов были наконец выравнены, волки показали себя не хуже собак – без всякого обучения.

Эксперименты могут очень многое рассказать о поведении. Но иногда воспроизводимые в них ситуации до такой степени редки или искусственны – как с волками за ограждением, – что скрывают те способности, которые призваны исследовать. Поведение и выбор животного в естественной обстановке не всегда можно смоделировать в эксперименте.

Любой эколог, наблюдающий животных в дикой природе, осознает глубину и сложность их взаимоотношений с окружающим миром и понимает, насколько легко эти нюансы ускользают от наблюдения, когда животные занимаются своими делами, поддерживая свою жизнь и жизнь своего потомства.

С одной стороны, лабораторные исследователи как будто озабочены «проверкой» научных концепций, таких как «самосознание» и «теория разума». Дело не в том, что от этих *идей* нет никакой пользы. Есть. Вот только животным безразличны научные классификации и условия экспериментов. Им неинтересны споры о тончайших различиях между категориями, например утверждение о том, что разбивание моллюска камнем – это использование орудий, а когда чайка бросает моллюск на камень – нет. Их забота – выжить. Тем временем некоторые исследователи дробят концепции на столько кусочков, что они становятся похожими на шашлык. Поэтому в этом разделе я хочу немного развлечься, рассказав о путанице, созданной учеными, изучающими поведение. Мы немного разведем туман и разобьем некоторые зеркала. Что касается шашлыка, то первым на вертеле располагается «теория разума».

«Теория разума» – довольно неудачное выражение – представляет собой концепцию. Какую именно, зависит от того, кого вы спрашиваете. Наоми Ангофф Чедд, работающая с детьми-аутистами, дает такую формулировку: это «понимание, что у другого человека могут быть мысли, отличные от ваших»^[78]. Мне нравится такое определение; оно разумно. Исследователь дельфинов Дайана Рейсс объясняет иначе: это способность понимать, что «я представляю себе, что ты думаешь». Но другие утверждают – мне кажется это странным, – что это «умение читать мысли других». Лагерь «чтения мыслей» получает наибольшее освещение в средствах массовой информации, и его сторонники сильнее всего увлечены своими идеями. Итальянский нейробиолог и философ Витторио Галлезе пишет о наших необыкновенных способностях чтения мыслей.

Не знаю, как вы, но я не умею читать мысли. Догадка, основанная на языке тела и на предшествующем опыте, – вот и все, что нам доступно. Если к нам на улице подходит странно одетый человек, наша главная проблема заключается в том, что мы не *можем* знать, о чем он думает. Если «теорию разума» определить как понимание, что мысли другого человека могут отличаться от ваших, тогда все в порядке. Но утверждение, что люди обладают «необыкновенными способностями чтения мыслей», – это чушь. Именно поэтому мы приветствуем друг друга фразой: «Как дела?»

«Теория разума» была придумана в 1978 году учеными, которые изучали шимпанзе^[79]. Совершенно не понимая, каким должен быть соответствующий контекст и что именно имеет смысл для шимпанзе, они показывали обезьянам видеоролики, где актеры пытались достать бананы, находящиеся вне пределов досягаемости, слушали музыку на отсоединенном от сети проигрывателе, дрожали от холода из-за неработающего обогревателя и так далее. Предполагалось, что шимпанзе покажут свое понимание задачи, стоящей перед человеком, выбирая фотографию с ее решением. Например, они должны были выбрать «зажженный фитиль для неработающего обогревателя». Нет, исследователи *не* шутили. Если обезьяна не выбирала правильное фото, исследователи объявляли, что она не понимает проблему, с которой столкнулся человек, и поэтому «теория разума» к ней неприменима. (Представьте себя на месте шимпанзе. Вас приводят в комнату, показывают видео, на котором человек дрожит рядом с

обогревателем, вам никто не объясняет, в чем проблема, в чем суть эксперимента и как можно использовать огонь, а потом от вас ждут, что вы выберете зажженный фитиль. Или представьте, что вы Томас Джефферсон и вам показывают видео с человеком, который пытается включить отсоединенный от сети фонограф. Вы понятия не имеете, что за предмет перед вами.) По прошествии нескольких десятилетий, после многочисленных экспериментов ученые, работающие в этой области, предположили, что на полученные в 1978 году результаты могли повлиять условия эксперимента. Наука не стоит на месте. Споры продолжаются.

Сегодня некоторые ученые признают наличие «теории разума», то есть понимания, что у другого существа могут быть отличные от ваших мысли и мотивы. А именно у человекообразных обезьян и дельфинов. Кое-кто включает в этот список слонов и ворон. Отдельные исследователи признают такие способности у собак. Однако многие продолжают настаивать, что «теория разума» применима исключительно к человеку. Даже теперь, когда я пишу эти строки, научный журналист Кэтрин Хармон утверждает, что у большинства видов животных ученые не смогли обнаружить ни единого проблеска доказательств.

Ни проблеска? Да там не проблески, а *ослепительный свет*. Люди, не видящие доказательств, просто невнимательны. В отличие от Франса де Ваала. Прodelки шимпанзе, которые любят брызгать водой на ничего не подозревающих посетителей зоопарка, говорит он, отражают сложную и такую знакомую внутреннюю жизнь.

Мнение исследователей относительно того, обладают ли шимпанзе, собаки и другие животные «теорией разума», не имеет особого значения. Важно другое: что именно они осознают и как? Как ведут себя собаки? Какие у них мотивы? Вместо того чтобы выяснять, способна ли собака или шимпанзе проследить за взглядом человека, зададимся вопросом, как собаки и шимпанзе направляют внимание друг друга.

Люди лучше понимают людей, чем собак. Дельфины лучше понимают дельфинов. Шимпанзе лучше понимают шимпанзе. Мы делаем вывод о намерениях странно одетого незнакомца, доброжелательного или враждебного, по языку тела. Точно так же поступают собаки. Другие животные прекрасно разбираются в языке

тела. На кону стоит их жизнь, а задавать вопросы они не умеют. Живущая у нас самка енота по имени Мэддокс (мы выкормили ее из бутылочки, но не держали в клетке; она живет на свободе) иногда способна угадать мое намерение в ту же секунду, как мысль приходит мне в голову, хотя я не могу понять, по каким признакам. Например, она ощетинивается и изгибает спину, как только я решаю, что время для игры на кухне истекло и пора выпроваживать ее за дверь. Я обычно шучу, что у меня есть енот, который читает мысли. Наверное, она что-то видит в моем взгляде – надо признать, что в этом отношении у нее острый ум. Впрочем, как и зубы.

Наблюдая, как живущие на свободе животные взаимодействуют с окружающим миром на своих условиях, вы понимаете, насколько велики их умственные способности. Начать можно с тех, кто бродит по вашему дому и вопросительно смотрит на вас, ожидая вашей реакции.

Утром я варю кофе и – поскольку в доме холодно – поднимаю москитные сетки и закрываю окна; звонит телефон, и я беру трубку. Чула следует за мной по пятам и заглядывает в глаза, высматривая признаки того, что я готов общаться – или чем-то угостить. Она не понимает, что такое кофе, москитные сетки, телефон. Человек из прошлого, будь он коренной американец из 1880 года или представитель древнего племени охотников и собирателей, не поймет, что я делаю. Разница между моей собакой и вождем по имени Бешеный Конь заключается в том, что Бешеный Конь способен научиться всему, что делаю я (а я, возможно, всему, что делает он). Повторяю: вопрос не в том, похожи ли собаки на нас. Они такие, какие есть. Интересно, какие именно?

Наша двадцатилетняя дочь Александра видит, как наша вторая собака, Джуд, появляется перед сетчатой дверью и выражает желание войти. Обычно собаки входят или выходят вместе, но Чула сейчас в доме. Алекс наблюдает эту сцену и описывает ее следующим образом: «Джуд скулит, чтобы его пустили. Чула подходит к сетке и смотрит на него, словно дразнит, точно так же, как перед игрой; потом она нажимает лапой на дверь, но несильно, как человек, когда открывает ее. Открыв дверь, она снова принимается грызть свою косточку. Она знает, что делает. К тому времени как Джуд вошел, она уже отвернулась. Чула просто подошла открыть дверь, как будто говоря: „Ладно, входи“. За этим очень интересно наблюдать. Алекс хочет

подчеркнуть, что „она открыла дверь и вернулась к своим делам, точно так же, как поступила бы я, впустив Джуда“».

Мы надеваем куртки, и Чула с Джудом радуются. Они надеются, – если можно так выразиться, – что мы возьмем их на прогулку. Я открываю дверь и говорю: «В машину», – и они бегут к задней дверце машины.

У реки мы их выпускаем. Конечно, им это нравится. Лебедь видит бегущих по берегу собак, осторожно ступает в воду и отплывает подальше. Собаки заходят в реку до брюха и облаивают лебедя. Он перебирает лапами, чтобы его не снесло течением, – не приближается и не удаляется. Либо лебедь не хочет удаляться от этого места, либо дразнит их, либо не может решить, что лучше, бросить им вызов или спастись бегством. Но период гнездования уже закончился, и лебеди не охраняют свою территорию. Похоже, он дразнит собак, но зачем ему это? Я не знаю, почему он остается на месте, – в отличие от него самого. Может, он так развлекается?

Чула раздумывает, не поплыть ли к лебедю. Совершенно очевидно – она решает, что делать дальше. Заходит довольно далеко, но, похоже, понимает, что у нее ничего не выйдет. Лебедь явно знает, что собаке до него не добраться, поэтому он внимательно смотрит на нее с близкого расстояния, но не двигается с места. Через минуту собаки видят, что развлечения больше не будет, шлепают по воде к берегу и начинают резвиться на суше.

Лебедь продемонстрировал свое понимание необходимости держаться подальше от собак, а *также* ограниченность их способности передвигаться по воде. С помощью воды он обеспечивает себе полную безопасность, но в то же время остается так близко, что на земле собаки преодолели бы это расстояние в два прыжка, всего за полсекунды. Лебедь продемонстрировал «теорию разума» и способности медуума.

Чуть ниже по течению Чула входит в воду рядом с местом, где плавают несколько крякв. Они тоже отплывают на глубину, но не улетают. Через несколько сотен метров река впадает в пролив Лонг-Айленд. Ширина устья там не меньше ста метров. Посреди реки за мидиями ныряют несколько чернетей – это еще один вид уток. Они не обращают внимания на собак. Но, когда на дальнем берегу появляются несколько человек, все утки как по команде поднимаются в воздух и

направляются в сторону пролива. Они пролетают над другими группами покачивающихся на воде чернетей и длиннохвостых уток, те тоже снимаются с места и в панике устремляются к проливу.

Почему утки просто отплыли подальше от своего древнего врага волка (хотя и в одомашненном облике), но запаниковали, едва завидев людей на дальнем берегу? Потому что птицы понимают ограниченные возможности собаки и усвоили, что люди умеют убивать на большом расстоянии – причина именно в этом. Они знают, что люди, возможно, задумали причинить им вред, и они имеют представление о смерти, нападении и опасности. А поскольку за миллионы лет эволюции они не сталкивались с огнестрельным оружием, разницу безопасного расстояния от собак и людей они осознали недавно. Обладают ли они разумом согласно «теории разума»? Этот вопрос теряет свою актуальность по мере того, как становится очевидным все богатство их поведения и восприятия. Интересно другое: что делают птицы и почему.

После возвращения домой я вытираю полотенцем грязную и мокрую Чулу. Она терпит, хотя эта процедура ей не нравится. А вот Джуд, как только я разворачиваю полотенце, ныряет в него и начинает энергично вилять хвостом, беспорядочно щелкать зубами и скакать, как привидение из махровой ткани. Джуду нравится играть в жмурки. Игра заключается в том, что я хватаю и отпускаю его морду, пока он слепо щелкает зубами. Если убрать полотенце, он перестает имитировать укусы и пытается снова завернуться в махровую ткань. Чула не проявляет никакого интереса к игре – и к Джуду тоже, пока он занят такими глупостями.

Потом собаки начинают бегать друг за другом во дворе; в этой игре нет никакого практического смысла. Они обманывают друг друга, бегая вокруг сарая или дома. Чула пытается повернуть назад, чтобы перехватить Джуда, но Джуд останавливается и смотрит, с какой стороны она бежит. Оба знают, что происходит, и, похоже, понимают, что их пытаются перехитрить. Это тоже «теория разума» в действии. Собаки оценивают намерения друг друга, и каждая демонстрирует четкое понимание, что другую можно ввести в заблуждение относительно того, откуда она появится. Это игра, в ней есть и разум, и юмор. Если только они не просто бессознательные механизмы без чувств и восприятия. Некоторые люди продолжают настаивать, что

«мы не можем быть уверены». Именно это я имею в виду под отрицанием.

Собака, никогда не видевшая мяч, не принесет его человеку и не положит к его ногам. Но если собака хорошо знает, что такое мяч, она придет и пригласит вас поиграть. Она представляет себе игру, планирует, как ее начать, и реализует план, обращаясь к человеку, который – по ее разумению – знает, что нужно делать. «Теория разума».

Любая собака, которая припадает к земле, тем самым приглашает вас к игре, понимая, что вы можете согласиться. (Такой «поклон» характерен не только для собак; наша енотиха Мэддокс часто приглашает поиграть именно таким образом.) Собаки и другие животные не кланяются деревьям, стульям и другим неодушевленным предметам. Наш щенок Эми кланялась так мячу, когда я первый раз толкнул его к ней. Она предположила, что движущийся по полу предмет должен быть живым, – но только один раз. Через секунду Эми поняла, что это чудесный новый предмет, но он неодушевленный, неспособный реагировать на нее или сознательно играть. Поэтому больше не нужно приглашать его к игре, его можно без ограничений грызть, бросать и царапать.

Чула однажды облаяла скульптуру собаки в натуральную величину, но только один раз: понюхав, она поняла, что форма ее обманула. Собака – или, скажем, слон – часто определяет аутентичность объекта по запаху. Пес, который любит гоняться за кроликами, один раз ткнется носом в фарфорового кролика. Совершенно очевидно, что он узнает кролика по внешности, но он слишком умен, чтобы его обманула подделка. Собака не признает уткой объект, который выглядит как утка и крякает как утка, если он не *пахнет как утка*.

Эти короткие истории показывают, что собаки превосходно умеют отличать разумные объекты от неразумных. «Теория разума». Невозможно переместить в лабораторию плавающих лебедей или стаю ныряющих уток. Иногда вместо «тестирования» животных в неволе или в искусственных условиях, где они не могут быть самими собой, мы можем просто сформулировать интересующую нас идею, а затем наблюдать за животными в дикой природе, в естественных ситуациях. Демонстрируют ли они понимание того, что у других есть другие

мысли и намерения и что их можно обмануть? Да. Это происходит вокруг нас двадцать четыре часа семь дней в неделю, но мы не замечаем очевидного. Вы должны держать свои глаза открытыми. Психологи, работающие в лабораториях, и изучающие поведение философы, похоже, зачастую просто не знают, как работает восприятие в реальном мире. Мне бы хотелось, чтоб они вышли из своих лабораторий, наблюдали и получали удовольствие.

Секс, ложь и ревнивые птицы

Наши две молодые собаки переехали к нам из приюта весной. За лето они выросли. В теплое время года они могли свободно выходить из дома и возвращаться через приоткрытую дверь. Им почти никогда не приходилось просить, чтобы их выпустили. В тех редких случаях, когда дверь была закрыта, а они хотели выйти, собаки просто стояли у двери; они никогда не лаяли, чтобы кто-то их выпустил. Последний раз они выходили около десяти часов вечера, затем поднимались в спальню, где устраивались на ночлег на своих ковриках. Они отдыхали до самого рассвета, а с первыми лучами солнца просыпались и будили нас. Однажды в октябре, в их первый год жизни в нашем доме, мы вернулись домой позже, чем рассчитывали, и покормили собак необычно поздно. Сбитые с толку нарушением режима, они проснулись в четыре утра и спустились вниз, к двери. Я понял, что их нужно выпустить, потому что одна из них залаяла. Раньше они никогда не лаяли, просясь на улицу, в этом не было необходимости. Почему же они подали голос? Вероятно, они понимали, что мы спим наверху и нужно привлечь наше внимание к закрытой двери. И собаки отправили сообщение, которое мы получили и поняли, – по определению это и есть коммуникация.

Когда моя жена Патриша первый раз привезла собак в наш домик в Лейзи-Поинт, я жил там уже несколько дней. Прибыв на место, Чула заметила мою машину и тут же направилась к ней, разыскивая меня. Я как раз отправился на прогулку, но взволнованная Чула обежала все комнаты в доме, надеясь – так показалось Патрише – найти меня и поздороваться.

Вы не можете знать, о чем думает ваша собака, – за исключением тех случаев, когда вы это знаете. Вы оба понимаете, что происходит, когда собираетесь идти на прогулку или ехать в машине или когда намерены угостить собаку остатками со своего стола. Разумеется, в большинстве случаев я не знаю, о чем они думают. Но в большинстве случаев я не знаю, думает ли моя жена о том, как сильно она меня любит, или размышляет, что бы ей хотелось на ужин. Но она может сказать мне об этом. Любовь и ужин занимают мысли и наших собак,

но их способности выразить свои мысли ограничены. Чуть лучше они умеют это демонстрировать. Тем не менее у них есть свои мысли. И нескольких слов и жестов, а также любви и доверия нам достаточно для совместной жизни.

Джуд – самый милый пес из всех, что мне приходилось видеть, но не самый умный. Мы называем его «поэтом», поскольку он всегда рассеян, словно погружен в мечты. По крайней мере, мне так кажется. Однажды я взял их с Чулой на пробежку по берегу. На полпути к берегу они уловили запах оленя и исчезли в лесу на вершине обрыва. Как правило, минут через пять они возвращаются. На этот раз их отсутствие затянулось; прошло двадцать, потом двадцать пять минут. Я их все время звал, наконец не выдержал и вскарабкался на обрыв. Ничего. Затем я увидел Джуда, который со всех ног мчался по пляжу в том направлении, в котором мы шли, когда они отвлеклись.

Это было странно. Чула всегда бежала впереди Джуда и *первой* начинала искать меня. Я окликнул Джуда, и он остановился, а потом бросился мне навстречу по заросшему лианами склону. Спустившись на пляж, я пристегнул поводок. Но где же Чула? Я начал волноваться. Меня охватили дурные предчувствия: она могла пораниться, ее мог кто-нибудь увести, решив, что собака потерялась, ее могла сбить машина. Минута проходила за минутой, но Чулы не было. Может, она *вернулась* к машине? Джуд пару раз уже так поступал. Я решил, что пройду полмили до машины и, если Чулы нет, оставлю там Джуда, а сам вернусь.

Джуд сопротивлялся. Он явно не желал менять направление. Совершенно очевидно, он тянул меня в ту сторону, куда мы все первоначально направлялись. Потому что ему нравилось гулять? Маловероятно. Обычно после такой пробежки он держался рядом со мной и был готов вернуться домой. Его настойчивость была странной. Затем вдалеке – гораздо дальше, чем я когда-либо доходил, – я увидел Чулу, которая неслась со всех ног, зигзагами. Какое облегчение! Однако она бежала не к нам, а от нас. Я позвал ее как можно громче и замахал руками, надеясь, что ветер донесет до нее мой голос.

Чула услышала, мгновенно развернулась, заметила, что я машу руками, и бросилась к нам. Похоже, она думала, что все то время, которое они провели в лесу, я продолжал идти в прежнем направлении – именно так обычно бывало во время их коротких отлучек. Вероятно,

она вернулась на пляж в том месте, где рассчитывала перехватить меня. Судя по тому, как быстро она бежала, Чула пыталась меня догнать. Знал ли Джуд, что она там? Может, он боялся, что я брошу Чулу? У меня нет возможности выяснить, но именно об этом свидетельствуют его действия. *Да, малыш, речь идет о тебе* (он лежит рядом с моим письменным столом, когда я пишу эти слова). Оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что собаки все время знали, что делают; растерялся только я.

Я прерву свой рассказ о собаках, чтобы сообщить о подборке новостей из журнала «Сайенс», где упоминается статья под названием «Собаки не читают мысли». А кто читает? Разве это новость? Как если бы эксперимент показал, что собаки обладают даром ясновидения? Предположительно статья рассказывала об эксперименте, «демонстрирующем, что собаки продолжают доверять людям, которые их обманывают, и поэтому так называемая „теория разума“ не про них». Мы преодолеем искушение спросить, обладают ли разумом клиенты Берни Мэдоффа или жертвы любого мелкого мошенника. Неужели автор хочет сказать, что мы никогда не верим ненадежным людям? Иногда мы склонны применять очень странные двойные стандарты: начинаем с предпосылки, что другие животные не так умны, как люди, а затем требуем от них высоких достижений. Кстати, похоже, эксперимент продемонстрировал совсем не то, о чем говорилось в новостях.

Исследователи протестировали две дюжины собак. В эксперименте использовались два ведра, которые пахли одинаково – едой. Позади каждой пары ведер стоял незнакомый собаке человек. Половина людей всегда указывали на ведро с угощением, половина – на пустое ведро. За пять сеансов собаке предоставлялось сто попыток. Те, кто говорил правду, и лжецы чередовались в произвольном порядке. Собаки следовали указанию того, кто говорит правду, более чем в 90 % случаев. При *первой* встрече со лжецом они следовали его указанию только в 80 % случаев и тратили в два с лишним раза больше времени даже на то, чтобы подойти к человеку, который лгал (четырнадцать секунд против шести секунд для того, кто говорил правду). Похоже, у них великолепная интуиция. Со временем собаки все реже и реже подходили к ведру, на которое указывал лжец, научившись не доверять обманщикам. К последнему сеансу собаки по

большой части игнорировали указания лжецов и выбирали ведро случайным образом, приблизительно пятьдесят на пятьдесят. Исследователи пришли к выводу – с ними согласились бы большинство разумных людей, – что «собаки учились по-разному относиться к тому, кто честен с ними, и к обманщику».

Но затем исследователи меняют свою точку зрения, предполагая, что, *возможно*, «собаки переставали верить людям не потому, что могли понять их мысли, а просто потому, что научились ассоциировать определенных людей с отсутствием пищевого вознаграждения». Что? Погодите минуту. Ни один человек в таких условиях не «поймет», что *думает* другой. В данном случае экспериментатор *демонстрировал*, можно ему верить или нет. И собаки учились различать этих людей. (Как бы то ни было, собаки раньше не встречались с человеком, который обманывает.) Но исследователи утверждали, что собаки должны были в буквальном смысле читать мысли людей, чтобы «доказать», что обладают разумом. Помилосердствуйте, но это же просто нелепость!

Исследователи почему-то не увидели, что собаки *действительно* доказали, что обладают «теорией разума». Собаки понимают, что человек может знать, где находится угощение, – в отличие от самих собак; это и есть «теория разума». Понимание, что некоторым указаниям людей верить нельзя, – это «теория разума». Дело не в том, что собаки не обладают «теорией разума», а в том, что люди зачастую не понимают сути происходящего. Столкнувшись с лгущим человеком, собаки в 20 % случаев вообще отказывались выбирать одно из ведер. На определенном уровне они интуитивно понимали, что происходит что-то не то, что люди морочат им голову. Исследователи почему-то пришли к выводу, что их эксперименты «не подтвердили предположение, что собаки понимают намерения людей»^[80]. Поэтому давайте проведем другой эксперимент: сначала споткнитесь о собаку, а затем специально ударьте ее. Вы убедитесь, что собаки прекрасно понимают ваши намерения.

Некоторые эксперименты больше говорят об исследователях. Когда исследователи не способны почувствовать мысли или намерения животных, это показывает, что у многих *людей* отсутствует «теория разума» в отношении представителей других видов. Тем не менее многие животные (например, млекопитающие и птицы) понимают, что

если на них смотрит другое животное, то оно их видит. И сознают, что их интересы не всегда совпадают. (Если только, как в случае с собаками Шеклтона^[81], не научились абсолютному доверию и не знают иного поведения, кроме верности.)

Выбор Шеклтона

Он понял, что собак не прокормить.
А это значит, кто-то будет должен
Их уводить за ледяной утес
И там пристреливать. Я представляю
Арктическую ночь: ей нет конца,
Она пришла и больше не уходит,
И тьма тайком крадется под одежду.
Стрелять в собак иные не хотели,
Ведь эти псы – сама любовь и нежность,
Тепло и память о далеком доме,
О сытости и мягких одеялах. Их хвосты
Все сотканы из радости, тела
Обернуты в пушистый мех надежды.
Когда они покорно шли на смерть,
Одна несла игрушку... Я не в силах
Была читать и дальше про собак,
Которые так верили тем людям,
Что привели их в белую пустыню,
В застывший ужас. Боже! Эти псы
Тянули сани, охраняли лагерь,
Но их теперь приказано убить,
Из-за того, что пища на исходе.
Собаке с мокрым добрым языком
Неведомо предательство. Она лишь
Умеет слушаться: сидеть, стоять, ко мне —
И оставаться рядом с человеком.

Фейт Ширин^[82].

Никто никогда не соотносил «теорию разума» с тиграми. Ведь, следуя ее концепции, тигр должен понимать, что вы можете обнаружить его преследования и начнете действовать соответственно. Так вот: они это понимают. В индийском Сундарбане, в дельте реки Ганг, деревенские жители, которым приходилось работать в лесу, придумали способ защиты от тигров. Они надевали маски вроде тех, которые носят в Хеллоуин, но только на затылок, так что лицо и глаза оказывались сзади. И тигры не нападали – думали, что за ними наблюдают. Раньше тигры убивали по человеку в неделю, но людей в масках они больше не трогали, хотя и шли за ними, как и прежде. За это же время погибли еще двадцать девять человек – они не носили маски. (Пример того, что со старыми привычками трудно бороться; почему бы всем не надеть маски?) Точно так же поступают матери, которые хотят, чтобы дети думали, что у них есть «глаза на затылке», а у самых разных бабочек, жуков, гусениц, рыб и даже некоторых птиц на теле есть заметные пятна, похожие на глаза, – обычно сзади. Такая раскраска – попытка обмануть хищников, заставить их думать, что потенциальная добыча смотрит назад и элемент неожиданности утрачен. Другими словами, самые разные хищники хорошо понимают, что жертва иногда может видеть, как ее пытаются схватить, и что она может действовать независимо, опираясь на это знание. Это и *есть* «теория разума». Именно поэтому хищники стараются подкрасться незаметно, прячутся в засаде, нападают сзади и так далее.

В Танзании, в кратере Нгоронгоро, я однажды наблюдал за семейством львов. Вот они проснулись и поприветствовали друг друга. Затем все вместе поднялись на гребень невысокого, поросшего травой холма. За холмом, примерно метрах в восьмистах, паслось небольшое стадо зебр. Без видимой причины один из львов остановился и сел. Остальные пошли дальше. Потом сел второй лев. Остальные продолжили путь. Потом сел третий лев. Так на гребне холма возникла «ограда» из сидящих в высокой золотистой траве львов – они сидели на равном расстоянии друг от друга мордами к далеким зебрам. Один лев тем временем продолжал идти в сторону зебр. То есть львы устраивали тщательно спланированную засаду. Один должен был испугать зебр, чтобы те побежали к холму. Те, кто остался ждать, получили очевидные преимущества: превосходный обзор под прикрытием высокой травы и выгодная позиция на холме, тогда как

зебрам пришлось бы подниматься по склону. Казалось бы, превосходная тактика. Но оказалось, что зебр обмануть не так просто: они заранее заметили крадущегося льва и передвинулись подальше от холма.

Если присмотреться, вы убедитесь, что жизнь многих животных зависит от того, смогут ли они определить – быстро и безошибочно, – охотится ли хищник или просто идет, опасается ли соперник или собирается атаковать. Но этим не ограничивается список жизненно важных решений относительно намерений других.

Ричард Вагнер наблюдает птиц в естественных условиях – это часть его работы. Мы знакомы с десяти лет. Когда нам было по двадцать, мы вместе изучали морских птиц и пережили много приключений в Кении. Ну а теперь летним днем мы сидим у меня на заднем дворе в тени кленов, и он рассказывает о морских гагарках. Ричард долго занимался изучением их колонии, наблюдал за птицами день за днем, год за годом.

– Когда долго наблюдаешь за гагарками, – говорит он, – со временем понимаешь, кто из них хороший боец, кто верный супруг, а кто гуляка. Одна из самок обнаружила, что ее самец стал проявлять внимание к другой самке, и прогнала его. На следующий день она повстречала ту же самку. Она ее узнала, напала на нее и столкнула со скалы.

Каковы были ее мотивы – может, самец воровал еду для другой самки или ее птенцов?

– Исключено, – говорит Вагнер. – Я наблюдал за ними не одну тысячу часов и абсолютно уверен. Они не воруют еду для других самок.

Причина агрессивного поведения гагарки, как выяснил Вагнер, заключается в том, что в следующем году самец может сбежать с другой самкой.

– Копуляция в этом году ведет к образованию пары в следующем. Самка охраняет свою семью. А самец стережет самку, чтобы обеспечить себе потомство.

Неужели именно так рассуждают птицы? Не знаю. Но готов поспорить, что они чувствуют нечто похожее на ревность. В конце концов, ревность – а не понимание вероятностных законов эволюционной генетики – мотивирует людей охранять своего супруга.

– Гагарки знают друг друга, как дети в школьном автобусе, – объясняет Вагнер. – Они не ошибаются. Гагарки – социальные животные. Они видят друг друга ежедневно. Прилетают на одну и ту же скалу. И они живут до *двадцати* лет! Гагарки знают, кто к ним летит, до того, как птица сядет. Например, приближается самка. Самец А покрывает ее; самец В сталкивает самца А и сам покрывает самку. Самец С покрывает самца В. Он только что видел, как самец В продемонстрировал, что он самец. И это не ошибка, совершенная в спешке. Это тактика противостояния. Тот, кого покрывают, публично оказался в подчиненном положении. Получается, что такая тактика в отношении других самцов помогает устранить конкуренцию. Чем чаще самец покрывается другими самцами, тем реже он появляется на «брачной» скале. Вполне возможно, что они испытывают нечто такое, что мы называем унижением. Они теряют свой статус.

Стремление к статусу свойственно и нам, но мы не больше, чем гагарки, *понимаем* наши мотивы. Статус способствует размножению, но мы не видим расчетов средних репродуктивных значений за всю жизнь, которые эволюция выполнила и вручила нам в виде шпаргалки под названием «желания». Мы *чувствуем* мотивацию – такую как ревность или стремление к высокому статусу. И часто ведем себя в соответствии с этими желаниями.

Нам в общем и целом непонятна теория их разума, но другие животные, похоже, имеют теорию относительно нас. Они «знают, что мы можем знать». Однажды мои давние друзья Джон и Нэнси заметили пару диких крякв у себя на лужайке и угостили птиц хлебом. На следующий день утки вернулись. Джон и Нэнси покормили их дробленным зерном. Утки стали приходить постоянно – ничего удивительного. Но однажды Джон услышал стук. Он открыл дверь и выглянул во двор через москитную сетку – никого. Наверное, тот, кто стучал, уже ушел, решил Джон. Но стук раздался снова. Нижняя часть москитной сетки была закрыта металлическим листом, и Джон посмотрел вниз. Удивительно: как утка, у которой нет «разума» или «самосознания», смогла подойти к входной двери и постучать?

Вспоминаю случай в Тринидаде. Обезьянка капуцин отделилась от стаи, забралась на дерево над нашими головами, начала отламывать ветки и бросать в нас. Совершенно очевидно, что обезьяна нас увидела, посчитала потенциально опасными (в этих местах охотятся

на обезьян) и пыталась отогнать. Неизвестно, сознательно ли капуцин хотел защитить своих сородичей, но у меня сложилось именно такое впечатление. Он явно говорил нам: «Уходите». Профессор Джоанна Бергер обычно наблюдала за поведением капуцинов у крошечной, почти пересохшей ямы с водой. Обезьянам не нравилось, когда она пряталась в наблюдательной вышке, они меньше беспокоились, если она стояла, прислонившись к дереву, чтобы они могли ее видеть. Каждый день за час до рассвета, когда обезьян еще не было, Джоанна ставила рядом с ямой пластиковую ванночку и наполняла водой, которую приносила в ведре. Обезьяны тогда могли пить из пластиковой ванночки, а не спускаться в яму, где их не видно. Пока Джоанна наблюдала, ведро стояло за соседним деревом. В последний день Джоанна пошла взглянуть на обезьян, но не стала наполнять ванночку водой, потому что у нее было очень мало времени. Увидев, что ванночка пуста, одна из обезьян зашла за дерево, взяла ведро и принесла Джоанне. Совершенно очевидная коммуникация, понимание того, что понимает другой.

Самодовольство и обман

Утка, стучавшая в дверь, и дикая обезьяна с ведром, по всей видимости, *представляли* желаемый результат, состояние дел, отличное от реальности, которую наблюдали в данный момент. Когда наши собаки ищут нас в разных комнатах, они представляют, что находят нас. Они ищут нечто такое, что соответствует их интересам, то, чего у них нет сейчас, и они точно знают, что именно им нужно. Их мысленные картины, воображаемые сценарии, причины и следствия, желаемый результат – это и есть мышление. Составление маршрута, ведущего к цели, – сначала один отрезок пути, потом другой – можно даже считать первым шагом к рассказыванию историй. Что же еще нам говорят эти «ребята»?

Когда мы *видим* и *слышим*, как Джуд и Чула рычат и кусают друг друга, создается впечатление, что это драка. Гости, приходящие к нам в дом, с тревогой спрашивают: «Они дерутся?» Но собаки знают, что это игра, – и мы знаем. Мы без труда понимаем, что происходит, потому что слышим интонацию рычащих собак; до нас доходят их шутки. Мы знаем их намерения. Люди способны оценить игру слов, мы понимаем метафоры и чувствуем разницу между добрым юмором и обидным сарказмом. Но у нас нет монополии на распознавание тонких намеков.

Возможно, вы уже смирились с идеей, что собаки и обезьяны транслируют свои намерения и понимают чужие. А как насчет, например, рыб? Вдобавок съедобных и даже очень вкусных. Чем больше мы узнаем... в общем, могу представить, какой шум поднимется в некоторых научных кругах.

Мы считаем человекообразных обезьян умными, потому что они *действительно* умные – и потому что похожи на нас. Но в когнитивистике уже накопилось много сообщений об «обезьяньем поведении» некоторых других животных. Самые новые данные – об определенных видах рыб. Не слишком длинный список существ, которые используют жесты, чтобы направить внимание сородичей – люди, бонобо, дельфины, вороны, гиеновидные собаки, волки, домашние собаки, – теперь должен дополниться морским окунем. Да,

тем самым, который кладут в сэндвич с рыбным филе; они оказались среди самых умных.

Когда добыча скрывается в расщелине кораллового рифа, морской окунь поворачивается и указывает туда, где прячется жертва. Если помощь не приходит, окунь может направиться к логову гигантской мурены и качнуть головой, как бы говоря: «Плыви за мной». Мурена, которая умеет забираться в расщелины, часто следует за окунем к прячущейся добыче. Чтобы убедиться, что мурена плывет за ним, окунь оглядывается. Если мурена не понимает, окунь может «попытаться подтолкнуть ее в направлении нужной расщелины». Когда они добираются до нужного места, окунь останавливается и опять качает головой. Мурена и окунь не делятся добычей. Каждый действует самостоятельно: иногда мурена добирается до спрятавшейся рыбы, а иногда рыба пытается спастись бегством и попадает в зубы окуню.

Если поблизости нет мурены, окунь может «позвать» рыбу-наполеона, которая умеет разбивать кораллы, или императорского помаканта^[83]. Морские окуни подают сигналы, пока не получают помощь, после чего сигналы прекращаются. Движения их намеренные и предназначены для другой рыбы, реакция которой спонтанна. Так поступают как минимум два вида морского окуня. Исследователи отмечают, что морской окунь «регулярно охотится вместе с другими видами рыб» в Красном море, а также «совместно с осьминогом» на исчезающем Большом Барьерном рифе в Австралии. Более того, терпение морского окуня, который порой до двадцати пяти минут сторожит добычу в ожидании потенциального партнера, предполагает уровень человекообразной обезьяны в задаче на запоминание. В новых экспериментах исследователи обнаружили, что морские окуни так быстро выясняли, какая мурена склонна к сотрудничеству, а какая нет, что их способности выбирать более эффективного партнера почти идентичны способностям шимпанзе.

Для нас охотничьи навыки морского окуня стали новостью, причем новостью удивительной. Но ведь эти рыбы, вероятно, руководили своими партнерами на протяжении нескольких миллионов лет. Гибкая кооперация между видами, подобная той, что демонстрируют морской окунь и его партнеры, встречается очень редко, и даже люди практикуют ее всего с двумя или тремя видами

животных. Птицы, которых называют медоуказчиками, направляют барсуков и людей к пчелиным ульям, а сами потом пируют на разоренном улье. Люди охотятся с собаками или соколами (раньше некоторые брали на охоту гепардов), но эти животные никогда не выступают инициаторами сотрудничества, оно иницируется и контролируется людьми. А вот дельфины сами создают ситуации, в которых используют людей – а иногда даже обучают их, – чтобы они помогли им добыть пищу.

В Бразилии и Мавритании дельфины гонят косяки кефали на выстроившихся в линию рыбаков. Причем на побережье Бразилии дельфины, похоже, обучили людей, а в Мавритании, наоборот, люди обучили дельфинов. Бразильские бутылконосые дельфины шлепают по воде головой и хвостом, *указывая рыбакам*, где растянуть сети. Дельфины подбирают рыбу, которая потеряла ориентацию или поранилась о сети. На это способны лишь немногие из живущих в лагуне дельфинов – использовать людей они научились от матери. Рыбаки хорошо знают их и дали им имена – Каруба и Скуби. Мавританские рыбаки, заметившие кефаль, бьют палками по воде, чтобы привлечь бутылконосых и горбатых дельфинов, а те потом гонят косяк рыб на сети и получают часть добычи. Сотрудничество людей и дельфинов началось в 1847 году.

Но самая удивительная история произошла в середине XIX века в австралийском заливе Тафолд, недалеко от города Иден, где самые большие дельфины – косатки – научили людей быть их партнерами на охоте. Видимо, косатки загоняли больших китов в залив, а затем предупреждали китобоев, которые атаковали китов. Косатки понимали, что получают свою долю добычи. Они даже хватали тросы, к которым были привязаны гарпуны, чтобы замедлить движение гигантов, помочь усмирить их.

Считается, что сознательно планировать способны только люди. Но когда сойки делают запас скоропортящейся и непортящейся еды, то в первую очередь пускают в пищу скоропортящуюся. Это означает, что они категоризируют запасы, а затем действуют в соответствии с тем, как долго может храниться еда. Самец шимпанзе, живущий в шведском зоопарке Фурувик, заранее собирает камни, планируя бросать их в ничего не подозревающих посетителей (к счастью, шимпанзе не отличаются меткостью). За десять лет он собрал

множество таких куч. Каждое утро перед открытием зоопарка служители осматривали вольер шимпанзе и убирала его коллекцию камней. В другом зоопарке орангутан обнаружил, что, если обмотать кусок проволоки вокруг щеколды закрытой котельной и потянуть, можно выпустить себя и других орангутанов на волю и поскакать по растущим в зоопарке деревьям. Он проделывал трюк несколько раз, прежде чем озадаченные сотрудники зоопарка поняли, как ему это удастся. Тем временем обезьяна прятала свою проволоку, явно намереваясь и дальше пускать в ход инструмент, который она так искусно приспособила.

Этот орангутан был изобретательным, хитрым и умел обманывать. Обман предполагает сознательные попытки создать ложное убеждение в чужом мозгу. Вот почему обман демонстрирует, что человек – яркий представитель «теории разума». Люди – превосходные обманщики, мы ежедневно сталкиваемся с нечестностью – со стороны лживых политиков, хитрых продавцов, и нередко – собственных детей. Природа изобилует обманами, от мимикрии до изоощренной лжи. Но даже в намеренном обмане люди не уникальны.

Когда птица под названием траурный вильчатохвостый дронго видит млекопитающих, таких как сурикат, или птиц, например кустарницу, и они несут добычу, она имитирует их сигналы тревоги, заставляя их бежать или прятаться, а сама крадет еду. Морские птицы ржанки с помощью трюка «сломанное крыло» уводят хищников от своих гнезд на песке и птенцов. Притворяются покалеченными, и их главная цель – сбить хищника со следа, создав у него ложное впечатление. Они меняют интенсивность и направление своих действий в зависимости от того, как легко хищник поддается обману. Я наблюдал такое поведение не однажды и не раз становился его объектом. Птицы отлично знают свое дело.

Жизнь в социальных группах всегда дает поводы для лжи и обеспечивает объектами для обмана. Зеленые мартышки иногда подают сигнал «леопард», если проигрывают сражение другой стае. Ложная тревога заставляет всех взбираться на деревья, и битва заканчивается. Известен случай, когда одна зеленая мартышка кричала: «Орел!», чтобы отогнать конкурентов от дерева с фруктами. Другие обезьяны разбежались, а обманщица быстро набивала живот.

Точно так же обезьяны, зная, что в коробке спрятано угощение, «игнорировали» эту коробку в присутствии других обезьян, чтобы те не увидели, как коробка открывается.

Исследователи, изучавшие шимпанзе в знаменитом Национальном парке Гомбе-Стрим, открывали запертый ящик с едой с помощью пульта дистанционного управления. Одна из обезьян случайно оказалась рядом, когда они открыли ящик. Но, увидев приближающегося доминантного самца, она закрыла ящик и ушла. А вот когда самец удалился, обезьяна снова открыла ящик и набрала себе бананов. Но хитрость не удалась: доминантный самец не ушел, а просто спрятался, он выскочил из засады и схватил фрукты.

Вспомним еще эксперименты с макаками-резусами. У обезьян была возможность украсть виноград у одного из двух людей, и они выбирали того, кто не мог видеть, что делает обезьяна. То есть макаки считали, что человек вмешается и что им нужно действовать скрытно. Точно так же обезьяны предпочитали брать еду из контейнеров, которые открывались бесшумно. Тайное воровство показывает, что они понимают: лучше не привлекать внимания к своим проделкам. Собаки с меньшей вероятностью будут таскать запрещенную еду, когда человек смотрит, – они предпочитают стянуть кусок, когда человек отвернулся или когда его вовсе нет рядом. Они понимают, что мы понимаем и что наши цели могут быть разными.

Чтобы обманывать друзей, не обязательно быть млекопитающим. Хохлатая сойка замечает, что ее соплеменница видит, куда она прячет пищу. И перемещает запасы в другое место после того, как вторая птица улетает, но это только в том случае, если она сама крала еду у других. Видимо, понятие воровства формируется у них на основе собственного опыта и они сознают: «Эта птица такая же, как я, значит, она может украсть мою еду». Иногда они только делали вид, что перепрятывают еду. Сойки, которые никогда не занимались воровством, обнаружив наблюдателя, не перепрятывали свою еду. Такое поведение требует проекции собственных недостойных намерений на возможные решения другой птицы. Сойка должна представить точку зрения другой сойки. Ученые называют это «ментальной атрибуцией» «видения перспективы» и придают этому огромное значение. А для сойки это обычное дело, именно так нужно поступать в мире, где «людям», в том числе таким же сойкам, верить

нельзя. Они знают: другая птица может знать. И еще они знают, что можно получить по заслугам и что жизнь бывает несправедливой.

Чувство справедливости определяет другой элитный клуб животных. Исследователь предлагает обезьяне капуцину ломтик огурца. Обезьяна очень любит огурцы. Сидящей рядом обезьяне исследователь дает виноградину. Первая обезьяна смотрит, как вторая с удовольствием ест виноград. Когда ей предлагают еще один ломтик огурца, она берет его, но потом бросает в исследователя. Нечестно! Огурцы – это прекрасно, но ведь соседу дали что-то повкуснее. Вороны и собаки тоже за справедливость, когда речь идет об «оплате» за выполнение одинакового задания. Разумеется, и люди понимают, что такое справедливость, – если хотят. Почему люди не считают несправедливостью то, что женщинам платят меньше за тот же труд? Возможно, еще одно качество, которое «делает нас людьми», – это способность создавать двойные стандарты.

Человекообразные обезьяны не просто умны, они обладают интуицией, стратегическим мышлением, способны проводить определенную политику. Иногда эти качества проявляются в процессе рискованного взаимодействия между людьми, которые могут заманить их в смертельную ловушку, и обезьянами, которые обманывают обманщиков, чтобы выжить. Детеныш гориллы попадает в ловушку браконьера и погибает. Через несколько дней работники заповедника наблюдают, как четырехлетний самец по кличке Рвема сгибает ветку дерева, которая приводит в действие ловушку, а его ровесница, самка по имени Дакор, выводит из строя петлю ловушки. Затем пара горилл замечает поблизости еще одну ловушку. Рвема и Дакор, к которым присоединился подросток Тетеро, уничтожают и эту ловушку, причем так быстро и «уверенно», что наблюдающий за ними исследователь приходит к выводу: они не первый раз таким образом избавляют себя от беды. (Кто лучше: человек, поставивший ловушку, или гориллы, защищающие себя и свою семью?)

Пятнистые гиены живут в сообществах, которые устроены гораздо сложнее, чем у волков или любых других представителей псовых. Клан пятнистых гиен насчитывают до девяноста особей, и все животные знают друг друга. Принимая решения, они учитывают родственные связи и иерархию. Кроме того, пятнистые гиены умеют лгать. Исследователи, изучающие пятнистых гиен в естественной

среде обитания, наблюдали такие сцены: гиены, стоящие на высших ступенях иерархии, пируют, и гиена ниже рангом поднимает тревогу. Сородичи разбегаются, она быстро подскакивает к туше и ухватывает несколько кусков, пока остальные не поняли, что опасности нет. Ложную тревогу может поднять и самка, чтобы отогнать гиен, дерущихся с ее потомством. Гиена, стоящая на низших ступенях иерархии, зная, где спрятана пища, иногда уводит сородичей подальше, а затем возвращается, чтобы забрать добычу себе. Однажды, когда исследователи наблюдали за перемещающейся стаей гиен, один молодой самец заметил леопарда, неподвижно сидящего в русле реки рядом с тушей детеныша антилопы гну. Другие гиены не заметили хищника. Молодой самец посмотрел прямо на леопарда и его жертву, но не замедлил бега. Когда все гиены удалились от реки, молодой самец развернулся, помчался назад и отобрал добычу у леопарда, избежав конкуренции с сородичами более высокого ранга.

Тем не менее – что удивительно – исследователи, описавшие эту сцену, делают следующий вывод: «Таким образом... пятнистые гиены, по всей видимости, не демонстрируют понимания мыслей и намерений других».

Как это? Они же только что описали способность гиен к *обману*. Далее следует совершенно необъяснимое заявление: «У нас нет свидетельств, что гиены вообще знают что-либо о психическом состоянии и намерениях [других гиен]... если они не получают непосредственных сенсорных сигналов, которые несут такого рода информацию»^[84].

Погодите, о чем они говорят? Восприятие сенсорных сигналов – видеть вас, наблюдать за вашими действиями – это единственный способ «вообще знать что-либо» о вашем текущем психическом состоянии или ваших намерениях. Разве это не *очевидно*? У меня вопрос: почему исследователи судят об умственных способностях животных по стандарту, которого не может достичь человек? Ложь доказывает: лжец понимает, что другой может иметь противоположные интересы, а из его незнания можно извлечь пользу. Это и *есть «теория разума»*.

История из Танзании. Два самца высокого ранга соперничали. Чтобы сохранить свое доминирующее положение, каждый из них нуждался в поддержке одного и того же подчиненного самца. И

каждый старался задобрить этого самца, подпуская его к способным к деторождению самкам. Когда «покровитель» становился скудным, подчиненный самец перебежал к другому доминирующему и так обеспечивал себе доступ к самкам. Еще одна история. Крейг Стэнфорд наблюдал, как один из самцов с нижних ступеней иерархии сделал вид, что бросает вызов вожаку. В результате доминантный самец отвлекся, доказывая свое превосходство всей группе, а хитрец воспользовался всеобщим замешательством и занялся сексом с молодой самкой. Изучив скопившиеся за тридцать лет десятки отчетов, посвященных вопросу о том, что шимпанзе знают о других сородичах, группа исследователей пришла к следующему выводу: «Шимпанзе понимают цели и намерения других, а также восприятие и знания других». Шимпанзе стремятся к власти и плетут интриги «с таким же усердием, как некоторые люди в Вашингтоне», отмечает Франс де Вааль. «Их чувства могут быть самыми разными, от благодарности за политическую поддержку до ярости, когда кто-то нарушает установленные правила, – говорит он. – Эмоциональная жизнь этих животных гораздо ближе к нашей, чем мы себе представляли».

Что означает это сходство? Это «комплимент» шимпанзе? Или оно бросает тень на нас? Шимпанзе держат перед нами зеркало, призывая увидеть в нем человекообразную обезьяну. Но мы часто не узнаем себя. Шимпанзе могут быть необыкновенно жестокими и честолюбивыми, как римские сенаторы, словно внутри у них скрывается человек, рвущийся наружу, джинн, ожидающий, когда его выпустят из бутылки в мир. Но мы, люди, уже вышли из бутылки. В том, кто мы и как мы себя ведем, есть гораздо больше причин для гордости и стыда. Если жестокость и агрессия – это плохо, то мы гораздо хуже любых существ, которые когда-либо населяли эту планету. Если сострадание и творчество – это хорошо, то люди, вне всякого сомнения, самые лучшие. Но все не так просто: невозможно быть только хорошим и только плохим. В нас сочетается и то и другое. Мы несовершенны. Вопрос в другом: в какую сторону смещается баланс?

Конфузы и странные идеи

Я никогда не отрицал, что формальные научные исследования в контролируемых условиях чрезвычайно полезны. Но никогда не забывал о том, что естественная жизнь животных слишком разнообразна и ее невозможно адекватно воспроизвести в лаборатории. Тем не менее многие специалисты по поведению работают в лабораториях (или, того хуже, на философских факультетах). Теперь давайте посмотрим, как исследователи, нарезая реальность тонкими ломтиками и маринуя ее в жаргоне, все путают и иногда сами попадают в неловкое положение.

Поиски разумной жизни на земле иногда приводят к забавным ситуациям. Одна любительница собак на протяжении двух лет снимала на видео собак в соседнем парке, а затем сделала следующий вывод. Если собака хочет поиграть с другой собакой, то обычно она исполняет «приглашение к игре» (знакомый нам «поклон»: передние лапы согнуты, зад поднят). Но если собака, которую приглашают играть, смотрит в другую сторону, то сначала ее внимание привлекают – например, ударом лапы или лаем. В одном из таких научных откровений исследователь сообщает нам, что они, похоже, реагируют на определенные когнитивные состояния. Другими словами, за два года наблюдения исследователь обнаружила, что собака способна отличить морду другой собаки от зада. Рискну заявить, что зад собаки нельзя назвать «определенным когнитивным состоянием». Почему бы не сказать, что собака привлекает внимание собратьев, прежде чем пригласить к игре? Слишком очевидно для того, чтобы выглядеть наукой?

Через несколько минут после того, как я начал искать научную литературу о «теории разума», мне попалось типичное современное исследование. Оно было озаглавлено мудроно: «Отсутствие свидетельств того, что животные обладают чем-либо, даже отдаленно напоминающим то, что описывает „теория разума“» – и опубликовано в «Философских трудах Королевского общества». Статья начинается с таких слов: «„Теория разума“ говорит о способности делать обоснованные выводы о поведении других агентов на основе

абстрактных, сходных с теорией, представлений о причинно-следственных отношениях между ненаблюдаемым состоянием психики и наблюдаемым положением дел». (Перевод: наблюдая за поведением других, мы можем догадаться, о чем они думают.) Авторы статьи далее заявляют: «Мы полностью агностичны (по крайней мере, в данном вопросе) по отношению к тому, являются ли состояния организма модальными или амодальными, дискретными распределенными, символическими или коннекционными, или даже к тому, как у них появились репрезентационные или информационные качества... Разумеется, существует бесчисленное количество других факторов, которые также вносят вклад в формирование поведения биологического организма».

Может быть, сильно напрягшись, я пойму эту статью... но что-то не хочется.

Два парня из Ратгерского университета (там я защищал докторскую диссертацию и поэтому пристрастен) опубликовали обзор под названием «Читать собственные мысли: когнитивная теория самосознания». Вот что мы там видим: «Мы начнем с анализа того, что, вероятно, является самым распространенным представлением о самосознании, „теории теории“ (ТТ). Основная идея ТТ самосознания заключается в том, что доступ к собственному сознанию обеспечивается тем же когнитивным механизмом, который играет центральную роль в приписывании психических состояний другим... Специалисты в области ТТ утверждают, что она подтверждается свидетельствами из области психологического развития и психопатологий... Приведя аргументы против ТТ, в пользу нашей теории, мы затем рассмотрим две другие теории самосознания, которые можно встретить в современной литературе»^[85].

Нет уж, спасибо! Теоретизирование о теоретизировании представляется мне совершенно неподходящим заменителем наблюдению за поведением живых существ.

Пожалуй, «теория разума» – самая раздутая идея в человеческой психологии. Из-за нее многие аспекты разума животных остаются недооцененными. Мы все оказывались в ситуациях, когда думали: «Я не знаю, как она ко мне относится» или «Я не знаю, что от него ждать».

В XVII веке Джон Локк писал, что «разум человека не способен проникнуть в чужое тело». Художник Поль Гоген говорил о своей тринадцатилетней жене: «Я стремлюсь видеть и думать через этого ребенка». Джони Митчелл пела, что никакая близость – кожа к коже, глаза в глаза – не избавляет от одиночества. Римский поэт Лукреций – в строках, которые Йейтс назвал «лучшим описанием полового акта из всех, когда-либо написанных» (не говоря уже о хорошем переводе)? – с удивительной точностью отмечал:

Жадно сжимают тела и, сливая слюну со слюною,
Дышат друг другу в лицо и кусают уста в поцелуе.
Тщетны усилия их: ничего они выжать не могут,
Как и пробиться вовнутрь и в тело всем телом проникнуть...
Средств не умея найти, чтобы справиться с этой напастью:
Так их изводит вконец неизвестная скрытая рана^[86].

«Трагедия сексуальных отношений заключается в том, – с грустью констатировал Йейтс, – что душа партнера всегда остается девственной и непроницаемой». Другой поэт, Поль Валери, писал, что «человеческое общение требует, чтобы разум был закрыт от других». Хвала поэтам – они разбираются в науке. Как и некоторые ученые, впрочем. В частности, Николас Хамфри говорит: «Не существует дверей между одним сознанием и другим. Все имеют непосредственный доступ только к своему сознанию, а не чужому».

Если бы я хотел вас обмануть, составить о себе ложное представление или что-то у вас украсть, мне нужно держать свой разум непроницаемым. Чем больше у нас возможностей проникнуть в сознание друг друга, тем сильнее потребность нашего мозга «запереть дверь». Да, конечно, мы наблюдаем, составляем собственное представление, но в конечном итоге все это только догадки. И это максимум, на что мы способны. Мы можем раскрыться или спрятать карты – выбор только за нами.

У шимпанзе, если можно так выразиться, есть «теория разума» шимпанзе, а у дельфинов – «теория разума» дельфинов. Люди часто испытывают трудности даже с пониманием потребностей и предсказанием действий других людей. А тот, кто предполагает, что

другие животные не обладают сознанием – или отрицает их способность к сознательному опыту, – демонстрирует, насколько слабы наши таланты в области «теории разума».

Китобои в Японии и на Фарерских островах убивают дельфинов и гринд, загоняя стальной стержень в их спинной мозг. Животные кричат от боли и страха и бьются в агонии. (В Японии законом запрещено умерщвлять коров и свиней так жестоко, как убивают дельфинов.) Отсутствие сострадания к дельфинам и китам означает, что «теория разума» человека неполна. У нас недостаток эмпатии, дефицит сострадания. Насилие людей в отношении друг друга, жестокость, геноцид по национальному и религиозному признаку – все это широко распространено в нашем мире. Слон никогда не станет управлять реактивным самолетом. И не направит его в здание Всемирного торгового центра. От природы нам дана способность к более глубокому чувству сострадания, но мы закрываем глаза на этот дар. Почему человек считает угрозой своему эго одно лишь предположение, что другие животные тоже могут мыслить и чувствовать? Потому что, признавая разумность другого существа, мы уже не можем жестоко обращаться с ним? Мы несовершенны и склонны занимать оборонительную позицию. Может, несовершенство – одно из тех качеств, которые «делают нас людьми»?

Если одни люди не способны увидеть разум у животных, то другие находят разум, сходный с человеческим, буквально везде. Наш мозг автоматически различает человеческие лица в таких объектах, как облака, луна и даже пицца. Многие верят, что камни, деревья, реки, вулканы, огонь и другие объекты способны, что *все* обладает разумом и душой, может действовать заодно с нами или против нас. Такая точка зрения носит название *панпсихизм*. Религия, вытекающая из этого взгляда на мир, – *пантеизм*. Она была распространена среди племен охотников и собирателей и дожила до наших дней. На вершине горы Килауэа на Гавайях я видел приношения в форме денег и спиртных напитков, оставленных людьми, которые считают, что внутри вулкана живет божество – оно наблюдает за ними, иногда помогает, а иногда и наказывает. Поэтому не стоит злить вулкан своим равнодушием. Еще немного выпивки, несколько купюр, цветы, немного еды, а время от времени жареный поросенок – и богиня вулкана Пеле, возможно, смягчится. И это происходит в Соединенных Штатах, где каждый

может зайти в туристический центр и узнать о геологии вулкана. (Работники заповедника просили посетителей не оставлять приношения в виде еды, денег, цветов, благовоний и спиртных напитков на вершине Килауэа, потому что все это становится добычей крыс, мух и тараканов, а не попадает к богине.) Похоже, глубокая вера в сверхъестественное имеет прочные корни.

«Животные, отличные от человека, могут приходиться к каким-либо убеждениям на основе свидетельств, – пишет философ Кристин М. Корсгаард, – но следующий шаг – это животное, которое может спросить себя, действительно ли свидетельства подтверждают его убеждение, и после этого соответствующим образом поменять свои выводы»^[87]. Тем не менее многие люди не способны задать себе вопрос, подтверждены ли их убеждения реальными свидетельствами, и затем изменить свои выводы. Другие животные – законченные реалисты. Только люди упорно цепляются за догмы и идеологии, не утруждая себя никакими доказательствами, а иногда и вопреки доказательствам противоположного. Граница между рациональностью и верой определяется тем, что одни люди выбирают веру, а не рациональность, а другие – наоборот.

Действия и убеждения других животных основаны на свидетельствах, они ничему не верят, пока это не подтверждено. Другие животные приписывают сознание только тем объектам, которые действительно им обладают. Собака может лаем разбудить того, кто спит на диване в гостиной, но никогда не обратится за помощью к самому дивану. Или к вулкану. Конечно, подсадные утки и издаваемые охотниками звуки обманывают пролетающих птиц, заставляя приблизиться на расстояние выстрела, но ловушки должны быть очень изощренными – иначе они не сработают. Рыбу трудно обмануть даже такой искусственной наживкой, которая выглядит и двигается почти как настоящая.

Много лет назад, исследуя миграцию соколов, я окольцовывал их, заманивая птиц в свои сети с помощью привязанных живых скворцов. Испуганным скворцам это не нравилось, мне, честно говоря, тоже. Поэтому я повесил на шнурке позади сети чучело скворца с расправленными крыльями. В природе дело обстоит так: все, что покрыто перьями, имеет блестящие глаза и движется вверх-вниз, то есть выглядит как птица – *и есть* птица. Тем не менее чучело не

обмануло ни одного сокола. Все они сразу определяли, что птица «не настоящая», и не обращали на нее внимания. Впечатляет. Другие животные превосходно различают хищников, конкурентов и друзей – и реагируют соответственно. И никогда не ведут себя так, словно реки или деревья населены духами, которые за ними наблюдают. Во всех этих отношениях другие животные демонстрируют практическое знание того, что мир населен другими разумами, а также знание границ этих разумов. Похоже, они гораздо искуснее, практичнее и честнее, чем мы, когда речь идет об отделении реальности от обмана.

Поэтому я задаю себе вопрос: действительно ли люди обладают более развитой «теорией разума», чем животные? Люди, которые смотрят мультфильм, где круг и треугольник движутся и сталкиваются друг с другом, всегда придумывают историю, в которой есть мотив, личность и пол. Ребенок несколько лет разговаривает с куклами, наполовину убежденный – или твердо убежденный, – что кукла слышит, чувствует и что она подходящий собеседник. Многие взрослые молятся статуям, свято веря, что те их слушают. Когда я был подростком, наши соседи (американцы, родившиеся и выросшие в Нью-Йорке) держали религиозные статуэтки во всех комнатах, кроме спальни, чтобы Дева Мария не видела человеческой похоти. Все это указывает на довольно распространенное у людей неумение отличать разумные объекты от неодушевленных, а также доказательства от чепухи.

Дети часто беседуют с воображаемым другом – они верят, что он слушает их и что у него есть собственные мысли. Возможно, монотеизм – взрослая версия такого поведения. Мы населяем наш мир воображаемыми разумными силами и существами, добрыми и злыми. Большинство современных людей убеждены, что им помогают или мешают умершие родственники, ангелы, святые, духи-наставники, демоны и боги. В самых технологически развитых, в самых информированных обществах большинство людей считают само собой разумеющимся, что бестелесные духи наблюдают за ними, судят их поступки, влияют на них. Большинство руководителей современных государств верят, что живущего на небесах бога можно попросить, чтобы он защитил их страну во время катастрофы или конфликта с другими странами.

Все это – вышедшая из-под контроля «теория разума», которая подобна вырвавшемуся из рук шлангу, разбрызгивающему по вселенной капли предполагаемого разума. «Совершенный» разум у человека – это скорее патология. Часто повторяемая фраза, что «человек – существо рациональное», на самом деле – одно из самых распространенных заблуждений. В природе преобладает трезвость, а в человеке – разрушительное безумие. Из всех животных мы самые иррациональные, склонные к искажению фактов, к бреду и необоснованным тревогам.

Но есть и другой вопрос: возможно, наша патологическая склонность вырабатывать ложные убеждения и рассуждать о несуществующем лежит в основе творческих способностей? Может быть, то, что мы воображаем несуществующее и настаиваем на ложных представлениях, определяет природу нашего творческого гения?

А может быть, вера в невероятное неразрывно связана с нашей удивительной способностью представлять то, что еще не случилось, рисовать в своем воображении лучший мир. Никому еще не удалось проникнуть в истоки творчества, но разум некоторых людей высекает новые идеи, как неисправное колесо вагона высекает искры. Уникальная особенность человека – вовсе не рациональность, а совсем наоборот. Это наша способность вообразить то, чего не существует, и воплощать в жизнь безумные идеи – иррациональная способность.

Вполне возможно, у других животных нет потребности в логических рассуждениях, потому что их действия логичны. Им не нужны орудия, потому что они самодостаточны в своих конкретных возможностях. А людям как раз требуются орудия и логика, потому что без них они не выживут – в том смысле, что без них не добьются больших успехов. Может, именно об этом и говорится в рассказе о грехопадении – переходе от самодостаточных существ, таких как все остальные животные, к существам, нуждающимся в новом способе доступа к новым знаниям, которые бы позволили мастерством и хитростью добиться того, чтобы наши чисто человеческие способности компенсировали наши чисто человеческие недостатки.

Интуиция, которой в той или иной степени обладают человекообразные обезьяны, волки, собаки, дельфины, вороны и некоторые другие животные, основана на способности видеть то, чего

нет. Например, они могут повернуть домой или ждать свою пару, если он или она куда-то отлучились. Возможно, глубина человеческой интуиции определяется генами, которые дают нам способность не только представить то, чего нет, но и настаивать на этом, твердо придерживаясь странных идей и воплощая их в жизнь. Что может быть более иррациональным, чем несуществующая мелодия, мечта о полете, о сохранении изображения, о записи музыки, так, чтобы ее можно было прослушивать вновь, о погружении на большую глубину и дыхании под водой? Кто может вообразить такое? Да любой человек.

Способность к воображению может быть источником как блестящих достижений, так и чистого безумия. Что, если именно способность выдвигать странные идеи «делает нас людьми»?

Свет мой, зеркальце

Еще один больной вопрос, заслуживающий быть поджаренным на вертеле, – это зеркальный тест. Его убежденные сторонники утверждают, что тест выявляет наличие «самосознания». Проводят его следующим образом: человека или животного каким-то образом метят – например, на лбу маленького ребенка рисуют полосу помадой. Если существо замечает отметину в зеркале и пытается ее стереть, значит, оно понимает, что видит в зеркале свое отражение. Справедливо. Тест успешно проходят человекообразные обезьяны и дельфины, некоторые птицы и слоны. Если животное не стирает метку, исследователи делают вывод, что оно не обладает самосознанием и способностью узнавать себя. А вот это уже неверно. Зеркальный тест на самом деле не выявляет самосознание. На самом деле он часто интерпретируется «с точностью до наоборот», о чем будет сказано ниже.

Во-первых, существует проблема терминологии. Профессор психологии Гордон Гэллап, который придумал этот тест в 70-е годы XX века, писал: «Самосознание обеспечивает способность анализировать прошлое, прогнозировать будущее и предполагать, о чем думают другие». Довольно строгое определение. Попробуйте найти это в зеркале. В противоположном конце спектра находится так называемая интроспективная школа, взгляды которой Википедия описывает следующим образом: «Самосознание – это способность к самоанализу и способность осознавать себя как индивидуума, отдельного от окружающей среды». Самоанализ не отражает свет. И если вы узнаете себя в зеркале, это не означает, что вы отделяете себя от окружающей среды. Таким образом, всего в двух определениях невинное слово «самосознание» предположительно означает: способность понимать время, догадываться, о чем думают другие, анализировать собственный разум и понимать, что вы отделены от остального мира. Ничего из перечисленного выше невозможно продемонстрировать, всего лишь узнав себя в зеркале.

Давайте понимать слово «самосознание» в прямом смысле: как ощущение своей индивидуальности, отделенности от других и от остального мира. Другими словами, наличие самосознания означает,

что вы отличаете *себя от всего остального. Пока все просто. Идем дальше.*

Осенним утром два десятка песочников прыгают на пляже рядом с моим домом, уворачиваясь от волн. Внезапно одна птица тревожно вскрикивает, вся стая мгновенно поднимается в воздух, сбивается в кучу и несется над океаном. Я поворачиваюсь и вижу сапсана: он бросился в погоню за отставшим песочником, еще не догнавшим стаю.

Положение у песочника незавидное – один над водой без возможности укрыться. Хищник быстро приближается. Песочник летит, распластавшись над волнами, так быстро, как только может, со скоростью около девяноста километров в час. Но ему не под силу соперничать с сапсаном, самым быстрым существом на земле. Безнадежная ситуация.

Но в то самое мгновение, когда сапсан вытягивает когтистую лапу, песочник резко уходит вправо, и сапсан, который движется с большей скоростью и не может мгновенно повернуть, промахивается. Песочник внезапно сменил направление.

Сапсан взмывает вверх, используя инерцию неудачного броска, без труда увеличивает свою потенциальную энергию и преимущество высоты. Сменив направление, песочник оторвался от преследования, но скрыться ему негде. Дав крыльям отдохнуть несколько секунд во время набора высоты, сапсан снова бросается в атаку. Положение песочника ухудшилось – он уже долго летит на пределе возможностей. Сапсан может позволить себе ошибку. В отличие от песочника. В конце концов песочник устанет.

Сапсан легко нагоняет добычу и пристраивается сзади. Песочник опять резко меняет направление. Сапсан снова промахивается и взмывает вверх, ни разу не взмахнув крыльями.

Песочник разворачивается и летит в противоположном направлении. Он успевает оторваться от преследователя на сотню метров, когда сапсан делает вираж и пикирует. Песочник не в состоянии поддерживать такой темп. Это просто невозможно.

Тем не менее он снова поворачивает, и сапсан проносится мимо. Это похоже на смертельно опасную корриду, только бык нападает сзади, со скоростью сто шестьдесят километров в час. Песочник, способный координировать свои действия, видеть врага и точно

рассчитывать время, оказался не беспомощной жертвой, а достойным противником.

Возможно, мы с сапсаном неправильно оценили ситуацию. Я был уверен, что силы у песочника должны закончиться, однако его скорость нисколько не уменьшилась. А возможно, дело не только в скорости. Создавалось впечатление, что превосходство сапсана в скорости, которое он демонстрировал в каждой атаке, должно решить исход погони. Но в критический момент песочник обращал преимущество хищника против него. Точной и своевременной сменой курса песочник превращал более высокую скорость сапсана в недостаток.

Скорость, которую способен развить песочник, очень важна. Чем она больше, тем меньше относительная скорость сапсана. Это дает песочнику дополнительные доли секунды, чтобы оценить скорость приближающегося хищника и в нужный момент резко сменить курс. Но *абсолютная* скорость сапсана не позволяет ему резко повернуть вслед за добычей. Поэтому песочник должен лететь достаточно быстро, чтобы его не настиг сапсан, и в то же время достаточно медленно, чтобы совершать маневры, недоступные преследователю. Скорость дает преимущество песочнику – но не хищнику.

Сапсан снова приближается. И снова промахивается.

Они преодолели большое расстояние. Я наблюдал шесть или восемь атак за три минуты. Каждая атака растягивалась на четыреста метров. Только резкие повороты песочника – и мой бинокль – позволяли мне видеть разворачивающуюся драму.

Еще один промах. Песочник продолжает полет. А сапсан... сдается!

Потрясающе!

Каждая птица – профессионал в своем деле. Схватит ли сапсан песочника или жертве удастся избежать его когтей, полностью зависит от того, насколько точно каждый из участников погони осознает себя и свое отличие от другого. И плюс к тому – от умения использовать пространство, скорость и другие аспекты окружающей среды. Сапсаны и люди вместе охотятся со времен глубокой древности, потому что у нас сходное понимание мира. Когда вы идете на охоту с обученным соколом, то чувствуете волнение птицы. Вы оба предвкушаете

удовольствие и ищите в окружающем мире то, что уже нарисовали в своем воображении.

По каким-то причинам зеркальный тест превратился в стандарт, по которому определяют, «обладает ли животное самосознанием». Это просто глупо. Тест не может провести такое разграничение. Существо, *не обладающее* самосознанием, не может отличить себя от всего остального, и оно *предположит*, что отражение в зеркале – это оно само. А способное к передвижению существо, не отличающее себя от окружения, просто не может существовать. Совершенно очевидно, что многие животные понимают разницу между собой и остальным миром, но лишь очень немногие узнают себя в зеркале. Даже человек, впервые увидевший свое отражение, не в состоянии полностью осознать, что это он. При первом знакомстве с зеркалом реакцией аборигенов Новой Гвинеи был «ужас». Таким образом, узнавание себя в зеркале должно означать что-то другое.

Так и есть. Когда кто-то «не может» узнать себя, это доказывает, что он «не понимает» изображение. Поскольку лишь немногие виды животных узнают себя в зеркале и такое поведение путают с отсутствием самосознания, складывается впечатление, что самосознание – это редкое явление. На самом деле оно распространено чрезвычайно широко. Всегда и везде грань между жизнью и смертью определяется эффективностью самосознания и четкостью отделения себя от окружающего мира и других. Для этого зеркала не нужны.

Большинство животных просто не понимают, что такое отражение в зеркале. Некоторым вообще все равно. Однажды утром, вскоре после того как мы взяли к себе Джуда, я увидел, что собака смотрит в высокое зеркало платяного шкафа в гостиной. Я сел на кровати, и мне стала видна морда Джуда. Не поворачиваясь ко мне, он начал вилять хвостом. По всей видимости, он увидел мое отражение и узнал меня. Он не повернулся, чтобы на меня посмотреть (хотя знал, где я нахожусь, и слышал, что я сел). Создавалось впечатление, что ему нравится видеть мое отражение в зеркале.

Собаки «не способны» узнавать свое отражение – вроде бы известный факт. Но я теперь в этом сомневаюсь. Щенки узнают других животных на видео, но быстро теряют к ним интерес, поскольку изображения не интерактивны и у них нет запаха. Возможно, собаки понимают, что отражение в зеркале – это они сами, но просто не

обращают на это особого внимания. Собаки не путают отражение в зеркале с другими собаками, они не пытаются приветствовать или атаковать их, как это делают птицы. Возможно, собакам просто неинтересно рассматривать свое изображение, потому что они ориентируются преимущественно на запахи.

Вот почему я был заинтригован, когда Джуд стал вилять хвостом моему отражению в зеркале. Существа, оценивающие окружающий мир в основном по запахам, могут узнать крысу и без отражения в зеркале. Интересно, что собаки *умеют* распознавать изображение. Они узнают фотографии знакомых собак и людей на экране компьютера. Но еще больше впечатляет, что собаки узнают фотографии себе подобных независимо от породы, как будто причисляют их к категории «собаки», которая отличается от всех остальных видов животных. Делать вывод о наличии у собаки самосознания по ее реакции на отражение в зеркале – это все равно как если бы собака пришла к выводу об отсутствии самосознания человека из-за того, что мы, скажем, не нюхаем свою рубашку.

Человекообразные обезьяны узнают себя в отражении: работники зоопарков уже больше ста лет за этим наблюдают. Например, обезьяны любят рассматривать, что находится у них во рту. Но только в 1970 году четыре шимпанзе прошли формальный тест. Исследователи незаметно нанесли краску на лоб обезьян. Увидев в зеркале свое отражение, шимпанзе прикасались к отметинам на лбу. Исследователи сделали вывод, что это первая экспериментальная демонстрация наличия самосознания у животных. Это неверное утверждение, но оно, увы, стало догмой. Мы помещаем зеркало в клетку, ожидая реакции животного: «Это я!» Увидев такую реакцию, мы приходим к заключению, что животное обладает «самосознанием». В противном случае большинство исследователей говорят об отсутствии такового.

Они ошибаются. Например, птица *атакует* зеркало именно потому, что считает отражение другой птицей – *не собой*. Это доказывает, что птица отделяет себя от других. То есть демонстрирует наличие самосознания. Она не «проваливает» зеркальный тест. Животное, нападающее на свое отражение, совершенно точно знает разницу между собой и другими. Оно пытается атаковать то, что принимает за чужака. Если животное пугается или пробует играть – такая реакция характерна для обезьян и некоторых птиц, – это тоже

доказательство самосознания. Животное просто не понимает, что такое отражение.

Все зеркальные тесты придуманы для того, чтобы выяснить: понимает ли животное, что в зеркале отражается оно само, и реагирует ли оно на этот факт. Но зеркало – чрезвычайно примитивный инструмент для исследования такого сложного явления, как разум. Было бы нелепо утверждать, что животные, не узнающие себя в зеркале, не обладают самосознанием. Всякий, кто бежит от опасности или ищет еду, доказывает, что отличает «себя» от «не-себя». Именно благодаря самосознанию волк, грызущий ногу лося, не запускает зубы в собственную ногу. Концепция «себя» – базовая. Она основа всего, что необходимо для выживания способным к передвижению животным. Для растений и таких животных, как губки, кораллы, медузы, моллюски и подобных им, самосознание – не необходимость. Самосознание и способность отделить себя от остального мира – это основа существования большинства представителей животного царства, начиная с насекомых.

Собаки и слоны узнают друг друга не так, как мы. По большей части они ориентируются по запаху. Когда экспериментаторы убирали мочу слонов и «желтый снег» собак, их собратья выказывали удивление, потому что ожидали встретить эти запахи там, где, как они знали, находится знакомое им животное. Однажды утром несколько лет назад я вышел из дома, чтобы спилить ветку, загораживавшую лесную тропинку, по которой я часто ходил. Потом я вернулся домой и отправился на обычную прогулку с собакой: она, как всегда, бежала впереди меня. У спиленной ветки она остановилась и принялась обнюхивать ее снова и снова, словно удивлялась, обнаружив здесь мой свежий запах, – ведь я все время шел позади. Собаки ориентируются в основном по запаху, а мы – по зрению. Им не нужно зеркало, они и без него знают себя и своих друзей.

Даже животные, которые в конечном итоге узнают себя в зеркале, в первый момент предполагают, что перед ними чужой. Они пытаются общаться или угрожать, потом делают попытки заглянуть за зеркало. Но те, кто успешно справляется с тестом – человекообразные обезьяны, дельфины, слоны и некоторые другие виды животных, – в конечном итоге понимают, что существо в зеркале повторяет все их движения. Они начинают проверять свою гипотезу акцентированными,

очевидными движениями – раскачиваются, кружатся, склоняют голову, открывают рот, высовывают язык, словно спрашивают: «Это я?» И довольно быстро убеждаются в этом. А затем начинают вести себя точно так же, как мы: исследуют те места, которые трудно увидеть без зеркала, особенно рот, гениталии, а дельфины – дыхало (наши дети любят заглядывать себе в ноздри). Один из дельфинов, с которыми работала Дайана Рейсс, любил вращаться, не отрывая взгляда от зеркала, словно балерина, разучивающая пируэт. Если дельфину нравится разглядывать себя в большом зеркале, а вы заменяете большое зеркало маленьким, так что он может видеть лишь часть своего тела, он отплывает подальше, чтобы снова видеть всего себя. Дельфины точно знают, что они делают.

Как это ни парадоксально, сторонники зеркального теста не замечают самого интересного: понимание отражения означает осознание того, что изображение в зеркале – это не *вы*. То есть вы понимаете, что видите свое *отражение*. Значит, вам доступно *символическое* мышление. Это гораздо важнее. Если вы видите представителя своего вида, затем понимаете, что он повторяет все ваши действия и поэтому, вероятно, является вашим отражением (хотя ничего подобного вы раньше не встречали), это указывает на редкую способность к абдуктивному мышлению, то есть к умозаключениям по аналогии. Таким образом, человекообразные обезьяны, дельфины и слоны воспринимают изображение в зеркале как отображение «себя». Их можно причислить к самым умным животным. И сорок тоже. Интересно, кто еще прячется в зеркале?

Животные, успешно справляющиеся с зеркальным тестом, видят себя не *только* в зеркале. Они видят свое изображение в луне и в облаках, они воображают, что весь мир вращается вокруг них. Возможно, зеркало – это лучший тест, показывающий, кто из животных страдает нарциссизмом.

Кстати, о нейронах

Любое активное существо в этом мире должно уметь отличать «себя» от «не-себя». Все животные должны строить крепость (тело, иммунная система), окруженную ровом (граница, которую разум проводит между «я» и «не-я»), однако нам необходим подъемный мост через этот ров, чтобы взаимодействовать с тем, что относится к «не-я», – например, судить о настроении другого существа, которое может быть союзником, соперником или половым партнером. Этот подъемный мост состоит из нервных клеток головного мозга, которые получили название зеркальных нейронов.

Проблема с описанием зеркальных нейронов заключается в том, что вокруг них поднят большой шум, от которого необходимо избавиться. Тем не менее знать о них полезно.

Прежде чем перейти к зеркальным нейронам и бурной дискуссии вокруг них, стоит отвлечься от их названия и принять факт, подтвержденный современной наукой: определенные нервные цепи в нашем мозге помогают понимать эмоции другого. Обладают ли этой способностью только люди? Подсказка: зеркальные нейроны были обнаружены у обезьян. Подсказка: когда я обнимаю свою собаку Чулу, она виляет хвостом. Если мы с Патришей ссоримся, обе собаки забиваются под кресло. Может быть, это свойство только млекопитающих? Подсказка: попугаи иногда становятся ужасно ревнивыми. Согласованные движения больших птичьих стай, обучение и совместная охота многих рыб, привязанность черепах к определенным людям, а также наличие у червей тех же химических соединений, которые присутствуют в нашем мозге и заставляют нас влюбляться, – все эти факты указывают, что основы понимания других уходят корнями в далекое прошлое и характерны для всего животного царства. Конечно, мы все разные, но эти различия не слишком велики. Связь предполагает мосты и контакты. Оглянитесь вокруг, и вы их увидите.

Несмотря на то что зеркальные нейроны были обнаружены у макак, некоторые ученые и многие популярные издания провозгласили их «огромным эволюционным скачком, который превратил нас в

людей». В. С. Рамачандран (друзья называют его Рама) из Калифорнийского университета в Сан-Диего может много рассказать о зеркальных нейронах. Возможно, слишком много. Он утверждает, что они: формируют эмпатию, позволяют подражать другим, ускорили эволюцию человеческого мозга и обеспечили взрывное развитие культуры у наших предков, которое началось семьдесят пять тысяч лет назад. Солидный список. Что-нибудь еще? Угадали! Кроме перечисленного: использование орудий, огонь, убежище, язык и способность интерпретировать поведение других. Причиной всего этого было «неожиданное появление сложной системы зеркальных нейронов... Это основа цивилизации»^[88]. За что еще отвечают эти нервные клетки? «Я называю их нейронами Ганди», – говорит Рамачандран. Ничего себе. Но почему? «Потому что они растворяют барьер между человеческими существами». Неужели? «Не в абстрактном, метафорическом смысле». Ну конечно. «И это, разумеется, является основой восточной философии». Философии! «Нет никаких реальных различий между вашим сознанием и сознанием другого человека. И это не бред». А никто и не говорит, что бред. Но возможно, влияние зеркальных нейронов немного преувеличено? «Не думаю, что это преувеличение, – отвечает Рамачандран. – На самом деле их недооценивают».

Странно, что некоторые исследователи и средства массовой информации назвали нервные клетки, обнаруженные в мозгу обезьян, «тем, что делает нас людьми», и стали с их помощью объяснять «необыкновенную способность человека к эмпатии».

Мы как будто одержимы желанием заполнить пробел в вопросе игры «Угадайка»: «_____ делает нас людьми». Почему? Если «потереть и понюхать» этот вопрос, то обнаружится отчетливый запах. Здесь пахнет неуверенностью. На самом деле мы просим: «Расскажите нам, что отделяет нас от других живых существ». Зачем? Потому что нам очень нужно верить, что мы не просто уникальны – как и любой другой вид животных, – но что мы особенные, выдающиеся, исключительные, созданные Богом, обладающие вечной душой. На меньшее мы не согласны – это вызывает у нас страх и экзистенциальную панику.

Пожалуйста, успокойтесь. Оставайтесь людьми, преодолевайте трудности, проявляйте доброту и сострадание, помогайте другим,

танцуйте, наслаждайтесь жизнью. Это наш шанс на величие. Но я отвлекся.

Один факт о зеркальных нейронах несомненен: никто не знает, как на самом деле они работают. Обзор двух десятилетий исследований, опубликованный как раз в то время, когда я пытался понять, почему люди провозглашают зеркальные нейроны движущей силой гуманизации человечества, содержал следующий вывод: «Функциональную роль (роли) зеркальных нейронов... еще предстоит выяснить».

Другой факт о зеркальных нейронах: возможно, это не отдельный вид нервных клеток. Когда обезьяна совершает целенаправленное действие (например, двигает рукой) или смотрит, как это действие совершает другая обезьяна или исследователь, в разных отделах ее мозга активизируются разные типы нейронов. Почему они активизируются? Что это означает? Они активизируются для того, чтобы мозг распознал действие других? Или распознавание происходит в других местах? Факт: этого никто не знает. Разница между тем, что мы действительно знаем, и тем, что заявляют некоторые исследователи, очень велика.

Почему авторы статей в популярных журналах так полюбили гиперболу о зеркальных нейронах? «Отчасти в этом виноват я сам, – признался доктор Рама, – потому что позволил себе игривое замечание, не всерьез, что зеркальные нейроны для психологии – это все равно что ДНК для биологии». Возможно, игривое настроение у него не прошло, поскольку потом он заметил: «Выяснилось, что я был прав, но... многие люди теперь приписывают все, чего не могут понять, зеркальным нейронам». Это же не относится к вам, Рама, правда? А затем, словно запоздало вспоминая, откуда все началось, он говорит: «Если зеркальные нейроны отвечают за такие аспекты, как эмпатия, язык и все остальное, то обезьяны должны проявлять выдающиеся способности в этих областях». Ну, хорошо. Это показывает, отметил он, что зеркальные нейроны не единственные, кто отвечает за то, что им приписывают. Значит, он, вероятно, сожалеет о возникшей путанице? «Такого рода ошибки чрезвычайно распространены, но это не страшно. Именно так развивается наука. Люди делают необоснованные заявления, затем исправляются». Да, иногда и такое бывает.

Но если тщательно во всем разобраться, открытие этих клеток (если не сама дискуссия) представляется полезным. Сформулируем так: наш мозг *каким-то образом* формирует понимание того, что мы и другие люди делаем и почему. Назвав разные виды нейронов, участвующих в этом процессе, зеркальными, мы напоминаем себе: искусство понимания того, что происходит вокруг нас, на чем-то основано. Для такого понимания требуются специализированные сети нервных клеток. Психические заболевания помогают увидеть, что разные нейроны выполняют разные функции. Люди с определенными формами аутизма не способны понимать цели и желания других, равно как и адаптироваться к социальным нормам. Тем не менее такие люди зачастую прекрасно проявляют себя в других сферах. Мозг – это совокупность самых разных необыкновенно сложных взаимосвязанных систем.

Строго говоря, мозг – не совсем орган. Например, любые два среза печени похожи друг на друга. Мозг устроен по-другому. Он разделен на слои и специализированные разделы; в его структуре и функциях можно проследить его эволюцию. Мозг расположен внутри черепа, но в этом общем доме разные отделы представляют разные компании, действующие внутри одного конгломерата. Мы – результат слияний, поглощений и новых приобретений с далеких времен до относительно недавнего времени. То же самое справедливо для мозга любого другого вида животных. Многие виды произошли от общих предков. Поверх этого общего ядра эволюция добавила каждому виду свои характерные особенности, которые «делают нас людьми», или шимпанзе, или белошейной воробьиной овсянкой, которая поет: «Канада, Канада, Канада».

Когда мы ищем «разум» у других животных, то часто повторяем ошибку Протагора и считаем, что «человек есть мера всех вещей». Будучи людьми, мы склонны изучать разум животных, сравнивая его с человеческим. Они разумны *так же, как мы*? Нет, и поэтому мы победили! Мы разумны *так же, как они*? Нам безразлично. Мы настаиваем, чтобы они играли по нашим правилам, а по их играть не хотим.

Чему должны научиться другие животные, какие проблемы они должны решать и как именно решать – все это сильно различается. Человек должен изготовить копьё, альбатрос должен пролететь шесть

с половиной тысяч километров от гнезда, чтобы найти пищу, а затем вернуться, преодолев тысячи километров над открытым океаном, на островок шириной восемьсот метров и найти своего птенца среди нескольких тысяч других. Нам кажется, что дельфин, кашалот и летучая мышь бессмысленно всматриваются в ночную тьму, а их мозг в это время буквально рисует «картину» звукового мира – с высоким разрешением и огромной скоростью, – и эта картина позволяет им ориентироваться, узнавать других и ловить быстро движущуюся добычу в полной темноте. Мы можем считать, что они полностью лишены чрезвычайно важных способностей, точно так же как мы считаем их неполноценными, поскольку они не умеют говорить, но в действительности в некоторых сферах они намного превосходят нас. Многие виды животных обладают более острым зрением, слухом, обонянием, у них лучше реакция, они умеют летать, используют звуковые волны, имеют внутренний компас и могут жить в самых разных условиях (даже под водой). Многие – прекрасные охотники и превосходные спортсмены. (Правда, люди быстрее всех бегают на двух ногах – если не считать страусов.) Разный мозг обеспечивает разные возможности, позволяя разным живым существам наилучшим образом использовать разные обстоятельства. И эти живые существа достойны нашего уважения и восхищения.

Довольно скучно все время напоминать себе, что мы лучше всех решаем задачи, требующие логического мышления. У людей человеческий интеллект, в значительной степени опирающийся на язык и орудия. Но на протяжении большей части человеческой истории ни у одной культуры не было письменности, а самыми сложными орудиями были лук и стрелы. Некоторые народы так живут и по сей день. Люди научились строить космические корабли, но в деле изучения самих себя задержались на уровне охотников и собирателей, все еще изготавливая каменные орудия для самопознания.

Полезно еще помнить, что интеллект – не личное достижение. Мы такими рождаемся. То же самое может сказать о себе любой слон или дуб. Ребенок, делающий первые шаги, инстинктивно хватается за что-то, потому что у него есть руки. Птица летает, потому что у нее есть крылья. Рыба плавает, ударяя плавниками по воде. Мы все используем имеющиеся у нас средства. Поэтому все – обитатели воздуха, земли и

моря – заслуживают признания. А теперь вернемся к делу. Шпицу нельзя поставить в заслугу его украшенный бриллиантами ошейник. Точно так же не стоит ставить себе в заслугу – или в вину – способности, с которыми мы родились, или изобретения, которые нам кто-то вручил.

Во многих областях человеческой деятельности немногие гении компенсируют огромное количество общей тупости. Лишь маленький процент людей создает нечто имеющее непреходящую ценность. Я бы никогда не догадался, как добыть огонь. И не изобрел бы колесо. Авторы книги «Когда слоны плачут» писали: «Ни один шимпанзе или дельфин не сможет сочинить Девятую симфонию Бетховена. Как, впрочем, и ваш сосед»^[89]. Увы, мне это тоже не дано. (Такие люди, как Бетховен, – гении. Аналогичным образом такие особи, как Двадцать-Первый или Эхо, – гении среди волков и слонов.)

Я выхожу в море, и крачки, разделяющие мое желание найти рыбу, проявляют такое искусство, внимание, энергию и целеустремленность, что я невольно восхищаюсь ими и учусь у них. Они – воплощение красоты в окружающем меня чудесном воздухе. Они вдохновляют.

«Посмотрите на полевые лилии» – вот с чего стоит начать.

Предполагаемая непознаваемость опыта других животных стала темой знаменитой статьи Томаса Нагеля «Каково быть летучей мышью?». Смысл ее в том, что жизнь летучей мыши *настолько* отличается от нашей, что мы даже не представляем, как подступиться к ответу на вопрос, вынесенный в заголовок; мы знаем только, каково быть человеком. Но действительно ли мы это знаем? Знаем ли мы, что это *значит* – быть человеком? И да и нет. Приезжая к коренным жителям Севера или полинезийцам, я обнаруживал, что мы похожи в главном, но различаемся в деталях. Различий много, но достаточно и сходных черт. Я *до конца* не могу себе представить, каково быть ими.

На почте и в супермаркете я и мои соседи видим одни и те же полки. И те, кто убирается в домах соседей, видят то же самое. Мы видим и населяем один и тот же мир, но я не знаю, каково быть ими, а они не знают, каково быть мной. Какой была жизнь девушки, которая выросла в Нью-Йорке и чей отец-иммигрант покончил с собой во времена Великой депрессии? Я говорю о моей матери, о женщине, подарившей мне жизнь. Каково играть на арфе в Нью-Йоркском

филармоническом оркестре? Или быть солдатом? Наверное, я лучше представляю себе жизнь голодного пуделя из пригорода, чем существование голодного и несчастного человека в трущобах Найроби. Когда наши собаки счастливы или устали, это очевидно; я знаю, что значит быть счастливым или усталым. Но я не представляю – и мне не хочется представлять, – каково быть голодным и начисто лишенным надежды.

Жизнь летучей мыши не похожа на нашу, но и жизнь других людей тоже отличается от нашей. Летучим мышам знакомы комфорт, отдых, возбуждение, напряжение сил, материнство; они тоже млекопитающие, и это значит, что у нас много общего. И кого именно мы имеем в виду – летучих мышей, которые с помощью ультразвука охотятся на насекомых, или тех, кто питается нектаром и фруктами? Около 20 % видов млекопитающих – летучие мыши, и поэтому хорошо бы указать, о какой именно летучей мыши идет речь. Их ведь больше тысячи двухсот видов.

Философ Людвиг Витгенштейн однажды сказал: «Если бы лев умел говорить, мы бы его не поняли». Подобно большинству философов он не опирался на какие-то данные. Более того, он, похоже, ни разу не видел льва. Но подобные препятствия никогда не останавливали философов. Ладно. Он предполагает, что по крайней мере люди понимают друг друга. Но так ли это? Слова очень часто оказываются бесполезными. Представим себе разговор арабов и израильтян: понимают ли они друг друга? Могут ли сунниты и шииты беседовать? Многие люди не способны нормально общаться даже со своими родителями и детьми. Похоже, Витгенштейн ошибался. Всем нам нужна пища, вода, безопасность и половой партнер. Мы добиваемся статуса, чтобы получить доступ к пище, воде, безопасности и половым партнерам. Если бы лев умел говорить, то, вероятно, утомил бы нас бытовыми подробностями: источник воды, зебры, бородавочники, антилопы гну – до отвращения. Секс. Котята. Еще секс. Беспокорство по поводу угрозы со стороны двух братьев с великолепными густыми гривами. Что тут непонятного? Их заботы – еда, половые партнеры, дети, безопасность – совпадают с нашими. В конце концов, когда-то мы, до того как стали людьми, населяли одни и те же равнины, охотились на одних и тех же животных, крали друг у

друга добычу. У нас много общего. И львы не виноваты, что некоторые люди стали философами.

Если бы Витгенштейн взял в качестве примера тигров, то ему бы пришлось вступить в спор с Артуром Страчейном, охотником и автором вышедшей в 1933 году книги «Растерзанный тигром: встречи в индийских джунглях». Тигры, с которыми он встречался, не умели разговаривать, но их поведение говорит само за себя.

Самец медленно шел... а она по-кошачьи распласталась на земле... Подождав, пока он окажется на расстоянии нескольких шагов, она прыгнула к нему, как будто собиралась убить, подняла переднюю лапу и легонько похлопала по морде. Потом подняла голову и лизнула его... Самец поначалу казался безразличным, но, когда она потерлась о его ноги и начала игриво покусывать их, он снисходительно лег, и между двумя великолепными животными началась притворная битва. Она происходила в полной тишине, если не считать редкого тихого клацанья зубов, когда соприкасались две широко раскрытые пасти. Иногда они обнимали друг друга и толкали друг друга задними лапами, иногда шутивно боксировали передними; так они забавлялись почти четверть часа.

Когда я в последний раз видел великого писателя Питера Маттиссена, который недавно проиграл битву с раком, он и его жена Мария пригласили нас с Патришей в ресторан, чтобы отпраздновать наш брак, – очень мило с его стороны. Я как раз работал над этой книгой, и, поскольку Маттиссен выступал за возвращение волков в Йеллоустон, он с интересом спросил: «Что бы сказал волк, если бы сидел здесь, с нами?» Ничего, ответил я, волки не умеют разговаривать. Подумайте лучше, сказал я, что будет чувствовать волк, находясь здесь. Он будет воспринимать нас, ситуацию, свои потребности. Но не посредством слов. В зависимости от того, какой это волк, он узнает или не узнает нас, а ситуация покажется ему знакомой или пугающей. А возможно, он вспомнит о доме и решит уйти.

В этом же ресторане я однажды ужинал с друзьями, Дэвидом и Кэти. Они растили щенка, который должен был стать поводырем для слепого человека. Щенку исполнилось уже почти полгода, и он спокойно лежал под столом, наблюдал и отдыхал – иногда ему было

интересно, иногда скучно. Кто-то из гостей за соседним столиком уронил кусочек курицы, и собака, продемонстрировав завидную самодисциплину, проигнорировала еду. Потом официантка принесла миску с водой, и та была с благодарностью принята, хотя собака об этом не просила. Возвращаясь к вопросу Питера: поскольку собаки – это волки, то я был в ресторане с волком. Одомашненным. В этом отношении у меня появился опыт, и я мог двигаться дальше.

Древний народ

Ранняя зима. Я только что вышел из своего домашнего кабинета. Дворняжки Чула и Джуд лежат на солнышке на куче недавно опавших листьев. Но не в тени, как летом. Они ведут себя точно так же, как мы. Наслаждаются теплом и комфортом. (По этой же причине ночью они спят на мягких ковриках, а не на жестком полу – за исключением лета, когда на полу прохладнее.) Листья шуршат под моими ногами, собаки поднимают головы. Чула смотрит мне прямо в глаза, пытаюсь понять, с чем я пришел, с просьбой или предложением. Я стою неподвижно, и ее взгляд перемещается на улицу; звук проезжающего школьного автобуса знаком нам обоим. Она знает, что это такое, нет нужды проверять. Мы одинаково радуемся моменту – находимся на знакомой территории, слышим знакомые звуки на той частоте, которую оба воспринимаем, греемся на зимнем солнце. Мы пользуемся одинаковыми чувствами: зрением, обонянием, осязанием, слухом. Мы ощущаем температуру воздуха. Я вижу множество цветов. Зато собаки воспринимают множество запахов, и слух у них острее. У нас разное, но сравнимое по яркости восприятие.

Утром я нес из курятника яйцо и случайно разбил его. Собаки его мгновенно слизали. У нас общий вкус. Одни и те же органы чувств. Зачем же еще им нужны глаза, уши, носы, чувствительная кожа и эти необыкновенно гибкие языки, связанные с мозгом? А? Правда? Хорошая девочка. Я точно могу сказать, что чувствует Чула, когда ее до такой степени одолевает сон, что она с трудом может открыть глаза, лежа зимним вечером рядом с печкой. Потом, когда я выключаю свет и собаки устраиваются в своих постелях, я тоже знаю, что они чувствуют, потому что делаю то же самое – в нашем общем доме, в той же спальне, подчиняясь тому же порядку. Для этого не нужно прилагать особых усилий.

Но другие аспекты восприятия Чулы – например, что она чувствует, когда мы выходим на прогулку, а она все нюхает и нюхает, и какие мысли и чувства вызывают у нее эти запахи, – я знать не могу. А вот Джуд может. Но я понимаю их энтузиазм, потому что у меня есть глаза, понимаю их радость, потому что чувствую ее, понимаю любовь,

потому что разделяю ее. И это уже очень много. Возможно, собаки не размышляют о своей смерти и не рисуют в воображении следующий летний отпуск. И я тоже – большую часть времени. Но они прислушиваются к окружающему миру. Если, конечно, не просто дремлют на куче освещенных солнцем листьев. Собаки – мои друзья, часть моей семьи. На самом деле я знаю их лучше, чем соседа, который живет через дорогу. Я забочусь о них, как могу, стараюсь обеспечить им безопасность и благополучие. Они проводят со мной больше времени, чем друзья из числа людей. Как и с большинством моих товарищей, жизнь свела нас случайно, и я просто радуюсь их обществу. Рядом с ними у меня улучшается настроение. Но почему? Об этом знают только собаки. Когда Джуд, например, выбирает между ковриком и диваном – включая его реакцию на наше возвращение домой, когда мы застаем его на диване, что обычно запрещено, – он демонстрирует сознательность выводов и логику восприятия.

Я выхожу в море на рассвете, пытаюсь найти буруны от плавников и отыскиваю взглядом скоп и крачек – они охотятся на ту же рыбу, но обладают более острым зрением. Я потратил не один час, наблюдая за крачками, и убежден, что у нас много общего. Каково быть крачкой? Не знаю – за исключением некоторых аспектов, которые для нас общие. Я не одну сотню дней следил за их гнездовьем, видел, как самцы ухаживают за самками, как воспитывают птенцов, год за годом; видел, какие они упорные в достижении цели, и не раз направлял свою лодку туда, куда они летели за рыбой. Они эксперты, атлеты, профессионалы. Я многому у них научился и узнал наш общий мир таким, каким знают его они.

Многие животные, испытывающие голод, радость или страх в обстоятельствах, которые мы понимаем, ведут себя так, словно им знакомы человеческие чувства. Если вы, например, играете с хорьком или молодым енотом (или почти с любым млекопитающим, а также некоторыми птицами и рептилиями), то видите, что они способны радоваться и что их игра включает элементы юмора.

По утрам и вечерам наша ручная белка Велкро спускается с деревьев, чтобы получить угощение и поиграть. Она может целый час скакать по нашим коленям и плечам, бороться с нашими руками и переворачиваться на спину, подставляя живот под ласки. Звуки, которые она издает, мы считаем беличьим смехом (нас она точно

заставляет смеяться). Крысы, которые играют друг с другом или которых щекочет человек, издают звуки, очень похожие на смех младенца. (Смех крыс находится за пределами диапазона частот, воспринимаемых человеческим ухом, но исследователи научились преобразовывать его в слышимые звуки.) Веселье у грызунов активизирует те же области мозга, что и радость у людей.

Значит, радость белки, крысы и человека похожи? По всей видимости, в этом смысле у нас с грызунами много общего. «Молодые животные, которых мы щекотали, относились к нам очень дружелюбно», – пишет известный исследователь Джаак Панксепп. Наша знакомая белка Велкро никак не может остановиться. Иногда нам приходится возвращать ее на старый клен, потому что у нас дела и мы не можем потратить все утро на игру с ней. В эти моменты мне совершенно ясно: она прекрасно понимает, что ей нужно. Она точно знает, как хорошо проводить время. Я даже не представлял, что белки такие игривые, но, поскольку мы вырастили Велкро, теперь я это знаю.

Что касается настоящего юмора, то человекообразные обезьяны способны на розыгрыши. Франс де Вааль рассказывает, что, когда взрослый самец бонобо в зоопарке Сан-Диего спускался в сухой ров, огораживающий вольер, молодой самец иногда быстро вытягивал цепь, которая позволяла вылезти на поверхность. «Потом он смотрел вниз, раскрыв рот, – пишет де Вааль, – и похлопывал по стенке рва. Выражение его лица соответствовало человеческому смеху; Калинд (так его звали) смеялся над боссом. В нескольких случаях положение спасал лишь второй взрослый бонобо – самка Лоретта. Она приходила на помощь своему партнеру, опускала цепь и сторожила, пока он не вылезал из рва».

Нужно полностью отрицать все очевидные свидетельства, чтобы прийти к выводу, что человек – единственное способное сознать и чувствовать существо, которому дано наслаждаться жизнью и желать продолжения этого состояния. Другими словами, у нас много общего – жизнь, свобода и стремление к счастью. Люди, играющие с собакой – белкой или крысой, – а потом заявляющие, что животное лишено сознания, сами в какой-то степени его лишены. У таких людей отсутствует – в чисто человеческом смысле – эмпатия, которую собаки и другие животные так щедро и естественно проявляют по отношению к нам.

Беда в том, что лев, белка – и даже Чула – не умеют говорить. Общаться они умеют. Но не говорить. Особенно с человеком. Некоторые птицы (например, вороны, майны и попугаи), а также млекопитающие (в том числе дельфины, слоны, некоторые виды летучих мышей) могут выучить и произносить разные звуки. Большинство обезьян, в том числе человекообразных, издают инстинктивные звуки, изменить которые они не могут. Универсальные инстинктивные звуки есть и у людей – это смех, плач, выражение испуга. Но мы к тому же умеем говорить.

В мозг человека встроен *шаблон* для овладения языком. По этому шаблону мы *учимся* говорить на итальянском, малагасийском и так далее. Для человеческой речи используются те же органы, что и для лая собак и мяуканья кошек. Необыкновенное искусство людей в управлении звуком, по всей видимости, результат необычного строения мозга. В отличие от других приматов в мозгу человека есть прямые связи между участками коры, отвечающими за сознательные движения (латеральная двигательная зона), и областью мозга, которая называется «двойное ядро» и управляет гортанью. У других человекообразных обезьян и даже мышей есть ген FOXP2, который способствует формированию человеческой речи, но в нашем варианте имеется крошечная мутация – изменения в двух аминокислотах, – которая существенно влияет на возможности управления гортанью и позволяет овладеть речью. По всей видимости, именно это изменение в генах человека стало предпосылкой для речи и пения. В каком-то смысле голосовой тракт приматов – челюсти, губы и язык, с мышцами и нервами, отходящими от мозга, – ждал, пока сознательное управление доберется до гортани. И когда это случилось, речь стала возможной.

У большинства других животных отсутствует физическая возможность для речи. Человекообразные обезьяны, например бонобо Канзи, могут понимать сотни слов и пользоваться символами на клавиатуре, но не способны говорить, как люди. Отличия человека от животных не так уж велики, но, говоря о речи, разница в результате огромная. Два одинаковых корабля, одновременно покидающих порт *почти* одинаковыми курсами, в конечном итоге теряют друг друга из виду. Сложная речь позволяет объединять наши разумы и формировать память многих поколений, гораздо более сложную, чем выученные

навыки некоторых других животных. Сложный язык позволяет рассказывать сложные истории. Не такие, как сиюминутные истории обезьяны или птицы: «Эй, я вижу змею». Человек может сказать: «Вчера я видел здесь гадюку, так что будь осторожен».

Поскольку человекообразные обезьяны не способны воспроизводить звуки человеческой речи, в 60-е годы исследователи Аллен и Беатрис Гарднер, их студент Роджер Фоутс и его жена Дебби обучили самку шимпанзе, выросшую в семье, языку глухонемых. Это была знаменитая на весь мир Уошо. Впоследствии Уошо обучила других обезьян таким знакам, как, например, «дай мне яблоко». Шимпанзе способны объединять знаки: «фрукт» плюс «конфета» означал у них «арбуз». Длина некоторых предложений доходила до полудюжины слов.

«Дай мне яблоко» – это выражение выглядит впечатляюще. Но его сложность не идет ни в какое сравнение с мышлением и групповой координацией живущих на свободе шимпанзе, когда они объединяются, чтобы отрезать путь к отступлению толстотелым обезьянам, которые охвачены страхом и понимают, что враги готовятся к нападению. Шимпанзе не смогли бы жить среди людей, а мы – среди них. Но они очень хорошо понимают, что им нужно знать и делать. Шимпанзе помнят местоположение тысячи фруктовых деревьев, неделями следят за созреванием плодов и патрулируют огромную территорию.

Размышляя об экспериментах с человекообразными обезьянами, живущими в неволе, необходимо помнить, что они общественные существа, а сообщества, сформировавшиеся в зоопарках и лабораториях, состоят из похищенных в детском возрасте особей, которые были вырваны из социального контекста и культуры. В прошлом люди, захваченные в плен в разных странах и превращенные в рабов, общались друг с другом на «грубом подобии человеческого языка, практически лишённого какой-либо грамматики». Точно так же и эти обезьяны, оторванные от матери в младенчестве, были лишены возможности развить у себя сложные навыки коммуникации, которые мы наблюдаем в естественных, имеющих давнюю историю сообществах человекообразных обезьян.

Шимпанзе, живущие на воле, не используют слова с конкретным смыслом. В их арсенале – десятки разнообразных звуков и жестов,

значение которых частично зависит от контекста, но передает много информации. Недавно ученые, исследующие человекообразных обезьян сообщили о настоящем прорыве в «перевод с обезьяньего на человеческий». Выясняется, что для общения обезьяны пользуются жестами, которые ясны всем членам группы. Жесты предназначены для конкретной особи, которая их понимает, они используются сознательно и гибко. Исследователи, работающие в Уганде, составили первый «словарь» из шестидесяти шести жестов шимпанзе, чтобы передать девятнадцать осмысленных сообщений, таких как «Иди сюда», «Уходи», «Давай играть», «Дай мне это» и «Я хочу обниматься». У горилл имеется более ста передающих смысл жестов. Бонобо почти человеческим взмахом руки подзывают к себе другого, а затем изящным движением ладони указывают, куда идти, чтобы предаться любовным утехам.

Бонобо Канзи родился в неволе и жил вместе с матерью в исследовательской лаборатории в Джорджии. В процессе интенсивного контакта с исследователями он использовал специальные сенсорные экраны для создания словаря из трехсот слов – писал комментарии, высказывал просьбы, соединял слова. Он понимал больше тысячи английских слов и предложения с синтаксисом. На видео можно посмотреть, как Сью Сэведж-Рамбо идет с ним на пикник. Она просит Канзи приготовить гамбургер и разжечь огонь. Он выполняет ее просьбу. Специалист по приматам Крейг Стэнфорд писал: «Если и есть разница между тем, что понимает Канзи и что понимает маленький ребенок, то ученые ее еще не выявили». Но я выявил: вы не доверите маленькому ребенку зажигалку. (На YouTube есть потрясающие видеоролики, где Канзи использует синтаксис и работает каменным ножом. См. «Канзи и новые предложения» и «Канзи изготавливает орудия».)

Антрополог Дон Принц-Хьюз, которая в детстве страдала аутизмом и с трудом научилась говорить, нашла родственные души в группе горилл в зоопарке Сиэтла и в конечном итоге стала заботиться о них и изучать их. Она называет их «первыми и лучшими друзьями, которые у меня были... древним народом»^[90]. Тем временем в лаборатории в Джорджии Канзи смотрел видео с гориллой Коко и незаметно для людей выучил несколько жестов из языка глухонемых, которым пользовалась Коко. (Как мы помним, Канзи научили общаться

при помощи символической клавиатуры.) Когда Канзи познакомился с Принц-Хьюз, то некоторое время наблюдал за ней, а затем напечатал сообщение: «Ты горилла, вопрос?»

К 1982 году шимпанзе Уошо родила двух детенышей, но оба они умерли – один из-за порока сердца, другой из-за инфекции. Когда лаборантка Кэт Бич забеременела, Уошо проявила большой интерес к ее животу и знаками радостно передала: «Ребенок». Затем у Кэт случился выкидыш. Роджер Фоутс писал: «Зная, что Уошо потеряла двух детей, Кэт решила рассказать ей правду. МОЙ РЕБЕНОК УМЕР, знаками показала она. Уошо опустила голову, потом посмотрела прямо в глаза Кэт, показала ПЛАКАТЬ и коснулась щеки Кэт под глазом... Кэт собралась уходить, но Уошо ее не отпускала. ПОЖАЛУЙСТА ОБНЯТЬ ЧЕЛОВЕК, жестами показала она».

Некоторые животные способны выучить несколько человеческих слов, но способность людей использовать сложный язык, по всей видимости, уникальна. (Под «языком» я подразумеваю систему с обширным словарем, грамматикой и синтаксисом.) Наши дети интуитивно понимают и осваивают все сложности речи. И это очень интересно: когда ребенок начинает пользоваться прошедшим временем и говорит «Я думал», а не «Я думаю», он применяет грамматическое правило, которому его не учили. Психолог из Гарварда Стивен Пинкер убежден: способность ребенка создавать вербальную структуру означает, что человеческий мозг запрограммирован на грамматику. Вероятно, мы обладаем врожденным инстинктом человеческой речи. Если это правда, то речь для человека так же естественна, как трубные звуки для слонов, рычание и вой для волков, ультразвуковые щелчки для дельфинов. И это должно быть очевидным.

Но многое тревожит. Возможно, мы действительно – на глубоком, биологическом уровне – не способны понять богатство коммуникации других видов животных, точно так же, как они не способны понять нас? Что, если методы их коммуникации – это границы, которые мы можем размыть, но не в состоянии пересечь? Давняя мечта человечества «разговаривать с животными» может оказаться недостижимой. Не только потому, что они не умеют говорить, но из-за нашей неспособности поддерживать разговор со слоном. Точно так же слон не способен рассуждать о вероятности дождя на английском или на фарси.

Но и это еще не все. Когда люди просят дельфинов или морских львов найти предмет, которого нет в их бассейне, животные либо упорно ищут – то есть они знают, что именно им нужно, – либо не утруждают себя поисками, а это значит, они знают, что искомого предмета тут нет. В слове «мяч» ничто не указывает на его форму, человеческое слово – это *абстрактное представление*, символ. Однако любое животное, понимающее значение слова «мяч», узнает и абстрактный символ. Шимпанзе способны формулировать абстрактные понятия, такие как «еда» и «орудия», они умеют распределять по категориям не только объекты, но и *символы* объектов.

«Когда мы что-то просим у животных, они часто нас понимают, – пишет Элизабет Маршалл Томас. – А когда просят они, это ставит нас в тупик». Орангутаны могут оценить, насколько хорошо человек понимает их жесты. Если объясниться жестами не получается, они могут устроить пантомиму, изображая, что им нужно. Если человек частично понимает смысл сообщения, «орангутаны сужают диапазон сигналов, отдавая предпочтение уже встречавшимся жестам и часто их повторяя». Встретившись с непониманием, обезьяны придумывают новые сигналы. То есть орангутаны способны определить значение, понятное всем, – если люди доказали, что могут понять их сообщение.

Значение, понятное всем. Понимание. Вот он, искомый предмет.

Часть четвертая

Плач убийцы

Имя этого кита не может не вызвать протеста... Ибо все мы... убийцы.

Герман Мелвилл. Моби Дик

Владыка морей

Кен Балком живет в маленьком доме, окруженном лугами; дом примостился среди сосен на склоне, спускающемся к морю, и из него можно любоваться панорамой островов Сан-Хуан на другой стороне пролива Харо.

Сегодня по проливу бегут «барашки», а ветер приносит дождь и чайк; порывы ветра достигают ураганной силы. Через пролив виден канадский остров Ванкувер – горы за синими горами между синим небом и синей водой. Среди обитателей пролива – самое большое в мире скопление морских звезд, осьминог с самыми длинными щупальцами и самые большие в мире дельфины – косатки. Для них море – родной дом. Их дом.

Ни в одной гостиной я не ощущал такую близость моря. На низком кофейном столике лежит череп длиной сто метров и весом шестьдесят восемь килограммов. Размеры и два ряда острых зубов делают его похожим на череп тираннозавра. Это владыка морей. И он наш современник. Где-то там, внизу, прямо сейчас плавают существа с такими черепами. Их массивные челюсти и ряды острых как кинжалы зубов толщиной с палец заняты добычей пропитания. В наше время даже самые большие киты боятся косаток, которым нет равных с тех пор, как шестьдесят пять миллионов лет назад вымерли динозавры. Но необыкновенный интеллект этих животных делает их непревзойденными охотниками, до которых тираннозавру очень далеко: они умны, они заботятся о потомстве, они долго живут, склонны к сотрудничеству, в высшей степени социальны, преданы семье. Подобно нам, они теплокровные млекопитающие, обладающие индивидуальностью, которая не слишком сильно отличается от нашей. Только они гораздо крупнее. И не такие жестокие. Их мозг – тоже куда большего размера – справляется с такими задачами, как семейные отношения, география, социальное взаимодействие, мгновенный анализ звука.

Кен начинает объяснять, как киты создают и используют эхолот, но тут мой взгляд перемещается за окно, на бурные воды пролива.

Недалеко от берега рядом с пятном бурых водорослей я замечаю фонтан брызг. Но плавника не видно. Может, морская свинья? Затем еще один мощный выброс. Я не представляю, как косатка может дышать, не показывая из воды спинной плавник, но в этот момент волны расступаются и появляется черно-белая голова.

Черт... Но почему они появились так неожиданно? Динамики на подоконнике в кухне Кена постоянно транслируют звук с нескольких подводных микрофонов, которые называют гидрофонами, через сайт OrcaSound.net. Но из динамиков доносилось лишь шипение, белый шум моря.

Кен бежит к треногам с биноклями у окон кухни и начинает осматривать пролив.

– Возможно, чужаки, – говорит он. – Они обычно молчат.

Появляется пара плавников.

– Не на север и не на юг, – бормочет Кен. – Их сопровождают несколько чаек. Плывут не слишком быстро, просто осматриваются... – Он внимательно смотрит, потом прибавляет: – У того самца довольно широкое основание спинного плавника. Он может глубоко нырять. Да, все больше и больше похоже на бродяг.

Бродяги. Охотники на млекопитающих. Оседлые косатки питаются рыбой, в основном лососем, обычно они любят поболтать. Бродяги же – безмолвные охотники: завеса молчания скрывает их от тюленей, дельфинов, морских львов, а иногда и китов – от всех тех, к чьему дыханию и бульканью воздушных пузырей они прислушиваются.

Мы выходим на террасу Кена. Она похожа на палубу корабля, лучи низкого солнца отражаются от воды. Кен устанавливает треногу с фотоаппаратом.

Мимо проплывает рыбацья лодка. Минуты проходят одна за другой – ни фонтана, ни плавника.

– Неужели они могли просто исчезнуть? – спрашиваю я.

– Да, бродяги это умеют. Делают осторожный выдох, как тот первый, что ты видел. Не показывают плавник над водой, надолго ныряют... Способны обмануть самого внимательного наблюдателя.

Через четверть часа они появляются снова в неожиданном месте.

– О... – выдыхает Кен, не отрываясь от бинокля. – Думаю, это Б-19. (На мой взгляд, в этих бурных волнах никакая идентификация

невозможна.) Видишь, плавник слегка наклонен влево?

Б – бродяга. Ни постоянных маршрутов, ни устоявшихся привычек. Вечно в движении. Могут внезапно исчезнуть и так же внезапно появиться.

Вот еще один самец – с прямым плавником. И еще один, похоже, молодой. Он медленно приближается к берегу. Вдали видны две самки.

– Да, да, да. – Глаза Кена словно приклеились к биноклю. – О боже!

Человек, который круглые сутки наблюдает за косатками, не должен быть таким эмоциональным. Но тогда он вряд ли прожил бы здесь сорок лет.

Перед самцами из воды показывается голова тюленя. Он оглядывается. Самцы как будто никуда не торопятся, а тюлень у них, если можно так выразиться, прямо по курсу.

– Тюлень не... – произносит Кен. – Реакция важна, но...

Голова тюленя исчезает с поверхности, как капля дождя. Видимость под водой не превышает трех метров. Тюлень находится на расстоянии около ста метров от ближайшей косатки. У него одна проблема – время. За ним охотятся три гиганта, наделенных способностью к эхолокации. Они видят тюленя, вероятно, так же четко, как черный силуэт на белом фоне. Даже если косатки соблюдают режим тишины, чтобы их не обнаружили, они все равно подобны передвижным гидроакустическим постам с обыкновенной чувствительностью и вычислительной мощностью.

Возможно, тюлень неопытен или его застали врасплох, но косатки знают свое дело. Этот вид тюленей составляет примерно половину их рациона.

Внезапно три самца ускоряются, разрезая плавниками воду.

– Да, этот тюлень не зря торопился, – замечает Кен.

Естественный отбор в режиме реального времени. Две чайки ныряют. Одна из косаток появляется на поверхности, сжимая в челюстях часть тюленя. У расчленения есть преимущество: пища достается всем.

Звонит соседка – она тоже все видела. Лодка с другими соседями, супружеской парой, внезапно появляется из-за мыса к северу от дома Кена; мимо нее проплывают самцы косатки, высоко подняв над водой спинные плавники. Длина животных от семи до восьми с половиной

метров, а вес около семи с половиной тонн. Тюлень, которого они только что разорвали на куски, должно быть, весил столько же, сколько двое людей в лодке. Удивительный факт: ни одна живущая на воле косатка не убила ни одного человека.

Я думал, косатки прервут молчание после успешной охоты, но гидрофоны не зафиксировали ни одного звука.

– Наверное, ищут еще добычу, – говорит Кен.

Каждой косатке, которая охотится на тюленей в заливе, ежедневно требуется один тюлень, приблизительно сто пятнадцать килограммов мяса. Они преследуют, ловят и убивают тюленей несколько раз в день, деля добычу друг с другом. Распределение пищи – редкое явление у взрослых животных. Список небольшой, но очень разнообразный. Некоторые животные, которые охотятся группами – например, львы, гиены, волки, – делят крупную добычу на всех. Кровососущие летучие мыши отрыгивают кровь, чтобы поделиться с родственниками и друзьями, которые потом отблагодарят их тем же. Делятся пищей общественные насекомые. Некоторые обезьяны. Люди. Домашние кошки могут приносить хозяевам «подарки». Шимпанзе иногда делятся друг с другом мясом – неохотно и почти исключительно с политическими союзниками или половыми партнерами. А вот бонобо предпочитают освободить из запертой комнаты другую обезьяну, не связанную с ними родственными отношениями, чтобы попить вместе, а не есть в одиночестве. Удалось снять на видео и редкие случаи: лошадь кормит соседку по стойлу, раненая ворона раскладывает кусочки угощения у прутьев своей клетки, чтобы живущие на свободе вороны могли его достать.

Косатки постоянно делятся друг с другом добычей. В трех четвертях случаев косатка, поймав лосося, которого может проглотить за один раз, делится рыбой с членами семьи. Иногда одно животное ныряет на глубину, а остальные ждут на поверхности, пока добытчик вынырнет с рыбой и поделится с ними. В Аргентине косатка по имени Магга поймала десять детенышей морского льва – каждый раз она возвращалась с добычей к ожидавшему ее молодняку, а затем снова плыла к берегу, чтобы поймать следующего.

Косатку часто называют китом-убийцей, и люди, которым это не нравится, предпочитают звать ее «орка», по латинскому названию *Orcinus orca*. Но орки – злые великаны подземного мира, так что это

название тоже не слишком лестное. Ученые различают несколько видов *Orcinus*, но только один из них сохранил название *orca*. Поэтому называть всех «орками» не очень правильно.

Подобно розам и слонам, они имеют множество названий. В этом регионе рыбаки называли их *blackfish* (что нелогично, потому что гринд тоже называют *blackfish*; кроме того, косатка не черная, она не рыба, и существует рыба под названием *blackfish*). Индейцы квакиутл называют ее *max'inux*, а племя хайда – *ska-ana*. На западе Тихого океана айны, живущие на Курильских островах, называют их *dukulad*, а инуиты из Восточной Арктики – *arluq*. На оконечности Южной Америки, Огненной Земле, племя яган называет косаток *shamanaj*. Точно так же, как разные виды слонов носят общее название «слоны», всех косаток называют «косатками». На мой взгляд, им лучше подошло бы название «дельфины домино», потому что это самые большие дельфины в мире и у них яркая черно-белая окраска. Кто-то даже пытался назвать их «морскими пандами». Единственное, что не вызывает сомнения, – они самые крутые из всех китов. Обитатели моря, на которых никто не смеет охотиться. Поэтому я иногда называю их «киллерами». Да, они такие, в этом я только что убедился.

Через пять минут Кен загрузил в компьютер фотографии и подтвердил идентификацию охотников на тюленей, сравнивая только что сделанные снимки с цифровой базой данной, – совпали очертания спинных плавников и форма характерного белого «седла». Вот какую пользу можно извлечь из одного или двух миллионов фотографий, сделанных за несколько десятилетий, – если все правильно организовать.

– Это были Б-19, Б-19b, Б-19с, Б-20...

Косатке Б-20 около пятидесяти лет. Кен листает фотографии и генеалогические деревья этих китов. Рождения. Смерти. Родственные отношения.

И загадки. Никто не видел группу Б-20 до 1984 года, теперь они появляются каждый год. А одна косатка, Б-61, исчезла тринадцать лет назад – а затем вернулась.

УКВ-радиостанция Кена, потрескивая, время от времени транслирует переговоры капитанов тех судов, которые наблюдают за китами в пятидесяти километрах отсюда, в заливе Адмиралти. Они сообщают, что несколько косаток движутся к заливу Пьюджет-Саунд.

Кен слушает капитанов и одновременно само море – это у него профессиональное. Но пока из моря доносится только его неумолчный шум. Во время холодной войны Кен – крупный, дружелюбный и очень общительный мужчина – служил в ВМФ США и вслушивался в океан, пытаясь обнаружить подводные лодки. Проект был секретным.

– Я не имел права никому рассказывать о том, что слышал, – говорит он.

Теперь Кен может рассказывать. Он объясняет, как мастерски косатки умеют издавать и анализировать звуки. Подобно дельфинам, они живут в звуковом ландшафте, который создают сами. В мире, состоящем из холодной, зеленой и часто мутной воды, они испускают звуки, чтобы обнаружить добычу далеко за пределами видимости и не терять связи со своими товарищами и детьми, находящимися на расстоянии многих километров.

Кен показывает мне, как форма черепа косатки приспособлена для генерации и приема звуков. У человека и других млекопитающих звуки рождаются в гортани, а у китов и дельфинов – в черепе. В высшей степени специализированные звуки. Кен убежден, что эти киты способны фокусировать звуковой луч, придавать ему определенную форму. Некоторые исследователи предположили, что косатки могут дезориентировать или парализовать рыбу сфокусированными звуковыми импульсами. При желании дельфины способны генерировать звук громкостью двести двадцать децибел, – находясь рядом с ними под водой, вы почувствуете боль. Кен считает, что они могут регулировать громкость восприятия собственных сонаров, используя толстый тройничный нерв для управления интенсивностью проходящих звуковых сигналов. Канал для тройничного нерва в черепе такой широкий, что я могу просунуть в него два пальца.

Кен объясняет разницу между бродягами, которые охотятся на млекопитающих, и оседлыми косатками – те питаются рыбой. Бродяги не образуют постоянного стада, их группы то и дело соединяются и разделяются. Они в большей степени склонны к «делению и синтезу». Бродяги охотятся небольшими молчаливыми группами. Местные жители могут формировать шумные большие сообщества. Бродяги часто задерживают дыхание на пятнадцать минут. Оседлые косатки редко проводят под водой больше пяти минут. Огромная разница.

Когда охотники за млекопитающими слышат веселые трели предпочитающих рыбу оседлых косаток с расстояния нескольких километров, они уходят в сторону или даже поворачивают назад. Можно предположить, что бродяги опаснее – у них более сильные челюстные мышцы, но оседлые обычно формируют большие по численности группы.

Однажды десять членов стада оседлых косаток с огромной скоростью помчались к заливу, расположенному в трех километрах от них, где в большом волнении плавали несколько других животных из этого же стада. Потом они все вместе поплыли дальше. Внезапно появились бродяги – Б-20 вместе с Б-21 и Б-22. Они явно спасались бегством от оседлых косаток. Животные были так взбудоражены, что исследователь Грэм Эллис слышал издаваемые ими звуки, перекрывавшие рокот двигателя. Бродяги сумели уйти от оседлых, опередив их на две сотни метров. Причем оседлые не шутили – на Б-20 и Б-22 были заметны свежие раны от их зубов. (Это единственный подтвержденный случай агрессии живущих на свободе косаток, направленной друг против друга.) Но когда чужаки покинули залив, оседлые не стали их преследовать. Они кружили на одном месте около получаса, пока не появился еще один член стада, не участвовавший в атаке, и не присоединился к ним. Это была самка Д-17 вместе с новорожденным детенышем. Может, она пряталась? Может, агрессия к чужакам объяснялась появлением охотников на млекопитающих поблизости от новорожденного?

В другой раз исследователь китов и писатель Александра Мортон наблюдала за сорока косатками из местного стада, которые «весело» плескались, а затем вдруг исчезли из поля зрения. Появились они у далекого берега; животные плыли быстро, плотным строем, не резвились, не отпускали от себя детенышей. Стадо свернуло в ближайший залив. Мортон повернулась и увидела четырех бродяг – среди них был опять Б-20. Неужели все косатки точно понимают намерения друг друга? Конечно, они не обязаны нам ничего рассказывать. Но есть ли у нас лучшее объяснение?

Мы сделали несколько снимков, поговорили о косатках, посмотрели из окна кухни, как косатка убивает тюленя, – типичное воскресенье в доме Кена Балкома. Большую часть жизни Кен наблюдал за косатками именно отсюда. «В каком-то смысле он ближе к

ним, чем к людям, – говорит его друг. – Ночью, когда окна открыты, он может проснуться и сказать: „Они здесь“».

В 60-е годы, когда Кен еще учился, в Калифорнии был разрешен китобойный промысел. Преподаватель отправил Кена за образцами, которые надо было брать у мертвых китов.

– Ужас, сколько крови, – вспоминает Кен.

В 1972 году Кен видел, как убили финвала^[91].

– Я не мог вынести взгляд кита, который словно спрашивал: «Зачем вы это делаете?» У меня был настоящий эмоциональный срыв. Я думал: «Что мы *наделали?*» *Чувствовал себя ужасно, словно работал в Аушвице.*

Преподаватель получил грант на подсчет поголовья косаток в Пьюджет-Саунд, и Кен согласился поехать с ним.

– Прошло сорок лет, – подводит итог он, – и у нас сейчас больше вопросов, чем было вначале.

Убийца – сложное создание

До 70-х годов прошлого века, когда на северо-западе начались первые исследования, воображение людей рисовало более примитивного кита-убийцу. Эти населявшие все океаны существа считались достаточно свирепыми, чтобы убить любого кита – и, конечно, любого человека, – который оказался в пределах досягаемости их мощных челюстей. Агрессивные доминантные самцы контролировали гаремы, а самки приносили им потомство. Все эти представления оказались неверными. Десятилетия наблюдений, прослушивания, мечения, каталогизирования и генетических исследований приподняли завесу тайны не просто над новым китом-убийцей, а над многочисленными китами-убийцами.

Выяснилось, что воды на севере Тихого океана населяют несколько типов китов-киллеров. Мы уже встречались с бродягами, которые путешествуют на дальние расстояния. Отдельные особи, которых видели в Монтерее, штат Калифорния, потом появлялись в Глейшер-Бей на Аляске, в двадцати пяти тысячах километров севернее. Оседлые перемещаются в пределах полутора тысяч километров, с севера на юг. Летом и осенью они держатся ближе к берегу, среди лабиринта островов, преследуя лосося, который идет на нерест в верховья рек, а остальную часть года проводят в другом месте. Но главное отличие бродяг от оседлых – не длина маршрута, а рацион. Бродяги не проявляют интереса к рыбе, а охотятся на млекопитающих. Их челюсти приспособлены для более крупной и сложной добычи. Оседлые, наоборот, не проявляют интереса к млекопитающим. И внутри этого различия в рационе таится множество сюрпризов. Это как русская матрешка: ты видишь всего одну, а потом – бац! – внутри обнаруживаются другие, похожие, но все же разные.

Таким образом, у нас есть бродяги и оседлые, но этим дело не ограничивается. На севере Тихого океана встречаются малоизвестные обитатели открытого моря, о существовании которых не подозревали вплоть до 1988 года, когда исследователи были озадачены появлением более мелких китов-убийц, издававших другие сигналы, – они

охотились на акул. Группами, насчитывавшими до двух сотен особей, они перемещались вдали от берегов, между Беринговым морем и Южной Америкой. Одну особь, замеченную у побережья Мексики в 1988 году, три года спустя видели рядом с Перу, на расстоянии пятьдесят три тысячи километров.

Ареалы обитания разных типов пересекаются, но никто не видел, что они смешиваются. Анализ ДНК показывает, что живущие на севере Тихого океана два типа китов-убийц, охотники за рыбой (оседлые) и охотники за млекопитающими (бродяги), не скрещивались приблизительно полмиллиона лет. Фактически тихоокеанские бродяги генетически больше всего отличаются от всех остальных китов-убийц. Когда живущие на свободе животные скрещиваются между собой, они составляют один вид. Если скрещивания не происходит, то это разные виды. Теперь становится ясно, что типы китов-убийц – это ранее неизвестные виды.

В справочниках до сих пор приводится всего один вид китов-киллеров, *Orcinus orca*. Скорее всего, ученые в конечном итоге накопят достаточно данных, чтобы признать новые виды и удостоить их латинских названий. А пока ученые говорят о разных типах – например, антарктических типах А, В и С, паковых китах-убийцах и других. Только в водах Атлантики встречаются как минимум пять типов.

Паковые киты-убийцы бороздят Атлантику маленькими группами и поднимают головы над водой, выискивая лежащих на льду тюленей. Косатка, обнаружив тюленя, изучает его, «вероятно, чтобы убедиться, что это подходящая добыча», объясняет специалист по китам-убийцам Боб Питмен. Если это тюлень Уэдделла, косатка исчезает на двадцать или тридцать секунд, созывая товарищей. Пару минут спустя собирается вся группа, и они начинают рассматривать тюленя. «Через минуту или две они приходят к определенному решению – уходить или атаковать». Если они решают атаковать, то удаляются примерно на сто пятьдесят метров от плавучей льдины и тюленя. Затем как по команде они резко поворачиваются к льдине, синхронно работая хвостами. От этих ударов образуется волна высотой около трех футов. В последнюю секунду косатки ныряют под лед. Волна обрушивается на льдину и обычно смывает тюленя в воду.

Киты-убийцы другого типа вполонину меньше, чем паковые косатки, они живут в проливе Жерлаш, в Антарктиде, и охотятся на пингвинов. «Удивительный факт, – рассказывает Боб Питмен, – заключается в том, что косатки, по всей видимости, питаются только грудными мышцами и выбрасывают остальное». Косатка из моря Росса, самая маленькая из всех известных нам (самцы достигают размера только двадцать футов и весят в три раза меньше, чем более крупные родственники), проникает в длинные (до мили) трещины во льду и охотится на антарктического клыкача (его продают как чилийского сибаса), который может весить до двух сотен фунтов. В Северном море косатки сгоняют косяки сельди в плотную массу. Есть и иные типы китов-убийц.

Итак, резюмируем. Раньше косаток считали одним видом, распространенным по всему миру. Теперь, похоже, выясняется, что их около восьми типов с разной пищевой специализацией и, скорее всего, это разные виды. И самый большой сюрприз: одни из самых больших неизвестных видов животных на Земле прятались на самом виду. Удивительно.

До самого ужина система гидрофонов продолжала передавать только неопределенный шум моря, безжизненное шипение; этот звук рассеивался подобно атомам в межзвездном пространстве. Когда мы слышим рев проплывающей моторной лодки, Кен небрежно замечает:

– Он распространяется на расстояние от одного до четырех километров и достигает громкости ста шестидесяти пяти децибел.

Звук лодочного мотора сначала усиливается, потом затихает, и мы снова слышим только статический шум.

Человеческое ухо слышит звуки частотой от сорока-пятидесяти герц до двадцати килогерц. Самые низкие басовые ноты в музыке – от восьмидесяти до ста герц. Человеческая речь занимает диапазон от пятисот герц до трех килогерц. «Частота настройки» косаток – звук, который они слышат лучше всего, – составляет приблизительно двадцать килогерц. «Они могут слышать и на других частотах, но это самая для них комфортная», – говорит Кен. Их сонар работает в этом диапазоне, «потому что здесь можно получить очень хорошее разрешение». Большинство людей не способны услышать звук такой высоты.

Мы генерируем звук с помощью струи воздуха, а потом нам нужно снова вдохнуть. И говорим с помощью рта. У дельфинов все по-другому. Дельфин с силой прогоняет воздух через носовые проходы внутри головы, а затем – это очень необычно – генерирует и усиливает колебания посредством специальных «акустических линз», округлых жировых отложений в области лба (отсюда округлая голова, по форме напоминающая дыню). Звук выходит из головы дельфина в виде направленного луча.

Слух дельфинов устроен еще более необычно. Звуковые колебания воспринимаются жиром в полостях нижней челюсти и передаются во внутреннее ухо. Думаю, можно сказать, что челюсти дельфинов выполняют ту же роль, что ушные раковины у других млекопитающих, улавливая звук. Только делают это другим способом.

У использующих эхолокацию зубатых китов – дельфинов (в том числе, конечно, косаток), морских свиней и кашалотов – в органах слуха в три раза больше нервных волокон, чем у сухопутных млекопитающих. Их слуховые нервы толще любых нервов всех живущих на нашей планете существ. Зачем им это? «Для передачи большого количества акустической информации с очень высокой скоростью», – говорят ученые. По сравнению с их мозгом наш работает как очень медленный модем. Некоторые дельфины способны менять частоту своего сонара, если звуковой диапазон, который они обычно используют, сильно зашумлен. Это похоже на переключение приемопередатчика на другой канал, если текущий канал занят другими. Одновременно дельфины утратили те нервные волокна в мозгу, которые у других млекопитающих отвечают за обоняние. Возможно, они совсем не различают запахи.

Огромные «гладкие» киты могут, подобно слонам, издавать очень низкие звуки, не воспринимаемые человеком. Но слон удивился бы, узнав, что кит способен делать со звуком. Громкость звука больших китов сравнима с шумом среднего по величине судна. Мы их не слышим, потому что частота слишком низка. Но киты, разделенные огромным расстоянием, слышат друг друга. Такие киты, как финвалы, способны мигрировать «вместе», оставаясь на расстоянии сотен миль; инфразвук позволяет им не терять связь во время путешествий. Звуки животного царства – это настоящая симфония из миллионов частот, но мы способны воспринимать лишь ее крошечный срез.

После ужина, перед сном, когда компьютеры уже выключены, мы сидим на кухне Кена и просто болтаем за бокалом вина, и вдруг сквозь белый шум из маленьких динамиков пробивается одиночный свист. Мы мгновенно умолкаем.

На нас медленно наплывают звуки. Тихая ночная кухня заполняется скрипом, журчанием, вздохами, жужжанием, свистом, воем и визгом. Как будто за дальним поворотом пустой темной дороги заиграл диксиленд. А потом все ближе и громче.

Двадцать минут они плыли мимо нас в темноте, свистя и чирикавая, словно птицы в джунглях. Звуки были уверенными и энергичными, со взлетами и падениями крещендо и диминуэндо. Удивительное чувство – сознавать, что такие существа живут рядом с нами. Затем звуки стали затихать. Когда до нас долетели последние ноты этой живой музыки, я осознал, чего мы лишимся, если не сумеем сберечь этих животных.

Шипение белого шума, который вновь обволакивает нас, как будто меняется. Теперь в нем таится возможность. Такое ощущение возникает у хорошего рыбака, держащего еще неподвижную леску; предчувствие, что в любую секунду что-то может произойти, наполняет его терпением. Можно сказать, что киты меня заморозили; я попался на крючок.

Сексуальные гиганты

Утром Кен спускается вниз в халате и бодро сообщает:

– У нас есть кофе. И киты!

Он настроил приемник на гидрофоны в Лайм-Килн, в нескольких милях к югу от нас. Из стоящих на подоконнике динамиков льется пестрая смесь воя, свиста и уханья...

Кто это?

Кен поднимает палец, призывая к тишине.

– О... здесь стадо К; слышишь это жалобное мяуканье, словно пищат котята? Да, там теперь они не одни. Сейчас скажу. – Кен прислушивается. – Стадо Д, – сообщает он. – Крики Д и Л больше похожи на гудки. – Снова пауза. – Ну вот, я слышу Д, К и Л – все три стада!

Мы выходим из кухни на террасу и вглядываемся в воды пролива. Никого. Но затем из-за мыса к югу от нас, выстроившись широкой дугой, появляются косатки, они энергично разрезают покрытые белыми барашками волны. Большие черные плавники, похожие на пиратские флаги, окружены облаком брызг от выдыхаемого воздуха. Это большое стадо косаток, даже на таком расстоянии они выходят за края поля зрения моего бинокля.

– Ничего себе – там, наверно, шестьдесят или даже семьдесят пять китов!

– Возможно, они *все* там, – взволнованно говорит Кен.

И действительно, все косатки из трех оседлых стад, которых когда-либо видели в этих водах – Д, К и Л, – направляются в нашу сторону.

– Это суперстадо! – восклицает Кен.

Моя квалификация не позволяет оценить поведение китов, но мне кажется, что они пребывают в хорошем настроении.

– Когда собирается суперстадо, встречаются очень старые и очень молодые особи, – рассказывает Кен. – Самки, не видевшие друг друга много месяцев, держатся вместе несколько дней подряд и болтают, словно хотят поговорить о том, что делали зимой. Молодежь кувыркается и гоняется друг за другом.

Во время таких встреч они играют и спариваются. Они не слишком строги с потомством, и, как и у многих других дельфинов, их игры носят взрослый характер. Молодые самцы касаток вовлекаются в сексуальные игры еще в раннем детстве.

– Даже однолетки, – говорит Кен, – вскоре после того, как отлучаются от матери, часто играют со своими маленькими пенисами.

Взрослые самцы также могут устраивать любовные игры друг с другом.

– Мы видели группы парней, которые играли десятиметровыми половыми членами друг друга.

Подобно другим дельфинам, они часто вступают в контакт с особями одного с ними пола, используя плавник или рыло. Многие живущие на свободе дельфины мастурбируют с помощью разных предметов, и Кен даже наблюдал, как возбужденные косатки терлись о его лодку. Очень энергично, но не агрессивно.

Когда Дайана Рейсс опустила в бассейн большое зеркало, семилетние самцы бутылконосого дельфина, Пэн и Дельфи, подплыли к нему и начали смотреть на себя, имитируя половой акт друг с другом. (Бутылконосые дельфины больше всех других существ склонны к однополой любви.) Как отметила Дениз Херцинг, «дельфины любят секс и часто им занимаются».

Самки косаток начинают жить половой жизнью в подростковом возрасте – и не прекращают до самой смерти.

– Очень интересно наблюдать, как неспособные к деторождению бабушки начинают тереться о самцов, когда проплывают мимо них, – рассказывает Кен. – В их версии «кугуара» более старая самка косатки, уже в менопаузе, вовлекает молодых самцов в сексуальную игру. Сгодится любой похотливый парень. Даже совсем молодой, пяти или шести лет. Самки возбуждают самцов. Мы не видели настоящий половой акт, а вот любовные игры – часто. Косатки переворачиваются на спину, и можно увидеть, как они возбуждены. Здесь гораздо больше секса, чем репродукции. Они – сексуальные гиганты, иначе не скажешь.

На Земле больше нет существ, образующих такое сообщество, как оседлые, питающиеся рыбой косатки с северо-востока Тихого океана. Как и у слонов, основной единицей сообщества у них служит семья, возглавляемая старшей самкой, матриархом, и состоящая из ее детей и

детей ее дочерей. Существенная разница: молодые слоны остаются в семье, пока не повзрослеют, а косатки – всю жизнь. (Они находят себе пару, когда общаются с другими семьями, но вскоре возвращаются к матери.) Связь между матерью и ребенком остается очень сильной на протяжении всей жизни. На самом деле ни у одного из известных нам видов животных дети – дочери и сыновья – не остаются с матерью на протяжении всей жизни.

Как и у слонов, матриарх, принимающий решения, знает все, что нужно для выживания семьи, в частности географическую информацию – маршруты и проливы между островами, реки, где собирается лосось в сезон нереста, и так далее. Очень часто она плывет впереди всех. Кен предполагает, что матриарх принимает оценочные решения, например «здесь мало рыбы; давайте посмотрим, как обстоят дела в реке Колумбия». Такое решение может повлечь за собой путешествие продолжительностью в несколько дней; косатки проплывают до ста двадцати километров в день, исследуя обширные области.

Голосовые сигналы играют необычную, но важную роль на следующих уровнях общественной организации оседлых косаток. У всех китов есть общие звуковые сигналы. Но некоторые сигналы характерны только для конкретных групп. Несколько семей, использующих небольшое количество особых сигналов, незнакомых другим семьям, образуют сообщество под названием «стадо». (Помощник Кена, Дэйв, уверяет меня: «Это совсем разные звуки, даже для нетренированного уха».) У каждого стада оседлых косаток есть от семи до семнадцати характерных сигналов. Все члены стада пользуются одним и тем же набором – причем полным. Разные стада могут иметь совпадающие звуковые сигналы, но ни в коем случае не весь набор.

Таким образом, стадо косаток состоит из нескольких семей, которые регулярно общаются – точно так же, как это происходит в слоновьем стаде. Семьи косаток часто мигрируют независимо друг от друга, но стада – это реальные, сплоченные общественные единицы. Например, можно наблюдать, как семьи стада Д перемещаются к устью реки Фрейзер, а стада К – в пролив Розарио.

Следующий уровень – кланы, состоящие из нескольких стад. Их члены пользуются еще одним набором общих звуковых сигналов,

отличных от звуковых сигналов других кланов. Клань, которые общаются между собой хотя бы иногда, называются «сообществом». Сообщества *не* общаются с другими сообществами. Здесь, на северо-западе, есть два отдельных сообщества, северное и южное. Около восьмидесяти косаток из стад Д, К и Л живут на юге. Обычно они мигрируют от нижней оконечности канадского острова Ванкувер до калифорнийского Монтерея. Северное сообщество обжило пространство от острова Ванкувер до юго-восточного побережья Аляски: шестнадцать стад насчитывают около двухсот шестидесяти особей.

Еще одна странность заключается в том, что соседние сообщества питающихся рыбой косаток не смешиваются друг с другом, и причины этого, по всей видимости, исключительно культурные – а именно выученные привычки, согласно которым они поддерживают свою странную сегрегацию. Иногда члены северного и южного сообществ охотятся в нескольких сотнях метров друг от друга – но никогда не смешиваются. За этими косатками пристально наблюдали на протяжении нескольких десятилетий, и, если бы они смешивались друг с другом, наблюдатели заметили бы это. Анализ ДНК показывает, что генетически эти соседи относятся к одному виду. Тем не менее стандартный *поведенческий* признак разных видов состоит в том, что «две популяции не скрещиваются друг с другом» – именно так обстоят дела у косаток.

Возможно, мы наблюдаем процесс формирования двух отдельных видов. Если косатки будут упорно избегать друг друга и оба сообщества выживут (сейчас южное находится под угрозой исчезновения), то два разных сообщества могут превратиться в два разных вида. (Проверим через сто тысяч лет.) А пока единственное видимое различие между ними – культурное: голосовые сигналы. Все остальное, похоже, общее, в том числе взаимное нежелание общаться друг с другом. Подобная сознательная сегрегация стабильных культурных групп – исключительное явление, и исследователи утверждают, что ее аналоги можно встретить только среди людей.

Понятно? Гринды, живущие на Канарских островах, тоже делятся на стада оседлых (их видят часто) и бродяг (они появляются редко), которые не смешиваются. Кашалоты образуют большие, тоже не смешивающиеся между собой клань. В Тихом океане, например,

исследователи идентифицировали шесть «акустических кланов», различающихся по спектру издаваемых звуков; каждый клан охватывает тысячи километров, каждый включает десять тысяч кашалотов. Ученые не знают других устойчивых культурных групп такого трансокеанского масштаба. У бутылконосых дельфинов есть две разновидности: одни держатся вблизи берега, другие предпочитают открытое море. Их ареалы обитания пересекаются, однако они не скрещиваются между собой. Это соответствует определению «разных видов», однако они тоже не признаны таковыми. Пятнистые прodelьфины и длиннорылые прodelьфины тоже существуют в разных «формах». Они все живут рядом с нами, они большие, они умные – но мы их почти не знаем.

Подведем итог: социальная структура у косаток гораздо более сложная, чем у шимпанзе. И более мирная. Несмотря на свои размеры и острые зубы, при встрече они либо общаются, либо расходятся. Исследователей давно удивляло отсутствие агрессии среди живущих в природе косаток. Помощник Кена, Дэйв Эллифрит, однажды видел, как два самца столкнулись с громким стуком, а затем каждый поплыл своим путем. И это все? Я настаиваю на еще одном примере агрессии, Дэйв говорит мне, что как-то раз наблюдал, как самка пыталась отдохнуть, а детеныш все время ее теребил. Мамаша ткнула малыша головой, как бы говоря: «Оставь меня в покое!» Вот и вся агрессия, которую он видел за двадцать с лишним лет наблюдений. Александра Мортон, несколько десятилетий наблюдавшая за косатками, пишет о синхронном дыхании членов семьи, о том, как все киты постоянно касаются друг друга, когда проплывают мимо, – гладят плавником по боку или льнут всем телом, о том, что ни одна косатка не имеет подчиненный статус и не считается второсортным членом сообщества. Она пишет о тесной взаимосвязи между матерями и детьми и отмечает «дружелюбие и миролюбие» косаток.

Разная внешность, разные языки, разные культуры и семейные ценности... Если бы не отсутствие жестокости и агрессии по отношению к себе подобным, то мы могли бы считать косаток людьми. Некоторые коренные народы именно так и думают. Наверное, они интуитивно понимают, что устойчивые, сплоченные, самостоятельные группы косаток аналогичны человеческому обществу. Возможно, они правы.

Звуки, которые издает суперстадо резвящихся косаток, смолкают – это означает, что они направляются к нам. Мы продолжаем наблюдать. Они приближаются на большой скорости – впечатляющая картина. Когда косатки оказываются прямо напротив дома, ближайшее животное находится всего в полумиле от берега. Расположившись на расстоянии от пятнадцати до тридцати метров друг от друга, они растянулись в цепочку длиной не меньше полутора километров, словно держали бредень; все они посылали сигналы эхолокации. Часть осталась позади, в проливе. Внезапно все ближние к берегу косатки одновременно нырнули. Я представил, как они быстро сжимают кольцо вокруг косяка лосося, по очереди атакуя рыбу, глотая ее и делясь с товарищами. Не прошло и минуты, как несколько животных появляются на поверхности; громадные спинные плавники окружает облако брызг от выдоха. Один самец кружится на месте, высунув голову из воды, словно проверяя, сколько его товарищей тоже всплыли. Выныривают еще несколько косаток и сбиваются в плотную группу. Чайки пикируют к поверхности воды, подбирая остатки рыбы. Похоже, успешная охота привела косаток в хорошее настроение; они плескались, общались друг с другом и выглядели спокойными.

Кен переключается на другой блок гидрофонов, к северу от нас, и сразу же раздаются голоса плывущих на север китов – такое впечатление, что мы вошли в караоке-бар. Возникает вопрос: если у косаток такая сложная речь и такой сложный мозг, значит ли это, что они передают сложные вещи? Похоже, ответ неоднозначен. И да и нет. Дельфины способны воспринимать синтаксис таких сложных предложений, как «Коснись фрисби хвостом, а потом перепрыгни через него». Дельфины не выполняют дурацких команд. Они могут запомнить несколько десятков слов человеческого языка и понимают короткие предложения. Но реальный мир дельфинов, их общество ставят перед ними гораздо более сложные и важные задачи, чем человек и несколько игрушек.

Дельфины немного овладели языком людей, выучив знаки и символы, которые используют исследователи в бассейне, но мы так и не разгадали их язык и не выяснили, как с помощью «дельфиньих звуков» поговорить с ними об их делах. Разговаривают ли они друг с другом, дают ли друг другу указания, рассказывают ли истории? Мы

не знаем. А что они думают? Мы не знаем. Что они говорят? Мы не знаем. Может, пора начать учиться?

Подобно лепету наших младенцев, звуки, издаваемые маленькими дельфинами, хаотичны, но по мере взросления животного они становятся более упорядоченными. В возрасте от месяца до двух лет у бутылконосых дельфинов, атлантических пятнистых прodelьфинов и других видов вырабатывается индивидуальный «опознавательный свист». Опознавательный свист – это имя, которое они себе придумывают. Этот звук индивидуален, и дельфины никогда его не меняют. Так дельфины сообщают о себе.

Услышав свой опознавательный свист от сородича, дельфин обязательно отвечает. Однако он не отвечает на чужой опознавательный свист. Другими словами, они называют друг друга по имени и отзываются, услышав свое имя. Дельфины зовут своих близких друзей – похоже, ни одно млекопитающее на это не способно (насколько мы знаем). Дельфины, разделенные расстоянием более пятнадцати километров, при благоприятных условиях могут слышать друг друга. Атлантические пятнистые прodelьфины, называя друг друга по имени, собираются в группу. Когда в море встречаются две группы, они обмениваются именами (но, насколько нам известно, не телефонными номерами).

Самки бутылконосых дельфинов всю жизнь остаются в группе своей матери. Они формируют опознавательный свист, отличающийся от опознавательного свиста матери, и поэтому их легко распознать, когда они передвигаются в одной группе. Опознавательный свист молодых самцов, которые покидают родную группу, похож на опознавательный свист матери.

Недавно исследователи поняли, что разные виды летучих мышей тоже издают звуки, в которых есть индивидуальные имена. Например, европейская летучая мышь, *Pipistrellus nathusii*, подает сигнал, состоящий из нескольких частей. Если перевести ее песню на человеческий язык, она выглядит примерно так: «Эй, я *Pipistrellus nathusii*, самец номер семнадцать, я принадлежу этому сообществу, у нас одна социальная идентичность, летите сюда»^[92]. В мире птиц разные виды попугаев используют опознавательный свист для идентификации соседей и отдельных особей. Некоторые исследователи считают, что это свойственно всем видам попугаев – а

их больше трехсот пятидесяти. «Подобно тому как люди дают имена младенцам», воробьиные попугайчики дают имена своим птенцам, которые потом пользуются ими, чтобы представить себя. Австралийские прекрасные расписные малюры учат неоперившихся птенцов паролю, и «чем лучше те выучивают пароль, тем лучше их кормят». Конечно, разница между дельфинами и воробьиными попугайчиками огромна, и поэтому в языке дельфинов должно быть много такого, чего мы еще не знаем.

Разумеется, собаки и другие животные распознают свои имена. Наша маленькая сообразительная Чула знает, кого искать, когда я говорю: «Ищи Джуда» (ее названного брата) или «Ищи маму» (хозяйку, которая о ней заботится – должен признаться, обо мне тоже). Они понимают такие слова, как «вода» или «игрушка». И конечно, «угощение». Когда наш щенок Эми выучила слово «игрушка», она не просто хватала ближайший предмет, например туфлю или носок, а искала свои игрушки, в коробке или на полу, демонстрируя, что она понимает концепцию, включающую несколько разных предметов, но исключаящую многие другие, – то есть *категорию*.

Дельфины помнят опознавательный свист друг друга всю жизнь. В эксперименте, который это доказал, живущим в неволе бутылконосым дельфинам давали послушать запись опознавательного свиста особей, с которыми они были вместе двадцать лет назад. Дельфины узнали их и ответили на призыв, несмотря на то что были знакомы друг с другом совсем недолго, прежде чем их разлучили. Исследователь Джейсон Брук пришел к выводу, что дельфины могут помнить друг друга всю жизнь. Это первое формальное исследование, продемонстрировавшее социальную память животных, сохраняющуюся двадцать лет. Кроме того, многие человекообразные обезьяны, слоны и представители некоторых других видов проявляли искреннюю радость, когда после многолетней разлуки вновь встречались с товарищами или людьми, которые о них заботились, – ролики с такими трогательными сценами можно найти в интернете. Осиротевших слонов привезли из «Фонда Шелдрика» в Найроби в Национальный парк Тсаво, и они встретили там живущих на свободе подрожденных сирот, с которыми были знакомы по питомнику. Сотрудник фонда, Джулиус Шивега, объяснял мне: «Встретившись, слоны скажут: „О... это ты. Я бы тебя не узнал. Ты вырос таким

большим!“ Совсем как люди, которые не виделись с тех пор, как были детьми».

Другое зрение

Что-то в дельфинах – а в действительности, в нас самих – заставляет нас думать, что они лучше, чем мы. Возможно, мы стыдимся своих недостатков и хотим верить, что на свете существует что-то или кто-то более совершенный, на небе или в море. Не стоит так волноваться: в мире полно живых существ, которые лучше нас. В том числе некоторые люди. Кроме того, как постоянно объясняют мои собаки, многие важные вещи говорятся без слов. Возможно, дельфины в чем-то действительно лучше нас – но не в умении разговаривать.

Судя по тому, что нам известно на сегодняшний день, свист дельфинов, по всей видимости, передает простую и повторяющуюся информацию, а не сложную, конкретную и структурированную; у них нет языка с обширным словарем и с синтаксисом. Но те немногие, кто любит дельфинов – включая меня, – не хотят это признать. Издаваемые дельфинами звуки кажутся такими сложными и разнообразными.

И мы ждем, слушаем, надеемся узнать больше.

Некоторые люди тратят уйму времени, слушая китов, – наверное, это что-то говорит о людях или китах. Или о тех и других. В 70-е годы XX века ученые поняли, что песни горбатых китов структурированы. Это может показаться странным, но самцы, приплывшие в места спаривания из разных мест, разделенных тысячами километров, пели одну и ту же песню. Песня горбатого кита включает десять разных следующих одна за другой тем, каждая из них составлена из повторяющихся фраз из десяти различных нот длительностью около пятнадцати секунд. Вся песня длится около десяти минут. Затем кит повторяет ее. В сезон ухаживания киты поют часами. В каждом океане своя песня, которая меняется по прошествии месяцев и лет, но меняется одновременно у всех китов – каким-то образом работа над песней никогда не прекращается, причем в ней участвуют все.

Иногда эти изменения внезапны и радикальны. В 2000 году исследователи объявили, что песня горбатых китов у восточного побережья Австралии была «быстро и полностью заменена» песней горбатых китов из Индийского океана, у западного побережья континента. По всей видимости, несколько «иностранцев»

переместились с запада на восток и их песня мгновенно стала «хитом» – вскоре ее стали петь *все* киты восточного побережья. «Такие революционные изменения беспрецедентны в голосовых культурных традициях животных», – писали исследователи. Больше двадцати лет наблюдений свидетельствуют, что если какая-то фраза исчезает из песни, то больше не появляется.

Что означают эти песни? Исследователь Питер Тайак говорит: «Наверное, за музыкальные особенности песен самцов мы должны благодарить развитие эстетического вкуса у многих поколений самок горбатого кита». Кстати, уже проданы миллионы записей песен горбатых китов. Нам близка их эстетика. Возможно, это величайшая загадка, а также убедительное свидетельство сходства наших разумов.

Группа косаток может рассредоточиться на площади более трехсот восьмидесяти квадратных километров – и поддерживать контакт с помощью звука. Через гидрофоны я слышал их чириканье, свист, гудки, вздохи и звуки, которые похожи на шлепки мокрых ладоней по воздушному шару. Большинство сигналов характеризовалось резкой сменой частот, что выделяло их на фоне шумов. Какую песню поют косатки? Какую эпическую поэму собственного сочинения декламируют? Если шифр и существует, никому еще не удалось его разгадать. Разве что Кену.

– С момента первой записи, в 1956 году, – рассказывает он, – киты снова и снова повторяли одно и то же. Я подумал: разве им больше нечего сказать? Сомнительно, чтобы они говорили: «Там большая рыба» – или что-то в этом роде. «Добыча» или «привет»? Тоже не похоже.

Каждый из сигналов можно услышать при общении косаток, независимо от того, чем они заняты. Тем не менее Кен уверен, что «они знают – с первых же звуков, – кто это и о чем идет речь».

– Я уверен, что для китов их голоса такие же разные и узнаваемые, как наши – для нас. Абсолютно уверен, что у них есть имена, как у дельфинов, и прямо сейчас в том, что мы слышим, повторяются эти опознавательные сигналы.

Многое можно передавать эмоциями.

– Например, сигнал «*ии-ра-и, ии-ра-и*», – говорит Кен. – Означает ли это что-то конкретное? Или смысл передается степенью эмоциональности? Когда стада соединяются, ты чувствуешь их

душевный подъем, волнение – очень похоже на *вечеринку*. Когда они возбуждены, сигналы становятся выше и короче – другими словами, это пронзительный визг.

Возможно, у сигналов отсутствует синтаксис, но в них содержится информация: кто, где, какое настроение и, вероятно, что-то про пищу. После звука «*питууу*» косатки начинают действовать согласованно («Сейчас делаем это, давайте вместе»); «*вии-оо-ууо*» – это сигнал спокойствия и непринужденного контакта («Как у нас дела – хорошо? Хорошо»). Этого достаточно для поддержания координации, единства, групповой идентичности и групповой целостности – на десятилетия.

Используются ли сигналы, которые мы слышим, в качестве сонара для поиска рыбы?

– Нет, для этого у них есть другие звуки. – Кен быстро щелкает языком. – Иногда из динамиков доносятся такие щелчки, это значит, что косатки «ищут» рыбу.

Щелчки возвращаются в виде эха, которое мозг может использовать для извлечения информации. С помощью своего сонара дельфины способны различить шарик от настольного тенниса на расстоянии в сотню метров – большинство людей так не сможет. Дельфины способны следить за движением быстро плывущей рыбы и ловить ее, избегая препятствий и двигаясь на большой скорости. Щелчки очень быстрые, длительностью всего десять миллисекунд, до четырехсот импульсов в *секунду*.

Серия щелчков у оседлых косаток длится от семи до десяти секунд, и ее называют «щелчковым рядом». Оседлые касатки издают щелчковые ряды в двадцать семь раз чаще, и длительность у них в два раза больше, чем у бродяг. Бродяги скупы на щелчки. Иногда они издают всего один, более тихий, щелчок. Тюленям и морским свиньям сложно различить одиночный щелчок на фоне непрерывного шума океана, состоящего из тихого треска – так «потрескивают» креветки и другие обитатели моря, словно в океане что-то жарится на сковороде. Жак Кусто называл океан «миром безмолвия», но в воде звук распространяется гораздо лучше, чем в воздухе, и многие морские животные используют высокую звуковую проводимость океана в своих целях. Или становятся ее жертвой.

Косатки не только «щелкают», они всегда прислушиваются к плеску или звуку дыхания. Таким образом, между умными косатками и их добычей, не менее умными дельфинами, идет постоянная акустическая гонка вооружений. Косатки, которые охотятся на млекопитающих, иногда преследуют морских свиной Далля. Морские свиньи сами используют сонар – его звук напоминает звонок колокольчика. Но частота их щелчков выше, чем верхняя граница слуха косаток. Такое разделение могло появиться и поддерживаться с помощью очень простого механизма: морских свиной с низким голосом, который могли слышать косатки, попросту съедали. А особи с высоким голосом выживали.

О существовании сонара у животных люди узнали лишь недавно. Способности к эхолокации у дельфинов исследователи обнаружили только в 1960 году. В 1773-м итальянский натуралист Ладзаро Спалланцани выяснил, что в абсолютно темной комнате совы становятся беспомощными – в отличие от летучих мышей. Потом он с удивлением обнаружил, что ослепленные летучие мыши ориентируются так же хорошо, как и зрячие. Но почему? В 1798-м швейцарский исследователь Шарль Жюрин залепил воском уши летучих мышей, и они начали наткаться на препятствия. Он был озадачен – летучие мыши считались немыми. А когда он объявил, что слух у летучих мышей связан с их способностью ориентироваться в пространстве, его предположение было отвергнуто и забыто почти на сто лет. (История неприятия новых идей, которые впоследствии оказываются верными – в том числе идея, что крошечные «микробы» могут становиться причиной инфекции и врачам следует мыть руки, – должна предупредить нас, что не стоит с ходу отвергать то, что кажется абсурдным. Киты способны проделывать на первый взгляд невероятные вещи, недоступные нашему пониманию, – подробнее о них в следующих главах.) В 1912 году инженер сэр Хайрем Максим предположил, что летучие мыши издают звуки, которые не слышит человеческое ухо; источником этих звуков он считал крылья.

В 1938 году «загадку Спалланцани» решили два исследователя из Гарварда, Дж. У. Пирс и Дональд Гриффин, которые с помощью специального микрофона и приемника записали звуки, испускаемые летучими мышами, – за пределами человеческого слуха. После того как они доказали, что летучие мыши слышат звуки в этом диапазоне,

человечество само словно обрело слух. Во время Второй мировой войны были изобретены аналоги эхолота, а также радары для военных целей. Приблизительно через десять лет после открытия Пирса и Гриффина Артур Макбрайд из водного парка «Марин Студиос» (в настоящее время «Маринлэнд») во Флориде заметил, что в чрезвычайно темные ночи бутылконосые дельфины способны уходить от мелкоячеистых сетей и видеть в них бреши. В 1952 году два исследователя впервые предположили, что «морская свинья, подобно летучей мыши, умеет ориентироваться среди объектов окружающей среды с помощью эхолокации». Затем экспериментаторы доказали, что дельфины могут слышать звуки, частота которых слишком высока, чтобы восприниматься человеческим слухом. По мнению куратора парка «Маринлэнд» Форреста Вуда, живущие в неволе дельфины с помощью эхолокации изучают предметы в своем бассейне.

Только в 1956 году ученые сообщили, что живущие в неволе дельфины испускают звуковые импульсы, подплывая к мертвой рыбе, что дельфины способны видеть прозрачные стеклянные панели, которые передвигали по их бассейну, и что в полной темноте они могут избегать столкновения с препятствиями, а также выбирать из двух предложенных рыб ту, которая им больше нравится. (И что еще удивительнее, многие живущие на воле дельфины охотятся по ночам – преследуют и ловят маленьких, проворных рыб.) Когда в 1960-м исследователь Кеннет Норрис закрыл глаза дельфинов непрозрачными присосками, животные плавали точно так же, как раньше: испускали звуковые импульсы, огибали подвешенные в воде предметы, находили путь в лабиринте. С 1960 по 1990 год другие исследователи показали, что дельфины, белухи, морские свиньи и некоторые киты, которым точно так же закрывали глаза, могут подбирать брошенную им рыбу и игрушки, огибать препятствия – и вообще, похоже, отсутствие зрения им не очень мешает. Теперь мы знаем, что кашалоты, косатки, другие дельфины и летучие мыши действительно ориентируются с помощью звука. На протяжении всей своей истории люди понятия не имели о мире живых сонаров.

Череп и мозг дельфина до такой степени приспособлены к формированию и анализу подводного звука, что каждое животное превращается в совершенную станцию подводного слежения. Но мы, люди, тоже очень хорошо умеем анализировать звук – только по-

своему. Мы слушаем записи оркестров или рок-групп и всего лишь по вибрациям, исходящим от динамиков, без труда воссоздаем стройное звучание скрипок, духовых, клавишных и ударных инструментов, узнаем гитаристов и певцов. Вероятно, киты слышат голоса своих друзей и родственников примерно так же, как мы – своих. В конце концов исследователи, слыша их разговоры, без труда узнают то или иное стадо.

Из-за того что мы относимся к животным, ориентирующимся с помощью зрения, нам почти невозможно представить навигацию посредством сонара. Но можно провести прямую аналогию со зрением. Когда свет отражается от объектов, часть его достигает наших глаз и мозг составляет для нас удивительно подробную картину окружающего мира. Другими словами, мы видим эхо света.

Представьте себя в темной комнате с фонариком в руке; исходящий от вас луч движется, помогая рассмотреть окружающее. Теперь представьте, что вместо светового луча ваше тело вырабатывает звуковой луч, а мозг по-прежнему может подробно проанализировать все, от чего он отражается. Это не изображение – то есть не визуальное представление, – но его вполне достаточно, чтобы точно описать окружающую обстановку.

Оказывается, если сигналы сонара замедлить до такой степени, что они становятся доступными человеческому слуху, люди по звучанию эха способны определить, из чего сделаны используемые в эксперименте мишени – из стали, бронзы, алюминия или стекла – с точностью от 95 до 98 %. Оказывается, человеческое ухо очень чувствительно. Вспомните, с какой легкостью мы узнаем голоса по телефону или поддерживаем разговор в шумном ресторане.

Мы не можем представить, как животные используют сонар, не проводя аналогии со светом. Предполагается, что они слышат эхо и составляют нечто вроде звуковой карты, настолько точной, что им достаточно одного слуха, чтобы найти и поймать резвую рыбу. Мы воображаем, что киты с помощью сонара создают такую же сфокусированную звуковую «картину», как мы с помощью зрения. Но мне интересно: *действительно ли они видят свой сонар.*

Подумайте вот о чем: видят не глаза, а мозг. И еще одно: в свете нет ничего изначально «видимого».

То, что мы называем «видимым светом», представляет собой узкий диапазон длин волн, очень маленькую часть электромагнитного спектра. Излучение за границами диапазона, воспринимаемого человеческим глазом, не менее реально – это гамма-лучи, рентгеновские лучи, инфракрасный свет, ультрафиолетовый свет и так далее. Мы не можем их видеть, потому что наш глаз в ответ на них не вырабатывает электрические импульсы и не посылает их по оптическим нервам в мозг. Однако некоторые виды животных способны видеть в ультрафиолетовом и инфракрасном свете. Разные насекомые, рыбы, амфибии, рептилии и птицы – а также млекопитающие, включая некоторых грызунов, сумчатых, кротов, летучих мышей, кошек и собак, – воспринимают ультрафиолетовые лучи. Некоторые змеи с помощью ямок на голове – не глаз, – которые играют роль камеры-обскуры, *визуализируют* инфракрасную энергию, изучаемую теплыми телами.

Восприятие света и визуализация происходят в мозгу человека. Закрыв глаза, мы «мысленным взором» видим свои желания и страхи; яркие картины посещают нас во сне. Вы можете рыться в корзине, представляя знакомый предмет, который «ищете». Когда ваши веки открыты, глаза вырабатывают импульсы, соответствующие рисунку электромагнитных волн, попадающих на сетчатку, а затем посылают импульсы по оптическим нервам в зрительные центры мозга, которые расшифровывают их; *мозг* формирует картину и представляет ее нашему сознанию, чтобы мы могли ею наслаждаться. Таким образом, на самом деле это не наши глаза «видят объект», а мозг *создает* образы на основе отраженной энергии. В электромагнитных волнах, которые мы воспринимаем как красные, нет ничего красного; восприятие света зависит от того, как наш мозг кодирует поступающие импульсы, соответствующие определенной длине волны. Видеокамера посылает импульсы по проводам к монитору, который превращает эти импульсы в картинку. Когда вы смотрите на монитор, ваш глаз, нервы и мозг делают то же самое.

Подобно свету, звук распространяется в виде волн. И подобно зрению, слух тоже создается мозгом. Электромагнитные волны, которые мы можем «видеть», мы называем «светом», а вибрации, которые можем слышать, – «звук». Выше и ниже диапазонов нашего

слуха и зрения находятся другие колебания с другими частотами, заполняющие мир, но недоступные нашим органам чувств.

А что, если мозг китов и летучих мышей, использующих отраженные звуковые сигналы, тоже создает визуальную картину? Вполне возможно. Может быть, мозг кита воспринимает нервные импульсы отраженного звука точно так же, как нервные импульсы от света, и превращает их в изображение, которое кит – или летучая мышь – в буквальном смысле видит? Звук и свет не такие разные, как может показаться. Некоторые люди *видят* определенные цвета в ответ на те или иные ноты. Это явление называется синестезией. У меня на катере установлен сонар, который посылает звуковые импульсы, затем принимает отраженное эхо и превращает в электрические импульсы, а они по проводам поступают в компьютер для обработки. Уловитель звука, провода и процессор аналогичны уху, нервам и мозгу. Обработанный сигнал эха можно преобразовать в изображение и вывести на экран. С помощью компьютера я использую сонар для того, чтобы в буквальном смысле видеть контуры дна, камни и склоны, на которых живет рыба, а также рыб в воде.

Возможно, лучше всех из людей овладел эхолокацией Дэниел Киш, ослепший в возрасте одного года и еще в детстве обнаруживший, что звук щелчков позволяет ему ориентироваться. Вероятно, его мозг перестроился на восприятие звука, потому что Дэниел сам издает щелчки, чтобы исследовать окружающую среду. Он может ехать на велосипеде в потоке транспорта (это трудно представить), и он основал общество World Access for the Blind, чтобы научить других слепых людей включать свой сонар – если можно так выразиться, звать на помощь внутреннего дельфина. Он рассказывает, что когда щелкает языком, то звуки «отражаются от поверхностей окружающих предметов и возвращаются к моим ушам слабым эхом. Мой мозг преобразует это эхо в динамические образы... Я конструирую трехмерное изображение окружающего мира на расстоянии сотен метров во всех направлениях. Вблизи я могу различить шест толщиной в дюйм. С расстояния четырех с половиной метров я распознаю машины и кусты. Дома начинают проступать примерно с сорока пяти». Все это трудно представить, и многие сомневаются, что он говорит правду. Но он не один такой, и его утверждения можно проверить. Дэниел говорит: «Многие ученики удивляются, насколько быстро

приходят результаты. Я верю, что способность к эхолокации в нас заложена... Похоже, все нейронные связи у нас уже есть; я придумал, как их активировать. Зрение не в глазах, а в мозгу».

Поэтому вполне возможно, что дельфины, такие как косатка, действительно *видят эхо*.

Никто не знает. По крайней мере, мы можем сказать о нашем общем восприятии мира следующее: по большей части мы ориентируемся на визуальную информацию, но также обладаем хорошим слухом, тогда как дельфины ориентируются на акустику, хотя обладают и зрением. Те же самые чувства, только разное распределение ролей.

Если представить очень сложные изменения на протяжении миллионов лет, в результате которых одни млекопитающие превратились в человекообразных обезьян, а другие в китов, то получается, что мы очень сильно разошлись, стали почти чужаками. Но так ли велика разница? Снимите кожу, и выяснится, что мышцы почти одинаковы, как и строение скелета. Рассматривая клетки мозга под микроскопом, мы не увидим разницы. У дельфинов и людей есть долгая общая история как животных, позвоночных и млекопитающих – одинаковые кости и органы выполняют одинаковые функции, у нас есть плацента и молоко, – и они очень похожи, если отвлечься от форм и пропорций. Как будто один человек оделся и экипировался для ходьбы, а другой для подводного плавания.

Киты практически неотличимы от нас, если забыть про внешность. Даже кистевые кости у них почти такие же, как у нас, только слегка отличаются формой и спрятаны внутри плавников. И дельфины до сих пор используют эти скрытые руки для прикосновений и успокаивающих жестов. (В любой группе длиннорылых дельфинов в любой момент времени треть особей обычно ласкают друг друга плавниками или прикасаются друг к другу всем телом – нечто вроде груминга у приматов.) У всех – от приматов до пони, пингвинов, голубей и карпозубиков – одинаково работают система кровообращения, нервная и эндокринная системы. А что внутри клеток? Одни и те же структуры с одинаковыми функциями, вплоть до амёб, секвой и шампиньонов.

Разнообразие жизненных форм поражает воображение, но, если убрать внешние различия, обнаружится еще более удивительное

сходство. Сильное укорочение задних конечностей, в результате которого киты приспособились к жизни в воде, обусловлено потерей *одного* гена. (Генетики называют его «сверхзвуковым ежиком».) В вашем организме тот же самый ген дает вам «нормальные» руки и ноги. То есть нормальные для человека. Если вы поместите рядом изображения мозга человека, слона и дельфина, то вы увидите, что сходства у них больше, чем отличий. По сути своей мы одинаковы, только долгий опыт придал нам разные внешние формы, чтобы лучше приспособиться к окружающей среде, и наделил особыми талантами и способностями. Но внешние различия – не главное. Конечно, таких животных, как мы, в мире больше нет. Но не стоит забывать, что каждое животное тоже уникально.

Разные разумы

Каждый тип косаток имеет собственное представление о том, что годится в пищу. (Тут можно провести аналогию с этническими, племенными и религиозными группами людей, для которых характерны разные пищевые привычки и табу.) Среди косаток встречаются те, кто охотится на млекопитающих, на акул, на пингвинов и на рыбу, причем некоторые специализируются только на одном виде рыб – например, чавыче, как здешние обитатели, – и редко едят другую. Если взять всех косаток, живущих в разных морях, то они едят все, от сельди до больших китов, – но ни одна косатка не питается всем сразу. Для каждого вида добычи косатки вырабатывают разную стратегию. Например, у берегов Норвегии косатки часто сгоняют целый косяк сельди в плотный шар под самой поверхностью воды, затем большая часть китов удерживает косяк на месте, описывая круги – ученые называют это «каруселью», – а остальные бьют хвостами по краям шара. Потом все косатки лакомятся оглушенной рыбой.

Бродяги на нашем северо-восточном побережье охотятся в основном на тюленей весом от полкило до девяноста килограммов, но иногда они нападают на морских львов, вес которых превышает четыреста килограммов, а острые клыки напоминают клыки гризли, только увеличенные во много раз. Пятую часть диеты бродяг составляют необыкновенно проворные морские свиньи и дельфины. Совместными действиями косатки пытаются разделить добычу на группы, а затем прижимают одну из групп к берегу. Испуганные дельфины выбрасываются на берег и погибают. При охоте на морских львов задача косаток аналогична той, которую пришлось бы решать вам, атакуя загнанную в угол кошку с помощью зубов. Я видел фотографию косатки, лишившейся глаза. Косатки могут несколько часов нападать на морского льва, пока у него не кончатся силы, после чего его можно утопить.

Однажды необычно большая группа бродяг – одиннадцать особей – направились в место под названием Куази Бэй. Александра Мортон последовала за ними. Авангард китов остановился и девять минут ждал, пока подтянутся остальные. Какое-то время они оставались на

месте и просто дышали. Затем, как по команде, косатки нырнули, изогнув спины, – это значит, что они планировали долго пробыть под водой.

Наблюдая за бродягами вместе с Кеном, я видел, что они могут оставаться под водой целых пятнадцать минут. Когда секундомер Мортон отмерил пятнадцать минут, она увидела «стену белой воды». В воздух взлетел морской лев весом килограммов четыреста пятьдесят. Мортон словно зачарованная смотрела, как часть косаток взлетает в воздух, тараня головами трех морских львов, а другие косатки бьют их тяжелыми хвостовыми плавниками. Удивленные и подавленные превосходящим противником, морские львы сгрудились, пытаясь отбиться от нападающих. Косатки – на них часто можно увидеть шрамы от зубов – уворачивались от клыков морских львов. Через сорок пять минут сражения Мортон, которая следила за событиями с помощью гидрофонов, услышала, как косатки сдирают шкуры с морских львов, весивших более полутонны, и разрывают их тела. «До того момента, – писала она, – я в полной мере не осознавала, насколько сильны косатки. Я сидела там, потрясенная, и благодарила Бога за то, что косатки никогда не направляют свою силу на человека».

Косатки редко охотятся на больших китов, но при этом проявляют невероятное упорство. Малые полосатики очень выносливы и на большой дистанции обгонят косаток. Но группа косаток может преследовать малого полосатика на протяжении нескольких часов, если считает, что есть шанс до него добраться. В Британской Колумбии исследователи наблюдали погоню двух косаток за полосатиком, который заплыл в бухту, откуда не было выхода, а затем выбросился на пляж в отчаянной попытке спастись. Больше восьми часов косатки держались поблизости; во время прилива, когда вода поднялась, полосатик вытолкнул себя еще дальше на берег. На следующее утро преследователи ушли. Но загнавший себя в ловушку кит умер. Остается только гадать, почему он в панике поставил себя в такое положение, почему выбрал неверную стратегию.

Киты запоминают маршруты миграции, следуя за матерью. Для тихоокеанских серых китов это долгое, а иногда и мучительное путешествие: шестнадцать тысяч километров от теплых лагун в Нижней Калифорнии, где они родились, на север через Алеутские острова возле Аляски и – если повезет – к арктическим пастбищам.

Они видят, знают и ведут не менее сложную жизнь, чем кочевые племена охотников и собирателей из числа людей. На всем пути, и особенно в узких проливах между Алеутскими островами, их преследуют косатки. Прежде чем утопить молодого серого кита, косатки должны отделить его от матери. Это трудное и опасное дело, потому что самки серого кита очень агрессивно защищают детенышей, нанося удары мощным хвостом. Часто серые киты защищаются тем, что держатся как можно ближе к берегу, потому что на мелководье косатки не могут утопить кита. Чтобы лишить китов их убежища, косатки иногда вцепляются в переднюю часть грудного плавника кита, оттаскивая огромное животное назад. Защищаясь от такой тактики, киты могут перевернуться на спину, чтобы сделать грудные плавники недоступными для врага.

Сила и страх. Уловки и встречные уловки.

Интересно, распространялось ли понимание косаток, что значит защищать своего детеныша – в сочетании со способностью формировать понятие – на их добычу? Другими словами, сожалели ли они после того, как убивали свою пищу? Скорее всего, нет; большинство людей не сожалеет. Факты говорят о том, что косатки тоже.

У берегов Калифорнии мои друзья, специалисты по китам и морским птицам Боб Питмен, Лайза Баланс и Сара Месник, наблюдали, как тридцать пять косаток (всем вместе им требовалось около трех тонн пищи в день) четыре часа подряд атаковали девятых самок кашалота. Теснимые превосходящим по численности врагом, кашалоты образовали круг – головы внутрь, хвосты наружу. Взрослые самки косаток атаковали их группами по четыре или пять особей, используя тактику «нанести рану и отойти», – похоже, они пытались обескровить противника, уклоняясь от ударов хвостовых плавников кашалотов. Как только косаткам удавалось отделить одного кашалота от остальных, один или два кашалота «немедленно покидали группу и, несмотря на яростные атаки косаток, занимали позиции по обе стороны отбившегося от группы животного, чтобы сопроводить его на место».

Самки косаток вели атаку, а несколько взрослых самцов держались поодаль. Но как только один уже почти мертвый кашалот перевернулся, пишут наблюдатели, «взрослый самец косатки ринулся

вперед, врезался в него и принялся с силой трясти из стороны в сторону. Затем он описал круг на поверхности воды, выбрасывая в воздух мощные фонтаны брызг, – это была демонстрация силы, которую не проявляла ни одна самка во время атак». Длина самца достигала почти десяти метров, а масса должна была составлять больше девяти тонн; десятиметровый кашалот был гораздо массивнее и весил больше тринадцати тонн. Затем произошло невероятное: другой кашалот покинул группу и, подвергая себя опасности, попытался вернуть обреченного товарища. У людей такой поступок называется героизмом.

Началась такая неразбериха, что невозможно было определить, который из двух кашалотов погиб. Но взрослый самец косатки поплыл прочь, сжимая челюстями огромного мертвого кашалота. В конечном итоге косатки убили и съели одного кашалота и ранили всех остальных, причем некоторых очень серьезно. Наблюдатели писали: «Мы подозреваем, что как минимум трое или четверо спасшихся кашалотов впоследствии умерли от полученных ран, и вполне возможно, что в результате этого нападения погибло все стадо». (Такую ситуацию невозможно – по крайней мере, для меня – назвать иначе как ужасной для *всех* участников, которые в своих действиях ограничены собственной природой и обстоятельствами даже больше, чем мы. Но именно это их оправдывает.)

В другой раз те же исследователи видели, как пять косаток направились к маленькой группе кашалотов, которые проплывали приблизительно в полумиле от них. Вероятно, кашалоты подали сигнал тревоги, потому что вторая их группа поспешила *присоединиться* к первой. Они кружились на месте; одни подняли головы и осматривались, другие били хвостами по воде, словно демонстрируя силу. Самец косатки атаковал кашалотов и, похоже, сумел укусить одного. Теперь к месту битвы на полной скорости неслись еще четыре группы кашалотов, причем одной из них пришлось преодолеть шесть километров. В течение часа основная группа значительно увеличилась за счет других и насчитывала уже около пятидесяти кашалотов. Столкнувшись с такой координацией и сплоченностью, косатки отступили^[93].

Ингрид Виссер так описывает стратегию четверки касаток, которые охотятся на дельфинов у берегов Новой Зеландии:

Косатки медленно приближаются к маленькой группе дельфинов. Дельфины уплывают прочь, но не слишком быстро, поскольку не хотят привлекать к себе внимания – а вдруг косатки не охотятся. После получасового преследования самка косатки по имени Стелс не выныривает вместе с остальными, чтобы сделать вдох, потом еще раз и еще, – она исчезает под водой на десять минут. Остальные три косатки на большой скорости приближаются к дельфинам, разрезая плавниками волны. Дельфины спасаются бегством; они выпрыгивают из воды и, едва успев коснуться поверхности, делают новый прыжок. Три косатки быстро приближаются. Внезапно один из дельфинов, плывущих впереди, взлетает вверх, словно теннисный мяч, и переворачивается в воздухе, как будто делает сальто. Стелс, ударившая дельфина снизу, по инерции тоже выскакивает из воды. Она хватается дельфина прямо в воздухе и падает, сжимая челюстями добычу. Четыре косатки пожирают дельфина.

«Я не видела, чтобы они промахивались», – прибавляет Виссер.

В свете этих свидетельств еще более странным выглядит то, что косатки не перевернули ни одной байдарки, не напали ни на одну лодку, не съели ни одного человека. Возможно, это самая большая поведенческая загадка на нашей загадочной планете.

Увидев, как солидная группа китов проплывает мимо дома, направляясь на север, и подслушав их разговоры с помощью гидрофонов, мы прыгаем в пикап и мчимся к маленькому причалу в скалистой бухте, окруженной вечнозеленым лесом и примостившимися на склонах домиками. Я сажусь в лодку Кена вместе с его помощниками, Кэти Бабиак и Дэйвом Эллифритом. Едва успев покинуть бухту, мы сталкиваемся с группой косаток численностью от пятнадцати до двадцати особей. Вблизи их размеры устрашают. В пять раз больше человека и в сто раз тяжелее. Их головы рассекают волну, и вода стекает по широким спинам, словно струя дождя с навеса. Они мчатся мимо гранитного утеса под крутым зеленым склоном горы, оставляя за собой пар от дыхания. Пораженный их красотой и скоростью, я молча смотрю, не в силах оторвать взгляд.

Впереди еще косатки. Тридцать пять особей, питающихся рыбой, – все стадо Л. Самец косатки с высоким плавником, на котором

есть впадина в передней части и две впадины сзади, – это Л-41, ему тридцать шесть лет. Самке слева от него, Л-22, сорок два года. Многие косатки живут больше пятидесяти лет. Самка Л-12 умерла в возрасте семидесяти девяти лет, в 80-е годы, а К-7 дожила, как считается, до девяноста восьми лет. Л-25 сейчас восемьдесят пять лет. Эти киты не должны исчезнуть. Но неизвестно, смогут ли они выжить.

Когда речь заходит о продолжительности жизни, Кен стучит пальцем по фотографии в своем справочнике:

– Это матриарх Д-2.

Обычно самки приносят потомство приблизительно до сорока лет, а когда начались исследования, сорок лет назад, она уже вышла из репродуктивного возраста. Ее последний детеныш, самый старый самец, умер в 2010 году, и, по мнению ученых, ему тогда было шестьдесят. Если мать произвела его на свет, скажем, в тридцать восемь, это значит, что она родилась в 1912 году.

– Вот почему мы думаем, что ей около ста лет, – говорит Кен.

Животные очень редко живут после наступления менопаузы. Такое случается, правда, когда бабушки помогают выживать более молодым членам семьи. Только у людей, кошек и короткоплавниковых гринд самки живут продолжительное время после того, как утрачивают способность к размножению. У гринд и кошек, как и у людей, продолжительность репродуктивного периода составляет от двадцати пяти до тридцати лет, а затем они живут еще около тридцати лет. А некоторые, как только что объяснил Кен, гораздо дольше. Приблизительно четверть самок в группе уже не способны к размножению. Но эти косатки не ждут смерти, они помогают детям выжить. Косатки нередко оставляют детей на попечение бабушек – точно так же, как мы.

У сообщества кошек есть довольно странная особенность – матери играют важную роль в выживании их взрослых детей. Когда умирает самка кошки, ее дети тоже начинают быстро умирать, особенно самцы. У самцов младше тридцати лет, лишившихся матери, за год смертность в три раза превышает смертность самцов той же возрастной группы, но с живыми матерями. А смертность среди самцов старше тридцати лет, лишившихся матери, *в восемь раз* выше, чем у самцов той же возрастной группы, матери которых живы. У самок младше тридцати лет не наблюдается повышение смертности

после смерти матери. Но в возрастной группе старше тридцати смертность самок, лишившихся матери, увеличивается в два с половиной раза.

Дополнительная нагрузка на огромные спинные и грудные плавники самцов, а также дополнительная пища, необходимая при их громадных размерах (их вес может достигать до девяти тонн, на треть превышая вес самок), – все это, похоже, делает их зависимыми от матерей в плане добычи пищи. Самки лишены этих недостатков, но в период кормления детенышей им нужна помощь от своих бездетных матерей. Взрослые самцы делятся добычей только в 15 % случаев – обычно с матерями. Никто не понимает это странное увеличение смертности после гибели матерей, но причина, скорее всего, в интенсивной родительской опеке. Зубатые киты – мировые чемпионы в деле заботы о потомстве. У самок короткоплавниковых гринд молоко может вырабатываться на протяжении пятнадцати лет после рождения последнего детеныша – возможно, для вскармливания чужих детей.

У бутылконосых и атлантических пятнистых дельфинов (дальнейшие исследования могут выявить и другие виды) некоторые самки *никогда* не обзаводятся потомством. Дениз Херцинг назвала их «карьеристками», потому что их роль в сообществе не предусматривает материнства. Возможно, они бесплодны. Или предпочитают однополую любовь. Но их вклад в жизнь группы чрезвычайно велик: они присматривают за детенышами. Однажды Херцинг вышла в море со своей гостьей, девятилетней девочкой. «Пятнистая, которая сама вечно нянчилась с малышами, никогда не видела меня с человеческим детенышем. Взволнованно щебеча, она плавала вокруг нас, рассматривая девочку рядом со мной», – рассказывает исследователь. (Ученые иногда называют таких нянек «тетушками», что вполне соответствует действительности.) У кашалотов няньки особенно важны в те периоды, когда мать ныряет на большую глубину; детеныши должны ждать на поверхности моря, где они могут стать легкой добычей для косаток или больших белых акул. Кашалоты переплюнули всех: самка может кормить разных молодых китов из группы. Следы молока были найдены в желудках тринадцатилетних китов.

Молодые косатки, лишившиеся матери в возрасте двух или трех лет, выживают только благодаря повышенному вниманию других

членов семьи. Самец по имени Твик (или Л-97) был еще во младенческом возрасте, когда его мать, двадцатилетняя Нутка, умерла от выпадения матки; роды убили ее. Твик еще полностью зависел от молока. У его бабушки молока не было. Твик рос слабым и худым.

– Мы видели, как его девятилетний брат ловил рыбу и пытался дать ее маленькому Твику, – рассказывает Кен.

Брат разрывал рыбу на куски и подталкивал их к малышу. Но Твик был слишком мал, чтобы их есть. Он не выжил.

Другому малышу повезло больше. Когда самцу Л-85 было три года, его мать умерла. После ее гибели заботиться о нем стал тридцатилетний брат.

– Этот трехлетний малыш всегда держался рядом с огромным самцом, – вспоминает Кен. – Они были как мать с детенышем.

Теперь Л-85 уже двадцать два года.

А вот и счастливчик Л-87. Ему двадцать один. Он выжил после смерти матери, которая умерла восемь лет назад в пятидесятилетнем возрасте. Он единственный, насколько нам известно, кто перешел в другое стадо. Несколько лет он был вместе со стадом К, а теперь его обычно видно среди стада Д.

– У него ярко выраженная индивидуальность, – с восхищением говорит Кен. – Он всегда наблюдает за лодками. Бывает, его голова внезапно появляется из воды рядом с нами – он явно играет. Ему нравится смотреть на реакцию людей. У него есть чувство юмора. Они не все такие.

Группа состоит из самок, самцов и детенышей. Точно так же, как у людей и слонов, детеныши делают семьи более активными.

– Что может быть лучше, чем дети рядом, – подтверждает Кэти.

Похоже, косатки любят детей.

– Бывало, самка с новорожденным детенышем выныривала на поверхность прямо у борта лодки, как будто демонстрировала его нам, – говорит Дэйв.

Самки косаток иногда даже оставляли детенышей у лодки, а сами удалялись на небольшое расстояние, чтобы поймать рыбу или пообщаться.

Однажды, рассказывает Дэйв, его лодка плыла рядом со стадом Д, и несколько мамаш с детенышами приблизились к ней и как будто

сказали малышам: «Вот здесь. Теперь все поиграйте у этой лодки».

– После этого четыре или пять детенышей стали резвиться вокруг лодки, а их матери отправились за едой, – говорит Дэйв. – Детеныши весело ныряли, тыкались носом в нос лодки, огибали корму. Они носились как безумные, перепрыгивали друг через друга.

Сразу после рождения детеныша несколько самок помогают ему подняться на поверхность для первого вдоха. «Самок было так много, – рассказывала Александра Мортон, наблюдавшая за родами, – что невозможно определить, которая из них мать. Все они постоянно прикасались к малышу». Кормящие матери часто переносят малышей на своем рыле. Один исследователь видел, как три косатки удерживали новорожденного в воздухе на своих носах. (Непростая задача, потому что длина новорожденной косатки может достигать до двух метров, а вес – до ста восьмидесяти килограммов.)

Все виды дельфинов тыкаются носом в детенышей, кормят их, и, хотя у них нет рук, чтобы обнять, их мозг вырабатывает такие же гормоны, как наши, их новорожденные ищут и сосут теплое молоко, а сородичи суеются рядом, волнуются и предлагают помощь. Все то же самое. Мне рассказывали, что самки дельфинов подросткового возраста, подобно подросткам у слонов и людей, «очень, очень любят присматривать за малышами или просто находиться рядом с ними».

Когда детеныши дельфинов испытывают терпение взрослых, матери и няньки догоняют и наказывают их. Люди не одну тысячу лет наблюдали, как дельфины выталкивают больных детей на поверхность, но только после появления аквалангов и начала исследований поведения мы увидели, как самка пятнистого дельфина прижимает расшалившегося детеныша ко дну! Но спокойствие наступает лишь на время; как только взрослые ослабляют дисциплину, молодежь «снова выходит из-под контроля». Ведь они просто дети.

Игра и развлечения – неотъемлемая часть их жизни. Кен видел косаток, которые забавлялись тем, что удерживали перо на носу, потом отпускали его, подцепляли спинным плавником, снова отпускали, потом ловили хвостом.

– Кит весом в восемь тонн – и играет пером, – восхищается Кен. – Просто невероятный тактильный контроль, причем на хорошей скорости! У них есть время для развлечений.

Игры могут быть разными, но все дельфины очень игривы. Игра – что вполне логично, но все равно загадочно – есть свидетельство ума. «Игра – признак разума и необходимое условие творчества, – писал психиатр Стерлинг Баннел. – Склонность к ней у китовых свидетельствует о том, что им, вероятно, знакомы не только телесные, но и умственные забавы». Молодые бутылконосые дельфины иногда выпрыгивают на пристань. В этом случае другие молодые дельфины носами сталкивают их в воду. Так наши дети резвятся в купальне.

И еще пузыри. Бутылконосые дельфины не просто пускают пузыри. Они мастерски жонглируют ими, умеют придавать им разную форму. Жонглирование пузырями требует практики. И дельфины упражняются. В основном молодые. Когда у них случайно получается кольцо из пузырей, дельфины внимательно наблюдают, как воздух поднимается к поверхности, а потом начинают совершенствовать свой навык построения колец. Потом начинают делиться своим умением, выдумывать новые трюки, подражать друг другу. Я сейчас выдую пузыри и буду смотреть, как они образуют кольца. Я закручу воду хвостом и выдохну прямо в центр водоворота. Смотри, пузырь вытягивается в круг. Что будет, если я брошу рыбу в поднимающееся кольцо? Эй – рыба вращается и тоже поднимается! А что, если я выдую пузырь вбок, а он поднимется вверх? А что, если я подтолкну воду рылом и заставлю сверкающее кольцо вращаться? Что, если я разобью кольцо? Разделю его на два маленьких? Сделаю извивающуюся водяную змею из всплывающих серебристых шариков? Все это они делают – придумывают, пробуют, изучают, вносят изменения. Причем чередуются друг с другом. Например: Я быстро плыву по дуге, делаю воронку спинным плавником, потом быстро-быстро поворачиваюсь и выдыхаю струю воздуха в воронку. Вот это да – передо мной появляются серебристые спирали. Кто может повторить? (Никто, на такое способна только фея Динь-Динь.) Получился просто некрасивый пузырь? Оттолкни его – пусть уплывает. Выдул превосходный пузырь? Попробуй повторить, чтобы второй присоединился к первому. Надоело? Нужно схватить зубами последнее кольцо, прежде чем оно достигнет поверхности, – очистим «волшебный экран». Игра окончена. По другую сторону стекла малыш, восхищенный мастерством более взрослых детенышей, тоже пытается выдуть несколько пузырей. Потом еще. Кольца не

получаются. Возможно, когда-нибудь получатся – малыш не оставляет попыток.

На Багамских островах живущие на воле атлантические пятнистые дельфины часто играют с исследователями в «а ну-ка, отними». Однажды они появились с живыми спинорогами в зубах. «Дельфины аккуратно держали их челюстями, а потом отпускали, приглашая нас схватить испуганных рыб, – писала Дениз Херцинг. – Но как только один из нас протягивал руку, дельфины демонстрировали свое превосходство в водной среде, делая рывок и хватая рыбу». Удивительно, что эти живущие на воле существа рассматривают людей как достойных товарищей для игр. Это предполагает наличие разума, осознающего разумность других существ. Дельфины на своих условиях преодолевали межвидовой барьер, сами приглашали к игре, сами придумывали игру и устанавливали правила. Они проделывали это много раз. Тем временем испуганная рыба тоже понимала, кого ей нужно опасаться – она пыталась спрятаться в купальных костюмах или между видеокамерой и лицом человека от дельфинов, забавляющихся со своими живыми игрушками. Херцинг говорила, что ей было жалко рыбу, но «из вежливости пришлось вернуть ее дельфинам».

Однажды Кен наблюдал за несколькими косатками, которые сосредоточились на ловле рыбы. Все, кроме молодого самца Д-6. «Он плывал от лодки к лодке, высовывал голову из воды прямо у борта и смотрел на всех, просто красуясь». Когда косатки проплывают мимо тех мест на берегу, где выстраиваются люди, аплодируют и кричат, утверждает Кен, «киты радуются и выполняют акробатические прыжки, устраивая настоящее шоу». Люди бегут вдоль берега, а косатки шлепают по воде хвостом и плавниками, прыгают. Точно так же они ведут себя вблизи наблюдающих за китами лодок, с которых люди приветствуют их. Почему? «Я думаю, – говорит Кен, – мы для них такое же развлечение, как они для нас».

Интеллект, но какой?

Подбирая примеры «когнитивной способности» дельфинов, я вдруг понял, что они так же разумны, как и мы. Примеров сознательного и разумного поведения дельфинов (потому что они сознательны и разумны) столько, что приводит их так же бессмысленно, как примеры сознательного и разумного поведения людей. Потому что такова наша природа. И дельфинов тоже. Общий предок людей и дельфинов жил десятки миллионов лет назад. Тем не менее, несмотря на все ограничения образа жизни в воде, при виде нас они часто приплывают поиграть, а мы приветствуем их и чувствуем в их взгляде что-то особенное. «Там кто-то есть. Это не человек, но разумное существо», – говорит Дайана Рейсс.

Когда речь идет о «дельфинах», нужно помнить, что из более чем восьмидесяти видов дельфинов и китов более или менее тщательно изучались лишь несколько – бутылконосые дельфины, темные дельфины, пятнистые дельфины, косатки, кашалоты и горбатые киты – причем далеко не все популяции. В морях и океанах обитают более семидесяти видов зубатых китов (кашалоты, дельфины и морские свиньи) и около десятка видов больших беззубых китов (вместо зубов у них похожие на сито пластинки, через которые они процеживают воду). Все вместе они называются «китообразными» (происходит от греческого слова, обозначающего морское чудовище). Это морские млекопитающие с дыхалом в верхней части головы. И мы с ними едва знакомы.

Научные исследования интеллекта дельфинов начались не слишком удачно, в результате чего было потеряно целое десятилетие. В каком-то смысле они так и не избавились от влияния первого получившего известность исследователя, который окружил дельфинов ореолом до сих пор не развеявшейся таинственности. Однако дельфины заслужили этот ореол.

В конце 50-х и начале 60-х нейрофизиолог и исследователь мозга Джон К. Лилли познакомил нас с существами, гигантский мозг которых превосходит наш. Это был шаг вперед по отношению к идее, что киты ничего не чувствуют, кроме желания проглотить человека. Но

Лилли тоже ошибался. Он заявил, что животное с таким большим мозгом, как у кашалота, должно иметь «поистине богоподобный» разум. Оставим в стороне вопрос о том, что такое «богоподобный» разум и зачем он киту. Лилли ошибочно предположил, что размер мозга напрямую связан с его способностью мыслить.

У разных видов животных мозг обладает разными способностями. Нервные пути и структуры, предназначенные для обнаружения и анализа запахов, занимают значительную часть мозга собаки, но у кита они почти отсутствуют. В то же время огромные ресурсы мозга кашалота отведены на генерирование, обнаружение и анализ звука. Мозг кашалота больше, чем мозг синего кита, а размеры тела в два раза меньше. Как кашалот *использует* свой выдающийся мозг? Он прокладывает курс для дальней миграции, поддерживает связь с семьей и друзьями на протяжении десятилетий и на расстоянии тысяч километров. Он подготавливает кашалота к погружению на глубину больше полутора километров, управляет перекачкой, распределением и перераспределением крови и кислорода, когда кит задерживает дыхание почти на два часа, отвечает за наблюдение и за координацию мышц при охоте в полной темноте на осьминогов таких размеров, которые могут присниться только в страшном сне. Кашалот может многое, чего не могут люди, и не может многое из того, что можем мы. Это гораздо интереснее и полезнее с практической точки зрения, чем нечто «поистине богоподобное». Как бы то ни было, выражение «богоподобный» было просто неудачной заменой «мы не знаем». Оно прикрывало большую интеллектуальную ошибку в мышлении самого Лилли.

У ученых были серьезные основания критиковать Лилли. Его утверждение, что мы сможем разгадать коммуникативные способности дельфинов – обучив их английскому, – оказалось неверным. Но его представления о превосходстве дельфинов над людьми захватили воображение публики, которая до сих пор ждет подтверждения этого. Возможно, мы втайне надеемся, что кто-то лучший, чем мы, когда-нибудь избавит нас от наших недостатков.

Только в 70-е годы после исследований группы Луиса Германа работы по изучению когнитивных способностей дельфинов обрели реальную основу. Герман продемонстрировал, что гавайский бутылконосый дельфин по имени Акикамаи может правильно

реагировать, когда ему показывают произвольный символ (а не изображение) «мяча» вместе с символом «вопрос». Если мяча не было, Акикамаи нажимала на рычажок «нет». Это доказало, что дельфин способен сформировать понятие «мяч», а также опираться на это знание, когда ему показывают символ, используемый для обозначения мяча. То есть дельфины очень умны, как и предполагалось. Что бы это ни значило.

В Институте морских млекопитающих дельфины выучились убирать свой бассейн, обменивая мусор на рыбу. Самка дельфина по имени Келли сообразила, что получает рыбу одинакового размера и за большой клочок бумаги, и за маленький. Поэтому она прятала на дне бассейна под грузом всю бумагу, которую находила. Когда появлялся тренер, она отрывала кусок бумаги и обменивала на рыбу. Потом отрывала еще кусок и получала следующую рыбу. Она сэкономила на мусоре, создавая инфляцию, чтобы получить больше еды. В Калифорнии точно так же вел себя дельфин по имени Спок – он отрывал кусочки от бумажного пакета, который сунул за одну из подводных труб, и обменивал каждый кусочек на рыбу.

Однажды в бассейн Келли залетела чайка. Келли схватила птицу и стала ждать тренеров. Похоже, люди очень любят птиц, потому что за чайку она получила несколько рыбин. Келли разработала новый план. Во время следующего кормления она спрятала последнюю рыбину. Когда люди ушли, Келли достала рыбу и использовала ее в качестве наживки для чаек, чтобы получить еще больше еды. В конце концов, зачем прятать случайные клочки бумаги, если можно наладить успешную коммерцию, ловя птиц? Она научила этому трюку своего детеныша, тот – своих детей, и дельфины превратились в профессиональных ловцов чаек.

В морском парке «Маринлэнд» в канадской провинции Онтарио молодой самец косатки каким-то образом сообразил, что если распределить остатки рыбы по поверхности бассейна и спрятаться, то можно внести разнообразие в свою жизнь. Если за рыбой спускалась чайка, косатка выпрыгивала – иногда удавалось поймать и съесть птицу. Такую ловушку он устраивал несколько раз. В конце концов его примеру последовал младший сводный брат и три другие косатки.

Догадка, инновация, планирование, культура.

В 1979 году доктор Дайана Рейсс приступила к работе с живущим в неволе бутылконосым дельфином по имени Цирцея. Когда Цирцея делала то, что ждала от нее Рейсс, она получала словесную похвалу и немного рыбы. В противном случае Рейсс брала тайм-аут – отступала назад или отворачивалась, показывая, что Цирцея ведет себя неправильно. (Сейчас такие тайм-ауты признаны устаревшим методом, они могут расстроить разумное существо.) Цирцее не нравилось, когда на макрели, которой ее кормили, оставались хвосты; выплевывая куски с хвостами, она приучила Рейсс отрезать их. Однажды, через несколько недель после начала исследований, Рейсс по рассеянности дала дельфину кусок макрели с неотрезанным хвостом. Цирцея покачала головой из стороны в сторону, словно говорила «нет», выплюнула рыбу, отплыла в дальний конец бассейна, замерла в вертикальном положении и некоторое время просто смотрела на Рейсс. Потом вернулась. Дельфин Цирцея взяла тайм-аут в отношениях с человеком.

Удивленная, но все еще настроенная скептически, Рейсс спланировала эксперимент. В течение нескольких недель она шесть раз намеренно давала Цирцее хвостовую часть макрели с плавником. Цирцея еще четыре раза устраивала Рейсс тайм-аут. Больше никогда она себя так не вела. Цирцея не только поняла, что такое «вознаграждение» и «нет вознаграждения, тайм-аут» в отношении *своего* поведения. Она концептуализировала тайм-аут как способ передачи идеи: «Это не то, что я просила» – и использовала этот способ для оценки поведения человека.

Рейсс также работала с молодым самцом по имени Пан. Он учился пользоваться абстрактными символами на клавиатуре. (Символы никогда не были буквальными; символ, обозначающий «мяч», мог быть треугольным. Клавиши меняли местами, чтобы дельфин запоминал символ, а не местоположение того, что он хотел получить.) Игрушки Пану были не нужны, он хотел рыбу. Когда Рейсс убрала клавишу «рыба», Пан нашел рыбу, оставшуюся после завтрака, подплыл к клавиатуре, коснулся рыбой *пустой* клавиши и выжидающе посмотрел в глаза Рейсс. Экспериментатор поняла, что хотел Пан, он *очень* ясно выразил свое желание.

Вскоре после начала проекта дельфины начали повторять свистящие звуки, которые компьютер сопоставлял с разными

объектами. Когда Пан и его подруга Дельфи играли с игрушками, они копировали сигналы компьютера, обозначавшие «мяч», «кольцо» и другие предметы. Доктор Рейсс, рассказывая мне об этом, прибавила: «Однажды я подала Пану сигнал принести мне игрушку. В бассейне была всего одна игрушка, но ее держала во рту Дельфи. Пан подплыл к Дельфи, и я услышала звук „мяч“. Дельфи передала мяч Пану, и они оба поплыли ко мне». Они запомнили символы, придуманные людьми, и использовали их для общения друг с другом.

Другой дельфин, тоже по имени Дельфи, только самец, начал играть с пищей: он брал рыбу в рот, а затем разбрасывал ее по бассейну. Дайана Рейсс научила Дельфи понимать команду «глотаю» и не давала ему другую рыбу, пока он не продемонстрирует, что съел первую. На следующей неделе Рейсс пришлось уехать, но ее студенты по-прежнему требовали от Дельфи «подтверждения». Когда Рейсс вернулась, она заметила, что Дельфи глотает с трудом. Болит горло? Снова затрудненное глотание, демонстрация открытого рта. Внезапно, пишет Рейсс, «глаза Дельфи вылезли из орбит». Он открыл рот. Смотри – еда! «Я увидела, что во рту его полно рыбы». Должно быть, он удерживал ее в горле. «Не успела я открыть от удивления рот, как он начал трясти головой, слева направо, слева направо». Рыба полетела во все стороны. «Дельфи явно развлекался, причем решил проделать этот трюк со мной, а не со студентами». Он обманул Рейсс, с успехом ею манипулировал – и, похоже, получал от этого удовольствие. Как, впрочем, и Рейсс, которая «истерически хохотала».

Да, они разумны. Но что такое разум? Нечто связанное с пониманием, рассуждением, гибкостью? Любознательность, воображение? Планирование, решение задач? Возможно, у нас разные виды разума. Ведь одному человеку лучше дается математика, другой умеет играть на скрипке, а кто-то очень общителен; среди людей есть искусные рыбаки, жестянщики или рассказчики. Может ли быть вообще одинаковый разум у всех людей и у животных разных видов?

«Лично я не вижу смысла в попытке выстроить разные виды по линейной шкале интеллекта, – пишет специалист по китам Питер Тайак. – Существуют сотни тестов только для *человеческого* интеллекта, но мы так и не нашли для него точного *определения*».

Чей интеллект выше, Пабло Пикассо или Генри Форда? Оба обладали выдающимся умом – каждый в своей области. Возможно,

наше слово «интеллект» подразумевает разнообразные способности к решению задач и потенциал обучения разным навыкам.

Возможно, талант – это самое странное, что связано с нашим мозгом. Разум пещерных людей не отличался от нашего; сохранились их рисунки на стенах. До появления сельского хозяйства или техники, которые теперь отражают наш интеллект, человек уже обладал способностью все это изобрести. Жизнь многих охотников и собирателей не менялась тысячелетиями на протяжении многих поколений; орудия из камня, дерева и кости исправно служили им вплоть до наших дней. Еще в XIX веке коренные племена Америки, Африки, Австралии и большей части Азии все еще использовали технологии каменного века; многие не знали колеса, железа и орудий с движущимися частями. Даже сегодня в отдаленных уголках нашей планеты еще сохранились культуры каменного века. Их представители – такие же люди. В эпоху промышленной революции, Моцарта и Бетховена авторы конституции Соединенных Штатов писали перьями, не знали электричества и машин. Компьютеры, торговые центры, аэропорты, посудомоечные машины, телевидение – в 1900 году всего этого не было. Не смартфоны делают нас людьми. Это мы их делаем. Причем совсем недавно.

Несмотря на то что мозг человека уменьшился благодаря предсказуемости сельского хозяйства и общественной жизни, по прошествии нескольких тысяч лет люди каким-то образом создали балет «Петрушка» и высадились на Луне. Люди, родившиеся в хижинах из шкур животных, могут научиться программировать. Лауреат Нобелевской премии физик Макс Дельбрюк, рассуждая о кажущихся избыточными для каменного века возможностях мозга, заметил: «Нам прислали гораздо больше, чем мы заказывали». И не только нам. Откуда у собаки способность чувствовать приближение эпилептического припадка у хозяина? Почему бонобо, физически неспособные говорить, могут понимать человеческий язык на уровне маленького ребенка? Почему дельфины, у которых вместо рук ласты, понимают жесты людей, почему они склонны заниматься сексом перед зеркалом и совершать другие действия, которые миллионы лет были недоступны живущим в океане животным? Откуда такие возможности?

Откуда берется интеллект? Отчасти это вопрос размера; у больших организмов большой мозг, а у большого мозга большая вычислительная мощность, которую можно использовать. Три пика на шкале размеров мозга у живущих на нашей планете существ принадлежат китам, слонам и приматам. Эволюция не выбрала одну линию самых умных существ, венцом которой стал человек. Восьмикилограммовый мозг кашалота – самый большой из всех, которые когда-либо существовали. Бутылконосый дельфин весит в несколько раз больше, чем человек, и поэтому мозг у него больше. Кора их мозга – думающая часть – тоже больше нашей. Мозг человека лишь немного больше, чем у коровы. Это становится униженным.

Тем не менее размер определяет не все – как и во многих других вещах. Питер Тайак напоминает нам: «Медоносная пчела, мозг которой весит несколько миллиграммов, использует язык танца, который, на мой взгляд, можно назвать таким же высоким достижением в области коммуникации животных, как то, что демонстрируют живущие на свободе морские млекопитающие, мозг которых несравнимо больше». Вспомните, что своим танцем пчелы указывают остальным, в какой стороне находится пища, как далеко, сколько ее и есть ли там опасности. Поэтому следует учитывать, что интеллект неоднозначен, у него нет единой формулы.

Большое тело нуждается в большом мозге хотя бы для того, чтобы управлять им. Для того чтобы быть умным в теле любого размера, требуется мозг, размеры которого больше среднего в данной весовой категории. У воронов, ворон и попугаев, известных своим умом, отношение размера мозга к массе тела такое же, как у шимпанзе. Вороны способны решать задачи, с которыми не справляется гораздо больший по объему мозг шимпанзе, а их искусство в решении задач было названо интеллектом, сравнимым с интеллектом приматов.

Чтобы *сравнивать* отношение массы мозга к массе тела, ученые разработали КЭ – «коэффициент энцефализации» («энцефализация» означает «количество мозга»). Коэффициент, равный единице, указывает на среднее для млекопитающих отношение массы мозга к массе тела, то есть у таких животных масса мозга точно такая, как можно ожидать для данной массы тела. Слоны могут похвастаться коэффициентом, почти достигающим цифры два, в два раза больше ожидаемого. У многих дельфинов этот коэффициент находится в

диапазоне от четырех до пяти, а у тихоокеанских белобочих дельфинов – пять целых три десятых. Мозг шимпанзе относительно невелик – его коэффициент всего две целых три десятых. КЭ человека составляет около семи целых шести десятых. У нас *действительно* самое большое отношение массы мозга к массе тела. (И, судя по вашей реакции, люди отличаются также самым большим эго и самой большой неуверенностью в себе.)

Но взвешивание мозга – это похоже на занятие доктора Франкенштейна – и коэффициент энцефализации не могут в полной мере отражать интеллект; размер – это еще не интеллект. У человека масса мозга составляет 2 % массы тела. Маленький мозг землеройки – 10 %, но землеройку не назовешь очень умной. У обезьян капуцинов коэффициент энцефализации больше, чем у шимпанзе, однако шимпанзе лучше умеют изготавливать орудия, воевать, успокаивать, создавать союзы, доминировать, примиряться и охотиться на животных.

КЭ – грубая оценка, поскольку мозг не однороден, а состоит из разных частей. Мозг – единственный орган, по которому можно проследить его эволюционную историю; у нас в мозгу есть мозг, унаследованный от рыбы, а также более молодые части, которые присутствуют лишь у млекопитающих. Дело не только в общем весе. Значение имеет и размер отдельных частей. У китов относительно большой мозжечок (чтобы в автоматическом режиме управлять сложными действиями, такими как плавание, частота сердечных сокращений и так далее), а также зона обработки звуковой информации, но почти нет областей, отвечающих за восприятие запахов.

У китов отношение поверхности коры головного мозга, отвечающей за сознательное мышление, к размеру всего мозга больше, чем у человека. Это техническая основа сознания, электропроводка для мышления. Мы можем видеть, какие возможности это дает киту: сложное поведение, многолетняя забота о детях, необыкновенная ловкость, высокий уровень социализации в больших групповых сетях. Однако кора головного мозга у человека в два раза толще, и плотность нервных клеток в ней гораздо выше.

Но не стоит слишком важничать. Мы еще не закончили.

Теперь обратимся, если можно так выразиться, к сердцу мозга. Вес и размеры всего лишь отражение того, что действительно важно. Это нервные клетки. Нейроны. И дело не только в их количестве. Важна их плотность, организация, связи, соединение с другими компонентами, скорость передачи импульсов. Все это определяет вычислительную мощность мозга по обработке информации. Ни вес, ни размеры не определяют возможностей интеллекта. В некотором смысле взвешивание мозга подобно измерению электрического щитка в доме. Большой электрощиток предполагает большой дом, потому что в большом доме больше проводов и больше оборудования. Если убрать электрощиток, лампы не зажгутся. Но освещение дома зависит не только от электрощитка, а еще и от проводов, проложенных по дому. Куда ведут эти провода? Где находятся розетки, заземленные прерыватели, потолочные светильники и лампы, электроплита и интернет? Да, мы видим структуры в мозгу, но то, как соединены эти структуры, определяет, как мы воспринимаем реальность, что мы можем «загрузить» и передать и как светят наши лампы.

Здесь можно сделать одно обобщение: для гибкого решения проблем и изворотливости ума главное – *количество и плотность* нейронов в коре головного мозга млекопитающих и в эквивалентных структурах мозга других животных. Как и в любой вычислительной системе, вычислительная мощность определяется количеством вычислительных блоков. Немецкие исследователи мозга Герхард Рот и Урсула Дике сравнили мозг разных животных и пришли к выводу: «У людей больше всего нейронов в коре головного мозга, хотя лишь ненамного больше, чем у китов и слонов». Киты, у которых от шести до десяти с половиной миллиардов нейронов, и слоны с их одиннадцатью миллиардами буквально наступают нам на пятки; у человека от одиннадцати с половиной до шестнадцати миллиардов нейронов в коре головного мозга. Наши нейроны плотно упакованы, и поэтому скорость передачи сигналов выше.

А как насчет поразительных способностей воронов и попугаев? Никто не считал, но у птиц размер нейронов, как правило, гораздо меньше, чем у млекопитающих. Поэтому мозг птиц плотно упакован и обладает большой вычислительной мощностью для своего размера. Что касается скорости передачи сигналов, то вы сами можете убедиться, какова быстрота реакций у птиц.

Отдельные нейроны в мозгу человека практически неотличимы от нейронов косатки, слона, мыши... или мухи. Синапсы, разные типы нервных клеток, связи, даже гены, отвечающие за развитие этих нейронов, – все они одинаковы у разных видов. Разница в мозге – это в основном разница в степени. Вот к какому выводу пришли Рот и Дике: «Выдающийся интеллект людей, по всей видимости, является результатом сочетания и усиления свойств, обнаруженных у других приматов... а не каких-то „уникальных“ свойств».

Социальный мозг

Если у вас большой мозг с большей плотностью нейронов, то за его содержание приходится платить. А мозг буквально пожирает энергию. На него приходится всего около 2 % веса нашего тела, но он расходует приблизительно 20 % всей потребляемой энергии – вот почему обычные размышления могут так утомлять. Хронический перерасход энергии может убить, в трудные времена при нехватке калорий вы голодаете. Зачем же так рисковать, обзаводясь большим мозгом? Либо он действительно необходим, либо обеспечивает существенные преимущества.

Необходимость большого мозга неочевидна. Огромное количество не таких умных существ живут в этом мире и прекрасно себя чувствуют. Косатки искусно охотятся на лосося, но их численность была бы гораздо большей, если бы они просто *были* лососем. Численность популяции – это успех, но тогда зачем нужны эти непроизводительные расходы? Дельфины часто делят одну и ту же территорию с тунцом и охотятся на одну и ту же добычу. Тунцы эффективнее расходуют энергию, и их больше. Возникает вопрос: зачем платить дополнительную плату за больший по размерам мозг? Пауки и насекомые, число которых исчисляется миллиардами, прекрасно живут с маленьким мозгом – это им нисколько не мешает. Если судить только по количеству, то может показаться, что большой мозг – препятствие для репродукции и выживания. Но дельфины платят за то, чтобы быть умнее тунца, слоны платят за то, чтобы быть умнее антилоп. Значит, в их жизни есть нечто такое, что требует дорогостоящего интеллекта.

Зоологи-бихевиористы предполагали, что чем труднее добыть пищу, тем более умным должен быть вид. Они считали, что более высокий интеллект связан со сложностью добычи еды. Но тунец и дельфины живут в одних условиях, охотятся на одни и те же виды рыб и кальмаров. Рацион не может быть причиной огромной разницы в их интеллекте. Тунец – по-своему умное и удивительное существо. Но рыба не воспитывает и не обучает детенышей на протяжении нескольких лет, не помогает раненым сородичам, не умеет созывать

их. Эта огромная разница носит социальный характер. У антилоп гну сообщество такое же плоское, как равнины, на которых они пасутся: ни вожака, ни социальных стремлений, ни семейных групп. И ничем не примечательный мозг. Причина – нет необходимости. Антилопа гну питается травой, и слон питается травой. Травоядность – не причина большей эмоциональности или интеллектуальной сложности слонов.

Но что, если внутри группы необходимо помнить конкретных особей, с которыми вы постоянно встречаетесь, которые могут претендовать на вашу пищу, на вашего полового партнера, на ваш ранг, которые могут что-то замышлять против вас или объединяться с вами против ваших соперников или, наоборот, прийти на помощь в нужный момент? Что, если вам необходимо постоянно поддерживать баланс между сотрудничеством и конкуренцией? В том случае, когда важны индивидуальности – когда вы «кто-то», – возникает потребность в социальном интеллекте, способном на логические выводы, планирование, вознаграждение, наказание, убеждение, защиту, формирование связей, понимание, сочувствие. Мозг должен стать чем-то вроде складного ножа с множеством лезвий, содержащим разные стратегии для разных ситуаций. Дельфины, человекообразные обезьяны, слоны, волки и люди сталкиваются со сходными потребностями: нужно знать свою территорию и ее ресурсы, знать своих друзей, следить за врагами, обеспечивать продолжение рода, воспитывать потомство, защищать себя и сотрудничать, если это выгодно.

У разных видов дельфинов самцы объединяются по двое или трое, чтобы обеспечить эксклюзивный доступ к самкам, способным к размножению. У бутылконосых дельфинов Флориды такие союзы делятся до двадцати лет. Иногда эти прочные союзы самцов соединяются в коалиции, которые берут верх над уступающими по численности альянсами, и уводят самок – точно так же, как у людей при набегах одного племени на другое. Представьте уличную банду, оснащенную сонаром. Исследователь Дженет Манн наблюдала, как альянс из нескольких самцов бутылконосого дельфина окружил одну самку. Тут вмешался альянс *самок*, которые отвлекли самцов – льнули к ним, гладили плавниками. Смутив самцов своим заигрыванием, самки – все, без исключения – уплыли прочь. Думаю, они очень

смеялись. Зачастую именно альянсы определяют победителя и побежденного. В таких случаях в дело вступает интеллект.

Шимпанзе повышают свой статус, оказывая услуги, поддерживая те или иные альянсы или создавая новые, что требует умения понимать, на кого опереться и против кого интриговать. Исследователи называют это «макиавеллиевским интеллектом». Приматолог Крейг Стэнфорд пишет: «Самцы шимпанзе делают политическую карьеру, цели которой остаются более или менее неизменными – получить как можно больше власти, влияния и репродуктивных возможностей, – но тактика для их достижения меняется день ото дня, год от года, в зависимости от обстоятельств». Зачем нужно прилагать столько усилий и так рисковать ради статуса? У самцов с самым высоким статусом больше всего потомства, которое приносят ему самки высшего ранга. Закрепляется то поведение, которое себя воспроизводит. Именно в этом и состоит смысл статуса, независимо от того, понимают это соискатели или нет. В социальной среде интеллект способен обеспечить доступ к самым лучшим репродуктивным партнерам. У видов с самыми сложными сообществами развивается самый сложный мозг. Или, скорее всего, они развиваются вместе в своеобразной гонке вооружений конкуренции в тех видах, где социальные преимущества начинают перевешивать затраты. Вывод: самый умный мозг – это социальный мозг.

Двадцать пять миллионов лет назад дельфины занимали прочное положение самых умных в нашей Солнечной системе. Во многих отношениях было бы неплохо, если бы все так и осталось. Когда дельфины были умнее всех на планете, в мире не было политических, религиозных, этнических и экологических проблем. Создание проблем, похоже, принадлежит к тем особенностям, которые «делают нас людьми».

Возможно, у китов наш тип интеллекта, утверждают исследователи, обнаружившие в их мозге особый вид нервных клеток, который, как считалось, присущ только человеку и не встречается у других животных. Эти клетки назвали веретенообразными нейронами из-за их вытянутой формы. (Другое название – нейроны фон Экономо, в честь первооткрывателя.) Эти особенные нервные клетки присутствуют в мозгу человекообразных обезьян (не забывайте, что к ним относится и человек), слонов, крупных китов и по меньшей мере

нескольких видов дельфинов. Интересно, что они есть также у гиппопотамов, ламантинов и моржей.

Веретенообразные нейроны – это «скоростные поезда нервной системы». Позволяя импульсам избежать лишних остановок, они ускоряют передачу сигналов. Это обеспечивает почти мгновенное принятие решений и реакцию. Форма и расположение веретенообразных нейронов позволяют принимать информацию от целой цепочки клеток мозга и быстро передавать ее другим структурам. Ученые считают, что в быстро меняющихся сложных социальных ситуациях эти клетки обеспечивают быстрые интуитивные решения. Веретенообразные нейроны, по всей видимости, помогают мозгу следить за социальными взаимодействиями, выполнять некоторые интеллектуальные и эмоциональные функции, а также оценивать эмоции других. Повреждение этих клеток нарушает социальную осведомленность, способность самоконтроля в социальных ситуациях, интуицию, логику. Возможно, повреждение веретенообразных нейронов имеет отношение к болезни Альцгеймера, деменции, аутизму и шизофрении.

Веретенообразные нейроны были обнаружены в мозгу человека в начале двадцатого столетия, и в течение нескольких десятков лет их считали признаком нашего интеллектуального превосходства. Патрик Хоф, один из первооткрывателей веретенообразных нейронов у китов, писал: «Мне абсолютно ясно, что это чрезвычайно умные животные, с сетями социальных связей, похожими на социальные связи человекообразных обезьян и людей».

Подобно особым клеткам мозга, которые раньше полагали исключительно человеческими, а также изготовлению орудий, исключительной прерогативой человеческого разума считалось и преподавание. Но косатки именно преподают. Процесс «преподавания» предполагает следующее: индивидуум должен отвлечься от своих целей ради демонстрации и обучения и ученик должен усваивать новый навык. Когда молодой шимпанзе наблюдает за взрослой особью, а затем копирует ее действия – это обучение, но взрослый не отводит на это специальное время, то есть не учит. В удивительном танце медоносной пчелы исполнитель тратит время на то, чтобы передать информацию об источнике пищи, но остальные не учатся новому навыку. То же самое относится к муравьям и к тем

животным, которые предупреждают о появлении хищника. Они тратят время на демонстрацию, но не распространяют новые навыки. А косатки обучают.

В окрестностях субантарктических островов Крозе косатки охотятся на морских котиков и детенышей морских слонов, выбрасываясь на берег. Но это опасно. Киты-киллеры рискуют застрять и должны уметь воспользоваться накатывающими волнами, чтобы вернуться в воду. Поэтому взрослые учат молодых особей, как это делать. Обучение поэтапное, разбитое на уроки. Сначала они тренируются на берегу, где нет тюленей. Матери аккуратно выталкивают детенышей на пологий берег, откуда те могут без труда, извиваясь, сползти в море. Это можно сравнить с уроками вождения автомобиля на специальной площадке. Такое обучение позволяет приобретать навыки в безопасной обстановке, устраняя риск застрять на берегу. Затем молодежь учится охотиться, наблюдая за успешными атаками матерей. В возрасте пяти или шести лет молодые косатки наконец пытаются поймать детенышей тюленей, выбрасываясь на берег. Часто взрослая самка помогает им вернуться в воду, при необходимости создавая волну. Время, затраченное на преподавание, означает, что матери ловят меньше добычи для самих себя. Возможно, такое преподавание – вершина обучения и долгосрочного планирования у животных, за исключением человека.

На Аляске исследователи наблюдали, как две косатки учили однолетнего детеныша охотиться, практикуясь на морских птицах. Взрослые оглушали птиц ударом плавников, а детеныш подплывал и тренировал такие же удары. Самки атлантических пятнистых дельфинов иногда отпускают пойманную рыбу в присутствии детенышей, чтобы те преследовали добычу, и снова ловят, если рыба уплывает. Детеныши атлантических пятнистых дельфинов сопровождают матерей, которые исследуют песчаное дно в поисках спрятавшейся рыбы. Они «подслушивают» эхо матери и повторяют ее действия, но при этом мать тратит дополнительное время на демонстрацию. Самки австралийских бутылконосых дельфинов, которые надевают на нос губку, исследуя дно, чтобы защититься от игл морских ежей и ядовитых шипов скорпен, также обучают своих детенышей этому методу.

К преподаванию способны самые разные виды животных. Но все они составляют элитную группу. Это гепарды и домашние кошки (которые приносят живую добычу и учат котят охотиться на нее), птицы под названием пегая дроздовая тимелия (они обучают птенцов сигналу «у меня есть еда»), сапсаны (которые уводят за собой молодых особей подальше от родного гнезда, а затем роняют пойманную добычу, чтобы те ловили ее в полете), речные выдры (которые затаскивают детенышей под воду, учат плавать и нырять) и сурикаты (они сначала приносят подрастающему поколению мертвых скорпионов, а потом покалеченных, показывая, как удалить ядовитое жало). И конечно, люди. Вот, пожалуй, и все: некоторых учителей мы знаем, но многие, вероятно, остаются для нас неизвестными.

В животном царстве также редко встречается *подражание* – подобно изготовлению орудий и преподаванию, его считают признаком высокого интеллекта. Некоторые исследователи убеждены, что к подражанию способны только человекообразные обезьяны и дельфины, однако оно распространено несколько шире. Привычка наших попугаев размачивать засохшие хлебные крошки в воде, вероятно, была изобретена кем-то одним и скопирована остальными. Щенки подражают взрослым собакам. А собаки по-своему подражают людям. Когда я «делаю» дрова – то есть рублю, переношу и складываю, Чула «подражает» мне, находит палку подходящего размера, кладет рядом с собой и начинает грызть. Когда я «делаю» бумагу, сортирую, что выбросить или сжечь в печи, Чула тоже находит конверт и тихо лежит, держа его в зубах. Обычно жевать конверты ей не разрешается, но в этот момент мы оба понимаем: нам нужно заняться бумагами.

В Южной Африке живущий в неволе бутылконосый дельфин по имени Даан видел, как аквалангисты счищают водоросли со стекол его аквариума. Он нашел перо чайки и стал чистить стекло такими же размашистыми движениями. Дельфин занял вертикальное положение, касаясь одним плавником стекла – как аквалангисты, державшиеся за раму, – издавал звуки, очень похожие на бульканье аквалангов, и выпускал такие же пузырьки воздуха. Один из аквалангистов оставил в бассейне свой вакуумный аппарат и на следующее утро обнаружил, что самка дельфина по кличке Хейг обнимает плавниками шланг и прижимается носом к щетке. Аквалангист забрал пылесос, тогда Хейг

нашла отломанный кусок плитки и принялась соскребать водоросли со дна бассейна. Кто откажется от такой соседки по комнате?

В южноафриканском аквариуме жила молодая самка тихоокеанского бутылконосого дельфина по кличке Долли. Однажды, когда ей было всего шесть месяцев, Долли увидела, как тренер курит сигарету, выпуская облачка дыма. Долли подплыла к матери, сделала несколько сосущих движений, вернулась к стеклу и выпустила облако молока, которое окутало ее голову. Тренер был «ошеломлен». Долли не «копировала» человека (она не курила) и не подражала, чтобы достичь той же цели. Каким-то образом она *догадалась* использовать молоко для *обозначения* дыма. Использование какого-либо объекта для обозначения другого – это не просто имитация. Это даже не подражание. Это искусство.

Чудеса!

Многие люди надеются, что когда-нибудь мы встретим разумное существо из другого мира... Но возможно, это произойдет иначе. Возможно, это будет так.

Майкл Парфит. Кит

– Иногда, – говорит Кен, – я просто ахаю от удивления. Например, только что я видел нечто невероятное. Когда смотришь им в глаза, создается впечатление, что они смотрят на *тебя*. Это пристальный взгляд. И ты это чувствуешь. Это гораздо сильнее, чем взгляд собаки. Собака может хотеть твоего внимания. С китами совсем другое дело. Такое ощущение, что они заглядывают в душу. Взглядом в глаза они устанавливают личный контакт. За короткое время мы очень много узнаем о намерениях друг друга.

Например?

– В этих взглядах я чувствовал... – Кен нерешительно умолкает, – что меня ценят. Но конечно, – поспешно прибавляет он, – это субъективное ощущение.

Ценят?

Кен начал свои исследования в 70-е годы, сразу после того, как океанариумам запретили ловить детенышей косаток.

– Примерно через год, – рассказывает Кен, – если другие лодки начинали преследовать китов или окружать их, косатки часто подплывали к нам и просто держались рядом. Киты понимали, что мы не будем гоняться за ними. Не будем бросать в них гарпуны или арканы. Они видели, что мы ведем себя спокойно. И это, конечно, подразумевает осознание происходящего.

Может ли сознание иметь отношение к пониманию добрых намерений Кена? Могли ли киты ценить Кена после того, через что им пришлось пройти? Достаточно ли этого, чтобы ответить взаимностью?

У Кена много подобных историй.

– Много дней мы следовали за всеми тремя стадами. Они прошли через пролив Хуан-де-Фука, потом к западу от острова Сан-Хуан, через

Баундари-пасс к реке Фрейзер, потом вернулись к Сан-Розарио, вошли в залив Пьюджет-Саунд, обогнули остров Вашон и вернулись сюда. Однажды утром они направились в густое облако тумана. Мы последовали за ними. Это было в 70-е. Ни GPS, ничего – только компас. Мы заблудились рядом со входом в залив Адмиралти, окруженные густым туманом, в сорока километрах от дома. Я знал приблизительный компасный азимут. Мы убрали почти все камеры и приготовились уходить. Я двинулся вперед, ориентируясь по компасу, со скоростью двадцать пять узлов. Не прошло и пяти минут, как со всех сторон стали собираться косатки, пока не оказались прямо перед лодкой. Тогда я замедлил ход и стал просто плыть за ними. Перед носом нашей лодки все время держались несколько китов.

Кен плыл так пятнадцать миль. Когда туман рассеялся, он увидел родной остров.

– Понимаешь, я уверен: они точно знали, что мы ничего не видим. Они знали, где мы находимся. Это было через год после того, как их перестали отлавливать. Они видели много лодок и много раз сталкивались с агрессивным поведением. Но в этом случае, если я не ошибаюсь, они указывали нам путь. Это было очень трогательно.

И становится все более трогательным. И более странным. Дело в том, что киты-киллеры, похоже, способны на проявление доброты. На действия, не поддающиеся объяснению. Действия, которые заставляют ученых рассматривать самые причудливые гипотезы. Напрашивается вывод, что поведение косаток можно разбить на две категории: удивительное и необъяснимое.

Может показаться, что сопровождение в тумане – эксклюзивная услуга, которую косатки склонны оказывать людям, защищающим их. Александра Мортон вместе с помощником находилась в проливе Королевы Шарлотты в своей надувной лодке. Вдруг опустился туман, такой густой, словно они попали «в стакан молока». Ни компаса. Ни солнца. Ни волн, по которым можно угадать направление. Ошибка могла бы увести их в открытый океан. Более того, к ним приближался громадный морской лайнер, и Мортон не могла определить, с какой стороны. Она боялась, что судно внезапно появится из тумана и раздавит лодку.

И вдруг, словно из ниоткуда, из воды вынырнул гладкий черный плавник. Это был Нотч. Потом появился Сэддл. За ним Ева, обычно

невозмутимый матриарх. Над водой поднялась голова Шарки – она смотрела прямо на Мортон. Потом Страйп. Они окружили крошечную лодку, и Александра плыла за ними в тумане словно слепой, положивший руку на плечо поводыря. «Я не волновалась, – вспоминала она. – Я доверила им наши жизни». Двадцать минут спустя она увидела, как из тумана проступает скалистый берег и высокие кедры ее острова. Туман рассеялся, и косатки уплыли. Утром этого дня за ними было необычно трудно следить, они плыли на запад, в открытый океан. Косатки сопровождали Мортон на юг, к ней домой, а затем сменили направление и вернулись обратно.

Этот случай изменил взгляды Мортон. «Больше двадцати лет я старалась исключать мифы о косатках из своей работы. Когда другие развлекали собеседников историями о чувстве юмора косаток или об их понимании музыки, я молчала, прикусив язык... Но иногда я приводила примеры того, что мы не в состоянии научно объяснить. Называла их удивительными совпадениями, если хотите; но эти примеры продолжали накапливаться... Не могу сказать, что косатки обладают телепатией, – не знаю, можно ли назвать это так, но... У меня нет объяснения событиям того дня. Только благодарность и глубинное, постепенно усиливающееся ощущение тайны».

Моя знакомая Мария Боулинг плавала с маской и трубкой на Гавайях, и внезапно появились несколько косаток – по странному совпадению. Она писала мне: «Осторожно скользнув в воду с борта лодки, я услышала очень громкие щелчки, металлический звук, словно друг о друга ударялись два баллона от акваланга. Это был очень высокий, вибрирующий звук, не то чтобы неприятный, но невероятно сильный! Он проходил прямо сквозь меня. Такой сильной энергии я никогда не чувствовала – волна как от передатчика. Как будто открылся какой-то портал или возможность для коммуникации другого рода. После этой встречи я пребывала в таком приподнятом и взбудораженном состоянии, что у меня несколько дней немного кружилась голова. Я чувствовала себя какой-то легкой, цельной, исполненной надежд, беззаботной и радостной. Понимаю, что все это не слишком научно, но речь тут скорее о соматическом ощущении, чем о разуме или интеллекте».

Если неизвестная доселе связь с помощью энергетических волн *действительно* существует, у нее имеются свои ограничения. В

критический момент, когда речь шла о жизни и смерти, косатка по имени Ева, семья которой в густом тумане проводила Александру Мортон домой, не превратилась в супергероя. Но, возможно, было слишком поздно. В конце концов, косатки – простые смертные. Как и люди.

В один из сентябрьских дней 1986 года в Британской Колумбии Александра Мортон и ее муж Робин, кинорежиссер, вместе с четырехлетним сыном отправились в знакомое им уникальное место вблизи берега, куда косатки прибывают потеряться о несколько скал, которые почему-то считают особенными. Через какое-то время появилась Ева, на этот раз одна. Робин, которому были нужны хорошие кадры подводных съемок, надел гидрокостюм, соскользнул в воду метрах в десяти от берега и нырнул. Мортон отвела лодку подальше, чтобы не попасть в кадр. «Ева нырнула туда, где под водой скрылся Робин», – писала Мортон. А потом «вдруг появилась на поверхности и поспешила ко мне. Она вынырнула рядом с лодкой, остановилась, затем снова исчезла в глубине». Необычное поведение. «Она не должна была вынырнуть так быстро», – подумала Мортон. Ева поспешно удалилась. Пока сын играл с цветными карандашами, Мортон смотрела на воду, ожидая, что с минуты на минуту появится муж. Но время шло, а Робина не было. Александра завела мотор и принялась осматривать каменистое дно, покрытое водорослями и морскими звездами. И к своему ужасу, увидела мужа, который лежал на дне лицом вверх. Сложный дыхательный аппарат вышел из строя, Робин потерял сознание – и утонул.

Ева выглядела встревоженной и, похоже, уловила связь. Но никакого космического прорыва не произошло – она не вытащила неподвижного человека на поверхность. Тот факт, что не зарегистрировано ни одного нападения косаток на человека, не поддается объяснению, но поднять мертвого человека – это уже слишком. Возможно, питающаяся рыбой оседлая косатка не решилась взять в зубы млекопитающее. Или Ева, наткнувшись на неподвижного Робина, была слишком испугана и поэтому вынырнула перед лодкой и замерла, пытаясь предупредить Александру, а потом в страхе уплыла прочь. А может, действительно пыталась установить контакт недоступным для человека способом. Не исключено также, что Ева

просто услышала, что ее зовут сыновья, и торопилась присоединиться к ним. Может быть: Ева всего лишь косатка.

Тем не менее известны случаи, когда киты-киллеры подбирали потерявшихся собак. Небольшой отряд ученых отплыл от берега на маленькой лодке, чтобы наблюдать за косатками. Они вернулись и обнаружили, что их немецкая овчарка по кличке Феникс исчезла. Вероятно, пес попытался последовать за ними в пролив Джонстона с его высокими волнами. Люди до одиннадцати вечера обыскивали пролив. Собаки не было. Хозяин Феникса сидел на берегу, оплакивая утрату, как вдруг послышался шум – это были косатки. Он предположил худшее: эти морские хищники сожрали его любимого пса. Косатки приближались – поднятые ими волны заставили светиться фосфоресцирующих обитателей моря. Когда косатки удалились, послышался плеск. И вдруг на берегу оказалась мокрая собака – она вся дрожала, и ее рвало соленой водой. «Мне все равно, что говорят люди, – заявил хозяин. – Эти косатки спасли мою собаку».

Таких случаев много. В другом научном лагере один из ученых отправился в море на байдарке, а когда вернулся, то не нашел своей собаки по кличке Карма. Вероятно, она тоже решила сопровождать хозяина. Поздним вечером, когда исследователь оплакивал потерю верного друга, мимо проплыли несколько косаток. Вскоре на берег вылезла собака, мокрая, дрожащая и обессиленная. «Я там был, – свидетельствовал рассказчик. – И нисколько не сомневаюсь – те косатки вытолкнули Карму на сушу».

Мне приходилось слышать и другие странные истории. В начале 80-х годов водному парку развлечений потребовались животные для шоу, и руководство обратилось за разрешением возобновить отлов косаток у берегов Британской Колумбии. Отлов был запрещен в 1976-м, но речь шла о маленькой семье – группе А-4. Эта семья уже пострадала. В 1983 году кто-то – их отпустили за отсутствием доказательств – подстрелил самку косатки А-10 и ее детеныша. Исследователи, наблюдавшие за китами, слышали выстрелы и поспешили на помощь. Один из свидетелей рассказывал, что «А-10 подтолкнула раненого детеныша к борту лодки. Мы увидели рану, из которой сочилась кровь. Как будто она говорила нам: смотрите, что вы, люди, сделали». Через несколько месяцев обе косатки умерли.

Одно лишь предложение выловить косаток, которых Александра Мортон часто видела – через много лет после введения запрета, – вызвало у нее ярость. На совещании друзьям пришлось успокаивать ее.

За долгие годы наблюдений Александра Мортон не встретила косаток только в одном крупном проливе – в проливе Крамер, на берегу которого жила. Через два дня после совещания, где она с такой страстью выступала против вылова косаток, Мортон следовала за Якат и Келси – сестрами погибшей самки А-10 – и подростком по кличке Сатли. Перед входом в пролив Крамер косатки принялись описывать круги. Мортон дрейфовала вместе с ними. Затем они «заперли» ее – две сестры по бокам, а подросток впереди лодки, на расстоянии нескольких сантиметров. Каждый раз, когда она заводила двигатель, косатки спешили за ней, но не отпускали. Такое поведение характерно для бродяг, намеревающихся прикончить добычу, и Мортон это не понравилось. Но потом косатки повернули и сопроводили ее в пролив Крамер, после чего три раза проплыли туда и обратно по проливу.

«Иногда я просто не знаю, во что верить, когда речь идет о косатках», – говорит Мортон. Она задавала себе вопрос: может, животные пытались ей что-то сказать после того, как она защитила их семью? Но ведь собрание проходило в помещении (даже не в лодке, где косатки – если они понимают английский – могли бы услышать ее). Для того чтобы прочесть ее мысли, нужна телепатия. Но Мортон понимала, что это предположение «не выдерживает никакой критики».

Как сказал бы Кен, Александра Мортон «вступила на территорию чудес».

За несколько десятков лет до этого случая Мортон наблюдала за двумя живущими в неволе косатками по кличке Орки и Корки. Однажды, когда косатки плавали в бассейне на Тихоокеанском побережье, она попросила тренера показать, как он обучает животное чему-то новому. (Корки была дочерью Страйп. Много лет спустя Страйп помогла Мортон добраться домой в густом тумане, о чем я уже рассказывал.) Ни Мортон, ни тренер не видели, чтобы живущая в неволе косатка хлопала спинным плавником по воде. Они решили, что разучат этот трюк на следующей неделе. «А потом случилось кое-что, после чего я старалась не давать волю своим мыслям в присутствии косаток», – вспоминала Мортон. Корки приподнялась и хлопнула

спинным плавником по поверхности воды. Она повторила это движение несколько раз, а потом принялась описывать круги по бассейну, непрерывно хлопая плавником. «Вот вам и косатки, – с улыбкой сказал тренер. – Они умеют читать мысли. Мы постоянно с этим сталкиваемся».

Говард Гаррет так описывал эксперименты, которые вместе с коллегами в начале 80-х проводил на живущих в неволе косатках: «Мы все чувствовали, что наши намерения изучаются косатками и что они не только поняли наши возможности и ограничения, но и поделились своими знаниями с соседями по бассейну. Мы чувствовали, что стали добрыми друзьями и что косатки нас хорошо изучили. Мы все были очень растроганы».

Спрингер (А-73), очень молодая самка косатки из оседлого стада, загадочным образом появилась в заливе Пьюджет-Саунд неподалеку от Сиэтла. Она лишь недавно перестала питаться материнским молоком, а ее мать исчезла. Кен увидел ее, когда она играла с маленькой веткой дерева, плывущей по волнам. «Я подобрал ветку и бросил ее, и косатка радостно поплыла вдогонку. Я начал хлопать ладонью по воде, и она повторила мое движение – грудным плавником. Потом я посмотрел на нее и по какой-то причине описал пальцем круг, как будто просил: „Перевернись“ – и она перевернулась! Это было поразительно. Чтобы добиться этого от собаки, нужны долгие тренировки. Я хочу сказать, что косатка понимала, что я имею в виду, словно ее сознание каким-то образом было связано с моим. *Такое* невозможно описать словами». Для того чтобы перевернуться, когда Кен вращал пальцем, Спрингер должна была понимать: это движение обозначает общее геометрическое понятие «вращение вокруг оси». Кроме того, требовалась способность применить к своему телу понятие, которое косатка видела как движение пальца. Для этого нужно, во-первых, желание вступить в контакт с другой формой жизни, во-вторых, способность к игре и, по всей видимости, представление о веселье. Кроме того, Спрингер не могла сделать то, о чем он подумал, если бы не предполагала, что он о чем-то думает.

Удивительное поведение.

Другими словами, Спрингер просто была косаткой. Похоже, все косатки очень внимательны. Мы ничем не можем их удивить – они воспринимают нас как должное. И мы тоже не должны удивляться их

поведению. Нужно просто принять их такими, какие они есть. И удивляться самим себе – почему мы не сделали этого раньше?

К счастью для Спрингер, люди придумали верный план: вернуть ее к семье. На косатку набросили аркан и осторожно переместили в канадскую бухту, в большой садок, сделанный из сети. Идея состояла в том, чтобы подержать ее там, пока не удастся найти ее семью. Семья объявилась на следующий день. Исследователи открыли садок, и, как выразился Кен, «очень взволнованная» Спрингер присоединилась к сородичам и больше с ними не разлучалась. «В тот год, – отметил Кен, – она родила своего первого детеныша. Так что это по-настоящему счастливая история». Потом Кен надолго умолкает. «То же самое нужно было сделать с Льюной».

Маленький самец по кличке Льюна родился в 1999 году и был сыном Сплэш из стада Л. С самого начала его жизнь изобиловала странными зигзагами. В детстве он провел некоторое время с самкой из стада К по кличке Котенок, которую незадолго до этого видели с мертвым детенышем на спине. Котенок, горевавшая из-за потери детеныша, по всей видимости, взяла Льюну «напрокат». В конечном счете Льюна вернулся к родной матери, но он никогда не был маменькиным сынком и часто сопровождал других косаток из стада Л. Затем весной 2001 года Льюна начал пропадать.

Один – двухлетний малыш – он появлялся в заливе Нутка, в Британской Колумбии. «Всего триста двадцать километров отсюда», – поясняет Кен. Косатки могут проплывать до ста двадцати километров в день. «Но с точки зрения акустики он находился в таком месте, куда не доходили сигналы его стада».

Льюна приплыл туда вскоре после смерти вождя местных индейцев, который сказал: «Когда я умру, то вернусь как какауин». Индейцы называли детеныша Тсуксиит, и для них он был не просто косаткой. Как выразился один из них, он пришел «чтобы смыть страдания, убрать боль из нашей жизни». Наполовину косатка, наполовину мессия.

Люди называли его по-разному, например Патч или Бруно, но потом исследователи поняли, что этот странный, одинокий детеныш на самом деле пропавший Л-98 – Льюна.

Патч, Бруно, Льюна, Тсуксиит. Он потерялся, и люди не знали, что делать.

Льюне тоже не хватало компании. Он ловил лосося, а потом высовывался из воды с рыбой в зубах. «Он явно показывал нам свою добычу», – делился своим мнением один из исследователей. «И ты понимаешь, – прибавлял другой, – что это не рептилия... Это личность». Когда он смотрит на тебя, его взгляд «как будто о чем-то просит, и ты сразу же проникаешься к нему сочувствием». Люди замечали его «общительность, обаяние, грусть». Один рыбак рассказывал, что, впервые встретив Льюну, опустил руку в воду и помахал, и тогда кит поднял плавник из воды и помахал в ответ. Не сомневаясь, что это совпадение, рыбак снова помахал рукой, и Льюна снова ответил ему. «Он гораздо умнее, – понял рыбак, – чем те домашние животные, к которым мы привыкли». Когда повар вспомогательного судна посмотрела в глаза Льюне, то увидела нечто удивительное и глубокое. «У меня перехватило дыхание», – вспоминала она.

Льюна рос, постоянно выискивая возможность поиграть с пассажирами лодок и вообще с людьми. Он мог без труда толкать двенадцатиметровые бревна или разворачивать десятиметровые яхты. Но когда он начинал играть с байдаркой, которой управляли две женщины, или каяком, то толкал их очень аккуратно. Понимал ли Льюна, что вода, его родной дом, может убить человека? Это кажется невероятным, как и многое другое в поведении Льюны и косаток вообще. Но кто-нибудь может предложить другое объяснение?

Как вспоминает Кен, жаждущий внимания Льюна «быстро понял, что люди могут быть источником очень интересного взаимодействия». Он любил, когда к нему прикасаются, гладят его язык, поливают из шлангов – «этого никак не ожидаешь от дикого животного».

Но я не слишком удивлен. Еще в начале 80-х, когда я изучал морских крачек, я однажды сидел в своей лодке и вдруг услышал громкий плеск. Повернувшись, я замер: передо мной была белуха – одна, примерно за полторы тысячи километров от мест их обычного обитания. На протяжении двух сезонов белуха часто находила и сопровождала меня (а я – ее), пока я наблюдал за птицами. Я видел, как белуха подплывала и к другим лодкам. Этот маленький белый кит был немного застенчивым, но очень радовался, когда я прыгал в воду. Он (или она, не могу сказать) описывал круги, дотрагивался до меня плавниками, что доставляло удовольствие нам обоим.

Льюна продемонстрировал, что он в первую очередь социальное существо и только потом – косатка. Один из исследователей, наблюдавших за Льюной, говорил, что животное может видеть в тебе личность, несмотря на твою непохожесть. Если людей не смущало, что Льюна – косатка, то его тоже не смущало, что они – люди.

Но потом у людей возникли вопросы. Льюна стал причиной раскола – одни считали его даром, другие – дилеммой. Как поступить: игнорировать его, подружиться, воссоединить с семьей – или переселить в неволю?

– Было бы очень легко заманить его записью голоса матери – она у нас есть, – говорит Кен. – Мы могли бы поддерживать социальный контакт, который ему необходим, и потихоньку уводили бы его из пролива к океану, а потом вернули бы в стадо. – Кен смотрит на меня, желая удостовериться, что я понимаю простоту этого плана. – Но эти тупые канадские власти... – Кен не может сдержать возмущения, хотя прошло уже столько лет. – Не знаю, что за дурацкие причины они нашли, но не позволили этого сделать.

История Льюны – это история о потерявшемся детеныше. Он нуждается в дружбе и в том, чтобы его проводили домой, и встречает существ, которые совсем не такие, как он, но способны ему помочь.

– Ему нужно было совсем немного – чтобы кто-то побыл с ним, пока он не вернется домой, – говорит Кен, человек, которого косатки проводили до дома в тумане. – А чиновники *настаивали*, что нужно лишить его компании, которой он хотел и в которой нуждался. Мы имели дело с невероятным невежеством. – Кен горько усмехается. – А ведь ему просто были нужны друзья.

Лишенный общества косаток, Льюна завел себе других друзей. Он мог часами держаться рядом с причалившим судном, наблюдая за его разгрузкой. Но как только люди уходили, он покидал порт. Но если на борту судна кто-нибудь оставался ночевать, Льюна плавал рядом с судном до утра. Один из капитанов рассказывал, что из открытого иллюминатора до него часто доносилось дыхание косатки. Однажды у пассажира сдуло шляпу, и Льюна бросился подбирать ее. Он поднырнул под шляпу, надел ее себе на голову и принес назад, так что до нее можно было дотянуться рукой. Человек получил назад свою шляпу благодаря дикой косатке, которая всеми возможными способами показывала, что она по меньшей мере хороший друг.

Льюне была нужна семья – или хотя бы общение. Власти делали все возможное, чтобы предотвратить любые контакты. В какой-то момент они даже пытались поймать Льюну. Заявленная цель – воссоединение с семьей. Но аквариум хотел купить косатку, и такая возможность не исключалась.

Льюна стал главным героем фильма «Кит» и книги «Потерявшийся кит», где ярко описаны ситуации, когда люди, отвечавшие на приглашение Льюны пообщаться, подвергались штрафам и обвинялись в преступлении. Безумие вокруг Льюны усиливалось.

Мишель Келер, которую вместе с Эрин Гоббс власти наняли для того, чтобы следить за Льюной, вспоминала: «Когда он подплывал к лодке, мы часто смотрели друг другу в глаза, и его взгляд был очень мягким, очень искренним. Ко мне и к Эрин он относился по-разному. Эрин по натуре шутница, и Льюна с ней шутил. Он мог плюнуть в нее. Брызнуть водой в лицо. Шлепнуть хвостом или грудным плавником... Со мной он никогда так себя не вел. А мы ведь были в одной лодке, на расстоянии полутора метров... Со мной он был совсем другим. У нас разная энергетика. И он явно учитывал это. Потрясающе».

Но женщин наняли для того, чтобы оградить Льюну от людей, – и вскоре их отношения изменились. «Поначалу он нас действительно любил», – вспоминала Мишель. Но, поскольку обязанности Мишель и Эрин состояли в том, чтобы останавливать людей, которые играли с косаткой, «он подплывал и отталкивал нас, как будто говорил: „Уходите отсюда! Я нашел того, с кем могу играть весь день. Уходите отсюда!“ Другой наблюдатель писал, что Льюна „упрямец, боец, клоун; это умеющее сострадать, озорное и способное любить существо“.

К Льюне не подпускали дружелюбных друзей, но он очень хотел общаться. Однажды Льюна последовал за буксиром, поранился о его винт и умер.

Майкл Парфит и Сюзанна Чизхолм шли на легкой надувной лодке со скоростью восемнадцать узлов, и внезапно на поверхность рядом с ними вынырнула косатка. Это был Льюна. Он двигался так четко и выверенно, что его шкура скользнула по правому борту. „Я почувствовал его прикосновение по движению лодки, – вспоминал Парфит, – но не стал менять курс“. Льюна каким-то образом понимал,

что нам обоим нужно быть аккуратными, чтобы поддерживать контакт». Однажды, когда Льюна слишком энергично играл с аварийным подвесным мотором, Парфит сказал: «Эй, Льюна, прекрати, пожалуйста». Льюна немедленно оставил мотор в покое и отплыл чуть дальше. «Было трудно признать подобный уровень понимания и целеполагания у существа, которое совсем не похоже на человека, – писал Парфит. – У меня создалось впечатление, что эта косатка воспринимает жизнь так же, как я: видит то же, что и я, так же чувствует воздух и море, испытывает такие же эмоции... и это создавало ощущение безопасности. Это было потрясающе. Но не слишком комфортно».

Льюна помог Парфиту понять, что человеческая речь – всего лишь один из способов передать восприятие жизни. «Похоже, мы виноваты в том, что можем оперировать этими неуклюжими символами», – говорил он, чувствуя, что язык – это барьер и возвели его *мы*.

Восприятие человека обходится без слов; слова – просто попытка описать то, что уже осознается. Восприятие животных, не умеющих говорить, – это сознание в чистом виде. В конечном итоге Парфит осознал, что должен отбросить в сторону различия. Перед ним не существо, непохожее на человека. Не косатка. Перед ним просто Льюна.

Я смотрю на других животных и почти всегда не вижу различия. Я вижу сходство, чувствую глубокую связь. Лучший способ почувствовать свою принадлежность к этому миру – общество диких животных. Ничто другое, за исключением глубокой человеческой любви, не приносит такого умиротворения, такого чувства единения с другим существом.

Тело дельфина, с плавниками и хвостом, многим людям кажется чужим. Но *дельфины* обычно демонстрируют понимание того, что мы похожи, несмотря на внешние различия, и они знают, какие части их тела соответствуют нашим. Дельфины, с которыми работал Лу Херман, без труда копировали движения людей. Когда человек тряс ногой, дельфины трясли хвостом. Впечатляющий перенос понятия «нога» в сознании существа, которое несколько миллионов лет живет без всяких ног.

Тренер водного парка «Маринлэнд» говорила, что косатки умеют читать мысли. И она не шутила. Но что, если она не просто излагала свое мнение, а была права? Что, если, подобно способности к эхолокации, о существовании которой до 50-х годов даже не подозревали, у этих животных есть и другой способ коммуникации и восприятия? Не знаю, не уверен. Но подумайте вот о чем: мы постоянно пользуемся радиоприемниками, чтобы слушать музыку, разговоры или, если так можно выразиться, удаленное сознание других. Это нечто вроде технологической телепатии. Но мозг гораздо сложнее, чем радио или компьютер. С учетом того, какое огромное эволюционное преимущество получает тот, кто владеет телепатией и читает мысли других, возможно ли появление в природе своего рода приемопередатчика для обмена мыслями? Может быть, разум дельфина, приспособленный для восприятия и анализа звуков под водой, также способен различать волны намерений и чувств? Скорее всего, нет. Но возможно, для этого просто нужен мозг побольше, чем у нас. В научной фантастике описываются пришельцы из космоса с огромными головами и мыслительными способностями, намного превосходящими наши. Как бы то ни было, у китов действительно очень большая голова.

В 60-е годы Карен Прайор обнаружила, что крупнозубые дельфины способны понять концепцию «сделать что-то новое». Если она поощряла их только тогда, когда они делали нечто впервые или то, чему их не учили, то по специальному сигналу они «сами придумывали такое, что мы даже представить не могли и чего нам самим было бы очень трудно добиться».

Но и это еще не все. Когда гавайским бутылконосым дельфинам, Фениксу и Акикамаи, подавали сигнал «сделать что-то новое», они плыли к центру бассейна, несколько секунд кружили под водой, а затем совершали что-то совершенно неожиданное. Например, могли абсолютно синхронно выпрыгнуть из воды, вращаясь по часовой стрелке и разбрызгивая воду изо рта. Ничему такому их не учили. «Полная загадка, – говорил исследователь Лу Херман. – Мы не понимаем, как они это делают». Такое *впечатление*, что они переговариваются с помощью какого-то особого языка, чтобы спланировать и выполнить новый сложный трюк. Может быть, существует другой способ коммуникации, который люди просто не

представляют, – дельфинья телепатия? Неизвестно. В любом случае для самих дельфинов это так же естественно, как фраза, которую произносят наши дети: «Эй, давай сделаем так...»

За несколько десятилетий наблюдения за дельфинами, живущими на свободе в районе Багамских островов, Дениз Херцинг хорошо узнала отдельных особей. Очевидно, и они ее хорошо изучили. Каждый год исследователь уезжала на восемь месяцев, затем возвращалась к друзьям. «Наверное, самое подходящее слово для описания нашей встречи – „радость“, – писала Херцинг. – Несмотря на то что я занималась научным изучением дельфинов, я воспринимала их как друзей другого вида, но явно обладающих сознанием, чувствами и памятью. Мы встречались как друзья». По окончании исследований, длившихся несколько недель, она писала: «Дельфины как будто знают, что мы уезжаем, и устраивают нам грандиозные проводы. Я часто думаю, как они это узнают?»

Эти же «телепатические» способности проявились и в одном более печальном инциденте. В самом начале экспедиции, когда катер Херцинг приблизился к знакомой группе дельфинов, животные «приветствовали нас, но вели себя очень необычно», не подплывали к лодке ближе пятнадцати метров. И отказывались от предложения поиграть, что тоже было странно. А когда капитан спустился в воду, один дельфин подплыл к нему, а потом вдруг шарахнулся назад.

В этот момент кто-то обнаружил, что один из пассажиров умер – в своей койке, во сне. Жуткая история. Катер развернулся и направился в порт, и «дельфины поплыли с нами, но не впереди, как обычно, а рядом, в пятнадцати метрах, словно морской эскорт... Они шли параллельным курсом, выдерживая строй». Команда выполнила все необходимые формальности, и катер вернулся в море, где «дельфины приветствовали нас как обычно, играли и резвились». Херцинг изучала дельфинов на протяжении двадцати пяти лет, но ни разу не видела, чтобы животные вели себя так, как в тот день, когда на борту умер человек. Возможно, сонар дельфина каким-то образом – недоступным нашему пониманию – позволяет увидеть происходящее внутри катера, понять и рассказать остальным, что сердце человека в койке не бьется. Может, они определили, что человек умер, с помощью другой сенсорной системы, которая отсутствует у человека и о существовании

которой мы не подозреваем. А что значит для дельфинов – скорбеть по поводу смерти человека?

У нас слишком мало данных для анализа, чтобы продолжить. Всего лишь несколько рассказов о живущих на свободе косатках, которые провожают заблудившихся в тумане людей, о китах, которые якобы возвращают потерявшихся собак, о том, как киты-киллеры начинают вращаться вокруг своей оси, когда видят круговое движение пальца человека, или возвращают шляпу, надев ее на голову; как они машут человеку в ответ или выражают сочувствие – или *симпатию*. В Антарктиде мой друг Боб Питмен бросил снежок в сторону косатки, и животное в ответ тут же бросило в него осколок льда. Все эти истории могут быть простым совпадением. Но у нас нет историй, в которых косатки не обращают внимания на людей, не реагируют на их мысли, на собак или на снежки. Я не верю в то, что доподлинно не известно. Меня как ученого убеждают факты. И я склонен отбрасывать сверхъестественные объяснения загадочных явлений.

Но еще важнее вот что: я не вижу доказательств того, что косатки – даже если интеллект у них выше, чем у нас (что бы это ни значило), – «посылают нам сообщение», хотя в это всем сердцем верит одна моя знакомая.

Наверное, всем хочется верить, что киты посылают нам сообщение. Это сделало бы их особенными. Более того, уникальными. А мы очень любим говорить о собственной уникальности. Но уникальность людей заключается именно в непомерном самомнении и этом общем заблуждении.

Что касается меня, то я скептически отношусь ко всему, во что мне хочется верить, – именно потому, что мне этого хочется. Желание поверить лишает объективности.

Но вопросы, ставящие нас в тупик, никуда не делись. Почему косатки объявили одностороннее перемирие в отношениях с человеком, но не в отношениях с меньшими по размерам дельфинами и тюленями, на которых они нападают и которыми питаются? Почему они выделяют нас среди всех и предлагают свою помощь? Почему не проявляют агрессии? Почему после всех преследований, отлова и убийств у них не выработался страх перед людьми, как у волков и воронов, и почему они не учат детенышей держаться подальше от человека, как некоторые дельфины? Такие страхи характерны для

дельфинов, которые охотятся на тунца на просторах Тихого океана. Они тысячами гибнут в сетях и до сих пор в панике спасаются бегством от судна, находящегося на расстоянии нескольких километров, если оно поворачивает в их сторону или если у него меняется звук двигателя. Я сам наблюдал такое не раз. Ставший результатом горького опыта страх дельфинов перед кораблями вполне объясним.

Необъяснимо другое. Гигантские хищники с огромным мозгом, раскрашенные, как пиратский флаг, едят все – от морских выдр до синих китов – и часами сражаются с тяжеленными морскими львами, тараня их и подбрасывая в воздух, чтобы обескровить, а затем утопить и разорвать на куски. Эти киты-киллеры смывают тюленей со льдины, перемальвают челюстями морских свинок и пожирают плывущих оленей и лосей – собственно, любых млекопитающих, которых можно найти в воде. Но они не перевернули ни одну байдарку и, возможно, возвращают домой собак.

В Аргентине косатки иногда выскакивают из прибоя и утаскивают морских львов прямо с пляжа. Когда смотришь видеозапись такой охоты, думаешь, что гулять вдоль берега моря – чистое безумие. Но когда рейнджер Роберто Бубас выходил в море и играл на губной гармошке, те же косатки собирались вокруг него, словно щенки. Они весело носились около лодки и подплывали, когда он звал их – по именам, которые для них придумал.

Сквозь сентиментальные истории проступает неоспоримый факт: живущие на воле косатки почему-то не проявляют агрессии к человеку. Это тем более странно, если учесть, с каким упорством люди продолжают убивать других людей. Как объяснить *оба* эти факта? Почему косатки так удивительно миролюбивы? Морские «тираннозавры», которые столько раз выныривали рядом с крошечными лодками, никогда не причиняли вреда человеку, даже во время игры, – и это требует объяснения. Но что еще важнее, это требует от нас найти путь к пониманию. Что, черт возьми, происходит? Может, это находится за границами нашего восприятия и мы просто не в состоянии понять, что движет этими животными? Возможно, настанет время...

И не только косатки. Можно привести множество свидетельств миролюбия других китов. Фотограф Брайант Остин несколько недель

снимал самок горбатых китов и их детенышей, и однажды пятинедельный кит отделился от матери и поплыл к нему. «Новорожденный остановил свой хвост шириной полтора метра прямо напротив моей маски, на расстоянии сантиметров тридцати», – вспоминал Остин. Фотограф замер, но вдруг почувствовал довольно чувствительный хлопок по плечу. «Повернувшись, я увидел прямо перед собой мать малыша. Она вытянула свой двухтонный грудной плавник длиной четыре с половиной метра и кончиком осторожно коснулась моего плеча». Сообразив, что он оказался между матерью и детенышем, Остин испугался – ведь она без труда сломает позвоночник. Но самка, по выражению Остина, проявила «деликатную сдержанность». Тем временем детеныш направился к биологу Либби Эйре. «Казалось, время замедлилось – я смотрел, как детеныш подныривает под Либби, переворачивается, а затем аккуратно поднимает ее из воды на своем брюхе. Она стояла на четвереньках и смотрела на горло кита». Пока Брайант лихорадочно перебирал варианты возможных несчастий, «молодой кит коснулся грудным плавником ее спины, затем осторожно перевернулся и спустил ее в воду».

И не только киты. Вспомните слониху Таню, которая преследовала раздражавшую ее женщину, но, когда та упала, резко затормозила, чтобы не раздавить ее. Или слонов, которые охраняли заблудившихся или раненых людей.

Желание помочь

Истории о косатках показывают, что эти животные не желают вреда человеку – наоборот, хотят защитить его и успокоить. Стремление прийти на помощь – неотъемлемая часть «личности» косатки. В 1973 году молодая косатка попала под винт паромы. Вот что рассказал капитан: «Корова и бык поддерживали раненого теленка с двух сторон, не давая ему перевернуться на спину. Время от времени бык отклонялся в сторону, и теленок переворачивался на бок. Но бык описывал круг, подныривал и медленно всплывал рядом с теленком». Они заботились о детеныше с поразительной преданностью – спустя две недели кто-то опять сообщил, что «две косатки поддерживают третью, чтобы она не перевернулась». Но раненого детеныша исследователи больше не видели. (Некоторые англоговорящие люди по привычке называют косаток и слонов такими словами, как «бык», «корова» и «теленки». Это типичная предвзятость. Когда речь идет о таких животных, как косатки и слоны, правильнее было бы говорить «мужчина», «женщина» и «ребенок». Если уравнивать терминологию, дымовая завеса рассеется и шоры на глазах исчезнут. Разумеется, люди этого боятся.)

Действительно ли реакция взрослых животных указывает на «поразительную преданность детенышу», как я только что сформулировал? Может, я тоже необъективен? Может, такое желание помочь представляет собой бессознательный инстинкт, нечто вроде рефлекса – врожденное стремление вытолкнуть попавшего в беду сородича наверх? Есть ли способ выяснить, понимают ли они, что делают? Способны ли они оценивать меняющуюся ситуацию и корректировать свои действия?

Решайте сами. Вот несколько ситуаций. Гринды, которые поддерживали загарпуненного товарища на поверхности, внезапно стали толкать его вниз, под воду, когда увидели, что судно тянет его за собой. Наверное, вначале они решили, что ему нужно помочь дышать, а потом поняли, что главное – спасти его от корабля. Они хотят жить. И когда на них нападают, стремятся выжить. Описаны несколько случаев, когда горбатые киты спасали от нападения косаток тюленей

Уэдделла, тюленей-крабоедов и молодых серых китов. Боб Питмен и Джон Дурбан, изучавшие китов, однажды наблюдали, как тюлень Уэдделла, смытый косатками со льдины, бросился к двум горбатым китам, находившимся поблизости. «Как только тюлень добрался до ближайшего горбатого кита, громадное животное перевернулось на спину – и тюлень весом сто восемьдесят килограммов оказался на груди кита между его мощными плавниками. Когда косатки приблизились, горбатый кит выпятил грудь и поднял тюленя над водой». Тюлень начал соскальзывать, и горбатый кит толкнул его плавником, вернув на середину груди. Вскоре после этого тюлень соскользнул в воду и поплыл к ближайшей льдине. Молодой самец атлантического пятнистого дельфина по кличке Зигзаг испугался грубых игр группы своих однонок, отделился от них, замер у поверхности воды и жалобно пищал. Молодые косатки осторожно подплыли и стали тереться о него, после чего он снова присоединился к игре. (Это выглядит особенно трогательно, если сравнить с тем, как наши дети иногда издеваются над слабыми.)

Киты не только помогают друг другу, но и принимают помощь людей. А иногда ищут ее. Иногда сами помогают людям. Иногда благодарят.

Неподалеку от Сан-Франциско горбатый кит запутался в десятках крабовых ловушек, соединенных веревками длиной полтора километра, на которых через каждые два метра были подвешены грузы; вся конструкция весила около четырехсот пятидесяти килограммов. Веревка не меньше четырех раз обвилась вокруг хвоста, спины, пасти и левого переднего плавника, глубоко врезавшись в кожу гиганта. Кита длиной почти пятнадцать метров и весом около пятидесяти тонн затащило под воду, и он с трудом дышал. К нему нырнули несколько аквалангистов, чтобы попытаться помочь. Первый аквалангист пришел в ужас от того, как сильно запуталось животное, и сомневался, что они смогут освободить кита. И еще он боялся, что от беспорядочных движений кита аквалангисты сами запутаются в веревках. Но кит не пытался освободиться как можно скорее, а целый час, пока работали люди, вел себя спокойно. «Когда я резал веревку, попавшую ему в пасть, – вспоминал Джеймс Москито, – его глаз внимательно следил за мной, время от времени моргая. Это было потрясающе». Осознав, что он свободен, кит не уплыл. Он подплыл к

ближайшему аквалангисту и ткнулся в него носом. Потом направился к следующему. «Он остановился в полуметре от меня и немного подтолкнул, словно забавляясь, – рассказывал Москино корреспонденту „Сан-Франциско Кроникл“. – Мне показалось, что он благодарит нас, понимая, что свободен и что это мы ему помогли. Он как будто хотел выразить свою любовь, как собака, которая радуется встрече с вами».

Захватывающий любительский видеоролик (его можно найти в интернете), снятый на Гавайях, показывает, как дельфин с рыболовным крючком в плавнике активно ищет помощи у аквалангистов. Люди видят, в чем дело, останавливаются, и дельфин тут же принимает предложенную помощь. Почему дельфин с крючком в плавнике решил искать помощи у аквалангиста, существа, чуждого для его мира? Обратился бы он за помощью к черепахе или рыбе? Сомнительно. А к другому дельфину? Похоже, он понимал свою проблему точно так же хорошо, как мы. Но способны ли дельфины понять, что мы тоже понимаем – и что у нас есть руки? Очевидно, да. Правда, когда исследователи хотели помочь дельфину по кличке Дэш, которому повредила хвост стальная леска, он отказался. Но эти истории не противоречат друг другу, поскольку люди ведут себя точно так же – один обращается за помощью, другой нет. Один дельфин ищет помощи и принимает ее, другой от нее отказывается.

Джефф Уолкарт, который организует рыбалку для туристов, рассказывал мне об одном случае, произошедшем в 2010 году во время катастрофы в Мексиканском заливе, вызванной разливом нефти после аварии на платформе «Глубоководный горизонт». «К нам подплывал дельфин. Его тело было покрыто пленкой желто-коричневой нефти. Он пытался прочистить свое дыхало, но у него плохо получалось». Каждый раз, когда Уолкарт заводил двигатель, дельфин следовал за ним, «подплывал к нам и сопровождал нас». Похоже, он «просил о помощи». Но Уолкарт не знал, что делать, и в конечном итоге ему пришлось оставить несчастного дельфина, пострадавшего от людей и, по всей видимости, обреченного.

Интересно, почему они приходят к нам? И как часто не оправдывались надежды животных, искавших помощи у людей? Дельфины и киты, которые к нам обращаются, обладают разумом, способным понять, что люди тоже разумны и могут помочь (если мы

захотим). Понимание того, что мы понимаем – именно в этой способности мы им часто отказываем. Иногда дельфины помогают нам. Иногда люди убивают дельфинов и отрицают их страдания. Чья же «теория разума» более совершенна?

В книге Барри Лопеса «Волки и люди» приводится рассказ траппера, который подошел к крупному черному волку, чья лапа попала в капкан. Волк поднял защемленную лапу, протянул человеку и тихо заскулил. «Я бы отпустил его, но мне были очень нужны деньги», – вспоминал траппер.

В сети можно найти видеоролик, в котором показано, как дикий ворон из Новой Шотландии целый час сидит на заборе и кричит, пока человек не подходит к нему и не вытаскивает несколько игл дикобраза из его головы и шеи. Можно привести много историй, в которых раненые животные намеренно идут к человеку. Майк Томкис в книге «Из джунглей» вспоминает: «Просто удивительно, сколько больных диких животных... подходили к нам, как будто знали, что их защитят».

У нас была собака, которую нам никак не удавалось отучить от дурной привычки – гоняться за оленями. Однажды в глубоком снегу собака догнала самку оленя и укусила ее. Я видел, что произошло и что у оленихи разодрана шкура, но рана не выглядела серьезной. Пару раз после этого случая я видел олениху и решил, что с ней все в порядке. Но однажды утром я открыл дверь и увидел мертвую олениху. Может, она пришла за помощью? А может, хотела спросить почему, обвинить, напомнить о себе? Хотела, чтобы ее избавили от мучений, или пришла отомстить собаке? Или страдающей оленихе у нашей двери просто было немного теплее? Наверное, на ее выбор повлияли все эти причины. Я не могу придумать правдоподобного объяснения загадке, почему самка оленя, пострадавшая от нашей семьи, пришла умирать у нас на пороге. Она знала почему. Я не знаю.

Похоже, иногда звери признают у нас родственное сознание, в котором мы часто отказываем им. Время от времени, по крайней мере, мы, на их взгляд, поступаем правильно. Самки серых китов производят на свет детенышей в лагунах Бахо на Тихоокеанском побережье Мексики. Пока китобойный промысел не запретили, серые киты иногда нападали на лодки и разносили их в щепы. Китобои считали серых китов агрессивными, хотя животные просто защищали свою жизнь. Китов почти уничтожили, но скверная репутация сохранялась

за ними несколько десятилетий. Мексиканские рыбаки в своих легких каноэ их очень боялись. «Их называли рыбами дьявола, – рассказывал мне дон Пачико Майорал^[94]. – Ни у кого не находилось для них доброго слова».

Все изменилось в один удивительный день 1972 года. Пачико рыбачил вместе с другом, и вдруг в нескольких сантиметрах от их лодки из воды появилась голова большого серого кита. «Мы оба испугались, – вспоминал Пачико. – От неожиданности у нас задрожали ноги». Но кит не стал атаковать лодку, а аккуратно скользил вдоль нее. И тогда Пачико решил преодолеть барьер. «Я очень осторожно дотронулся до него, и он остался спокойным, – рассказывал мне Пачико по прошествии нескольких десятков лет, но было очевидно, что этот момент, изменивший его жизнь, со всеми подробностями запечатлелся в его памяти. – Шли минуты, а я продолжал гладить кита, пока мой страх не исчез. Это было как просветление. Я благодарил Бога».

Желая поделиться этим даром, Пачико стал брать с собой в море других людей, и так возник туристический бизнес, основой которого стало общение с китами. «Они простили весь вред, который мы им принесли. Вот почему я так их люблю и уважаю», – признавался Пачико. Незадолго до смерти он сопровождал меня в прогулке по лагуне. Вместе с другими туристами я наблюдал, как самки китов подплывают к нам с новорожденными детенышами, словно с гордостью демонстрируют потомство, и держатся рядом, пока мы гладим их. Дон Пачико и его сын Хесус объяснили, что, если киты не подплывают, люди их не беспокоят. Но если они приблизились к вам, а вы их не погладили, они уходят. По каким-то причинам они ищут контакта с людьми. Но не будет ли эгоизмом – обычное дело – думать, что другие животные испытывают к нам особую привязанность?

С древности до наших дней известны многочисленные истории о том, как дельфины выталкивали тонущих людей на поверхность. Однако на протяжении миллионов лет дельфины жили и умирали на планете, где не было человека. Инстинкт заставляет дельфинов поддерживать на поверхности своих детей и больных сородичей. Возможно, помощь людям обусловлена инстинктом – просто он направлен на другой объект. Или желанием что-то сделать. Мы им безразличны. Так?

Однажды мой редактор Джек Макрей плывал на байдарке за барьерным островом у побережья Джорджии, как вдруг поднялся ветер, гнавший высокие волны. Джек не слишком хорошо знал местность и начал волноваться. Вскоре появились дельфины и выстроились по обе стороны, словно указывая ему путь. Он последовал за ними, и животные привели его в безопасную бухту. На Багамах один из исследователей во время заплыва сильно устал, ему понадобилась помощь товарища, и тот взял его на буксир. Атлантический пятнистый дельфин внезапно бросил свои дела и сопровождал их, пока они не добрались до катера. Если исследователи удалялись больше чем на сто метров от катера, дельфины быстро загоняли их обратно. «Когда мы позволяли дельфинам самим определять характер взаимодействия, они плавали кругами или приводили нас назад». Исследователь Дениз Херцинг также вспоминает: «Нередко дельфины окружали нас, когда появлялась акула, иди даже сопровождали до катера, проявляя необыкновенную настойчивость».

В 2007 году большая белая акула напала на серфера по имени Тодд Эндрис. Группа бутылконосых дельфинов образовала вокруг него защитное кольцо. Эндрис добрался до берега и остался жив. В 1997-м команда венесуэльской рыбацкой шхуны не могла найти моряка, упавшего за борт. Час спустя спасатели на моторной лодке увидели двух дельфинов, которые приблизились к ним, потом быстро отвернули, снова приблизились и снова отвернули – и так несколько раз. Капитан уже обыскал этот район, но решил последовать за животными. Они нашли моряка, живого – с помощью дельфинов. Элиан Гонсалес, шестилетний беженец с Кубы, стал знаменитым в 2000 году после того, как их лодка перевернулась, его мать вместе с остальными беженцами утонула, а он сам два дня плыл на автомобильной камере. Люди, которые его спасли, видели дельфинов, сопровождавших измученного мальчика. Элиан рассказал: когда у него закончились силы и пальцы начали разжиматься, дельфины вытолкнули его на камеру. Он говорил, что чувствовал себя в безопасности только тогда, когда видел рядом дельфинов.

Возможно, все это всего лишь инстинктивная реакция на страдания млекопитающего, рефлекс, выработавшиеся для того, что помогать другим дельфинам, но ошибочно направленные на людей. Но

иногда дельфины поступают с людьми так, как никогда не поступают друг с другом, – это неестественное для них поведение и полностью ориентированное на людей. «Я часто наблюдала, как дельфины подплывают к нашим катерам, стоящим на якорю, и хлопают по ним хвостом перед шквалом или сильным штормом», – рассказывает Дениз Херцинг. Если объяснение, что дельфины предупреждают и оберегают исследователей, кажется вам выдачей желаемого за действительное, подумайте вот о чем: после того, как у Херцинг порвался якорный трос и катер унесло, дельфин по кличке Блейз «направился к якорю и кружил на этом месте, пока мы не вернулись назад и не подобрали потерянный якорь. Благородный жест со стороны представителя другого вида».

Проблема в том, что все эти истории плохо задокументированы, непоследовательны, страдают от субъективной интерпретации, и поэтому их легко отвергнуть.

Но попробуйте отвергнуть такое свидетельство. В один из туманных дней биолог Мадалена Беарци наблюдала за знакомой группой из девяти бутылконосых дельфинов, которые искусно окружили косяк сардин около пирса Малибу. «После начала пира, – пишет она, – один из дельфинов внезапно покинул круг и на полной скорости устремился прочь от берега. Через мгновение остальные дельфины бросили добычу и присоединились к нему». Бросить еду – это очень странно. Беарци последовала за ними. «Мы удалились не меньше чем на три мили от берега, когда дельфины вдруг остановились, образовали большой круг и остались в таком положении». И тогда Беарци и ее помощники заметили в центре круга из дельфинов неподвижное человеческое тело, это была девушка с длинными белокурыми волосами. «Мы вытащили ее из воды, полностью одетую, лицо ее было бескровным, губы синими. Согретая одеялами и телами исследователей, она пришла в себя». Потом, уже в больнице, Беарци узнала, что эта семнадцатилетняя девушка отплыла подальше от берега, чтобы совершить самоубийство. Она выжила.

Подобные свидетельства – это серьезно.

Прорыв – это не подтверждение того, что мы уже знаем. Это нечто неожиданное, чего мы не могли себе представить, нечто такое, что вызывает изумление и требует новых объяснений. Это нечто такое, что

многие люди отвергают или осуждают. Пока оно не оказывается истиной. Поэтому я не тороплюсь не только верить, но и отвергать. Многие рассказы заставляют меня присоединиться к категории тех, кто говорит: «Я просто не знаю». А это не так просто.

Если человек несколько десятилетий посвятил наблюдениям за животными, его свидетельства нельзя недооценивать. Дельфины, печально сопровождающие катер с умершим на борту, другие дельфины, прерывающие трапезу, чтобы окружить самоубийцу в нескольких милях от берега... Людям очень трудно понять, что это значит.

Как объяснить факты неожиданного перемирия, одностороннего мира? Мне кажется, что от признания отсутствия агрессии до идеи, что косатки сознательно приняли решение сопровождать, а иногда и защищать потерявшихся людей, огромное расстояние. Что думают косатки? Как получилось, что все живущие на свободе животные договорились о миролюбии по отношению к нам? Может быть, вопреки нашему непомерному самомнению древние «невежественные суеверия» коренных народов – это не суеверия, а точное отражение действительности? Их ненаучные представления стали результатом долгого опыта проживания рядом с косатками, а также более объективны, чем то, что можем предъявить мы: предрассудки, гарпуны, пули и необоснованные страхи. До того как познакомиться с этими историями, я был настроен скептически. Теперь моя уверенность поколебалась. Я отказался от неверия. Непривычное для меня чувство. Эти рассказы словно открыли двери, которые я запер, двери к величайшему достижению разума: простому чувству восхищения и открытости к переменам.

Не беспокоить

Дома, в кабинете, Кен подключает камеру к компьютеру. За годы, которые он посвятил наблюдениям за косатками, техника совершила стремительный скачок от черно-белой пленки до цифровой фотографии. Что еще изменилось?

– Мы им уже надоели, – говорит Дэйв. – Они прошли ту стадию, когда хотели общаться с каждой лодкой.

– А если они захотят приблизиться к нам, – прибавляет Кен, – то непременно появятся копы.

Кен часто свистел особым образом: «мой опознавательный свист» – так говорит он. Чтобы помочь косаткам узнать его. Теперь ему нельзя так делать.

Раньше можно было отстреливать косаток, преследовать и ловить их без разрешения властей. В наши дни незаконно даже свистеть. Нельзя делать ничего, что «может изменить их поведение».

Джазовый музыкант, новатор (и наш общий друг) Пол Винтер играл на саксофоне Баха в специальную стальную трубу, прикрепленную к борту надувной лодки Александры Мортон. Огромный самец по кличке Красавчик отделился от проплывающего стада, приблизился к нам и плыл рядом, пока Пол не закончил играть. «Когда музыка смолкла, – писала Мортон, – Красавчик издал долгий, протяжный свист, выдохнул и исчез».

Теперь это незаконно.

Конечно, недопустимо, когда участники холостяцкой вечеринки преследуют косаток, кричат и бросают в них банки из-под пива. Но иногда меры защиты животных выглядят чрезмерными – и направленными против тех, наблюдать за кем очень легко, то есть против исследователей.

– Это плохо, – говорит Кен, – потому что мы интересны косаткам. Границы этого интереса могут простираться дальше, чем мы можем представить.

Если косатки хотят взаимодействовать на собственных условиях и в удобное для них время, значит ли это, что мы все равно их беспокоим?

– Я категорически утверждаю, – подчеркивает Кен, – что никогда не беспокоил ни одну косатку. Я решительно на их стороне.

Мы делим эту планету с существами, чей любознательный разум мирно стремится к нам. Мы отвечаем тем, что строим барьер якобы для их защиты, одновременно уничтожая их пищу и разрушая их слух. Что это – дьявольский план? Нет. Просто недомыслие. Человеческий мозг этого не постигает.

В Бахе, в Мексике, бизнес экотуризма, основанный на близком общении с серыми китами, помог защитить их родильные лагуны от промышленного освоения. Вместо барьера – приглашение, которое посылают сами киты.

Большая часть лагуны закрыта для лодок. Остальную территорию разрешено посещать несколько часов в день. Приватность китов никто не нарушает, если они этого не хотят. Но некоторые из них предпочитают подплывать к лодкам вместе со своими детенышами. В Соединенных Штатах и Канаде за попытку погладить кита можно оказаться в суде. Но в Бахе, если вы не гладите китов, они уплывают к более общительным людям. Побывав там, я окончательно убедился в преимуществе этой системы. Вне всякого сомнения, она помогает понять китов – и по этой причине полезна для них. Для слонов, волков, китов и многих других животных близкий контакт помог заменить страх и ненависть на более глубокое понимание, и это лучше для всех. Законы, запрещающие проигрывать музыку или свистеть китам, нисколько не мешают людям уничтожать их. На самом деле в необычное новое время, когда животные нуждаются в политической поддержке, чтобы выжить, такое навязанное отчуждение лишь ускоряет их уничтожение.

В наши дни киты гораздо более рассредоточены и реже встречаются в районе островов Сан-Хуан.

– Старые добрые времена уже не вернуться, – сокрушается Кен.

Он имеет в виду 80-е годы. Он сам был моложе, популяции лосося хватало, численность косаток восстанавливалась, а не уменьшалась. Но *на самом деле* для косаток хорошие времена закончились еще раньше. По меньшей мере с конца XX века люди убивали их как конкурентов, вылавливали для развлечения, лишали их пищи, загрязняя реки, в которых нерестится лосось, и увеличивая промысел рыбы.

В 1874 году капитан китобойного судна Чарльз Скэммон так писал о косатках: «В какой бы части света вы их ни встретили, они всегда как будто ищут, что бы разрушить или сожрать». Такое впечатление, что он писал о своем китобойном флоте. Косатки иногда охотятся на больших китов, но после миллионов лет убийств в океанах остались миллионы китов. А вот к тому времени, как занятие Скэммона и его товарищей попало под запрет, киты почти закончились.

Старые косатки должны помнить те времена, когда большинство людей боялись и ненавидели их. Кто поверит, что кит-киллер не воспользуется любой возможностью, чтобы напасть на человека? Рыбаки, которым они составляли конкуренцию, стреляли в них без всяких угрызений совести – и безнаказанно. В 1973 году инструкция по подводному плаванию ВМФ США утверждала, что косатки «будут нападать на людей при первой же возможности». В 1969-м в книге «Человек как добыча» косатки назывались «самыми крупными из известных людоедов». Главная проблема подобных заявлений – полный отрыв от реальности.

Кашалоты могут служить еще одним примером животного, репутация которого как кровожадного существа была опровергнута реальностью. «Нас убеждают, что в мире нет существа более жестокого, чем кашалот, – писал в 1838 году Томас Биль в своей книге „Естественная история кашалота“. – Но в действительности кашалот не только оказался самым робким и неагрессивным животным... готовым бежать от всего необычного и совершенно невиновным в тех действиях, в которых его постоянно обвиняют».

Мистические представления коренных жителей северо-восточной части Тихоокеанского побережья гораздо сложнее. И гораздо объективнее. Логика их наблюдений более точно отражает сущность китов. Они с близкого расстояния видели гигантское существо, смертельно опасное, но по какой-то таинственной причине не причинявшее им вреда. И поэтому к китам относились с благоговением. Именно благоговение было основой, из которого люди выковывали уважение к их уму, восхищение их мудростью, благодарность за их сдержанность. Люди считали черно-белых пловцов, полноправных хозяев их таинственного мира, чем-то вроде духов.

Тлингиты, живущие на территории современной юго-восточной Аляски, верили, что косатки способны подарить им силу, здоровье и пищу – косатки знали, как добыть все это из темных, холодных, неприветливых вод. Для коренных народов Британской Колумбии *какауин*, или косатка, тоже обладает сверхъестественными способностями. Какауин – это морской аналог *куайакишк*, или волка. Поэтому какауин, «морской волк», ассоциируется с правдой и справедливостью.

Большинство европейских народов, равно как и японцы, ничего не знают о косатках и поэтому не особенно о них задумываются. Для рыбаков они были вредителями и конкурентами, их демонизировали моряки и закидывали камнями дети. Грэм Эллис, который потом всю жизнь провел с косатками, первым начал тренировать их и изучать в дикой природе, в детстве тоже кидал в них камни. «Так делали все, а когда ты становился старше, начинал стрелять в них».

В период с 1950 по 1980 год Норвегия, Япония и Советский Союз убили около шести тысяч косаток, что, вне всякого сомнения, вызвало резкое сокращение популяции. Другие страны тоже внесли посильный вклад в этот процесс.

В 1956-м исландское правительство, испугавшись, что косатки охотятся на сельдь и рвут рыбацкие сети, обвинили их в том, что они «принесли убыток рыболовной отрасли» в размере двухсот пятидесяти тысяч долларов (удивительно маленькая сумма, даже если учитывать инфляцию, и, конечно, включающая ущерб от охотящихся на сельдь млекопитающих, морских птиц и рыб).

Исландия обратилась за помощью к Америке. В октябре 1956 года «Новости морской авиации» хвастались, что самолеты американского ВМФ «завершили очередную успешную операцию против косаток... сотни были уничтожены с помощью пулеметов, ракет и глубоководных бомб». Страдания и хаос на море, вероятно, были просто чудовищными.

Владельцы коттеджей для спортивной рыбалки в районе Кэмпбелл-Ривер на острове Ванкувер пожаловались на конкуренцию за лосося со стороны косаток, и канадское Министерство рыболовства в июле 1960 года разработало план по предотвращению проникновения косаток в промысловую зону под названием Сеймур Нэрроуз: «Рекомендуется использовать пулемет пятидесятого калибра

с треногой... и открывать огонь при их приближении». Но после того как пулемет был установлен, косатки загадочным образом сменили место охоты и отошли подальше от этой зоны. Очередная невероятная история: откуда косатки могли знать?

Может быть, лучше не убивать их, а смотреть на них живых. В неволе. Правильно?

Первая попытка поймать косатку закончилась трагически. В 1962 году в заливе Пьюджет-Саунд два сотрудника калифорнийского парка «Маринлэнд» заарканили самку косатки из двенадцатиметровой лодки. На ее крики приплыли самцы. Люди запаниковали и стали стрелять. Самцы исчезли, а в заарканенную самку попали шесть пуль. Она пошла на корм собакам. В 1964-м аквариум в Ванкувере не только поручил тридцативосьмилетнему скульптору изготовить статую косатки в натуральную величину, но и отправил его убить одно животное, чтобы использовать в качестве модели. Он загарпунил маленькую косатку, почти детеныша, которая впала в шоковое состояние и начала тонуть; два члена стада поспешили к оглушенному подростку и вытолкнули на поверхность, чтобы он мог дышать. Когда молодая косатка пришла в себя, скульптор взял винтовку и начал стрелять. Загарпуненная косатка свистела так громко, что ее слышали люди, находившиеся на расстоянии сотни метров. Затем скульптор решил притащить косатку живой. Чтобы уменьшить боль, животное плыло рядом, как на поводке. Это стало событием международного масштаба. Впервые удалось поймать живую косатку! К ней было приковано внимание публики. Раненое животное пятьдесят пять дней отказывалось от пищи. После окончания голодовки косатка прожила еще месяц. Газета «Таймс» из Виктории высказала мнение, что молодая косатка – его назвали Моби Долл – умерла «мучительной смертью». Людям стало стыдно. Но не всем. «Меня смущает эта сентиментальность, – сказал корреспонденту директор аквариума. – Это красивое животное, но... оно же может проглотить вас живьем».

Трагедия замученной молодой косатки стала поворотным пунктом. Доброжелательность, любопытство, готовность к сотрудничеству – совсем не похоже на фальшивую репутацию жестокого зверя – удивили людей. Естественно, аквариумы тут же подхватили идею показывать косатку для развлечения публики.

В конце июля 1965 года косатку, случайно попавшую в рыболовную сеть, привезли в аквариум Сиэтла. Больше года Наму, как называли самца, демонстрировал свою притягательность для зрителей. Затем он умер. Первый из многих.

Аквариумам и другим водным паркам требовалось больше животных. Первая операция по отлову живых косаток была организована парком «Морской мир» и аквариумом Сиэтла в октябре 1965 года. В 1973-м ловцам платили около семидесяти тысяч долларов за каждое животное. С помощью вертолетов, скутеров и взрывчатых веществ они загоняли группу косаток в залив, где рыбацкое судно набрасывало на них сеть. Ловцам были нужны недавно отлученные от матери детеныши. Но не всегда все проходило гладко.

Однажды ночью в 1969 году ловцы изолировали четырех косаток, принадлежавших к группе из двенадцати особей, среди которых был знаменитый Красавчик. Утром свободные косатки не покинули своих запертых в бухте сородичей. Тогда ловцы окружили их тоже, перегородив бухту сетями. Но одному самцу удалось ускользнуть, и он раз за разом таранил сети, проделав несколько дыр. Животные из группы – дезориентированные и, возможно, в шоке – не последовали за ним. Одна самка подплыла к сети, словно искала путь к спасению, но не нашла дыру; тем временем рыбаки чинили сети так быстро, насколько могли. В конечном итоге самец перестал таранить сети, но несколько дней держался поблизости. Потом уплыл – возможно, причиной был голод, а может, отчаяние.

Ловцы, получившие заявки от американских и европейских торговцев, продали семь молодых косаток. Четырех животных постарше они отпустили. Освободившись, эти животные тоже уплыли не сразу, а целый день держались рядом с бухтой.

Прошло много лет, прежде чем косатки вернулись обратно.

В Британской Колумбии в 1968 году были пойманы две беременные самки. Они целый месяц отказывались от пищи, после чего были проданы в место, название которого предполагает расстройство идентичности: «Африканский морской мир США». Одна самка родила мертвого детеныша, а вскоре умерла сама. Работники парка продолжали тренировать вторую, заставляя ее прыгать. Ее детеныш тоже родился мертвым. Сама она пережила эту потерю.

Ловцам разрешалось забирать столько молодых косаток, сколько они хотели. Никто не представлял социальной структуры или размера популяции этих животных. Всем хотелось верить, что косатки случайным образом приплывают во внутренние воды из практически неограниченной популяции, мигрирующей по всему Тихому океану. Какой вред будет от того, что выловят нескольких животных?

В те годы Кен тоже мыслил терминами рыболовства, но ему хотелось знать, каков может быть «устойчивый вылов» косаток. Эта величина не могла быть неограниченной. Блестящий канадский исследователь Майк Бигг понял, что может различить отдельных особей косаток, что состав групп стабилен – и эти группы *гораздо* меньше, чем мы представляли. Он предположил, что бродяги и оседлые косатки встречаются в одних и тех же районах, но у них разный рацион, разные сигналы и социальные привычки и они никогда не смешиваются. Этого никто раньше не знал, и это казалось необъяснимым. Необычные взгляды Бигга высмеивали и отвергали. Его не любили не только ловцы косаток – власти считали его, как выразился Кен, «кем-то вроде душевнобольного». Кен угодил в ту же сеть постоянных преследований со стороны чиновников и представителей морской полиции. Это были непростые времена.

С 1962 года до середины 70-х многие косатки по несколько раз попадали в сети – ловцам нужны были их детеныши. Примерно четверть выловленных животных имели пулевые ранения от беспорядочной стрельбы. Таковы были взаимоотношения между людьми и косатками северо-западного побережья.

Косатки стали избегать своих любимых изобилующих пищей мест – они стали опасными. Затем общественное мнение изменилось, и люди начали выступать против вылова косаток. В 1976 году на место одной из операций явились более тысячи протестующих.

В конечном итоге исследователи документально доказали – в этом не было сомнений, – что в прибрежных водах обитает меньше ста пятидесяти оседлых косаток. Вероятно, работа этих ученых предотвратила уничтожение всей группы. Если считать животных, пойманных живыми и убитых во время отлова, то популяция косаток уменьшилась почти на 40 % – примерно на шестьдесят особей. Из пятидесяти трех косаток, помещенных в аквариумы, шестнадцать (примерно каждая третья) умерли в течение года. В разгар охоты за

живыми косатками в океанариумы доставили девятью пять животных с северо-западного побережья Америки и из Исландии. В 1975 и 1976 годах Канада и США наконец запретили вылов косаток.

Летом 1977-го в канадской Виктории я, выпускник колледжа, купил билет в океанариум, занял место на открытой трибуне и впервые в жизни увидел косаток. (Пройдет еще пятнадцать лет, прежде чем мне представится возможность взглянуть на свободно живущих косаток в их естественной среде.) Они аккуратно брали рыбу из рук хорошеньких девушек и выпрыгивали из воды.

Я был поражен тем, как эти «киллеры» ведут себя с человеком. У меня на глазах выступили слезы. Это не безмозглые убийцы, а нежные, общительные и благородные гиганты. Великолепные в своей мощи. Шоу было пронизано сочувствием и благородством людей, которые старались преодолеть межвидовой барьер, – и *надеждой* косаток, что мы научимся любить их. Мне никогда не приходило в голову заглянуть за кулисы.

Люди, видевшие то же, что и я, изменили свое мнение. Животные, которых столько времени считали убийцами, избавились от незаслуженной репутации и превратились просто в «косаток».

Они не изменились. Перемены произошли с нами, когда мы внимательно посмотрели на них. В те времена никто не наблюдал за косатками. Создатели документальных фильмов о дикой природе даже не могли мечтать о том, что им доступно теперь. Первые косатки, попавшие в неволю, пожертвовали жизнью ради того, что были не в состоянии понять. Вопрос: стоила ли эта жертва перемены в общественном мнении?

Теперь мы можем по-разному на это ответить. Но в тот день в 1977 году, когда я вышел со стадиона, вытирая глаза и испытывая восторг от одной мысли, что мы живем в одном мире с такими удивительными существами, сомнений не было. Никаких. Насколько я мог видеть, косатки явно получали удовольствие от представления.

Любить и беречь

В 60-е годы XIX века аквариумы в Великобритании и Соединенных Штатах начали демонстрировать белух и бутылконосых дельфинов. Ф. Т. Бартнум, вероятно, первым научил белуху исполнять трюки, а в 1914 году директор нью-йоркского аквариума Чарльз Таунсенд с удивлением отмечал, что игры дельфинов напоминают «возню щенков». Но на протяжении десятилетий плохой уход за дельфинами приводил к тому, что они недолго жили в неволе.

В 30-е годы XX века несколько кинопродюсеров сняли во Флориде фильм о подводной жизни. «Марин Студиос» быстро превратилась во флоридский «Маринлэнд», куда потянулась публика. До «Маринлэнда» люди абсолютно ничего не знали о социальных, эмоциональных и когнитивных способностях дельфинов. Когда куратор водного парка Артур Макбрайд соединил двух самцов, которых выловили вместе, а затем разлучили на несколько недель, они, по словам Макбрайда, «выказали величайшее волнение... Несомненно, эти двое узнали друг друга». Растроганный и удивленный, Макбрайд писал, что дельфины, находившиеся на его попечении, «наши самые человекоподобные морские родственники... милое и игривое водное млекопитающее, которое помнит друзей». Теперь ученые могли наблюдать за бутылконосыми дельфинами вблизи. До этого люди думали о них – если вообще думали – как об источнике мяса, жира и кожи. Аквариумы покупали дельфинов и китов, привлекая публику удивительными млекопитающими, которые живут семьями. Так мы познакомились с социальной жизнью дельфинов.

Однажды в 50-е ночной сторож заметил, что один из дельфинов как будто подбрасывает пеликанье перо. Вскоре животные уже подбрасывали мячи и игрушки. «Маринлэнд» демонстрировал первую в мире «ученую морскую свинью». Затем начались шоу дельфинов. Но первым в контакт вступил дельфин, а сторож и публика учились его понимать. На протяжении следующих тридцати лет научные исследования были посвящены только дельфинам, жившим в неволе.

Бизнес набирал обороты. Росло число выловленных дельфинов, увеличивалась прибыль. Самой ценной добычей были косатки.

В захватывающем фильме «Черный плавник» Говард Гаррет, выступающий в защиту китов, вспоминает одну охоту, участником которой он был в 70-е годы. С быстроходных катеров бросали взрывчатку, чтобы напугать косаток и загнать их в сети. Но этих косаток уже ловили, объясняет он, «и они знали, что происходит, что у них собираются отнять детенышей. Поэтому взрослые без детенышей направились на восток, прямо в ловушку. Люди на катерах последовали за ними, думая, что туда плывут все». Но самки с детенышами отделились от основной группы и обогнули дальнюю часть острова. Косатки без детенышей держались на самом виду, а остальные незаметно ускользнули. Эта блестящая тактика заставляет нас задуматься над вопросом, который уже звучал в этой книге: *как* они передавали друг другу такие сложные мысли?

Но Гаррет напоминает нам, что «в конечном счете они должны были вынырнуть на поверхность, чтобы вдохнуть». Косаток заметили с вертолета, и катера направились к ним. Окружив молодняк, люди сняли главную сеть, чтобы выпустить взрослых.

Но те не уплыли.

– Когда ловцы начинают заарканивать детенышей, – рассказывает мне Кен, – матери пытаются защитить их и энергично сопротивляются. Самка становится между катером и детенышем и пытается оттолкнуть его. Все громко кричат.

По словам Кена, иногда люди пугаются и просто убивают взрослых косаток.

В фильме слово затем берет дайвер Джон Кроу. Когда они перемещали детеныша в носилки, чтобы забрать с собой, «вся семья выстроилась в линию в двадцати пяти метрах от нас, переговариваясь между собой. И тогда я понял, что мы творим. У меня слезы навернулись на глаза... Это как забирать ребенка у матери... Что может быть хуже?» Тем не менее он продолжил работу: «Все смотрели – что я мог сделать?» После того как все закончилось, в сетях нашли трех мертвых косаток. Кроу и двум другим дайверам приказали «разрезать сеть, затолкать внутрь животных камни, привязать к хвосту якорь и утопить». Кроу так вспоминает эту операцию: «Худшее, что мне когда-либо приходилось делать».

Невозможно представить, что чувствует социальное млекопитающее с мозгом, который сравним с нашим, после того как

оно изо всех сил пыталось отстоять своего детеныша, потерпело неудачу и теперь уплывает подальше от этого хаоса, разлученное с существом, с которым оно поддерживало постоянный контакт на протяжении нескольких лет. И детеныш, одинокий, внезапно отрезанный от голосов родственников, попавший из безбрежного океана в замкнутое пространство бетонной коробки, объятый ужасом и растерянный...

Когда Соединенные Штаты и Канада запретили отлов косаток, аквариумы переместили свои операции в Исландию. В 1983 году двухлетний трехметровый самец косатки, выловленный в исландских водах, прибыл в аквапарк канадской Виктории на Тихоокеанском побережье прямо напротив дома Кена, на противоположной стороне пролива Харо. Косатка получила кличку Тиликум. Эрик Уолтерс, бывший тренер аквапарка, вспоминает, что с Тиликумом «было очень приятно работать... он прекрасно себя вел, всегда старался угодить... Тиликуму можно было доверять».

Но до этого у Тиликума был другой тренер, который поместил его в бассейн вместе с уже обученной косаткой и использовал наказания. Если обученная косатка выполняла указания, а Тиликум нет, тренер наказывал *обоих*, лишая их еды. Вторая косатка расстраивалась и до крови кусала Тиликума за голову. Такого поведения никто не наблюдал среди косаток, живущих на воле.

Морской парк представлял собой просто огромный садок из сети, окруженный открытыми трибунами, – он плавал в заливе, словно маленький морской вокзал. Руководство парка опасалось, что кто-нибудь, пожалев косаток, разрежет сеть, и поэтому на ночь животных перемещали в плавучий стальной контейнер размерами шесть на девять метров. Для животных, которые в день преодолевают до ста двадцати километров и размеры которых составляют больше половины ширины их камеры, проводить две трети времени неподвижно, в состоянии сенсорной депривации, было «просто неправильно», как признается бывший директор морского парка Стив Хакстер. По утрам Тиликум – теперь выросший до пяти метров и проводивший большую часть времени в стальной банке в обществе двух враждебно настроенных сородичей, не принадлежавших к его стаду, – часто появлялся с кровотокающими ранами. Тиликум столкнулся с абсолютно

неестественным уровнем насилия, избежать которого было невозможно.

Кен рассказывает мне, что ситуация, когда Тиликума четырнадцать часов в день держали в цистерне вместе с другими косатками, которые были враждебно настроены и тоже страдали, «вероятно, привела к психозу».

Еще в 1981 году в своей первой книге, посвященной косаткам, Эрих Хойт писал: «Косатки, живущие в неволе в морских парках, удерживали под водой тренеров, едва не утопив их. Иногда кусали людей. Эти инциденты обычно случались после того, как косатка прожила в неволе несколько лет. Из-за смены привычной обстановки, а иногда от скуки косатка вдруг становится подавленной и раздражительной. К счастью, тренер обычно замечает признаки такого состояния. До сих пор косатка ни разу не убивала тренера».

Однажды в 1991 году Тиликум и две другие косатки утопили тренера по имени Кэти Бирн, которая случайно оказалась в воде. Обычно тренеры в этом парке не спускались в воду. Один из коллег Кэти, Корил Бейрд, считает, что животные, удивленные появлением человека в их бассейне, просто играли. «Дело в том, что они просто не понимали, – сказал он, – ...что она не может задержать дыхание на двадцать минут». Разразился скандал, и водный парк закрыли. Тиликума продали в тематический парк «Водный мир» в Орландо, штат Флорида. Он стоил миллионы – как самец-производитель.

По прибытии в «Водный мир» самца весом пять с половиной тонн поместили вместе с двумя самками, которые постоянно нападали на него. И дело не только в тесноте замкнутого пространства. Вспомните о разных вокальных диалектах кланов, о не общающихся между собой оседлых сообществах, о культурных и генетических различиях между бродягами и оседлыми косатками: их зоны обитания могут пересекаться, но они никогда не вступают в контакт. Свести косатку из Исландии с обитателями северо-западного побережья Америки – это все равно что поместить неандертальца, охотника на мамонтов, в одну камеру с тремя ирландскими официантками. Даже в неестественных условиях неволи Тиликум был пришельцем из другого мира – возможно, даже относился к другому виду. И тут же подвергся нападкам.

В конечном итоге сотрудники «Водного мира» добились того, что их косатки принесли потомство. Но не оставили детенышей с матерями, как это происходит в природе, а отделили молодняк вскоре после того, как матери перестали их кормить, – как скотоводы. Потом руководство распределило детенышей по своим тематическим паркам, руководствуясь исключительно финансовыми соображениями, словно это был просто товар.

Бывший тренер «Водного мира» Кэрол Рэй рассказывает репортеру, что, когда персонал отобрал детеныша у Катины, косатка «осталась в углу бассейна, дрожала и кричала, буквально плакала. Я никогда не видел ее в таком состоянии... Настоящее горе, по-другому это не назовешь». Бывший тренер того же парка Джон Харгроув вспоминает, что кит Касатка и ее детеныш были «очень близки... неразлучны». После того как детеныша увезли в аэропорт, Касатка «издавала звуки, которых мы никогда от нее не слышали». Исследователь, проанализировавший эти звуки, пришел к выводу, что сигналы Касатки были дальнедействующими – животное пыталось установить контакт с пропавшим детенышем.

В фильме Говард Гаррет напоминает нам, что, когда косаток начали содержать в неволе, мы о них почти ничего не знали и считали их жестокими убийцами. Но потом выяснилось, что они «на удивление доброжелательные и отзывчивые, стремятся к общению. До сих пор не известно ни одного случая, когда в дикой природе косатки причинили бы вред людям». Живущие на воле косатки не убили ни одного человека, однако пребывание в неволе приводит к насилию среди самих животных. В естественных условиях насилие и жестокость в сообществах косаток полностью исключены. По всей видимости, необычное поведение обусловлено фрустрацией, которая развивается в неволе. В 1999 году мужчина, тайно пробравшийся в парк «Водный мир» в Орландо, был найден мертвым в бассейне Тиликума; тело его было изуродовано. В 2010-м Тиликум убил тренера Дону Браншо. По отзывам всех, кто ее знал, Дона была отзывчивым, мотивированным тренером.

Тиликум давно отличался странным поведением, и с ним уже связывали смерть двух человек. Тем не менее он продолжал зарабатывать деньги для парка. Незадолго до нападения на Браншо он пропустил сигнал от тренера; по всей видимости, он подумал, что

выполнил команду, и расстроился, не получив вознаграждения. Такое глубокое непонимание может возникнуть только у двух существ, способных понимать друг друга.

В неволе дельфины часто расстраиваются или злятся, сталкиваясь с негативной обратной связью. Когда самка бутылконового дельфина, содержащаяся в неволе на Гавайях и обучаемая искусственному языку, не отреагировала на команду должным образом и не получила вознаграждения, она схватила большую пластмассовую трубу, плававшую в бассейне, и швырнула в тренера, едва не попав ему в голову. Другой дельфин в подобных ситуациях бросался колючими частями рыбы. Дать сдачи – это не просто честная игра; это игра ума. Но размер, сила и разум косатки поднимают ставки на новый уровень.

Вряд ли имеет значение, что Тиликум изначально не собирался причинять вред. Причиной его поведения была фрустрация или скука, или он просто рассердился, а потом уже не контролировал себя. Его судьба никогда не переплелась бы с судьбой тренеров, если бы не главная несправедливость – люди разлучили Тиликума с семьей, вырвали из привычного мира. «Морской мир» – это всего лишь парк развлечений. Настоящий мир – это море. Если мы используем обитателей этого мира для развлечения, вместо того чтобы общаться с ними в привычной для них среде, последствия неизбежны.

В 1977 году, уходя с того представления, я даже не задумывался, как поймали этих китов. Мне не приходило в голову представить обратную ситуацию: сравнить косатку, выросшую среди людей, с молодым человеком, которого воспитывают косатки. С какой бы любовью косатки ни относились к мальчику, они не смогут обеспечить физический и эмоциональный контекст, в котором ребенок вырастет нормальным. Представьте, что в четырехлетнем возрасте вас захватили киты, которые вами восхищаются. У вас перестанет развиваться речь, остановится нормальная социализация. Мир сожмется до одной комнаты, которая окружена разглядывающими вас китами. Воспоминания о большом мире и о семье сотрутся. Еду вы будете получать после того, как опустите голову в воду, чтобы взять угощение из рук очарованных воспитателей, которые никогда не видели людей, живущих в семьях. Они не смогут понять ваших действий. Ваше образование – во всех отношениях – завершится. Вы больше не будете принадлежать большому миру. Вы станете маленькой, занимательной

частичкой их мира. В юном возрасте вы еще будете находить их интересными – пока вам нужны внешние стимулы. Киты в какой-то мере скрасят ваше одиночество. Вы не будете осознавать, чего именно вам не хватает, но ваши базовые потребности в человеческом общении останутся неудовлетворенными. Вам станет скучно. И неизбежно наступит срыв.

Косатки рождены и созданы для большого и сложного мира, с дальними путешествиями и звуковыми сигналами, распространяющимися на огромные расстояния. Они остаются с матерями, братьями и сестрами до конца жизни. Они поддерживают связи на больших расстояниях, время от времени воссоединяясь с десятками других животных, которых знают всю жизнь. Мы помещаем их в бетонные бассейны, которые можно считать тюремными камерами и эхо-камерами. Как воздействует на развивающийся мозг косатки пребывание в маленьком бассейне с твердыми стенками? Представьте себе жизнь в круглой комнате с голыми стенами. Бесконечный бег по кругу.

Тематические парки и аквариумы называют живущих в них дельфинов «послами», и в этом есть определенный смысл. Глубокий смысл. В прошлом пленных американских индейцев и туземцев с островов Тихого океана привозили в Европу в качестве живых экспонатов. В 1906 году, через целое поколение после отмены рабства в Соединенных Штатах, мужчина из племени мбути по имени Ота Бенга был «выставлен» в обезьяннике зоопарка в Бронксе. Затем подобная практика прекратилась. Несмотря на то что его в конечном итоге освободили, а потом заботились о нем, Бенга покончил жизнь самоубийством. Этот мир стал для него чужим.

Косатки в «Водном мире» выступали под сценическим псевдонимом Шаму. Кен говорит, что это аббревиатура от английского *shame on you* – «как вам не стыдно». Они стали частью шоу-бизнеса, лишенные своего мира и потерявшие себя. Что мы узнали о них за те полвека, пока они прыгали и исполняли разные трюки для нашего развлечения? Потери не окончены. Отлов продолжается, например, в российских водах, потому что в Китае открылись новые океанариумы и спрос резко повысился. Я надеюсь, что шоу наконец завершатся и эра отлова косаток уйдет в прошлое. И полученные нами знания перевесят нанесенный ущерб.

Я не говорю, что мы ничего не узнали от косаток, содержащихся в неволе. Наоборот, находясь рядом с ними, лишая их нормальной жизни и наблюдая, как они справляются, мы впервые начали присматриваться к ним. И они нас удивили. Мы наблюдали родственные отношения косаток – словно постигали глубину и широту человеческой души, глядя, как заключенные совершают удивительные поступки, чтобы помочь друг другу выжить. Мы узнали о них самое главное: они обладают индивидуальностью.

Кен рассказывает мне, что в 70-е годы мать и сын, которых поймали и держали в большом садке из сетей, три недели отказывались от еды. Люди, поймавшие их, даже не подозревали, что перед ними бродяги, которые охотятся на млекопитающих – тюленей, морских львов, дельфинов и китов. Люди пытались кормить животных сельдью. Должно быть, косатки были очень голодны. «Они слабели с каждым днем», – говорит Кен.

Затем их перевезли в ближайший парк «Морской мир». Когда они там появились, дрессированная косатка по кличке Хайда – она принадлежала к оседлому стаду, питавшемуся рыбой, и была поймана в 1968 году – нырнула под воду и начала рассматривать новичков через разделявшую их сеть. Потом Хайда вернулась к тренеру, который погладил ее, взяла сельдь и просунула через отверстие сети к новым соседям. Поделилась едой с незнакомцами. Мы думали, что на это способны только люди.

Поскольку в дикой природе оседлые косатки и бродяги никогда не смешиваются, поступок Хайды был, по человеческим меркам, выдающимся. Поначалу новички не брали рыбу. Тогда Хайда прижала рыбу к пасти сородича – и так несколько раз, с обоими новичками. Вскоре косатки начали есть. Это можно назвать... как? Если бы так поступил человек, мы бы говорили о «милосердии». «Огромное милосердие». Давайте проявим благородство и не будем лишать благородное животное награды из этих двух простых слов.

Вместе с этими двумя бродягами были пойманы еще три, которые оставались в садке из сети в той же бухте. Они отказывались от пищи семьдесят пять дней, и у них через шкуру проступили ребра – невиданное для китов истощение. Одна из косаток начала медленно кружить, наталкиваясь на предметы, как будто в бреду, затем, в пять вечера, она со всей силы протаранила толстую пропиленовую сеть.

Спинной плавник застрял в отверстии. Голодная, обессиленная косатка высвободилась, открыла рот, выпустив воздух, и легла на дно – мертвая. Как будто последнее отчаянное усилие лишило ее воли к жизни и она намеренно покончила с собой. Сразу же после смерти косатки самец по кличке Чарли Шин посмотрел на людей, схватил сеть и стал за нее тянуть. Просил помощи в освобождении? Люди стали бить его по голове, но он упорствовал. А потом отпустил сеть.

На семьдесят восьмой день Чарли Шин взял лосося из рук служителя, но не проглотил, а поплыл к оставшейся в живых самке. Оба засвистели. Потом он положил лосося прямо перед носом подруги. Она схватила рыбу за хвост, Чарли Шин – за голову. Так, держа рыбу за разные концы и продолжая свистеть, они описали круг. Потом разорвали рыбу. Каждому досталась половина. Через несколько минут Чарли Шин получил еще одну рыбку и снова принес самке. Она съела угощение целиком. Чарли Шин вернулся за лососем для себя.

Вскоре каждый из них ежедневно съедал по двести килограммов рыбы.

И вскоре их продали в аквариум в Техасе.

Но «Водный мир» не успел их отправить. Однажды ночью кто-то поднял части сети. Косатки сбежали. (Злоумышленника не нашли, но я и многие другие люди хотели бы его поблагодарить. Этот случай многое говорит о нас самих: можно ловить и продавать косаток в неволю и зарабатывать на этом деньги, а за освобождение животных можно попасть в тюрьму. Как заметил Боб Дилан, «укради немного, и тебя бросят в тюрьму, укради много, и тебя сделают королем».)

Через несколько лет двух косаток, сбежавших в ту ночь, кому-то удалось сфотографировать – вместе с новорожденным детенышем. «Мы время от времени встречали их на протяжении двадцати пяти лет», – говорит Кен. Чарли Шин умер в 1992 году. «Он и его семья не хотели иметь *никаких* дел с людьми».

Грэм Эллис несколько десятилетий изучает косаток в их естественной среде. Сразу после школы он устроился на работу в аквариум Ванкувера. Ему поручили уговорить новую косатку, которая отказывалась от пищи, хотя бы немного поесть. Прошел месяц. Животное голодало. Однажды Эллис от скуки начал брызгать на косатку водой. Животное неожиданно брызнуло на него в ответ,

исчезло на глубине, затем выпрыгнуло из воды. Через несколько часов косатка уже подплывала к Эллису, чтобы он ее погладил и почесал, на следующий день она начала есть. Косатка – общественное животное, ей нужно было сначала просто установить контакт. Некоторые ученые убеждены, что социальные потребности у косаток так же сильны, как у человека, или даже сильнее. И эти потребности для них иногда важнее пищи.

«Дело не в том, скольким трюкам ты можешь их научить... а в том, как долго ты сможешь поддерживать у косатки здоровую психику», – говорит Эллис. Нужно знать, как работает их мозг. Молодые косатки стремятся к общению примерно год. Но после двух лет пребывания в неволе новизна пропадает, и психическое здоровье косатки начинает разрушаться. «Некоторым становится скучно, и они делаются апатичными. Другие превращаются в невротиков и могут быть опасны». Через несколько лет жизни в неволе, утверждает Эллис, «они все становятся немного чокнутыми».

Яркая индивидуальность

Вспомните, что косатки – самые большие дельфины с самым большим дельфиньим мозгом. Джон Форд, ведущий канадский исследователь живущих на свободе косаток, начинал свою карьеру на шоу в аквариуме. Там он обнаружил, что косатки «удивительно восприимчивы» – каждое животное по-разному реагирует на разных людей. Даже когда он шел возле стадиона позади пяти сотен людей, собравшихся посмотреть шоу, косатки узнавали его и следили за ним взглядом. Они «менялись, играя», и он считал, что они способны на многое. Постепенно он понял, что они изменили *его* поведение. И еще одна особенность, которая его удивила: каждое животное обладало индивидуальностью, «поразительно отличающейся» от других.

По всей видимости, индивидуальность – это самый недооцененный аспект диких животных. Дельфины наделены индивидуальностью. Они рождаются с разным характером. Они бывают робкими. Смелыми. Непослушными. Пугливыми.

Когда мы смотрим на «слонов», «волков», «косаток», «шимпанзе» или «воронов», то видим стереотипы. Но как только мы сосредоточиваемся на отдельных животных, то понимаем, какие они все разные. Мы видим, что слониха Эхо обладает выдающимися лидерскими качествами; мы видим, как волк Семь-Пятьдесят пять старается пережить смерть своей подруги и изгнание из стаи; мы видим потерявшуюся косатку, одинокую, но с чувством юмора и удивительно благородную. Это не *личность*, а индивидуальность. И факт жизни. И он имеет глубокие последствия. *Очень глубокие.*

У профессора Джоанны Бергер во дворе есть маленький пруд. Мы подходим к краю пруда и останавливаемся. Я ничего не вижу. Затем она кого-то зовет, и к ней за угощением плывут несколько черепах. Я и не представлял, что черепахи могут быть такими восприимчивыми, внимательными, что они способны идти на зов! Я считал черепах «всего лишь» черепахами. Появились несколько лягушек: в отличие от тех, что мне приходилось видеть, они выпрыгивали *из воды на камни*, ожидая угощения из насекомых. Удивительная картина.

Но почему я удивлен? Почему мы продолжаем считать живых существ такими ни на что не способными? Они жили на земле задолго для нас. Мы их очень недооцениваем. Зачем мы упорно держимся самоизоляции, которая не дает нам увидеть столько индивидуальностей? Люди привыкли считать черепах глухими. Теперь я начинаю понимать, что мы сами слепы. Вообще-то ученые довольно давно выяснили, что черепахи слышат и могут издавать звуки. Но только в 2014 году исследователи объявили об открытии, что, оказывается, только вылупившиеся и взрослые особи речной черепахи переговариваются друг с другом с помощью одиннадцати разных сигналов! По наблюдениям ученых, сигналы служат для того, чтобы «собрать малышей и взрослых для массовой миграции»^[95]. Если бы вы спросили об этом меня (и большинство специалистов) до того, как я прочел материалы исследования, я сказал бы вам, что черепахи вообще не заботятся о потомстве. И совершил бы ошибку. Как остроумно заметил мой сосед Дж. П. Бадкин: «Если вы недостаточно осмотрительны, то каждый день чему-то учитесь».

Я не скажу, о каких существах говорит мой друг Даррел Фрост. Попробуйте догадаться. (Позже я раскрою тайну.) Даррел работает куратором в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке. Он может брать своих питомцев на работу. Когда я впервые прихожу к нему в кабинет, он представляет их мне: «Покрупнее, с выступающей челюстью, – это Мад. А у Гермеса сломанная спина и эпилепсия. Когда Мад волнуется, он пританцовывает на месте, раскачиваясь из стороны в сторону. До того, как год назад уволилась наша секретарша Айрис, они бежали к ней в кабинет за угощением. Мад кусал манжеты на брюках Айрис, чтобы привлечь к себе внимание. Вчера она заходила, и даже после нескольких месяцев разлуки они заволновались. Когда наш добровольный помощник Денни приходит с ними поиграть, они буквально сияют. Денни и Айрис разговаривают с ними, и они, похоже, очень любят общаться».

– Кормлю их только я, и поэтому можно предположить, что так они должны реагировать на меня. Ничего подобного. Боюсь, моя забота воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Айрис и Денни упрекают меня, что я мало с ними разговариваю. Что касается индивидуальности, то Мад похож на маленького ребенка и проявляет огромное любопытство, когда в мой кабинет приходят люди. Он хочет

проверить, не желают ли люди поиграть с ним. Он скребется в дверь, пока его не впустят. Мад любит мексиканскую музыку и, заслышав ее, начинает кружиться. Когда Мад совсем отбивается от рук, Айрис просто дотрагивается до его носа заостренным кончиком карандаша, и он очень расстраивается, бросает свое занятие и начинает дуться. Всего лишь легкое прикосновение, но он знает, кто здесь главный. Он мог бы без труда выгнать Айрис из комнаты, но его явно расстраивает ее неодобрение.

Самое забавное, что они знают свои имена, но, если вы застанете их за тем, что делать не разрешается, и позовете их, они будут смотреть в сторону, избегая зрительного контакта. Однажды Мад *очень* тихо вошел, очень тихо открыл дверцу маленького холодильника, в котором я хранил их овощи, и принялся за салат. В конечном счете я заметил его и стал наблюдать. Так тихо он *никогда* себя не вел. Мад знал: если его застанут на месте преступления, то отберут салат, – и поэтому старался не привлекать моего внимания. И – черт возьми! – когда я закрыл дверь холодильника, он жутко разозлился. Устроил небольшую истерику, дергаясь туда-сюда, а потом убежал назад, в кабинет Айрис, чтобы побыть с ней.

Однажды я сидел в своем кабинете, и мимо двери проехала Айрис на своем стуле – он у нее на колесиках. Мад толкал стул с секретаршей по коридору. Ей это нравилось. Ему тоже. Айрис сидела за письменным столом, а он вошел и вытолкал кресло вместе с Айрис из кабинета. Не раз и не два Мад и Гермес проявляли ревность, хитрость, продажность, волнение, стремление принадлежать к чему-то – поведение, характерное для двух- или трехлетних детей. Они понимают, что такое иерархия, и у них, как у собак, формируется сильная привязанность к «хозяевам».

Все время, пока продолжался рассказ, мы смотрели на Мада и Гермеса.

– Иногда с ними трудно, – с улыбкой прибавляет Даррел, – но по большей части они очень милы.

Я спрашиваю, сколько они весят.

– Мад весит около сорока пяти килограммов. – Даррел с любовью и восхищением смотрит на них. – А Гермес – тридцать восемь, из-за проблем со здоровьем. Они еще молодые. Вес взрослых особей этого вида может достигать ста пятнадцати килограммов.

Средиземноморская черепаха – самая крупная из всех сухопутных черепах, крупнее только некоторые особи с Галапагосских и Сейшельских островов.

Неудивительно, что рептилии стали делом всей жизни Даррела, *наблюдать* за взаимоотношениями – это его награда за *установление взаимоотношений*.

Проще признать индивидуальность у таких общественных животных с высоким интеллектом, как человекообразные обезьяны, слоны, волки и дельфины. Конечно, у собак тоже есть характер – от невротического до почти возвышенного. Удивляет (пока вы не познакомитесь с ними ближе), насколько яркой бывает индивидуальность животных и как часто она у них встречается. Если бы вы работали с соколами, то заметили бы, что у каждого своя реакция и свои приемы охоты. Двух одинаковых вы не встретите. Теодор Рузвельт, научный склад ума (но не сострадательное сердце) которого проявлялся и на охоте, писал: «Медведи отличаются друг от друга смелостью и жестокостью, точно так же, как люди». Исследователи публиковали^[96] заметки об индивидуальности обезьян, крыс, мышей, лемуров, зябликов и других певчих птиц, синежаброго и обыкновенного солнышка, колюшки, фундулюса, снежного барана, домашних коз, голубых крабов, радужной форели, пауков-скакунов, домовых сверчков, общественных насекомых... Другими словами, куда ни посмотри, везде найдутся индивидуальные различия. Некоторые особи более агрессивные и смелые, некоторые робкие; одни боятся всего нового, другие очень любопытны.

На зоологической станции в Италии двум осьминогам показали краба в банке. Первый осьминог обхватил щупальцами банку, снял крышку и съел часть добычи. «Потом он вернул на место крышку, словно сохранял остальное „на потом“, – рассказывали мои друзья, профессора Питер и Джуди Вейс из Ратгерского университета, которые присутствовали при этом эксперименте. – Мы были *потрясены!*» Исследователи предложили ту же задачу второму осьминогу. Он ползал туда-сюда по стеклянному аквариуму, как голодный леопард, который мечется в клетке, и ученые предполагали, что он тут же примется за дело. Но когда банка упала в воду, второй осьминог – вероятно, он был более робким или трусливым – метнулся за камень и не собирался выходить оттуда. «Ему было безразлично содержимое

банки, – рассказывал Питер. – Мы думали, что первый осьминог продемонстрировал, „как поступают осьминоги“. Но второй вообще ничего не предпринимал». «Мы действительно не понимаем, насколько сильны индивидуальные различия у большинства животных, – объяснила Джуди. – Даже мы, ученые, об этом почти не думали»^[97].

Косатки Орки и Корки были пойманы в Британской Колумбии в 1968 и 1969 годах соответственно и доставлены в «Маринлэнд» на Тихоокеанском побережье недалеко от Лос-Анджелеса. В конце 70-х годов юная Александра Мортон начала изучать их вокальный диалект и регистрировать их поведение. Она видела, как косатки придумывают собственные сложные ритуалы. Добившись идеального исполнения одного ритуала, они придумывали другой.

У них был утренний ритуал. В промежуток времени между восходом солнца и моментом, когда его диск появлялся над стадионом, они «усердно пускали струи воды в определенное место на стенке цистерны, прямо у линии воды. А потом лизали это место своими толстыми розовыми языками». Первый луч солнца ударял в стенку цистерны и медленно опускался, касаясь воды точно в том месте, которое поместили косатки. «Думаю, никто бы мне не поверил, – сказала Мортон и прибавила: – С течением времени это место перемещалось из-за вращения Земли вокруг Солнца, но косатки всегда знали, где именно коснется воды первый луч». Стоунхендж для косаток? Первые астрономы-косатки?

Наблюдение за солнцем было утренним ритуалом косаток, но «Орки любил поспать» и часто пытался возобновить прерванный отдых. В таких случаях Корки иногда начинала действовать. «Она проводила рылом по краю его грудного плавника, потом по животу и генитальной щели. Если это действие не вызывало выпячивание гладкого кармана, где прятался его пенис, Корки меняла тактику. Она подныривала под него и приподнимала над поверхностью воды, как погрузчик поднимает свернутый в рулон ковер... Корки хотела секса, а у косаток это очень шумное занятие. Ласки были довольно продолжительными. Косатки прижимались друг к другу и кружили на месте. Вода выплескивалась через бортик бассейна. Сама копуляция занимала немного времени. Когда Корки забеременела, то после стадии предварительных ласк Орки воздерживался от продолжения.

это окно выходило на киоск с плюшевыми косатками. Может быть, Корки пыталась увести своего нерожденного детеныша из резервуара, где исчезли предыдущие дети? Туда, где мирно лежали маленькие косатки? Одно несомненно: она хорошо знала свой резервуар и разбила окно не случайно. Через несколько недель она родила мертвого детеныша на семь месяцев раньше срока.

Через несколько лет после того, как Корки разбила окно, съемочная группа в «Водном мире» (куда переехали Орки и Корки после закрытия «Маринлэнда») дала Корки послушать запись голосов косаток из ее родного стада, которые остались на свободе, членов ее семьи. «Ее сородичи из Исландии никак не отреагировали на эти звуки, – писала Александра Мортон, – но Корки затряслась всем телом. Если это не „плач“, то нечто очень похожее».

Кен говорит, что, после того как Кейко, исполнителя главной роли в знаменитом фильме «Освободите Вилли», перевели в специальный бассейн в Орегоне и стали готовить к освобождению, в рамках программы реабилитации ему стали показывать фильмы о косатках. «Он смотрел», – говорит Кен, предвосхищая мой вопрос. Сын Кена, Келли, известный художник – его картины украшают стены в доме Кена, – часто приносит портреты косаток в аквариум Ванкувера и держит перед стеклом для косатки по кличке Хайак. Хайак каждый раз подплывает к нему и смотрит на рисунки. «Вы можете пойти и открыть перед ним наш каталог с фотографиями плавников косаток, и он будет делать вот так, – Кен изображает косатку, разглядывающую фотографии. – Он может бесконечно смотреть на снимки. – Желая подчеркнуть свое восхищение, Кен прибавляет: – Они знают, что эти маленькие черно-белые фотографии – изображения *косаток*. У них имеется осознанное представление об абстракции самих себя». Он подводит к выводу, который звучит так: это характеристики существ, достигших высшей стадии развития, у которых достаточно времени и ума, чтобы потратить их не только на насущные потребности.

Психолог Пол Спонг, работавший в аквариуме Ванкувера, писал: «В конечном итоге мое уважение стало граничить с благоговением. Я пришел к выводу, что *Orcinus orca* – необыкновенно сильное и развитое существо, с великолепной способностью самоконтроля, восприятия окружающего мира, с жаждой жизни, здоровым чувством юмора и, более того, удивительной любовью и интересом к людям».

Звучит немного, как бы это сказать, антропоморфно... но именно в этом суть.

История могучего видения

Она была историей могучего видения, однажды посланного человеку, слишком слабому, чтобы воплотить его в жизнь. Она была историей священного древа, которое должно было расцвести в сердце народа, подняв ветви с поющими птицами; а ныне иссохло. Она была историей мечты народной... Но я знаю – видение было истинным и могучим, а значит, оно сильно и поныне, ведь оно даровано духом; это люди сами теряют его по слепоте своей.

Черный Лось

– Вылов косаток в 60-е и 70-е годы – и особенно молодых – действительно имеет огромное значение, – подчеркивает Кен. – Он создал большую проблему на долгие времена.

Вспомним, что до начала вылова южная группа оседлых косаток состояла приблизительно из ста двадцати особей; когда вылов запретили, их осталось около семидесяти. Затем началось восстановление популяции, численность которой в 90-е годы увеличилась до девяноста девяти. Но, когда выловленные детеныши косаток должны были вступить в репродуктивный возраст, их отсутствие начало сказываться. Восстановление прекратилось. Сорок лет спустя численность южной группы уменьшается. Их осталось всего восемьдесят. Мы теряем по одной или две в год.

Но есть еще одна, более серьезная проблема. Пища. Ее недостаточно. Северная, канадская, группа оседлых косаток численностью около двухсот шестидесяти особей все эти годы постоянно росла. Недавно этот рост замедлился, а возможно, остановился.

– Нет репродукции, почти нет. Вот в чем беда, – жалуется Кен. – В начале исследований я уделял особое внимание новорожденным косаткам. Мне хотелось знать, какой опыт они приобретают, когда взрослеют. Но потом они стали умирать очень молодыми. Тут есть

одна странная вещь, – объясняет Кен, открывая каталог косаток южной оседлой группы. – Во всей южной популяции оседлых косаток всего две дюжины самок репродуктивного возраста.

Тем не менее если каждая будет рожать хотя бы раз в пять лет, то каждый год на свет должны появляться пять детенышей. Значит...

В прошлом году родился всего один. И в этом году тоже *один*, у самки Д-28. Его выбросило на берег, *мертвого*. Плохое физическое состояние.

Сначала мы забрали их детенышей, затем уничтожили их кормовую базу. В долговременном плане судьба косаток повторяет судьбу тех, кем они питаются. У северо-восточных бродяг, которые охотятся на млекопитающих, теперь *больше* еды, чем сорок лет назад, – и их видят чаще. Причина в восстановлении популяции тюленей, морских львов и китов после принятия законов, которые их защищают. Это закон США о защите морских млекопитающих 1972 года, международный запрет китобойного промысла, введенный в 1986 году, и резолюция ООН о запрете дрейферного промысла рыбы от 1991 года – я сам активно участвовал в кампании за принятие этой резолюции. В 1960 году в Британской Колумбии поголовье обыкновенных тюленей уменьшилось до 10 % от нормы, а также исчезли многие колонии стеллеровой коровы, в основном потому, что рыбаки отстреливали всех, кто мог составить им «конкуренцию». Эта практика тоже осталась в прошлом.

Но для косаток северо-востока, питающихся рыбой, жизнь становилась все труднее. Закон не защищал лосося. Поэтому после нескольких десятилетий интенсивной добычи в здешних местах осталась лишь малая часть прежней популяции рыбы. Как следствие, на грани вымирания оказались и оседлые косатки, питающиеся лососем. Они долго жили ниже ватерлинии. Теперь они живут ниже границы бедности.

Листая каталог, можно увидеть, что во многих семьях оседлых косаток нет самок репродуктивного возраста. Например, семья, которую показывает Кен, состоит из одних самцов, за исключением матриарха, но она уже перешагнула порог менопаузы. Кен многозначительно смотрит на меня – семья обречена.

На самом деле подобные проблемы затронули такое количество семей, что осталось лишь одно жизнеспособное стадо оседлых косаток

– стадо Д. Возможно, им помогает хорошее знание внутренних вод. У стада Л и стада К зона обитания больше, от центрального побережья Калифорнии до Британской Колумбии. Кен находит реестр рождений и смертей стада Л.

– Посмотрите на эти надгробные камни, – печально говорит он.

На снимках умершие косатки. Многие умерли молодыми. Некоторые *очень молодыми*.

Более 40 % детенышей не доживают до года. Но смертность высока среди животных любого возраста и пола. Когда смотришь на состав стад Л и К, возникает такое же ощущение, как за шахматной доской, когда до тебя начинает доходить неизбежность мата. Выхода нет. Если тенденция сохранится, через несколько десятков лет стада исчезнут.

Смертность среди косаток, похоже, связана с сокращением численности чавычи. Это неудивительно: рацион оседлых косаток на 60 % состоит из этой рыбы.

Раньше южная группа оседлых косаток появлялась здесь почти каждый месяц. Лето и осень всегда были сезонами повышенной активности – животные часто собирались в «суперстада», и их пиршества продолжались гораздо дольше.

– Здесь было действительно огромное количество рыбы, – вспоминает Кен. – Численность нерки и горбуши достигала полутора миллионов, а чавычи – нескольких сотен тысяч. Многие экземпляры чавычи весили по десять килограммов и больше, и косаткам хватало десяти рыб в день. Все они держались вместе, и – я не шучу – это была *настоящая вечеринка!* Они подбрасывали лосося носом или перекидывали через спину. Все эти забавы происходили прямо перед моим окном.

Я сморю на воды пролива, а Кен молчит, погружаясь в воспоминания. Уже другим голосом он задумчиво продолжает:

– Это была гораздо, *гораздо* более устойчивая система. С мая по октябрь в проливах было достаточно рыбы, чтобы прокормить сотню косаток все лето. И рыбакам тоже хватало. Затем начался чрезмерный отлов рыбы и уничтожение рек плотинами, вырубкой леса, и поголовье главной рыбы региона значительно уменьшилось. И поголовье косаток тоже стало медленно уменьшаться.

Атмосфера изменилась. Теперь после более короткого объединения стада снова разделялись. Стадо Д могло направиться в район реки Фрейзер, стадо Л – вернуться ко входу в пролив, а стадо К – обогнуть другой остров.

Зимой, когда рыба рассредоточена по большей территории, поиск пищи требует от косаток больше времени. Косатки становятся, как говорит Кен, «более деловыми, более серьезными и меньше играют». Стада держатся отдельно друг от друга, а затем каждое распадается на семьи, которые придерживаются своего маршрута. Отдельные члены стада могут рассредоточиться, например, в зоне длиной двадцать километров и шириной пять – их голоса заполняют весь этот район. Они находятся в непрерывном движении. Борются за выживание.

Представьте себе всех оседлых косаток южной группы – всего восемьдесят одна особь в трех стадах, разбросанных на территории от центральной части канадского острова Ванкувер до залива Монтерей в Калифорнии. Восемьдесят одна косатка. А теперь представьте, что на пространстве от Бостона до границы Флориды – или между Чикаго и Хьюстоном, или между южной границей Монтаны и мексиканской границей в Хуаресе, или между Миланом и Мадридом – живет всего восемьдесят один человек. И вы поймете, что значит «угроза исчезновения».

С незапамятных времен и до вчерашнего дня в этом регионе два миллиона голов чавычи были всего лишь маленькой данью, которую косатки могли собрать, не прилагая особого труда, мелкой монеткой, которую можно незаметно прикарманить, той платой, которую мир платит в обмен за честь их присутствия. А если выразаться научным языком, то легкость поиска двух миллионов голов чавычи – причина того, что на свете мог появиться питающийся рыбой дельфин весом до семи тонн, а затем он «специализировался» до такой степени, что перестал обращать внимание на других лососевых, большинство других видов рыб и всех тюленей, которые попадались на его пути. Зайдем с другой стороны. У нас есть восемьдесят одна косатка. Даже если каждая съедает тридцать рыб в день (вероятно, в три раза больше, чем им действительно нужно), то одна лишь система реки Колумбия, в которую каждый год возвращались от пяти до десяти взрослых особей чавычи, пока плотины, сплав леса и рыболовство не нанесли ей непоправимый ущерб, была способна прокормить пятьсот

косаток. И это не считая калифорнийской речной системы Сакраменто и Сан-Хоакин, реки Фрейзер в Британской Колумбии, а также сотен других рек с нерестилищами, из которых ежегодно выходят несколько миллионов голов лосося, а затем возвращаются назад. У северо-западного побережья могли бы жить тысячи косаток.

Большой вред наносят ядовитые химические вещества. Положение на вершине пищевой цепочки означает, что вы получаете все плавающие в океане питательные вещества, собранные в пакеты живой плоти, которые чудесным образом приплывают к вам и обозначаются словом «лосось». Но не только. В наши дни ядовитые химические вещества также концентрируются по мере продвижения вверх по пищевой пирамиде, от планктона до мелкой рыбы, большой рыбы и затем кита. Этих веществ не существовало в середине XX века, когда родились самые старые из ныне живущих косаток. Их концентрация в организме южной группы косаток, питающихся рыбой, в пять раз больше, чем в организме тюленей, обитающих в этих же местах. У бродяг, которые охотятся на млекопитающих – они, в свою очередь, вбирают в себя все, что содержится в организме тюленей, – концентрация вредных веществ может быть в пятнадцать раз больше, чем у тюленей^[98]. Когда млекопитающие усваивают жир для выработки молока, то в молоко попадают и токсины. Детеныши рождаются уже отравленными, а затем, с самого первого дня, получают отравленное материнское молоко. Это справедливо не только для косаток, но и для народов Арктики, которые охотятся на тюленей. Запрещенных химикатов, таких как ДДТ или ПХД, которые в 70-е годы были причиной врожденных дефектов у тюленей из залива Пьюджет-Саунд, становится меньше. Но их место занимают огнезащитные средства и другие новые химические вещества, которые изменяют половое поведение и имитируют эстроген. Эти вещества ослабляют иммунитет и могут повредить репродуктивную систему.

После сорока лет работы Кену не дает покоя одна мысль: косатки, которых он всю жизнь хотел узнать поближе и защитить, могут быть обречены. Кен – оптимист. Он любит косаток. Он смотрит на них и получает удовольствие от их прыжков, их радости. Но за морщинками вокруг глаз кроется тревога. Здесь, в своем орлином гнезде, окруженном горами и бурными водами пролива, Кен уже никогда не обретет покой.

– Косатки часто живут сорок или даже пятьдесят лет, – говорит Кен, – но почти не дают потомства...

Он задумывается, словно пытается что-то вспомнить. Потом повторяет, что хочет быть оптимистом, но единственная мера, которая способна помочь – восстановление популяции лосося, – маловероятна. Рыбаки тоже хотят добывать максимальное количество рыбы, власти увязли в политике, на реках слишком много сплавляется леса, строится слишком много плотин. А еще есть ядовитые вещества и лососяевые фермы, распространяющие болезни. Все это уже слишком. Но...

– Мы не сдаемся.

На мониторе Кен показывает фотографии трехлетней самки Л-112, или Виктории.

– Чудная малышка, – говорит он. – Любимица наблюдателей, очень игривая. Все время прыгает. Очень общительная и живая. Настоящий харизматик. Просто милашка. Найдена мертвой. Посмотрите на эти снимки. Ее как будто забили до смерти. Синяки по всей голове, кровь в глазах и ушных каналах.

На следующем снимке заметно, что кости уха смещены. Пока я пытаюсь понять смысл увиденного, Кен начинает рассказ:

– Мы слышали косаток нашими гидрофонами. Это было ночью. Потом мы услышали сонар ВМФ. Судя по моему опыту флотской службы, он находился в ста пятидесяти километрах от нас. При импульсе испускается целый спектр частот, но длинные волны распространяются не так, как короткие, и приходят раньше, поэтому на большом расстоянии слышится сигнал с повышающейся частотой звука. Именно это мы и слышали. Затем стада К и Л бросились искать убежище – в бухту Дискавери за островом Протекшн, у полуострова Олимпик, где они были бы акустически изолированы от любого шума. Военный корабль вышел из канадских вод, зашел в американские в районе Неа Бэй, затем вновь вернулся на канадскую сторону около Констанс Бэнк у острова Виктория, где была взорвана последняя бомба. Канадские ВМФ признали несколько взрывов. Американский флот тоже не мог не участвовать.

Я удивленно смотрю на него.

– Да, трудно понять, зачем взрывать настоящие бомбы в морском Национальном парке Олимпик Коуст. Канадцы утверждают, что проверяли присутствие китов перед взрывами. Но как такое возможно:

мы слышали косаток в Фолджер Дип и Неа Бэй, а акустические приборы флота их обнаружить не смогли? Я требовал одной простой вещи – чтобы бомбы взрывали за пределами континентального шельфа. Ничего не изменилось.

Я снова смотрю на фотографии Л-112.

– Думаю, – продолжает Кен, – сброшенная с самолета бомба убила эту маленькую косатку. Для того чтобы так повредить косточки в ухе, взрыв должен был произойти на расстоянии около километра. – Он пускается в объяснения. – Когда приходит ударная волна, быстрое сжатие воздуха во внутренних полостях, таких как уши, создает сильное разряжение, и соседние кровеносные сосуды разрываются внутрь. Начинается кровотечение. На расстоянии нескольких сотен метров смертельное кровотечение может вызвать даже один военный сонар.

Если кровотечение не приводит к мгновенной смерти, то уши заполняются кровью, говорит Кен. Потом головная боль, потеря слуха или потеря сознания под водой – в любом случае животное обречено.

– Посмотри на эти снимки, где она плывет за матерью – здоровая, в хорошей физической форме... – Кен качает головой. – Мы так ждали, что маленькая самка вырастет и увеличит репродуктивный потенциал стада.

Другую самку, тридцатилетнюю Л-60, тоже вынесло на берег; синяки на горле и голове указывали на барометрическую травму. Снимок ее тела похож на фотографии из полиции с изображением сильно избитого человека. Вот вам и «находящийся под защитой» вид из списка животных, которым грозит уничтожение. База подводных лодок, база эсминцев, база противолодочной авиации – все это находится здесь, привлекая миллионные контракты от Министерства обороны в штат Вашингтон. И флот не собирается никуда уходить.

Вот фотография клювокрылого кита с налитыми кровью глазами. Двадцать или тридцать лет назад сотни тюленей с внутренними кровотечениями выбросило на берег недалеко отсюда. В результате военных маневров гибли и морские свиньи.

На этой неделе, пока я в гостях у Кена, приходит электронное письмо: «ВМФ США сообщает, что не будет учитывать единодушные рекомендации прибрежной комиссии Калифорнии по уменьшению вредного воздействия сонара на морских млекопитающих, которые

обитают на территории штата. ВМФ планирует существенно повысить использование опасного сонара и мощных бомб у побережья Южной Калифорнии во время маневров и испытаний. Предполагается, что подобные действия приведут к смерти сотен морских млекопитающих – и ранению тысяч других – в течение следующих пяти лет. Новые исследования показывают...» Совет по охране окружающей среды добивается прекращения этой деятельности или корректировки планов.

ВМФ проводит испытания на обоих побережьях. Много лет военные бросали бомбы на остров Вьекес рядом с Пуэрто-Рико, где живут люди, пока в конечном счете не убили человека и их не заставили убраться оттуда.

Так происходит во всем мире. И виноваты не только военные. В 2008 году к северо-востоку от Мадагаскара мощный сонар нефтедобывающей компании стал причиной массовой гибели китов, выбросившихся на берег. Люди хотят добывать больше нефти, проводить еще более масштабные маневры.

В 1996-м в результате маневров сил НАТО у берегов Греции группа клювокрылых китов выбросилась на берег. Это был первый документально подтвержденный инцидент гибели китов из-за военного сонара. Клювокрылые киты могут нырять очень глубоко. Обычно после всплытия они делают вдох, а затем несколько раз погружаются на небольшую глубину, чтобы избавиться от избытка растворенного в крови азота и избежать декомпрессионной болезни. Быстрый подъем в попытке убежать от невыносимо громкого сонара может вызвать закипание крови от пузырьков азота. Мы точно не знаем, что происходит. Но ясно одно: сонар убивает здоровых животных. Косаток. Клювокрылых китов. Малых полосатиков. Карликовых кашалотов. Дельфинов.

– Если синхронизировать несколько передатчиков для создания направленного луча, можно получить мощную ударную волну, которая способна преодолеть пятьдесят километров, почти не ослабевая, – объясняет мне Кен. – Это стандартный способ обнаружения подводных лодок. Им пользуются многие флоты мира.

По мнению Кена, мы находим меньше 1 % погибших китов. Он убежден, что каждый год погибают тысячи животных.

– Если во время маневров сбрасывают бомбу, в радиусе километра погибают все существа, внутри которых имеются воздушные полости. В радиусе десяти километров результатом становятся гематомы и, возможно, кровоизлияние в мозг. Когда здесь используют сонар, мы наблюдаем стресс и беспокойство у всех китов, а потом внезапно на берег выносит десятки мертвых морских свиной. Мы считаем, что это вина ВМФ, и говорим им об этом. Но они контролируют расследование и составляют отчеты. А потом пишут: «Доказательств нет». Обычно они не склонны брать на себя ответственность.

Тайные военные учения во всех морях и океанах свидетельствуют о том, что мы не можем доверять себе подобным. В марте 2000 года на Багамах несколько китов разных видов вынесло на берег прямо перед домом, где жил Кен. Неподалеку находились британские и американские корабли. На телевидении Майами в новостной передаче «60 минут» Кен заявил, что, по его мнению, в смерти животных виноват военно-морской флот. «Целый месяц они это отрицали. Ушли в глухую оборону». Но в конечном счете признались. «Мои флотские друзья смотрели на меня как на врага, – с некоторым разочарованием прибавляет Кен. – Очень жаль, потому что я патриот. Я служил в армии. Но я один из тех, кто предупреждает об опасности сонара, и поэтому...»

Киты умеют издавать звуки, но у них нет политического голоса. В этом смысле они похожи на коренное население, крестьян, бедных, а также на большинство из нас – тех, кто не имеет своего представительства, кого игнорируют богатые и сильные, но недалекие люди, которые не в состоянии понять, что они и так владеют слишком многим, что они политически едины, но оторваны от самих себя и от мира.

Что такое радость жизни? Это значит с удовольствием работать дни напролет, ощущать невероятную, ошеломляющую красоту мира, замирать от восхищения, сгорать от любопытства, быть исполненным благоговения и с изумлением повторять: «Почему я? Почему я?»

Наша ближайшая цель – найти и идентифицировать китов, разговоры которых мы слышали. На катере Кена мы направляемся в пролив Харо; погода быстро меняется – то осенний дождь, то солнце не желающего сдаваться лета. Две или три чайки следят за косатками сверху.

Вскоре примерно в миле от берега и прямо напротив дома Кена мы приближаемся к двум большим двухтонным косаткам. Такое впечатление, что мы попали внутрь черно-белого фильма: серая вода, серые холмы и черно-белые тела животных.

Нас окружают косатки из стада Л и стада К. Это хорошо. И Кен радуется. Он озорно улыбается и говорит:

– Если бы я не был вынужден жить на суше, то присоединился бы к ним. Плыть по течению. Рыба, семья...

Старая шутка. Он смеется. Но в каждой шутке есть доля правды.

Приблизительно пятьдесят косаток занимают гораздо большее пространство, чем мне казалось раньше. Они плывут на юг ровным строем и равномерно дышат, выныривая с легким плеском, снова погружаясь под воду и снова поднимаясь к поверхности.

Несмотря на кажущуюся непринужденность движений, невольно поражаешься их мощи. Они грациозны и легки, но массивное тело придает каждому движению ощущение рывка. И мне кажется почти невероятным, что они, древние хозяева моря, так нуждающиеся в сохранении всего, что мы у них отняли, еще не исчезли с лица земли. Я с трудом верю, что время и место нашего существования пересеклись. И я очень надеюсь, что они выживут.

Вскоре мы приближаемся к одному из самых любимых косатками мест охоты на лосося, Пайл-Пойнт. Приливные течения создают водовороты у мыса, которые привлекают лосося, а также косаток, питающихся лососем. Рыбакам это тоже известно.

Несколько косаток изгибают спины и уходят под воду. Там их внимание поглощено рыбой. Два других животных на высокой скорости плывут на поверхности, быстро меняя направление, – Кен называет этот маневр «акульим». Они увлечены погоней. Ближайшая косатка, прямо у нас за кормой, – это Л-92. А крупный самец с высоким волнистым спинным плавником – К-25. Он несколько раз бросается из стороны в сторону, разбрызгивая воду, – преследует одинокую рыбину. Потом ныряет. А когда внезапно появляется на поверхности, его размеры и мощь заставляют меня удивленно раскрыть глаза.

– Видишь, как они смещаются к берегу? – Кен объясняет мне происходящее. Косатки прижимают лосося к берегу, сбивая в кучу. – Им некуда торопиться. Они могут поймать около сотни рыб. Косатки

будут медленно теснить лосося, стараясь не вызвать панику, собирать в группы, выбирая одну для атаки, или охотиться на отдельных рыб, отбившихся от стаи. Просто теснят их. Такая тактика. Рано или поздно какая-нибудь рыба отстанет или отобьется от остальных. И ее поймают.

Мы описываем круги, чтобы Кен мог закончить сегодняшнюю регистрацию.

Это очень необычное ощущение – плыть среди косаток, занятых охотой. Я задумываюсь над словами Кена, который говорил, что хотел бы жить с ними. Наблюдая за косатками, я понимаю, до какой степени он с ними сроднился. Вместе с ними он ныряет в глубину своих знаний, своей уникальной жизни. По его словам, нас окружают К-22, К-25, К-37, Л-83, Л-116... Он знает, кто они. Знает, где они были. Знает, как они живут, потому что это и его жизнь. В этот момент они – его жизнь. А что касается нашего катера в самый разгар охоты, то Кен, я и косатки согласны, что нам нечего бояться. И я не боюсь. Опасаюсь только за свою камеру: с затянутого серыми тучами неба уже упали первые капли. Плыть среди ныряющих косаток абсолютно безопасно.

Кен наклоняется к телескопическому объективу, ловко управляясь с ним. Среди своих косаток он снова превращается – как всегда – в молодого человека с фотоаппаратом, жаждущего получше их узнать.

Опять повороты и брызги. Все действие происходит на глубине, в том мире, куда они с такой легкостью ускользают и куда мы не можем за ними последовать. Вот чего я боюсь. Не того, что они нападут на меня, а того, что они исчезнут.

– Ну вот, готово, – говорит Кен. – Фотография с рыбой в пасти – то, что нужно.

Мы продолжаем снимать. Эта работа может показаться скучной. Бесконечная идентификация, занесение в каталог, составление таблиц, ведение записей. Тем не менее это прекрасная работа, почти возвышенный поиск более глубокого понимания. И не только китов. Мира. Кто был здесь, рядом с нами? Этот вопрос помогает сохранению памяти. *Кто с нами здесь теперь?* На протяжении сорока лет Кен повторяет этот вопрос словно священную мантру. И ответы со временем пришли, а вместе с ними и мудрость. Но не просветление. Наши знания поверхностны. Кен может сфотографировать спины косаток, определить их возраст, посвятить все свои дни их изучению.

Но *они* остаются истинными хозяевами своей жизни, такой же естественной и загадочной, как задерживаемое дыхание. Мы нуждаемся в более близком знакомстве. Мы должны использовать редкую возможность узнать этих удивительных соседей, без которых мир был бы беднее.

Дождь усиливается, и окружающая нас вода словно вскипает от падающих с неба капель.

– Заканчиваем, – с сожалением говорит Кен. – Я испортил достаточно камер. Завтра будет новый день.

Убрав камеры, мы медлим. Наблюдаем. Вокруг нас черные плавники продолжают вырезать свои истории на серой поверхности моря. Я торопливо читаю эти письма, понимая, что скоро волны сотрут написанное, а копии у нас не сохранилось.

Эпилог. Последний штрих

Всякий, кто изучает диких животных, задается вопросом, в чем смысл его существования на Земле. Надеюсь, что для моей жизни есть достаточно веские причины.

Александра Мортон

Когда опыта общения с собаками и другими животными – а также людьми – у меня было меньше, я думал, что глупо называть собак «членами семьи» или других животных – «друзьями». Теперь я думаю, что глупо это отрицать. Я переоценивал верность и преданность людей и недооценивал интеллект и восприимчивость других животных. Мне кажется, сейчас я лучше понимаю и тех и других. Мы все обладаем разными талантами, но у нас много общего.

Все люди похожи и в то же время разные, и то же самое можно сказать о животных – они похожие и разные, а внутри одного вида каждая особь обладает индивидуальностью. Остается удивляться и радоваться, сколько видов способны преодолеть разделяющий нас барьер: сокол находит дичь для сокольника, собака ищет общества человека, слон охраняет заблудившуюся женщину, косатка игриво толкает катер, но едва касается байдарки.

Разные виды животных можно сравнить с людьми, которые вместе учились в старших классах школы, но потом каждый пошел своим путем. Много общего. Общие корни. И связь, возможно, забытая. Внутри мы очень похожи. Четыре конечности, одинаковые органы, общее происхождение, долгая общая история. И от первого до последнего вздоха мы стремимся к одному и тому же: жить, воспитывать детей, найти место для жизни, избежать опасностей, максимально реализовать свои возможности, использовать невероятный шанс пребывания в этом мире.

Почти все люди, изучающие поведение других животных, оправдывают свой интерес тем, что это помогает им понять людей. Совершенно верно. Но гораздо важнее, что это помогает понять других животных. Мы постоянно слышим статистику, отражающую

состояние «природы»: погибло 60 % животных, осталось 15 % популяции, сохранилось три тысячи особей вида, которому грозит вымирание. Здесь исчезновение нашего мира представлено последовательностью чисел.

Каждый в состоянии прочесть, *сколько* мы теряем. Всем животным, которых родители рисуют на стенах детской или которых можно увидеть на изображениях Ноева ковчега, грозит смертельная опасность. Для них потоп – это мы. Я пытался показать, как другие животные воспринимают жизнь, за которую они так упорно и отчаянно борются. Я хотел понять, *кто* эти существа, чтобы мы могли почувствовать всем сердцем, почему они должны жить.

Стремление понять других существ – это не мода. Непонимание ускорит их гибель и банкротство нашего мира. А если мы будем относиться к животным так, как они заслуживают, наша жестокость в отношении людей станет еще заметнее. Тогда мы сможем направить свое внимание на следующий этап, после человеческой цивилизации: *гуманную* цивилизацию. Справедливую для всех.

Некоторые из моих самых близких друзей – люди. Без них я ничего бы не добился. Беда в том, что на одну балерину приходится тысяча солдат. Да, люди способны к творчеству и состраданию. Но также к разрушению и жестокости. Дело в том, что мы не стараемся. Не показываем себе и миру, кем мы могли бы быть.

Посмотрим, что будет в последнем акте: триумф человеческого интеллекта или катастрофа. Мы чувствуем красоту. У нас появляются идеи, и мы способны выразить их уникальными творческими методами. Мы можем эксплуатировать слабых или – по крайней мере, я на это надеюсь – помогать им. Но самое прекрасное в нашем разуме – редкие моменты триумфа, когда мы выходим за пределы разума, видим себя не в зеркале, а издалека. Мы видим вселенную глазами человека. Гораздо труднее взглянуть на себя и свою жизнь со стороны, а затем осознать увиденное. В противном случае итог может быть самым печальным: от мира, который нужно завоевывать, почти ничего не останется.

Мы видим наш дом издалека и восклицаем: «Смотри, какое чудо!» А затем возвращаемся к своим делам. Но восхищаться чудом можно ежедневно – для этого нужна лишь широта взгляда. Лучшая утренняя молитва – это радость, что у нас есть возможность начать новый день,

оглянуться вокруг и попытаться понять, кто еще радуется этому миру рядом с нами.

Сравнивая их и себя, мы становимся ближе. Самое главное – понять, что все живое едино. Мир спасут не расчеты, а сострадание. Я хочу, чтобы это поняли все. И иногда мне кажется, что косатки и слоны – одни из немногих, кто это понимает.

Библиография

Altenmüller, E., S. Schmidt, and E. Zimmermann. 2013. *The Evolution of Emotional Communication*. Oxford: Oxford University Press.

Au, W.W.L. 1993. *The Sonar of Dolphins*. New York: Springer.

Bearzi, M., and Stanford, C. B. 2008. *Beautiful Minds: The Parallel Lives of Great Apes and Dolphins*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Bigg, M. A., et al. 1987. *Killer Whales: A Study of Their Identification, Genealogy, and Natural History in British Columbia and Washington State*. Nanaimo, BC: Phantom Press.

Burger, J. 2002. *The Parrot Who Owns Me: The Story of a Relationship*. New York: Villard Books.

de Waal, F. 2013. *The Bonobo and the Atheist: In Search of Humanism Among the Primates*. New York: Norton.

de Waal, F. 2006. *Primates and Philosophers: How Morality Evolved*. New Jersey: Princeton University Press.

Diamond, J. 1991. *The Rise and Fall of the Third Chimpanzee: How Our Animal Heritage Affects the Way We Live*. New York: Vintage Books.

Douglas-Hamilton, I., and O. Douglas-Hamilton. 1975. *Among the Elephants*. New York: Viking Books.

Ford, J.K.B., and G. M. Ellis. 1999. *Transients: Mammal-Hunting Killer Whales of British Columbia, Washington, and Southeastern Alaska*. Seattle: University of Washington Press.

Ford, J.K.B., G. M. Ellis, and K. C. Balcomb. 1994. *Killer Whales*. UBC Press and University of Washington Press.

Herzing, Denise L. 2011. *Dolphin Diaries: My Twenty-five Years with Spotted Dolphins in the Bahamas*. New York: St. Martin's.

Hoyt, Erich. 1981. *Orca: The Whale Called Killer*. New York: Dutton.

Koch, C. 2012. *Consciousness: Confessions of a Romantic Reductionist*. Cambridge, MA: MIT Press.

Mann, J., R. C. Connor, P. L. Tyack, and H. Whitehead. 2000. *Cetacean Societies: Field Studies of Dolphins and Whales*. Chicago: University of Chicago Press.

Morton, Alexandra. 2004. *Listening to Whales*. New York: Ballantine Books.

Moss, C., and M. Colbeck. 1993. *Echo of the Elephants: The Story of an Elephant Family*. New York: William Morrow.

Moss, C. J. 2000. *Elephant Memories: Thirteen Years in the Life of an Elephant Family*. Chicago: University of Chicago Press.

Moss, C. J., H. Croze, and P. Lee, eds. 2011. *The Amboseli Elephants: A Long-Term Perspective on a Long-Lived Mammal*. Chicago: University of Chicago Press.

Moussaieff Masson, J. and S. McCarthy. 1996. *When Elephants Weep: The Emotional Lives of Animals*. New York: Delta.

Parfit, M., and S. Chisholm. 2013. *The Lost Whale: The True Story of an Orca Named Luna*. New York: St. Martin's Press.

Pearson, H. C., and D. E. Shelton. 2010. «A Large-Brained Social Animal.» In *The Dusky Dolphin*, edited by B. Würsig and M. Würsig. London: Elsevier.

Poole, J. 1997. *Coming of Age with Elephants: A Memoir*. New York: Voyageur Press.

Reiss, D. 2011. *The Dolphin in the Mirror: Exploring Dolphin Minds and Saving Dolphin Lives*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.

Smith, D. W., and G. Ferguson. 2005. *Decade of the Wolf: Returning the Wild to Yellowstone*. Guilford, CT: Lyons Press.

Tyack, P. L. 1999. In *Biology of Marine Mammals*, edited by J. E. Reynolds III and S. A. Rommel. Washington, DC: Smithsonian.

Vaillant, J. 2011. *The Tiger: A True Story of Vengeance and Survival*. New York: Vintage Departures.

Walker, J. F. 2009. *Ivory's Ghosts: The White Gold of History and the Fate of Elephants*. New York: Atlantic Monthly Press.

Благодарности

Нет нужды говорить, что любого перечисления добрых людей, которые помогли мне написать эту книгу, все равно будет недостаточно. Но я попытаюсь. В Калифорнийском заливе, окруженный своими дельфинами, я читал о травмированных слонах и задал себе вопрос, ответ на который и лег в основу этой книги. За эту плодотворную идею я благодарен Гаю Брэдшоу и Бретту Дженксу из RARE Conservation. Неоценимую помощь в понимании слонов мне оказали Синтия Мосс, Иэн Дуглас-Гамильтон и особенно Вики Фишлок, а также Катито Сайялел, Дэвид Долабен, Дафни Шелдрик, Эдвин Льюсичи, Джулиус Шивега, Гилберт Сабинга, Фрэнк Поуп, Шифра Голденберг, Джордж Уиттмайер, Люси Кинг, Аик Леонард, Сойла Сайялел и Джозеф Солтис. Я также благодарю Эндрю Добсона, Катаржину Новак и Джона Хемингуэя, которые помогали нам не отвлекаться. Широкую перспективу обеспечивали Джефф Эндрюс, Отто Фад, Дайана Донохью, Джуди С. Леджер и Рэй Райан. Я благодарю Джин Хартли за превосходную логистику моего путешествия в Кению. В Йеллоустонском парке я хочу поблагодарить неповторимого Рика Макинтайра, а также необычайно преданных своему делу Лори Лайман, Дага Маклафлина и Дага Смита – за наблюдения, откровения и истории, которые вошли в раздел о волках. Я также благодарю Шона Джонса за ценные советы и Службу национальных парков США, которая, несмотря на недостаток средств, делает все, что в ее силах. За возможность познакомиться с косатками я благодарю Кена Балкома, Дэйва Эллифрита, Кэти Бабиак, Боба Питмена, Джона Дурбана, Нэнси Блэк и Александру Мортон. За знания и опыт благодарю Дайану Рейсс, Хейди К. Пирсон, Дайану Доран-Шихи, а также Кайла Хансона, чья раненая ворона кормила живущих на свободе сородичей, и Кристал Поссел, хозяйку скорбевшей бородатой агамы, и Дерека Крейгхеда, изучающего воронов.

Подумайте, пожалуйста, о том, чтобы помочь таким организациям, как Save the Elephants, Amboseli Trust for Elephants, Big Life Foundation, David Sheldrick Wildlife Trust, Yellowstone Park

Foundation или Center for Whale Research, которые находятся на переднем крае борьбы за сохранение этих животных.

Что касается редакторской работы, то я хотел бы поблагодарить несравненных Джека Макрая, Джин Наггар, Дженнифер Велц и Бонни Томпсон, моих опытных и верных партнеров. Спасибо Джону Энгьеру, Патрише Райт, Синтии Татхилл, Джоанне Бергер, Майку Гочфилду, Маргарет Коновер, Рейчел Грузен, Тому Миттаку и проницательному Полу Гринбергу, которые читали мои черновики и делились замечаниями. Мне также хотелось бы отдать дань памяти Питеру Маттиссену, который вдохновлял и поддерживал меня столько лет.

За материальную поддержку благодарю Джули Паккард, семью Гилкрайск, Эндрю Сейбина, Энн Хантер-Велборн и ее семью, Сьюзен О'Коннор, Роя О'Коннора, Роберта Кэмпбелла, Бето Бедолфа, Гленду Менджес и всех остальных, которые предпочли остаться анонимными. Я очень ценю время и внимание, которое уделили мне Эрик Грэхем, Свен Олоф Линдبلاد, Джефф Риццо, Ричард Риган, Райнер Джадд, Говард Феррен, Эрдрю Ривкин и Пол Винтер. Я хочу поблагодарить мой университет и Хоуи Шнайдера, Элизабет Басс, Мингуа Чанг, Стефани Мазуччи, Дебору Лоуэн-Кляйн, Декстера Бейли и Дэвида Коновера. Нашу работу обеспечивали Джесси Брускини, Майра Марино, Меган Смит и Элизабет Браун. За помощь в поиске информации о животных я благодарю Джона Тандаро, Джона и Нэнси Дебелл, Питера Освальда, Дэниела Густафсона и мою дочь Александру.

Я благодарю свою жену, Патришу Пэладайнс, в которой давно нашел родственную душу, – она делит со мной жизнь, наблюдает за соколами, спасает мечехвостов, запирает на ночь кур и всех кормит. Не знаю, что она во мне нашла: как я уже говорил, я не умею читать мысли.

И конечно, я благодарю Чулу, Джуда, Розочку, Кейна, Велкро, Эми, Мэддокс, Кензи и многих других, больших и маленьких, домашних и диких – всех, кто открыл мне глаза. Всем, от собак и мохнатых сирот в нашей гостиной и во дворе до больших колоний морских птиц в самых дальних краях, до огромных рыб, черепах и китов в глубоких, безбрежных океанах, до соколов в осеннем небе и певчих птиц в весеннем лесу, – тем, кто появлялся на этих страницах и всем остальным я приношу свою благодарность за красоту,

благородство, любовь, радость, страдания, грязь и неразбериху, которые они внесли в мою жизнь. Другими словами, за то, что сделали ее настоящей.

Спасибо всем.

notes

Примечания

1

Перевод В. Кондракова.

Этоло́гия – полевая дисциплина зоологии, изучающая генетически обусловленное поведение (инстинкты) животных. Термин ввел в 1859 г. французский зоолог Изидор Жоффруа Сент-Илер. (Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, – примеч. пер.)

Эрик Ричард Кандел – американский психиатр, нейробиолог и профессор биохимии (Центр нейробиологии и поведения, Колумбийский университет, Нью-Йорк, США). В 2000 г. стал лауреатом Нобелевской премии по физиологии и медицине (совместно с Арвидом Карлссоном и Полом Грингардом) за открытия, связанные с передачей сигналов в нервной системе, и в частности за открытие молекулярных механизмов работы синапсов, лежащих в основе формирования кратковременной и долговременной памяти.

Майкл Поллан – известный американский публицист, пропагандист здорового питания и преподаватель журналистики в Высшей школе журналистики Калифорнийского университета в Беркли.

Импринтинг (от *англ.* imprint – оставлять след, запечатлевать, отмечать) – в этологии и психологии специфическая форма обучения; закрепление в памяти признаков объектов внешнего мира при формировании или коррекции врожденных поведенческих актов. Происходит в строго определенный период жизни (обычно в детском и подростковом возрасте), имеет необратимые последствия.

Валери Джейн Моррис Гудолл – посол мира ООН, английский приматолог, этолог и антрополог, командор Ордена Британской империи. Широко известна благодаря своему более чем 45-летнему изучению социальной жизни шимпанзе в Национальном парке Гомбе-Стрим в Танзании. Основатель международного Института Джейн Гудолл.

Кэйтрин Никол Кейпер – исполнительный редактор журнала Philanthropy. (Примеч. ред.)

Провенанс – история владения художественным произведением, предметом антиквариата, его происхождение.

C. elegans – первый многоклеточный организм, чей геном был полностью секвенирован. Полная последовательность была опубликована в 1998-м, однако в ней оставались небольшие пробелы (последний был закрыт в октябре 2002 г.). Геном *C. elegans* имеет длину приблизительно 100 миллионов пар оснований и содержит приблизительно 20 000 генов. Большинство этих генов кодирует белки, но, вероятно, среди них есть примерно 1000 генов РНК. Широко используется как модельный организм в исследованиях по генетике, нейрофизиологии, биологии развития, вычислительной биологии. У *C. elegans* два пола: самцы (X0) и гермафродиты (XX), изначально являющиеся самками, приобретающими способность к сперматогенезу.

До недавнего времени тема «Количество нейронов в мозге человека» оставалась решенной и достаточно исследованной. Ученые считали, что мозг насчитывает около 100 миллиардов нейронов, эта информация была описана многими научными деятелями. Доказательства того, что их в действительности меньше, предоставила бразильский невролог Сюзанна Херкулано-Хоузес. Ее исследования показали, что их количество – 86 млрд. (*Примеч. ред.*)

Перевод Г. Кружкова.

Представляют собой изолированные популяции *саванных слонов*, обитающие в пустынях на северо-западе Намибии в области Кунене, где расположен Берег Скелетов, а также на территории Мали.

На языке урду это слово означает «опьянение».

Даймонд Джаред М. Третий шимпанзе. Перевод Д. Бабейкина.

Беседковые птицы, или птицы-шалашники (*лат. Ptilonorhynchidae*), – небольшие, размером с сойку, невзрачные птицы семейства воробьиных, обитающие в Австралии, Новой Гвинее и Океании. Большинство видов – полигамы. На землю спускаются только во время тока. Токующие самцы сооружают на земле в начале периода размножения своеобразные шалаши из веток и украшают площадку вокруг них различными цветными предметами: цветами, ракушками, блестящими на солнце. Чем красивее получится, тем больше шансов у самца добиться самки. Никакого отношения к гнездам эти шалаши не имеют – это место только для спаривания. Гнезда же устраиваются на деревьях, в них бывает 1–3 яйца, которые насиживает обычно самка.

Шубин Нил. Внутренняя рыба. История человеческого тела с древнейших времен до наших дней. Перевод П. Петрова.

Адамсон Джой. Рожденная свободной. Перевод Л. Жданова. Супруги Джой и Джордж Адамсоны – всемирно известные исследователи Африки, защитники диких животных.

«Безмолвная весна» – научно-популярная книга биолога Р. Карсон (1962), выход которой дал толчок экологическому движению в США. В ней проанализированы случаи гибели флоры и фауны в местах использования гербицидов и инсектицидов, особенно препарата ДДТ. Несмотря на поток критики, инспирированной химическими корпорациями, книга получила широкую поддержку общественности, и ее публикация привела к принятию Конгрессом США законов о запрете применения препарата ДДТ.

Второй по величине остров принадлежащего США архипелага Сан-Хуан у северо-западного побережья штата Вашингтон.

Остров в Атлантическом океане, владение США; расположен у юго-восточного побережья штатов Нью-Йорк и Коннектикут.

Маддалена Беарци – президент и сооснователь Общества Ocean Conservation Society, базирующегося в Марина дель Рей (Калифорния, США).

Виверры (лат. Viverra), или циветы, – род хищных млекопитающих из семейства виверровых. Обитают в субтропических и тропических странах Африки и Азии.

Индри – крупнейшие ныне живущие лемуры – обитают на северо-востоке Мадагаскара.

Канада, Британская Колумбия.

Вольтер. Надо сделать выбор, или Принцип действия. Перевод
Н. Штейнман-Топштейн.

Американский джазовый саксофонист и композитор. Один из самых влиятельных джазовых музыкантов второй половины XX в., тенор- и сопрано-саксофонист, бэнд-лидер.

«Всевышняя любовь» (англ.).

Этот звук настолько характерен, что для его обозначения в английском языке существует особое звукоподражательное слово – *chuttering*, – а словарь предлагает единственный вариант значения: «сигнал опасности, который при виде змеи издают верветки».

Фонд дикой природы Дэвида Шелдрика был основан в 1977 г. в качестве приюта-лечебницы по спасению слонов и носорогов. В это время в Кении участились случаи хищнического истребления этих животных браконьерами. В рамках реабилитационной программы раненых животных и молодняк выхаживают, а затем снова выпускают на волю. Многие особи направляются сюда на реабилитацию из различных заповедников Кении. Все желающие могут познакомиться с условиями содержания животных и понаблюдать за ними вблизи.

Закон о распределении земли (закон Дауэса) – принят в 1887 г. по инициативе комиссии Дауэса с последующими важными поправками. Регулировал передачу земель резерваций, находящихся в общинной собственности, в индивидуальную собственность. За период действия закона из 138 млн акров, находившихся в общинном владении индейцев, осталось 48 млн акров.

Камба – народ группы банту, третий по численности народ Кении. Численность 3,8 млн человек. Около 60 % христиане (в основном протестанты), остальные придерживаются традиционных верований. Земледельцы и скотоводы. Часть камба уходит на заработки в города.

Пирамидальные, или пирамидные, нейроны – основные возбудительные нейроны мозга млекопитающих. Также обнаружены у рыб, птиц, рептилий. Впервые исследованы и описаны Рамон-и-Кахалем. В кортикальных структурах млекопитающих – кора мозга, гиппокамп, миндалевидное тело – представляют наиболее многочисленную популяцию возбудительных нейронов.

В 1972 г. братья Митчеллы специально использовали этот слоган для рекламы своего фильма «За зеленой дверью», главную роль в котором играла Мэрилин Чамберс, до съемок – «лицо» мыла «Айвори». Это единственный порнографический фильм, представленный на Каннском фестивале, прошедший по широким экранам с ошеломляющим кассовым успехом.

Чалби – глинисто-солончаковая пустыня в Африке, расположенная в северной части Кении, к востоку от озера Туркана. Название пустыни на языке габбра означает «голый и соленый». Это самый засушливый и жаркий регион Кении. Пустыня образовалась в котловине высохшего древнего озера. Наблюдаются миражи.

Странствующий голубь – полностью истребленный вид семейства голубиных, некогда самый многочисленный в Северной Америке, а возможно, и в мире. Охота на странствующих голубей велась еще индейцами, однако с приходом европейцев она усилилась. Голубиное мясо продавалось в качестве дешевой пищи, в результате чего отлов и убой буквально за несколько десятилетий выросли до катастрофических масштабов. Последний странствующий голубь умер 1 сентября 1914 г. в зоопарке Цинциннати.

«Кровавыми (конфликтными) алмазами» называют алмазы, добытые на территории боевых действий. Деньги от их продажи идут на финансирование повстанческого движения, оккупационной армии или деятельности полевых командиров. Термин, как правило, применяется в отношении Африки, на которую приходится две трети мировой добычи алмазов.

Джозеф Кони (1961) – предводитель Господней армии сопротивления, стремящийся создать в Уганде теократическое государство, основанное на Десяти заповедях. Возглавил восстание против правительства Уганды в 1987 г. Обвиняется в систематических заказных похищениях несовершеннолетних для нужд армии и сети детской проституции. Международный уголовный суд в 2005 г. признал Кони виновным в военных преступлениях и преступлениях против человечества и выдал ордер на его арест. Скрывается от правосудия.

Джанджавид (от *араб.* «джинн на коне») – арабское проправительственное ополчение в Судане, заявившее о себе в 2003 г. во время конфликта в Дарфуре между светлокожими местными арабами и темнокожим коренным населением. Было образовано в знак поддержки регулярной армии Судана в борьбе с повстанцами из «Армии освобождения Судана» и «Движения за справедливость и равенство», но в итоге их действия вылились в карательные акции против мирного населения.

Харакат аш-Шабаб аль-Муджахидин (Молодежное движение моджахедов) – молодежная террористическая группировка сомалийских исламистов, основанная в 2004 г. с целью ведения джихада против «врагов ислама» на территории Сомали и за пределами государства.

Конвенция СИТЕС была подписана 3 марта 1973 г. в Вашингтоне во время встречи представителей 80 стран и вступила в силу 1 июля 1975 г. после ратификации ее 10-м по счету государством. К августу 2006 г. участниками соглашения считались 169 государств. Россия стала участницей Конвенции в 1992 г. как правопреемник СССР, присоединившегося к этому документу в 1976 г.

Перевод С. Маршака.

Журнал «Лайф», 22 декабря 1967 г.

Четвертая по величине карликовая планета Солнечной системы.

Бханг – психотропное средство, получаемое из мужских и опыленных женских растений индийской конопли. (*Примеч. ред.*)

Я чувствую себя прекрасной (*англ.*).

Плейстоцен – эпоха четвертичного периода кайнозойской эры геологического летоисчисления Земли, начавшаяся более 2 млн лет тому назад. В эту эпоху эволюционировали многие живущие сегодня млекопитающие, в том числе и человек. Периодические похолодания климата приводили к обширному оледенению в Северном полушарии, что делает плейстоцен известным ледниковым периодом в истории Земли. Он предшествовал современной эпохе, голоцену, которая сменила его около 8000 лет до н. э.

Национальный парк Долина Смерти расположен к востоку от горного хребта Сьерра-Невада в штате Калифорния, США, а также в небольшом анклав в штате Невада.

Национальный парк Денáли – американский биосферный заповедник, расположенный в самом центре Аляски.

В 1971 г. решением Верховного суда США Али был полностью оправдан и восстановлен во всех правах. По возвращении в спорт вернул себе звание чемпиона мира в борьбе с лучшими боксерами «золотой эры бокса».

Концепция гандикапа – гипотеза, согласно которой информацию о качестве генома самца могут нести вредные для выживаемости особи признаки. Ее сформулировал Амоц Захави в 1975 г. Так, размер хвоста павлина является мерой качества его генома, поскольку с длинным хвостом сложно улетать от хищников и только очень высоко приспособленный самец (с хорошими генами) сможет с большим хвостом дожить до момента размножения. Точно так же яркая окраска оперения и громкие песни самцов птиц делают их более заметными для хищников. (Примеч. ред.)

Волчата-сосунки до 4–6 недель питаются только материнским молоком, но потом остальные члены стаи, матерые волки и годовики-переварки, которые могут охотиться, прикармливают их частично переваренным мясом, которое отгрыгивают. *(Примеч. пер.)*

В Йеллоустонском национальном парке волчьи стаи получают названия по территориальному признаку, потому что, как правило, стая ведет оседлый образ жизни на определенной территории размером от 33 до 6500 км², хотя бывают и исключения, например вечно кочевавшая с места на место стая Друидов.

Экспедиция Льюиса и Кларка (1804–1806) – первая сухопутная экспедиция через территорию США из Сент-Луиса к Тихоокеанскому побережью и обратно под руководством Мериуэзера Льюиса и Уильяма Кларка.

Современная территория США за вычетом Аляски, Гавайев и Островных территорий США. Иногда ее называют «Нижние 48 штатов» или «Смежные штаты».

Волчье дерби – командные соревнования по отстрелу волков и койотов, проводились в г. Салмон, штат Айдахо, в 2014 г.

Уоллес Эрл Стегнер (1909–1993) – американский историк, писатель, преподаватель и активный борец за охрану окружающей среды. Лауреат Пулитцеровской премии (1972) и Национальной книжной премии США (1977). Преподавал в Висконсинском, Гарвардском и Стэнфордском университетах. Писал как художественные, так и научно-популярные произведения, в которых воспевал красоту природы американского Запада и призывал к защите окружающей среды.

Хемингуэй Э. Зеленые холмы Африки. Перевод Н. Волжиной,
В. Хинкиса.

Альберта – пограничная с США провинция на западе Канады.

Альдо Леопольд (1887–1948) – американский писатель, ученый, эколог, лесничий, профессор Университета Висконсина. Оказал огромное влияние на развитие современных представлений об экологической этике. Активно участвовал в движении за сохранение дикой природы. Считается одним из основателей науки о природопользовании. Умер от сердечного приступа, участвуя в тушении лесного пожара на участке своего соседа по ферме.

Робинсон Джефферс. Кровавый князь. Перевод В. Постникова.

Оджибве (иначе сото или чиппева) – индейский народ алгонкинской языковой семьи. Расселен в резервациях в США, в штатах Мичиган, Висконсин, Миннесота, Северная Дакота, Монтана, и в Канаде, в провинциях Онтарио, Манитоба, Саскачеван, Альберта и Британская Колумбия. Численность – около 360 тыс. чел.: свыше 205 тыс. чел. в Канаде, свыше 150 тыс. чел. – в США. Один из самых крупных индейских народов в Северной Америке, по численности примерно равен кри и уступает чероки и навахо.

Б. Спиноза. Этика. Перевод Н. А. Иванцова.

Вейллант Джон. Тигр. История мести и спасения. Перевод Яны Рапиной.

Автор не совсем точен. Волков кормил лично Один, бросая им со своего стола еду, которую, как известно, вообще не брал в рот:

«Жадного Гери
и Фреки-прожору
кормит Родитель Ратей;
но к войнам привыкший,
оружием славный,
жив Один вином – и только».

*Старшая Эдда. Речи Гримнира, ст. 19. Перевод
В. Г. Тихомирова.*

Можно посмотреть, зайдя по ссылке:
<https://youtu.be/TtmLVP0HvDg> (*Примеч. автора.*)

Плавающий на спине калан кладет камень на брюхо и бьет по нему моллюском со скоростью около трех ударов в секунду до тех пор, пока моллюск не откроется. Один и тот же камень используется многократно и хранится в складке-кармане шкуры под левой передней лапой. Вес камня достигает 3,5 кг, а масса калана – от 22 до 45 кг.

Болотная птица семейства цаплевых.

В поисковую строку надо вбить: «green heron catching fish».

Коэффициент энцефализации – мера относительного размера мозга, определяющаяся как отношение фактической массы мозга к средней прогнозируемой массе тела для млекопитающего данного размера. Призван приблизительно характеризовать развитость интеллекта животного, часто используется исследователями в такой научной области, как когнитивная этология.

Цихлиды, или цихловые, – семейство лучеперых рыб из отряда окунеобразных.

Борги – в сериале «Звездный путь» раса киборгов, которая ассимилирует другие расы и присоединяет их к своему коллективному разуму. (Примеч. ред.)

Altenmüller et al. Evolution of Emotional Intelligence. P. 116–117.
(Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, – примеч. автора.)

Я благодарен Лори Лайман за личную переписку и ее вклад в Журнал Йеллоустонского парка, где рассказывается о таких случаях.

Gwynne S. C. *Empire of the Summer Moon*. New York: Scribner, 2011. C. 176.

Zimmer C. From Fearsome Predator to Man's Best Friend. New York Times, 2013, May 16.

Hare B. and Tomasello M. Human-like Social Skills in Dogs? Trends in Cognitive Sciences, 9(9). P. 439–444.

Bolk, L. 1926. *Das Problem der Menschwerdung* [The Problem of Human Development]. Jena: Gustav Fischer. Quoted in Fuerle, R.D. 2008. *Erectus Walks Amongst Us*. New York: Spooner Press.

Личная беседа с Наоми Ангофф Чедд, 2014.

Premack, D., and G. Woodruff, G. «Does the Chimpanzee Have a Theory of Mind?» Behavioral and Brain Sciences 1(04): 515–526.

Petterra, M., et al. 2009. «Can Dogs (*Canis familiaris*) Detect Human Deception?» *Behavioural Processes* 82(2): 109–118.

Сэр Эрнест Генри Шеклтон – англо-ирландский исследователь Антарктики. Участник четырех антарктических экспедиций, три из которых он возглавлял. (Примеч. ред.)

Перевод М. Литвиновой. (*Примеч. ред.*)

Помаканты, или рыбы-ангелы (лат. *Pomacanthus*), – род тропических морских рыб из семейства рыб-ангелов (Pomacanthidae). (Примеч. ред.)

Holekamp, K. E., et al. Social Intelligence in the Spotted Hyena (*Crocuta crocuta*). *Transactions of the Royal Society B – Biological Sciences* 362(1480), 2007: 523–538.

Nichols, S., and S. Stich. 2005. «Reading One's Own Mind: A Cognitive Theory of Self-Awareness.» In *New Essays in Philosophy of Language and Mind*, edited by M. Ezcurdia, R. Stainton, and C. Viger, 297–339. Canada: University of Calgary Press.

Перевод Ф. А. Петровского. (*Примеч. ред.*)

Christine M. Korsgaard: «Morality and the Distinctiveness of Human Action» in de Waal, *Primates and Philosophers*, 114.

Ramachandran, V. November 2009. «The Neurons That Shaped Civilization.» TED.com.

Moussaieff and McCarthy, *When Elephants Weep*, pp. 82–83.

Brown, J. 2010. *Writers on the Spectrum: How Autism and Asperger Syndrome Have Influenced Literary Writing*. London: Jessica Kingsley.
См. также: Prince-Hughes, D. 1987. *Songs of the Gorilla Nation: My Journey Through Autism*. New York: Harmony, c. 135.

Финв́ал, или сельдяной кит, или обыкновенный полосатик (*лат. Balaenoptera physalus*), – вид китов из семейства полосатиковых, близкий родственник синего кита. (*Примеч. пер.*)

Morell V. When the Bat Sings. *Science* 344(6190), 2014: 1334–1337.

Pitman, R. L., et al. 2001. «Killer Whale Predation on Sperm Whales: Observations and Implications.» *Marine Mammal Science* 17(3): 494–507.

Интервью с доном Пачико можно посмотреть онлайн в эпизоде «Destination Baja» сериала PBS, Saving the Ocean with Carl Safina, на PBS.org.

«Turtle Vocalizations as the First Evidence of Posthatching Parental Care in Chelonians». *Journal of Comparative Psychology* 127(1): 24–32. See also Ferrara, C. R., et al. 2014. «Sound Communication and Social Behavior in an Amazonian River Turtle (*Podocnemis Expansa*)». *Herpetologica* 70(2): 149–156.

Verdolin, J. L., and J. Harper. 2013. «Are Shy Individuals Less Behaviorally Variable? Insights from a Captive Population of Mouse Lemurs.» *Primates* 54(4): 309–314.

Личная беседа с профессорами Питером и Джуди Вейс.

Беседа Джона Дюрана с автором. Ford and Ellis, Transients. P. 87.